

ВЕСТНИК

МГИМО—УНИВЕРСИТЕТА

№5(26) 2012
Москва

Главный редактор:

Торкунов А. В. — академик РАН ректор МГИМО(У) МИД России.

Заместитель главного редактора:

Подберезкин А. И. — доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО(У) МИД России.

Редакционный совет

Торкунов А. В. — ректор МГИМО(У) МИД России, главный редактор журнала "Вестник МГИМО-Университета", академик РАН.

Артизов А. Н. — руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации, доктор исторических наук.

Богатуров А. Д. — доктор политических наук, профессор.

Дынкин А. А. — директор ИМЭМО РАН, академик РАН.

Кокошин А. А. — первый заместитель председателя комитета Государственной Думы по науке и наукоемким технологиям, академик РАН.

Лавров С. В. — министр иностранных дел Российской Федерации.

Лукин В. П. — уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, член-корреспондент РАЕН, профессор.

Миронов С. М. — руководитель фракции "Справедливая Россия" Государственной Думы Российской Федерации VI созыва.

Нарышкин С. Е. — председатель Государственной Думы Российской Федерации VI созыва.

Пивоваров Ю. С. — директор ИНИОН РАН, академик РАН.

Подберезкин А. И. — проректор по научной работе МГИМО(У) МИД России, заместитель главного редактора журнала, доктор исторических наук, профессор.

Примаков Е. М. — академик РАН.

Приходько С. Э. — первый заместитель Руководителя Аппарата Правительства Российской Федерации.

Рогов С. М. — директор Института США и Канады РАН, академик РАН.

Серегин А. В. — ответственный секретарь Бюро редакционно-издательского совета МГИМО(У) МИД России.

Сирош И. И. — помощник Руководителя Администрации Президента Российской Федерации.

Степашин С. В. — председатель Счетной палаты Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Титаренко М. Л. — директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН.

Чубарьян А. О. — директор Института всеобщей истории РАН, академик РАН.

Научный совет:

Алексеева Т. А. — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической теории МГИМО(У) МИД России.

Булатов Ю. А. — доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений МГИМО(У) МИД России.

Воскресенский А. Д. — доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии МГИМО(У) МИД России.

Гладков Г. И. — кандидат педагогических наук, профессор, начальник управления языковой подготовки и Болонского процесса МГИМО(У) МИД России.

Енгибарян Р. В. — директор Международного института управления, доктор юридических наук, профессор.

Ильин М. В. — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России.

Кириллов В. Б. — кандидат исторических наук, доцент, проректор по учебной работе МГИМО(У) МИД России.

Кравченко С. А. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД России.

Легойда В. Р. — кандидат политических наук, доцент кафедры международной журналистики, главный редактор журнала "Фома", председатель Синодального информационного отдела Московского патриархата.

Наринский М. М. — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России.

Ноздрева Р. Б. — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой менеджмента, маркетинга и коммерции МГИМО(У) МИД России.

Орлов А. А. — кандидат исторических наук, директор Института международных исследований МГИМО(У) МИД России.

Платонова И. Н. — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой МЭО и ВЭС МГИМО(У) МИД России.

Салыгин В. И. — доктор технических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО(У) МИД России.

Скворцов Я. Л. — кандидат социологических наук, доцент, декан факультета международной журналистики МГИМО(У) МИД России.

Толстомятенко Г. П. — доктор юридических наук, профессор, декан международно-правового факультета МГИМО(У) МИД России.

Уколова В. И. — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России.

Энтин М. Л. — доктор юридических наук, профессор.

Юлдашев Р. Т. — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой управления рисками и страхования МГИМО(У) МИД России.

Редколлегия:

Мунтян М.А. — шеф-редактор редакции, доктор исторических наук, профессор.

Большова Н.Н. — кандидат политических наук, начальник Управления научной политики.

Вишняков Я.В. — кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории.

Иванов Н.В. — доктор филологических наук, профессор кафедры романских языков.

Коннов В.И. — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии.

Кравченко С.А. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии.

Мальгин А.В. — кандидат политических наук, проректор по общим вопросам.

Малиновский А.А. — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики.

Мягков М.Ю. — доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории.

Ручкин Г.Р. — директор издательства «МГИМО-Университет».

Свищев А.В. — кандидат экономических наук, доцент, декан факультета прикладной экономики и коммерции.

Столбов М.И. — доктор экономических наук, зам. декана факультета прикладной экономики и коммерции.

Харкевич М.В. — кандидат политических наук, начальник отдела научного планирования, статистики и учета Управления научной политики.

Содержание

Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в МГИМО(У) МИД и ответы на вопросы студентов. Москва, 1 сентября 2012 года.	7

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

VII Конвент Российской ассоциации международных исследований	
Торкунов А.В. Выступление на пленарном заседании VII Конвента РАМИ.	18
Рябков С.А. Выступление на пленарном заседании VII Конвента РАМИ.	21
Арктика в международных отношениях	
Карлусов В.В. Арктика в системе глобальных приоритетов Пекина: взгляд из России.	24
Международные конфликты	
Сушенцов А.А. Модели поведения Российской Федерации в международных конфликтах 1990 – 2000-х г.	33
Россия и Турция	
Кудряшова Ю.С. Активизация российско-турецких отношений: сущность и перспективы.	38

2012 – ГОД РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

МГИМО на конференции «От Древней Руси к Российской Федерации: история российской государственности»	
Торкунов А.В. Россия в системе международных отношений (ретроспективный взгляд).	45
Терехов В.П. Исторический маршрут России и современные реалии.	49
Астахов Е.М. Глобальная цивилизация и Россия.	52
Иностранцы на службе России	
Беспалов А.В., Копылов Н.А. Генерал Вольмар Антон фон Шлиппенбах – потомок рыцарей ливонских.	55
Черникова Т.В. Западноевропейские купцы и процесс европеизации России в XVI в.	65
Россия и Наполеон	
Ларин Д.А. «Черный кабинет» МИД России против Наполеона.	74
Калмыков В.С. Проблема самосознания французских и русских военнослужащих эпохи наполеоновских войн (по их мемуарам).	81

ПОЛИТОЛОГИЯ

Касаткин П.И., Курске В.С., Валиев И.А. Роль немецкой диаспоры в российско-германских отношениях.	86
Веретевская А.В. Мусульмане во Франции: особенности интеграционной модели.	98
Пинюгина Е.В. Мусульмане в Австрии: проблемы и достижения интеграции.	103
Дамбиев Ч.Ц. Влияние внутривнутриполитических процессов в Монголии на современные монголо-китайские отношения.	111
Ульциферов О.Г. Единство в многообразии: взаимодействие основных мифологических и философских систем Индии.	117

ЭКОНОМИКА

Полякова Т.В. Промышленная добыча нефти из горючих сланцев и перспективы изменения конфигурации мирового рынка нефти.	125
Жарких М.В. «Мирный» атом - из XX в XXI век: от оружия массового уничтожения до двигателя массового прогресса.	132
Галищева Н.В. Внешний долг Индии.	143
Андрианов К.Н. Промышленная политика Германии: основные аспекты и важнейшие направления.	149
Рощектаев С.А., Погребенко А.Н. Институциональные инструменты инновационной модернизации финансового рынка российского мегаполиса.	155
Мануйлов К.Е. Ресурсы финансового рынка России.	163
Бренделева Е.А. Проблемы эффективности системы ключевых национальных показателей (институциональный подход).	168

ПРАВО

Карпенко К.В. О некоторых особенностях семейных отношений по законам Хаммурапи.	172

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Баринов С.Ю. Формирование спортивной культуры как приоритетная задача спортивной работы в вузе.	182

СОЦИОЛОГИЯ

Зарубина Н.Н. Социальное неравенство в повседневном смеховом дискурсе современной России (анализ анекдотов).	186
Грызунова Е.А. Сравнительный анализ современных социологических подходов к кризисам окружающей среды.	195

ФИЛОЛОГИЯ

Клеменцова Н.Н. Текст в обучении иностранному языку.	204
Дружинин А.С. Знаковая сущность грамматической конструкции.	210
Комаров А.С. Межличностное взаимодействие читателя, автора и персонажа художественного текста.	215
Ефремова Д.А. Категория пространственно-временного континуума в англоязычных биографиях-справках.	221

НАУКОВЕДЕНИЕ

Водяницкая Е.А. Регулирование экспертизы научных проектов в Немецком научно-исследовательском сообществе.	227

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

Подберезкина О.А. Человеческий капитал и посткапиталистическая идеология.	235
Мареева Ю.А. Стратегический треугольник «Россия–Индия–Китай» в международных отношениях (теория и историческая практика).	240
Немченко О.В. Правовая характеристика и сущность «трудового мигранта» в административном законодательстве Российской Федерации.	250
Кучеренко К.В. Манипулятивное воздействие в испанском политическом дискурсе: слова-стереотипы, слова-символы и слова-слоганы.	255
Якутович Е.В. Демографический кризис как угроза национальной безопасности Российской Федерации на Дальнем Востоке.	260
Исмаилов А.С. Христианско-демократический проект устройства постреволюционной России Г.П. Федотова.	265

ЗОЛОТОЙ ФОНД МГИМО

Ахтамзян А.А., Трофимов В.А. Федор Данилович Рыженко – наш ФДР.	270
Васильев А.М. Дипломат и ученый Анатолий Андреевич Громыко.	274
Павленко И.А. Герой Советского Союза А.Н. Игнатьев (1921-2012 гг.)	277

РЕЦЕНЗИИ

Лебедева М.М. Проблемы межкультурного взаимодействия на современном этапе.	279
Большова Н.Н., Мунтян М.А. О современной России с гражданской позиции ученого.	283

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Дубинин Ю.В. Грамота «Французского возрождения».	287
Веденина Л.Г. О межвузовском семинаре «Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения».	289
Зинин Ю.Н. «Арабская весна» в повестке дня экспертного сообщества России (обзор).	293
Научные мероприятия в МГИМО (июнь-сентябрь 2012 г.)	
Стрельцов Д.В. Учредительное собрание российско-японской комиссии историков в МГИМО.	300
Энтин М.Л., Истомина И.А. Экспертная встреча «Транспортное измерение сотрудничества России и Европейского Союза».	301
Аналитический центр ИМИ МГИМО. Концепция внешней политики России: достоинства и недостатки.	302
Загорский А.В. На пути к Евроатлантическому и Евразийскому сообществу безопасности.	303
Кубышкина Е.В. Право ВТО: актуальные вопросы.	303

Content

Speech by Minister of Foreign Affairs of Russia Sergey Lavrov at MGIMO-University of the MFA and Q&A session with students. Moscow, 1 September 2012	7

INTERNATIONAL RELATIONS

VII Russian International Studies Association Convention	
Torkunov A.V. Speech at the Plenary Session of the 7th Convention of RISA	18
Riabkov S.A. Speech at the Plenary Session of the 7th Convention of RISA	21
Arctic in international relations	
Karlusov V.V. Arctic Region in the System of Global Priorities of Beijing: a View from Russia	24
International conflicts	
Sushentsov A. A. Models of Conduct of Russian Federation in International Conflicts in 1990-2000s.	33
Russia and Turkey	
Kudryashova Y.S. The Intensification of Russian-Turkish Relations: the Essence and Prospects	38

2012 – THE YEAR OF RUSSIAN HISTORY

MGIMO at the Conference «From Ancient Russia to the Russian Federation:

History of the Russian Statehood»

Torkunov A.V. Russia in the System of International Relations (Retrospective View)	45
Terekhov V.P. Historical Path of Russia and the Modern Realities	49
Astakhov E.M. The Global Civilization and Russia	52
Foreigners in service for Russia	
Bespalov A.V., Kopylov N.A. General Volmar Anton von Shlippenbah – a Descendant of Livonian Knights	55
Tchernikova T.V. Western European Merchants and the Process of Europeanization of Russia in XVI Century.	65
Russia and Napoleon	
Larin D.F. «The Black Room» of the Russian Foreign Ministry against Napoleon	74
Kalmykov V.S. Self-Consciousness of the French and Russian Soldiers in Napoleonic Wars (using soldiers' memoirs)	81

POLITICAL SCIENCE

Kasatkin P., Kurske V.S., Valiev I.A. The Role of German Diaspora in Russian-German Relations	86
Veretevskaya A.V. Muslims in France: Features of the Integrated Model	98
Pinyugina E.V. Austrian Muslims. The Problems and Achievements of Social and Political Integration	103
Dambiev G.T. Political Processes in Mongolia and the Current Mongolian-Chinese Relations	111
Ulltsiferov O.G. Unity in Diversity: Coinfluence of Basic Mythological and Philosophical Systems of India	117

ECONOMICS

Polyakova T.V. Commercial Production of Oil from Oil Shale and Possible Changes in the World Oil Market. ...	125
Zharkikh M.V. «Peaceful Atom» – from the XXth to the XXI century: from the Weapons of Mass Destruction to the Driver of Massive Progress	132
Galistcheva N.V. India's External Debt	143
Andrianov K.N. Industrial Policy of Germany: Highlights and the Most Important Areas	149
Roshchektaev S.A., Pogrebenko A.N. Institutional Tools for Innovative Modernization of Financial Market in a Russian Megapolis.	155
Manuylov K.E. Resources of the Russian Financial Market	163
Brendeleva E.A. Efficiency Problems in the System of Key National Indicators (Institutional Approach)	168

LAW

Karpenko K.V. On Family Relationships under the Laws of Hammurabi.	172

CULTURAL STUDIES

Barinov S.U. Sports Culture as a Priority of Sports Development in University.	182

SOCIOLOGY

Zarubina N.N. Social Inequality in the Day-to-Day Comic Discourse of Modern Russia (Analysis of Jokes)	186
Gryzunova E.A. Comparative Analysis of Modern Sociological Research Methods of the Physical Environment Crises: Natural, Biological and Technologic	195

FILOLOGY

Klementsova N.N. A Text in the Foreign Language Teaching.	204
Druzhinin A. S. Semiotic Essence of Grammatical Construction	210
Komarov A.S. Interpersonal Communication of Writer, Character and Reader in Literature	215
Efremova D.A. The Category of Existential Continuum in the English Biographical References.	221

SCIENCE STUDIES

Vodyanitskaya E.A. Peer Review Regulation in the German Science and Research Association	227

NEW VISION

Podberezkina O.A. Human Capital and the Post-Capitalist Ideology	235
Mareeva J. A. «Strategic Triangle» Russia-India-China in International Relations (Theory and History)	240
Nemtshenko O.V. Legal Features and Content of "Labor Migrant" in Russian Administrative Law	250
Kucherenko K.V. Manipulative Influence in the Spanish Political Discourse: Words Stereotypes, Words Symbols and Words Slogans.	255
Yakutovich E.V. Demographic Crisis as a Threat to National Security of the Russian Federation	260
Ismailov A. S. G.P. Fedotov's Christian Democratic Project of Post-Revolutionary Russia.	265

THE MGIMO GOLDEN FUND

Ahtamzian A.A., Trofimov V.A. Fedor Danilovich Ryzhenko – our FDR.	270
Vasiliev A.M. A Diplomat and a Scientist – Anatoly Andreevich Gromyko	274
Pavlenko I.A. The Hero of the Soviet Union A.N. Ignatiev (1921-2012)	277

REVIEWS

Lebedeva M.M. Problems of Intercultural Interaction at the Present Sta	279
Bolshova N.N., Muntian M.A. On Modern Russia from a Perspective of a Scientist with a Civil Position	283

SCIENTIFIC LIFE

Dubinin Y.V. Diploma of the «French Renaissance»	287	
Vedenina L.G. On Inter-University Seminar “Lingua cultural Studies: Methods of Analysis	289	
Zinin Y.N. Arab Spring is on Agenda of Russian Scholars.	293	
The Scientific Activities in the MGIMO-University (June-September 2012)		
Streltsov D.V. Statutory Meeting of Russian-Japanese History Committee.	300	
Entin M.L., Istomin I.A. EU-Russia Transport Cooperation	301	
Analytical Center of the Institute of International Studies (MGIMO-University). Russian Foreign Policy Concept: Pros and Cons.		302
Zagorsky A.V. On the Road to Euro-Atlantic and Eurasian Security Community.	303	
Kubishkina E.V. Law of WTO: Current Issues	303	

Выступление Министра иностраннх дел России С.В.Лаврова в МГИМО(У) МИД и ответы на вопросы студентов. Москва, 1 сентября 2012 года

Уважаемый Анатолий Васильевич,
Уважаемый Евгений Петрович,
дорогие друзья!

Прежде всего поздравляю всех студентов, преподавателей с Днем знаний. Рад продолжить традицию ежегодных встреч, которые мы проводим в нашей альма-матер. Особенно рад статистическим данным, оглашенным сейчас Анатолием Васильевичем. За этими сухими цифрами действительно скрываются прекрасное качество образования, которое дает МГИМО(У) и отличные возможности для того, чтобы, помимо знаний, студентов формировали как личностей, что немаловажно в современном крайне конкурентоспособном мире. Приведенные данные, география поступающих в МГИМО(У) студентов говорят и о том, что вуз стал одним из ведущих университетов Российской Федерации и неуклонно укрепляет свой международный авторитет и мировой рейтинг.

МГИМО(У) с честью представляет нашу страну на различных международных площадках. Один недавний простой пример. В рамках ОБСЕ было принято решение в поддержку проведения исследования проблем евроатлантической и евразийской безопасности. Поддержана инициатива, чтобы такое исследование реализовали ведущие центры Германии, Франции, Польши и России. Нашу страну представляли научные работники МГИМО(У). Приятно и то, что многие выпускники Университета выбирают дипломатическую карьеру, тем самым помогая обеспечивать преемственность российской дипломатической службы. В прошлом

году 80% принятых на работу в МИД – молодые специалисты из МГИМО(У) и Дипакадемии.

Сегодня в системе российского образования и вузовской науки наблюдается значительный прирост инвестиций. Содействуем тому, чтобы МГИМО(У) не был обойден стороной, в том числе в решении такой важной и острой задачи, как строительство нового общежития.

Безусловно, эти инвестиции нужны для того, чтобы осваивать новые направления университетской деятельности, использовать инновационные технологии. Отрадно, что в этих благородных усилиях принимают участие и российские, и зарубежные деловые круги. Значительный вклад в решение проблем МГИМО(У) вносит Попечительский совет, среди членов которого много выпускников нашего Университета, состоявшихся в том числе в большом бизнесе.

Дорогие друзья! За прошедший год в мире произошло много событий. Глубокие изменения международного ландшафта подтверждают, что мы переживаем переходный период мирового развития, сопровождающийся серьезными потрясениями. По-прежнему лихорадит еврозону и в целом мировую экономику. Не утихают волнения в различных регионах мира. Это прежде всего Сирия, да и в целом весь регион Ближнего Востока и Северной Африки. Сохраняется напряженность вокруг иранской ядерной программы, на Корейском полуострове. Уравнением со многими неизвестными остается ситуация в Афганистане и вокруг него. Не исчезли угрозы распространения ОМУ, терроризма, наркотрафика, деградации

■ Выступление Министра иностранных дел России

окружающей среды, дефицита продовольствия, распространения эпидемий. Это лишь некоторые примеры из длинного списка угроз и вызовов. Для того, чтобы на эти вызовы реагировать международному сообществу требуется прежде всего их осмыслить и коллективно выработать пути регулирования соответствующих проблем.

Нынешняя ситуация, по-моему, беспрецедентна. По сути, речь идет об определении основных параметров мироустройства XXI в.

Россия является одним из центров формирующейся полицентричной международной системы и в полной мере осознает свою меру ответственности на этом новом историческом этапе. Идет серьезная работа по уточнению приоритетов нашей страны в меняющемся мире в соответствии с Указом Президента В.В. Путина от 7 мая 2012 г. «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации».

В этом указе, а также в своем выступлении на совещании послов в МИД 9 июля 2012 г. Президент РФ В.В. Путин сформулировал конкретные задачи, стоящие перед российской дипломатией. Не буду их сегодня перечислять. Знаю, что перед нашей сегодняшней встречей вы ознакомились и с указом, и с выступлениями президента на совещании послов, с другими статьями и выступлениями В.В. Путина, а также последними материалами МИД, в которых изложены оценки происходящего в мире и аргументы в обоснование российских подходов. Не буду подробно говорить о сути каждой из этих проблем. Исхожу из того, что у нас с вами будет сегодня время для интерактивного диалога.

Перед тем как перейти к этой части, выделю стержневую задачу, поставленную президентом. Он подчеркнул, выступая 9 июля в МИД, что позитивная уравновешенная роль России в мировых делах становится все более востребованной. Это позволяет активнее влиять на международную ситуацию, более эффективно отстаивать российские интересы. А для этого необходимо действовать на упреждение, быть готовыми к любому варианту развития обстановки.

Отсюда – огромное значение аналитической работы, прогнозирования наиболее вероятных путей мирового развития. И здесь, как представляется, мы имеем определенные преимущества, поскольку сегодня мы свободны от идеологических шор, которые зачастую ограничивают кругозор некоторых наших зарубежных коллег. Как показывает история, обоснованный прогноз далеко не всегда может быть сделан с помощью механической экстраполяции в будущее прошлого опыта и даже сегодняшних тенденций, тем более что вероятность серьезных сдвигов в мировых делах продолжает возрастать. Думаю, что на многое придется взглянуть по-новому, а что-то вообще начинать «с чистого листа». Такая ситуация, конечно, создает определенные риски, но и немалые возможности.

Российская дипломатия всегда славилась своим высоким интеллектуальным потенциалом,

который в сегодняшних условиях подкрепляется активным развитием взаимодействия нашего Министерства с академическими, экспертными и деловыми кругами, неправительственными организациями и другими структурами гражданского общества. В этой связи отмечу важную роль МГИМО(У) и Дипломатической академии, оказывающих серьезное практическое содействие нашей аналитической и прогнозной работе.

В завершение скажу, что учеба в МГИМО(У) – прекрасный шанс присоединиться к тем, кто во все времена служил своему Отечеству, отстаивал его интересы. Уверен, что вы этим шансом воспользуетесь. И те, кто изберет дипломатическую карьеру, и выпускники, которые найдут другие возможности приложения сил и таланта – в журналистике, науке, политологии, юриспруденции, бизнесе. Хотя, конечно, те, кто проработал в МИД многие годы и даже десятилетия, в известной степени предвзяты и считают дипломатическую работу самой увлекательной профессией. Но повторю, решать будете вы уже в статусе выпускников. Мы же постараемся сделать так, чтобы о нашей профессии в годы учебы в Университете вы узнали как можно больше. Я завершил вступление и готов ответить на вопросы.

Ответы на вопросы

Вопрос: На днях во Владивостоке стартует саммит АТЭС, который Россия впервые принимает у себя и будет участвовать как полноправный член ВТО. Накладывает ли это какие-то особые обязательства на Россию или дает ей особые права?

С.В. Лавров: У председателя любого международного форума есть соответствующие права, которые определяются традициями, сложившимися в том или ином формате. Что касается АТЭС, то председатель обычно выбирает ключевые и приоритетные темы для повестки дня. Но существует и традиция, что при выборе тем нельзя перечеркнуть все, что было сделано до вступления соответствующего государства на пост председателя. Тем более вопросы, которыми занимается АТЭС, имеют долгосрочное значение. Рассматриваемые в этом формате проблемы не могут быть решены в течение одного года, в течение которого та или иная страна выполняет функции председателя. Поэтому важны преемственность и новизна подходов.

Предложенная Россией повестка дня, поддержанная всеми странами-участницами АТЭС, обеспечивает такую преемственность в отношении проблематики дальнейшего развития интеграции и либерализации торговых и инвестиционных режимов в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Что касается дополнительных тем, которые отражают приоритеты российского председательства с учетом тенденций, наблюдаемых в регионе, то это – инновационное развитие, обеспечение продовольственной безопасности и совершенствование транспортно-логистических систем в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в состав которого входят морские государства, где логистика сложна и требует системного подхода. Эти приоритеты на-

шли поддержку. Помимо прав есть и обязанности, которых гораздо больше. Прежде всего, речь об ответственности за то, чтобы все прошло хорошо с протольно-организационной точки зрения и в содержательном смысле. В отношении смысловых аспектов российского председательства, то саммит АТЭС во Владивостоке – мероприятие, которое венчает проделанную в течение года работу, когда прошло более 90 мероприятий по линии отраслевых министерств, где рассматривались все мыслимые аспекты вносимых на обсуждение саммита тем и подготовлены соответствующие вклады в декларацию, которая будет приниматься во Владивостоке в рамках главного мероприятия 7–9 сентября.

В организационном плане наши протокольные службы совместно с протокольными службами Администрации Президента не раз посещали остров Русский и другие объекты, задействуемые к саммиту, и докладывают, что все в порядке. Надеемся, что так оно и есть.

Вопрос: Ни для кого не секрет, что вы – большой любитель рафтинга. Скажите, пожалуйста, что доставляет больше острых ощущений – рафтинг на отдыхе или преодоление политических барьеров во время службы?

С.В. Лавров: Это разные ощущения. Удовлетворение доставляет и проход сложного порога, и решение непростой проблемы, особенно когда удается добиться консенсуса, отражающего интересы твоего государства. Последний раз такое удовлетворение я испытывал от поездки в Женеву, где 30 июня по инициативе России и бывшего спецпосланника ООН/ЛАГ К. Аннана состоялась встреча по Сирии с участием всех постоянных членов СБ ООН, представителей Лиги арабских государств, Турции, Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна и К. Аннана. Мы работали 8 часов с перерывами и встречами в более мелких группах. В итоге был выработан добротный документ, получивший название «Женевское коммюнике». Участники мероприятия также сформировали «Группу действий».

Я не думал, что удастся достичь консенсуса в тот момент, поскольку расхождения по Сирии были очень серьезными. Это касалось не конечной цели – все согласны, что мы хотим видеть Сирию стабильным, свободным, независимым, демократическим государством, где обеспечиваются права всех граждан, включая права меньшинств, – в этом наши позиции едины. Но с точки зрения движения к такой цели, как вам известно, существуют глубокие расхождения. Наши западные коллеги и некоторые представители государств региона выступают практически открыто за внешнее вмешательство, а Россия, Китай и другие государства убеждены в необходимости немедленно заставить противоборствующие стороны прекратить стрелять друг в друга и сесть за стол переговоров.

Несмотря на существенные расхождения, удалось принять развернутый и детальный документ, в котором излагаются наши предложения всем сирийским сторонам (и правительству, и оппози-

ции во всех ее проявлениях) по началу разговора о переходном периоде, прежде всего формированию представительного переходного органа на основе согласия между правительством и всеми группами оппозиции. И документ получился – консенсус был зафиксирован на бумаге.

Российская сторона предложила одобрить документ в СБ ООН, но, к нашему изумлению, западные коллеги отказались это сделать. Может быть, они сочли, что в достигнутом консенсусе наши интересы отражены в большей степени, чем их. Но тогда это подтверждает подозрения, что в сирийском кризисе некоторые зарубежные партнеры руководствуются собственными геополитическими интересами, а не нуждами сирийского народа, поскольку «женевский» консенсус требовал в первую очередь прекращения насилия и запуска переговоров.

Именно в этом – главный смысл документа и отражение коренного интереса сирийского народа. Мы руководствовались именно таким пониманием. Жаль, что Совет Безопасности ООН отказался утвердить документ в связи с возражениями некоторых западных делегаций.

В Женеве был достигнут очень важный и качественный прорыв в отношении способности договариваться в формате внешних игроков. Надеюсь, заложенные там мысли, которые в наибольшей мере отвечают коренным, а не надуманным интересам сирийского народа будут все-таки востребованы уже Л. Брахими, сменившим К. Аннана на посту спецпредставителя ООН/ЛАГ по Сирии.

Вопрос: Как известно, Россия официально вступила в ВТО, и в этой связи хотелось бы узнать, какие перспективы открываются для нашей страны?

С.В. Лавров: Перспективы подробно обсуждаются в СМИ и экспертном сообществе. Я не буду подробно перечислять все проблемы, которые затрагиваются в дискуссиях на эту тему. Ясно, что речь идет о балансе. Как любая договоренность о присоединении к многосторонним структурам, она отражает баланс интересов. Вам известно, что переговоры шли 18 с лишним лет, в ходе которых детальнейшим образом рассматривались конкретные аспекты торгово-экономических и инвестиционных процессов, которые предстоит пройти нам и нашим партнерам. Мы, безусловно, будем ощущать определенный эффект от облегчения доступа в Россию импортных товаров – для наших потребителей должно произойти понижение цен на многие товары. Мы также должны ощутить существенное увеличение доходов от экспорта, прежде всего промышленных товаров, в страны, являющиеся нашими традиционными партнерами, например государства-члены Европейского союза, где раньше (до 23 августа 2012 г.) имелось немало дискриминационных барьеров.

При всех обстоятельствах, учитывая мнения тех, кто критиковал вступление России в ВТО, и тех, кто на этом активно настаивал, думаю, достигнутый баланс, включающий защитные меры для целого ряда отраслей нашей экономики (таких, как

■ Выступление Министра иностранных дел России

сельское хозяйство, банковская сфера, авиастроение, автомобилестроение), позволит в обозримые годы получить необходимый опыт для работы по нормам ВТО и повысит конкурентоспособность российской экономики, поскольку конкуренция на российском рынке будет более острой. Одновременно членство в ВТО дает нам возможность полноправно участвовать в определении правил торговли товарами и услугами, инвестициями, которые будут разрабатываться в рамках дальнейшей модернизации международной торговой системы. Считаю, что в конечном итоге присоединение является плюсом.

Вопрос: Сергей Викторович, вы уже касались темы Сирии, но хотелось бы уточнить, можно ли решить внутренний конфликт в этой ближневосточной стране без вмешательства иностранных сил и что для этого нужно предпринять, помимо недавней женевской встречи?

С.В. Лавров: Конечно же, можно. Уверен, что единственно возможным является решение самих сирийцев. Кстати, все на словах говорят именно об этом. В резолюциях СБ ООН подчеркивается, что урегулирование должно достигаться всеми сирийскими сторонами и только сами сирийцы могут определять свою судьбу. Это в полной мере соответствует базовому принципу Устава ООН. Поэтому СБ ООН не может решить по-иному.

Мы регулярно встречаемся и с представителями правительства САР и всех оппозиционных групп, которых немало. Есть внутренняя оппозиция (как умеренная, так и радикальная) и внешняя. Наиболее часто упоминается Сирийский национальный совет (СНС) – его представители являются нашими регулярными собеседниками. Полтора месяца назад новый председатель СНС А. Сейда в составе большой делегации побывал в Москве и начал беседу с того, что сирийцы, безусловно, заинтересованы при всех обстоятельствах оставаться в теплых и тесных отношениях с Российской Федерацией. Он также заметил, что в Сирии идет, мол, не конфликт, а революция и исходить нужно из этого. Мы ответили, что если происходящее является революцией, то чего же СНС хочет от Совета Безопасности ООН? Совет Безопасности не имеет полномочий поддерживать революции и внешнее вмешательство, к чему призывают оппозиционеры Сирийского национального совета.

Внешнее вмешательство должно быть позитивным (по воздействию), и мы настаиваем, чтобы ключевые игроки вмешались совершенно определенным способом: каждый из них должен заставить внутрисирийские стороны (как правительство, так и оппозицию), особенно тех, на кого имеют влияние, прекратить насилие. Именно об этом мы говорили в Женеве, и это отражено в Женевском коммюнике.

Но когда наши партнеры заявляют, что правительство должно первым прекратить военные действия, вывести всех военнослужащих и вооружения из городов и только потом обратиться к оппозиции с просьбой поступить таким же образом, то это – не работающая схема. Речь либо

о наивности, либо о провокации. Когда в городах идут бои, сказать, что единственным выходом является односторонняя капитуляция одной из воюющих сил, – нереальная ситуация.

Дело не в идеологии. Мы не держимся за какой-либо режим или персонажей сирийской ситуации, а исходим из того, что реалистично и что требуется для решения наиглавнейшей задачи – прекращения насилия и спасения жизней. Российский подход отвечает этой задаче, так как первый пункт нашего плана – требование прекратить насилие и сесть за стол переговоров.

Кстати, крупнейший внутрисирийский оппозиционный блок – Национальный координационный комитет, – который настроен резко антиправительственно, недавно выступил с инициативой из четырех пунктов, перекликающейся с российским подходом. Это – прекращение насилия, немедленное решение острых гуманитарных проблем путем доставки соответствующей помощи, освобождение заключенных в правительственных тюрьмах и тех, кого захватили оппозиционеры, и начало переговоров. Мы полностью поддерживаем эти направления, поскольку они совпадают с нашим подходом.

Российская позиция, как и подход Национального координационного комитета Сирии, требующий от сторон прекратить стрелять друг в друга, отвечает задаче скорейшего выхода из кризиса и интересам недопущения нарастания количества жертв. Те же, кто требуют односторонней капитуляции правительственных сил и одновременно поощряют вооруженные отряды оппозиции к продолжению борьбы, получают, исходя из того, что они готовы заплатить дополнительную цену в виде многочисленных человеческих жизней. В этом заключается коренное различие подходов. Если позиции тех, кто настаивают на продолжении вооруженной борьбы, пока правительство добровольно не сбежит куда-то (как нас убеждают публично и в беседах), то у меня создается стойкое впечатление, что ими движут не интересы сирийского народа, а собственные геополитические расчеты в этом важном регионе.

Вопрос: Особый общественный резонанс вызвали события в Лондоне вокруг создателя сайта Wikileaks Д. Ассанжа, который укрывается в Посольстве Эквадора, в то время как британский МИД хочет выдать его Швеции. Как бы вы могли оценить сложившуюся ситуацию?

С.В. Лавров: Здесь, безусловно, есть немало важные аспекты, касающиеся свободы доступа к информации и ее защиты. Было интересно на первых порах читать то, что стало достоянием гласности через Wikileaks. На многое раскрывались глаза, причем я не увидел в материалах того, что может расцениваться как нанесение ущерба национальным интересам или безопасности государств, чьи представители цитировались в материалах Wikileaks.

Скорее, документы пролили свет на способы действий государств, на то, как они относятся к своим партнерам, как их ценят и «за кого их

держат», какими манерами обладают. Это было любопытно, но не более. Но, по большому счету, у нас были ощущения, что именно такие настроения бытуют в дипломатических и политических кругах некоторых наших партнеров – все просто подтвердилось.

Что касается конкретно нынешней ситуации, в которой оказался Д. Ассанж, то нам часто читают нотации по поводу правосудия в нашей стране, хотя судебная система в каждом государстве конституционно продекларирована в качестве независимой ветви власти, и ее решения нужно уважать. Известны примеры, которыми нас попрекают, как и случаи, когда в США суд присяжных, к примеру, единогласно освобождает убийцу. Был такой эпизод много лет назад с одним из голливудских актеров, который убил свою жену и ее любовника. Суд присяжных единогласно его оправдал. Это вызвало взрыв возмущения общественности, но никто не поставил под сомнение решение суда.

Не знаю, в курсе ли вы того, что вменяют Д. Ассанжу в Швеции и насколько процессуально корректны эти обвинения в его адрес – его обвиняют в странных формах изнасилования. Так как в обоих случаях женщины находились с ним в связи не по принуждению.

Не буду продолжать эту тему. На интернет-сайтах можно найти любопытные вещи. Однако сейчас об этом мало пишут, когда речь заходит о происходящем вокруг Д. Ассанжа.

Я уже упомянул о свободе слова и принципе защиты чувствительной информации. Есть также принцип уважения права на политическое убежище. Тем более что Великобритания славится тем, что политическое убежище там получают практически все желающие. На территории Великобритании действует Посольство Эквадора, в котором находится гражданин Австралии, выдачи которого требует Швеция, а сам он убежден, что в итоге его отправят в США. Он попросил политическое убежище в Эквадоре, и ему его предоставили. Да, это коллизия. Пока он находится на территории Эквадора, думаю никто не будет пытаться делать необдуманные поступки. Право на убежище нужно уважать либо оспаривать в юридическом процессе. Для этого есть соответствующие правовые нормы. Угрозы взять штурмом эквадорское посольство, как брали штурмом Зимний дворец, – вне рамок правового поля.

Вопрос: Меня, как гражданина России, и особенно как студента, получившего для изучения эстонский язык, не могут не интересовать проблемы данного региона, прежде всего отношения России и Эстонии. Мы помним, как некоторое время назад сообщалось о сносе памятника советскому солдату, возведении монумента солдатам «Ваффен-СС». Мы все знаем об отношении к русскоязычному населению Эстонии. В последнее время, к счастью, таких новостей приходит меньше. Как вы считаете, действительно ли ситуация стабилизировалась или можно ждать эскалации конфликта?

С.В.Лавров: Во-первых, я считаю, что вы получили очень интересный язык в качестве «одного из», как я понимаю. Эстония – наш сосед. Убежден в том, что в свое время руководство МГИМО(У) поступило очень правильно. Вскоре после не очень радостной для всех нас ситуации, когда перестал существовать Советский Союз, вуз стал предпринимать целенаправленные меры по внедрению в учебные программы языков наших соседей, включая тех, кто входил в состав единого СССР.

Мы заинтересованы в добрососедских отношениях с Эстонией. Исходим из того, что нашим людям уже нечего делить. Некоторое время назад (лет пять – семь) мы даже подписали Договор о границе, чего очень хотели наши эстонские соседи и Европейский союз. Эстонию приняли в Евросоюз в 2004 г. вместе с Латвией, Литвой и рядом восточноевропейских стран. Кстати, такой шаг нарушал правила, существовавшие на тот момент, поскольку в число критериев вступления в ЕС входит положение о том, что страна-кандидат не должна иметь территориальных проблем с соседями и должны быть оформлены границы. В период же волны расширения 2004 г. у Эстонии и Латвии не было оформленных границ с Российской Федерацией.

С тех пор мы подписали соответствующие пограничные договоры и с Латвией, и с Эстонией. Латвия провела ратификацию, в России она тоже состоялась по двустороннему договору, и он вступил в силу. Граница оформлена, сейчас ведутся последние демаркационные работы. С Эстонией мы подписали договор, где четко зафиксировали, что территориальные претензии не должны повториться, как это происходило в рамках так называемого Тартуского договора начала двадцатых годов прошлого века. Эстонские коллеги заверяли нас, что никаких претензий не будет и что новый договор окончательно закроет пограничную тему. Но когда документ был внесен на ратификацию, эстонский парламент в законе упомянул Тартуский договор, причем в контексте, который сохраняет территориальные претензии к Российской Федерации. Естественно, в таких условиях мы не смогли документ утвердить и отозвали свою подпись под договором. В то же время мы заявляем, что готовы сейчас заново начинать переговоры, но без сюрпризов, подобно тому, который произошел в эстонском парламенте.

Это – лишь один пример сохранения реваншистских настроений, попыток наших прибалтийских соседей будоражить тему так называемой «оккупации», требовать компенсацию. На днях, как я понимаю, Президент Литвы учредила комиссию по расследованию преступлений Холокоста, нацизма и «оккупации». Открыто говорят, что с России нужно требовать компенсацию, не упоминают о том, что промышленность наших прибалтийских соседей создавалась именно в годы, которые они считают оккупацией, отрицают все позитивное, что было в наших

■ Выступление Министра иностранных дел России

отношениях. Это, конечно, не облегчает задачу выстраивания сотрудничества в новых условиях, хотя интерес к этому очень большой и в наших деловых кругах, и среди научной интеллигенции и молодежи.

Вы упомянули проблему восприятия итогов Второй мировой войны и отношения к ним. Нет сомнения, что продолжают попытки героизировать нацистов и тех, кто сотрудничал с ними. Мы это видим и в Эстонии, и в Латвии, и, к сожалению, в позиции Европейского союза, где действует пресловутый «принцип солидарности». Все прячутся за этот принцип, когда абсолютное меньшинство членов ЕС начинает навязывать свои взгляды абсолютному большинству.

Характерный пример. Ежегодно Россия в соавторстве с рядом других государств вносит на Генеральной Ассамблее ООН резолюцию с осуждением любых форм расизма, неонацизма, расовой дискриминации, ксенофобии, в которой содержатся призывы к государствам не допускать в своей практике подобных проявлений на своей территории и в отношениях с другими странами. В документе никого не называют по имени, ни на кого не показывают пальцем. Европейский союз практически полным составом голосует против этой резолюции. В ответ на наши вопросы о причинах таких действий на встречах с коллегами из ЕС ничего внятного мы не слышим, кроме того, что шествование по городам и улицам бывших членов «Вaffen-СС» – это свобода слова.

Но свобода слова небеспредельна. Международный пакт о политических и гражданских правах, Европейская конвенция о правах человека прямо гласят, что свобода слова ограничивается, в том числе по соображениям нравственности, безопасности, здоровья общества, уважения религиозных убеждений. Если эти ограничения закреплены законом (а они в России и в большинстве европейских стран законодательно закреплены), то эти нормы должны соблюдаться.

Мы хотим снимать имеющиеся шероховатости в наших отношениях с Эстонией, выступаем за то, чтобы возобновить работу по оформлению границы и начать переговоры о новом пограничном договоре.

Но мы не будем в диалоге с правительством Эстонии и других стран ЕС закрывать глаза на нарушения обязательств по Европейской конвенции о правах человека, Европейской конвенции о региональных языках. Конечно, крупнейшая проблема в наших отношениях с прибалтийскими государствами – проблема безгражданства. Это – позор Европейского союза, позор НАТО, представляющей себя уже не столько военным оборонительным блоком, сколько «школой демократии». Если в этой школе уже «ученики», а считающие себя «аспирантами» государства, которые пытаются задавать там тон и спокойно отвергают обращенные к ним призывы выполнять рекомендации Совета Европы, ОБСЕ, ООН по резкому сокращению количества неграждан и продвижению к ликвидации этого позорного

института, у меня возникают вопросы к тем, кто их пытается защищать.

Нам говорят: пусть ваши русскоязычные соотечественники, которые в Латвии и Эстонии не могут получить гражданство, сдают языковые экзамены, после чего их гражданство будет соответствующим образом оформлено. Многие это делают, хотя количество натурализованных таким способом не вызывает оптимизма, учитывая, что их порядка 10–15 тысяч в год, а в обеих странах около полумиллиона человек. Мы ставили даже вопрос, чтобы дети, родившиеся в семьях неграждан, автоматически получали гражданство, равно как и люди преклонного возраста, которым уже трудно изучать язык. Нам это обещали, в частности латвийские соседи, но не сделали. Сейчас в Латвии намечается очередной референдум на эту тему. Думаю, в этом и есть проявление демократии. Пусть такие процедуры будут задействованы. Но сохранять институт безгражданства, не существующий в международном праве, недопустимо вне зависимости от референдумов.

И последнее на тему референдумов. Когда Эстония, Латвия и Литва проводили плебисциты в пользу отделения от Советского Союза и провозглашения независимости, голоса людей засчитывались. Большинство из них, наверное, голосовало за отделение от СССР. Значит, они хотели быть лояльными, благопристойными гражданами своих новых государств. Тогда их голоса были нужны, а сейчас они как бы не в счет. Поразительно, что для целей определения квоты Эстонии и Латвии при избрании в Европарламент численность населения этих стран рассчитывалась с учетом неграждан. Когда в этих странах проходят муниципальные выборы, неграждане не имеют права голоса и быть избранными. Думаю, слово «позор» мягко характеризует сложившуюся ситуацию.

Вопрос: Сергей Викторович, у меня краткий вопрос. Можете ли сказать, что ваш успех начался именно в МГИМО?

С.В. Лавров: Я не буду говорить в категориях успеха или неуспеха. Удовлетворение, которое получаю от трудовой деятельности, берет начало со студенческих лет. Учеба – это труд, а в МГИМО у нас была не только учеба, но и физический труд в строительных отрядах. Я четыре раза ездил и каждый раз получал удовлетворение. С тех пор каждый год, работая на разных постах в МИД, удовлетворение не проходит.

Вопрос: Сергей Викторович, какова роль стран Центральной Азии во внешней политике России?

С.В. Лавров: Мы считаем нашим главным приоритетом отношения с соседями на пространстве Содружества Независимых Государств. Центральнo-Азиатский регион очень близок нам. Там страны, с которыми нас связывают союзнические отношения в рамках ОДКБ, а также СНГ; есть и экономический интеграционный формат – Евразийское экономическое

сообщество, которое сейчас развивается с учетом трехстороннего интеграционного процесса между Россией, Казахстаном и Белоруссией. Я знаю, что Киргизия и Таджикистан также заинтересованы в подключении к указанному более углубленному интеграционному формату. Думаю, у нас обоюдные интересы в том, что касается союзнических интеграционных связей, – это проявляется в ходе регулярных контактов между президентами России и центральноазиатских государств. Такой настрой подтвердился и в недавних контактах президентов В.В. Путина и А.Ш. Атамбаева. В развитие их договоренностей готовятся дополнительные документы для дальнейшего углубления сотрудничества во всех сферах. Такие документы, думаю, будут согласованы в достаточно обозримом будущем.

Я упомянул ОДКБ. Ее значение в современных условиях возрастает. Никто не знает, что будет происходить в Афганистане и вокруг него после 2014 г. Нам не совсем понятны заявления американских партнеров о том, что вот уходим из Афганистана, потому что ликвидировали террористическую угрозу, но одновременно хотим оставить там несколько десятков тысяч наших военнослужащих на хорошо укрепленных базах. Пытаемся понять, как это вписывается в оценку того, что террористической угрозы больше нет, ведем диалог. В любом случае международные силы в Афганистане находятся по мандату Совета Безопасности ООН, который ежегодно продлевается. Перед тем как эти силы будут оттуда выведены, необходимо доложить СБ ООН, какие же конкретно достижения достигнуты в борьбе с террористической и наркотической угрозами. Мы заинтересованы в том, чтобы эти силы работали успешно, предоставляем МССБ возможности транзита через территорию Российской Федерации для их снабжения, ротации техники, вооружений.

Естественно, хотим больше результатов, особенно в части борьбы с наркотрафиком. МССБ работают, как я уже сказал, с санкции Совета Безопасности ООН. Костяк их сил составляют контингенты стран НАТО. За период пребывания сил в Афганистане существенно возросло наркопроизводство. Соответственно экспорт наркотиков из Афганистана увеличился. От этого все больше страдают и центральноазиатские страны, и Российская Федерация, европейские государства и в меньшей степени – США, потому что Соединенные Штаты испытывают более серьезные проблемы от наркотиков, идущих из Центральной и Латинской Америки.

Наше предложение о том, чтобы МССБ более эффективно занимались уничтожением наркопосевов, нарколабораторий, наталкивается на сдержанное отношение и опасения роста угрозы для работающих в Афганистане контингентов. Совсем непонятен отказ стран НАТО от нашего предложения наладить сотрудничество между международными силами безопасности, которые действуют внутри Афганистана,

и ОДКБ, регулярно проводящей операцию по перехвату наркокараванов из Афганистана. Профессионалы убеждены, что подобное сотрудничество, координация в режиме реального времени существенно повысили бы результативность борьбы с наркотрафиком и наркопроизводством. Натовские партнеры отказывают без объяснения причин. Думаю, все дело в том, что они идеологически не хотят рассматривать ОДКБ в качестве равной Североатлантическому альянсу организации. Факт, что это не улучшает ситуацию с наркотрафиком и с террористическими проявлениями в регионе Центральной Азии. Взаимодействие ОДКБ и НАТО по этим направлениям было бы весьма востребовано. Но, как говорится, насильно мил не будешь. Поэтому в рамках ОДКБ мы вместе с Киргизией, Таджикистаном, Казахстаном, другими участниками Организации предпринимаем специальные меры по обеспечению безопасности в Центрально-Азиатском регионе. Уверен, наше сотрудничество в этих вопросах будет только углубляться.

Вопрос: Считается, что профессия дипломата – удел мужчин. Чем вы можете это объяснить? На ваш взгляд, через какое время женщины станут востребованы в дипломатической сфере наравне с мужчинами? И будут ли вообще?

С.В.Лавров: Вы задали четыре вопроса, но три из них излишни. Вы начали с вопроса-утверждения: считается, что профессия дипломата – это профессия мужская. Я так не считаю. Остальные ваши вопросы неактуальны. Анатолий Васильевич упомянул в своем вступительном слове, что в нынешнем году девушек в МГИМО(У) вновь поступило больше, чем юношей. Понятно, что по окончании Университета далеко не все идут в МИД. Большой спрос сохраняется у бизнеса, многие выбирают журналистику, юриспруденцию. По-прежнему основной костяк поступающих на работу в МИД – контингент МГИМО, хотя мы принимаем выпускников более тридцати учебных заведений со всей страны – от Калининграда до Дальнего Востока.

Хотел бы еще раз поблагодарить руководство МГИМО(У), которое бескорыстно помогает желающим поступить ребятам в рамках зимних каникул пройти перед выпуском из школ на базе Университета курсы, которые чуть глубже вводят в международную тематику.

Но это – лирическое отступление. В МИД тоже практически каждый год количество поступающих на дипломатическую службу юношей и девушек, как минимум, одинаковое. У нас нет каких-то предубеждений. Гораздо больше женщин выдвигаются на значимые посты. У меня сегодня нет статистических выкладок, но я регулярно встречаюсь с представителями Женского совета Министерства иностранных дел. Они отмечают, что такая тенденция устойчиво развивается: есть женщина в должности заместителя директора департамента, генеральный консул-женщина, женщина-посол, женщина-

■ Выступление Министра иностранных дел России

представитель при ЮНЕСКО. Согласен, этого мало. Понятно, что проблемы, возникающие в случае рождения ребенка, должны каким-то образом решаться. Приняты соответствующие законы, но в дальнейшем все зависит от самого человека. Некоторые же в МИД выходят замуж, предпочитают заняться семьей – это их выбор и право. Но приходит очень много талантливых девушек, кто готов работать. Они превращаются со временем в серьезных женщин-дипломатов. Будем только поддерживать такой процесс.

Вопрос: Как известно, каждый молодой специалист после окончания Университета должен пройти определенную школу, работая в странах в самых разных регионах, в том числе странах третьего мира. Как и за какое время дипломат, получивший распределение в одну из таких стран, может со временем стать представителем в одном из развитых регионов? Если не секрет, как и за какое время это получилось лично у вас?

С.В. Лавров: Все индивидуально. Посольская должность может быть завершением карьеры, а может быть получена в ее середине. У нас нет какого-то обязательного списка регионов, через которые нужно пройти, чтобы стать послом. Традиционно, начиная с дипломатии Российской империи и затем в советский период, акцент делался не на «обкатывание» дипломатов по максимально большому количеству стран и регионов, а на специализацию. На современном этапе, после 1992 г., в министерстве была предпринята попытка решить ряд вопросов, связанных со специализацией, даже принудительно. Приведу один конкретный пример. На Коллегии однажды рассматривался вопрос о направлении сотрудника в Монголию в пятый раз за период работы в МИД, причем речь шла о предпенсионной поездке. Руководитель Управления кадров (в то время было Управление) выступил категорически против: нечего, мол, ему ездить в Монголию, пусть поработает в какой-нибудь Европе. А человек умолял, стоял буквально на коленях – люблю я Монголию, там меня все знают, там есть выход на руководство, рыбалка, охота. Нет, не пустили.

На Западе действует другая система. После двух-трех лет в одной стране могут без заезда в столицу перевести в другую. Так можно лет десять путешествовать, прежде чем вернуться на работу в свое министерство иностранных дел. Плюсы и минусы есть и у той, и у другой системы. Думаю, оптимальный выход – в комбинации того и другого принципа. Специализация очень важна, особенно когда наработаны связи, когда начинаешь работу молодым сотрудником посольства, заводишь знакомства, а потом эти твои знакомые – тоже молодые сотрудники министерства соответствующей страны – делают карьеру, получают важные назначения. Грех не использовать такие связи, все так поступают.

С другой стороны, когда обсуждается конкретная тема, все больше ощущается потребность в широком кругозоре, особенно если это касается работы в столицах крупных государств – стран

«восьмерки», Китая, Индии, Бразилии, ЮАР, – государств, имеющих интересы по большинству аспектов международной повестки дня. Поэтому двусторонние послы и дипломаты, работающие в посольствах России в этих государствах, должны иметь обширные знания. Как правило, не все можно подчерпнуть из Интернета или из наших внутренних служебных материалов.

Сколько нужно времени? Я стал представителем при ООН в 1994 г., когда мне было 44 года. К тому времени в МИДе работал уже 22 года. Но это – далеко не рекорд. У нас есть послы, которые поехали в первый раз в эту должность в 35 – 37 лет. Так что дерзайте. Главное – желание, которое будет капитализировано в результаты работы.

Вопрос: Собирается ли Россия перенимать западные стандарты в решении экологических проблем? Если нет, будет ли создана какая-то собственная, не менее эффективная, чем западная система?

С.В. Лавров: Мы собираемся следить за окружающей средой гораздо более тщательно, чем до недавнего времени. У нашей страны тяжелое наследие в этом плане, особенно это проявляется в северных широтах. Вы знаете, что с учетом таяния льдов резко возрос транзит через Северный морской путь, который становится все более навигационно удобным. В свое время В.В. Путин ездил с инспекционной поездкой в те края и принял решение, что надо срочно наводить порядок и в экологии. Соответствующие меры уже принимаются.

У нас имеются собственные стандарты, есть и международные обязательства, в частности в рамках таких организаций, как Совет государств Балтийского моря. Охрана среды обитания в акватории Балтики – один из приоритетов. Я упомянул Арктику. Защита окружающей среды и проживания там коренных народов – один из приоритетов Арктического совета. Действует Организация Черноморского экономического сотрудничества, где также существуют согласованные нормы экологической политики. Каспийское море – пять прикаспийских государств разработали соответствующую Конвенцию по защите экологии и биоресурсов и т.д. Что касается других многосторонних форматов – удачен пример Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества. Одно из решений, которое готовится для одобрения лидерами (на саммите во Владивостоке), – снижение до 5 % импортных пошлин на экологически чистые товары, перечень которых предстоит согласовать.

Упомяну, конечно, Программу ООН по охране окружающей среды, в которой Россия является активным участником, подключившись к разработке уже не региональных, а универсальных стандартов. Помимо этого у нас имеются стандарты, учитывающие международную специфику и характер проблем окружающей среды в Российской Федерации. Могу заверить в приоритетности таких усилий руководства нашей страны и убежден, что их актуальность сохранится.

Вопрос: Каковы проблемы и перспективы российско-индийских отношений на современном этапе, поскольку в Интернете и СМИ нет широкой информации о данном регионе?

С.В. Лавров: Напомню, что кроме Интернета и прессы есть еще научная литература, в которой российско-индийские отношения описаны достаточно серьезно и всеохватывающе. Индия – наш стратегический партнер. На прошлогодней встрече президентов России и Индии была принята Декларация, в которой партнерство между нашими странами названо привилегированным стратегическим, что подчеркивает особый характер наших отношений. Он определяется историей, солидарностью Советского Союза с Индией в период ее деколонизации и обретения независимости, когда СССР поддерживал эту страну политически и создавал промышленное производство. Нужно также сказать о культурном сотрудничестве и гуманитарных связях. Индийские фильмы до сих пор занимают, пожалуй, одно из первых мест по популярности в нашей стране.

Мы стратегические партнеры и по проблематике мироустройства. Россия и Индия одинаково смотрят на проблемы современного мира; совместно выступаем за то, чтобы все государства свято соблюдали обязательства по Уставу ООН, не вмешивались во внутренние дела друг друга, уважали суверенитет, территориальную целостность, политическую независимость всех без исключения государств. Москва и Дели за то, чтобы верховенство закона, о котором западные партнеры любят говорить применительно к ситуации внутри государств, было обеспечено и в международных отношениях. Иными словами, чтобы уважалось международное право. Индия – наш союзник в этих вопросах. Обе страны выступают за демократизацию международных отношений. Учитывая близкий характер отношений между нашими странами, роль Индии как крупной региональной державы, интересы которой выходят далеко за рамки этого региона, а также наше партнерство в рамках БРИКС, поддерживаем дальнейшее подключение Индии к различным многосторонним структурам. Это касается и обретения этой страной полноправного членства в ШОС, и присоединения к кругу Постоянных членов СБ ООН.

Вопрос: Поскольку мне по распределению достался амхарский язык, хотелось бы спросить о перспективах российско-эфиопских отношений.

С.В. Лавров: Эфиопия также является давним другом. Мы поддерживали африканские страны в их борьбе против колониализма. Они помнят роль, которую наша страна сыграла в освобождении Африки от колониального господства. Эфиопия была и остается одним из лидеров африканских государств. В Аддис-Абебе расположена штаб-квартира Африканского союза. Это тоже делает роль Эфиопии более значимой в африканских делах и не только, поскольку

с Африканским союзом отношения установили ЕС, Российская Федерация, США. К сожалению, в настоящее время у Эфиопии серьезные проблемы с Эритреей. Когда-то это было единое государство, потом произошел «развод», который пока до конца не оформится для наступления полного спокойствия. Мы поддерживаем решение этих проблем через диалог. Есть соответствующие решения СБ ООН. Между нашими странами хорошо развиваются культурные связи и политические контакты. Не хватает, правда, более серьезной экономической составляющей. Пока двусторонние торгово-экономические связи по объему далеки от имеющегося потенциала.

А по поводу языков, которые вам достаются, не переживайте. Вы упоминаете об этом как-то обреченно. Я был ошарашен, когда 1 сентября 1967 г. пришел к старому зданию МГИМО и увидел, что буду изучать сингальский язык. Был тогда убежден, что это где-то в Африке, скорее в Сенегале. А оказалось, что это язык, на котором говорит 70% населения Шри-Ланки.

Вопрос: Мое дальнейшее обучение будет связано с группой финно-угорских языков, в частности с эстонским. Вы уже озвучили проблемы этого региона. Какие, на ваш взгляд, наиболее перспективные пути сотрудничества с этими странами?

С.В. Лавров: Я уже говорил про Эстонию. Мы выступаем за то, чтобы все проблемы, которые мы не заглушеваем, решались и не мешали бы нам двигаться вперед, где это отвечает интересам обоих государств. Мы к этому готовы. Думаю, при наличии доброй воли со стороны эстонского руководства можно урегулировать проблемы и получать взаимную выгоду от развития сотрудничества, тем более что мы соседи и у нас есть естественные преимущества по целому ряду вопросов.

Что касается финно-угорских народов, то, кроме Эстонии, в эту группу входят Венгрия и Финляндия. С Финляндией у нас тесные отношения. Это всем хорошо известно. Регулярно проходят контакты между президентами, главами правительств, на уровне министров. 20 августа 2012 г. по приглашению моего финского коллеги я ездил в Хельсинки, где помимо встреч с президентом, премьер-министром и переговоров с министром иностранных дел выступил на совещании послов Финляндии в зарубежных странах. Это достаточно почетное приглашение и отражает доверительный и взаимовыгодный уровень отношений между нашими государствами с хорошей экономической составляющей и еще большим потенциалом, в том числе в туристической сфере (за прошлый год зафиксировано более 10 млн пересечений границы между Россией и Финляндией). Поэтому сейчас перед нами стоят сугубо практические задачи по устройству более удобных пунктов пропуска. Финны приезжают в Санкт-Петербург на трое суток без виз, поддерживают нас в необходимости скорейшего перехода на безвизовый режим

■ Выступление Министра иностранных дел России

с Европейским союзом. Так что речь ведем об очень позитивных отношениях.

Хорошие перспективы отношений у России с Венгрией. Несмотря на то что Венгрия является членом НАТО и Европейского союза, она не пытается в наших отношениях делать из этого проблему. Думаю, в ближайшее время двусторонние отношения в сфере экономики и взаимных инвестиций могут достаточно серьезно пойти на глубину. У вас хорошие перспективы, желаю успехов.

Вопрос: 2 сентября мы отмечаем очередную годовщину окончания Второй мировой войны, но вместе с тем видим претензии Японии на Курильские острова. Аналогичные претензии Япония выдвигает к Корее и Китаю. Почему до сих пор не заключен мирный договор с Японией и почему этого нельзя сделать в рамках какой-нибудь международной организации, например в АТЭС?

С.В. Лавров: АТЭС – не межгосударственное образование, а форум экономик. Он имеет особый статус, поэтому любые межгосударственные политические и юридические договоренности в рамках АТЭС по определению не рассматриваются. Там обсуждаются экономические вопросы.

В настоящее время мы не видим препятствий для развития отношений с Токио даже в отсутствие мирного договора. Есть двусторонняя Декларация 1956 года, которая, по сути, возобновила отношения между нашими странами. В ней упоминается необходимость заключения мирного договора до обсуждения территориальных вопросов. Мирный договор – сначала при всех обстоятельствах. Наша позиция проста – и мы ее не раз излагали: мирный договор, Сан-Францисский договор и другие неуниверсальные документы важны. Но важнее любого многостороннего юридического инструмента – Устав ООН, который фиксирует итоги, в том числе и территориальные, Второй мировой войны. Все государства-члены ООН, прежде чем стать полноправным членом Организации, подписывают и ратифицируют Устав – это та «печка», от которой нужно «плясать».

Вопрос: Испытывает ли в настоящее время МИД недостаток или переизбыток молодых дипломатических кадров?

С.В. Лавров: Недостатка мы точно не испытываем, переизбытка тоже. Однако есть проблема. В начале конце 1980 – 1990-х гг., когда получили развитие кооперативное движение и частное предпринимательство, только что образовавшимся частным компаниям требовались кадры с хорошим знанием иностранных языков для целей общения за границей. Поскольку тогда зарплаты в МИД были близки к нищенским, то предложение в 500 долларов в месяц казалось привлекательным для сотрудников Министерства, и прослойка «рабочих лошадей» – дипломатов среднего звена (первых, вторых секретарей и даже советников) – серьезно истощилась

в тот период. Какое-то время назад мы стали это ощущать. Молодежь вроде пришла в МИД на смену старшему поколению, но образовался «провал» в категории молодых, но уже опытных людей, проработавших с десятков лет в МИД, способных самостоятельно готовить документы. Сейчас проблема решается, поскольку новые волны выпускников, ежегодно принимаемых в МИД, обретают силу (хотя пока еще не стали «цунами», но близко к этому). Шучу, конечно. На самом же деле, думаю, в настоящее время у нас оптимальный кадровый баланс.

Вопрос: Какие геополитические последствия для России может иметь передача Украине Тузлинской косы?

С.В. Лавров: Вопрос был достаточно острым лет восемь. Мы ведем переговоры с украинскими коллегами о решении проблемы акватории Азовского моря, Керченского пролива и Черного моря. Все эти вопросы взаимосвязаны, дискуссии продолжаются, но есть принципиальное понимание по некоторым их аспектам, хотя окончательной договоренности пока не достигнуто. Уверен, что интересы Российской Федерации, как и интересы Украины, будут полностью обеспечены. Необходимо добиваться решений, которые будут комфортны для наших двух стран.

Вопрос: Если бы у власти был Петр I, где бы он построил столицу?

С.В. Лавров: В Санкт-Петербурге Петр I в свое время уже построил столицу. Поэтому не понимаю вашего вопроса. Нет необходимости в новой столице – у нас есть две столицы: Москва и Петербург.

Вопрос: МГИМО – это не только учеба, но и спорт. Вы болельщик «Спартака». Пойдете ли на прощальный матч Егора Титова, который состоится 9 сентября?

С.В. Лавров: Я буду во Владивостоке, но если бы успел вернуться, то обязательно пошел бы. Мы несколько раз вместе играли в мини-футбол. Это действительно отдельные впечатления. Чувствуешь себя по-другому на поле, когда рядом такие мастера. Я иногда общаюсь со многими «спартаковцами» на футбольном поле – Ю.В. Гавриловым, Д.А. Аленичевым и другими. Любите не только спорт в себе, но и себя в спорте. Надо заниматься спортом. Уверен, в МГИМО(У) есть для этого все возможности.

Спасибо и всего доброго.

1 сентября 2012 года

VII Конвент РАМИ

В конце сентября в МГИМО-Университете состоялось одно из ключевых событий в науке о международных отношениях и мировой политике России – очередной VII Конвент Российской ассоциации международных исследований. В период проведения мероприятий Конвента 28–29 сентября Университет посетило более одной тысячи гостей. Пленарное заседание Конвента 28 сентября открыл президент РАМИ, ректор МГИМО(У) МИД России, академик РАН А.В. Торкунов, обратив внимание участников заседания на актуальность и научно-практическую значимость тематики открывшегося Конвента «Ресурсы модернизации: возможности и пределы международного контекста».

Заместитель министра иностранных дел России С.А. Рябков в своем докладе остановился на основных проблемах внешней политики Российской Федерации и системы международных отношений в целом. Декан факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ А.Ю. Мельвиль выступил с докладом о качестве институтов как ключевом приоритете на современном этапе российской модернизации. Директор ВЦИОМ В.В. Федоров поделился с участниками Конвента результатами исследования взглядов россиян на место и роль России в современном мире.

В ходе пленарного заседания также выступили: президент Ассоциации международных исследований (International Studies Association) Э. Солинген (США); исполнительный секретарь Всемирного комитета международных исследований (Словения) Б. Бучар; директор Центра польско-российского диалога и согласия (Польша) С. Дембский; директор фонда «Российско-польский Центр диалога и согласия» П. Стегний.

В рамках Конвента работали 23 секции:

- «Международно-политические и правовые аспекты реализации интеграционных проектов с участием Российской Федерации»;
- «Латинская Америка: парадигмы модернизации в контексте глобальных вызовов современности»;
- «Креативная дипломатия»;
- «Финансовый кризис и политэкономия международных отношений»;
- «Социология массовых коммуникаций»;
- «Российско-американские отношения в контексте выборных циклов»;
- «Интернет технологии в международных исследованиях»;
- «Специальная секция РАПН»;
- «Кризис в Европе: пути и формы выхода»;
- «Испания»;
- «Межкультурная коммуникация»;
- «Мировая энергетика: воздействие кризиса»;
- «Безопасность: традиционные и новые формы военной активности»;
- «Международная журналистика – кризис жанра, кадровый кризис?»;
- «Устойчивое развитие и экология»;
- «Внешинополитические ресурсы России: восточноевропейский вектор»;
- «Украинистика»;
- «Социально-гуманитарные и образовательные ресурсы внешней политики»;
- «Стратегии великих держав»;
- «Арабская весна»;
- «Миграция: источники, причины, регулирование»;
- «Финансирование международного развития: инновационные подходы»;
- «Международный лоббизм и противодействие коррупции».

В рамках Конвента состоялись заседания трех «круглых столов» по темам: «Модернизация в истории и теории мировой политики и мировой экономики»; «Россия в многосторонних институтах глобального управления»; «Международное право и современные теории международных отношений: проблема сочетаемости».

Выступление президента РАМИ, ректора МГИМО(У) МИД России, академика РАН А.В. Торкунова

Уважаемые коллеги, гости VII Конвента РАМИ!

Традиционно при формулировании темы Конвентов мы стараемся сочетать в ней как устойчивые, фоновые составляющие, так и «модные» компоненты. Полтора года назад модернизация нам казалась именно таким компонентом. Сейчас ясно, что она переходит в ряд фоновых, но от этого – не менее важных тенденций общественного развития. Скорее наоборот, мировые реалии заставляют задаться вопросом, насколько процессы модернизации могут упреждать негативное развитие событий в отдельных обществах, регионах, международной системе в целом.

Формально-организационная структура нашего Конвента явствует из Программы, следовательно же он охватывает три элемента:

- внешнеполитические ресурсы – как совокупность потенциала и инструментария, доступного государству для реализации внешнеполитических целей;

- модернизацию – процесс сознательного, часто вынужденного, как правило, ускоренного по сравнению с характерной для общественных систем динамикой, реформирования экономического, политико-правового, а зачастую и социокультурного укладов;

- международную среду – ограниченное доступными для практического анализа ретроспективой и перспективой состояние междуна-

родной системы, ее региональных компонентов и функциональных сфер.

Если несколько упрощать ситуацию, то два года между прошлым и нынешним Конвентами и два года до следующего – вот временные горизонты нашей сегодняшней дискуссии!

Российская практика внешнеполитического прогнозирования и планирования, к сожалению, уделяет не самое большое внимание оценке внешнеполитических ресурсов, считая их некоей константой. В этой ситуации даже при правильно сформулированных национальных интересах внешнеполитические цели становятся расплывчатыми и зачастую недостижимыми.

Мы сознательно обратили внимание на те элементы ресурсов, которые в последние годы испытывают наибольшую степень коррекции и постарались посвятить их обсуждению работу отдельных секций.

Действительно, миграционные процессы как на постсоветском пространстве, так и внутри самой России меняют демографический потенциал страны, добавляют новые черты в гуманитарно-культурный ее ландшафт, что объективно не может не сказываться на проведении и восприятии внешней политики и международных событий.

Возрастает значение межкультурной коммуникации. Так, я с огромным интересом, а где-то и с озабоченностью прислушивался к тем оценкам, которые давались и даются «арабской весне», в частности, событиям в Сирии, Ливии

российскими государственными деятелями, сенаторами, представляющими мусульманские республики. Эти оценки иначе нюансированы, чем привычные в московском или питерском истеблишменте подходы.

Если к главному и фактически эксклюзивному институциональному ресурсу России в начале 1990-х годов относилось участие в Совете Безопасности ООН и других институтах ООНовской же семьи, то последующие двадцать лет были посвящены сознательному расширению нашего институционального присутствия на международной арене. Сейчас трудно себе представить нашу страну вне Совета Европы, МВФ, Группы Всемирного Банка, АТЭС, «Большой восьмерки». Важнейшим шагом включения в современные многосторонние отношения стало присоединение к ВТО.

Россия сама стала инициатором и соавтором нового институтостроительства, несомненными достижениями которого стали СНГ, ШОС, ОДКБ, ЕврАзЭС/Таможенный Союз, БРИКС, Форум стран экспортеров газа (ФСЭГ), ряд субрегиональных структур.

Отдельным компонентом институциональных ресурсов является способность или неспособность государства или интеграционного союза формировать вокруг себя на соседних пространствах режимы общей экономической практики, социально-политических и правовых стандартов. Например, ЕС это удается, насколько это удастся Россия – вопрос для обсуждения?

Россия пусть медленно, пусть за счет успехов в отдельных нишах, прежде всего не самого высокого промышленного передела, но увеличивает свою долю в мировой экономике. Экономический потенциал не просто усиливает роль страны на международной арене, но и заставляет диверсифицировать внешнюю политику. Чем в большем количестве рыночных секторов представлена Россия на европейском, постсоветском пространстве, тем более детальной, сложной становится российская внешняя политика.

Очевидно, что это происходит под влиянием различных групп интересов, в результате в России и в отношениях России с внешним миром складывается современная система внешнеполитического лоббизма. Этот феномен, не самый публичный и в западных международных исследованиях, у нас фактически не исследован.

Для России по-прежнему огромную роль в экономических ресурсах играет энергетическая компонента, которая оказывается подверженной серьезным вызовам, связанным с появлением или ожиданием появления новых источников, видов энергетического сырья, маршрутов его транспортировки.

Очевидно, что традиционная военная составляющая внешнеполитических ресурсов подвержена значительной эволюции. Она также измеряется не только количественными пара-

метрами, но и качественным составом внешнеполитического сообщества, новыми формами военной активности, будь-то пиратство или частные военные компании.

К внешнеполитическим ресурсам мы уже традиционно причисляем «мягкую силу». Наверное, это правильно. Однако следует различать объективную притягательность современной России, которая складывается из огромного рынка, относительно высоких (по сравнению с некоторыми ближайшими соседями) стандартов жизни и комфортности культурного существования в русскоязычной среде для жителей окружающего ареала, от механизмов управления «мягкой силой».

Здесь дело обстоит гораздо хуже, хотя у нас появились за последние годы новые структуры публичной дипломатии (РСМД, Фонд Горчакова, российско – польские центры), а относительно привычных структур («Россотрудничество») существуют серьезные планы их реформирования.

Правда, следует отметить, что публичная дипломатия и «мягкая сила» только тогда достигают своего идеала, когда страна обладает притягательной для внешнего мира идеей или идеологией. Это ресурс эксклюзивный – он в полной своей мере проявлялся у революционной и наполеоновской Франции, молодого Советского государства, в виде «американской мечты» поколения 1940-1960-х гг., отчасти в идеологии интеграционного европеизма, к сожалению, в идеологии воинствующего ислама.

Но не стоит отчаиваться, идея может обладать и притягательностью регионального масштаба. Так, концепт, а главное эвентуальная практика «Русского мира» имеют шансы на успех.

Модернизационную составляющую в обсуждениях нашего Конвента я бы предложил рассмотреть в двух аспектах.

Модернизация – как ответ на внешние обстоятельства. Россия знала несколько волн такой модернизации – это периоды, пришедшиеся на правления Алексея Михайловича и Петра I, Александра II; прерванная волна столыпинских реформ; советские модернизации 1920-х и рубежа 1950-1960-х годов. Международные источники этих модернизаций, равно как корейской, южноазиатской, японской, иранской – хорошо известны. В этой связи нам стоит подумать над тем, работает ли этот фактор в глобальном мире?

Как ни парадоксально, но единственная масштабная модернизация, которую мы наблюдаем в последние двадцать лет, зародилась еще в недрах биполярной системы. Индийские, латиноамериканские попытки выйти на модернизацию в лучшем случае оборачиваются – применим советский термин – «ускорением научно-технического прогресса». Развитие нашей страны также, думаю, описывается пока в других терминах – иначе руководству не нужно было бы ставить задачу модернизации.

■ Международные отношения

Другой аспект модернизации – непосредственная роль иностранцев, иностранного участия, иностранного бизнеса и заимствованной экономической и правовой практики. Грубо говоря, это – роль Немецкой слободы, европейских селтльментов в Китае и Японии, европеизированной шахской семьи в Иране и их современные аналоги. При этом, как только мы говорим об аналогах, сразу обнаруживается, что формально закрытых для внешнего влияния стран в современном мире ничтожное число. Гораздо больше тех, где формальное наличие внешней модернизационной «закваски» к модернизации не ведет.

Вполне возможно, что это феномен глобального рынка: как на любом рынке, здесь есть разные качественные и ценовые сегменты. Возможно, глобальному рынку только люксовые и высококачественные сегменты не нужны, а модернизация фактически резервируется только для избранных?

И о международной среде. Здесь в нашей дискуссии главное – не сбиться на примитивный нарратив. Иначе мы просто друг другу расскажем о кризисе, о пострадавших Испании и Греции, о незадачливых арабских автократах и о все большем устаревании международного права в его версии, придуманной для прошлой эпохи.

В нашем же случае скорее нужно посмотреть на другое. Например, на огромную диверсификацию форм выхода из кризиса и на предварительные его итоги для разных групп стран. При этом осознавать, что это первый кризис, который переживает Россия не просто

как субъект глобальной экономики, но и как полноправный участник многосторонних экономических институтов. Кризис 1997–1999 гг. по-иному выглядел для все еще «переходной» России.

Относительно «арабской весны» стоило бы задаться вопросом о том, не является ли она примером реверсного развития? Ведь на смену пусть и диктаторским, но светским режимам приходят религиозные идеологи. Почему для Тропической Африки мы допускаем факт экономического регресса как способа существования, а политический регресс в арабском мире нам кажется невозможным?

Последние два десятилетия родили огромное количество, в том числе и проживших очень недолго теорий или квазитеорий мировой политики. Но почему они, за исключением уже банальной «гуманитарной интервенции», не отлились в формулы международного права, а международники-политологи действуют в отрыве от прагматического мира юристов?

Суммируя, можно сказать, что модернизация и провоцируется, и ограничивается контекстом мирового развития. При этом модернизируемая страна очевидно меняет свою роль в международных процессах, формирует вокруг себя иную сеть содержательных связей, по-иному начинает воздействовать на международную среду.

Полагаю, что анализ этих взаимозависимостей и станет предметом обсуждений в секциях и на «круглых столах» Конвента.

Torkunov A. V. Speech at the Plenary Session of the 7th Convention of RISA.

Выступление замминистра иностранных дел России С.А. Рябкова на VII Конвенте РАМИ

Уважаемый Анатолий Васильевич,
Уважаемые дамы и господа!

Прежде всего хотел бы поздравить участников открытия очередного, уже седьмого Конвента Российской ассоциации международных исследований и передать вам теплый привет и наилучшие пожелания от С.В. Лаврова, который по поручению Президента В.В. Путина находится сейчас в Нью-Йорке во главе российской делегации на 67-й сессии ГА ООН.

Российская политологическая школа по праву пользуется авторитетом и уважением в международном научном сообществе. Отрадно, что наши эксперты не боятся брать в проработку сложные, многокомпонентные темы. Такие, как, например, тема вашей нынешней встречи – «Ресурсы модернизации: возможности и пределы международного контекста». Актуальность ее трудно переоценить: вся наша внешняя политика нацелена на создание благоприятных внешних условий для динамичного развития нашей страны, перевода ее экономики на инновационный путь.

Сегодня мы являемся свидетелями начала переходного этапа в мировом развитии, что сопровождается радикальными изменениями геополитического ландшафта. Этот тезис выделил президент В.В. Путин в выступлении на совещании послов и постпредов Российской Федерации в июле нынешнего года. Глубокие трансформации на мировой арене сопровождаются турбулентностью в сферах экономики, политики, в целом в международных отношениях – на глобальном и региональном уровнях. По сути, речь может идти не только об определении основных параметров мироустройства XXI века, но и об очередной смене исторических эпох. Этот процесс идет неровно, противоречиво, характеризуется элементами неопределенности и напряженности.

По-прежнему лихорадит мировую экономику, структурные проблемы которой до сих пор не решены, продолжается накопление кризисных элементов. Сползание еврозоны в рецессию и ее долговые неурядицы – лишь верхушка айсберга.

На наших глазах формируется новая полицентричная система международных отношений. Не вызывает сомнений, что в XXI веке их судьбы не смогут определять ни какое-то одно, пусть даже самое мощное, государство, ни противостоящие друг другу военно-политические блоки, как это было в период «холодной войны», ни даже узкий концерт «избранных» стран и центров мирового влияния. Речь идет о том, чтобы построить справедливую демократическую и устойчивую, в идеале – саморегулирующуюся систему международных отношений.

Подтверждением этому является отмечаемое всеми перераспределение баланса сил в глобальном масштабе, включая повышение экономического веса и политического влияния Азиатско-Тихоокеанского региона. Процессы региональной интеграции, последовательного укрепления международных позиций характерны для Латинской Америки.

В целом речь идет о завершении многовековой эпохи доминирования Запада в мировых делах. При этом, как подчеркивал Президент России, системный кризис, переживаемый ведущими центрами западного мира, не вызывает у нас злорадства. Ведь Евросоюз – наш ведущий торгово-экономический партнер, да и в культурно-цивилизационном плане Россия является одной из ветвей европейской цивилизации.

Суть в том, что нашим западным партнерам не следует поддаваться искушению и пытаться затормозить объективные процессы изменения глобального баланса с опорой в том числе на силовые методы, не стоит гнаться за иллюзией абсолютной неуязвимости. Серьезные опасения вызывают рецидивы односторонних действий, попытки ряда государств навязать другим свою шкалу ценностей, добиться для себя геополитических преимуществ, вмешиваясь во внутрисостоятельные конфликты, действуя в обход международного права и устоявшихся форматов принятия решений.

На днях началась общеполитическая дискуссия на 67-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. И в ходе работы

■ Международные отношения

нашей делегации на сессии, и в дальнейшем мы будем решительно противодействовать попыткам нарушать Устав ООН, в котором заложены принципы коллективного управления международными отношениями, утверждения полицентричного мироустройства при уважении суверенитета и равенства всех государств, их территориальной целостности, решении любых проблем через переговоры, без вмешательства извне. Именно они составляют фундамент современного международного права. Последовательное утверждение верховенства права в мировых делах является одним из ключевых приоритетов нашей дипломатии. Твердо убеждены, что уважение принципов демократии и верховенства права должно быть обеспечено на международной арене точно так же, как и внутри государств.

В противном случае в мире усилятся риски сползания к хаосу и неуправляемости. Отсюда – наша настойчивость в урегулировании существующих проблем на основе принципа равной и неделимой безопасности, который сегодня приобретает универсальный характер, в продвижении объединительной, позитивной повестки дня в международных отношениях.

Хотел бы подчеркнуть, что в период серьезных испытаний, через которые проходят сейчас международные отношения, Россия не только сталкивается с опасностями, но и открывает для себя новые возможности. Объективно более востребованной становится стабилизирующая, уравнивающая роль нашей страны в современном мире. Самостоятельность, независимость внешней политики России – это наша историческая традиция и одновременно наше достоинство, позволяющее эффективно способствовать укреплению международной стабильности.

Сегодня все члены мирового сообщества сталкиваются с общими глобальными вызовами, среди которых – опасность распространения оружия массового уничтожения, международный терроризм, организованная преступность, наркотрафик, пиратство, изменение климата, незаконная миграция, природные и техногенные катастрофы, нехватка продовольствия, массовые эпидемии – и это далеко не полный перечень. Все эти проблемы имеют трансграничный характер, затрагивают интересы всех государств и требуют выработки сбалансированной стратегии их решения и слаженной совместной работы. Все более востребована сетевая дипломатия, предполагающая формирование гибких, взаимопересекающихся объединений на основе совпадающих интересов.

Убеждены, вне рамок солидарных, скоординированных усилий решения имеющихся проблем выработать не удастся. Ответы на общие для всех угрозы могут быть найдены только на пути подлинного партнерства, на равноправной, взаимоуважительной основе и при учете интересов и озабоченностей друг друга. Россия настроена идти далеко вперед в развитии глубокого, долгосрочного и многопланового сотрудничества в наших отношениях с другими странами. Настолько далеко, насколько к этому готовы наши партнеры.

Россия последовательно встраивается в глобальные процессы. Новые возможности появляются с вступлением нашей страны в ВТО, а в перспективе – и в ОЭСР. Набирает обороты, особенно на фоне многолетней пробуксовки Дохийского раунда, работа по созданию двусторонних зон свободной торговли с целым рядом стран.

Исходим из того, что Таможенный союз и Единое экономическое пространство России, Белоруссии и Казахстана, а с 2015 г. и Евразийский экономический союз внесут заметный вклад в решение задачи обеспечения устойчивого развития и на пространстве СНГ и в соседних регионах. Вообще, углубление интеграционных процессов на пространстве Содружества – курс, рассчитанный на стратегическую перспективу и отражающий объективные тенденции эпохи глобализации, включая укрепление роли региональных объединений. У создаваемого нами интеграционного механизма имеются все основания стать связующим звеном между АТР и Европейским союзом. В силе предложение российского руководства о построении единого рынка от Атлантики до Тихого океана с триллионными объемами торговли.

Одна из ключевых особенностей современного мира, способствующих становлению полицентричного мироустройства – повышение значения фактора культурно-цивилизационного многообразия. Сегодня предотвращение межцивилизационных разломов является одной из приоритетных задач в международных отношениях. Все больше укрепляется понимание того, что императивом является гармонизация международных отношений, опирающаяся на сближение и взаимопроникновение культур и экономик, своего рода управление плюрализмом современного мира.

Россия заинтересована в том, чтобы новая архитектура безопасности и сотрудничества – как в Евро-Атлантике, так и в Азиатско-Тихоокеанском регионе и других районах мира – была справедливой и устойчивой, опиралась на внеблочные начала, взаимодействие ведущих государств и интеграционных объединений, предоставляла возможности для развития широкой международной кооперации на основе равноправия и взаимной выгоды. Наши усилия на пространстве СНГ в формате «Группы двадцати», «Группы восьми», БРИКС, ШОС – примеры такой взвешенной и ответственной линии.

Свое отражение признание роли нашей страны в мире находит в председательстве России в различных международных форматах – в АТЭС в нынешнем году, в «Группе двадцати» – в будущем, в «Группе восьми» в 2014 году. В 2015 году мы будем председательствовать в Шанхайской организации сотрудничества и в объединении БРИКС. Это, несомненно, одно из свидетельств укрепления международных позиций России.

Удовлетворены результатами состоявшегося в начале месяца во Владивостоке саммита форума «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество» – ведущего экономического

объединения Азиатско-Тихоокеанского региона. Удалось заложить прочную основу для последующей работы по углублению интеграционного сотрудничества, развитию торговли и инвестиций, транспортной инфраструктуры, обеспечению продовольственной безопасности.

Рассматриваем это как продолжение встраивания в региональные интеграционные процессы, продвижения плодотворного и взаимовыгодного сотрудничества с государствами АТР. Главная цель наших усилий – создание необходимых внешних условий для модернизации и инновационного развития нашей страны, в том числе социально-экономического подъема Сибири и Дальнего Востока.

Одной из важнейших тем международной повестки дня сегодня стала ситуация в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Кардинальные, болезненные сдвиги, которые там происходят, будут ощущаться еще длительное время. А результаты урегулирования кризисных ситуаций, в первую очередь – в Сирии, окажут серьезное влияние на процессы формирования нового мироустройства.

Попытки искать пути решения кризиса в Сирии вне рамок Совета Безопасности ООН имели бы самые деструктивные и опасные последствия как для Сирии, так и для региона Ближнего Востока, а в конечном итоге – и всего современного мирового правопорядка. Подлинное урегулирование достижимо лишь посредством переговоров и поиска компромиссов, учитывающих интересы всех конфессий и групп сирийского общества. Реализация «ливийской модели» – тупиковый путь. Исходим из того, что задача международного сообщества – не поддержка одной из сторон внутреннего конфликта и не осуществление операций по смене режимов, а прекращение любого насилия и содействие началу инклюзивного диалога с целью выхода на компромиссное решение о необходимых политических реформах. Другими словами, все основные международные игроки, имеющие отношение к сирийскому кризису, должны «навалиться» на все воюющие стороны, чтобы побудить их сесть за стол переговоров и определить будущие параметры своего государства. Считаем важным, чтобы все выполняли обязательства, вытекающие из принятых на основе консенсуса решений – соответствующих резолюций СБ ООН, плана К. Аннана, Женевского коммюнике «Группы действий».

Что касается ссылок на концепцию «ответственности по защите», то в итоговом документе «Саммита-2005» говорится о главной ответственности государств за защиту своего населения, а международное содействие должно носить мирный характер. Применение военной силы может быть оправданным только в крайних случаях и исключительно с санкции СБ ООН. Важно при этом отметить, что дискуссия в ООН по содержанию данной концепции далека от завершения, и не следует выдавать ее вольные интерпретации за коллективное мнение мирового сообщества.

Разумеется, искренне заинтересованы, чтобы ближневосточные страны развивались по предсказуемому демократическому пути, хотим видеть их стабильными и процветающими. Исходим из того, что наращивание всестороннего сотрудничества отвечает нашим общим интересам.

Активный и созидательный курс нашей дипломатии пользуется поддержкой руководства и населения страны. 7 мая Президент В.В. Путин подписал Указ «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации». В нем в концентрированном виде изложены основные задачи во внешнеполитической сфере. Их системное обобщение должно найти отражение в обновленной Концепции внешней политики Российской Федерации, проект которой до декабря нынешнего года поручено подготовить МИД.

Хотел бы подчеркнуть – речь идет именно о новой редакции, а не о кардинальной ревизии этого концептуального внешнеполитического документа. Преемственность российской внешнеполитической философии в полной мере сохраняется. В основе нашего внешнеполитического курса будут и впредь лежать ключевые принципы, доказавшие свою востребованность и универсальный характер – прагматизм, открытость, многовекторность, последовательное, но без сползания к конфронтации продвижение национальных интересов.

В то же время в обновленной редакции Концепции будут учтены новые мировые тенденции, стремительные изменения, происходящие в международных отношениях. Акцент будет сделан и на том, чтобы энергичнее использовать наряду с традиционными все современные методы дипломатической работы, включая более последовательное продвижение экономических интересов государства и бизнеса, задействование механизмов «мягкой силы», информационное сопровождение внешней политики. Среди наших приоритетов будут обеспечение эффективной защиты прав и интересов российских граждан и соотечественников за рубежом, расширение российского культурного присутствия и укрепление позиций русского языка в мире.

В последнее время существенно укрепляется взаимодействие Министерства иностранных дел с академическими кругами, экспертным сообществом, институтами гражданского общества. Убеждены, что это способствует более четкому и обоснованному уточнению наших внешнеполитических приоритетов, обеспечению соответствия внешнеполитического курса России интересам наших граждан. Тесное сотрудничество МИД России с МГИМО(У) является составной частью этих усилий.

Желаю очередному Конвенту РАМИ успешной, плодотворной работы, на результаты которой, уверен, мы сможем опереться в своей деятельности.

Благодарю за внимание.

Riabkov S.A. Speech at the Plenary Session of the 7th Convention of RISA.

Арктика в системе глобальных приоритетов Пекина: взгляд из России

В.В. Карлусов

Глобализация экономики Китая в 1990–2010-х гг. сопровождается и его политической активизацией, в том числе на арктическом направлении. В статье с методологических позиций фундаментального системного анализа исследованы реальные интересы, формирующаяся общая стратегия, ресурсный потенциал и вероятные перспективы арктической политики Пекина. Сформулированы итоговые выводы и рекомендации, значимые и актуальные как для Китая, так и для арктических государств, включая Россию.

Китай, кардинально усиливший свои позиции в мировой экономике в последние три с половиной десятилетия, в конце 1990 – 2010-х гг. заметно активизировался и на арктическом направлении, что далеко не однозначно воспринимается мировым сообществом. Диапазон соответствующих международных оценок намерений КНР в Арктике варьировался от одобрительных (как сформулированная Данией: «Китай имеет в Арктике естественные и законные экономические и научные интересы») и до резко негативных, наподобие канадской оценки, согласно которой претензии КНР «подорывают арктический суверенитет Канады»¹.

Каковы реальные интересы и стратегические ориентиры Китая в Арктике, насколько они совпадают с официальными декларациями его политиков и рекомендациями ученых? Каковы ресурсный потенциал и вероятные перспективы развития арктической политики Пекина в ближайшее десятилетие?²

Иерархия интересов Китая в Арктике

Исходя из логики развития Китая в период его современных хозяйственных реформ (1978 г. – н.в.), а также из характера его нынешней активизации на арктическом направлении, можно, на наш взгляд, говорить о комплексе интересов Китая в Арктике. В его структуре выделяются, прежде всего, экономические интересы, включая природно-ресурсные и транспортно-логистические, во-вторых, геополитические и тесно связанные с ними военно-стра-

тегические, в-третьих, эколого-климатические и, в-четвертых, собственно научно-исследовательские интересы, включающие в себя как фундаментальные теоретические, так и разного рода научно-прикладные.

1. *Экономические интересы.* Интерес Китая к природным ресурсам Арктики обусловлен по меньшей мере двумя обстоятельствами: с одной стороны, внутренней природно-ресурсной ограниченностью экономического роста в КНР (по расчетам на базе авторитетных международных оценок, по общему минерально-сырьевому потенциалу Китай, в частности, уступает России не менее чем в 10–12 раз); с другой стороны, возможностями разработки богатых минеральных ресурсов данного региона, открывающимися в обозримой исторической перспективе в связи с глобальным потеплением климата, таянием арктических льдов и технико-технологическим прогрессом в добывающих отраслях.

Действительно, что касается минерального сырья, то в рассматриваемом регионе залегает 30% всех мировых прогнозных запасов газа и 13–15% соответствующих запасов нефти (по другим экспертным оценкам, запасы североарктического шельфа могут составлять даже до 75% всех запасов углеводородов планеты). Причем только на российском участке указанного шельфа, по данным Института проблем нефти и газа РАН, имеется 13 млрд т начальных извлекаемых ресурсов нефти и 87 трлн куб. м соответствующих ресурсов газа³.

Китай же с раскручиванием «маховика» своего индустриального роста все более и более зависит от

импорта энергоресурсов, большая часть которых, как известно, поступает в страну с политически нестабильного Ближнего Востока (так, степень этой зависимости в 2011 г. уже превысила соответствующий показатель США). Именно поэтому Китай рассматривает арктические нефтегазовые ресурсы в качестве одного из важнейших источников диверсификации географической структуры импортируемых страной энергоносителей⁴.

Помимо нефти и газа в регионе находятся весьма существенные по мировым меркам месторождения угля, меди, никеля, вольфрама, свинца, цинка, золота, серебра, алмазов, марганца, хрома и титана. Они из-за отсутствия соответствующих технологий и нехватки капиталов пока что недоступны для самостоятельной разработки даже полярными странами⁵. Китайские эксперты также признают, что Китай в настоящее время пока не располагает необходимыми для этого технологиями. Но он приступил уже к их разработке и призывает другие заинтересованные страны к созданию таковых, предлагая свое активное участие в их финансировании⁶.

Транспортно-логистические интересы – это важнейший сегмент в сфере экономических приоритетов Китая в Арктике. Действительно, значимость данных интересов все более возрастает по мере наращивания экспортного потенциала китайской экономики и превращения КНР в ведущую экспортную державу мира (в 2010 г. страна по объему экспорта товаров впервые превзошла Германию и США). Китайское руководство вполне осознает выгоду от развития торгового сообщения через арктические воды. При этом Пекин интересуется прежде всего такие новые судоходные магистрали, которые могут появиться в Северном Ледовитом океане (СЛО), как Северо-Западный проход (СЗП), идущий между Гренландией и Канадой, и Северный морской путь (СМП), тянущийся вдоль всего арктического побережья России.

В результате использования СМП, в частности сообщение между Шанхаем и Гамбургом, может стать короче практически вдвое, или примерно на 7000 морских миль. Кроме сокращения времени в пути, соответствующих расходов на фрахт судна, топливо, оплату труда команды и т.д., это позволит снизить риски и сократить транспортные издержки за счет отказа от маршрутов через нестабильные регионы Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, необходимости выплаты стоимости прохода судов через Суэцкий канал (см. рис. 1). Пока широкое использование арктических маршрутов находится под вопросом из-за:

- неразвитости транспортно-логистической инфраструктуры;
- проблемы плавающих льдов, мешающих судоходству;
- недостаточной глубины ряда проливов (например, Берингова), не позволяющей проходить там крупнотоннажным судам⁷.

Однако в обозримом будущем (по различным оценкам, до 2050 г.) эти морские пути могут стать полностью или достаточно свободными ото льда для судоходства в летний период. Таким образом, ис-

пользование Северного морского пути, как, впрочем, и Северо-Западного прохода, сулит немалые выгоды, потенциальные возможности и перспективы для развития во многом ориентированной на экспорт китайской экономики, в частности возможности сокращения транспортных издержек и времени доставки китайских товаров на рынки Европы и Северной Америки.

К освоению арктических морских путей Китай подталкивает и перспективное повышение стоимости его экспортных товаров за счет постепенного развития в КНР тенденции повышения стоимости рабочей силы. Так, к концу первого десятилетия XXI в. из-за вынужденной в условиях мирового экономического кризиса ориентации на расширение емкости внутреннего рынка темпы роста чистых доходов населения в Китае существенно приблизились к темпам роста его ВВП.

2. Геополитические и военно-стратегические интересы. Разработка стратегически важных сырьевых ресурсов, как и развитие новых морских путей в Арктике, безусловно, могут иметь для Китая не только торгово-экономическое, но и геополитическое и – особенно в перспективе – военно-стратегическое значение. Как отмечал в этой связи известный китайский ученый Ли Чжэньфу, появление более коротких судоходных путей из Восточной Азии в Европу и Северную Америку «потенциально может открыть перед Китаем огромные возможности – как экономические, так и военные... В частности, после того как Северо-Западный проход откроется, он превратится в новый «стержневой» морской путь между Атлантическим и Тихим океанами... Тот, кто будет контролировать этот арктический маршрут, будет контролировать новое направление мировых экономических и международных стратегий... Арктика имеет серьезное военное значение, и другие страны признают этот факт»⁸.

3. Эколого-климатические интересы. На современном этапе начального освоения Арктики Китай особо акцентирует внимание на своих эколого-климатических приоритетах в регионе, связанных, в частности, с глобальными изменениями климата на планете, ролью в этих изменениях Арктики и масштабами их реального и дальнейшего вероятного воздействия на Китай. Так, китайские ученые Ли Юаньшэн и Хоу Цзинлинь, представляющие соответственно Центр изучения полярных территорий АН КНР и Институт окружающей среды и городского развития Академии общественных наук (АОН) КНР, напрямую связывают различные природные катаклизмы в Китае в последние годы, такие, как сильная жара и засуха на севере и дожди и наводнения на юге страны, повлекшие за собой серьезные проблемы в сельском хозяйстве, с приходом арктических воздушных масс на территорию региона Восточной Азии. «Арктика – основной регион, где формируется погода Северного полушария, в том числе на территории Китая... Между природными катаклизмами последних лет и устойчивым повышением глобальной температуры может быть связь, и таяние арктических льдов играет критическую роль в этом процессе», – утверждали они⁹.

■ Международные отношения

4. *Научно-исследовательские интересы.* Помимо изучения климата, Китай заинтересован в фундаментальных и прикладных научных исследованиях и в таких областях, как полярная океанография, арктическая биология, геологоразведка в полярных широтах, глубинное бурение на арктическом континентальном шельфе, юридический статус Арктики в международном праве и ряде других, имеющих прямое и/или опосредованное отношение к Арктическому региону. По оценкам некоторых российских и зарубежных экспертов, Китай, территориально не являющийся полярной страной, ныне обладает одной из самых сильных и диверсифицированных научно-исследовательских программ Арктики и в ближайшие 5–10 лет намерен существенно увеличить масштабы и интенсивность этих исследований.

Говоря о комплексе интересов Китая в Арктике, следует, на наш взгляд, констатировать, что на современном этапе доминантными в этом комплексе, безусловно, являются экономические интересы, хотя по мере решения страной актуальной в XXI в. задачи, сформулированной ее руководством как задачи «преодоления узкого регионализма». То есть, выражаясь более понятным для нас языком, по мере дальнейшего усиления статуса Китая как глобальной державы геополитические и соответствующие им военно-стратегические интересы вполне могут обрести и некое новое звучание, выйдя из тени широко декларируемых ныне сугубо эколого-климатических и научных интересов Китая в этом регионе мира.

Формирование китайской стратегии в Арктике: основные принципы, направления и проекты

В первом и начале второго десятилетия XXI в. Китай находится в процессе выработки собственной общей (генеральной) стратегии деятельности в Арктике (и на мировой арене по поводу Арктики). Основными теоретическими принципами ее формирования являются:

– методология глобализации как объективного мирового явления, признание растущей взаимозависимости всех стран мира в эпоху глобализации («Человечество живет как бы на одном корабле...», – писал, в частности, по этому поводу известный китайский ученый, профессор Пекинского педагогического университета Ли Син¹⁰);

– концепция «совместного развития» («со-развития») КНР и других стран мира как одно из необходимых условий реализации национальной идеи «мирного возвышения», «возрождения былого величия» Китая;

– новая социально-экономическая стратегия гармоничного развития страны (предполагающая, в частности, баланс общества и природы, экономики и социальной сферы, экономики внешней и внутренней ориентации и т.п.).

В КНР в то же время вполне отдают себе отчет в том, что «нынешний мир не гармоничен», «человечество сталкивается с постоянным сокращением жизненно важных ресурсов», «силовая политика и гегемонизм» со стороны определенных мировых

держав «все еще сохраняются», как и проистекающие из этого для Китая «угрозы в сфере безопасности», в связи с чем быстро развивающийся Китай оставляет за собой право действовать с позиций «мягкой силы» в отношении подобных вызовов и угроз (термины в кавычках приведены как цитаты из упомянутой выше статьи Ли Сина).

Основные направления и соответствующие им проекты, которыми занимаются китайские НИИ и практические организации в сфере разработки и начальной стадии реализации арктической стратегии страны, сводятся к следующим:

1) природные ресурсы Арктики, их изучение, геологоразведка и технологии промышленного освоения;

2) морские пути и транспортные перевозки в Арктическом регионе;

3) арктические экспедиции Китая;

4) участие в международных научно-экспертных дискуссиях по Арктике;

5) Арктика в международном законодательстве, международно-правовая деятельность Китая по уточнению и институализации юридического статуса Арктики;

6) политика и дипломатия в отношении Арктики и полярных стран, поиск стран-партнеров по освоению региона;

7) военно-стратегическая ситуация, перспективы и формы военного присутствия КНР в Арктике;

8) общая (генеральная) стратегия деятельности Китая в Арктике.

К июню 2012 г., насколько нам известно, единого официального установочного документа относительно общей китайской стратегии в Арктике в КНР пока опубликовано не было (по крайней мере, в открытой печати). В числе конкретных активно реализуемых проектов по указанным выше направлениям можно, в частности, назвать комплексный проект «Арктическая экспедиция», который включает:

– во-первых, осуществление в летний период (с мая по сентябрь) регулярных экспедиций на собственном ледоколе (см. раздел «Ресурсы...») в Северный Ледовитый океан, уже состоявшихся в 1999, 2003, 2008 и 2010 гг. и планируемых к осуществлению в 2012 г. и далее с частотой в среднем не менее чем 1 раз в 2 года;

– во-вторых, работу на постоянно действующей с 2004 г. китайской полярной исследовательской станции «Хуанхэ чжань», расположенной на архипелаге Шпицберген в Баренцевом море (территория для станции арендована у Норвегии).

В качестве характерного примера, отражающего активизацию работы Китая в международно-правовой сфере по проблемам арктического законодательства, можно, в частности, привести опубликованную в КНР в 2010 г. статью представляющих Школу политики и права Китайского университета океанологии (г. Циндао) китайских исследователей Лю Хуэйжуна, Дун Юэ и Хоу Ицзя «Юридический подход к защите Арктической экспедиции и соответствующих прав и интересов

Китая». В ней авторы, по сути, аргументируют интернационализацию Арктики как объекта международного права, фактически ставя знак равенства между правами собственно полярных стран и «других государств, имеющих арктические экспедиции», прежде всего Китая¹¹.

В 2000–2010-х гг. Китай заметно активизировал свои дипломатические усилия на арктическом направлении, касающиеся, в частности, поиска стран-партнеров по освоению региона, прежде всего из числа полярных стран, входящих в Арктический совет¹².

Конкретный официальный диалог и сотрудничество по вопросам Арктики КНР уже ведет с Норвегией, Канадой, Данией, Исландией, причем сотрудничество идет в основном по вопросам добычи энергоресурсов, что, в частности, демонстрирует соответствующую заинтересованность данных стран в китайских инвестициях. Кроме того, обсуждаются и вопросы грузоперевозок в полярных широтах. Особые отношения в этом контексте у Китая складываются с Данией, которая официально признала, что «Китай имеет законные интересы в Арктике». Именно при поддержке Дании КНР намерена стать постоянным наблюдателем при Арктическом совете и уже подала соответствующую заявку. Что же касается России, то в январе 2011 г. Роснефть и Китайская национальная нефтегазовая корпорация (CNPC) подписали меморандум о совместной геологоразведке и разработке полезных ископаемых в Арктике, а вице-премьер Правительства РФ И. Сечин заявил в этой связи о том, что стороны официально обсуждают возможность сотрудничества в данной сфере¹³.

Во второй половине первого – в начале второго десятилетия XXI в. Китай уже неоднократно демонстрировал свой возрастающий интерес к активному участию в международных экспертных дискуссиях по проблемам Арктического региона. В частности, это касалось прояснения и публичной презентации его собственных региональных приоритетов, включая их ресурсную, транспортную и климатическую составляющие. Представители Пекина участвовали в дискуссиях по поводу споров и столкновений национальных интересов арктических стран в отношении границ их континентальных шельфов (см. рис. 2 и 3), а также по целому ряду других вопросов. Весьма примечательно, в частности, что КНР проявила «обеспокоенность» по поводу заявленных в 2000-х гг. территориальных претензий России и Канады на океанскую акваторию вдоль подводного хребта Ломоносова, простирающегося на 2 тыс. км¹⁴.

Примером реализации проекта научно-публицистической аргументации и пропаганды в СМИ транспортных и военно-стратегических интересов Китая в Арктике может, в частности, послужить уже упомянутая выше статья китайского эксперта Ли Чжэньфу, в которой он, основываясь на SWOT – анализе (англоязычная аббревиатура от: strengths, weaknesses, opportunities and threats) проблемы судоходства КНР в Северном Ледовитом океане, фактически увязывает необходимость и

перспективность присутствия в будущем военного флота Китая в Арктике с соответствующими намерениями и действиями других государств мира, независимо от того, являются ли они полярными странами или нет¹⁵.

Ресурсный потенциал дальнейшей активизации Китая в Арктике

Хотя Китай географически не входит в число полярных стран и соответственно не является постоянным членом Арктического совета, имея пока лишь статус временного наблюдателя, он обладает разносторонними и в целом значительными ресурсами для дальнейшей активизации своих действий на арктическом направлении. Во-первых, следует указать на всевозрастающую в последние три десятилетия совокупную мощь Китая как одного из главных драйверов глобальной экономики. Так, по общему объему ВВП, исчисленному по паритету покупательной способности (ППС) юаня, КНР уже в 1995 г. стала второй державой мира. К 2017–2020 гг., по нашим оценкам, по этому показателю Китай обойдет США, став абсолютным мировым лидером.

Во-вторых, уже в первом десятилетии XXI в. промышленный комплекс КНР по основным результирующим показателям – таким, как объемы валовой продукции и добавленной стоимости промышленности, – вышел на первое место в мире. Принципиально важно при этом, что опережающими темпами развиваются отрасли промышленности, транспорта и связи, имеющие прямое отношение к созданию Китаем собственной транспортно-логистической системы в Арктике: судостроение (второе–третье места в мире по совокупному водоизмещению построенных в последнее десятилетие судов), авиационная и космическая промышленность, телекоммуникации. Стабильно возрастают общая мощность и техническая оснащенность китайских морских судоходных компаний, как и их соответствующие мировые рейтинги.

В-третьих, абсолютные доходы Китая от экспорта – самые высокие в мире и на протяжении двух десятилетий (с 1993 г.) являются важнейшим источником финансирования быстрого экономического роста страны. В то же время, в результате глобального финансово-экономического кризиса, сопровождавшегося, в частности, определенным снижением внешнего спроса на китайские экспортные товары, Китай вынужден балансировать между внутренней и внешней ориентацией своей экономики, как следствие, постепенно возрастают стоимость рабочей силы и производственные издержки в целом. В этих условиях Китай как глобальная экспортная держава крайне заинтересован по крайней мере в пропорциональном сокращении транспортных издержек доставки своих товаров в Европу и Северную Америку, а значит, в выделении финансовых и иных ресурсов для скорейшего налаживания и развития арктических морских путей, позволяющих, как было показано выше, уменьшить указанные издержки в 2 раза.

■ Международные отношения

В-четвертых, в 1990–2010-х гг. заметно возрастают как общие затраты КНР на НИОКР и их эффективность, так и прямые и косвенные расходы страны на научно-исследовательскую программу в Арктике. Так, в 1990–2009 г. доля расходов Китая на НИОКР выросла с 0,7 до 1,7% его ВВП и по плану к 2020 г. должна быть повышена, как минимум, до 2,5%, то есть до среднего уровня развитых стран. Это значит, что, учитывая общие прогнозные масштабы китайского ВВП к тому времени, абсолютный объем этой доли, вероятно, превысит соответствующие затраты нынешнего мирового лидера (США). Но еще более быстрыми темпами возрастает та часть указанных расходов КНР, которая направляется на финансирование национальной арктической программы:

- функционирование действующей полярной станции на Шпицбергене и строительство новых исследовательских и эксплуатационных баз в Арктике;
- модернизацию отечественных и зарубежных портов, ориентированных на арктические маршруты;
- строительство собственного мощного, адаптированного к полярным широтам ледокольного, торгового и военно-морского флота;
- производство специальной техники, включая глубоководные роботизированные системы, буровые установки и платформы, отечественную инновационную деятельность и финансирование венчурного бизнеса, закупку передовых технологий и инновационных технических средств за рубежом.

В частности, к находящемуся ныне в эксплуатации переделанному из купленного у Украины торгового судна, но модернизированному по последнему слову техники единственному китайскому ледоколу «Сюэлун» («Снежный дракон») уже в 2013 г. должен прибавиться и первый строящийся ныне в самом Китае специально предназначенный для Арктики мощный ледокол водоизмещением 8000 т (официально заявленная стоимость его строительства – 300 млн долл.).

В-пятых, Китай обладает постоянно возрастающими финансовыми ресурсами и возможностями для успешной реализации своей стратегии в Арктике. Так, вступив в ВТО (2001 г.), КНР уже в первом десятилетии сумела быстро нарастить собственные прямые зарубежные инвестиции, войдя по объемам соответствующих финансовых потоков в число мировых лидеров. Но действительно абсолютным лидером – причем с колоссальным отрывом от ближайших конкурентов – в указанное десятилетие Китай стал по объему золотовалютных резервов (ЗВР). Действительно, в период 1994–2011 гг. они выросли почти в 62 раза – с 52 млрд до 3,2 трлн долл. По этому показателю КНР опережает Россию, занимающую почетное третье место в соответствующем мировом рейтинге (после Китая и Японии), более чем в 6 раз.

В-шестых, китайская военная стратегия, имеющая в целом оборонительный характер (стратегия так называемой «активной обороны»), в совокупности с постоянно возрастающими затратами страны на модернизацию своих вооруженных сил в принципе вполне способна обеспечить реализацию

перспективных военно-стратегических интересов Китая в Арктике. В частности, Китай обладает одной из крупнейших в мире действующих армий (численностью около 3 млн чел.). В условиях определенного обострения противостояния КНР и США как глобальных держав приоритетными задачами Китая считаются задачи «ускорения модернизации национальной обороны и вооруженных сил на основе последних достижений науки», а также завершение механизации и современного этапа информатизации войск к 2020 г.

Перспективы реализации арктической политики Пекина в ближайшие 5–10 лет

Данные перспективы во многом зависят от разнонаправленного взаимодействия ряда краткосрочных и долговременных, внутренних и внешних по отношению к Китаю факторов и обстоятельств. К внешним факторам можно, в частности, отнести:

- *природные условия*. Доступность природных ресурсов и свобода судоходства в Арктике существенно зависят от глобального потепления климата и скорости таяния полярных льдов;

- *состояние технико-технологической базы*. Китай, как и другие страны мира, пока не обладает всеми необходимыми техническими средствами и технологиями для добычи ресурсов в Арктике, но готов финансировать их разработку и внедрение в производство, учитывая крайнюю потребность страны в новых источниках энергоресурсов;

- *политико-правовые условия*. В 2012 г. шесть полярных стран продолжали работу над заявками в Комиссию ООН по морскому праву на расширение границ своего континентального шельфа в Арктике (Россия, Канада, Норвегия, Дания, Исландия, США). Удовлетворение этих заявок в будущем может заметно сократить площадь нейтральных вод в регионе, что противоречит усилиям Китая по интернационализации Арктики.

В числе внутренних факторов существенное значение для арктической политики КНР имеют:

- начатый на рубеже XX – XXI вв. переход Китая к новой социально-экономической стратегии «гармоничного развития», ориентированного на баланс экономики и социальной сферы, человека и природы, внешней и внутренней ориентации национальной экономики. Эта стратегия, в частности, предполагает постепенный переход страны от экстенсивного, ресурсозатратного типа экономического роста к интенсивному, ресурсосберегающему, от инвестиционной модели индустриализации к инновационной, характерной для промышленно развитых стран;

- предстоящее повышение стоимости рабочей силы в КНР и, как следствие, ожидаемое повышение производственных издержек и соответственно стоимости китайских экспортных товаров, с одной стороны, и, наоборот, прогнозируемое понижение среднегодовых темпов прироста ВВП страны в 2011–2020 гг. с 9–10 до 7–8%, а к 2030 г. – даже до 5–6%, с другой;

- то обстоятельство, что, несмотря на планы эффективизации экономического роста в КНР и

ожидаемое относительное снижение спроса на импортируемые минерально-сырьевые ресурсы, реальная импортная зависимость экономики Китая в начале 2010-х гг. пока только повышается, превысив, в частности, в 2011 г. по ряду параметров соответствующие уровни США;

– «Большая стратегия Китая» (в аутентичном китайском переводе на английский язык «великая стратегия» – Grand strategy) к 2020 г. предполагает, в частности:

а) превращение Китая в крупнейшую экономическую державу мира;

б) учетверение его ВВП по сравнению с 2000 г. не только по абсолютному, но и среднелюдному показателю;

в) увеличение благосостояния народа и построение «общества среднего достатка» (сяокан шэжунь);

г) кардинальное повышение глобального статуса Китая, превращение его из «региональной державы с глобальным влиянием в глобальную державу»¹⁶;

– высокая внешнеторговая зависимость экономики Китая (по экспорту товаров обрабатывающей промышленности и импорту сырья), отмеченная выше внутренняя ресурсоограниченность его экономического роста, по сути, предопределяют неизбежность все большего вовлечения КНР в глобальную конкурентную борьбу за мировые источники сырья и рынки сбыта.

Именно в контексте приведенных выше внутренних и внешних факторов перспективная значимость Арктики для Китая – с ее богатейшими природными ресурсами и кратчайшими морскими путями между Востоком и Западом – не вызывает сомнений.

Говоря о перспективах развития китайской арктической политики на ближайшие 5–10 лет, следует учитывать также, что общее социально-экономическое развитие КНР как страны с планово-рыночной экономикой по-прежнему измеряется пятилетками. Поэтому и в случае с Арктикой следует структурировать и различать общие перспективные задачи КНР и прогнозы их реализации соответственно на текущую, 12–ю пятилетку (2011–2015 гг.) и предстоящую – 13–ю (2016–2020 гг.). Исходя из этого, приоритетными для Китая целями и задачами в первой половине 2010-х гг. можно назвать:

1. В научной сфере:

– развитие и совершенствование национальной программы научных исследований Арктики, в том числе силами отечественных НИИ, а также привлекаемых из-за рубежа – прежде всего из арктических стран – специалистов;

– активизацию и диверсификацию исследовательской работы на действующей полярной станции КНР на Шпицбергене (см. раздел «Ресурсы...»);

– попытки реализации намерений по основанию новых стационарных исследовательских станций на планируемых к взятию в аренду у полярных стран-членов Арктического совета территориях (в частности, предложение подобного рода в августе 2011 г. было сделано России от имени Китая участником видеомоста Москва – Пекин РИА «Новости» Мао Ханьном);

– проведение в 2012–2015 гг. трех полярных экспедиций на функционирующем ледоколе «Сюэлун»; спуск на воду, ввод в эксплуатацию (2013 г.) и осуществление одной-двух «пробных» экспедиций на новом, строящемся впервые в самом Китае ледоколе.

2. В экономической и военной областях:

– активизацию начальной стадии участия Китая в ресурсных проектах освоения Арктики: а) в международных водах – самостоятельную геологоразведку, глубинное бурение с применением глубоководных роботизированных систем и другие подготовительные работы по добыче минеральных ресурсов со дна Северного Ледовитого океана; экспериментальный рыбный промысел; б) в территориальных водах (на континентальном шельфе) арктических стран: сотрудничество с указанными странами в двусторонних проектах разработки месторождений минеральных ресурсов, прежде всего углеводородов, – в качестве инвестора, подрядчика, девелопера и т.п.;

– планируемое расширение строительства собственного ледокольного флота, а также строительство и модернизацию части торгового флота, ориентированной на грузоперевозки в условиях Арктики;

– модернизацию отечественных морских портов, расположенных в высоких широтах, ориентацию их на перспективные арктические маршруты и превращение в будущем в мировые транспортные центры;

– подготовку к модернизации и переоснащению подразделений ВМС и ВВС КНР, ориентированных на перспективу открытия регулярного морского торгового сообщения, охрану соответствующих интересов и обеспечение военно-стратегического присутствия Китая в Арктике.

3. В международной политико-правовой сфере:

– активное участие в международных многосторонних научно-экспертных и политико-правовых дискуссиях по Арктике, касающихся прежде всего уточнения и окончательной стабилизации ее статуса как объекта международного права, противодействие попыткам «раздела» СЛО полярными странами за счет расширения границ их арктического шельфа, ориентацию мирового сообщества (через СМИ, интернет-ресурсы и т.п.) на максимально возможную интернационализацию Арктики как «достояния всего человечества», «кухню климата Северного полушария нашей планеты» и т.п.;

– стремление к получению статуса постоянно-го наблюдателя Арктического совета, в том числе за счет агрессивного лоббирования и расширения круга поддержки своих интересов за счет малых арктических стран-членов Совета. По мнению авторитетных шведских экспертов, именно в силу такой чрезвычайной заинтересованности Пекина указанные страны ныне «имеют возможность заложить основу для уникальных отношений с Китаем, приглашая китайских чиновников и экспертов на дискуссии по Арктике»¹⁷;

– умеренное форсирование двустороннего переговорного процесса с отдельными арктическими государствами по научно-исследовательским, ресурсным и транспортным проектам освоения региона, в частности:

■ Международные отношения

а) по заключению договоров аренды островных территорий для новых китайских полярных станций;

б) по техническому обоснованию и подписанию контрактов на добычу энергоресурсов (переговоры уже идут с Норвегией, Данией, Исландией, Канадой и Россией);

в) по зондированию китайской стороной возможностей введения РФ и Канадой платы за проход китайских судов в их арктических водах и т.д.;

– планирование, начало и развитие конкретных переговоров в трехстороннем формате, в том числе трехсторонних проектов с участием российских, китайских и западных компаний по освоению крупных ресурсных месторождений. Необходимость таких проектов, как правило, вызвана тем, что ни одна из сторон по отдельности не располагает всеми необходимыми условиями и факторами для их разработки, в частности техникой и технологиями, капиталом и правами собственности (в качестве примеров можно привести крупнейшее Штокмановское месторождение природного газа в Баренцевом море, запасы которого оцениваются в 4 трлн куб. м, а также, возможно, другие разведанные месторождения, такие, как Русановское и Ленинградское).

Во второй половине 2010-х гг. вероятными приоритетами Китая в Арктике будут:

в научной сфере:

– достижение высокого уровня научно-прикладных исследований, необходимого и достаточного для адекватного научно-технического и технологического обеспечения реализации экономических интересов Китая в Арктике;

– качественное углубление фундаментальных исследований атмосферы, гидросферы, литосферы и биосферы полярных широт Земли, включая Арктику и Антарктику, планируемый выход на передовые рубежи в мировой науке по данным направлениям к 2020–2030 гг.;

– строительство и эксплуатация системы постоянно действующих исследовательских полярных станций в Арктике, расположенных на взятых в долгосрочную аренду у арктических стран территориях;

в экономике:

– начало масштабной промышленной разработки всего комплекса минеральных ресурсов Арктики – как самостоятельной, так и в партнерстве с другими странами и зарубежными ТНК. Как результат – диверсификация источников импорта сырья и сокращение дефицита стратегических энергоресурсов для продолжающей относительно быстрый рост, выходящей на позиции самой крупной в мире национальной экономики;

– освоение рыбных и прочих продовольственных и технических ресурсов гидро- и биосферы Северного Ледовитого океана и, как результат, расширение внешних источников решения все еще актуальной для Китая – как страны с самым большим в мире населением – проблемы продовольственной безопасности;

– создание (и/или участие в создании на правах одного из основных партнеров) единой транспортно-логистической и информационно-коммуника-

ционной системы в Арктике, включающей в себя:

а) высокочасный торговый и ледокольный флоты;

б) китайские морские порты, достигшие уровня мировых транспортных центров;

в) иностранные, в частности российские, порты–терминалы, используемые китайскими ТНК на арендной и прочей возмездной основе, телекоммуникации, информационные и интернет–ресурсы, космическую связь;

– крупномасштабное профессиональное освоение арктических морских маршрутов и создание за счет этого самого короткого транспортного коридора между Китаем, странами Восточной Азии, с одной стороны, и Европой, Северной и Латинской Америкой – с другой. Как результат:

– облегчение доступа Китая на европейский и американский рынки;

– минимизация транспортно-логистических издержек грузопотоков между Востоком и Западом;

– значительные доходы китайских туроператоров от развития международного туризма по арктическим маршрутам;

– выгодные в целом для Китая общие изменения в глобальной торговле и транспортной системе мира, которые в совокупности должны обеспечить существенное повышение статуса КНР как глобальной державы;

в военно-стратегической области и геополитике:

– обеспечение постоянного военно-стратегического присутствия Китая в арктических полярных широтах, в частности за счет освоения модернизированными ВМС КНР морских путей в Северном Ледовитом океане, а также Северо-Западного прохода (между Гренландией и Канадой) как кратчайшего пути между Тихим и Атлантическим океанами;

– охрану новых северных морских путей товаропотоков между Китаем и в целом Восточной Азией, с одной стороны, Европой и Америкой – с другой;

– выход Арктики на позиции важного фактора и стимула дальнейшей глобализации Китая, превращения его из региональной в глобальную державу и тем самым приобретения им качественно новой геоэкономической и геополитической роли в мире;

в международно-правовой сфере:

– вхождение Китая в Арктический совет на правах его постоянного наблюдателя, попытки достичь фактического уравнивания КНР в правах с полярными странами как страны, имеющей несколько постоянных арктических станций и регулярно организуемой крупные полярные экспедиции;

– общее повышение глобального статуса Китая за счет его отражения и закрепления в институтах международного права, в частности в результате активного участия страны в разработке так называемого арктического законодательства и решении других важнейших политико-правовых проблем освоения Арктики.

Учитывая прогрессирующую глобализацию экономики Китая в последнее десятилетие, активизацию его роли в мировой политике, в том числе на арктическом направлении, следует в то же время,

оставаясь на позициях реализма, отдавать себе отчет в том, что Арктика является весьма важным, но далеко не первостепенным приоритетом в иерархии геостратегических интересов Пекина. Весьма показательно в этой связи, в частности, мнение одного из западных специалистов – канадского профессора Д. Райта (представляющего исторический факультет Университета Калгари и Канадский институт обороны и иностранных дел). Он считает, что, несмотря на ожидаемое усиление противодействия со стороны Китая территориальным притязаниям арктических государств (например, Канады и России по поводу желаемого расширения границ их шельфа за счет акватории вдоль хребта Ломоносова), «маловероятно, что Китай захочет стать одной из воюющих сторон в вооруженном конфликте за Арктику или всерьез будет выдвигать территориальные претензии в этом регионе». И, продолжая этот исследователь, можно лишь ожидать, «что он будет более решительно и категорично комментировать проблемы Арктики»¹⁸.

Резюмируя изложенные выше факты и соображения, исходя из глобальных геостратегических и национальных экономических интересов России, можно, в частности, сформулировать следующие выводы и рекомендации:

- современная арктическая политика Пекина – это одно из конкретных, но весьма знаковых проявлений развития начальной стадии политической стратегии «китайского глобализма». Хочется верить в то, что, в отличие от американского, этот глобализм гораздо в большей степени имеет в качестве своей методологической основы реальную, выгодную всем странам глобализацию и методологию интеграции всех стран во взаимозависимый, компромиссный и многополярный мир, в условиях которого только и может в полной мере реализоваться национальная идея «мирного возвышения Китая»;

- в этой видимой в обозримой перспективе многополярной мировой системе стратегические интересы Китая и России в принципе совпадают, близки и/или взаимодополняют друг друга по геополитическому, ресурсно-экономическому и культурно-цивилизационному аспектам;

- противоречия же между этими интересами имеют преимущественно субъективный, а не объективный характер. Тот же, кто вольно или невольно раздувает эти противоречия, муссируя чужой миф о «желтой угрозе», де-факто ориентирован на дезинтеграцию России как правопреемницы СССР, на противодействие объективным интеграционным процессам, развивающимся на постсоветском пространстве и в Евразии в целом;

- «история повторяется дважды – как трагедия и как фарс...». Хочется верить, что нынешние политические элиты в России и Китае не допустят повторения роковой ошибки размежевания наших стран на рубеже 1950–1960-х гг. и ставшего, по сути, фактором относительного ослабления дореформенного Китая в 1960–1970-х гг., как и, по-видимому, одной из критических внешних предпосылок последовавшего затем развала Советского Союза;

- Россия как крупнейшая по территории и минерально-ресурсным запасам держава мира, как

одна из арктических стран имеет ныне уникальную возможность: в условиях дефицита собственных средств для полномасштабного освоения данных запасов использовать в этих целях избыточные финансовые, трудовые, технологические и прочие ресурсы Китая, привлекая его, в частности:

- а) к совместной разработке месторождений углеводородов на своем арктическом шельфе;

- б) к модернизации существующих и строительству новых международных морских портов на всем протяжении Северного морского пути;

- Россия может и должна использовать конструктивный потенциал российско-китайского стратегического партнерства, в том числе и на арктическом направлении, в качестве одного из драйверов своего нынешнего догоняющего развития и модернизации экономики, одной из предпосылок будущего опережающего экономического роста РФ как возрождающейся глобальной державы;

- в настоящее время все дело – в политической воле руководства нашей страны, как, впрочем, и в механизмах ее реализации в российско-китайских отношениях. Учитывая, однако, конкуренцию за финансовые ресурсы Китая среди арктических стран и относительную свободу выбора Пекином партнеров, промедление в решении данного вопроса может обернуться весьма ощутимыми материальными потерями и политическими издержками для РФ.

Karlusov V.V. Arctic in the System of Global Priorities of the Beijing: a View from Russia.

Summary: Globalization of Chinese economy in 1990–2010s is accompanied by the PRC's greater political activity towards the Arctic. Based on the methodology of fundamental systemic analysis, the article provides a critical assessment of the real interests, forming general strategy, potential of resources and probable prospects of the Peking's arctic policy. The final conclusions and recommendations are significant and relevant for China as well as for the arctic states including Russia.

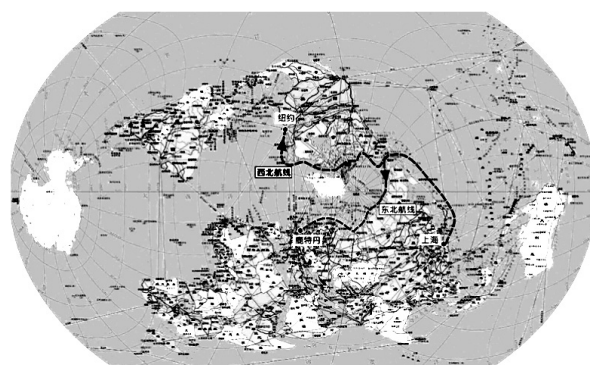
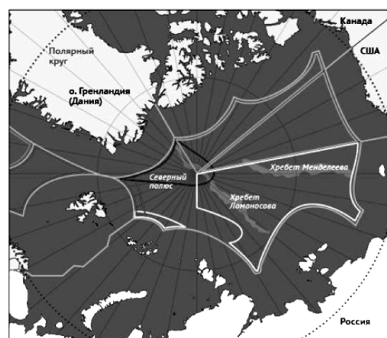

Рис. 1. Китайский взгляд на арктические морские маршруты

Источник: Китайская арктическая и антарктическая администрация. – http://polar.chinare.gov.cn:8039/xuelong_N_pole.html; <http://www.hxgmap.com>

Примечание: составитель карты – Хао Сюэгуан. На карте обозначены два основных морских маршрута в Арктике в китайском видении – (1) «Северо-восточный морской маршрут»: Шанхай – Роттердам (серым цветом) и (2) «Северо-западный морской маршрут»: Шанхай – Нью-Йорк (черным).

■ Международные отношения

Согласно Конвенции ООН по морскому праву, исключительная экономическая зона страны ограничивается 200-мильной зоной от береговой линии. Дальше начинаются воды Мирового океана, т.е. нейтральные воды. Однако прибрежное государство может претендовать на разработку полезных ископаемых недр шельфа, если докажет, что он является геологическим продолжением сухопутной территории.

13 млрд т нефти
87 трлн кубических метров газа

начальные извлекаемые ресурсы на шельфе России, по данным Института проблем нефти и газа РАН

С 2007 по 2011 гг. Россия провела ряд экспедиций по уточнению границ арктического шельфа.

Уточненную заявку на установление границ шельфа Россия планирует подготовить к декабрю 2013 г.

200-мильная зона

Россия

Канада

Исландия

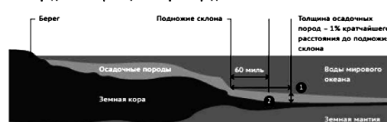
США*

Норвегия

Дания

США не ратифицировали Конвенцию ООН по морскому праву, а значит, не могут подать заявку на установление границ.

Как определяются границы шельфа за пределами 200-мильной зоны

Метод 1:

с помощью линии, проведенной от подножия континентального склона до точки, в которой толщина осадочных пород составляет 1% этого расстояния

Метод 2:

с помощью линии длиной не более 60 морских миль, проведенной от подножия континентального склона

Рис.2. Притязания стран на арктический шельф (шесть стран работают над заявками на установление границ своего континентального шельфа)

Источник: <http://www.ecolife.ru/infos/news/3673/>

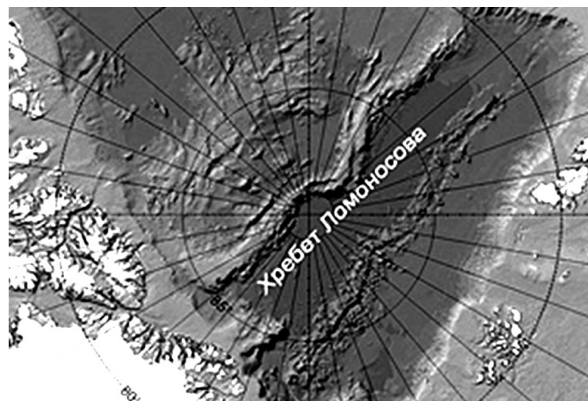

Рис.3. Арктика: хребт Ломоносова как продолжение российского континентального шельфа

Источник: photo.ngdc.noaa.gov, 15 сентября 2010 г.

Примечание: Согласно данным Минприроды РФ, полученным в результате анализа отечественными учеными модели земной коры по профилю «Арктика-2007», научно доказана принадлежность хребта Ломоносова к российскому континентальному шельфу. Это, в частности, дает России право претендовать на использование его дополнительных 1,2 млн кв. км морской территории Арктики, богатой углеводородными и другими природными ресурсами.

Ключевые слова

Глобализация Китая, Арктика, Россия, реальные интересы, общая стратегия, ресурсный потенциал, перспективы

Keywords

China's globalization, the Arctic, Russia, real interests, general strategy, potential of resources, prospects

Примечания

1. Цит. по: <http://www.ecolife.ru/infos/news/3673/>, <http://www.inosmi.ru/>.
2. Краткая версия (менее четверти объема) материалов, вошедших в настоящую статью, опубликована автором на официальном сайте Российского совета по международным делам (РСМД) 15 марта с.г. – См.: Карлусов В. Арктический вектор глобализации Китая. – http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=244
3. См., в частности: <http://vz.ru/politics/2010/10/4/437120.html>; <http://www.ecolife.ru/infos/news/3673/>.
4. «Как Китаю следует вести себя в Арктике?» (на китайском языке). – <http://china.toocle.com/cbna/item/2011-09-16/5930128.html>.
5. China Prepares for an Ice-free Arctic, SIPRI 2010. – http://books.sipri.org/product_info?c_product_id=402.
6. См., в частности: «Как Китаю следует вести себя в Арктике?». Указ. соч.
7. China Prepares for an Ice-free Arctic. Op. cit.
8. Ли Чжэньфу. Бэйцзи хансяньдэ Чжунго чжаньлюэ фэнси (Анализ китайской стратегии морских путей в Арктике) // Чжунго жуанькэсюэ. 2009. № 1. С. 1–7.
9. См., в частности, материалы видеомоста Москва – Пекин РИА «Новости» от 24 августа 2011 г.
10. См. перевод его статьи «О связи между научным развитием и гармоничным миром» в журнале «Проблемы Дальнего Востока». 2009. № 3. С. 137.
11. Чжунго хайян дасюэ сюэбао (Шэхуэй кэсюэ бань). Циндао. 2010. № 6.
12. Для справки: Международная организация «Арктический совет» появилась в 1996 г. по инициативе Хельсинки. В совет в качестве постоянных членов входят восемь арктических стран: Дания, Финляндия, Исландия, Канада, Норвегия, Россия, Швеция и США. В качестве стран-наблюдателей выступают Великобритания, Франция, Германия, Нидерланды, Польша и Испания. Еще три страны пока обладают статусом временного наблюдателя: Китай, Италия и Южная Корея.
13. См.: <http://www.chinathinktank.cn/ShowArticle.asp?ArticleID=20538>.
14. См., например: <http://china.toocle.com/cbna/item/2011-09-16/5930128.html>; <http://vz.ru/politics/2010/10/4/437120.html>; <http://www.ecolife.ru/infos/news/3673/>; <http://www.inosmi.ru/>
15. Чжунго жуанькэсюэ. 2009. № 1.
16. См., например: Чжунго да чжаньлюэ / Ху Аньган чжу бань (Большая стратегия Китая / Отв. ред. Ху Аньган). Ханчжоу, 2003.
17. См.: China Prepares for an Ice-free Arctic, SIPRI 2010. – http://books.sipri.org/product_info?c_product_id=402.
18. Wright, David. «The Panda Bear Readies to meet the Polar Bear: China and Canada's Arctic Sovereignty Challenge» (2010). – См.: <http://www.ecolife.ru/infos/news/3673/>.

Модели поведения Российской Федерации в международных конфликтах 1990 – 2000-х гг.

А.А. Сушенцов

В статье уточняется предложенная автором типология конфликтного поведения, дается классификация наиболее значительных международных конфликтов 1990–2000-х гг. с участием России, приводятся результаты углубленного прикладного анализа грузино-югоосетинского конфликта 2008 г. и поведения в нем Грузии, России и США.

Теория конфликтного поведения является одним из направлений общей теории международных отношений. Подлинно научный статус теории международных отношений обрела в середине 1940 – 1950-х гг., когда усилиями группы американских ученых были инициированы систематические прикладные исследования по теории политического анализа и конфликтологии, совокупность которых составила направление исследований безопасности (security studies). Важным научным результатом школы «исследований безопасности» стала разработка теории конфликтного поведения государств. Под конфликтным поведением в отечественной историографии принято понимать образ действия, при котором основным инструментом достижения цели мыслится и реально выступает конфликт¹.

Термин «безопасность», ставший ключевым компонентом современной теории международных отношений, был введен в академический лексикон в 1920–1930-х гг. Одно из наиболее употребимых определений «безопасности» было

предложено американским исследователем Дж. Филдингом как «состояние защищенности от возможного нанесения ущерба, способность к сдерживанию или парированию опасных воздействий, а также к быстрой компенсации нанесенного ущерба»². Столь широкое толкование явления – результат многочисленных теоретических дебатов среди представителей американского междисциплинарного направления исследований безопасности. Плодотворному развитию указанной школы способствовали несколько факторов:

– во-первых, начиная с середины 1940-х гг. американский истеблишмент был глубоко заинтересован в развитии фундаментальных стратегических и политологических дисциплин в связи с растущей потребностью к предсказанию поведения главного послевоенного соперника США – Советского Союза. На вершине повестки политического планирования обеих держав в то время стояли вопросы обеспечения собственной безопасности. По этой причине основное содержание исследований безопасности составили труды по изучению войн. Принадлежащие к этому

Сушенцов Андрей Андреевич – к. полит. н., преподаватель кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО(У) МИД России. E-mail: asushentsov@yandex.ru

Статья подготовлена при выполнении ПНИР по теме «Психология международного конфликта: национальные модели конфликтного поведения (на примере Российской Федерации)», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Государственный контракт № 16.740.11.0697 от 08 июня 2011 г.)

■ Международные отношения

направлению исследователи исходили из предпосылки о реальной возможности вооруженной конфронтации между державами и говорили о значительном влиянии военной силы на общество и государство.

Исследования безопасности можно охарактеризовать и как направление, изучающее «угрозу использования, использование и контроль над вооруженными силами»³. Школа «исследований безопасности» в этой связи:

- изучает условия, при которых использование силы наиболее вероятно;

- исследует воздействие военной силы (угрозы ее применения и т.п.) на отдельных людей, общества и государства;

- анализирует политику государства по подготовке к ведению войны и предотвращению применения силы по отношению к себе;

- во-вторых, в ситуации биполярного противостояния второй половины XX в. конфликты между «сверхдержавами» стали разворачиваться на фоне перманентной угрозы ядерной войны. Это придавало драматический характер процессу принятия внешнеполитических решений и, как следствие, теоретическим работам по международной безопасности в целом. Появление оружия массового поражения вновь подхлестнуло гонку вооружений, выведя ее на качественно иной уровень. Отныне колоссальные средства вкладывались не только в совершенствование военно-промышленных комплексов стран и создание новых видов вооружений, но, исходя из возможности полного взаимного уничтожения в случае войны, и в разработку интеллектуального орудия борьбы с оппонентом.

«Исследования безопасности» как направление стало напрямую обслуживать официальный внешнеполитический курс США и получать соответствующее статусу финансирование. Это способствовало формированию политико-академического комплекса страны⁴. Деятельность исследовательских групп тех лет привела к появлению теорий: рационального сдерживания; широкомасштабной военно-политической конфронтации, опирающейся на наличие и возможность использования ядерного оружия; стабильности и локального ядерного столкновения и т.п.;

- в-третьих, благодаря притоку в страну способных аналитиков из Европы, пополнивших группу гражданских экспертов по вопросам безопасности, в середине XX в. был чрезвычайно укреплен «интеллектуальный суверенитет» США в этой области. Отличительными особенностями направления исследований безопасности следует назвать открытость публикации большого числа интеллектуальных продуктов, массовое тиражирование книг и статей, широкую распространенность концепций школы в политико-академическом комплексе США, средствах массовой информации и общественном сознании. Подобные разработки, предпринимавшиеся в СССР, относились к компетенции специальных научных учреждений и разведывательных органов, они и по сей день остаются закрытыми⁵.

Сложившаяся к тому времени в США система финансирования исследований по международной безопасности (бизнес – государство – НПО – научные институты) характеризовалась ведущей ролью крупных частных фондов («Фонда Форда», «Фонда Карнеги», «Фонда Джона Олина», «Фонда МакАртуров», «Фонда Смита–Ричардсона»). Это давало возможность военным и деловым элитам США пользоваться услугами широкого круга гражданских специалистов при формировании внешней политики страны, в том числе при необходимости вынесения решения о применении военной силы.

Современная картина теории международных отношений в значительной степени определяется произошедшим в ней в 1960–1970-х гг. синтезом двух направлений – исследований безопасности и общественных наук, что повлекло за собой превращение прикладных исследований в социальную дисциплину. В качестве таковой школа исследований безопасности сконцентрировала свое внимание на определении логических предпосылок и условий использования силы в международных отношениях. Отныне разработка практической теории стала проходить в три этапа: создание – апробация – применение, а основной задачей всего направления стало достижение наиболее полного знания о значении военной силы для международных отношений⁶.

На волне повышения наукоемкости прикладных исследований была по-новому интерпретирована теоретическая основа исследований безопасности – парадигма политического реализма⁷. Вопреки популярным в годы «разрядки» либеральным теориям, неореализм Кеннета Уолтца указал на непреходящее значение фактора силы в международных отношениях и существование объективных ограничений на ее применение. Это способствовало новому осмыслению основных регуляторов государственного поведения – анархичной природы международной среды и проистекающей из нее постоянной угрозы войны.

Параметры развития современной науки о международных отношениях с ее доктринальной сухостью и вниманием к вопросам глобальной стабильности были заданы в 1940–1950-х гг. группой американских историков и политологов, разрабатывавших способы эффективной реализации послевоенного преимущества США в терминах силового противостояния с Советским Союзом. Привлечение гражданских экспертов к анализу двусторонней ядерной конфронтации привело к перенесению военной «повестки» в молодую гражданскую науку о международных отношениях. На рубеже 1960–1970-х гг. учеными была осознана тупиковость военной конфронтации между сверхдержавами. Наука о международных отношениях начала эволюционировать в сторону анализа мотивов поведения государств для того, чтобы достигнуть большей управляемости над основным процессом эпохи – международным конфликтом.

В процессе синтеза естественных и гуманитарных наук в теорию международных отношений проникли многие положения психологии. Одним из наиболее успешных заимствований стало применение к международным отношениям теории американского психолога Абрахама Маслоу. В своей работе «Мотивация и личность», впервые вышедшей в 1954 г., А. Маслоу ввел положение о двух категориях биологических мотивов деятельности. Первая имела источником ощущение нехватки, дефицита чего-то, что считалось необходимым для выживания соответствующего субъекта. Двигателем второй было стремление субъекта к избытку, росту или самораспространению.

В дальнейшем в тексте речь будет вестись о дефицитарных мотивациях и мотивациях избыточных, или, по-другому говоря, мотивах дефицита и избытка. Первые в литературе трактуются как нацеленные на снижение напряжения, вызванного неудовлетворенностью одной из базовых потребностей субъекта. Вторые нацелены на самомобилизацию с целью найти и испытать новые волнующие переживания. Есть основания полагать, что ресурс рационального воздействия на поведение, основанного на мотиве дефицита, меньше, чем мотивированного избыточно. Примером последнего выступает неравновесный паритет между

двумя мировыми лидерами времен биполярной конфронтации. Управление конфликтом при поведении на основе мотива дефицита затруднено, поскольку субъект сосредоточен на цели, которая в его глазах является жизненно важной. В этом случае управление конфликтом возможно преимущественно путем его замораживания или, напротив, бесконечной эскалации, вплоть до уничтожения источника конфликта.

В предыдущих работах автора по теме моделей конфликтного поведения были изложены основные положения подхода к анализу международных конфликтов с точки зрения поведения в них государств⁸. Были выделены четыре мотивационных типа современных международных конфликтов: ресурсный, игровой, демонстрационный и девиантный. К группе ресурсных конфликтов был отнесен подтип конфликтов за лидерство, понимаемое как комплексный ресурс. Группа демонстрационных конфликтов подразделена на пенитенциарные, протестные и аффективные подтипы, а группа игровых включила в себя подтип провоцирующего конфликтного поведения. В кратком виде классификацию международных конфликтов по типам и мотивам поведения их участников можно представить в виде следующей аналитической таблицы.

Таблица 1

Типы и мотивы конфликтного поведения в мировой политике

Типы / мотивы	Дефицитарный	Избыточный
Лидерская	• Конфликты самоопределения. • Этнополитические и этноконфессиональные конфликты. • Межэтнические конфликты, в т.ч. вытекающие из проблем миграции	Междержавная конкуренция во всех областях, • от военно-стратегической (Тройственный союз против Антанты) • до статусно-символической (спор России и Франции за право преимущественного покровительства над Святой Землей во второй половине XIX в.)
Ресурсная	• Внутриполитические репрессии. • Инструментальное блокирование с сильным государством («коалиция по выбору»). • Разбойные набеги как экономическая модель	Борьба за ресурсы всех типов: • ископаемые, • «жизненное пространство», • квалифицированные кадры и проч.
Протестная	• Устрашение. • Политическая реакция. • Абсентеизм и саботаж (пассивная форма)	• Доктрина «сдерживания». • Советская Россия в ходе интервенции. • Политика затягивания (неявного препятствования) вступления России в ВТО
Пенитенциарная	• Реваншизм Германии после Первой мировой войны. • Мстительность исламистов	• Деятельность Международного суда. • Миротворчество. • Принуждение к миру. • Концепция «справедливой войны»
Игровая	• Поведение Польши накануне Второй мировой войны	• Концепция «правил поведения» США и СССР на фоне опасности взаимного гарантированного уничтожения. • Спортивные состязания
Провоцирующая	• Поведенческие приемы КНДР. • Японские камикадзе. • Германия в последние месяцы Второй мировой войны	Внешнеполитическое поведение • Ирана, • Кубы, • Белоруссии
Патологическая	• Политика геноцида камбоджийцев режимом «красных кхмеров» в Камбодже	Различные версии мессианского радикализма: • Нацисты в Германии. • Неоконсерваторы в США. • Большевики в России. • Радикальные исламисты. • Идея панславянского государства со столицей в Константинополе
Аффектная	• Действия ГКЧП в СССР. • Вероятное применение ОМУ режимом С. Хуссейна в ходе вторжения в Ирак в 2003 г.	• Концепция США по «войне с террором». • Попытка государственного переворота в России 14 декабря 1825 г. («восстание декабристов»)

■ Международные отношения

Предложенная типология конфликтного поведения дает возможность углубленного прикладного анализа международных ситуаций. Удобным примером для апробации нашей модели служит грузино-югоосетинский конфликт 2008 г. Рассмотрим поведение отдельных участников этого конфликта на разных его стадиях.

Таблица 2

Эволюция поведения отдельных участников грузино-югоосетинского конфликта (август 2008 г. – август 2009 г.)

Участник / фаза конфликта	Накануне	В ходе	По окончании	Спустя 1 год
Грузия	Провоцирующий бытийный	Аффективный бытийный	Аффективный дефицитарный	Патологический дефицитарный
	Ресурсный дефицитарный			Протестный дефицитарный
Россия	Протестный бытийный	Пенитенциарный бытийный	Лидерский бытийный	
США	Лидерский бытийный	Протестный дефицитарный		Протестный бытийный

Конфликтное поведение Грузии на протяжении наблюдаемого периода было отмечено высокими темпами смены состояний. Накануне конфликта Грузия придерживалась откровенно провоцирующего поведения, шла на прямое нарушение заключенных договоренностей о мирном урегулировании, осуществляла военные провокации. Имея в виду заручиться ресурсом общественной поддержки своих действий среди сограждан, режим М. Саакашвили нагнетал антироссийские настроения. В ночь на 8 августа 2008 г. Тбилиси отдал приказ о начале военной операции против Южной Осетии.

В ходе дальнейшего разворачивания конфликта действия руководства Грузии были отмечены бессистемным аффективным поведением, изначально мотивированным избыточно, но к окончанию активной фазы противоборства постепенно перешедшим к дефицитарной мотивации. Спустя год после окончания конфликта большую часть грузинского общества объединяла патологическая неприязнь к России, в то время как отдельные общественные силы выражали протест против неумелых и неуспешных действий правительства в ходе августовского конфликта.

Поведение Российской Федерации в грузино-югоосетинском конфликте отмечено относительно большей последовательностью и стабильностью. Накануне конфликта Россия энергично протестовала против провоцирующих действий Грузии. Так, в телефонном разговоре с М. Саакашвили 18 июня 2008 г. Д.А. Медведев назвал «недопустимыми» провокации в отношении российских миротворцев, которые осуществляли свою деятельность в соответствии с международными обязательствами⁹.

Кроме того, Правительство России стремилось продемонстрировать свою готовность активно противостоять Грузии, вплоть до применения

силы (сигналом об этом служили действия по уничтожению грузинских самолетов-разведчиков в воздушном пространстве Южной Осетии и внеплановые военные учения войск СКВО). С началом активной фазы конфликта Россия не замедлила с военным ответом на грузинскую агрессию, при этом операция по «принуждению к миру» осуществлялась в соответствии с принципом «разумной достаточности» мер принуждения (удалось избежать аффектно мотивированных действий). По окончании конфликта российское руководство не отступило от активной наступательной позиции и осуществило весь комплекс политических и международно-правовых шагов по демилитаризации югоосетинского и абхазского конфликтных узлов, при этом решительно продвигая свое видение ситуации на мировой арене.

На этом фоне действия США в августовском конфликте 2008 г. представляют оригинальный тип конфликтного поведения, не присущий администрациям Дж. Буша-мл. Складывается впечатление, что Вашингтон, щедро финансируя военное строительство в Грузии для целей совместных операций под эгидой «добровольной коалиции» в Ираке и Афганистане (грузинский контингент в Ираке – около 2000 человек – был третьим по численности после американского и британского), упустил из виду военные приготовления Тбилиси против Южной Осетии. Накануне конфликта администрация Белого дома излучала веру в мирный характер намерений Грузии (лидерский тип). Факт начала боевых действий обозначил растерянность Белого дома по поводу происходящего в регионе. Получая противоречивые сведения о завязке конфликта, Вашингтон колебался между активными (переброска грузинских войск из Ирака) и пассивными (самоустранение от процесса урегулирования конфликта) фазами поведения. Проявленная в ходе августовского конфликта, пусть неприязненная по отношению к России, но все же нерешительность США – новое явление во внешнеполитическом поведении республиканских администраций Дж. Буша-мл., до того использовавших исключительно активные наступательные формы поведения в конфликтах.

С точки зрения теории игр рассматриваемый конфликт относится к типу классических и редких для современности конфликтов «с нулевой суммой», в которых победа одной стороны означает поражение другой. Россия добилась полного преобладания над противником и зафиксировала новый статус-кво в регионе. Такому развитию ситуации, несомненно, способствовал ряд сопутствующих обстоятельств:

- очевидность факта агрессии Грузии;
- нежелание США принимать активную роль в конфликте;
- отвлечение протестующих против действий России международных сил на борьбу с последствиями мирового финансового кризиса 2008 г.

Однако ведущую роль в определении итогов конфликта сыграла решимость руководства России и последовательность его действий (то есть

устойчивость поведения – пенитенциарного и лидерского). Поведение Грузии, напротив, было отмечено резкими колебаниями с общим нисходящим трендом – от избыточной мотивации к дефицитарной. Дальнейшее урегулирование и разрешение конфликта затруднены не только отсутствием желания у правительств двух стран иметь дело друг с другом, но и доминирующей в Грузии дефицитарно мотивированной неприязненностью к России, инерция которой будет сказываться продолжительное время.

Внешнеполитическое поведение США в создавшейся ситуации также не содержит свежих решений – Белый дом при демократах пусть менее охотно, чем прежде, но все же продолжает поддержку тбилисского правительства, одновременно соглашаясь с Москвой в том, что «грузинские дела» находятся на периферии повестки дня российско-американских отношений. В то же время свобода маневра для Российской Федерации также ограничена – она вынужденно осуществила шаги, которые нанесли прямой ущерб жизненным интересам Грузии, уменьшив и без того невысокую склонность грузин идти на компромисс.

В сложившейся ситуации Россия сделала ставку на укрепление сложившегося по итогам конфликта регионального статус-кво. Даже в случае наиболее благоприятного для РФ развития внутривнутриполитических событий в Грузии, абхазский и югоосетинский вопросы останутся в повестке дня двусторонних отношений на обозримую историческую перспективу.

Sushentsov A. A. Models of Conduct of Russian Federation in International Conflicts in 1990-2000 s.

Summary: The article clarifies author's typology of conflict behavior in contemporary international conflicts proposed in previous papers. Based on the methodology of analysis of the motives for conflict behavior the paper contains a classification of the most significant international conflicts 1990-2000's with the participation of Russia. In conclusion are given the results of an in-depth analysis of the Georgian-South Ossetian conflict in 2008, with an emphasis on analyzing the behavior of Georgia, Russia and the United States.

Ключевые слова

Международный конфликт, внешняя политика России, теория международных отношений, конфликтное поведение, конфликтология

Keywords

International conflict, Russian foreign policy, theory of international relations, conflict conduct, conflict studies

Примечания

1. Сушенцов А.А. Конфликтное поведение в современной теории международных отношений (психологический аспект) // Вестник МГИМО-Университета. № 5. 2011. С. 12-20.
2. Findling J.E. (ed.) Dictionary of American Diplomatic History. Second edition. Westport, 1989.
3. Nye J.S., Lynn-Jones S. International Security Studies: A Report of a Conference on the State of the Field // International Security. Vol. 12. 1988.
4. Morgenthau H. J. A New Foreign Policy for the United States. For the Council on Foreign Relations. N.Y., 1969
5. Косолапов Н. А. Теоретические исследования международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. М., 1998.
6. Walt S.M. The Renaissance of Security Studies // International Studies Quarterly. Vol. 35, #2. 1991.
7. Waltz K.N. Theory of International Politics. Boston, 1979.
8. Сушенцов А.А. Типология поведения в международных конфликтах // Международные процессы. Том 8. Номер 3 (24). Сентябрь–декабрь 2010. С. 70-84; Idem. Конфликтное поведение в современной теории международных отношений (психологический аспект) // Вестник МГИМО-Университета. № 5. 2011. С. 12-20.
9. Телефонный разговор Д.А. Медведева с Президентом Грузии Михаилом Саакашвили. 18 июня 2008. URL: <http://kremlin.ru/news/470>.

Активизация российско-турецких отношений: сущность и перспективы

Ю.С. Кудряшова

Отношения Анкары с Москвой складываются сложно, имеет место взаимное недоверие, не урегулированы многие региональные проблемы. Россия вовсе не заинтересована в экспансии Турции в Евразийский регион. Тем не менее успешное экономическое сотрудничество неизбежно создает прочную основу для политического сближения и поступательного роста взаимного доверия в отношениях. Интенсивные российско-турецкие деловые связи создали ситуацию взаимозависимости обеих стран в торгово-экономической и энергетической сфере, что привело к становлению политического партнерства России и Турции.

Визит Президента России В.В. Путина в Турцию в декабре 2004 г. положил начало расширению политических контактов с Анкарой на высшем уровне. Отношения между Турцией и Россией получили крепкую институциональную основу. В результате Россия и Турция поставили своей целью оставить позади соперничество и перейти к сотрудничеству по широкому спектру вопросов, включая экономические, политические, культурные, образовательные, религиозные и гражданские аспекты. Реализуемая правительством Эрдогана диверсификация внешней политики способствует налаживанию еще более тесных связей с Россией и их плодотворному развитию. Отношения между Турцией и Россией обрели новое содержание, дипломаты обеих стран стали обсуждать многие проблемы, которые ранее оставались в тени, в том числе и очень деликатные темы, касающиеся государств Черноморско-Кавказского и Центрально-Азиатского регионов.

Основы стратегического партнерства между Российской Федерацией и Турецкой Республикой закладывает межправительственный механизм – Совет сотрудничества высшего уровня (ССВУ). Он был учрежден 12 мая 2010 г. во время визита

президента Медведева в Анкару, где было проведено его первое заседание. Второе заседание состоялось во время визита Эрдогана в Москву 17 марта 2011 г. Третье будет организовано в Турции осенью 2012 г. Совет создан как совместный комитет, в котором российский и турецкий премьеры являются сопредседателями, каждый год устраивается саммит. В основном он принял форму совместных встреч на правительственном уровне, где собирались министры иностранных дел, экономики, транспорта и энергетики. Помимо коллоквиумов по экономическим вопросам подписывались соглашения о дальнейшем сотрудничестве в области коммуникаций, полицейских формирований, продвижения инвестиций, социальной и семейной политики. ССВУ состоит из трех органов:

– Объединенной экономической комиссии, состоящей из представителей бизнес-кругов, в центре работы которой – коммерческие и экономические аспекты двусторонних отношений;

– Объединенной группы стратегического планирования, которая занимается внешней политикой и стратегическими аспектами двусторонних отношений, в ней председательствуют министры иностранных дел;

– Социальный форум, который занимается религиозными, культурными, образовательными и гражданскими аспектами двусторонних отношений, в нем представлены организации гражданского общества.

Благодаря совместному институциональному механизму ССВУ отношения между двумя странами стали структурированными. На последней встрече Объединенной группы стратегического планирования тщательно анализировались двусторонние отношения между нашими странами, также обсуждались важные международные и региональные вопросы, такие, как Сирия, Иран, Кавказ, Балканы и Центральная Азия. Открытое обсуждение региональных и глобальных вопросов выявило различие в подходах к внешней политике между двумя странами. Тем не менее во время переговоров подчеркивалось, что стратегическое партнерство между Россией и Турцией способствует установлению доверительной обстановки и стабильности во всем регионе. С учетом эффективного развития дружественных отношений с Анкарой Россия рассчитывает привлечь Турцию к более широкому участию в совместных проектах. Россия поддержала заявку Турции на получение статуса партнера по диалогу в ШОС.

Сближению Москвы и Анкары значительно способствовал отказ России от поддержки Курдской рабочей партии. В настоящее время у России отсутствуют отношения с политическими партиями и организациями турецких курдов. Москва считает, что в последние годы правительство Турции стремится решать курдскую проблему цивилизованными, демократическими методами. Тем не менее Москва отказывается признать Курдскую рабочую партию террористической организацией, хотя на этом последовательно настаивает Турция. Между тем терроризм КРП угрожает экономическому сотрудничеству между Россией и Турцией, особенно в области энергетики. Эта организация представляет угрозу для предлагаемого к строительству трубопровода Самсун – Джейхан, который будет транспортировать российскую и казахстанскую нефть с Черного моря на средиземноморский нефтяной терминал в Джейхане. Осознавая эту угрозу, Россия предложила Турции создать специальное подразделение по обеспечению безопасности и устранению угроз на этом маршруте.

После распада Советского Союза Турция играла в некоторых странах СНГ очень важную роль, наладив с ними политические связи. Турецкое влияние на Узбекистан, Туркмению, Азербайджан, Чечню и Дагестан объясняется их культурной, религиозной и этнической близостью. Россия старается ограничить устремления Турции в регионы Черного моря и Кавказа, а также в свои регионы в Поволжье и на Кавказе. Вместе с тем Турция становится важным противовесом доминированию России в Кавказском регионе. РФ сохраняет в Армении военное

присутствие. Этот фактор препятствует реализации возможных агрессивных намерений со стороны Азербайджана и его поддержке со стороны союзнической Турции. Грузия является сложным вопросом в российско-турецких отношениях, поскольку Анкара поддерживает стремление Тбилиси вступить в НАТО, а Москва выступает против этого проекта. Что касается идей некоторых представителей Турции о посреднической роли Анкары между Москвой и Северо-Кавказским регионом России, то это представляется абсурдным, так как непонятно, между какими политическими силами предполагается посредничество, не говоря уже о том, что Россия категорически не приемлет любые внешнеполитические контакты в ущерб российским суверенным интересам.

Анкара продемонстрировала себя в качестве партнера Москвы во время грузинского конфликта. Во время событий августа 2008 г. правительство ПСР предложило России совместный контроль над Кавказом и помешало американской помощи достичь Грузии. Премьер-министр Турции Эрдоган выразил солидарность России в связи с ситуацией в Южной Осетии. Эрдоган выразил надежду на то, что данная солидарность будет и далее крепнуть. Анкара поддержала посредничество ЕС в урегулировании грузинского конфликта и договоренности Медведева – Саркози. При этом глава МИД России Лавров в ходе своего визита в Стамбул 4 сентября 2008 г. получил заверения, что Турция не допустит нарушений Конвенции Монтре, которая ограничивает тоннаж и срок пребывания в Черном море проходящих через Босфор военных судов нечерноморских стран.

Показательно, что Турция препятствовала проходу через Черноморские проливы военных кораблей США. В разгар российско-грузинского конфликта власти Турции не пускали в регион американскую эскадру до тех пор, пока не была определена участь грузинской армии на побережье. Это было продиктовано нежеланием Анкары, чтобы Черное море стало «внутренним озером» НАТО. Более того, нефтепровод БТД заканчивается на территории Турции, и усиление политического влияния вдоль этой трубы обеспечивает стабильность транзитных доходов и прямой выход к месторождениям каспийских углеводородов. Однако осуществление этих геополитических планов невозможно без доброй воли России. И ради вынужденного союза Турции и России на Кавказе Анкара решила на требование безусловного соблюдения Конвенции Монтре и вывода кораблей НАТО из черноморской акватории во второй декаде сентября, а также закрытия проливов для кораблей поддержки эскадры.

11 августа 2008 г. премьер-министр Турции Эрдоган озвучил инициативу создания «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе». Данная инициатива направлена на стабилизацию ситуации и предусматривает

■ Международные отношения

участие в платформе пяти стран региона: РФ, Турции, Грузии, Азербайджана и Армении. В качестве основных принципов, заложенных в инициативе, заявлены сотрудничество, безопасность и развитие кооперации. На совместной пресс-конференции министра иностранных дел Турции Али Бабаджана с министром иностранных дел России Сергеем Лавровым, которая состоялась 2 сентября 2008 г. в Стамбуле, турецкий министр заявил: «Целью Кавказской платформы является обеспечение доверия, принятие необходимых мер для этого, дипломатическая работа, создание политического диалога, прочного мира и стабильности. Мы придаем большое значение территориальной целостности, независимости, суверенитету как Грузии, так и других стран региона. По этому пункту наши подходы с РФ различаются»¹.

В последние годы западные страны, в частности США и Франция, обращаются к проблеме признания геноцида армян в Османской империи для оказания давления на Турцию и сдерживания ее независимой внешней политики. В России еще 14 апреля 1995 г. Государственная Дума приняла заявление, осуждающее геноцид армянского народа в 1915–1920 гг. и признающее 24 апреля Днем памяти жертв геноцида армян. Однако данное решение не стало причиной ухудшения отношений между двумя странами и не препятствовало их стремительному развитию. При этом Турция никогда не требовала от России изменить своего решения. Между тем с началом процедуры признания геноцида армян Запад способен временно оттолкнуть от себя Турцию, что может стать дополнительным стимулом для ее сближения с Россией.

На сегодняшний день очевидно, что США и Франция посредством манипулирования армянским вопросом и угрозы официального признания геноцида армян провоцирует рост антизападных настроений в Турции, тем самым побуждая турецкую правящую элиту углублять стратегическое партнерство с Россией. Дальнейшее сближение Анкары с Москвой может стать серьезным ударом по интересам США на Южном Кавказе. Более того, проведение Западом проармянской внешней политики может обернуться тем, что турецкое руководство пересмотрит многие аспекты военно-технического сотрудничества и начнет наращивать взаимодействие с предприятиями российского военно-промышленного комплекса. В целом следствием активизации процесса международного признания геноцида армян станет дальнейшее сближение Турции с Россией и исламским миром.

Турция выражает согласие с позицией России о недопустимости участия внерегиональных игроков в урегулировании конфликтов в регионе Южного Кавказа. Таким образом, в Кавказском регионе имеется возможность создания турецко-российского альянса, что представляется наиболее серьезным региональным проектом антиамериканского свойства. Если

даже данный альянс будет иметь весьма ограниченное значение, то, так или иначе, в регионе возникнет серьезная угроза американским интересам. США не могут не реагировать на данную возможную перспективу и вынуждены разрабатывать определенные способы противодействия сближению Турции и России. Америка и Европа предпочли бы не допустить такого хода событий и стремятся ограничить позиции Турции в успешном сотрудничестве с Россией.

В России положительно оценивали возросшую за последние годы независимость Турции от НАТО в принятии внешнеполитических решений. Но по мере развития событий на Ближнем Востоке становится очевидным, что Анкара возвращается к своим прежним приоритетам страны-члена НАТО и главного партнера США в регионе. Турция будет вызывать растущую обеспокоенность у России в силу ее потенциальной роли в американской стратегии ПРО. Россия стремится поддерживать равные отношения с Турцией и одновременно препятствует расширению американских планов ПРО. Россия жестко протестует против решения НАТО о развертывании системы ПРО, которая включает в себя размещение радара передового базирования на территории Турции в Малатье.

Анкара утверждает, что радары в Куречике устанавливаются только в целях защиты. Аргумент России заключается в том, что это место позволяет американцам с помощью незначительных изменений в программировании перенаправить систему с Ирана на Россию. В результате российские межконтинентальные ракеты могут быть обнаружены радаром еще в фазе старта и уничтожены. Такого рода планы подрывают стратегический баланс и угрожают безопасности России. Россия готова развернуть свои ракеты на юге – возле Грузии и члена НАТО Турции – в рамках противодействия ускоренному созданию американского противоракетного щита².

Анкара и Москва, которые противостоят военным действиям, направленным против иранской ядерной программы, обе склонны к дипломатическому и политическому решению данной проблемы. Россия призвала к возобновлению переговоров группы «5+1», а Турция добивалась проведения встречи в Стамбуле.

Сближение Турции с ЕС создает конкуренцию с интеграционными проектами, которые поддерживает Россия. Представители европейских стран выражают обеспокоенность тем фактом, что Москва и Анкара в ходе установившихся за последнее время контактов всякий раз принимают значительные пакеты сотрудничества, имеющие долгосрочную перспективу. Звучат даже заявления, что согласие Анкары с политикой России на территории СНГ послужит препятствием для вступления Турции в ЕС, Европа не приемлет рассмотрения постсоветского региона как сферы влияния России.

Вступление Турции в ЕС может поставить под угрозу функционирование российских неф-

тепловодов Баку–Новороссийск и Каспийского трубопроводного консорциума, которые напрямую зависят от танкерного транзита через Босфор и Дарданеллы. Кроме того, Анкара будет вместе со странами Евросоюза выступать за снижение цен на российские энергоресурсы. Помимо осложнений в энергетическом сотрудничестве следует ожидать, что в случае вступления Турции в Евросоюз резко увеличатся таможенные пошлины на импорт в эту страну.

Вместе с тем Россия и как поставщик сырья, промышленной продукции и военных технологий, и как потребитель турецких товаров и услуг является одним из важнейших партнеров Анкары. В данном контексте принадлежность Турции к единому рынку ЕС расширяет возможности для многосторонних проектов с участием России. РФ заинтересована в том, чтобы Турция соответствовала западноевропейским экономическим стандартам. Кроме того, у России в Евросоюзе имеется своя «группа поддержки» в лице Греции и Кипра, которые часто представляют интересы Москвы в институтах ЕС и склонны ветоировать неблагоприятные для РФ решения. Подобный лоббизм обеспечивается во многом поддержкой, которую оказывает Россия Греции в ее политических и территориальных спорах с Турцией, и отстаиванием интересов РК по кипрской проблеме. С другой стороны, благодаря тесному партнерству с греческой частью Кипра Россия может способствовать урегулированию на разделенном острове, что станет вкладом в дальнейшее укрепление отношений между Москвой и Анкарой.

Более того, перспектива вступления Турции в ЕС препятствует широкомасштабной исламизации турецкой общественной жизни. И в этом контексте сближение Анкары с Европой выгодно России. Москва не заинтересована в укреплении позиций турецкого ислама и усилении его влияния вблизи наших границ. Кроме того, Москве выгоднее развивать отношения с государством, которое согласует свою внешнюю политику с Брюсселем. В этом случае исключается возможность конфронтации с турецкими националистами. Одновременно Анкара демонстрирует партнерские отношения с Москвой. Все это создает предпосылки для создания рабочей структуры по обеспечению региональной безопасности в треугольнике Европейский союз – Россия – Турция.

Российские военные руководители дают высокую оценку отношениям Москвы с Турцией в области безопасности. Они отмечают, что Турция является важнейшим партнером России в обеспечении безопасности на Черном море и в защите его от пиратов, террористов и прочих угроз. Россия выразила сожаление в связи с тем, что другие черноморские государства отклонили российско-турецкие предложения о расширении многостороннего сотрудничества в сфере безопасности в регионе Черного моря, через которое азиатская нефть и газ в больших

количествах идет на рынки Европы. Наши страны придерживаются совместного мнения о неделимости европейской безопасности.

Развитие военно-политической обстановки в Черноморском регионе определяется соперничеством РФ, Турции и США за усиление собственного влияния с целью получения контроля над перспективным транзитным энергетическим коридором Центральная Азия – Каспий – Черноморский регион – Европа. С началом реализации планов масштабной добычи энергоносителей на Черноморском шельфе соперничество между причерноморскими странами может усилиться. Россия стремится к полному контролю энергетической инфраструктуры и стратегическому доминированию в странах бассейна Черного моря. Новые трубопроводы радикально меняют правила энергетической игры, но кроме прокладки новых труб Россия стремится к осуществлению масштабной скупки действующих трубопроводов и энергетических компаний.

Важность отношений с Москвой определяется для Анкары тем, что Россия является для Турции основным поставщиком энергоресурсов. Расширение связей России и Турции в энергетической сфере вылилось в подписание целого ряда соглашений по различным проектам – от строительства нефте- и газопроводов до атомной электростанции. Ведется разработка технико-экономического обоснования совместных проектов газовых хранилищ в Турции. Она занимает третье место (после Германии и Италии) по объемам закупок природного газа в России. Доля энергоносителей в российском экспорте в эту страну достигает 70%. Россия на 68% покрывает потребность Турции в природном газе, на 20% — в импортной нефти³. В общей сложности Турция подписала с Россией контракты на поставку 30 млрд куб.м газа в год. Россия имеет долгосрочные контракты на поставки в Турцию, которые могли быть быстро увеличены, когда Турция испытывала краткосрочные трудности поставок от других производителей⁴. Таким образом, большая часть роста торгового оборота между странами объясняется ростом импорта энергоносителей из России.

Немецкое подразделение российской компании «Газпром Германия» в 2009 г. приобрело контрольный пакет акций турецкой газовой компании Bosphorus Gaz Corporation, поставляющей топливо турецким потребителям. Компания Botaş собирается продавать часть закупленного у России газа частным компаниям, среди которых есть и указанная дочерняя компания «Газпрома». Представители «Газпрома» заявили, что они готовы сотрудничать с частными компаниями Турции, чтобы обеспечить дальнейшие поставки газа. «Газпром» также намеревается построить подземные газохранилища в центральной части Турции.

■ Международные отношения

В 1997 г. Россия и Турция подписали соглашение о строительстве «Голубого потока», цель которого заключается в поставке дополнительных объемов природного газа по подводному трубопроводу, проложенному по дну Черного моря. Он в состоянии покрывать пиковый рост спроса в Турции, связанный с регулярно наблюдающимися в зимний период низкими температурами. Турция покупает у России почти 16 млрд куб. м газа в год через трубопровод «Голубой поток». В настоящее время Россия и Турция обсуждают проект строительства второго сегмента газопровода, проложенного по дну Черного моря. Пропускная способность трубопровода «Голубой поток-2» может быть расширена на 20 процентов⁵. Хотя в Турции звучат заявления, что «Голубой поток» зарекомендовал себя как проект, расходы на который превышают потенциальную прибыль, и не оправдывает ожиданий.

6 августа 2009 г. Турция дала предварительное согласие на строительство газопровода «Южный поток» в своих территориальных водах. Это закреплено в межправительственном протоколе России и Турции о сотрудничестве в газовой сфере. Турецкие власти дали разрешение на проведение научных и технических исследований, геолого-разведочных работ, сейсмических и экологических изысканий в исключительной экономической зоне Турции в Черном море в интересах реализации проекта газопровода «Южный поток». Предположительно, труба пройдет по дну Черного моря от России до Турции и Болгарии, а затем разделится на две ветки: одна будет транспортировать топливо в Грецию и на юг Италии, другая – в Сербию, Венгрию и Австрию. Интерес «Газпрома» – российского оператора проекта «Южный поток» – состоит в обеспечении транзита газа по турецкой территории, затруднив самостоятельный выход на европейские рынки центральноазиатских государств. Наконец 28 декабря 2011 г. Турция дала согласие на строительство трубопровода. Этот шаг турецкой стороны делает возможным завершение строительства проекта до конца 2015 г., в строгом соответствии с графиком.

В ответ на полученное разрешение «Газпром» объявил о продлении двух долгосрочных контрактов на поставку газа в Турцию до 2021 г. и 2025 г., а также заявил о намерении увеличить объем поставок в 2012 г. Тем не менее турецкая сторона должна еще подтвердить разрешение на строительство «Южного потока». Когда это произойдет, нашим странам потребуется длительное согласование технических и экологических норм проекта. Кроме того, Турция, стремящаяся играть роль ведущего транспортного узла между Востоком и Западом, заявила, что трубопроводы «Южный поток» и «Набукко» должны дополнять друг друга. Проекты «Южный поток» и «Набукко» активно переманивают друг у друга участников и конкурируют за ресурсную базу.

Анкара заинтересована в обоих проектах, поскольку доходы от транзита станут весомой статьей доходов в турецкий бюджет. При этом турецкая сторона полагает, что «Южный поток» необходим России только для того, чтобы не был запущен проект «Набукко». Турция готова участвовать в проекте «Южный поток» только на том условии, если строительство участка, который пройдет по ее территории, будет оплачено российским оператором – «Газпромом». По мнению турецкой стороны, у России отсутствуют достаточные финансовые средства для этого.

В ответ на разрешение на строительство «Южного потока» Турция получила от России принципиальное согласие участвовать в реализации проекта нефтепровода Самсун–Джейхан для решения проблемы перегруженности Босфора танкерами, транспортирующими нефть из Черноморского бассейна. Это совместный проект итальянской компании ENI и турецкой Çalık. Российские компании «Роснефть», «Транснефть» и «Газпром нефть» вошли в этот проект младшими партнерами. Предполагается, что трубопровод будет доставлять по суше российскую нефть на нефтеперерабатывающий завод на южном побережье Турции для дальнейшего экспорта в Европу. Участие России в этом проекте – важный фактор для удержания основных транзитных путей. Российское участие в проекте позволит превратить турецкий порт Джейхан в крупнейший терминал.

В связи с мировым экономическим кризисом безопасность спроса на энергоресурсы начала по важности опережать безопасность предложения, как следствие, страна-потребитель Турция начала обретать дополнительное влияние на своего поставщика Россию. Несмотря на ровное взаимодействие, глубокие проблемы в российско-турецких отношениях могут возникнуть в связи со столкновением национальных интересов в соревновании за транзит. Турция пытается позиционировать себя как альтернативный маршрут поставок газа, поскольку растет обеспокоенность по поводу усиления зависимости Европы от России. Москва оказалась не в состоянии блокировать турецкие маршруты экспорта каспийских энергоресурсов в Европу. В результате в вопросе создания энергетической инфраструктуры Турция оказалась в состоянии конфликта интересов с Россией. Возникают опасения, что Москва впадает в излишнюю зависимость от Анкары, Турция уже поднимает вопрос о более низких ценах на российский газ и праве реэкспортировать его в Европу.

При этом турецкая сторона заявляет, что энергетическая политика России не соответствует международному праву, так как она не подписала Энергетическую хартию ЕС. Турция вместе с ЕС выставила «Газпрому» пакет требований по изменению контрактов, в частности:

– снизить обязательства импортеров по минимальным объемам отбора газа либо не применять к ним штрафные санкции;

– пересмотреть формулу ценообразования путем включения в нее механизма учета спотовых цен на газ, а не привязывать цены на газ к мировым ценам на нефть и нефтепродукты.

Турция при этом надеялась получить 20-процентную скидку в связи с резким спадом потребления из-за мирового экономического кризиса, но встретила сопротивление с российской стороны в марте 2011 г. во время визита Д.А. Медведева. Он заявил, что Россия останется верна условию *take-or-pay*, обязывающему покупателя принять товар или выплатить неустойку, которое есть во всех долгосрочных контрактах «Газпрома»⁶. В октябре 2011 г. Турция отказалась сразу от трети своего газового импорта. Она не продлила соглашения 1986 г., прекратив закупки через трубопровод, идущий по территориям Украины, Молдавии, Румынии и Болгарии. Отказ от соглашения позволил Botaş избежать выплаты штрафов за газ, который компания не использовала. Анкара решила передать «западный маршрут» в частный сектор в соответствии с планами либерализации газового рынка по правилам ЕС.

Тем не менее Москва играет заметную роль почти во всех энергетических планах и геополитических расчетах Анкары. С точки зрения геополитики Турция способствует укреплению России в роли ведущего поставщика энергоносителей в Европу. В свою очередь Россия помогает Турции реализовать амбициозное намерение стать транспортным узлом энергоносителей. По мере того как энергетика занимает все более важное место в региональной политике обеих стран, особенно в том, что касается их отношений с Европой, стратегическая важность российско-турецкого сближения, без сомнения, будет расти. Энергетическая основа российско-турецких отношений способствует налаживанию политического сотрудничества во всем регионе.

Российско-турецкое сотрудничество успешно реализуется в строительстве первой в Турции атомной электростанции на площадке «Аккёю» в уезде Мерсин. В объявленном конкурсе Москва была единственным претендентом. Соглашение о строительстве Россией атомной 4-блочной электростанции было подписано в 2010 г. «Атомстройэкспорт» и «Интер-РАО» договорились о строительстве четырех реакторов общей мощностью 4,8 ГВт. В распоряжении Турции окажется один из самых крупных реакторных комплексов в мире. Россия сохранит за собой 51-процентную долю во владении компанией⁷. Россия будет обслуживать станцию и поставлять урановое топливо и запчасти. Бюджет проекта составит 20 млрд долл.⁸. В процессе строительства российские фирмы будут привлекать турецких подрядчиков.

По сути дела, Турция согласилась разместить на своей территории АЭС, построенную, принадлежащую, обслуживаемую и эксплуатируемую Россией в обмен на гарантированные

поставки российского электричества. Между тем в Турции идут дискуссии по поводу угрозы чрезмерной зависимости от России, ее нефти и природного газа, в связи с чем обсуждается целесообразность сотрудничества с Россией еще и в области ядерной энергетики. К тому же турецкие специалисты утверждают, что энергия, полученная от станции, будет слишком дорогая.

В 2008 г. Россия стала крупнейшим торговым партнером Турции. В 2010 г. экспорт России в Турцию составил 21,6 млрд долл., тогда как экспорт Турции составил 4,6 млрд долл. Общий объем торговли между двумя странами достигает 40 млрд долл.⁹. Наши страны надеются, что в ближайшие пять лет торговый оборот между двумя странами может достигнуть 100 млрд долл. Однако необходимо отметить, что 80% двусторонней торговли состоит из российско-го экспорта в Турцию и только 20% состоит из турецкого экспорта в Россию, и эта разница растет¹⁰.

Около 3 млн российских туристов ежегодно приезжают в Турцию, которая является для них одним из самых популярных мест отдыха. В 2010 г. на турецких курортах россияне потратили более 3 млн долл. В мае 2010 г. наши страны подписали Соглашение о взаимном облегчении визового режима. В соответствии с достигнутой договоренностью туристы могут свободно переезжать из одной страны в другую на срок до 30 дней¹¹. Этот шаг способствовал росту числа турецких компаний, вкладывающих инвестиции в Россию.

Необходимо обратить внимание на негативный момент отношений России с Турцией в гуманитарной сфере. В странах СНГ активно действует движение «Нурджулар». Известно, что помимо качественного образования эти учебные заведения скрыто продвигают идеологию пантюркизма – объединения народов тюркоговорящих стран под эгидой Турции. В России это движение признано экстремистским, а все турецкие учебные заведения были закрыты в 2000-х гг.

Таким образом, на сегодняшний день наши отношения можно охарактеризовать скорее как тактическое партнерство, основанное на прагматизме и достаточно краткосрочных интересах. Отношения с Россией развиваются преимущественно в экономической сфере, они не являются приоритетными для Анкары, так как внешняя политика Турции – многовекторная и имеет много альтернатив. Тем не менее Турция и Россия находят взаимопонимание по большинству региональных проблем, хотя иногда по-разному смотрят на способы их решения. При этом Турция и Россия толерантно относятся к разногласию и различию в своих мнениях. Россия будет продолжать попытки сблизиться с Турцией и войти с ней в более доверительные отношения, чему способствует неопределенность в отношениях между Турцией и США, а также охлаждение отношений Турции с европейскими государствами.

■ Международные отношения

Анкару и Москву объединяют как деловые, так и геополитические интересы. В отношениях с Турцией заинтересованы широкие предпринимательские круги и чиновники России, то есть деловая и административная элиты. Для России Турция важна не только как экономический партнер, покупатель и транзитная территория энергоресурсов – нефти, газа и АЭС. Турция необходима России как партнер для обретения более сильных позиций в диалоге с США, Европой и НАТО и стабилизации ситуации на Южном Кавказе и в Центральной Азии, вплоть до Афганистана (особенно в долгосрочной перспективе после вывода войск США и НАТО).

Kudryashova Y.S. The Intensification of Russian-Turkish Relations: the Essence and the Prospect.

Summary: *Russian-Turkish relations are developing difficultly, mutual distrust still presents, many regional problems are not settled, at the same time Russia is not interested in Turkish expansion in Eurasia. Nevertheless successful economic cooperation inevitably provides a firm basis for political rapprochement and advancing development of mutual trust in our relations. Intensive Russian-Turkish business connection provided the situation of both countries' interdependency in trade-economic and energetic spheres. This situation led to the formation of Russian-Turkish political partnership.*

Ключевые слова

Турция, НАТО, Южный Кавказ, «Южный поток», энергетика, визовый режим

Keywords

Turkey, NATO, South Caucasus, South Stream, energy, visa regulations

Примечания

1. МИД Турции http://www.mfa.gov.tr/sayin-bakanimiz-ile-rf-disisleri-bakani-sergei-lavrov_un-ortak-basin-toplantisi_-2-eylul-2008_-istanbul.tr.mfa
2. Заявление Президента в связи с ситуацией, которая сложилась вокруг системы ПРО стран НАТО в Европе. <http://kremlin.ru/transcripts/13637>
3. Hürriyet 09.08.2010
4. Alexander Medvedev answers your questions. The Financial Times 18.02.2011
5. ООО «Газпром экспорт». <http://www.gazpromexport.ru/projects/1/>
6. Milliyet 03.10.2011
7. Today's Zaman 27/12/2010
8. Hurriyet 09/01/2011
9. Hurriyet 19/01/2011
10. Today's Zaman 23/01/2012
11. Today's Zaman 21/01/2011

Россия в системе международных отношений (ретроспективный взгляд)

А.В. Торкунов

Русь, Россия, русский народ, россияне. Эти слова известны всем образованным людям современного мира. В XIII в. эти слова стали символами страны, спасшей Европу от татаро-монгольского нашествия. В начале XIX века Россия встала на пути претендовавшего на мировое господство Наполеона и разгромила его «армию двенадцати языков». В 1940-е годы Россия вместе со свободолюбивыми народами других стран сокрушила фашизм, угрожавший всем им порабощением, разрушением цивилизационных основ жизни человечества.

Русский народ, россияне создали самое обширное в мире могучее многонациональное государство, продвигаясь от Киевской и Новгородской Руси к Московскому царству и Петербургской империи. Процесс формирования российской государственности и определения ее места в международных отношениях был сложным, трудным и противоречивым. По подсчетам Василия Осиповича Ключевского в период с 1182 по 1362 гг. великорусская народность вынесла более 160 внешних войн. Это продолжалось и позже. В XVI в. Москва почти постоянно (43 года) воевала против Речи Посполитой, Ливонского Ордена и Швеции, ни на один год не прерывая борьбы с противниками на южных, юго-восточных и восточных границах. В XVII в. Россия воевала 48 лет, в XVIII в. еще больше – 56 лет.

С этой точки зрения интересны суждения о становлении российской государственности нероссийского автора, английского драматурга с российскими корнями Питера Устинова. В книге «Моя Россия» он отмечал: «Россия всегда проявляла величайшую озабоченность своей безопасностью, и на это у нее были (и есть) самые серьезные причины, основанные на горьком опыте. Людских и материальных потерь на своей собственной земле она понесла гораздо больше, чем на территории других стран. Исторически Россия никогда не была империалистической державой: не в ее привычках было приходить в другие страны с целью их завоевания. На русских же нападали и нападали часто и облагали их данью (еще до татарского нашествия) скифы, готы, гунны, хазары, сарматы».

Действительно, у России – трудная судьба. В ее истории случались блестящие взлеты и трагические падения, величайшие достижения и «смутные времена», когда казалось, что страна уже не выберется из руин, но каждый раз у русского народа хватало сил, мужества и мудрости, чтобы преодолевать злоключения и идти вперед. Именно уроки отечественной истории лежат в основе народного патриотизма и любви к Отчизне. Как справедливо писал Виссарион Григорьевич Белинский, «мы вопрошаем и до-

прашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам настоящее и намекнуло о нашем будущем».

Территориально Россия – огромная часть Евразийского материка. В ее истории сплелись европейские и азиатские тенденции развития всемирной истории. Россия вбирала исторический опыт Востока и Запада, переплавляя его в собственную стратегию исторического бытия, вливавшуюся в динамику глобальной истории, а на определенных ее этапах – даже формировавших ее направляющие векторы. И, конечно же, история российской государственности не может рассматриваться в отрыве от места страны в системе международных отношений, в последовательно сменявших друг друга порядках – от до-Вестфальского до Ялтинско–Потсдамского и современного – постбиполярного мира.

При рассмотрении любого исторического феномена необходима своеобразная шкала мер, элемент сопоставления. Российскую государственность, степень консолидации российского суверенитета можно понять только на общем фоне международных отношений конкретного периода, только в сопоставлении с состоянием дел у ближайших соседей и лидеров мирового порядка. При этом важно не просто сопоставление отдельных элементов организации государственности, которые в нашем случае могут многим казаться исключительными, но выявление стратегических параллелей в историческом развитии, анализ тех периодов, где эти параллели прерываются. Такой подход имеет важное методологическое значение – формируется системный взгляд на мир, преодолевается исторический эгоцентризм. Как следствие, представление о собственной стране, ее интересах и глобальных целях становится более адекватным.

Прочерчивание исторических параллелей применительно к международному позиционированию России демонстрирует несколько моделей включенности нашей страны в окружающий мир. До-Вестфальский период истории международных отношений (до середины XVII в.), в историографии структурирован не самым лучшим образом. А его понимание многими политологами как нечто однозначно иное по отношению к порядку «длинного Вестфалья» (от середины XVII до конца XX вв.) еще больше смазывает восприятие. Вместе с тем «до-Вестфаль» применительно к российскому государству показал способность нашей страны следовать двум, в дальнейшем попеременно реплицировавшимся моделям: влиятельного государства, органично включенного в европейскую среду со всеми ее издержками и преимуществами, и державы, связанной с европейским миром, но самостоятельной в своем международном поведении.

Первая модель была характерна для древнерусского государства киевского периода. Феодальная раздробленность доордынского периода однозначно демонстрировала не просто

схожесть, но и соучастие в процессах, характерных для всей Восточной, Центральной и Западной Европы. Мировоззренческий «зонтик» восточного христианства, сплачивая духовное измерение русского пространства, тем не менее не отгораживал его от соседних ареалов. Полное взаимопроникновение осуществлялось как через общую материально-хозяйственную культуру, военные столкновения, так и через постоянно расширявшуюся сеть династических связей.

С другой стороны, специфика внешней (южной и восточной) границы формировала в русском пространстве элементы, характерные для всех крупных европейских стран, граничащих с внешним инокультурным, иноязычным миром. Пределы инкорпорации внешнего влияния со стороны неевропейского мира для русской среды были субъективно понятны. Равно как понятны они были когда-то для Римской империи или Византии. Эти пределы в значительной степени были соблюдены в татаро-монгольский период, а внешнеполитическая идентичность в виде уже Московской Руси приобрела новые неевропейские (точнее, дополнительные к европейским) измерения.

Парадоксальным образом, но именно Московское государство ломало европоцентричную ограниченность тогдашней международной системы. При Иване IV однозначной становится функция России как страны, соединяющей (насколько позволяли тогдашние пути и средства коммуникации) Европу с Сибирью и Средней Азией, создающего дополнительные связи с Персией, Турцией и ее вассальными народами. При этом плотность отношений Московской Руси на европейском фланге, в том числе конфликтная (шведская война, походы в Молдавию и Валахию, польско-литовская интервенция), ничуть не уступала плотности периода Киевской Руси. Самодостаточность православия при этом позволяла дистанцироваться от явно устаревшей системы религиозного квази-единства католической Европы.

К правлению Алексея Михайловича черты Русского государства, как зрелой европейской (по своим корневым признакам), но превосшедшей европейские пределы в своих внешнеполитических задачах страны, полностью сформировались. Сложилась современная и передовая по степени суверенитета государственность. В этом смысле мировоззренческий, формационный (если угодно) Вестфаль наступил для России несколько раньше, чем для европейских государств. Именно поэтому ни в русской исторической мысли, ни в историографии России, казалось бы рубежному событию – Вестфальскому миру – никогда не уделялось столь значительного места, как в историографии европейской политики. Россия пришла к формационному Вестфалю синхронно с Европой, но в силу несколько иной комбинации факторов и событий. При этом наша страна оказалась абсолютно готовой играть по правилам новой системы.

Вестфальская система в ее историческом измерении была системой гибкой, с огромными возможностями для изменения места и роли того или иного государства в случае консолидации его потенциала и национального суверенитета. Поэтому в этой системе нельзя выделить одного или двух однозначных лидеров. «Полюса» этой системы чередовались, структура системы постоянно менялась, что обеспечило ей исторически временную устойчивость. Очевидно, что петровские реформы сделали Россию одним из полюсов Вестфальской системы. Вестфаль, родившись как система европейская, начал достаточно быстро европейские рамки преодолевать. Это было и чисто географическое преодоление, связанное с феноменом колониализма, и преодоление естественное, которое обеспечивалось в значительной степени за счет России.

На всем протяжении XVII–XVIII вв. именно Россия «втягивала» восточные вопросы в европейскую политику. Это втягивание диктовалось не просто экономическими интересами, что делали и Франция, и Великобритания, но объективностью вовлеченности Москвы как в европейские дела, так и в решение задач обеспечения своих интересов в Причерноморье, на Каспии, в Сибири. Даже сугубо с количественной точки зрения половина объема интеракций европейских государств с Османской империей в период XVIII в. были связаны с русским фактором. Другим значительным элементом отношений Европы и Порты был балканский фактор, но уже к рубежу XVII–XVIII столетий он фактически сливается в единый смысловой блок с русскими сюжетами.

Вестфальская система обладала одним замечательным свойством – ни одно государство этой системы не имело в своем арсенале внешнеполитических ресурсов эксклюзивно-инструмента идеологического или духовно-религиозного свойства. Именно поэтому ее начинает разрушать революционная Франция, вдруг обретшая этот специфический элемент внешнеполитического влияния, а отчасти – и внешнеполитической притягательности. Борьба с наполеоновской Францией, Венский конгресс в значительной степени строились на идее поиска идеологического «противоядия» революционным настроениям.

Универсального средства, как мы знаем, найдено не было, но в процессе его поиска прежде всего у России сформировалось представление о предельной важности духовно-идеологических основ и даже инструментария внешней политики. Именно с опорой на православно-христианские ориентиры Россия консолидирует свое восточноевропейское порубежье, осуществляет продвижение на Кавказ, на Балканы, укрепляет влияние среди коренного населения Прибалтики. Духовно-идеологический элемент становится частью глобальной (по тогдашним меркам) политики, наиболее ярким

его проявлением стало установление приоритетного влияния России над святыми местами в Палестине. Обладание пусть не столь наступательным, как революционная идеология, но все же эксклюзивным инструментарием, в сочетании с институциональными преимуществами страны-учредителя Венской системы делает Россию одним из лидеров «европейского концерта».

Однако со второй половины XIX в. калейдоскопичность смены ролей и партий в этом «концерте» стала нарастать, а Венские установления стремительно размывались. Одним из наиболее очевидных проявлений этого стала так называемая «крымская система» – результат поражения России в Крымской войне. Более того, старая Европа, в том числе и Россия, не сумели разглядеть рост значения азиатских соседей. Дальневосточная нестабильность вносила все больший разлад в европейские дела, обостряла казалось бы привычные европейские противоречия и неумолимо вела к вооруженным катаклизмам.

Сформированная по итогам Первой мировой войны Версальско-Вашингтонская система, с точки зрения позиционирования нашей страны, удивительным образом сочетала в себе черты Вестфальской и Венской систем. С одной стороны, Советская Россия была вне формальных послевоенных договоренностей, с другой, как и в начале XIX в., именно события, связанные с Россией, определили коренные изменения европейского ландшафта.

Новая советская власть получила в свои руки уникальный идеологический ресурс в виде тогда еще не запятнанной кровью фантастически привлекательной коммунистической идеологии. С точки зрения же тактики и оперативных направлений молодая советская страна шла путями, проторенными Петром Первым. В силу экономической слабости, проблем с политической легитимностью, необходимостью или снизить, или направить в позитивное для себя русло конфликтность, Советская Россия в первые годы своего существования максимально сосредотачивается на Восточной Европе, Прибалтике, Турции, Иране, стабилизации Средней Азии и отрыве ее от Южно-азиатского узла.

Однако уже в первой половине 1930-х гг. в политике СССР все больше заметна склонность к формированию европейского концерта по примеру Венской системы. При этом снова воспроизводится ситуация недостаточности внешнеполитических ресурсов для содержательной активности на дальневосточном фланге. Многовекторность и изменчивость внешней политики СССР, обусловленные как объективными, так и личностными факторами, дают в межвоенный период возможность для уникального тренинга – формулирования и артикулирования реальных или мнимых интересов страны по всему периметру границ и по всем функциональным направлениям.

■ 2012 – Год российской истории

Трагедия Второй мировой войны, Победа и более чем сорокалетний дуумвират в мировой политике сформировали в российском внешнеполитическом мышлении уникальнейший феномен международной ответственности. Отрешаясь от всех негативных черт Ялтинско-Потсдамской системы, именно этот феномен можно полагать главным достижением нашей страны в послевоенном мире.

Ощущение же международной ответственности, привитое Ялтинско-Потсдамской системой, пока остается, и оно может быть конвертировано в позитивное русло многостороннего регулирования, обеспечения международной безопасности, создания устойчивых политико-экономических режимов сосуществования с соседними государствами.

Современная научно-технологическая революция и глобализация, а вернее их социальные последствия оказывают противоречивое воздействие на международно-политическую среду, усиливая в ней моменты турбулентности. В международных отношениях и мировой политике стали меняться соотношения использования инструментов «hard power», «soft power» и их синтеза – «smart power». И в этом контексте уникальная русская цивилизация и ее потенциал могут быть важными системообразующими и позитивными факторами современных международных отношений, особенно на фоне тенденций их идеологической и конфессиональной радикализации.

И еще об одном. Россия – «срединный континент» (между Китаем, Тибетом и «западным полуостровом» – Европой), «сухопутный океан», пространство российской цивилизации, в отечественной литературе называемое Евразией, оказалась перед необходимостью выработки нового внешнеполитического курса. Отсутствие природных границ на территории Евразии – естественная причина, исторически провоцировавшая населяющие ее народы к объединению всех ее территорий, инициировавшегося как с Востока, так и с Запада. Во взаимодействии евразийских народов на протяжении всей их истории прослеживается одна и та же закономерность: пульсирующее чередование двух периодически сменяющих друг друга геополитических форм организации евразийского пространства – единой государственности и системы государств. После разрушения СССР медленно, но устойчиво возрождается к жизни исторический евразийский императив: необходимость интеграции, взаимодействия народов, связанных культурно-историческими, цивилизационными связями, но уже на новой политической, экономической, социально-культурной основе.

Torkunov A.V. Russia in the System of International Relations (Retrospective View).

Исторический маршрут России и современные реалии

В.П. Терехов

На пленарном заседании конференции выступавшие справедливо отмечали органичность и преемственность российской истории и российской государственности. Уже более тысячи лет наша страна развивается в общем контексте мировой истории. И хотя интенсивность исторического процесса имела свои особенности, общий исторический контекст неизменно выдерживался.

Место России в мировом пространстве формировалось на протяжении многих веков с неуклонной тенденцией на возрастание ее роли в мировых делах. Но этот процесс не был непрерывным. В своей истории России приходилось переживать и преодолевать тяжелые кризисы и смуты, приводившие к временному снижению ее политического веса и влияния на мировые дела.

Достаточно вспомнить события начала XVII в., когда внутренние потрясения привели к утрате управляемости, фактическому распаду государства, интервенции, гражданской войне и затянувшемуся на десятилетия процессу восстановления российской государственности. Тем не менее кризис был преодолен, и Россия, постепенно набирая силы, выдвинулась к началу XIX в. в число ведущих европейских держав.

В начале XX в. Россия вновь оказалась на грани политического коллапса. И это несмотря на мощный экономический подъем, который страна переживала. Неумелое руководство, авантюрные действия самодержавной власти, ввергнувшие страну в две ненужные ей войны, а затем и в жесточайший внутренний кризис,

революцию и гражданскую войну, создали реальную угрозу распаду страны и установления внешнего управления над отдельными территориями.

И все же эту опасность удалось преодолеть. Ценой величайших жертв и напряжения всех сил народа Российское государство восстановило свой потенциал и влияние в мире. Более того, Советский Союз как преемник российской империи сумел не только противостоять врагу в тяжелейшей Отечественной войне, но и одержать победу, а затем и обеспечить мощный рывок в своем развитии. Однако испытания трагического XX в. оказались чрезмерными для общества. Оно не выдержало нового кризиса, назревшего в восьмидесятые и разразившегося в девяностые годы. Развал Советского Союза – единого государства, складывавшегося веками, стал одним из наиболее чувствительных ударов по российской государственности, существенно ослабившим позиции России в мире. Последствия этого ощущаются до сих пор.

Тем не менее есть веские основания ожидать, что внутри- и внешнеполитическая демобилизация России носит временный характер и, как это уже бывало в прошлом, сменится восстановлением ее роль в мире. Этот процесс уже начался. Факторы, влияющие на флуктуацию исторической роли России, заслуживают глубокого, тщательного и беспристрастного анализа и обсуждения. Не претендуя на полноту анализа, позволю себе лишь кратко остановиться на некоторых факторах, которые, на мой взгляд, влияют

Терехов Владислав Петрович – Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, профессор кафедры дипломатии МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Выступления на секционном заседании международной научной конференции «От Древней Руси к Российской Федерации: история российской государственности» 28 сентября 2012 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова.

■ 2012 – Год российской истории

(или должны влиять) на исторический маршрут России в современных условиях. В числе таких факторов можно назвать следующие:

– четкое осознание руководством страны и политической элитой национальных интересов и имеющихся возможностей их реализации. Богатый опыт нашей страны свидетельствует о том, что сбой в понимании национальных интересов, их подмена групповыми, сословными, корпоративными интересами, подверженность идеологическим догмам, нежелание или неспособность ставить во главу угла общественный, общенародный интерес приводит к:

- а) разрушению национальной солидарности;
- б) торможению динамики внутреннего развития;
- в) блокированию дееспособности государства на международной арене, его дестабилизации и угрозе разрушения.

Ярким примером такой деформации государства под влиянием игнорирования национальных интересов является политика царского правительства накануне первой русской революции и Первой мировой войны. Результат известен. Известны и обстоятельства, приведшие к развалу Советского Союза;

– осуществление эффективной экономической модернизации страны как первоочередной национальной задачи, имея в виду, что политическая модернизация должна следовать за экономической, так как лишь в такой последовательности может послужить восстановлению и укреплению международных позиций России. Попытки «обогнать время» в решении назревших в государстве проблем предпринимались неоднократно. Примером может служить политика «перестройки» в Советском Союзе. У нее были свои приоритеты – демократизация институтов политической и общественной жизни, создание некоей плюралистической модели, в рамках которой намеревались осуществлять дальнейшее экономическое развитие. Начавшиеся реформы практически вели к созданию иной общественно-политической системы, в рамках которой предполагалось поднять уровень экономического и социального положения в стране. Однако лозунг «демократия вместо масла» оказался не более популярным, чем «пушки вместо масла». «Перестройка» в таком формате привела к развалу государства.

В рамках новой социально-экономической системы попытки решать проблемы развития экономики и повышения уровня жизни населения также не приносят желаемого результата. Итог двадцатилетних экспериментов не воодушевляет. Тем не менее настойчиво предлагают вновь начать с «политической модернизации» в надежде, что это даст толчок модернизации экономической. Но мы знаем, чем завершилась «перестройка» в такой последовательности. Прошедшие двадцать лет должны были бы научить уму-разуму. Надо сказать, что в последнее время российское руководство проявляет возросшее

внимание к реанимации промышленности и наведению некоторого порядка в экономике после разрушительных 1990-х гг. Предпринимаемые усилия постепенно приносят свои плоды. Но понесенные потери очень велики;

– политическая стабильность в государстве, нацеленность различных слоев общества на взаимодействие и сотрудничество в решении назревших политических, экономических, социальных, культурных задач. Очевидно, что общество, подверженное раздорам и противоречиям, занятое противоборством враждующих групп, неспособное сплотиться вокруг общей национальной идеи, обрекает государство на стагнацию и упадок. Разжигание взаимной вражды, создание атмосферы нетерпимости друг к другу не способствуют выработке согласованного курса на всеобъемлющую модернизацию страны. Казалось бы, что это – прописная истина. Но на практике противостояние преодолевается с трудом. «Лебедь, рак и щука» тянут в разные стороны. Амбициозность и подверженность корыстным интересам мешают выработать общую программу действий для решения первоочередных национальных задач. А ведь на это должны были бы ориентироваться все участники политического процесса. И следует признать, что возникшее в стране беспрецедентное по своим масштабам социальное неравенство – главный тормоз в развитии страны;

– ориентация внутренней политики государства (законодательной, экономической, социальной, культурной деятельности) на обеспечение сбалансированных интересов различных социальных групп, исключая превращение государства в инструмент реализации узкокорыстных запросов классового характера, укрепление на этой основе авторитета государства и его структур. В выработке маршрута общенационального движения к всесторонней модернизации страны особую, центральную роль призвано играть государство. Именно оно должно при определении приоритетов законодательной, экономической, социальной и культурной политики обеспечивать сбалансированность интересов различных групп населения. Импульсы, исходящие от государства, должны быть понятны обществу и восприниматься им как оптимальные и справедливые. С другой стороны, недопустимо расшатывание авторитета государства со стороны отдельных групп, добивающихся для себя особых предпочтений. Открытость и публичность принимаемых решений является важнейшей предпосылкой здорового общественного климата;

– развитие гражданского общества в формате, исключающем использование его влияния на формирование государственной политики в угоду отдельным группам общества, национальная консолидация как центральная задача. Формирование гражданского общества – важная позитивная задача в контексте модернизации страны. Однако гражданское общество не должно вос-

приниматься как некий противовес государству, исключительно как оппозиционный институт. Его функционирование не должно быть направлено на противоборство с государством в интересах отдельных общественных групп. Правозащитная деятельность – лишь одно из направлений активности гражданского общества. Гражданское общество не должно ставить своей задачей провоцирование конфликтных ситуаций, и тем более гражданской войны. В более широком плане оно призвано обеспечить гражданскую экспертизу инициатив государства, а также отдельных социальных групп, включая бизнес;

– *выверенная и сбалансированная внешняя политика, нацеленная на решение возникающих международных проблем методами мирного взаимодействия при максимальном обеспечении национальных интересов страны, политический реализм и рассчитанное на длительную перспективу прогнозирование своих дипломатических шагов как важная предпосылка успеха в международных делах.* После «ропуска» Советского Союза был изъят идеологический стержень внешней политики страны. Российская Федерация позиционировала себя как современное демократическое государство, свободное от идеологических предпочтений и ограничений в своих отношениях с иностранными государствами. Тем не менее за рубежом Россию все еще воспринимают как «идеологического наследника», как «продолжателя» Советского Союза, тем более что именно так она была представлена международному сообществу после развала Советского Союза.

Как следствие – в отношениях с Россией зарубежные партнеры, особенно из числа западных стран, неизменно подчеркивают ее мнимую «демократическую незрелость», мотивируя этим свою сдержанность, а зачастую и враждебность в контактах с нею. Это особенно заметно при обсуждении и решении проблем международной безопасности (достаточно назвать проблему ПРО). Но и при решении сравнительно нейтральных вопросов дело постоянно тормозится и откладывается в «долгий ящик» (безвизовый режим со странами Евросоюза). Показателен и подчеркнута негативный информационный фон на Западе в отношениях с Россией. Западные СМИ рисуют внутреннюю жизнь и внешнюю политику России в заведомо искаженных, негативных тонах, продолжая, по существу, затяжную информационную войну, которая велась против Советского Союза. Как говорил вчера в своем выступлении Святейший Патриарх, «с зубовным скрежетом» воспринимается все, что происходит в России.

В этих условиях перед российской дипломатией стоит сложная двуединая задача – выстраивать добрососедские отношения, конструктивно сотрудничать в поисках взаимоприемлемых решений современных проблем международной безопасности, в то же время решительно про-

тиводействуя попыткам создавать негативный образ нашей страны в ведущихся информационных войнах, изображать ее в виде некоего нецивилизованного монстра. Нынешнее российское руководство четко ведет такую линию, не поддаваясь давлению и всяческим попыткам сбить страну с ее последовательного курса.

Но дискуссии относительно направленности внешней политики России ведутся и внутри страны. Существует мнение, что наша страна утратила за последние четверть века необходимый военно-технический потенциал, обеспечивавший паритет в отношениях с США и служивший основой существовавшей биполярной системы. А коль скоро так, то не следует вступать в споры с США, а соглашаться с предлагаемыми Вашингтоном правилами игры. Как говорится, «по одежке протягивай ножки». Однако реальность выглядит иначе, чем такого рода схема. Действительно, многое изменилось. Но Россия сохраняет необходимый потенциал сдерживания, и для капитулянтских настроений нет оснований. Кроме того, размеры нашей страны при всем ее природном многообразии, сложности обеспечения жизнедеятельности, при ее исторически сложившихся традициях и гражданской устойчивости населения на крутых исторических поворотах не дает оснований сомневаться, что авантюрные эксперименты в отношении нашей страны не имеют шансов на успех.

Представляется, что следует учитывать как потенциальные угрозы национальной безопасности, связанные с международным терроризмом и иными глобальными явлениями, которые обычно фигурируют в стандартных перечнях угроз, также как и региональные, и локальные события и процессы. По своим негативным последствиям последние могут оказаться весьма серьезными и нанести немалый ущерб международному положению страны и перспективам ее развития. Нынешний конфликт в Сирии, а до этого – в ряде арабских стран, грузино-осетинский конфликт – это лишь некоторые примеры международных ситуаций, требующих от России, как и от других государств, предельно точной оценки, надежного прогнозирования и тщательно выверенных действий. Приходится думать не только о том, как твои действия выглядят сегодня, а о том, как они будут выглядеть и оцениваться послезавтра и в более отдаленной перспективе. Исторический маршрут России в нынешней международной ситуации сложен и сопряжен с решением многих внутренних и внешнеполитических задач. Выработка общенационального консенсуса относительно методов и механизмов их решения остается важнейшей предпосылкой успешного развития страны в новом столетии.

Terekhov V.P. Historical Path of Russia and the Modern Realities.

Глобальная цивилизация и Россия

Е.М. Астахов

Современная глобализация выдвигает ряд вопросов. Что такое «глобальная цивилизация»? Это объективный процесс или попытка одной, например евроатлантической, цивилизации навязать свои стандарты другим цивилизациям? XXI в. переживает системный кризис политических и социально-экономических ориентиров. И что еще опаснее – культурных и нравственных ценностей. Притязания Запада на высший цивилизационный статус уже не имеют оснований. Очевидны признаки размывания его экономического доминирования. На первые роли выходят Китай и другие «восходящие экономики». Новыми полюсами мировой экономики и политики становятся ШОС и БРИКС, в состав которых входит и Россия.

В новом контексте подстраивание под «глобальную цивилизацию» в ее евроатлантическом измерении представляется вряд ли обоснованным. Эта цивилизация на первый план ставит технологический прогресс ради роста потребления. Под эту задачу навязывается и соответствующая макроэкономическая модель с прежними монетаристскими рецептами и преобладанием финансовой сферы над реальным производством. Практические результаты такой модели видны, в частности, в кризисе еврозоны.

Непростой вопрос о так называемых общечеловеческих ценностях. Они, несомненно, нужны. Но только при сохранении идентичности отдельных культур. При этом культуру нужно понимать в широком смысле как традиции, историческую память, восприятие мира, искусство, литературу, а также материальные и духовные результаты труда многих поколений.

В этом контексте примечательны процессы, происходящие в странах западной цивилизации. В итоге «глобальная цивилизация» выглядит как единый политический, экономический и культурный проект. Для его реализации человечество

должно поменять свое культурно-цивилизационное многообразие на общую и единую культуру, язык, ментальность и в конечном итоге выйти на создание «единого человека». При таком понимании «глобальная цивилизация» должна управляться одним мировым правительством.

Сегодня Россия переживает сложный период своей истории. Происходит размежевание в социально-экономической, политической и культурно-конфессиональной сферах. Идея «глобальной цивилизации» находит понимание у части российского общества. В 1990-х гг. к власти в нашей стране пришли силы, которые взяли курс на сотрудничество с идеологией близким, как и им казалось, Западом. Были открыты двери для «вестернизации» политических и экономических институтов, культуры, СМИ. Эти годы «вестернизации» чувствуются и поныне, хотя на рубеже XXI в. в России произошла определенная «смена вех» в политике правящей элиты.

Но остались влиятельные слои общества, которые, продолжая традиции русских «западников» прошлого, выступают за импорт политических и экономических моделей из Северной Америки

Астахов Евгений Михайлович – профессор кафедры дипломатии МГИМО(У) МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ. E-mail: vestnik@mgimo.ru
Выступления на секционном заседании международной научной конференции «От Древней Руси к Российской Федерации: история российской государственности» 28 сентября 2012 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова.

и Западной Европы. Такая линия характерна для ряда политических партий, бизнес-структур, культурных и научных кругов, а также СМИ. Примечательно и другое. По последним социологическим опросам, около трети городского населения России хотят эмигрировать в другие страны.

Вместе с тем концепт «глобальной цивилизации» большинством населения России не разделяется. Есть в народе понимание, в том числе и на интуитивном уровне, что полное встраивание в «чужую» цивилизацию приведет к утрате национальной идентичности. Но Россия не может и изолироваться от глобализационных процессов. Более того, она сама – глобальная держава, вбирающая в себя различные этнокультурные и конфессиональные группы, причем не иммигрантов, а народов, издавна живущих на этой земле. Мультикультурная специфика России предопределяет для нее дополнительные трудности, но в то же время обогащает ее культуру. Россия своим примером подтверждает тезис о культурно-цивилизационном многообразии как естественном пути развития человечества.

Нынешняя правящая элита, в отличие от реформаторов 1990-х гг., ориентирована на национальные интересы. У нее есть понимание, что культурная матрица России совместима с западно-европейской, если последняя не будет отрываться от христианских корней. Однако этот настрой не был воспринят западными партнерами, которые прагматически «проглотили» саморасчленение России и теперь торопятся освоить постсоветское пространство. В этих условиях, не отказываясь от взаимодействия с Западом, политическое руководство России проводит многовекторную политику. Основной упор при этом делается на укреплении евразийской интеграции и инициативном участии в создании новых акторов мировой экономики и политики, прежде всего ШОС и БРИКС.

Разворот ориентации России на Восток не должен привести к ухудшению отношений с Западом. Напротив, есть основания ожидать, что это подтолкнет наших западных партнеров к пересмотру геополитических расчетов и к расширению политических и экономических связей с Россией. Однако сотрудничество будет ограничено лишь теми областями, которые выгодны Западу: импортом из России энергоресурсов, участием в разработке новых месторождений, в частности на океанском шельфе, и экспортом промышленных и сельскохозяйственных товаров.

В этой связи стоит отметить следующие обстоятельства. В России, в том числе даже в политологических кругах, распространено мнение о том, что США рассматривают себя в качестве «мессианского лидера», который считает и политической целью, и моральным долгом экспорт американской модели государственного устройства в другие страны. При этом геополитические факторы отодвигаются на второй план. Не всеми разделяется понимание, что главной целью «морального лидера» остается ослабление России, которая рассматривается как фактически единственное

препятствие к глобализации американского господства. Но убрать это препятствие США пока не удается по нескольким причинам:

1. Россия в потенциале – самодостаточная страна. Во времена СССР она такой и была, пока реформы 1990-х гг. не разрушили значительную часть ее промышленного и сельскохозяйственного производства. Однако интеллектуальный и ресурсный потенциал страны способен вернуть ее в ряд самостоятельного полюса мировой экономики. Для решения этой задачи есть все предпосылки: огромная территория, образованное население, природные богатства, причем не только полезные ископаемые, но и ресурсообеспечение будущего – пресная вода и «легкие» незаселенных территорий. Все это делает Россию естественным геополитическим соперником Запада.

2. Россия занимает уникальное географическое положение. Она, несомненно, европейская страна, причем не только в географическом, но и в культурном плане. Одновременно она страна азиатская, со значительным мусульманским населением. Россия – не мост между Западом и Востоком, она сама – огромный евразийский континент, по сути дела, отдельная цивилизация. Геостратегическое преимущество России и в соседстве с Китаем и другими восходящими экономиками Азии. Неслучайно появление таких центров, как ШОС и БРИКС, куда не входят натовские страны. Очевидно, что реализация проекта «глобальной цивилизации» невозможна без России и Китая.

3. Запад видит в России не только геополитического, но и цивилизационного противника. У России – чуждые Западу православие, духовные ценности, менталитет. Это всегда питало русофобские настроения к Российской империи, СССР и современной России. При этом идеологические причины всегда были на втором плане, даже во времена СССР.

4. Россия неоднократно становилась объектом военной агрессии со стороны Запада. В современных условиях вероятность силовой акции против России сомнительна прежде всего из-за ее ядерного арсенала. Однако полностью исключать военный сценарий нельзя, в частности регионального характера.

При анализе межкультурного измерения России желательно иметь в виду и следующее обстоятельство. Русской нации генетически присуще расширение в пространстве. Так шла и история становления Российского государства. Тектонические катаклизмы прошлого века привели к пространственным, по сути, перемещениям миллионов людей. В результате сформировался «Русский мир», который далеко выходит за границы России, а подчас – и за пределы русского этноса. «Русский мир» социально неоднороден, что предопределено различными историческими волнами эмиграции. В него входит так называемая «трудовая» миграция, которая покидала свою родину в поисках лучшей доли, а также научная и культурная элита, внесшая беспрецедентно высокий вклад в мировую цивилизацию.

■ 2012 – Год российской истории

Очевидно, что для укрепления своих позиций в мире России необходимо прежде всего решить внутренние задачи развития экономики, укрепления обороноспособности, повышения жизненного уровня населения. Это позволит более эффективно проводить и внешнеполитическую работу, в которой более значимую роль должна играть и политика «мягкой силы». «Soft power» в западном исполнении ограничивается только целями продвижения образа страны, культуры, языка и т.д. При этом не исключается жесткое пропагандистское воздействие на умонастроения населения других стран для продвижения своих интересов. Ведущие западные страны с помощью механизмов «мягкой силы» осуществляют и прямое вмешательство во внутрисполитическую жизнь других стран с целью подрыва существующих там режимов. В этой работе с западной стороны участвуют не только зарегистрированные организации, вроде Британского Совета, но и соответствующие службы посольств, государственные и частные фонды. К этой деятельности подключаются и СМИ, как свои, ориентированные на «страну-объект», так и местные, которые подпитываются финансовыми средствами и «нужными» материалами. Эта пропагандистская машина «включает в себя весь комплекс агентов влияния».

«Мягкая сила» России лишена целенаправленности и тем более агрессивности западных стран. Во времена СССР на культурную дипломатию выделялись определенные финансовые средства, действовал соответствующий государственный аппарат. Воздействие внешнеполитической пропаганды подкреплялось военно-политическим потенциалом страны и новым социально-экономическим проектом, который при всех дефектах его реализации вызывал интерес определенных слоев зарубежной аудитории. Однако идеологическая заданность и низкий профессиональный уровень пропаганды ограничивали ее эффективность. После развала СССР это направление внешней политики было в значительной степени подорвано. Лишь в последние годы российское руководство стало уделять ему больше внимания. Создано на базе бывших ССОД и «Росзарубежцентра» Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), которое стремится превратить Российские центры науки и культуры в эффективные механизмы культурного влияния. Но решить эту задачу будет трудно, прежде всего из-за недостаточного финансирования.

Полезную работу по продвижению русского языка осуществляет фонд «Русский мир». Идет становление телеканала «Россия сегодня», вещающего на зарубежную аудиторию на иностранных языках.

Однако эти и другие органы действуют разрозненно. Явно не хватает ведомства, которое бы взяло на себя координацию всей работы по

продвижению языка, культуры и имиджа страны при соответствующем финансировании и государственном контроле. Принципиальное решение по созданию единого координирующего органа у нас тем не менее пока не принимается.

Гуманитарное направление внешней политики необходимо не только для укрепления геополитических позиций страны. Национальным приоритетом должна стать и поддержка миллионов наших соотечественников. В этой области много трудных вопросов: финансовая помощь незащищенным категориям соотечественников, упрощение процедуры предоставления гражданства, безвизовый въезд в Россию и т.д. Эти вопросы находятся на рассмотрении Правительственной комиссии по делам соотечественников.

В работе с соотечественниками необходима долгосрочная стратегия. Органы исполнительной власти, организации и фонды, занимающиеся этой тематикой, должны понимать конечные цели и поэтапно идти к ним, исходя из имеющихся возможностей и ресурсов. Такую работу желательно вести и на постсоветском пространстве. При этом не следует опасаться разговоров о возрождении «имперских тенденций». Перед Россией стоит историческая задача – укрепление «Русского мира» внутри и вне страны.

Достижение всех этих целей затруднительно без национальной идеи и соответственно стратегии развития России. Предложения выработать национальную идею на технологических основах, повышении конкурентоспособности, выдвигании материального благополучия как смысла жизни для России бесперспективны. Однако есть свои сложности в определении национальной идеи и в культурно-цивилизационном измерении. Постулаты о православии, собирании земель и общинном коллективизме могут не найти понимания других этнических групп ряда субъектов Российской Федерации. Национальную идею надо искать на пути единого восприятия нашей общей истории, без ультралиберальных и новорадикальных черно-белых красок, восстановления социальной справедливости, возрождения морали, осмысления пути России в мировом развитии.

Многие ответы на вопросы о национальной идее даны в русской классической литературе. Национальная идея должна быть нацелена на сохранение идентичности страны. Сохранение специфики не означает консервации прошлого. Необходимо двигаться вперед, но не растворяясь в чуждых парадигмах развития, что грозит утратой государственности. «Глобальная цивилизация» России не подходит. Россия – другая страна. Впитывая преимущества глобализации, Россия должна идти самостоятельным путем, сохраняя свою сущность и особый взгляд на ценности мира.

Astakhov E.M. The Global Civilization and Russia.

Генерал Вольмар Антон фон Шлиппенбах – потомок рыцарей ливонских

А.В. Беспалов, Н.А. Копылов

В статье на основе ранее не опубликованных документов и малоизвестных работ восстановлена биография одного из участников Северной войны (1700–1721 гг.) – Вольмара Антона фон Шлиппенбаха, сражавшегося долгое время на стороне шведского короля и окончившего свою карьеру на службе Российской империи.

Фраза «судьба играет человеком» великолепно подходит к герою нашего исследования. Не обладая военными и государственными талантами, но будучи потомком знатного германского рода, большим книголюбом и прекрасным хозяйственником, он невольно вписал свое имя на скрижали истории таких стран, как Эстония, Латвия, Украина, Швеция и Россия. И возможно, мир никогда бы и не услышал этого имени, если бы не Великая Северная война (1700–1721 гг.). Первое упоминание о представителях этого рода вестфальско-рейнского происхождения датируется 1386 г. (братья Ханнес, Ротгер и Герман Слиппенбеке). В начале XVI в. род фон Шлиппенбахов разделился на две большие ветви: лифляндскую (Альт-Борнгузен) и курляндскую, родоначальником которых был Иоганн фон Шлиппенбах (1518–1542 гг.).

К старшей – лифляндской ветви этой многочисленной и плодотворной семьи и принадлежал наш герой¹. Его предки, участвуя в военных походах сначала Тевтонского, а затем и Ливонского ордена, снискали себе заслуженную славу и скопили немалое количество недвижимого

и движимого имущества. Не занимая высоких постов в орденовой иерархии, фон Шлиппенбахи с упорством «округляли» свои фамильные владения, при этом активно занимаясь торговлей. Членов данного семейства отличали оборотистость, скуповатость и осторожность. Отец нашего героя, Иоганн фон Шлиппенбах, служил в чине майора в Рижском гарнизонном полку² и в 1652 г. сочетался браком с Марией фон Рейх, девицей из богатой и знатной семьи, принесшей мужу немалое приданое. Это был типичный брак по расчету, и чувствам здесь не было места. Впрочем, и новоиспеченный муж был далеко не беден. Ему принадлежали поместья Альт-и-Ней-Борнхусен, Оллусфер в Лифляндии и Сойниц в Эстляндии³. Кроме того, за его плечами был богатый военный опыт, что очень ценилось в среде дворянства. Иоганн фон Шлиппенбах слыл рачительным хозяином и исполнительным офицером. Его отличал сам генерал-губернатор Лифляндии граф генерал-фельдмаршал Эрик Дальберг.

23 февраля 1653 г. супруга Иоганна фон Шлиппенбаха произвела на свет сына и наследника рода. Младенца нарекли Вольмаром

Беспалов Александр Викторович – д.и.н., доцент, начальник кафедры истории и экономической теории Академии ГПС МЧС России. E-mail: bds_69@mail.ru

Копылов Николай Александрович – к.и.н., доцент кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России. E-mail: n-kopylov@mail.ru

Антоном. О детстве нашего героя практически ничего не известно. До пяти лет он воспитывался матушкой и многочисленными няньками, а затем был отослан в Ревель получать достойное образование. Вольмар Антон фон Шлиппенбах действительно был высокообразованным человеком. Его страстью были книги, садоводство и ботаника. Библиотека фон Шлиппенбахов славила на всю Эстляндию и Лифляндию. Младший фон Шлиппенбах свободно изъяснялся на латыни, польском, немецком, французском и шведском языках. В довольно юном возрасте его женили на баронессе Марии Хелене фон Ливен, дочери генерал-губернатора Эзеля барона генерал-майора Рейнхольда фон Ливена и баронессы Анны Маргареты Цеге фон Мантейфель⁴.

Данный брак означал вхождение молодого фон Шлиппенбаха в круги высшей аристократии Эстляндии и Лифляндии. Среднего роста, сухощавый, с темными волосами и слегка вытянутым лицом, на котором выразительно смотрелись большие и очень умные глаза, Вольмар Антон был привлекательным мужчиной и прекрасным собеседником. Новоиспеченная супруга гордилась мужем и всячески его поддерживала. Брак оказался, на удивление, прочным и долговечным. Баронесса уйдет из жизни в 1727 г., подарив мужу четырех детей: двух сыновей – Кристера Рейнхольда и Хенрика Юхана, а также двух дочерей – Хелену и Марию Магдалену⁵.

Военные заслуги родителя и связи жены помогли молодому фон Шлиппенбаху сделать карьеру в шведской королевской армии. Уже в 1678 г. мы видим его в чине майора Рижского гарнизонного полка, в котором когда-то служил его отец. Это было время шведского «великодержавия», когда Балтийское море практически стало «шведским озером». Служба новоиспеченного майора проходила без эксцессов, и, судя по послужному списку, Вольмар Антон нес ее честно. Пройдет почти десять лет, когда его произведут в чин подполковника, а затем переведут в Саволакско-Нюшлотский пехотный полк⁶.

Фон Шлиппенбах оказался в числе тех дворян, кто активно протестовал против редукции (пересмотра королем Карлом XI земельных пожалований дворянству) и подписал петицию королю о ее пересмотре. Знал бы Вольмар Антон, что спасение его личной собственности шло вразрез с интересами короны. Тот, кто выступал против редукции, выступал против своего монарха, а это означало одно – обвинение в государственной измене. Инициатор петиции – Иоганн Рейнхольд фон Паткуль – был приговорен к смертной казни и в спешке покинул Лифляндию. Многие из его друзей были изгнаны с государственной службы. Благодаря заступничеству фельдмаршала Эрика Дальберга и генерал-майора Карла Магнуса Стюарта король оставил Шлиппенбаха на службе, но внес его в черный список. Смерть Карла XI и восшествие на престол Карла XII (1697–1718 гг.) ничего не изменило в его судьбе. Он по-прежнему

оставался подполковником, без перспективы дальнейшего карьерного роста.

Однако уже в апреле 1700 г., с вступлением на территорию Лифляндии саксонской армии польского короля и саксонского курфюрста Августа II Сильного (1697–1706, 1709–1733 гг.), ситуация кардинально меняется. Начинается Великая Северная война (1700–1721 гг.). Вторжение саксонцев на территорию Лифляндии напрямую затрагивало интересы семьи фон Шлиппенбахов. В стремлении спасти свое добро и показать преданность королю Вольмар Антон фон Шлиппенбах обратился с предложением сформировать за свой счет драгунский полк. Это не осталось незамеченным в Стокгольме. Карл XII произвел фон Шлиппенбаха в чин полковника и назначил его шефом Лифляндского вербованного драгунского полка⁷.

Россия объявила войну Швеции 19(9) августа 1700 г.⁸. Петр I стремился вернуть утраченные ранее земли – Ингерманландию и Карелию. 22 августа 1700 г. царь выехал из Москвы, а 24-го в поход двинулась армия. Цель похода – Нарва (древнерусская крепость Ругодив), которой Петр собирался овладеть в первую очередь⁹. Выбор цели был не случаен. Нарва являлась ключом к Эстляндии. Шведские войска в Эстляндии, Лифляндии и Ингерманландии были разбросаны по крепостям в качестве гарнизонов, незначительные полевые отряды не могли повлиять на ситуацию в целом. Всего шведские войска насчитывали до 17 500 чел.¹⁰.

Русская армия была разделена на три «генеральства» (дивизии): Головина в составе 10 пехотных и одного драгунского полков общей численностью 14 726 чел.; Вейде – 9 пехотных, один драгунский полк – 11 222 чел.; Репнина – 9 пехотных полков, насчитывающих около 11 000 чел. Общее командование армией было возложено на Головина. Он лишь номинально являлся старшим военачальником, так как всеми действиями армии руководил сам Петр. В ожесточенном генеральном сражении под стенами Нарвы 19–20 ноября королевская армия одержала убедительную победу над русскими войсками. В нарушение условий капитуляции Карл XII удержал в плену 700 русских офицеров, из них 10 генералов. Шведам достались богатые трофеи: 145 орудий, обоз и 230 знамен (из них 157 были захвачены в бою)¹¹.

Потери русской армии составили около 6–7 тыс. чел. убитыми, ранеными и утонувшими, потери шведов – 667 чел. убитыми и 1247 чел. ранеными¹². Насколько ожесточенным было сражение, показывает сравнительный анализ потерь офицерского состава шведской армии. В ходе его было убито 31 и ранено 66 офицеров, то есть на каждые 20 нижних чинов, погибших в бою, приходился один офицер¹³. Цифра для начала XVIII в. очень большая.

Период с декабря 1700 г. по июль 1701 г. являлся одним из самых тяжелых в истории Российского государства. Северо-западные грани-

цы России фактически в любой момент могли подвергнуться нашествию шведов. «Для России Нарва была жестоким толчком, ударом, грубо напомнившим о нависшей над страной опасности. Урок был очень суров, но русский народ воспользовался им с предельной энергией»¹⁴, – писал Е.В. Тарле. Кипучая энергия русского монарха, его железная воля заставляли окружающих делать все, чтобы укрепить страну и накопить силы для победы над неприятелем. Жестоко карались лиходеи и мздоимцы.

«А декабря с 12 числа из Великого Новагорода посланы во Псков пехотные полки обеих генералов. В то ж время в Новгороде повешен Елисей Борисов сын Поскочин за то, что он брал деньги за подводы. А князь Яков Лобанов-Ростовской да Андрей Михайлов сын Новокрещеной взяты за караул и привезены в Преображенский приказ»¹⁵. Укрепление пограничных городов не означало перехода русской армии к стратегической обороне. Наоборот, уже 5 декабря 1700 г. генералу Б.П. Шереметеву царь предписывает: «... ближних мест беречь и идти вдаль для лутчего вреда неприятелю». Под Псков и Гдов стягиваются все уцелевшие после нарвского погрома войска. Туда же перебрасывается дивизия Репнина и казаки Обидовского. Из-за недостатка металла на пушки переливают церковные колокола. Проводится новый набор рекрутов в армию.

Эти усилия позволили в кратчайшие сроки прикрыть границу с северо-западного направления. Между тем отряд фон Шлиппенбаха был усилен 200 рейтарами из состава Абосско-Бьернеборгского кавалерийского полка¹⁶. Это позволило активизировать действия против саксонцев и принесло успех в бою у Цесвайна 22–23 января 1701 г. Шведы смогли захватить огромные запасы хлеба (66,4 т) и доставить их в Мариенбург. Фон Шлиппенбах стал готовить свой отряд к переброске на восток. Король не оставлял мысли о том, чтобы захватить передовые пункты русских в районе Изборска и Печор.

В рейд к Печорам король отправил генерал-лейтенанта Спенса в составе конного лейб-режима, Эзельского вербованного ланддрагунского батальона Х. И. фон Брандта, Лифляндского вербованного драгунского полка В.А. фон Шлиппенбаха, Лифляндского вербованного пехотного полка К.Г. Шютте и двух тысяч всеобщего ополчения¹⁷. Всего около 2100 солдат и офицеров регулярных войск и 2000 ополченцев. Им противостояли два полка псковских стрельцов, Черниговский украинский казачий полк Лизогуба, небольшой отряд псковских «детей дворянских», монахи Псково-Печорского монастыря и несколько сотен вооруженных чем попало местных жителей. 12–13 февраля 1701 г. противники встретились на небольшом поле у Печорской слободы. Русские атаковали первыми, приведя в замешательство лифляндских ополченцев, но генерал-лейтенант Спенс был настоящим военным профессионалом. Выдер-

жав небольшую паузу, он бросил в контратаку конногвардейцев, которые и загнали противника в слободу. В ходе сражения под Печорами шведы потеряли убитыми майора Валленшtedта и 30 солдат, ранеными – 60 солдат¹⁸. Потери неприятеля шведы оценили в 500 чел.

Спустя неделю драгуны фон Шлиппенбаха попытаются безуспешно захватить Изборск. Увидев, что город готов к отражению атаки, они, не принимая боя, отошли на свою территорию. К весне 1701 г. на территории Эстляндии, Лифляндии, Ингерманландии и Карелии было сосредоточено 48 350 чел. шведских солдат и офицеров, включая гарнизонные и ландмилицейские части. 17 мая 1701 г. из Швеции в Ревель прибыли подкрепления общей численностью 9350 чел.¹⁹. Именно к концу мая главная шведская армия численностью до 14 850 чел. была готова к новой военной кампании. В силу ряда обстоятельств, и в первую очередь в наличии сильной саксонской армии до 12 000 чел., на подступах к Риге Карл XII, не желая оставлять в тылу столь крупные силы противника, решил нанести по ним мощный удар.

Что представляли из себя войска, оставленные шведским владыкой против русских в Эстляндии и Лифляндии? Воинские соединения, образованные в самой Прибалтике, можно подразделить следующим образом:

- 1) вербованные войска;
- 2) дворянские эскадроны;
- 3) сословные драгунские эскадроны;
- 4) ландмилиция;
- 5) части, составленные из немцев, призванных в ополчение;
- 6) слабо организованные соединения из крестьян, призванных в порядке всеобщего ополчения²⁰.

Основной контингент шведских войск в Прибалтике состоял из вербованных частей, которые составляли наемную армию, находившуюся на жалованье у государства. Кроме того, они получали продовольственный паек, обмундирование и оружие. Сама вербовка проходила следующим образом. Начальник или кандидат в начальники какого-нибудь вербованного подразделения (например, полка) заключал с представителем высшей власти (королем, генерал-губернатором и т. д.) соответствующий договор о вербовке, в котором помимо различных условий указывалась и территория для проведения набора той или иной части²¹. Иногда кто-либо из офицеров брал обязательство сформировать посредством вербовки новый полк, эскадрон, батальон и т. д., начальником которого (в соответствующем чине) он и становился. Чаще всего речь шла о пополнении уже существующих полков или же о доведении какого-нибудь батальона или эскадрона до численности полка. Договор о вербовке назывался «капитуляция». На основании этого договора выдавался документ, подтверждающий права данного офицера на вербовку, так называемый патент. Если вер-

бовка производилась не за собственный счет полковника или другого воинского чина, то она оплачивалась казной. В случае вербовки только нескольких чел. никакого особого договора, конечно, не заключали. Для этой цели использовали деньги, предусмотренные на непредвиденные расходы полка²².

Вербовщикам провинциальные власти выдавали документы (патенты) на право производить вербовку, а от своего командира они получали определенную сумму денег на расходы и для выдачи задатка завербованным. Чел. считался завербованным лишь тогда, когда получал от вербовщика задаток²³. Иногда офицер-вербовщик заключал даже договор о вербовке со своим командиром²⁴. Чел., на вербовавший, например, целый взвод²⁵, становился зачастую его начальником и получал повышение в чине. В таком случае он частично или полностью вербовал воинскую часть за свой счет. В принципе вербовка должна была быть добровольной. Вербовщики обязаны были убедить людей добровольно поступать на военную службу и принимать задаток. Насильно можно было вербовать бобылей (*Lostreiber*) и «праздношатающихся», а также одиноких дворохозяев-крестьян без достаточного количества рабочего скота²⁶. Таким образом, вербовка в первую очередь затрагивала самые бедные слои населения – бобылей в деревне, поденщиков и разнорабочих в городе. Крестьян-дворохозяев, их сыновей, братьев и батраков-барщинников, ремесленников, подмастерьев и др. по закону нельзя было вербовать насильно. Это относилось и к слугам зажиточных бюргеров, помещиков, чиновников и т.д.

В действительности же с самого начала войны преобладала насильственная вербовка, причем не только тех категорий населения, которые были отданы во власть и на произвол вербовщиков, но и находившихся под защитой закона. Вербовщики были одними из самых ненавистных гостей как в деревнях, так и в городах. Под давлением многочисленных жалоб представители местной администрации вынуждены были неоднократно издавать публикации против насильственной вербовки, так как боялись ущерба экономике провинций от излишнего «усердия» вербовщиков. Если губернаторы считали жалобы на насильственную вербовку «обоснованными», то насильно завербованные лица обычно отпускались домой²⁷. Всего в Эстляндии и Лифляндии в 1700–1709 гг. на военную службу посредством вербовки было привлечено в общей сложности около 18 000 чел. Это были главным образом представители самых бедных и бесправных слоев населения. Насильно или обманным путем завербованные бедняки были меньше всего склонны сражаться за чужие интересы. В этом заключалась одна из причин все усиливавшейся военной слабости шведской армии в Прибалтике.

Активные действия русской армии на территории Прибалтики подорвали ее экономическую базу. Уже в 1702 г. генерал Шлиппенбах

предложил королю пополнять дворянские эскадроны за счет вербовки, но Карл XII отклонил это предложение. Максимальная численность Эстляндского дворянского эскадрона достигала 700 чел. Лифляндский полк дворянского знамени к лету 1708 г. состоял из 4 рот по 100 чел. в каждой, из них к армии Карла XII после сражения под Лесной примкнуло всего две роты этого полка.

К сентябрю 1701 г. окончательно выяснились принципы комплектования ландмилиции. Поставлять солдат в ландмилицию должны были крестьяне, которые также были обязаны снабжать их обмундированием²⁸. Во время похода части ландмилиции снабжались из военных магазинов фуражом и продовольствием, а из арсеналов – оружием. Командного состава в частях ландмилиции не хватало. Крайне низкий уровень боевой подготовки делал ландмилицию малопригодным родом войск. Части ландмилиции начиная с 1702 г. в основном использовались в гарнизонах крепостей. Их боевая ценность была крайне мала²⁹. С 1704 г. широко применяется способ перевода ландмилицейских частей в состав вербованных полевых полков и пополнения самой ландмилиции методом вербовки³⁰. Всего численность ландмилицейских частей в Эстляндии и Лифляндии достигала примерно 8000 чел.

Пока главные силы королевской армии еще находились на территории Эстляндии и Лифляндии, полковник фон Шлиппенбах участвовал в нескольких небольших набегах на русскую территорию. Поэтому для многих из окружения короля стало неожиданным его решение о назначении фон Шлиппенбаха командующим Лифляндским полевым корпусом. До сих пор это решение Карла XII вызывает многочисленные споры среди историков. Возможно, свою роль сыграли щедрость фон Шлиппенбаха, которую он проявил при формировании своего полка, исполнительность, ну и рекомендации генерал-губернатора Лифляндии генерал-фельдмаршала графа Эрика Дальберга, мнение которого король чрезвычайно ценил.

Как бы там ни было, именно полковник Вольмар Антон фон Шлиппенбах теперь должен был выполнять задачи по защите шведских прибалтийских провинций от армии Петра I. Под его непосредственным командованием к лету 1701 г. находилось едва 3100 солдат. Лифляндская полевая армия состояла из:

- Абосско-Бьернеборгского (подполковник Г. Эншельд) и Карельского кавалерийских полков (полковник М.Врангель, подполковник Х.фон Бургхаузен);

- Лифляндского вербованного драгунского полка В.А. Шлиппенбаха (подполковник фон Каульбарс);

- Карельского ланддрагунского эскадрона подполковника Гроттенфельдта;

- Эзельского ланддрагунского эскадрона подполковника фон Брандта;

- Лифляндского вербованного драгунского эскадрона майора фон Бремзена;
- Эстляндского ланддрагунского эскадрона майора фон Розена.

Из пехотных частей в распоряжение Шлиппенбаха были выделены лифляндские вербованные пехотные батальоны К.А. Стакельберга и Г.Г. Ливена, а также батальон Эстляндского вербованного пехотного полка А.К. Де ла Гарди³¹. С такими силами можно было совершать набеги на приграничные русские районы, но не вести широкомасштабные военные действия. Собственно, полковник и не претендовал на лавры завоевателя России. Его корпус был разбросан небольшими отрядами вдоль всей русско-эстляндской границы и выполнял задачу наблюдения за действиями и перемещениями противника.

В свою очередь, русское командование ставило своей главной задачей разорение Эстляндских и Лифляндских земель для недопущения вторжения противника в русские приграничные уезды. Уже в начале сентября 1701 г. произошло два серьезных столкновения русских и шведских войск у Ряпиной мызы и Рыуге. Борис Петрович Шереметев, узнав о рас сосредоточении сил противника, решил нанести по нему удары тремя отрядами, два из которых полностью состояли из кавалерии:

- первый возглавил его сын Михаил Борисович Шереметев, а второй – князь Ю.Ф. Щербатов и Я.Н. Римский-Корсаков. В состав отряда Шереметева – младшего входили 3 драгунских полка, 7 полков украинских казаков и несколько полков дворянской кавалерии, всего 11 042 чел.³²;

- в состав второго отряда входили 2 драгунских, 3 рейтарских полка, а также новгородские гусары и копейщики, всего около 6000 чел.³³;

- третий отряд под командованием Саввы Айгустова состоял из 2 «солдацких», стрелецкого, а также нескольких крупных отрядов украинских казаков, всего 5260 чел.³⁴. Этот отряд должен был действовать в районе Вастсе-Казаритса.

Ряпину мызу оборонял отряд в составе Эстляндского ланддрагунского эскадрона (300 чел.), роты лифляндского пехотного вербованного полка К.Г. Шютте (50 чел.) и роты Абосско-Бьернебогско-Нюладского третьеочередного пехотного полка (150 чел.) под командованием майора Розена, а в Рыуге – рота пехотного батальона Ливена под командованием капитана Нолькена и две роты Карельского кавалерийского полка ротмистра Р. Бузина. Всего в Рыуге было 250 шведов. У Вастсе-Казаритса располагался отряд ротмистра Б. Ребиндера из Абосско-Бьернеборгского кавалерийского полка в 160 сабель³⁵.

Русская кавалерия атаковала Ряпину мызу, но натолкнулась на ожесточенное сопротивление шведов, удерживавших переправу через реку. Тогда М.Б. Шереметев приказал драгунам

спешиться и, ведя бой за переправу, отвлечь на себя внимание противника. Иррегулярная кавалерия в это время переправилась через реку вброд и ударила шведам в тыл. После четырехчасового сопротивления (по другим данным, шведы дрались в течение всего дня), гарнизон Ряпиной мызы был разгромлен. В руки победителей попали три штандарта, две пушки и 33 пленных. Около 300 чел. пало на поле боя. Спаслось порядка 100 чел., которые и сообщили Шлиппенбаху о поражении. Русские потеряли 9 чел. убитыми и 51 ранеными.

Совсем иначе сложились события у Рыуге и Вастсе-Казаритса. Судя по решению военного совета, вкратце изложенному в походном журнале Б.П. Шереметева, русское командование рассчитывало нанести отвлекающий удар отрядом Айгустова по Вастсе-Казаритса, чтобы отвлечь на себя внимание шведов. В это время основные силы должны были взять Рыуге и нанести удар в тыл противнику, если бы Шлиппенбах бросился на помощь своим передовым отрядам с основными силами корпуса. Тогда появлялась реальная возможность окружить и уничтожить Лифляндскую полевую армию. Несмотря на принятые меры предосторожности, шведские пикеты заметили движение неприятеля. Ротмистр Ребиндер срочно послал за подкреплениями. К нему на помощь прибыл полковник Шлиппенбах во главе 300 драгун своего полка. Русские после короткого боя срочно отступили к границе.

Тем временем их основной отряд подошел к Рыуге. Шведы занимали укрепленные позиции в центре селения на кладбище у церкви, на холме. К востоку отсюда находилось естественное препятствие – болото. Пока русские гатили болото, возводя настил из бревен, Шлиппенбах получил известие об их появлении у Рыуге. К Рыуге были срочно брошены три эскадрона Карельского кавалерийского полка (300 чел.), остатки Лифляндского вербованного пехотного батальона Ливена (180 чел.) с двумя пушками, 60 ланддрагун из эскадрона Бремзена, а затем и рота из батальона Стакельберга с двумя пушками. Как только русские отошли от Вастсе-Казаритса, к Рыуге поспешил и Шлиппенбах со своими драгунами.

Русские войска у Рыуге не смогли сломить сопротивление гарнизона. Правда, подкрепление из 300 рейтаров тоже не смогло переломить ситуацию в пользу шведов. Подполковник Ливен задержался на марше. Положение спас полковник Стакельберг. Спешив драгун и открыв огонь из пушек по противнику, он смог пробиться к кладбищу. За ним подошла и шведская пехота. Увидев стягивание шведских войск, русские поспешили отступить к границе. При этом шведские рейтары, попытавшиеся атаковать отступающих, были отбиты дружным ружейным огнем. Только поддержка пехоты позволила шведам овладеть настилом и отбросить неприятеля.

Русский отряд потерпел поражение и был вынужден очистить поле боя, потеряв 33 чел. убитыми и 63 ранеными. Вместе с тем общие потери обеих сторон в этих трех боях оцениваются как примерно равные. Шведы потеряли примерно 500, а русские 400–650 чел. За этот незначительный успех Шлиппенбах был произведен в чин генерал-майора, однако подкреплений для своего корпуса из главной армии так и не получил. Победа у Ряпиной мызы имела для нашей страны и армии куда большее значение, чем поражение у Рыуге. Русская армия постепенно начала излечиваться от «шведобоязни», что и подтвердил бой у Ряпиной мызы.

Тем временем Б.П. Шереметев готовился к большому, или «генеральному», походу на территорию Эстляндии. Приход хорошо обученных подкреплений значительно укрепил армию Шереметева, особенно качественно. Все большую роль начинают играть новые регулярные войска солдатского и драгунского строя. Иррегулярные части и части старого строя (стрельцы, дворянская кавалерия и т.д.) уже не играли той роли, что ранее, ибо их удельный вес уменьшался. К началу похода корпус Шереметева на 2/3 состоял из регулярных частей пехоты и кавалерии. К концу декабря 1701 г., располагая точными данными о расположении главных сил противника у мызы Эрастфер, русское командование решило нанести по нему внезапный удар.

23–24 декабря 1701 г. корпус Шереметева выступил из Пскова. Он состоял из 18 838 чел. при 20 пушках (1 мортира, 3 гаубицы, 16 пушек)³⁶. Командующий Лифляндским полевым корпусом генерал-майор В.А. Шлиппенбах, против которого были направлены действия русских, располагал примерно 5000 регулярных и 3000 нерегулярных войск, разбросанных по постам и гарнизонам от Нарвы до озера Лубана. По данным шведского историка Шегрена, на 15 декабря 1701 г. численный состав шведских частей, сконцентрированных вокруг ставки Шлиппенбаха, доходил до 4033 чел. (2156 кавалеристов и 1877 пехотинцев). К данным частям следует добавить драгунский полк В.А. Шлиппенбаха силой до 600 сабель и 200–300 волонтеров³⁷.

Таким образом, численность полевой лифляндской армии не превышала 5 тыс. чел. регулярных и иррегулярных войск. В предстоящем бою шведский военачальник мог использовать отряд, не превышавший по своей численности 3–4 тыс. чел. Из-за нераспорядительности Шлиппенбаха шведы слишком поздно узнали о движении крупных сил неприятеля. Лишь 28–29 декабря движение русских войск у мызы Ларф было замечено разъездами батальона ландмилиции под командованием подполковника Платера³⁸. Шлиппенбах, узнав о марше противника, выслал Платера с несколькими рейтарами провести разведку. Подполковник вернулся к 9 часам вечера и подтвердил сообщение о многочисленности русских войск. Элемент внезапно для корпуса Шереметева был утерян.

Для получения более точных сведений о противнике был послан отряд кавалерии в 300 сабель во главе с подполковником Р. Ливеном. В то же время Шлиппенбах приказал 4 пехотным батальонам двигаться к Эрастферу. Получив известия о движении противника, генерал решил дать решительное сражение. Взяв с собой 3 пехотных батальона, 3 полка рейтар, драгунский полк, отдельный драгунский эскадрон и 63-фунтовых орудий (всего 750 пехотинцев и 2100–2700 кавалеристов), он двинулся навстречу Шереметеву³⁹. Так началось встречное сражение у Эрастфера. Шведы из-за своей малочисленности действовали от обороны и первоначально имели успех, но с подходом к противнику подкреплений и артиллерии ситуация кардинально изменилась⁴⁰. Шведский командующий собирался отступить за укрепленные палисадом позиции у мызы Эрастфер. Шереметев разгадал план противника и приказал атаковать шведов во фланг⁴¹. Русская артиллерия, установленная на санях, стала обстреливать шведов картечью. Как только шведская пехота стала отходить, русские стремительной атакой опрокинули эскадроны противника. Шведская кавалерия, несмотря на попытки некоторых офицеров поставить ее в боевой строй, в панике бежала с поля боя, опрокинув собственную пехоту. Наступившая темнота и усталость войск заставили русское командование прекратить преследование, только отряд казаков продолжал гнаться за отступающими шведскими войсками.

Шлиппенбах остановил свои войска лишь у церкви в Канеппи, где стоял батальон майора Шталена с несколькими орудиями. Пехотный батальон Шталена и остатки батальона Штакельберга отошли к Коорасте, драгуны Стенбока – к Сангесте. Шлиппенбах с остальными частями кавалерии остался у Койоля, а к утру все упомянутые части были сосредоточены в Сангесте. Предав огню свои продовольственные магазины, шведы оставили Сангесте⁴². Русские войска одержали свою первую крупную победу в Северной войне. Из 3000–3800 шведов, участвовавших в сражении, было убито 1000–1400 чел., 700–900 чел. разбежались и дезертировали и 134 чел. попали в плен. Таким образом, потери шведов оцениваются в 2000–2200 чел. Русские, кроме того, захватили 6 пушек.

Потери шведов в 3000–4000 чел., по русским источникам, оказываются сильно завышенными. Потери войск Шереметева также завышены и составляют, по мнению эстонского историка, от 400 до 1000 чел.⁴³. Эта победа принесла Борису Петровичу Шереметеву звание генерал-фельдмаршала и орден Святого апостола Андрея Первозванного. Солдаты его корпуса получили по серебряному рублю. Значение Эрастферской победы было трудно переоценить. Русская армия продемонстрировала свою способность громить грозного противника в поле, пусть и превосходящими силами.

Шведы были обескуражены своим поражением. Шлиппенбах забрасывал Государственный совет, королеву-мать Гедвигу-Элеонору просьбами о помощи. Однако генерал, из-за сокрытия подлинной информации от короля, получил в свое распоряжение лишь незначительные подкрепления: 400 кавалеристов и 70 пехотинцев из Финляндии, 200 пехотинцев из гарнизона Дерпта и Лифляндский дворянский эскадрон⁴⁴. К маю 1702 г. в распоряжении Шлиппенбаха вместо ожидаемых им 20–40 тыс. солдат было всего лишь 8 тыс. чел. Говорить о каких-либо наступательных операциях с такими силами было просто глупо. Таким образом стратегическая инициатива на прибалтийском направлении полностью перешла в руки русских войск, которые планировали начать новое наступление к началу июля 1702 г.⁴⁵

Части, предназначенные для нанесения удара по корпусу Шлиппенбаха, насчитывали более 18 тыс. чел. Регулярные части составляли уже 5–6 от общего числа войск, а не 2–3, как под Эрастфером. Если корпус Гулица должен был обеспечить защиту флангов и тыла «Большого полка», то перед главными силами Шереметева стояли более широкомасштабные задачи. По наличию в обозе осадных орудий (3 мортиры и 10 гаубиц) и шанцевого инструмента можно предположить, что Шереметев собирался не только разбить корпус Шлиппенбаха, но и заняться осадой мелких шведских укрепленных пунктов. Корпус Шлиппенбаха располагался у Сангесте. Ядро корпуса занимало позицию на возвышенности, укрепленной рвом, невысоким земляным валом и частоколом. Там же находилось и 17 орудий Лифляндской полевой армии. Болотистая местность затрудняла охват флангов позиций в Сангесте.

По сведениям О. Шегрена, в Сангесте находились следующие части:

- 2 рейтарских полка (1400 чел.), Эстляндский и Лифляндский дворянские эскадроны (1100 чел.), часть Шведского дворянского эскадрона (200 чел.) – всего 2700 чел.;

- несколько драгунских полков и эскадронов – всего 1700 чел.;

- пехота была представлена частью полка М.В. Нирота (300 чел.) и 4 другими батальонами, общей численностью 1300 чел.;

- кроме того, в распоряжении Шлиппенбаха находился батальон ландмилиции численностью 300 чел.

Получается, что в подчинении Шлиппенбаха было 6 тыс. чел.⁴⁶. Однако, по уточненным сведениям, численность его корпуса определялась в 6800–7600 чел. Согласно архивным данным, в эскадроне Н. де Молэна было 300, а не 200 сабель, а в Карельском полку в октябре 1702 г. значилось 867 чел., что ставит под сомнение цифры О. Шегрена в 700 сабель⁴⁷. Кроме того, в распоряжении Шлиппенбаха оказались два батальона ландмилиции численностью 500–600 чел. и 300–500 чел. волонтеров. То есть численность шведского корпуса достигала 7000 чел.

12–13 июля 1702 г. русские войска выступили из Пскова и к 15–16 июля вышли к эстляндской границе. Войска для быстроты марша были разделены на две колонны: одна колонна, состоявшая в основном из кавалерии, шла прямо, а другая, в основном состоявшая из пехоты, кружным путем. Обоз с прикрытием двигался сзади. Войска должны были соединиться у местечка Кирумпя. 16–17 июля обе колонны соединились в назначенном месте. 15–16 июля шведские караулы, стоявшие у мельницы в Сарапуу, заметили движение противника и следующим утром отступили к Сангесте. Русские в Канеппи захватили в плен одного драгуна, и от него Шереметев узнал, что шведский корпус стоит в Сангесте. Русские источники указывают, что численность противника оценивалась от 6 до 10 тыс. чел.⁴⁸ Еще хуже действовала шведская разведка, оценив силы врага в 40–50 тыс. чел.⁴⁹.

Утром 17–18 июля Шлиппенбах послал в разведку отряд майора Розена в 300 чел. Русские войска на рассвете 17–18 июля, оставив обозы, решили атаковать противника. У д. Визела их авангард столкнулся со шведским отрядом Розена и после короткой стычки опрокинул врага. От своих рейтаров Шлиппенбах получил сведения о том, что русские наступают и, вероятно, пытаются его окружить⁵⁰. Генерал принял решение отступить за р. Вьяке – Эмайыги. Перейдя реку, шведы заняли позиции западнее Гуммельсгофа, выдвинув к ней караулы, которые после перехода своих частей сожгли мосты.

Лето в 1702 г. выдалось очень жарким, и поэтому надежда на то, что водный рубеж в какой-то мере затруднит движение русских войск, была ложной. Реку можно было обойти, кроме того, местами она так пересохла, что ее можно было перейти вброд. Передовой отряд Шереметева еще ночью вышел к реке и, отогнав шведский караул ружейным огнем, форсировал реку вброд. Заняв позицию на берегу реки, у Гуммельсгофа, русские приступили к починке моста для переправы пушек (их было 15) и пехоты. С раннего утра 18–19 июля Шлиппенбах стал получать сведения о переправе крупных русских сил. Шведский генерал привел свои войска в боевую готовность. Орудия были расставлены на господствующих высотах под прикрытием батальона ландмилиции, остальные части были развернуты фронтом к реке. Так как на флангах шведов стали появляться казаки, у Шлиппенбаха создалось впечатление, что фланги его войск пытаются охватить.

Боясь охвата, он дробил свои части, направляя их для прикрытия флангов. Остальная шведская кавалерия обрушила удар на 3 полка русских драгун⁵¹. Действенную помощь кавалерии оказывала шведская артиллерия. Русские части стали отступать. В это время высланные для ликвидации мнимого флангового охвата шведские части сами зашли в тыл и во фланг русской конницы и атаковали ее. Шведская кавалерия захватила 6 пушек и почти весь обоз

противника⁵². Исход сражения был решен с подходом к полю боя главных сил русского корпуса. Шведы потерпели тяжелое поражение. Из 5 тыс. своих кавалеристов Шлиппенбах собрал в Пярну 3 тыс. чел., из 1700 пехотинцев – 300, а из 500–600 солдат ландмилиции – всего 150⁵³. Таким образом, шведам удалось собрать около 2–3 кавалерии, 1–5 пехоты и 1–4 ландмилиции. Волонтеры разбежались все. Шлиппенбах оценивал свои потери в 840 чел. убитыми и столько же пленными⁵⁴. О. Шегрен считает, что на поле боя пало до 2 тыс. шведских воинов⁵⁵. В общей сложности мы можем оценить потери шведов следующими цифрами: 2400 убитых, 1200 дезертиров, 315 пленных, 16 пушек и 16 знамен. Потери русских войск в сражении оцениваются Х. Палли в 1000–1500 чел. убитыми и ранеными⁵⁶.

Анализ показывает, что поражение под Гуммельсгофом означало для шведов начало потери прибалтийских провинций. Их войска так и не смогли оправиться от понесенного поражения. Это не замедлило сказаться на ходе дальнейших действий в Эстляндии, Курляндии, Лифляндии, Ингерманландии и Карелии. Тщетно Шлиппенбах просил о помощи коменданта г. Риги Дальберга и командующего Курляндским корпусом Стюарта. Имея в своем распоряжении 12 тыс. солдат (7 тыс. – у Стюарта и 5 тыс. – у Дальберга), они отказали Шлиппенбаху в помощи. Русские войска, не встречая должного сопротивления, разоряли мызы и деревни, угоняли людей и скот. 5–6 августа 1702 г. войска Шереметева взяли штурмом укрепленную мызу Мынисте. Подполковник Икскуль и 154 солдата и офицера были взяты в плен. Трофеями победителей стали 4 пушки.

Вольмар Антон фон Шлиппенбах тяжело переживал свое поражение. Между ним и комендантами крепостей Дерпт и Ревель завязалась оживленная переписка по поводу выделения полевому корпусу подкреплений. Однако ни Фрелих, ни Дальберг не пошли навстречу просьбам генерала⁵⁷. В распоряжении фон Шлиппенбаха оставалось всего несколько малочисленных подразделений – его драгунский полк, ланддрагунский эскадрон А.И. фон Шлиппенбаха, часть Абосско-Бьернеборгского и Карельского кавалерийского полков. Все пехотные части были размещены в гарнизонах Ревеля и Пярну. Моральное разложение личного состава корпуса было налицо. Солдаты грабили местное население под видом реквизиций и фуражировок. Многочисленные жалобы на солдат фон Шлиппенбаха буквально засыпали администрацию Г. Фрелиха. Последней каплей, заставившей короля отстранить фон Шлиппенбаха от командования корпусом, стало его позорное поведение в кампании 1703 г., когда его части, не оказывая сопротивления Б.П. Шереметеву, бежали из Раквере за стены Ревеля⁵⁸.

Карл XII в октябре 1703 г. освободил фон Шлиппенбаха от занимаемой должности, назначив его на пост вице-губернатора Эстляндии

с достаточно призрачными полномочиями. С огромным напряжением сил Шлиппенбах смог собрать к лету 1704 г. 1400 рейтаров и драгун (его драгунский полк, отряд Карельских рейтар, Эстляндский «адельсфан», малочисленные подразделения из ланддрагунских батальонов Цеге и Бремзена). В трех километрах от него располагались пехотные полки А.К. де ла Гарди и Г.Г. фон Ливена, а также малочисленное крестьянское ополчение полковника А. Цеге.

Русский монарх получил преувеличенные данные о составе корпуса Шлиппенбаха. К Раквере был направлен подвижной отряд К.Э. Ренне (драгунские полки К.Э. Ренне, Г. Пфлуга, И. Горбова, А. Остафьева, А. Мореля дела Карьера, Ф. Суваса, батальон Ингерманландского пехотного полка (500 чел.), Бутырский пехотный полк, а также сводно-гренадерский отряд Семеновского и Преображенского полков (60 чел.)). Пехота перемещалась на лошадях и телегах. Так впервые русский царь применил «корволант». В поход двинулось порядка 6000 хорошо обученных и обстрелянных ветеранов. Ранним утром 15–16 июня 1704 г. на передовые посты шведов обрушились драгуны Ренне. Шлиппенбах был застигнут врасплох. Мечась по лагерю, генерал смог выстроить к бою своих драгун и рейтар, в то время как ополченцы, подобно зайцам, разбегались по лесам и болотам.

Шлиппенбах остался с небольшим отрядом кавалерии против превосходящих в четыре раза сил противника. Шведская кавалерия продержалась несколько дольше, но и она, охваченная с флангов, вскоре обратилась в беспорядочное бегство. Только мужество отдельных офицеров спасло корпус от полного уничтожения. В ходе непродолжительного боя победители захватили в плен полковника Ф. Вахтмейстера, семь младших офицеров, 50 солдат и драгун, а также две пушки. На месте было положено 50–60 вражеских солдат и офицеров. Русский отряд потерял до 100 чел. убитыми и ранеными. К сентябрю 1704 г. Россия, овладев Дерптом и Нарвой, спокойно могла действовать во внутренних районах Эстляндии и Лифляндии. С этого момента начинается закат карьеры фон Шлиппенбаха.

В последующие кампании барон служил под началом Левенгаупта. До 1708 г. все так же, без особых успехов, воевал в Прибалтике, участвуя в различных мелких операциях. А с началом «русского» похода Карла XII сопровождал злополучный обоз рижского губернатора. Уцелел в несчастном для шведов бою у Лесной, и, прибыв к королевской армии, затерялся среди прочих генералов его величества. В Полтавском сражении фельдмаршал Реншельд доверил под командование Шлиппенбаху отряд численностью всего лишь в полсотни кавалеристов. Он выполнял обязанности разведывательного авангарда во время выдвижения шведской армии на исходные позиции, однако обнаружил себя раньше намеченного срока, чем серьезно осложнил королевским войскам начало битвы.

Поскольку фон Шлиппенбах, как и большинство скандинавских генералов, не знал общего замысла операции, то во время боя и неразберихи у сторожевых русских редутов его отряд потерял свое место в строю армии. А затем и вообще отстал от главных сил. Пытаясь их отыскать, барон какое-то время метался по лесу, пока не натолкнулся на крупное подразделение русских. В короткой стычке часть шведов перебили. Остальные во главе с генералом сдались. В российском плену путь фон Шлиппенбаха разошелся с дорогой большинства генералов Карла XII. Так как он был не природным скандинавом, а ливонцем, то Петр I, после того как официально объявил о включении Прибалтики в состав России, даровал барону свободу. Произошло это в 1713 г., после чего бывший вице-губернатор Эстляндии поступил на царскую службу.

Со шпагой в руке он принял участие в боевых действиях против своих недавних товарищей по оружию. В частности, в 1714 г. фон Шлиппенбах, командуя Рязанским пехотным полком, погруженным на галеры Петра I в каче-

стве десанта, прорывался у Гангута мимо шведских кораблей эскадры Ватранга. В последний период Северной войны Шлиппенбах занимался организационными вопросами русской армии – сначала стал членом Военной коллегии, а в 1718 г. был введен в состав Верховного суда. К концу своей жизни дослужился до чина генерал-лейтенанта русской армии, тайного советника и был пожалован титулом барона Российской империи. Умер герой нашего повествования в 1739 г., окруженный многочисленными внуками. Похоронен в кафедральном соборе Таллина.

Bespalov A. V., Kopylov N. A. General Volmar Anton von Shlippenbah – a Descendant of Livonian Knights.

Summary: *The article restores, on a basis of unpublished documents and little-known works, the biography of Volmar Anton von Shlippenbah, one of the participants in the Northern war (1700–1721), who battled on the side of the Swedish king for the long time and finished the career on the service of the Russian Empire.*

Ключевые слова

Шведский король, Северная война, биография, военные действия, редукция, вербовка

Keywords

The Swedish king, Northern war, the biography, military operations, reduction, recruitment

Примечания

1. Genealogisches Handbuch der Baltischen Ritterschaften. Teil Kurland. Bd. I. Görlitz. 1930. – S. 461–487.
2. Levenhaupt A. Karl XII's officerare. Biografiska anteckningar. Bd.1–2. Stockholm, 1920–1921. S.600.
3. Genealogisches Handbuch der Baltischen Ritterschaften. Teil Kurland. Bd. I. Görlitz. 1930. – S. 486..
4. Genealogisches Handbuch der Baltischen Ritterschaften. Teil Kurland. Bd. I. Görlitz. 1930. – S. 486.
5. Genealogisches Handbuch der Baltischen Ritterschaften. Teil Kurland. Bd. I. Görlitz. 1930. – S. 487.
6. Levenhaupt A. Karl XII's officerare. Biografiska anteckningar. Bd.1–2. Stockholm, 1920–1921. S.600.
7. Levenhaupt A. Karl XII's officerare. Biografiska anteckningar. Bd.1–2. Stockholm, 1920–1921. S.600.
8. РГАДА. Ф.96. 1700 г. Д.10. Л.15–27.
9. Возгрин В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны: история дипломатических отношений в 1697–1710 гг. Л., 1986. С.74.
10. Karl XII på slagfältet. Karolinsk slagledning sedd mot bakgrunden av taktikens utveckling från äldsta tider. Bd. II. Stockholm, 1918–1919. S.314–316.
11. Karl XII på slagfältet. Bd. II. Stockholm, 1918. S.343–345.
12. Karl XII på slagfältet. Bd. II. Stockholm, 1918. S.353–358.
13. Ibid. S. 360.
14. Тарле Е.В. Избранные произведения. Т. 3. М., 1994. С. 63.
15. Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. М., 1990. С.287.
16. ЦГИА Эстонии. Ф.1. Оп.2. Д. 153. Л. 3–4.
17. Балашова О.И. Ученые записки МОПИ. Сборник №40. М., 1960. С. 206–208.
18. Carlson.E. Konung Karl XII:s egenhåriga brev. Stockholm.1894. №33.S.43.
19. Karl XII på slagfältet. Bd. II. Stockholm, 1918. S.366.
20. ЦГИА Эстонии. Ф.278. Оп.1. Д. IV–38а. Л.211.
21. ЦГИА Эстонии. Ф. 278. Оп. 1. Д. IV–38а. Л. 211; Ф. 1. Оп. 2. Д. 146. Л.177.
22. Arwidsson F. Försvaret av Östersjöprovinserna 1708– 1710. Bd. 1. Gävle. 1936. S. 59.

■ 2012 – Год российской истории

23. ЦГИА Эстонии. Ф. 1. Оп. 2. Д. 36. Л. 119.
 24. Там же. Д. 644. Л. 30–33.
 25. Взвод в вербованных частях – подразделение, численностью от 42 до 50 чел.
 26. ЦГИА Эстонии. Ф. 278. Оп. 1. Д. XX–21b. Л. 143.
 27. Там же. Д. 143. Л. 414 и 578; Д. 141, Л. 192–193, 197, 442.
 28. К обмундированию относились домотканые кафтаны из серого сукна, чулки, рубашки, штаны и плащи.
 29. ЦГИА Эстонии. Ф. 854. Оп. 1. Д. 878. Л. 43–44.
 30. ЦГА Латвии. Ф. 7349. Оп. 1. Д. 282. Л. 379; ЦГИА Эстонии. Ф. 1. Оп. 2. Д. 153. Л. 193–194.
 31. Sjögren O. Försvarskriget i Lifland 1701 och 1702. Stockholm, 1883. S. 14.
 32. Волынский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Петра Великого... Ч. 1. СПб., 1902. С. 43–44.
 33. Волынский Н.П. Указ. соч. С. 45.
 34. Журнал Шереметева. С. 76–77.
 35. ЦГА Латвии. Ф. 7349. Оп. 1. Д. 211. Л. 14, Д. 281. Л. 45.
 36. ЦГИА Эстонии. Ф. 278. Оп. 1. Д. XIV–46b. Л. 330.
 37. Nordensvan C.O. Svenska armen åren 1700–1709 — KFÅ — 1916. S. 173.
 38. Levenhaupt A. Op. cit. P. 185.
 39. Adlerfeld G. Op. cit. Vol. 1. P. 186–187.
 40. Sjögren O. Karl XII och hans man. Stockholm, 1899. S. 271–272.
 41. Волынский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Петра Великого. Ч. 1. СПб., 1902. С. 242–243.
 42. ЦГА Латвии. Ф. 7349. Оп. 1. Д. 281. Л. 107, 283–284.
 43. Палли Х.Э. Между двумя боями за Нарву. Таллин, 1966. С. 157.
 44. ЦГА Латвии. Ф. 7349. Оп. 1. Д. 281. Л. 259.
 45. Журнал Шереметева. С. 95–98.
 46. Sjögren O. Karl XII och hans man. S. 318.
 47. ЦГИА Эстонии. Ф. 1. Оп. 1. Д. 140. Л. 218; Там же. Д. 289. Л. 93–94.
 48. Там же. С. 99.
 49. Sjögren O. Op. cit. S. 48.
 50. ЦГИА Эстонии. Ф. 1. Оп. 2. Д. 35. Л. 349.
 51. Журнал Шереметева. С. 100–103.
 52. Sjögren O. Op. cit. S. 273.
 53. Палли Х. Указ. соч. С. 183.
 54. ЦГИА Эстонии. Ф. 1. Оп. 2. Д. 35. Л. 440–442.
 55. Sjögren O. Op. cit. S. 307.
 56. Паали Х. Указ. соч. С. 184.
 57. ЦГА Латвии. Ф. 7349. Оп. 1. Д. 282. Л. 385. Д. 281. Л. 245.
 58. ЦГА Латвии. Ф. 7349. Оп. 1. Д. 274. Л. 196–197.
-

Западноевропейские купцы и процесс европеизации России в XVI в.

Т.В. Черникова

Данная статья посвящена участию России в международной морской торговле середины – конца XVI в. при посредничестве различных западноевропейских купцов, особенно Английской (Лондонской) Московской компании, рассматриваемого с точки зрения проблемы европеизации России.

Процесс поверхностной европеизации России, начавшийся с созданием единого Московского государства, включал в себя не только заимствование западного военно-технического опыта при посредстве нанятых на русскую службу европейцев, но и втягивание России в мировую торговлю, которая в XVI в. стала основным двигателем модернизации экономики Европы. Поэтому о западных купцах в России следует поговорить особо, прежде всего потому, что они втянули аграрную, застывшую в натуральном хозяйстве Московию в сферу бурно развивавшейся в Новое время мировой торговли.

Конечно, в России и до середины XVI в. развивалась торговля. Англичанин Ричард Ченслор, спускавшийся в 1553 г. от Белого моря к Москве, стал свидетелем оживленной зимней торговли, сосредоточием которой явилась русская столица. Картина данной торговли была помещена Ченслором в его книге о Московии. «Москва находится в 120 милях от Ярославля. Страна между ними изобилует маленькими деревушками, которые так полны народа, что удивительно смотреть на них. Земля вся хорошо засеяна хлебом, который жители везут в Москву в таком громадном количестве, что это кажется удивительным. Каждое утро

вы можете встретить от 700 до 800 саней, едущих туда с хлебом, а некоторые – с рыбой. Иные везут хлеб в Москву, другие везут его оттуда, и среди них есть такие, которые живут не меньше чем за 1000 миль; все их перевозки осуществляются на санях. Едущие за хлебом из столь отдаленных местностей живут в северных частях владений великого князя, где холод не дает расти хлебу – так он жесток. Они привозят в Москву рыбу, меха и шкуры животных...»¹.

Спутник Ченслора капитан Климент Адамс описал привозимые с Русского Севера меха подробнее, упомянув соболей, которых английские благородные дамы «так любят носить на шее, также белых, черных и бурых лисиц, меха заячьи, бобровые и других животных, известных под разными скифскими именами». Он также перечислил среди товаров, свозимых зимой в Москву, моржовые бивни, «соленые припасы», «торг сеном и льном, медом и воском»². К перечисленным товарам английский посол Антоний Дженкинсон в 1557–1558 гг. добавил «глиняные горшки, кадки, сани и тому подобное»³.

Основатель единого Московского государства Иван III сделал многое, чтобы превратить Москву в главный торговый центр своей поднимающейся империи, куда бы приезжали иностранные гости

со всех концов света. Отчасти этим желанием были вызваны массовые насильственные переселения в столицу новгородских купцов и лучших торговых людей из других присоединенных к Москве областей. В 1476–1477 гг. венецианец Контарине заметил, что в Москву «в течение всей зимы собирается множество купцов, как из Германии, так и из Польши. Они покупают исключительно меха – соболей, лисиц, горностаев, белок и иногда рысей. И хотя эти меха добывают за много дней пути от города Московии, больше в областях на северо-востоке; на севере; и даже, может быть, на северо-западе, однако все съезжаются в это место, и купцы покупают именно здесь...»⁴.

Выгоды, приносимые московскому государю внешней торговлей, отмечены А. Кампензе, составившим в середине 20-х гг. XVI в. на основании рассказов своего отца и брата, много раз подолгу бывавших в России, что-то вроде справки о Московии для папы Климента VII. «Московия весьма богата монетою, добываемою более чрез попечительство государей, нежели чрез посредство рудников, ...ибо ежегодно привозится туда из всех концов Европы множество денег за товары, не имеющие для москвитян почти никакой ценности, но стоящих весьма дорого в наших краях. К тому же вывоз золота и серебра за пределы государства строжайше запрещен, исключая те случаи, когда сам великий князь посылает оные на продовольствие для войска, ибо он ведет непрерывные войны с соседями своими, как для внушения им должного страха, так и равно и для распространения своих владений»⁵.

Несмотря на появление с конца XV в. на московских торгах западных купцов, в целом русская внешняя торговля конца XV – начала XVI в. сохраняла прежнюю основную ориентацию на восток и юг⁶. Из Москвы по Москве-реке, Оке и Волге отправлялись суда в Астрахань за солью. В многонациональной Астрахани торговали и имели дворы татарские, турецкие, персидские, армянские, еврейские, среднеазиатские купцы. Переход Астрахани в 1554–1556 гг. под руку Москвы приносил Русскому государству, по версии бухарских послов к турецкому султану, по тысяче золотых тамги на день⁷. Купцы из Москвы, Твери, Новгорода, Коломны, Можайска торговали в Кафе, в Азове, бывали в Константинополе, регулярно ездили в Казань и Крым (по 120 человек!). В Россию из Кафы русские купцы, а также татары, генуэзцы и армяне привозили шелк, шелковые и шерстяные ткани, шелковую тесьму, бумагу хлопчатую, кушаки, сафьян, сабли, гребни, ожерелья, дорожные камни, жемчуг, ладан, губки, мыло, ковры, краски, грецкие орехи, имбирь, перец, миндаль, шафран, мускус, камфору.

Из Волжской Орды как-то вместе с посольством прибыло 3200 татарских торговцев, которые привели на продажу сразу 40 тыс. лошадей. Продвижение русских торговцев на Запад к середине XVI в. ограничивалось в основном Скандинавией и польско-литовскими рубежами: торговали в Киве, Полоцке, Вильне, Путивле. «Русским товаром»

были: воск, мед, меха беличьи, лисьи, бобровые, горностаевые, рысьи, выдровые, овчины. По сообщению Контарине, в конце XV в. в Москву съезжалось множество купцов из Германии и Польши для закупки мехов. По мнению В.О. Ключевского⁸, выведенные из Смоленска (после его перехода в 1514 г. к Василию III) купцы составили в Москве со временем основу влиятельного торгового объединения – «суконной сотни»⁹. Через Смоленск и Литву с конца XV – начала XVI в. шли в Россию «лунские» (то есть лондонские, точнее, английские) сукна¹⁰, что, однако, не имело большого международного значения.

В середине XVI в. предложения западных купцов, с одной стороны, и позиция центральной московской власти – с другой, определили на длительный срок роль России в мировой коммерции как одного из значимых поставщиков Западу сырья – в первую очередь корабельного леса, ворвани, сала, пеньки, дегтя и других товаров, идущих на нужды кораблестроения, а также предметов экзотической (русской или восточной транзитной) роскоши – мехов, ценной рыбы, ковров, драгоценных камней, пряностей и т.д.

Венецианец Марко Фоскарино констатировал, что в России «нет какой-либо рудной жилы, золота, серебра и драгоценных камней, зато в изобилии имеется медь, железо, свинец. Но природа вознаградила москвитян, дав им драгоценные меха, которые покупают из гордости и хвастовства люди изнеженные и тщеславные и платят за них чрезвычайно дорого. Дело неслыханное прежде, когда они, зная наше тщеславие, продавали нам меха за совершенный бесценнок»¹¹. Как видно, русские к 1557 г., когда Россию посетил Фоскарино, стали лучше ориентироваться в европейских ценах и реальной стоимости на Западе своих товаров, в частности мехов.

С развертыванием морской торговли через Белое море и Балтику повысилась роль торговли в экономике России, хотя, конечно, не в той степени, которая наблюдалась в странах Запада. Укрепилось и положение торгового сословия в России. Если на первом Земском соборе 1549 г. присутствовали только бояре, духовенство и служилые люди, то на Соборе 1566 г., обсуждавшем вопросы Ливонской войны, была значительная депутация купцов. Представительство торгово-ремесленных слоев населения на Соборе 1566 г. было вторым по численности после служилых людей – 75 человек, или 20% (дворян было 204 человека, или 54,7%)¹².

Торговые интересы России в материалах Земского собора 1566 г. были выставлены в качестве одного из основных резонансов продолжения Ливонской войны. Об этом говорили даже представители духовенства. «Если польский король утвердиться в Риге, – утверждали соборные старцы, – то не токмо государевым городом Юрьеву и иным городам ливонским государским и Пскову тесноты будут великие, но и Великому Новгороду и иных городов торговым людям торговли затворятца»¹³. Это свидетельствовало о росте влияния торговли и торговых людей, важности для высшей власти

знать «напрямую» их мнение. Еще более мощное представительство торговых кругов (выборные от московских гостей, суконной и черной сотен¹⁴) оказалось на Земском соборе 1598 г.

Торговых европейцев гнала в Россию, как, собственно, и в Индию или Новый Свет, жажда наживы. Им было выгодно наладить в Московии один из вариантов колониальной торговли и постепенно превратить эту «варварскую», с их точки зрения, страну в свою торговую факторию. Однако русское вотчинное государство, привыкшее контролировать на своей территории все и вся, сумело повести игру по собственным правилам, обеспечив России роль своеобразного, во многом отсталого, экстенсивного и примитивного, но, безусловно, самостоятельного торгового партнера Запада.

Во второй половине XVI столетия количество иноземных торговых людей в России постоянно росло. Стимулом к этому стало открытие англичанами северного морского пути в Россию. В середине XVI в. обнаружилось падение цен и интереса к товарам из Британии, и это несмотря на то, что привозили англичане свои товары в другие европейские страны на собственных судах. В то же время заморские товары, особенно пряности, в цене росли. Англичане решили последовать примеру португальцев и испанцев, а именно отправиться искать новые пути в восточные страны. После совещания предпринимчивых людей со знаменитым мореплавателем Себастьяном Каботом на свет появилась утопическая идея: отыскать северо-восточный путь в Китай и Индию. Составилась компания с капиталом в 6 тыс. фунтов (каждый член должен был внести 25 фунтов.) Были куплены три корабля, которые под началом Юга Уиллоуби (Хью Уиллоби) 20 мая 1553 г. вышли в северное путешествие. Вскоре буря разметала суда.

Капитан судна «Edward Bonaventure» Ричард Ченслор (Chancellor), не дождавшись товарищей в условленном месте встречи – в норвежском Вардегузе¹⁵, на свой страх и риск продолжил плавание. Вскоре он попал в большой залив и вышел к устью Северной Двины. Здесь он завел отношения с местными жителями, покупая у них продовольствие и узнал, что страна называется Россия. Ченслор заявил, что послан своим королем Эдуардом IV к русскому государю. Холмогорские земские старосты списались с Москвой, откуда пришло разрешение торговать с пришельцами, а также приглашение последним ехать в Москву, если они не испугаются трудностей долгого пути.

Последнего опасаться не приходилось. Ченслор рвался в русскую столицу и даже уехал туда, не дождавшись означенного выше приглашения. Вскоре он уже беседовал с царем. Иван IV проявил интерес к торговым предложениям иностранца и отправил его на родину с грамотой, адресованной английскому королю. В Лондоне Ченслор узнал о смерти юного британского правителя, место которого заняла его старшая сводная сестра Мария (Кровавая) и ее супруг Филипп

Испанский. Они со своей стороны всячески приветствовали создание английской компании для торговли с Московией (1554).

В 1555 г. Ченслор и два агента новой компании прибыли в Москву и в ходе переговоров с дьяком Иваном Висковатым и лучшими московскими купцами получили грамоту, содержащую огромные привилегии:

«1) члены, агенты и служители компании имеют свободный путь всюду, везде имеют право останавливаться и торговать со всеми беспрепятственно и беспошлинно, также отъезжать во всякие другие страны;

2) ни люди, ни товары не могут быть нигде задержаны ни за какой долг или поруку, если сами англичане не суть главные должники или поручники, ни за какое преступление, если не сами англичане его совершили; в случае преступления англичанина дело выслушивает и решает сам царь;

3) англичане имеют полную свободу нанимать себе разного рода работников, брать с них клятву в точном исполнении обязанностей, при нарушении клятвы наказывать и отсылать их, нанимать других на их место;

4) главный фактор, назначенный компанией в Россию, управляет всеми англичанами, находящимися здесь, чинит между ними суд и расправу;

5) если кто-нибудь из англичан ослушается фактора, то русские, как правительственные лица, так и простые люди, обязаны приводить ослушника в повиновение;

6) обещается скорое и строгое правосудие английским купцам при их жалобах на русских людей;

7) если кто-нибудь из англичан будет ранен или убит в России, то обещается строгий и немедленный сыск, и преступник получит должное и скорое наказание в пример другим. Если случится, что служители купцов английских будут подвергнуты за какое-нибудь преступление смертной казни или другому наказанию, то имущество и товары хозяев их не могут быть отобраны в казну;

8) если англичанин будет арестован за долг, то пристав не может вести его в тюрьму, прежде нежели узнает, что главный фактор или депутаты будут ли поруками за арестованного? Если будут, то арестованный освобождается»¹⁶.

Надо сказать, что грамота английским купцам, выданная Иваном IV, не была односторонней. В Лондон вместе с Ченслором отправилось русское посольство во главе с Осипом Непеею, и, хотя корабль потерпел кораблекрушение, а Ченслор утонул (1556), русские послы сумели спастись. Они получили от королевы Марии грамоту на право русским купцам свободно и беспошлинно торговать («гуртом и в розницу») во всех британских владениях. В Лондоне и других английских городах русским обещали предоставить хорошие дома и склады, взять их имущество под королевское покровительство. В случае кораблекрушения товары и имущество русских не подлежало разграблению. Судить русских купцов в Англии должен был верховный канцлер. В будущем эти

привилегии были подтверждены и следующей английской королевой – Елизаветой.

Другое дело, что у русских не было ни умения кораблевождения, необходимого для столь долгого и опасного плавания, ни опыта в международной морской торговле. Возможно, зная об этом от Ченслора, английское правительство так легко и предоставило русским гостям широкие торговые привилегии. Они оказались не востребовавшими. Однако для русского государя это не было главной заботой. Иван IV, отправляя свое посольство в Лондон, желал получить прежде всего право свободного найма на русскую службу различных специалистов в Англии, что ему и было дано. Вскоре Осип Непея привез в Москву из Англии многих военных, мастеров, медиков, рудознатцев и прочих нужных государю людей.

Вскоре у Ивана Грозного возник план создания широкого русско-английского (или русско-шведско-английского) союза для борьбы Москвы за Ливонию. Ради него царь Иван IV даже строил планы своего брака с английской королевой Елизаветой. Эти планы не удались, как и все попытки втянуть Англию в какой-либо союз с Россией, помимо торгового. Зато Английская (Лондонская) Московская компания успешно расширяла свою деятельность в России вплоть до английской революции. Лишь в 1649 г. из-за казни английского монарха все британские купцы были временно выдворены за русские рубежи и навсегда лишились своих огромных привилегий.

Правда, и в течение царствования Ивана Грозного привилегии Английской (Лондонской) Московской компании не раз ставились под вопрос и пересматривались русской стороной в сторону постепенного уменьшения. В 1580 г. агент Английской (Лондонской) Московской компании Джером Горсей открыл в Москве «Русское общество английских купцов», которое действовало достаточно автономно. И сам Горсей под конец его деятельности в России имел трения с Московской компанией. По смерти же Ивана Грозного дьяк Андрей Щелкалов поспешил сообщить британским купцам об очередном урезании их обширных прав символической фразой: «Английский царь умер»¹⁷.

Особая привязанность Грозного к англичанам объяснялась двумя причинами. Как уже говорилось, царь хотел принудить Англию заключить с ним оборонительный и наступательный союз для борьбы за Ливонию против Речи Посполитой, а позже и Швеции, а также рассчитывал на беспрепятственный вывоз из Англии необходимых для военных нужд России товаров и специалистов. Другая причина была более прозаической: Иван IV желал гарантировать себе возможность найти убежище в Англии в случае возникновения крайней опасности для его жизни.

Характерны в этом плане русско-английские переговоры конца 1560 – начала 1570-х гг. Предложение о союзе от лица московского царя в Лондон привез агент Английской (Лондонской) Московской компании Дженкинсон в 1569 г. Но

это была, так сказать, программа-максимум. Программой-минимум выступало право русской стороны беспрепятственно импортировать из Англии олово, свинец, порох, оружие и нанимать разных специалистов на русскую службу. Интересно, что в перечне специалистов в переговорах 1569–1570 гг. значились люди, умеющие строить корабли и управлять ими.

С началом Ливонской войны мысль о необходимости иметь собственный флот не раз посещала русского государя. Иван IV понял, что без флота трудно выйти победителем из крупных многосторонних европейских конфликтов. Так что к началу активной деятельности Петра I в этой области мысль о флоте в России была не новой, ей исполнилось более ста лет. Правда, английский купец и дипломат Джером Горсей привел в своем сочинении о России более «приземленную» версию постройки английскими мастерами у Вологды «первого русского флота». Царь «с давнего времени, объяснял Горсей, имея мысль сделать Англию своим убежищем в случае необходимости, построил множество судов, баржей и лодок у Вологды, куда свез свои самые большие богатства, чтобы, когда пробьет час, погрузиться на эти суда и спуститься вниз по Двине, направляясь в Англию»¹⁸.

Разумеется, английской королеве Елизавете, не имевшей своих интересов в Ливонии, тесный военно-политический союз с Россией был совершенно не нужен. Британская корона имела в России лишь коммерческие интересы и стремилась получить к беспопытной торговле еще и исключительные права на торговлю с Москвией, то есть закрыть Россию для проникновения купцов из других западных стран. Собирались английские купцы и самостоятельно продвигаться посуху на восток в глубь российских владений.

В 1569–1570 гг. Иван Грозный готов был пойти на такие беспрецедентные привилегии Московской компании только при условии немедленного вступления Англии на стороне России в Ливонскую войну. В противном случае Россия не могла дать британским купцам такие исключительные права. Исключительные торговые привилегии Английской (Лондонской) Московской компании, не подкрепленные военно-политическим русско-британским альянсом, содержали угрозу сделать Москву марионеткой английских «торговых мужиков», которые, как писал Грозный в довольно невежливом послании к Елизавете в октябре 1570 г., «владеют» английским государством «помимо» королевы, ища «своих торговых прибытков»¹⁹.

Идею военного союза Елизавета мягко отклонила. Правда, королева, как и просил Иван Грозный, гарантировала убежище в случае бегства царя из России «по тайному ли заговору, по внешней ли вражде, где московский царь с семьей сможет жить на «своем содержании»²⁰. Причем королева «забыла» попросить «своего царственного брата» об аналогичном одолжении для себя в России. Это поставило московского царя в положение одностороннего просителя. В итоге в 1569–1570 гг.

Иван IV отозвал все данные английским купцам привилегии.

В Москву тотчас же прибыл посланец королевы Дженкинсон. Русский царь «смягчился», вернул большую часть льгот, включая беспопешную торговлю. Взамен Англия разрешила беспрепятственно везти в Россию требуемых западных специалистов и товары. Вдобавок королева Елизавета прислала к царскому двору доверенного медика Роберта Якоби, аптекарей и цирюльников. В итоге каждая сторона осталась «при своем», и компромисс состоялся.

Примерно в таком ключе развивались русско-английские отношения и позже: в 1575–1576 гг., неожиданно «возведя» на московский трон Симеона Бекбулатовича, царь обсуждал с английским гонцом Сильвестром новые гарантии предоставления ему убежища в Англии. В случае несогласия он грозил отнять у Английской Московской компании торговые льготы и передать их голландцам и венецианцам²¹. И хотя данные переговоры не были завершены до конца (гонца на пути из Москвы в Холмогоры убил удар молнии), позже дело решилось к обоюдной выгоде.

Надо сказать, что противники России по Ливонской войне были настроены весьма негативно относительно бурно развивающейся англо-русской торговли. Сигизмунд II Август, последний польско-литовский монарх из династии Ягеллонов, в 60-х гг. XVI в. писал английской королеве: «Московский государь ежедневно увеличивает свое могущество приобретением предметов, которые привозятся в Нарву: ибо сюда привозят не только товары, но и оружие, до сих пор ему неизвестное, привозятся не только произведения художников, но приезжают и сами художники, посредством которых он приобретает средства побеждать всех. Вашему величеству небезызвестны силы этого врага и власть, какую он пользуется над своими подданными. До сих пор мы могли побеждать его только потому, что он был чужд образования, не знал искусств. Но если нарвская навигация будет продолжаться, то что будет ... неизвестно»²².

Император Священной Римской империи Рудольф II придерживался сходного мнения. В отличие от своего отца Максимилиана II, который был скорее союзником России, Рудольф II поддерживал с Россией так называемый «настороженный нейтралитет», особенно когда речь зашла о судьбе осиротевшего после смерти последнего бездетного Ягеллона польско-литовского престола. Что же касается Ливонии, то и Максимилиан II, и Рудольф II считали ее частью Священной Римской империи германской нации, о чем неоднократно писали в Москву, прося прекратить воевать «убогих ливонцев». В империи уже осознали, что надежда видеть Россию союзницей в борьбе с турками оказалась иллюзией.

Когда же в безвыходной для России ситуации в Ливонии в 1580 г. русская дипломатия предложила императору союз против турок, рассчитывая, очевидно, на отмену запрета свободного ввоза

в Россию из Австрии и германских земель оружия, пороха и т.п., расчет не сработал. Австрийский гононец привез следующий ответ императора: «Возить в Московское государство медь, свинец, олово он, Рудольф, не запрещал, а запрещен вывоз из империи оружия и всего относящегося к ратному делу еще при Карле V, и потом это запрещение подтверждено при императоре Максимилиане II»²³.

Как мы видим, позиция сопредельных с Россией государств и их патронов в вопросе пропуска в Московию товаров и специалистов из Западной Европы мало изменилась в конце XVI в. по сравнению с его началом, когда дерптский епископ считал своим долгом не допустить проезда в Россию даже одного наемника. В 1539 г. архитектор Петр Фрязин, бежавший из Москвы из-за боярского произвола, был допрошен в Дерпте относительно оружейного мастера немца Александра. «Петр отвечал: «Знаю, я жил с ним на одной улице. Этот Александр сказывал в Москве боярам, что у него есть товарищ в Дерпте, который умеет пушки лить и стрелять из них и думает ехать в Москву, служить великому князю». Услыхав это, епископ попытался об этом немце и сослал его неведомо куда»²⁴.

Однако более дальние западные страны готовы были игнорировать опасения соседей-врагов России и проявляли заинтересованность в русско-европейской торговле. Главными «торговыми воротами» в Россию для них была Нарва, завоеванная русскими в Ливонскую войну. (Северный путь, найденный англичанами, почти два десятилетия являлся английской монополией.) В последней трети XVI в. вслед за англичанами в Россию потянулись фламандцы, голландцы, немцы, французы, испанцы. Например, с 1570-х гг. через Нарву с Россией торговали французские купцы из Руана, Парижа, Ля-Рошеля²⁵. Нарвские купцы, присягнувшие России, получили от царя различные льготы.

В Нарве на службе у России появился самый оригинальный отряд служилых «немцев». Иван Грозный нанял предводителя балтийских пиратов Карстена Роде и других каперов для защиты нарвского устья. Все наемники-корсары на русской службе получили также лицензии у союзника России по Ливонской войне – владельца острова Эзель принца Магнуса²⁶. К несчастью для Москвы, Ливонская война с конца 1570-х пошла неудачно. В 1581 г. шведы заняли Нарву. Проект вассального России «Ливонского королевства» во главе с принцем Магнусом, последовательно обреченным с двумя дочерьми несчастного удельного князя Владимира Старицкого (племянниками Ивана Грозного), также рухнул. В этой обстановке датский король Фредерик II решил прекратить хождение иностранных судов, везших товары в Россию, через датский Зунд – пролив, соединяющий Северное и Балтийское моря. Английские суда, оказавшиеся в Зунде, были там арестованы, а товары конфискованы датской таможней.

В итоге с 1581 г. единственной торговой дорогой в Россию оказался «английский» северный путь. Этот путь шел Северным и Норвежским мо-

рями вокруг Скандинавии. Уже за Полярным кругом корабли попадали в Баренцево и Белое моря, а потом бросали якорь в устье Северной Двины – в бухте Св. Николая, где позже в 1584–1585 гг. по совету английских гостей будет заложен главный северный русский торговый порт – Архангельск. До основания Архангельска самым оживленным торговым поселением на Севере были Холмогоры. Там многие иноземные купцы имели дворы. Северная навигация была короткой и очень опасной, что делало ее менее выгодной по сравнению с нарвской. Однако когда Россия лишилась Нарвы, северный путь оказался очень даже востребован.

Северным путем стали ходить не только англичане, но и голландцы. Еще в 1560-х гг. один нидерландский приказчик, по имени Брюнель, добрался до Колы, откуда отправился в Холмогоры, где выучил русский язык и познакомился со знаменитыми торговыми людьми Строгоновыми. (Торговые люди Строгоновы сумели даже вытащить Брюнеля из тюрьмы, куда иноземец угодил по подозрению в шпионаже). С 1570 по 1577 г. Брюнель несколько раз курсировал между Нидерландами и Русским Севером, выполняя торговые поручения Строгоновых²⁷.

В 1582 г. русское посольство в Лондоне получило жалобу на Яна де ла Валле, который «прознал дорогу к Холмогорам за англичаны»²⁸. Русские источники знают этого предприимчивого «немца» под именем Ивана Белоборода. Первые его корабли посетили устье Северной Двины в 1578 г.²⁹ В Москве выходцам из испанских Нидерландов и северных нидерландских провинций покровительствовали влиятельные люди – боярин Никита Романович Захарьин–Юрьев и дьяк Андрей Шелкалов с братом. Они всегда выступали против исключительных привилегий английских купцов. В итоге русское правительство, давшее Английской (Лондонской) Московской компании право беспопытной торговли, не собиралось делать северный путь монополией англичан.

В 1582 г. из Голландии в Россию прибыли еще два голландских корабля. Один зафрахтовал придворный лекарь фламандец Иоганн Эйлоф, другой принадлежал нидерландскому купцу фон Залену. Появление голландцев в устье Северной Двины спровоцировало прибытие в Москву в 1583 г. английского посла Боуса с трудной миссией. Он должен был получить для Английской (Лондонской) Московской компании исключительные права на торговлю с Россией и при этом аккуратно отказать царю в заключение военно-политического союза и брака Иван Грозного с племянницей британской королевы – Марией Гастингс.

Боус настаивал: «Дорогу к Белому морю наши гости нашей государыни, так они одни пусть и ходят этою дорогою»³⁰. Как мы уже отмечали, Иван IV готов был пойти на такую («тяжелее дани», по его собственным словам) жертву. Англия же взамен должна была немедленно напасть на Речь Посполитую, Швецию и Данию, «которые его вотчину, Ливонскую землю, извоевали»³¹. Посол отказался вписать в договор это положение,

сославшись на отсутствие у него полномочий. Россия не дала англичанам права монопольной торговли.

В итоге северные пристани были закреплены за разными гостями. Корельская, Воргузская, Мезкенская, Печенгская и Шумская пристани остались за английской компанией. Пудожерская, куда уже неоднократно прибывал гость из Антверпена Иван Белобород (Ян де ла Валле), предназначалась для Нидерландов. В Кольскую гавань прибывали французы. О предоставлении этой гавани французским гостям в 1583 г. писал Ивану Грозному король Генрих III. Просьба сопровождалась предложением установить дружеские отношения между Россией и Францией. Вскоре переговоры о расширении русско-французской торговли продолжились уже в Париже, куда прибыл московский посланец толмач П. Рагон³².

Пока англичане, выходцы из разных нидерландских земель, французы и прочие «немцы» боролись за свои права в русской торговле, объявлялась страна, желавшая просто «паразитировать» на этой торговле. Земли Кольского полуострова у Баренцева моря, вдоль которых шел северный путь в Россию, были спорной территорией между Москвой и Копенгагеном. Датская сторона решила брать пошлины с западных кораблей, плывущих вдоль ее берегов в Россию. Уже в 1582 г. датский король Фредерик II, несмотря на мирный русско-датский договор 1578 г. и признание Россией прав Дании на остров Эзель, организовал рейдерский поход своих военных кораблей против торговых судов, плывущих в Россию.

Жертвами стали три голландских судна, сумма общего ущерба купцов составила 50 тысяч рублей. Иван Грозный в июне 1582 г. вынужден был отправить датскому королю по этому поводу особое послание, требуя прекратить подобные акции³³. Так как Россия не имела военного флота, охрану англо-русской торговли на Севере пришлось взять на себя Англии. Королева Елизавета послала для защиты своих подданных два военных корабля. Они, видимо, и провели на родину пять британских торговых судов, оказавшихся в 1582 г. в Белом море. До 1639 г. датские рейды прекратились. В морском набеге 1639 г., организованном Копенгагеном, опять пострадали голландцы. Четыре нидерландских «купца» (торговых судна) были атакованы двумя датскими военными кораблями³⁴.

Но все эти неприятности не повлияли на рост торговых операций между Россией и Западной Европой, как и на увеличение числа западных купцов регулярно бывающих или постоянно ведущих дела в Московии. В столичных немецких слободах конца XVI в. можно было встретить три категории торговых «немцев»:

– к первой, самой обласканной, относились компаньоны Английской (Лондонской) Московской компании. Эту группу британских купцов возглавлял главный агент – фактор, он же был официальным представителем английской короны при русском дворе. Большинство купцов

Английской (Лондонской) Московской компании принадлежали к новому английскому дворянству, активно включившемуся в занятие прибыльной международной торговлей;

– вторую категорию составили иностранцы из разных стран, объединявшиеся по торговым интересам, землячества, религиозным нюансам, а то и по воле случая. Самыми сильными здесь оказались выходцы из освободившейся от испанцев части Нидерландов. В России их чаще всего именовали по названию одной из провинций голландцами;

– третья категория западных купцов, «московские торговые иноземцы», являлись уже своеобразными подданными русского государя. Сюда входили выходцы из разных западных стран, осевшие в Москве, но большинство составляли ливонские торговые люди. Ливонцев принялись выводить в Москву с началом Ливонской войны. Горсей сообщает о «приведенных из Нарвы и Дерпта немецких и ливонских купцах и дворянах высокого происхождения, которых он (царь) расселил с их семьями под Москвой и дал свободу вероисповедания, позволив открыть свою церковь»³⁵.

По сообщению Маржарета, французского наемника, который служил в России в начале XVII в., ливонских церквей было две, правда, потом они «были разрушены и все их дома были разорены». Маржарет сообщает о погроме, который состоялся в 1570 г. по инициативе митрополита и духовенства после диспута Ивана IV с протестантским пастором. Другое разорение ливонцев было связано с изменой принца Магнуса в конце 1570–х гг. В конце Ливонской войны всем иностранным купцам пришлось поучаствовать в финансировании русских военных затрат. Иван Грозный принялся взыскивать деньги на «свой подъем» и «для тое войны». Известно, что в 1580–1581 гг. с английских купцов было взято 1 тыс. рублей, а в 1581–1582 – 500 рублей³⁶.

Большинство «немцев», занятых торговлей в России, были профессиональными купцами, однако встречались и люди, совмещавшие коммерческие операции с военной или иной службой. Выгоды российско-европейской торговли подогревали интерес европейских торговых людей к России. Неслучайно некоторые образованные купцы, сами никогда не бывавшие в русских пределах, стали авторами довольно подробных и достоверных «Описаний Московии», составленных на основе «Записок» различных послов (особенно Герберштейна), а также на сборе информацией у западных купцов, живших в России. Таково, к примеру, сочинение С. Нейгебауера, немецкого купца из Данцига, который собрал информацию о населении, природе, животном мире, климате, площади и географическом положении России, привел некоторые исторические экскурсы, довольно точно нарисовал облик города Москвы³⁷.

Участие России в международной торговле для европеизации страны имело не меньшее значение, чем служба нанятых на Западе специ-

алистов. Иноземные купцы из разных, особенно дальних западноевропейских, стран расширяли представления российских властей, русской социальной и купеческой элиты о европейском мире. С другой стороны, и Западная Европа через своих торговых людей имела возможность получать более широкие и достоверные сведения о России. Все это способствовало налаживанию диалога между Россией и Западной Европой, создавало возможности вступления России в компромиссные и даже союзнические отношения с рядом западных стран. Без шагов в данном направлении, как показал опыт длительной и неудачной, в конце концов, для России Ливонской войны, успешное позиционирование России в большом европейском пространстве было невозможно. По линии прежде всего торговых контактов в России был осознан факт большей дружелюбности дальних западноевропейских держав (Англии, Нидерландов, Франции и пр.), особенно в вопросе столь востребованного в России найма различных специалистов, через которых и шла диффузия западноевропейского опыта в Россию.

Смерть Ивана Грозного 18 марта 1584 г. явилась рубежом, за которым началась для России новая историческая эпоха. Ее открыло Смутное время. Нам же стоит подвести общие итоги положения и роли западных иностранцев в русской истории второй половины XV – XVI в.

Главный вывод заключается в том, что европеизация России, понимаемая как процесс постоянного заимствования на Западе военного, технического, административного, отчасти культурного опыта, началась отнюдь не в XVII или XVIII столетиях, как принято думать, а сразу же по рождению единого Московского государства в княжения Ивана III и Василия III.

Этот процесс составил характерную и необходимую черту развития Московской Руси. Европеизация резко отличала единое Московское государство от Руси предыдущей эпохи. Именно она позволила России утвердиться в большом европейском пространстве в качестве серьезного геополитического игрока, который смог успешно конкурировать с западными соседями и стремительно превращался в империю.

В эпоху Ивана Грозного связь России со странами Западной Европы значительно усилилась. Россия и Запад перестали быть «terra incognita» друг для друга. Были рассеяны многие иллюзии. Европе, особенно папской курии и Священной Римской империи, пришлось отбросить надежды видеть Россию униатской страной и щитом Европы от Турции. Россия, хоть и не была поколеблена в уверенности в своей православной исключительности, но вынуждена была признать превосходство Запада в военном и инженерном деле. Ее стремление через наем на русскую службу все большего числа западных специалистов овладеть «секретами» Запада вполне очевидно.

При этом европеизация Московии и при Иване III, и при его внуке Иване IV представляла собой процесс поверхностный. Заимствование за-

падного опыта носило явно механический характер, никак не влияло на социокультурные основы русской жизни. Мир Запада в России – Немецкая слобода – существовал словно в «зазеркалье», с одной стороны, обласканный властью, а с другой – ею же строго отделяемый от русского общества.

В итоге выбранная государевой властью при рождении единого Московского государства модель европеизации не вела в XV–XVI вв. к модернизации страны. Россия по-прежнему оставалась традиционной средневековой страной.

Как ни парадоксально, но такой порядок вещей еще крепче привязывал Московию к охваченному модернизацией Западу, создававшему все новые и новые военно-технические и прочие «новшества». Этому «вызову Запада» Россия должна была что-то противопоставить. Выживание России «вовне», в геополитическом пространстве модернизирующейся Европы, как и сохранение ее традиционных институтов «внутри», оказалось в прямой связи с процессом поверхностной европеизации. Россия как серьезный полюс геополитической силы в Восточной Европе не могла существовать без Западной Европы, как и Запад уже не мог не учитывать «русский фактор».

Еще один парадокс европеизации России второй половины XV – XVI вв. состоял в том, что по мере знакомства и общения московского русско-

го мира и западноевропейской цивилизации они осознали степень обоюдных различий и малую совместимость их внутренних социокультурных систем. В результате субъективное обособление России от западноевропейских стран возрастало, что имело яркое воплощение в религиозном вопросе, где Россия одинаково враждебно позиционировала себя как в отношении католического сообщества, так и в отношении протестантов. Что, впрочем, мало влияло на судьбу конкретных людей («немцев» на московской службе), где в процентном отношении преобладали к концу XVI столетия протестанты.

Tchernikova T.V. Western European Merchants and the Process of Europeanisation of Russia in XVI Century.

Summary: The article is devoted to an examination of a question of the use of different western experts on the Russian service in the XVI century. The author tries to find out in what areas and what kind of foreign experts were used in Russia at the times of Ivan IV; what were the reasons for the use of the Western European experts as well as results and significance of this phenomenon. Changes in the position of immigrants from the Western Europe during one and a half centuries are also examined.

Ключевые слова

Единое Московское государство XV–XVI вв., иностранцы на русской службе, заимствование Россией военно-технического и культурного опыта Запада, европеизация России, «Записки» иностранцев о России, участие России в международной торговле XVI в., иностранные купцы в России XVI в.

Keywords

Uniform Moscow state of XV–XVI centuries, foreigners on the Russian service, borrowing by Russia of military and technical as well as cultural experience of the West, Europeanization of Russia, "Notes" of foreigners about Russia, Russia in the international sea trade of XV–XVI centuries, foreigners merchants in Russia of XVI century

Примечания

1. Ченслор Р. Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском, о принадлежащих ему владениях, о государственном строе и о товарах его страны, написанная Ричардом Ченслором // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 28.
2. Адамс К. Английское путешествие к москвитам // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 41.
3. Дженкинсон А. Путешествие из Лондона в Москву // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 45.
4. Контарини А. Путешествие в Персию // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 8.
5. Письма Алберта Кампензе к папе Клименту VIII о делах Московии // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 23.
6. Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. 3. Т. 5. С. 170.
7. Там же. Т. 6. С. 583.
8. Ключевский В.О. Соч. Т. VIII. С. 41–43.
9. Ряд историков (например, А.А. Зимин) поддерживает вывод Ключевского относительно состава Суконной сотни. Однако С.В. Бахрушин не согласен. (См.: Бахрушин С.В. Научные труды. Т. I. М., 1952. С. 163.)
10. Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М., 1963. С. 201.
11. Фоскарино М. «Рассуждение о Московии» из книги «Историческое сказание о Московском государстве, сочиненное венецианским послом Фоскарино» // Иностранцы о древней Москве. М. 1991. С. 51–52.
12. Зимин А.А. Опричнина. М., 2001. С. 109.
13. Там же. С. 127.

14. Ключевский В.О. Соч. Т. VIII. С. 41–43.
15. Два других корабля в течение полутора месяцев буря носила по морю. Наконец они нашли прибежище в устье реки Арзины. Здесь путешественники решили перезимовать, но они и представить себе не могли, какими бывают зимы в здешних краях. Через год местные жители обнаружили два английских судна («Добрая надежда», «Благое упование»). Моряки погибли все до последнего человека. Ричарду Ченслору и его команде несказанно повезло. Только их корабль оправдал свое название – «Эдуард – благое предприятие».
16. Соловьев С.М. Указ. Соч. Кн. 3. Т. 6. С. 505.
17. Зимин А.А. В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 130.
18. Горсей Д. Путешествие сэра Джерома Горсея // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 110–111.
19. ПИГ. С. 142.
20. ПИГ. С. 139–143.
21. Толстой. Ю. Первые 40 лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593. СПб., 1875. С. 181–188.
22. Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. 3 Т. 6. С. 576.
23. Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. 3. Т.6. С. 662.
24. Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. 3. Т. 6. С. 484.
25. Зимин А.А. В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 131.
26. Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI – XVII вв. М., 2007. С. 219.
27. Кордт В.А. Очерк сношений Московского государства с республикою Соединенных Нидерландов до 1631 г. Сб. РИО. Т. 116. СПб., 1902. С. XXX–XXXIII.
28. Там же. С. CCLXVII.
29. Там же. С. XXXIV–XXXV.
30. Соловьев С.М. Указ. Соч. Кн. 3. Т. 6. С. 657.
31. Соловьев С.М. Указ. Соч. Кн. 3. Т. 6. С. 660.
32. Жордания Г. Очерки из истории франко–русских отношений конца XVI и первой половины XVII в. Тбилиси, 1959. С. 6., 44–51.
33. Щербачев Ю.Н. Русские акты Копенгагенского государственного архива. РИБ. Т. 16. СПб., 897. Стлб. 201–204 (№ 49).
34. Демин А.В. Западноевропейское купечество в России XVII в. Вып. 1. М., 1994. С. 59.
35. Цитата по книге: Зимин А.А. В канун грозных испытаний. М., 1986. С. 54.
36. Зимин А.А. В канун грозных испытаний. М., 1986. С. 65.
37. Нейгеббауер С. Московия. Описание природы, расстояния, местоположение, религия и государственное устройство // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 25–28.

«Черный кабинет» МИД России против Наполеона

Д.А. Ларин

Статья посвящена успешной работе шифровальщиков Российской империи против Наполеона и его войск. Рассматриваются также некоторые аспекты организационной работы по перехвату зашифрованных сообщений французской армии.

В 2012 г., по праву названным Годом истории, Россия отмечает великую дату – 200-летие Отечественной войны 1812 г. Нашествие войск Наполеона стало огромным испытанием для нашей Родины, потребовавшим для достижения победы мобилизации усилий всех слоев общества. Эпопея 1812 г., события войны с Наполеоном нашли отражения в гениальных литературных произведениях, воспоминания участников войны стали неотъемлемой частью истории России, ее ярчайшей страницей. Все важнейшие битвы были детально изучены военной наукой и вошли в энциклопедии военной истории. Глубокому анализу подвергнуто влияние каждого сражения и политического события как на ход войны, так и на развитие мировых исторических событий. Вместе с тем еще не все страницы этого великого противостояния двух европейских цивилизаций в полной мере нашли свое отражение в публикациях и исследованиях. Одна из таких сравнительно малоизученных сторон войны связана с противоборством в области криптографии.

Рассмотрим организацию криптографической службы Российской империи накануне Отечественной войны 1812 г. В начале XIX в. в России была произведена реорганизация органов управления страной. Манифестом императора Александра I от 8 сентября 1802 г. вместо коллегий учреждались министерства. В частности, было

организовано Министерство иностранных дел (МИД), руководителем которого был назначен граф А.Р. Воронцов.

Канцелярия МИД содержала четыре основные экспедиции и три секретные. Первая секретная – цифирная (шифровальная), вторая – цифирная (дешифровальная), третья – газетная (служба перлюстрации). Позднее экспедиции стали называться отделениями. Управляющий канцелярией МИД фактически руководил криптографической службой, он «назидает вообще, ко всем экспедициям; за порядком архива и регистрацией; ему поручается хранение цифирных ключей и весь внутренний порядок канцелярии, а также сношение с директором почт, переписка с нашими министрами вне государства»¹.

С 1808 г. канцелярией МИД руководит А.А. Жерве. Шифровальным отделением руководит Х.И. Миллер, дешифровальное отделение возглавляет Х. Бек. Напряженная политическая обстановка требовала составления и ввода в действие новых шифров, и такая работа активно проводилась. Ею занимались в отделении Х.И. Миллер и А.Ф. Крейдеман, а также еще ряд сотрудников. В XIX в. российская шифровальная служба использовала достижения технического прогресса. Шифры не переписывались как ранее, а печатались, для чего в первом цифирном отделении имелась литография.

Ларин Дмитрий Александрович – к.т.н., доцент кафедры ИТС МИРЭА (ТУ). E-mail: vestnik@mgimo.ru

Обычно шифры классифицировались на общие и индивидуальные. Общие шифры предназначались для нескольких корреспондентов, как правило расположенных в одном географическом регионе. Они обеспечивали им связь между собой и с «центром». Индивидуальный шифр предназначался исключительно для связи с центром. Идея такого разделения получилась еще при Екатерине II. Несколько позже в МИД был организован цифирный комитет, в состав которого вошли наиболее опытные и квалифицированные специалисты криптографы. В задачи комитета входили:

- разработка, анализ стойкости и введение новых систем шифрования;
- контроль правильного использования и хранения криптографических документов;
- вывод из действия устаревших или скомпрометированных шифров;
- составление заключений, отчетов и докладных для руководителей МИД и императора по вопросам деятельности шифровальной и дешифровальной служб.

Комитет подчинялся непосредственно министру, а возглавлял его «главный член цифирного комитета»². Шифрованная переписка в первой четверти XIX в. велась по политическим, военным, экономическим и другим важнейшим государственным вопросам. Прежде всего, это была переписка с русскими дипломатическими представительствами за границей.

Большое значение руководство Российской империи придавало организации быстрой и надежной связи. В 1781 г. управление всей внутригосударственной почтой России сосредоточилось в одном ведомстве – Санкт-Петербургском почтамте, или Почтовом департаменте, подчинявшемся Коллегии иностранных дел, а в 1802 г. причисленном к Министерству внутренних дел. Передача информации осуществлялась по почтовым трактам (к концу XVIII в. их общая протяженность составляла 33 тыс. верст). При этом правительственная корреспонденция перевозилась специальными курьерами, а ведомственная и частная – почтальонами.

Для повышения эффективности доставки правительственной, дипломатической и военной корреспонденции 17 декабря 1796 г. Указом императора Павла I был создан Фельдъегерский корпус. Корпус стал специальной воинской частью, предназначенной для несения службы связи и выполнения особых поручений императора³. 26 января 1808 г. Фельдъегерский корпус Указом императора Александра I был переведен в подчинение военному министру. Именно фельдъегери выезжали с различными поручениями императора и правительства во многие страны не только к российским дипломатам, но и к главам иностранных государств. Фельдъегери обеспечивали доставку правительственной корреспонденции и внутри страны.

Чтобы правительство своевременно получало информацию о положении в армии, широко практиковалось прикрепление офицеров и фельдъегерей корпуса к командующим войсками во время военных действий. Особо важные документы, адре-

сованные в действующую армию, срочно доставляли фельдъегери, которые постоянно дежурили в Главной квартире императора. Так, перед войной 1812 г. фельдъегери из Санкт-Петербурга преодолевали расстояние до Вильно за трое суток, доставляя пакеты фельдмаршалу М.Б. Барклаю-де-Толли и от него с такой же скоростью – в столицу⁴. 27 января 1812 г. было введено в действие «Учреждение для управления большой действующей армией». Это был первый в истории отечественного военного искусства устав для управления армиями в военное время, утверждавший схему полевого управления русской армии.

Согласно этому документу, фельдъегери подчинялись лично главнокомандующему, им предписывалось действовать совместно с генеральскими адъютантами в случаях передачи важнейших приказаний. Чины корпуса также осуществляли связь со столицей. В сложных условиях войны фельдъегери, прикомандированные к М.И. Кутузову, доставляли исходящую от него корреспонденцию командующим армиями П.И. Багратиону и М.Б. Барклаю-де-Толли и другим должностным лицам⁵.

В этот же день была учреждена Высшая воинская полиция (фактически военная контрразведка), в инструкции директору этой службы содержится ряд указаний по организации мероприятий по защите информации: «§11. Каждый округ вышшей полиции должен иметь разные ключи цыфрей (шифров. – Д.Л.), из Главной квартиры получаемых. Один ключ должен быть употребляем для переписки с директором вышшей полиции, составлен из двух тысяч знаков (очевидно, здесь идет речь о коде или номенклатуре. – Д.Л.), и внезапно, как можно чаще переменим, особливо при каждом подозрении о его открытии перехваткою переписки, или изменою, и при перемене главного агента. Частые ключи должны быть сколь можно разнообразны и сложны. §12. Важнейшая шифрованная известия должны быть посылаемы в двух и даже в трех экземплярах, двумя или тремя разными путями, дабы в случае остановки или побега, или перехвачения одного или двух разносчиков, известие могло дойти в Главную квартиру. §13. Вместо цыфири, для большей поспешности, можно употреблять самые надежные симпатические чернила; но не иначе, как те, кои доставлены будут из Главной квартиры»⁶.

Специальные поручения, которые возлагались на офицеров и фельдъегерей корпуса в период Отечественной войны и первые послевоенные годы, носили самый разносторонний характер. Так, именно русскому фельдъегерю И.В. Лицынскому было поручено сопровождать Наполеона в ссылку. После доставки бывшего императора Франции на остров Эльба Лицынский был послан с известием об этом к Александру I и к монархам ряда европейских государств⁷.

В описываемый период времени активно велась дешифровальная работа. «Черный кабинет»⁸ России, сосредоточенный в МИД, совершенствовал методы, технику перехвата и перлюстрации

сообщений иностранных государств. На почтамтах были созданы профессиональные службы по перехвату и перлюстрации дипломатической переписки, разрабатывались методы перлюстрации без улик (подделка печатей и т.д.), быстрого копирования, оперативного ознакомления с содержанием сообщений и передачи их дешифровальным органам. Можно сказать, что русская криптографическая служба была готова к войне, и с ее началом появились значительные успехи.

Теперь рассмотрим криптографическую деятельность наполеоновской Франции. Наполеон существенно реорганизовал французскую разведку, в 1796 г. было создано «Секретное бюро». Эта организация занималась и разведкой, и контршпионажем. Наполеоновская разведка имела агентов во всех столицах и во многих крупных городах большинства европейских государств (кроме России). Значительно укрепился «черный кабинет» Франции. Его возглавлял директор почт Лаваллет. В 1811 г. Наполеон создал филиалы «черного кабинета» по всей своей огромной империи: в Турине, Генуе, Флоренции и Риме, Амстердаме и Гамбурге. Эти кабинеты работали весьма эффективно. Перлюстрация дипломатической переписки приняла огромные размеры. Эта деятельность находилась под контролем министра иностранных дел Талейрана⁹. Отметим, что в основном речь здесь идет лишь о перехвате и перлюстрации сообщений. Успехи в дешифровании были гораздо скромнее. Примером успехов криптографической службы Франции может служить следующий эпизод. 26 сентября 1812 г. американский посланник в Париже в письме президенту США Мэдисону тщательно зашифровал имена двух французских чиновников, которые поддерживали претензии США к Наполеону и особо просили, чтобы этот факт оставался в секрете. Но французская дешифровальная служба прочитала послание и выяснилось, что это были Камбасере и Талейран¹⁰.

Талейран долгое время находился на высоких должностях в правительстве Наполеона (вплоть до министра иностранных дел). В 1808 г. Талейран при личной встрече предложил себя в качестве платного информатора русскому императору Александру I. Им двигали меркантильные соображения и обида на Наполеона. Предоставляемая Талейраном информация являлась весьма важной для российского двора. Он сообщал сведения о состоянии французской армии, внешнеполитических инициативах Франции, внутривнутриполитической обстановке. Одним из важнейших сообщений Талейрана была дата вторжения Наполеона в Россию. Александр I очень ценил этот источник информации и тщательно оберегал его от разоблачения. Все сообщения, передаваемые от Талейрана российским послом в Париже К.В. Нессельроде, тщательно зашифровывались. Интересно отметить, что Талейран предложил подобные услуги и Австрии. Его предложение было принято, о чем из агентурных источников узнал Александр I. Это привело к постепенному сворачиванию контактов с Талейраном, который к тому же стал требовать

за свои услуги огромные суммы. Таким образом, Талейран одновременно укреплял безопасность Франции, фактически руководя дешифровальной службой, и наносил ей ощутимый вред. Моральный облик Талейрана очень хорошо характеризует его фраза: «Главное качество денег – это их количество»¹¹.

Наполеон считал крайне важным организацию информационно-психологического давления на противника, доведения до него нужной (при этом иногда ложной информации). Для этого в армии Бонапарта имелась походная типография производительностью около 10000 листовок в сутки. Вот как сам Наполеон оценивал силу печатного слова: «Четыре газеты могут причинить больше зла, чем сотысячная армия»¹². Справедливости ради следует отметить, что французская армия в этот период подвергалась успешным информационным атакам. Во время Итальянского похода генералиссимуса А.В. Суворова (1799 г.) его обращение к противнику с разъяснением тяжелого положения, в котором оказались французы, привело к ощутимому эффекту. Солдаты французской Пьемонтской армии сдавались целыми частями и подразделениями.

А вот еще один пример: после вторжения армии Наполеона в Россию Русская православная церковь отлучила французского императора от церкви и объявила антихристом. Учитывая то, что большинство населения России того времени (особенно крестьяне) было верующими людьми, этот пропагандистский ход дал дополнительную мотивацию к борьбе против захватчиков. Россияне шли сражаться не просто с врагом, а с «армией дьявола»¹³.

А вот вопросам криптографической защиты собственной информации французский император уделял недостаточное внимание. Несмотря на некоторые успехи в дешифровании чужих шифров, защита собственной информации, особенно в действующей французской армии, осуществлялась с помощью весьма простых шифров. Во время походов у императора было два основных шифра. «Большой шифр» Наполеон использовал для связи со своими командующими. Эта система была подобна «великому шифру» Россиньоля¹⁴, однако представляла собой номенклатор на 200 величин вместо 600, предложенных Россиньодем. Это делалось для простоты шифрования и расшифрования в полевых условиях. «Малый шифр» был предназначен для связи с небольшими воинскими подразделениями.

«Малый шифр» Наполеона (Petit Chiffre)

A–15, ar–25, al–39 B–37, bu–3, bo–35, bi–29
C–6, ca–32, ce–20 D–23, de–52 E–53, es–82, et–50,
en–68 F–55, fa–69, fe–58, fo–71 G–81, ga–51 H–85,
hi–77 I–119 J–87, jai–123 K–? L–96, lu–103,
le–117, la–106 M–114, ma–107 N–115, ne–94, ni–
116 O–90, ot–153 P–137, po–152 Q–173, que–136
R–169, ra–146, re–126, ri–148 S–167, sa–171, se–177,
si–134, so–168, su–174 T–176, ti–145, to–157 U–138
V–164, ve–132, vi–161, vo–175 W, X, Y – ? Z–166.

Приведенная выше таблица замены была восстановлена французским криптографом Этьеном Базери в конце XIX в. В имевшихся в его распоряжении криптограммах некоторые буквы (K, W, X и Y) не встречались, поэтому он не смог определить соответствующие им шифрообозначения. Свой шифр был и у начальника штаба Бертье.

Наполеон и его генералы также использовали книжные шифры, шифры простой замены, в том числе и шифры типа «масонский ключ», который был переименован в «алфавит Наполеона». Но даже эти не очень стойкие шифры использовались с серьезными ошибками. Ключи не менялись длительное время, в шифротекстах сохранялось разбиение на слова (в соответствии с открытым текстом), использовались стандартные обращения и подписи, значительная часть сообщения не шифровалась (она считалась несекретной, а меньший объем текста, подлежащего зашифрованию, значительно облегчал и ускорял процесс шифрования) и т.д. Частичное шифрование позволяло криптоаналитику понять содержание текста сообщения и выдвигать предположения о вероятных словах в зашифрованной части письма.

Это позволяло проводить атаку «открытый – зашифрованный текст». Все это, безусловно, облегчало дешифрование. Кроме того, в экстренных случаях секретные сообщения вообще не шифровались и в открытом виде попадали к противнику. Так, например, во время знаменитого пожара в Москве 1812 г. сгорело большое количество копий «малого шифра», и с некоторыми подразделениями французский император вынужден был общаться открытым текстом¹⁵.

Отметим, что регулярное чтение французской дипломатической переписки началось в России с середины XVIII в. Непосредственно во время Отечественной войны 1812 г. русские дешифровальщики вскрыли не только простейшие шифры для связи с небольшими подразделениями, но и «Большой и Малый шифры» Наполеона. Несмотря на то что эти шифры являлись недостаточно стойкими, французы им полностью доверяли. Они не верили в интеллектуальные способности наших дешифровальщиков и считали, что в России даже слабые шифры будут обеспечивать тайну переписки. История показала, что они сильно ошиблись. Великий русский полководец М.И. Кутузов отдавал должное перехвату и криптоанализу сообщений противника еще до нападения Наполеона на Россию.

Так, находясь вместе с русской армией, действующей за пределами России (ноябрь 1805 г.), Кутузов получил перехваченные и дешифрованные письма Наполеона и его маршала Л. Бертье к австрийскому императору Францу I. В это время Австрия, напуганная победой Наполеона под Аустерлицем, пыталась тайно войти в сговор с Францией. Если бы это случилось, Россия лишилась бы мощного союзника и должна была пересмотреть свою стратегию в войне. Но были нужны доказательства тайного сговора. Изучив полученные письма, Кутузов сообщал Александру I: «Теперь

я имею все основания считать, что существуют переговоры между Австрией и Францией»¹⁶. Факт предательства Австрии был подтвержден.

Сразу же после начала Отечественной войны 1812 г. в русской армии был организован систематический перехват французской корреспонденции. Такая возможность объясняется тем, что в тылу у французов шла широкомасштабная партизанская война. В боевых действиях в тылу противника принимали участие не только отряды вооружившегося гражданского населения, но и регулярные воинские подразделения, состоящие из гусар (здесь, безусловно, следует упомянуть легендарного партизана и знаменитого поэта Дениса Давыдова) и казаков. Эти подразделения фактически явились предшественниками современного спецназа. Они нападали не только на фуражиров и небольшие отряды противника, но и совершали лихие рейды по тылам французов. Нередко они захватывали высокопоставленных офицеров и даже целые штабы и добывали таким образом ключи к французским шифрам.

Нельзя не отметить еще один крайне важный аспект деятельности партизан, оказавший существенную помощь российским криптоаналитикам. Именно «эскадроны гусар летучих» занимались перехватом курьеров, осуществлявших связь между подразделениями наполеоновской армии, и поставляли материал для работы дешифровальщикам. При условии умелой организации перехвата переписки противника высокая квалификация специалистов в области дешифрования позволяет получить важнейшие сведения стратегического и тактического характера о военном потенциале противника, его боевых возможностях, ближайших и долгосрочных планах.

Для иллюстрации вышесказанного достаточно привести в качестве примера фрагменты нескольких донесений командиров партизанских отрядов: «№34 Партизанъ Давыдовъ – генералу Коновницину. Получено 8 ноября... М.Г. Петръ Петровичъ. Имѣю честь представить В.П.¹⁷ бумаги перехваченнаго мною отъ командующаго депо¹⁸ въ Горкахъ къ генералу Бертѣе...». Далее на основании перехваченных данных Д. Давыдов оценивает силы противника и делает выводы о необходимости численности наших войск для успешной атаки¹⁹.

«№35 Партизанъ Давыдовъ – генералу Коновницину. Получено 10 ноября... М.Г. Петръ Петровичъ. Перехватя еще курьера, посланнаго отъ генерала Бертѣе въ депо съ повѣстью слѣдовать немедленно въ Копысь, я полагаю, что повѣстїе сіе втройнѣ или, по крайней мѣрѣ вдвоинѣ, я рѣшился съ слабымъ своимъ отрядомъ, въ сравненїи съ непрїятельскимъ, слѣдовать къ Копысу и атаковать на маршъ непрїятеля»²⁰.

«№36 Партизанъ Сеславинъ – генералу Коновницину. Получено 9 ноября... Я перехватилъ жиду изъ Головчинской, ему маршрутъ корпуса г. Заюнчика быть извъстенъ. Они шли сперва на Шиловъ, Головнино. Бѣлыничи и Погостъ. Теперь ихъ воротили всѣхъ в Оршу. Далѣе-же ихъ направленїа сказать не могу, но употребляю къ

тому все возможные старания, посылаю безпре-
станно жидовъ для доставленія мнѣ изъ Орши
вѣрныхъ свѣдѣній. Доселѣ оныхъ еще не имѣю.
Французская армія вся собралась въ Оршѣ. Обозы
и продовольствіе вокругъ оной... Препровождаю
вамъ письмо, перехваченное изъ Орши въ Горки,
имѣющее велѣть переправляться за Днѣпръ. Увѣдомляю...
В.П., что непріятельское депо подѣ начальствомъ
м. Бланкара находится еще въ Горкахъ. Пришли-
те пѣхоты и кавалеріи и артиллеріи и депо сіе въ
нашихъ рукахъ»²¹.

Наконец, сам факт перехвата курьера озна-
чал, что подразделение наполеоновских войск не
получало своевременно необходимую информа-
цию (приказы, распоряжения и т.д.). Это, в свою
очередь, приводило к дезорганизации системы
управления французскими войсками. Отметим,
что партизаны кроме сбора информации о состо-
янии французской армии вели против Наполеона
информационную войну, а именно распространяли
дезинформацию. В период подготовки русской ар-
мии к контрнаступлению было крайне необходимо
задержать армию Наполеона в Москве как можно
дольше. С этой целью по приказу М.И. Кутузова
распространялись ложные слухи о слабости рус-
ской армии и желании российского руководства
поскорее закончить войну и заключить мир, что
это есть решение самого Александра I. Все эти
сведения доходили до Наполеона и внушали ему
надежду на скорый мир. На самом деле планы рос-
сийского командования заключались в решитель-
ном разгроме и изгнании захватчиков²².

Действие российских конных отрядов в тылу
французов очень беспокоили Наполеона. Фран-
цузский генерал А. Коленкур, постоянно находив-
шийся рядом с Наполеоном, вспоминал: «Импера-
тор был очень озабочен и начинал, без сомнения,
сознавать затруднительность положения, тогда как
до сих пор он старался скрыть это даже от себя. Ни
потери, понесенные в бою, ни состояние кавалерии
и ничего вообще не беспокоило его в такой мере,
как появление казаков в нашем тылу»²³. Вот еще
один фрагмент воспоминаний Коленкура, посвя-
щенный данной теме: «Казаки производили посто-
янные налеты на дорогу, то и дело пересекая ее в
промежутках между дивизиями и даже между пол-
ками, если они шли пешком на некотором рассто-
янии друг от друга. Легко представить себе, какая
распространялась тревога и как это сказывалось
на моральном состоянии армии. Другое крайне
неприятное последствие этих налетов заключалось
в том, что становилось очень трудно поддерживать
связь не только между корпусами, но даже между
дивизиями одного и того же корпуса. Как я уже
говорил, штаб главного командования донесений
не получал, а его приказы не приходили на место
или шли так медленно, что их никогда не получали
вовремя. Офицеров генерального штаба, которые
не считались ни с какими опасностями, часто за-
хватывали в плен»²⁴.

Кстати, именно Коленкур отвечал в наполео-
новской армии за связь. В своих воспоминаниях
он отмечает, что пункты передачи правительст-

венных почтовых эстафет на территории Рос-
сии были устроены через 5–7 лье (25–30 км), в
каждую смену входили 4 почтальона, а также то,
что «все сколько-нибудь значимые депеши были
зашифрованы»²⁵.

В мемуарах Коленкура упоминаются факты
перехвата французских сообщений нашими вой-
сками и партизанами: «12 октября русскими была
захвачена эстафета, направлявшаяся в Париж. Та
же участь постигла на следующий день эстафету из
Парижа. К счастью, это были единственные эста-
феты, потерянные во время кампании. Армейская
почта потеряла три ящика, в одном из которых
была корреспонденция из Франции»²⁶. На самом
деле проблемы со связью у французов были куда
серьезнее, и ими был озабочен сам Наполеон, ибо
русским войскам удалось практически полно-
стью прервать сообщение наполеоновской армии
с Францией.

Вот что об этом пишет Коленкур: «Хотя им-
ператор пытался внушить иллюзии другим, но
сам он был очень удручен. Самым неприятным
для него было отсутствие всяких сообщений из
Франции, и он не скрывал этого от меня. Мы до-
шли до того, что раз в два дня пересылали малень-
кие записочки в Вильно через поляков или других
людей, которых удавалось соблазнить высоким
вознаграждением. Часто от них требовали только,
чтобы они сдали малозначащие записки в какую-
нибудь почтовую контору, имеющую свободное
сообщение с Германией. Как-то раз одному еврей-
ку заплатили 2500 франков за пересылку несколь-
ких строк великому канцлеру. Дарю, который
отправлял это послание, воспользовался случа-
ем, чтобы написать также несколько слов своей
жене. Только это письмо дошло по назначению...
Из многочисленных депеш, посылавшихся при
помощи переодетых офицеров или местных жи-
телей, только одна или две дошли по назначению.
Так как деловая переписка велась только шифром,
то император (Наполеон. – Д.Л.) не придавал ни-
какого значения этим письмам, считая, что они
должны лишь доставлять Парижу и Вильно со-
общения об армии и о нем самом. Но этих писем
там не получали!»²⁷.

Из вышесказанного следует, что русский
«партизанский» перехват работал очень эффек-
тивно и доставлял французам большие неприят-
ности. При этом следует отметить, что Наполеон
неоднократно высказывал сожаление о том, что
ему не удастся создать разведывательную сеть в
тылу русской армии. Вновь обратимся к мемуа-
рам Коленкура: «Император все время жаловался,
что он не может раздобыть сведения о том, что
происходит в России. И в самом деле, до нас не
доходило оттуда ничего; ни один секретный агент
не решался пробраться туда. Ни за какие деньги
нельзя было найти человека, который бы согла-
сился бы поехать в Петербург или пробраться в
русскую армию. Единственные неприятельские
войска, с которыми мы приходили в соприко-
сновение, были казаки; как ни желал император
раздобыть нескольких пленных, чтобы получить

от них какие-либо сведения об армии, нам при стычках не удавалось захватить пленных... И так как ни один шпион не дерзал пробраться в расположение русской армии, то мы не знали, что там происходит, и император был лишен всяких сведений»²⁸. Конные французские отряды в тылу у русских были бы мгновенно выявлены и уничтожены. Поэтому нужно было вербовать русских на службу Наполеона, что было связано с большими трудностями.

Когда французские сообщения попадали к русскому командованию, наступала пора для работы дешифровальщиков. Она была крайне успешной. О важности перехваченной и дешифрованной переписки французов указывает следующее сообщение М.И. Кутузова к командующему одной из русских армий адмиралу П. Чичагову (от 30 октября 1812 г.): «Господин адмирал! Для большей уверенности посылаю еще раз вашему превосходительству достоверные подробности, почерпнутые из переписки, вплоть до писем самого Наполеона, копии с которых я вам уже отослал. Из этих выдержек Вы увидите, господин адмирал, как в действительности ничтожны те средства, коими располагает противник в своем тылу в части продовольствия и обмундирования...»²⁹.

Приведем еще один пример важности перехваченной депеши противника. 5 октября 1812 г. отряд полковника М. Кудашева во время боя у Тарутино захватил предписание маршала Франции Бертье одному из французских генералов. В нем говорилось об отправлении всего тяжелого снаряжения французской армии на Можайскую дорогу. Это позволило Кутузову принять правильное решение. Он отказался от преследования разбитого авангарда маршала Мюрата и сосредоточил основные силы на Калужской дороге, перекрыв тем самым путь французов на юг. Французы были вынуждены отступать по Смоленской дороге, местность вокруг которой была разграблена ими ранее. Тем самым французы были лишены продовольственного снабжения в ходе отступления. Фактически этот успех отечественных дешифровальщиков определил дальнейший ход войны.

Испытывал Наполеон проблемы с криптографией и в ходе заграничных походов русской армии. Во время так называемой «Битвы народов», проходившей с 16 по 19 октября 1813 г. под немецким городом Лейпцигом, предчувствуя поражение, Наполеон решил организовать отступление своих войск. Для этого он отправил шифрованные приказы своему маршалу Ожеро, находившемуся в резерве. В указаниях французского императора Ожеро предписывалось подойти к городу и удерживать основной мост через реку Эльстер, а также навести дополнительные мосты. Из-за ошибок при расшифровании войска маршала прибыли в район моста неорганизованно и вместо удержания взорвали мост, а временные так и не навели. При этом Ожеро прислал шифрованный ответ, видимо, в спешке

при шифровании были допущены ошибки. Тем не менее ряд офицеров наполеоновского штаба интерпретировали расшифрованную информацию как подтверждение правильно понятого приказа. В результате этих событий планировавшееся организованное отступление превратилось в паническое бегство³⁰.

Российский император Александр I обильно цитировал переписку Наполеона и его генералов. В частности, в одной из своих работ американский историк Флетчер Пратт приводит выдержку из разговора, состоявшегося между Александром I и командующим одним из корпусов армии Наполеона – маршалом Макдональдом: «Конечно, – сказал император России Александр, – нам очень много помогало то, что мы всегда знали намерения Вашего императора из его собственных депеш. Во время последних операций в стране были большие недовольства, и нам удалось захватить много депеш». «Я считаю очень странным, что Вы смогли их прочесть, – заметил Макдональд, – кто-нибудь, наверное, выдал Вам ключ?» Александр возмутился: «Отнюдь нет! Я даю Вам честное слово, что ничего подобного не имело места. Мы дешифровали их»³¹. Наши криптоаналитики могли гордиться тем, что их достижения пропагандировал сам император.

Рассмотрим теперь вопрос об эффективности криптографических усилий наполеоновской Франции против России. Использувавшиеся в военных сетях связи российские шифры по сложности их дешифрования были аналогичны французским. Однако российское руководство уделяло гораздо большее внимание правильному их использованию. Значительные усилия были направлены на развитие службы перехвата и дешифрования. Полученные из дешифрованных сообщений сведения своевременно передавались командованию армии и высшему политическому руководству, включая царя. Наполеон же находился на захваченной территории и не имел возможности «партизанского» перехвата сообщений российских военачальников. Вообще, как отмечает Д. Кан³², французский полководец определенно не придавал большого значения криптографии. Он целиком полагался на мощь своей «непобедимой» армии и не имел дешифровальной службы в войсках. Она казалась ему бесполезной. Поэтому сведения об эффективном дешифровании французами российских военных депеш в истории отсутствуют. Таким образом, можно утверждать, что российская криптография победила в борьбе с французской.

Французскую дипломатическую и военную переписку читали англичане и австрийцы. Достаточно отметить, что в архиве английского «черного кабинета» хранится 5 томов (более 2000 страниц) перехваченной и прочитанной в XVIII – XIX вв. французской корреспонденции, а также три тома (872 страницы) с вскрытыми за это время ключами к шифрам Франции. Австрийцы также активно читали переписку Франции, в том числе Наполеона, Талейрана

■ 2012 – Год российской истории

и других министров, послов и т.д. Однако австрийским государственным структурам, в отличие от российских, не удалось должным образом использовать результаты работы своих дешифровальщиков, несмотря на успехи австрийского «черного кабинета», Наполеон смог разгромить австрийскую армию.

Larin D. F. «The black room» the Russian foreign Ministry against Napoleon.

Summary: *This article deals with the successful activity of the Russian Empire cryptographers against Napoleon and his troops. Also some organizational work aspects of interception of French army cipher messages are considered.*

Ключевые слова

Криптоанализ, шифр, дешифрование, Российский «черный кабинет», Кутузов, Александр I, Наполеон

Keywords

Cryptoanalysis, cipher, decrypting, Russian “black chamber”, Kutuzov, Russian Emperor Alexander I, Napoleon

Примечания

1. Соболева Т.А. История шифровального дела в России. М.: ОЛМА-ПРЕСС-Образование, 2002. С. 185.
2. Соболева Т.А. Указ. соч. С. 189.
3. Астрахан В.И., Гусев В.В., Павлов В.В., Чернявский Б.Г. Становление и развитие правительственной связи в России, Орел: ВИПС, 1996.
4. Там же.
5. Астрахан В.И. и др. Указ. соч.
6. Инструкция Начальнику Главного Штаба по управлению вышшей воинской полиции// ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 517, лл. 35–56 об. Копия. Опубликовано в статье: Документы русской военной контрразведки в 1812 г. / Публ., [вступ. ст. и примеч.] В. М. Безотосного // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. С. 50–68. [Т.] II—III. Электронная версия: <http://feb-web.ru/feb/rosarc/ra2/ra2-050-.htm>, http://www.runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=149884&PORTAL_ID=6430&SECTION_ID=6430
7. Астрахан В.И. и др. Указ. соч.
8. XVII, XVIII и первая половина XIX веков вошли в историю криптографии как эра «чёрных кабинетов» - специальных государственных органов по перехвату и дешифрованию переписки. В штат «чёрных кабинетов» входили криптографы-дешифровальщики, агенты по перехвату почты, специалисты по вскрытию пакетов, писцы-копировальщики, переводчики, гравёры, специализировавшиеся на подделке печатей, химики, их наличие было необходимо из-за активного использования стенографических методов защиты информации, так называемых невидимых чернил, специалисты по имитации почерков и так далее. Таким образом «чёрные кабинеты» состояли из высококвалифицированных специалистов в различных областях деятельности.
9. Черняк Е. Пять столетий тайной войны. М., 1991.
10. Kahn D. The codebreakers. N- Y: Macmillan Publ. Co., 1967.
11. Очерки истории внешней разведки. Т.1 / Под ред. Е.М. Примакова. М., 1997. С. 108.
12. Белоус В. Войны станут невидимыми // Независимое военное обозрение 2006. №32. С.7.
13. К 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 года. «Война и мир Александра Первого. Наполеон против России». Документальный фильм, эфир по каналу Россия 12.09. 2012. 15.00.
14. Это был номенклатор (шифросистема, объединяющая кодовую книгу и шифр замены). «Великий шифр» был предложен А. Россиньолю в XVII веке. Россиньолю был одним из выдающихся криптоаналитиков своего времени, его работа давала важную для Франции политическую и военную информацию. Король Франции Людовик XIII несколько раз посещал поместье близ Парижа, где жил Россиньолю для бесед с лучшим криптоаналитиком Франции, его сын Людовик XIV выделил Россиньолю в новом королевском дворце в Версале для работы персональный кабинет рядом со своими покоями. Оба короля высоко ценили талант Россиньоля и оказывали ему всяческие милости и платили весьма высокое жалованье.
15. Риксон Фред Б. Коды, шифры, сигналы и тайная передача информации. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. С. 45.
16. Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974. С. 59.
17. Здесь: М.Г. – милостливый государь, В.П. – Вашему Превосходительству.
18. Так тогда называли места расположения воинских подразделений.
19. Харкевич В.И. 1812 г. Березина. Приложения. СПб., 1893. С. 25.
20. Там же. С. 26.
21. Там же. С. 31.
22. Кудрявцев Н.А. Государево Око. Тайная дипломатия и разведка на службе России. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 466–467.
23. Кудрявцев Н.А. Указ. соч. С. 467.
24. Де Коленкур Арман Огюстен Луи. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. Электронная версия: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/kolencur/>
25. Де Коленкур. Указ. соч.
26. Де Коленкур. Указ. соч.
27. Де Коленкур. Указ. соч.
28. Кудрявцев Н.А. Указ. соч. С. 468.
29. Кутузов М.И. Письма, записки. М., 1989. С. 403.
30. Риксон Фред Б. Указ. соч. С. 45.
31. Пратт Ф. Секретно и срочно. М.-Л., 1939. С. 51–52.
32. Кан Д. Война кодов и шифров. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004.

Проблема самосознания французских и русских военнослужащих эпохи Наполеоновских войн

(по их мемуарам)

В.С. Калмыков

От эпохи Наполеоновских войн нас отделяет около 200 лет, но с каждым юбилейным годом возрастает интерес к этому времени и событиям. Наиболее яркой страницей того времени несомненно была Отечественная война 1812 г. О сражениях и ходе войны написано огромное количество книг и статей, но наибольший интерес представляют мемуары непосредственных участников событий, к которым относятся военнослужащие русской и французской армий. Они позволяют увидеть эпоху глазами непосредственных участников, понять их отношение к войне и противнику, определить их понимание своего долга.

Воспоминания участников событий субъективны и пристрастны, но дают возможность ощутить самосознание людей того времени, понять их поступки и увидеть Наполеоновские войны их глазами. Наиболее полно дух эпохи передают мемуары барона и генерала де Марбо, которого Артур Конан Дойль сделал прототипом своего литературного героя – бригадира Жерара. Генерал де Марбо происходил из дворянской семьи, а его отец начал свою военную службу в роте охраны короля Людовика XVI. Свои мемуары де Марбо писал для своей семьи. Они начинаются со слов: «Моя дорогая жена, мои дорогие дети, я был свидетелем, хотя и очень молодым, великой и страшной Революции 1789 г. Я жил при Конвенте и Директории, я видел Империю. Я участвовал в ее грандиозных войнах и чуть не был уничтожен при ее падении»¹. В этих словах полностью раскрывается судьба многих молодых французов. Их молодость пришлось на страшные

и великие исторические события, и именно они сформировали их характер и мировоззрение. Как пишет сам де Марбо, их семья «имела благородное происхождение, хотя довольно долго не использовала перед своей фамилией частицу «де»². Из этого можно сделать вывод, что де Марбо принадлежал к тому слою провинциального дворянства Франции, которое не отличалось богатством, а свое призвание видело в военной службе.

Революция во Франции, несомненно, отразилась на жизни таких провинциальных дворян. Хотя сам де Марбо был еще ребенком, он сумел передать атмосферу того времени: «Собрание Генеральных штатов, возбуждавших столько страстей, разрушило покой, в котором пребывала провинция... и посеяла раскол почти во всех семьях. Поскольку мой отец уже давно порицал злоупотребления правящих кругов Франции, он придерживался мнения, что изменения необходимы, совершенно не предвидя те ужасы, которые последуют за ними»³.

Калмыков Виталий Сергеевич – к.и.н., доцент кафедры зарубежной истории МГГУ им. М.А. Шолохова.
E-mail: newlofty@mail.ru

Статья подготовлена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013, Государственный контракт № 16.740.11.0420 от 03 декабря 2010 г.

Возникает вопрос, как де Марбо и его семья отнеслись к якобинскому террору и казни короля. Ответ на него также можно найти в его мемуарах. Вот что он пишет о состоянии отца, когда тот увидел повозку с приговоренными к гильотине: «Эта процессия привела моего отца в негодование... в присутствии своего адъютанта, в котором он был абсолютно уверен, не переставал восклицать «Эти жалкие члены Конвента испоганили революцию, которая могла быть так прекрасна»⁴.

Эта характеристика Конвента и революции, конечно, наивна и идеалистична, но именно такой взгляд на якобинский террор был распространен в армейской среде. Отношение офицеров и солдат на политику Конвента оказали на де Марбо и его ровесников несомненное влияние. В их сознании получило распространение убеждение в том, что изначально идеалы революции были чисты, но их испортили члены Конвента и прочие тыловики. Характерно замечание самого де Марбо: «Я понял все, что говорил отец по этому поводу, и также испытывал ненависть к этой партии террористов»⁵.

Можно задать вопрос: были ли офицеры и солдаты французской армии революционерами и якобинцами? Насколько сильно они верили в идеалы революции? Ответ на этот вопрос будет несколько парадоксальным: в первую очередь они были патриотами Франции и идеалистами. Часть из них имела стойкие республиканские убеждения, но в большинстве своем они были далеки от якобинства. В мемуарах де Марбо можно найти прямой ответ на данный вопрос: «Но почему же, возражат мне, ваш отец служил правительству, которое он презирал? Да потому, что он думал, что изгнать врага с территории Франции – это всегда дело его чести, которое освобождает военных от солидарности с теми ужасами, которые творил Конвент»⁶.

В принципе это и есть ответ на вопрос: кем были солдаты и офицеры армии Наполеона. В основном они были патриотами, защищающими Францию от внешнего врага. Можно возразить, что эти настроения были присущи только офицерам и выходцам из дворянских семей, но Филипп-Рено Жиро, служивший военным музыкантом в пехотном полку в своих мемуарах отмечает общий подъем патриотизма, охвативший французское общество. Как он пишет: «В Битве мы вновь встретились с офицерами-добровольцами. Это были, большей частью, молодые люди из хороших семей. Все они отправились служить своей стране за свой счет и только из патриотических побуждений»⁷.

Конечно, в период наполеоновских походов идея защиты Франции постепенно вытеснялась чувством превосходства над другими странами и идеей верности императору, но в своей основе мировоззрение многих французских солдат и офицеров было сформировано в эпоху Республики и оставалось глубоко патриотичным по своему содержанию. Что касается отношения солдат к якобинцам и Конвенту, то самую яркую характеристику дают мемуары Жиро. Его пехотный полк участвовал в сражении при Флерюсе

и, преследуя австрийцев, остановился у Льежа: «Здесь нас застало известие о падении Робеспьера, Сен-Жюста и других 9 термидора II года. Это событие было радостно встречено всем лагерем»⁸. Как это ни странно, армия Французской республики не была якобинской по своей сути, поэтому и армия Наполеона в дальнейшем не была революционной или якобинской. Это была национальная и патриотическая армия, в которой были представлены все социальные слои Франции.

Правда, к 1812 г. настроения во французской армии достаточно сильно поменялись, и патриотизм был разбавлен чувством имперского превосходства. Как писал вахмистр 2-го кирасирского полка Тирион: «Полные сил и надежд, гордые принадлежностью к великой нации и носимым мундиром, мы мечтали о славе, о продвижении по службе и победах»⁹. Война рассматривалась военнослужащими французской армии как своего рода жестокий спорт или рыцарский турнир. При чтении мемуаров французских офицеров возникает ощущение, что они искренне не понимали враждебного отношения к французам в Испании и России. Что касается прихода к власти Наполеона и провозглашение его императором, то отношение к этому французской армии точно выразил де Марбо, написавший: «Французская нация устала от революций и, видя, насколько Бонапарт был необходим для поддержания порядка, готова была забыть ужасное дело герцога Энгиенского и возвести Бонапарта на вершину власти, провозгласив его императором»¹⁰.

Для французского общества и армии того времени это был закономерный выбор, поскольку реставрация Бурбонов была наихудшим вариантом. Открытым остается вопрос о степени республиканских настроений во французской армии, которые, несомненно, имелись, но в основном Бонапарт рассматривался как лидер нации и защитник национальных интересов Франции. К тому же республиканские структуры власти были морально подорваны режимом Директории. Причины войны Франции с европейскими странами рассматривались в офицерской среде как происки и интриги Англии. Как пишет де Марбо, присоединение Генуи к Франции «дало прекрасный повод англичанам, воспользовавшимся подобным решением для того, чтобы напугать все народы континента, которым они представили Наполеона стремящимся захватить всю Европу»¹¹.

Такой, несколько наивный, взгляд на причины войны был характерен для офицеров и солдат французской армии. Следует отметить, что длительная война также формировала мировоззрение и самосознание французских военнослужащих. Война становилась привычной и обыденной вещью, источником славы и чинов, ее начинали даже любить. Вот что пишет в своих мемуарах капитан Паркен, офицер конно-егерского полка: «1 мая 1811 года бригада Фурнье покинула свое месторасположение, и мы прибыли в Сьюдад-Родриго, где присоединились к дивизии генерала Монбрена, самого блестящего полководца из всех... В тридцать лет

он был дивизионным генералом, графом Империи, получая сто тысяч франков жалованья вместе с обеспечением. Однако он находил удовольствие только в сражениях, предпочитая военные лагеря салонам»¹².

Читая мемуары французских офицеров о войне, можно удивляться тому куртуазному и рыцарскому поведению, которое они описывают, по отношению к своим противникам. Например, капитан Паркен, вспоминая первую встречу с англичанами, пишет следующее: «Командир де Вериньи, отдававший приказы линии бригадных стрелков и желая познакомиться с господами английскими офицерами, сказал мне: Паркен, вот бутылка превосходной французской водки, скачите галопом к английской линии, помашите белым платком и, когда к вам подъедут узнать, чего вы хотите, отвечайте, что предлагаете офицерам, находящимся в линии напротив, распить эту бутылку вместе с ними»¹³. Естественно, что такие эпизоды не определяли облик войны, особенно в Испании и России, но они показывают определенный менталитет военнотружущих французской армии, воспринимающих войну как рыцарский турнир. Это представление о войне скорее восходит к XVIII в. В какой-то степени армия наполеоновской Франции унаследовала его от прежней королевской армии.

Однако к 1812 г. в армии Наполеона все больше чувствуется усталость от долгой войны, а солдаты из иностранных частей воюют не из-за патриотизма, но за чины и награды. Свидетельства этому можно найти в мемуарах Хайнриха фон Брандта, служившего в Легионе Вислы. Перед походом в Россию он с другими офицерами Легиона побывал в Париже и оставил об этом такие впечатления: «Офицеры Легиона Вислы вынесли с собою из столицы Франции ... неодинаковые впечатления. Большинство было недовольно. Все мечтали о производствах, о наградах, об орденах, о дотациях. Чем скупее офицеры и солдаты награждались орденами в Испании, тем более надеялись они на награды здесь»¹⁴. Иностранцы части сильно разбавили состав «Великой Армии» и, несомненно, ухудшили ее качество. Иностранцы солдаты не имели никаких патриотических чувств по отношению к Франции и воевали за награды, чины и прочее.

Даже польские солдаты, наиболее верные союзники Франции, воевавшие за возрождение Польши, также были подвержены этим настроениям. В мемуарах фон Брандта можно встретить и экономического состояния герцогства Варшавского: «5 мая добрались до Познани. Впечатления, приобретенные нами на марше, были не из радостных. Повсюду мы встречали несчастья и бедность, торговля и промышленность не существовали; земледелие находилось в жалком положении; цены на хлеб упали чрезвычайно низко; все остатки жатвы шли не на рынок, а в военные магазины. Словом, везде господствовала нужда, неудовольствие, желание лучшего»¹⁵.

Это свидетельствовало не о процветании Империи Наполеона, а о ее истощении длительной

войной, которая утомила не только гражданское население, но и армию. К 1812 г. солдаты «Великой Армии» были менее дисциплинированы и более склонны к грабежам, чем во времена Республики. Вот как об этом пишет фон Брандт: «Бездельники французы, – говорили польские солдаты, – хозяйничают здесь (в России. – В.К.), как в Испании; но они ошибаются, если думают, что русские не отплатят им тем же; придет время и для них»¹⁶. За долгие годы война стала для офицеров и солдат наполеоновской армии своего рода профессией и образом жизни. Никто не задумывался о причинах войны с Россией. Как пишет фон Брандт: «Молодые же офицеры были преисполнены наилучшими надеждами: они крепко веровали в звезду императора, и я думаю, если бы он потребовал атаковать луну, молодежь ответила бы: «marchons» (здесь в значении: пойдём. – В.К.). Молодые воины мечтали лишь о сражениях и победах»¹⁷.

Такие настроения были распространены среди офицеров и солдат наполеоновской армии в начале похода в Россию. Война представлялась им короткой и победоносной, приносящей награды и чины. Однако нельзя сказать, что «Великая Армия» образца 1812 г. была лучшей армией Франции по своему качественному составу. Например, де Марбо считает, что лучшей армией Франции была «Великая Армия» образца 1805 г.: «Никогда еще у Франции не было более подготовленной и образованной армии, с таким превосходным по качеству личным составом...»¹⁸.

Определенную трансформацию морального состояния своей армии чувствовал и Наполеон, пытавшийся перед походом в Россию вдохновить солдат уставами эпохи Республики: «Перед вступлением на русскую землю нам были прочитаны для напоминания правила об обороне крепостей и о капитуляции в открытом поле, написанные еще во времена республики (26 июля 1792 года. – В.К.) и пополненные новыми императорскими постановлениями»¹⁹.

Такая попытка говорит о стремлении Наполеона вернуть своей армии боевой дух прошлых лет, связанный с патриотическими настроениями. Однако в 1812 г. французская армия уже не была национальной и патриотической, она в большей степени стала императорской. В принципе можно составить обобщенный портрет солдата или офицера «Великой Армии» того времени. Отличительными чертами их мировоззрения были чувства чести и долга по отношению к Франции и Императору, несомненная храбрость и верность своему знамени и подражательность. Многим офицерам был свойственен своеобразный дух рыцарства и отношение к войне, как жестокому спорту. Все это было смешано с чувством превосходства над другими народами и склонностью к грабежу местного населения. Следует отметить отсутствие религиозности среди военнотружущих «Великой Армии». Эта сторона жизни обошла их стороной. Религиозное чувство у других народов вызывала у них искреннее удивление.

Как вспоминает сержант Бургонь, во время похода в Россию его удивила религиозность русских: «В тот день я был в авангарде еще с пятнадцатью товарищами и мне поручили стеречь нескольких офицеров, оставшихся в плену после Бородинского сражения. Многие из них говорили по-французски. Между ними находился, между прочим, и православный поп, вероятно полковой священник... Я заметил, как и многие другие, что, когда мы взобрались на холм, все пленные склонили головы и несколько раз набожно осенили себя крестным знамением. Я подошел к священнику и осведомился, что означает эта манифестация. «Сударь, – отвечал он, – гора, на которой мы находимся, называется Поклонной, и всякий добрый москвич при виде святынь города обязан перекреститься»²⁰.

Как справедливо отмечает В.Н. Земцов: «Эпоха Великой революции, захлестнувшая безбожием и атеизмом французскую нацию, была не так далека»²¹. Аббат Сюрюг, настоятель церкви Св. Людовика в Москве, отметил, что французские солдаты отличаются безразличием к религии. В письме к своему другу он отметил, что: «Среди 12 тысяч человек, умерших во время нахождения здесь (в Москве. – В.К.), я похоронил по обычному обряду только одного офицера и одного из слуг генерала Груши»²². Таким образом, можно сказать, что военнотружущие «Великой Армии» в своей массе были людьми нерелигиозными, но личность Наполеона задела в их душе Бога. Это был один из феноменов наполеоновской эпохи и основной идеологический стержень французской армии. Русские солдаты и офицеры впервые встретились в бою с французами еще в Италии, во время похода А.В. Суворова.

В дальнейшем русская армия сражалась с французской с небольшими перерывами до 1814 г. За это время солдаты и офицеры русской армии составили определенное мнение о своих противниках, но самое первое впечатление о французах они вынесли из «Италийского похода» А.В. Суворова. Вот как отзывался о французах и сражениях с ними унтер-офицер Яков Михайлович Старков, описывая сражение при Треббии: «Битва была насмерть. Наши невольно пятились назад; а безбожники гордо, пышно шли вперед, с игрою музыки и с громким криком: Вив республик! Вив либерте-эгалите!»²³.

Солдаты русской армии отметили храбрость и патриотизм французов, но в отличие от своих противников они были людьми религиозными. Французы воспринимались ими как безбожники. В войне 1812 г. этот фактор играл огромную роль. Как писал Д.С. Мережковский о Бородинском сражении: «Может быть, не только французы и русские, но и люди вообще никогда не дрались с таким ожесточением и с такою равною доблестью, потому что за святыни равные: французы за мир и Человека, русские за отечество и еще что-то большее, сами не знали за что – думали «За Христа против Антихриста»²⁴.

Патриотизм русских солдат и офицеров, их верность присяге и своему знамени столкнулись с патриотизмом французов и их верой в Наполеона.

В этом духовном столкновении их силы были практически равны, но русские рассматривали эту войну как борьбу с захватчиком, поэтому перевес в моральных силах был на их стороне. Фактически только русская армия в то время была достойным противником французов на поле боя. Старшие офицеры русской армии отдавали должное храбрости французов и военному таланту Наполеона. Еще А.В. Суворов так отзывался о молодом Бонапарте: «О, как шагает юный Бонапарт! Он герой, он гигант, он колдун! Он побеждает и природу, и людей. Лишь только вступил на путь военачальничества, как уж он разрубил Гордиев узел тактики. Пока генерал Бонапарт будет сохранять присутствие духа, он будет победителем... Но ежели... бросится он в вихрь политический, ежели изменит единству мысли – он погибнет». Как отмечает Л.Л. Ивченко, русские полководцы, помнившие царствование Екатерины II, осуждали Бонапарта за «преступное самовластье»²⁵.

Если доводить мысль до конца, то в их представлении Наполеон был незаконным императором. Получив власть, он должен был вернуть ее законной династии Бурбонов. Такая постановка вопроса для Франции и ее общества того времени была бессмысленна. Ни армия, ни французское общество не поддержали бы Бонапарта в таком политическом вопросе. Даже если бы он и хотел передать власть Бурбонам, у него не было для этого никакой возможности. Однако для русских офицеров, считавших монарха помазанником божьим, вопрос о законности власти был решающим.

Военный талант Наполеона и доблесть французской армии вызывали восхищение у русских офицеров. Наиболее ярко описал это в своих мемуарах Д.В. Давыдов, которого трудно заподозрить в любви к Наполеону. Описывая бой под Красным, он искренне восхищался старой гвардией Наполеона: «Наконец, подошла старая гвардия, посреди коей находился сам Наполеон. Неприятель, увидев шумные толпы наши, взял ружье под курок и гордо продолжал путь, не прибавляя шагу. Сколько ни покушались мы оторвать хотя одного рядового от сомкнутых колонн, но они, как гранитные, пренебрегали все усилия наши и остались невредимыми... Я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сих всеми родами смерти угрожаемых воинов! Осененные высокими медвежьими шапками, в синих мундирах, в белых ремнях с красными султанами и эполетами, они казались как маков цвет среди снежного поля!»²⁶. Эту цитату часто приводят в статьях, посвященных армии Наполеона, поскольку в ней дается прекрасная характеристика боевых качеств гвардейцев Наполеона, данная современником. Как справедливо отмечает Л.Л. Ивченко, русские офицеры откровенно восхищались военным гением Наполеона и французской армией. Они откровенно сочувствовали маршалу Нею, приговоренному к смерти после поражения Наполеона при Ватерлоо²⁷.

Фактически сложилась парадоксальная ситуация, когда офицеры вражеской армии восхищались противником и проявляли к нему сочувствие.

Происходило это вследствие того, что солдаты и офицеры русской и французской армий в большинстве своем были искренними патриотами, а понятие чести и долга не было для них пустым звуком. В моральном отношении силы обеих армий были равны, а мировоззрение военнослужащих опиралось на патриотизм и верность долгу. В заключение следует сказать несколько слов о войнах Франции и России, длившихся с перерывами с 1799 по 1814 г. Они не были спровоцированы личностями Наполеона или Александра I, проблемы этого конфликта лежали гораздо глубже. Наполеон мог погибнуть в сражении при Арколе или в Египте, но Французская республика и ее противоречия с государствами Европы и Англией никуда не исчезли бы. Не исчезло бы и отрицательное восприятие Франции при королевских дворах Европы и в России, а на месте Бонапарта мог оказаться и другой генерал. Поэтому создание антифранцузских коалиций и военные кампании, направленные против

Франции, были объективным явлением. Участие в этих коалициях России тоже было весьма вероятно, поэтому дело не в личностях Наполеона или Александра I.

Kalmykov V.S. The Problem of Self-Consciousness of the French and Russian Soldiers Era of the Napoleonic Wars (in their Memoirs).

Summary: *From the era of the Napoleonic wars separate us for 200 years, but with each anniversary year the interest in this time and events. The brightest page of that time was undoubtedly the Patriotic War of 1812. About the battle and the war written numerous books and articles, but most interesting are the memoirs of direct participants in the events, which include the armed forces of the Russian and French armies. They allow you to see the era of the Napoleonic Wars through the eyes of those directly involved, to understand their attitude to the war and the enemy, to determine their understanding of their duty.*

Ключевые слова

Эпоха наполеоновских войн, Отечественная война 1812 г., мемуары французских и русских военнослужащих, генерал де Марбо, сержант Бургонь, капитан Паркен, майор Х. фон Брандт, партизан Д.В. Давыдов

Keywords

The Napoleonic Wars, War of 1812, the memoirs of French and Russian troops, General de Marbot, Sergeant Bourgogne, Captain Parks, Major H. von Brandt, a guerrilla D.V. Davydov

Примечания

1. Мемуары генерала барона де Марбо. М., 2005. С. 10-11.
2. Там же. С. 12.
3. Там же. С. 16.
4. Там же. С. 20-21.
5. Там же. С. 21.
6. Там же. С. 21.
7. Воспоминания Жиро // Воин. 2004. № 16; 2005. № 18. С. 65.
8. Там же. С. 72.
9. Воспоминания вахмистра 2-го кирасирского полка о кампании 1812 г. // Сержант. 2003. № 26. С. 44.
10. Мемуары генерала барона де Марбо. С. 125.
11. Там же. С. 131-132.
12. Воспоминания капитана Паркена // Воин. 2003. № 11-12. С. 63.
13. Там же. С. 85.
14. Поход в Россию: Из записок прусского офицера // Армии и Битвы. 2005. № 4; 2006. № 5. С. 19-21.
15. Там же. С. 22.
16. Там же. С. 10.
17. Там же. С. 15.
18. Мемуары генерала барона де Марбо. С. 132.
19. Поход в Россию. С. 10.
20. Бургонь, Адриан-Жан-Батист. Мемуары. М., 2003. С. 12.
21. Земцов В.Н. Смерть Фердинанда Ларибуазьера // Император, 2004, № 6. С. 39.
22. Там же. С. 40.
23. Преснухин М.А. Битва на Треббии 1799 г. М., 2001. С. 90.
24. Мережковский Д.С. Наполеон. М., 1993. С. 211-212.
25. Ивченко Л.Л. Наполеон глазами русской армии // Император. 2006. № 9. С. 34.
26. Давыдов Д.В. Стихотворения. Проза. М., 1987. С. 310-312.
27. Ивченко Л.Л. Указ. раб. С. 37

Роль немецкой диаспоры в российско-германских отношениях

П.И. Касаткин, В.С. Курске, И.А. Валиев

Немецкая диаспора играла и продолжает играть значимую роль в российско-германских отношениях. Она очень важна в сфере гуманитарного сотрудничества, культуры и образования. Ключевыми акторами при этом являются Германия как «внешняя родина», сама немецкая диаспора и Россия как «страна проживания». В своей деятельности в отношении российских немцев все три стороны руководствуются различными принципами и целями, что иногда приводит к трениям и конфликтам. Но в целом можно констатировать, что российские немцы стали конструктивным связующим звеном между Германией и Россией.

Немецкая диаспора является одной из старейших и влиятельных в России. Опираясь на модель Роджерса Брубейкера, мы проводим анализ позиций трех вовлеченных во взаимодействие сторон: Германии, немецкой диаспоры и России. В настоящее время отношения всех вовлеченных акторов носят в большей степени конструктивный и бесконфликтный характер. Гарантированное право на репатриацию и полноправное гражданство процветающей и стабильной исторической родины действует на немецкие диаспоры одновременно как магнит и абсорбент. Несмотря на экономические сложности, Германия продолжает выступать в качестве центра притяжения для немцев всей Восточной Европы.

Предоставив такие права, ФРГ стимулировала устойчивую массовую репатриацию немцев из мест их компактного проживания¹. Для германского правительства и общественности нет никакого сомнения, что российские немцы являются их соотечественниками в силу этнической принадлежности. Для Москвы немцы в России

выступают в качестве соотечественников из-за наличия у них российского гражданства и паспортов. Кроме того, власти РФ высказывают идею о том, что репатриировавшиеся в ФРГ немцы из стран СНГ должны стать предметом заботы и помощи со стороны России. То есть теперь уже Кремль претендует на то, чтобы рассматривать живущих в Германии выходцев из стран бывшего СССР как своих соотечественников. В этой связи складывается сложный клубок лояльностей и идентичностей. При этом организации российских немцев стремятся угодить и российским, и германским властям и поступают в соответствии со старой русской пословицей: «Ласковый теленок двух маток сосет».

Принципы политики ФРГ и РФ в отношении немецкой диаспоры в России

Российские немцы являются объектом совместной опеки и поддержки германского и российского правительств. Термин «российские немцы» чаще всего используется в отношении всех немцев,

Касаткин Петр Игоревич – к.полит. н., начальник отдела докторантуры и аспирантуры, ст.преподаватель кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России. E-mail: kasatkin@mgimo.ru

Курске Владислав Сергеевич – к.с.н., ст. преподаватель кафедры публичной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: kurske@yandex.ru

Валиев Ильдар Айдарович – аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России. E-mail: ildarvaliev@mail.ru

Статья выполнена в рамках реализации научно-исследовательского проекта по гранту Российского гуманитарного научного фонда 12-03-00649 «Теория и практика межкультурного взаимодействия в контексте европейской безопасности».

проживающих в странах СНГ. Немецкие диаспоры наиболее многочисленны в России (597 тыс. чел. – 2002 г.²) и Казахстане (178 тыс. чел. – 2009 г.³). Несмотря на проживание в различных условиях, в общественном сознании и практике международных отношений российские немцы на всем постсоветском пространстве воспринимаются как единая этническая группа. Их культурное и социально-экономическое развитие является одной из ключевых проблем внешнеполитической активности Германии.

Немецкий культурный центр им. Гете (Гете-Институт), осуществляющий по поручению МИД ФРГ программы поддержки немецкого меньшинства в России, руководствуется таким определением этой целевой аудитории: «Российские немцы – это люди, принадлежащие к немецкому меньшинству, проживающие на территории России, а также исторически и политически связанных с ней областях (Казахстане, Киргизии, Узбекистане, Украине, Таджикистане и других республиках СНГ)»⁴. Германская сторона таким образом продолжает поддерживать представление о российских немцах как эквиваленте советских немцев, объединяя и немцев Казахстана, и немцев Грузии, и немцев Украины, и всего СНГ в одну группу.

Проблематика российских немцев рассматривается Берлином в более широком контексте – как одна из составляющих политики поддержки немецкого населения в странах Восточной Европы и Центральной Азии. К примеру, миссия и географический охват Гете-Института по этому направлению деятельности определены так: «Представительства Гете-Института в странах Балтии, Грузии, Казахстане, Киргизии, Польше, Румынии/Молдавии, Российской Федерации, Словении, Словакии и Чешской Республике, Украине, а также Венгрии осуществляют специальные проекты в пользу немецкого меньшинства»⁵.

Уполномоченный федерального правительства Германии по делам переселенцев и национальных меньшинств Кристоф Бергнер рассматривает проблематику в еще более глобальном масштабе. В сферу своей профессиональной ответственности он включает немецкие и немецкоязычные меньшинства:

- Западной Европы (Дании, Италии, Франции, Голландии);
- Восточной и Центральной Европы (Чехии, Словакии, Польши, стран Балтии, территории бывшей Югославии, Румынии, Венгрии);
- стран СНГ;
- государств Латинской Америки и Южной Африки.

Можно констатировать, что германская бюрократия старается выработать целостную политику и единые принципы поддержки немцев за пределами страны. То есть, принимая программу помощи немецкому меньшинству в том или ином регионе, в Берлине стараются исходить из общей картины положения немцев за рубежами ФРГ. Таким образом, проблематика российских немцев оказывается не изолированным феноменом, а, наоборот, значи-

мым элементом выраженного стремления ФРГ поддержать немецкие меньшинства во всем мире.

Другим фактором, влияющим на политику Германии в отношении немцев СССР/СНГ, является проблематика «изгнанных». Это крайне острая и болезненная тема в общественно-политическом пространстве страны. По результатам Второй мировой войны от Германии в пользу Польши, Чехословакии и СССР (РСФСР и Литвы) были отторгнуты области на востоке Германии. Граница немецких государств (ГДР и ФРГ) проводилась по линии Одер–Нейсе. Все территории рейха восточнее нее отходили ее соседям:

- Чехословакия получила Судетскую область;
- Польше достались Силезия, Западная и две трети Восточной Пруссии, Восточный Бранденбург, Вольный город Данциг (польск. – Гданьск), а также округ Штеттина (польск. – Щецин);
- в состав Литвы был включен Мемель (лит. – Клайпеда);
- к РСФСР отошел Кенигсберг и примерно треть Восточной Пруссии (ныне – Калининградская область).

Все немецкое население этих регионов в насильственном порядке выдворялось на территорию Германии в ее нынешних границах, то есть либо в советскую зону оккупации (будущая ГДР), либо в зону оккупации союзников (будущая ФРГ)⁶. В ходе этих операций депортации подвергались также немецкие меньшинства Восточной Европы, проживавшие за пределами данных областей. Порядка 14 млн человек были вынуждены покинуть места своего постоянного жительства в Центральной и Восточной Европе и только 12 достигли Германии живыми⁷. Остальные погибли от голода и жажды или были убиты в столкновениях с поляками и чехами. В основном депортации завершились к 1950 г., когда Польша и Чехословакия выдворили основную массу немецкого населения со своих территорий.

В 1953 г. правительство ФРГ приняло закон об «изгнанных», который дал право этническим немцам из стран Восточного блока переезжать в Западную Германию. В соответствии с ним на гражданство этой страны имели право все этнические немцы, живущие за границей. Германия признала свою ответственность перед всеми немцами, которые подвергались дискриминации, будь то депортации из Польши и Чехии в Германию либо преследования по этническому принципу в странах проживания. Репатриация российских немцев осуществлялась и продолжает базироваться именно на этом правовом документе. Землячество немцев из России входит в состав влиятельного Союза изгнанных (Bund der Vertriebenen)⁸. Она включает в себя 20 землячеств, 16 региональных объединений и 4 присоединенные членские организации, состоящие из «изгнанных немцев» (die Vertriebenen), «переселенцев»⁹ (die Aussiedlern) и «поздних переселенцев»¹⁰ (die Spätaussiedlern). Руководство этого союза довольно близко к элите ФРГ консервативной ориентации. Оно пользуется неизменной поддержкой Христианско-Демокра-

тической партии (ХДС-ХСС) и лично канцлера Ангелы Меркель¹¹. По ее мнению, Германия несет моральную ответственность перед немцами Восточной Европы как жертвами развязанной нацистским режимом Второй мировой войны. Таким образом, поддержка российских немцев является значимым элементом политики «ответственности и искупления прошлого».

Значимым моментом в отношении Германии к немецким меньшинствам является положение немецкого языка в мире. На текущий момент сфера его изучения и применения неуклонно сокращается. Он отступает под давлением английского, который уже стал языком глобализации и международных коммуникаций. Нынешняя элита Германии высказывает опасения по этому поводу. Правительство выделяет большие финансовые и организационные средства для популяризации немецкого языка по всему миру. При этом немецкое меньшинство воспринимается как естественный проводник немецкой культуры в том или ином регионе. Неслучайно Берлин поручил именно Гете-Институту реализовывать культурные и образовательные проекты в пользу немецких меньшинств Восточной Европы. Ведь эта структура является ключевой организацией в политике поддержки и популяризации немецкого языка.

Наконец, в недавнем прошлом на политику в отношении немецких меньшинств заметное влияние оказывала идеология. Осуществляла политику репатриации, Западная Германия доказывала свое превосходство над Восточной Германией. Это давало Бонну возможность говорить как бы от лица всех немцев. Более того, люди, бежавшие из ГДР, также рассматривались федеральным правительством как «изгнанные», то есть социалистический режим маркировался как преступный. К тому же репатрианты из Восточного блока, в отличие от немцев Латинской Америки или Африки, не должны были доказывать факт притеснений и дискриминации в местах своего проживания. ФРГ таким образом косвенно осуждала политику социалистических стран в отношении немецкого меньшинства. Рудименты этой политики сохраняются в текущем немецком законодательстве. Например, эмигрировать в ФРГ не могут немцы, занимавшие в советское время высокие посты. Особенно жестко это правило соблюдается в отношении немцев, служивших в армии, МВД, других силовых структурах, а также в партийном и советском аппарате. Германская сторона воспринимает этих людей как «пособников преступного режима». Эта позиция, по сути, является продолжением политики денацификации и декоммунизации, осуществленной в самой Федеративной Республике.

Позицию Берлина в отношении российских немцев можно резюмировать словами Кристофа Бергнера, уполномоченного Федерального правительства Германии по делам переселенцев и национальных меньшинств: «Мы просто обязаны помогать своим соотечественникам, пострадавшим от последствий Второй мировой войны. И тем из них, кто желает выехать на историче-

скую родину, мы даем такую возможность. Тем же, кто решил остаться в России, мы помогаем восстановить и сохранить свой язык и культуру. В начале 1990-х гг. и до конца прошлого века наше основное внимание было сконцентрировано на приезжающих в Германию – их было очень много. Теперь ситуация кардинально изменилась – людской поток сильно уменьшился. Причины здесь разнообразные. Прежде всего, социально-экономическая ситуация в нашей стране серьезно улучшилась. А в Германии для переселенцев ужесточились законодательные барьеры. Поэтому в своей деятельности мы сместили акценты на помощь немцам, оставшимся жить здесь. И в этом плане мы очень плодотворно сотрудничаем с титульной нацией – русскими. В частности, эффективно, на мой взгляд, работает межправительственная российско-германская комиссия, позволяющая консолидировать наши усилия»¹².

Политика ФРГ в отношении российских немцев осуществляется в общем контексте международной деятельности Берлина. Ключевыми «проблемными полями», определяющими ее вектор являются:

- программы помощи и поддержки Германией немецких меньшинств в мире;
- политика признания ответственности и искупления вины перед немцами Восточной Европы как жертвами Второй мировой войны;
- задача поддержки и популяризации немецкого языка;
- наследие идеологического противостояния со странами Восточного блока.

Позиция российских властей в отношении немецкого меньшинства также находится в зависимости от нескольких социально-политических факторов. «Немецкий» вопрос является только одной из составляющих «национальной политики» исполнительной и законодательной власти как федерального, так и регионального уровня. Отношение к проблемам российских немцев во многом является производной от тех общих решений и целостного видения властями этнической проблематики. Несмотря на то что сейчас нет отдельного ведомства по национальной тематике, это поле очень четко конструируется и контролируется современными политическими и административными структурами России.

Федеральный центр старается создать общую рамку для осуществления национальной политики, предлагая набор типовых решений тех или иных этнокультурных проблем. Этническим группам, не имеющим своих территориально-государственных автономий, предлагается институт национально-культурных автономий и просветительских центров как единственно возможный способ сохранения этнической специфики и культурного возрождения. Чиновники не устают повторять, что главная цель любой «этнонациональной» политики заключается в воспитании лояльных граждан Российской Федерации. Они подчеркивают, что в первую очередь видят перед собой не финнов, якутов, поляков, русских и так далее, а россиян¹³.

При этом отмечается, что проблемы этнических меньшинств должны решаться комплексно и рассматриваться в широком контексте. «Немецкий» вопрос воспринимается как равноценный и взаимосвязанный с «еврейским», «татарским», «корейским» и т.д. То есть никакой особой немецкой политики быть не должно.

Но она есть, и здесь мы сталкиваемся с влиянием других факторов. Ими являются, с одной стороны, необходимость выстраивания добрососедских взаимоотношений Германии и России, а с другой – политика памяти. Немецкое меньшинство видится Москвой в качестве значимого инструмента взаимодействия и кооперации с ФРГ. Региональными властями (Алтайский край, Омская и Ульяновская области и др.) оно рассматривается как ресурс для привлечения германских инвестиций. Чиновники различного уровня подчеркивают положение этой группы населения как естественного посредника между Россией и Европой.

Скрытым мотивом действий Москвы является стремление избежать формирования лояльности немецкого этнического меньшинства в пользу ФРГ. Это заставляет реализовывать специальные программы, включающие элементы «патриотического воспитания». Примером может служить тот факт, что в 2010 г. тема конференции Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев была скорректирована по требованию Министерства регионального развития. После замены «этнической идентичности» на «гражданскую идентичность» новое название конференции стало звучать так: «Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков»¹⁴. Аналогичным образом курс тренингов по актуализации этнической идентичности, проводимый с 2008 г. Немецким молодежным объединением, был изменен и дополнен компонентом «гражданская идентичность».

«Политика памяти» в российских реалиях связана с признанием властями преступлений коммунистического режима и ужасов сталинских репрессий. Она прочно связана с проблемой демократизации страны. Российские немцы являются этнической общностью, подвергшейся в советский период коллективной дискриминации (депортация, трудармия, режим спецпоселения, ограничение в правах). Именно в периоды либеральных реформ («оттепель», «перестройка») проблемы этой группы обретали актуальность и остроту в социально-политическом и информационном пространстве страны.

Признание преступности решения Сталина о депортации немецкого населения СССР неминуемо ставит вопрос об ответственности и реабилитации. Вплоть до распада Советского Союза логичным и юридически обоснованным виделось восстановление Немецкой республики на Волге или учреждение иной формы территориальной автономии для советских немцев¹⁵. Современная Российская Федерация не рассматривает возмож-

ность предоставления немецкому населению какой-либо формы государственности. Но в силу исторической инерции и давления со стороны уже оформившегося национального немецкого движения руководство России приняло ряд мер по удовлетворению этнокультурных потребностей немцев.

Примерами служат две федеральные целевые программы: «Программа развития социально-экономической и культурной базы возрождения российских немцев на 1997 – 2006 гг.»¹⁶ и программа «Социально-экономическое и этнокультурное развитие российских немцев на 2008 – 2012 гг.»¹⁷. Однако срок реализации этих проектов заканчивается в 2013 г. и, скорее всего, они не будут пролонгированы. В связи с этим лидеры некоторых общественных организаций российских немцев высказывают определенные опасения. По их мнению, десталинизация российского общества являлась и продолжает оставаться необходимым элементом реабилитации и успешной интеграции немецкого меньшинства в России.

На текущий момент социологи фиксируют феномен «исторической амнезии» большинства россиян: граждане знают о преступлениях сталинского режима, но отказываются давать им моральную оценку, осуждать их. Опросы свидетельствуют о росте симпатий к фигуре Сталина и о превращении его имени в символ Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.¹⁸. Таким образом, формирующий в России «культ Великой Победы» обеляет самого Сталина и заставляет усомниться в том, что действия в отношении советских немцев были преступны. В Интернете уже появляются многочисленные материалы, рассказывающие о необходимости и обоснованности «эвакуации» немцев Поволжья и европейской части Союза в Сибирь и Казахстан¹⁹. От российских немцев все более настойчиво требуют предать забвению «прошлые обиды» и «двигаться дальше»²⁰.

Материалы «Московской немецкой газеты» свидетельствуют о том, что модель «виктимизации», свойственная немецкому меньшинству в 1980–1990 гг., постепенно замещается стратегией «принятия собственной истории». При этом акцент все активнее переносится с проговаривания проблем групповой травмы на героизацию вклада российских немцев в Великую Победу. Примером может служить реализованная сайтом www.rusdeutsch.ru акция «Они приближали Победу. К 65-летию Победы». В рамках этого проекта говорилось о судьбах немцев, работавших на производстве, а также рассказывались единичные истории тех, кто воевал на фронтах, в советской разведке и партизанском движении. Авторы материалов стремились показать патриотизм советских граждан немецкого происхождения, подчеркнуть их лояльность. «Сотни тысяч российских немцев были мобилизованы в годы войны в рабочие колонны. Они ковали металл Победы, приближали ее своим трудом, кто на заводе, кто на стройке, кто на лесоповале. Тысячи немцев получили статус «труженик тыла»... Самым несправедливым ста-

рики до сих пор считают тот факт, что им не дали возможность воевать за Родину – Россию»²¹.

В целом отношение российского правительства к российским немцам определяется следующими факторами:

- общие принципы национальной политики;
- взаимоотношения с ФРГ;
- «политика памяти» и отношение к преступлениям сталинского режима.

Будучи жертвами двух тоталитарных режимов – гитлеровского и сталинского, – немецкое население современной России получает помощь для возрождения и сохранения своей культуры со стороны как РФ, так и ФРГ.

Формы и методы поддержки российских немцев

В 2010 г. Германия выделила порядка 10 млн евро на этнокультурное возрождение российских немцев. При этом чуть меньше 9 млн расходовалось через Министерство внутренних дел и 1,5 млн – Министерство иностранных дел. Общее руководство программами поддержки осуществляется уполномоченным Федерального правительства Германии по делам переселенцев и национальных меньшинств, являющимся одновременно членом парламента ФРГ. Ежегодно он делает доклад о положении немецкого меньшинства в Восточной Европе и Центральной Азии.

МВД Германии по договоренности с российской стороной привлекает для организации всей работы по программам поддержки посредническую организацию. На текущий момент ею является Германское общество по техническому сотрудничеству – ГТЦ (Deutsche Gesellschaft für Technische Zusammenarbeit GTZ). Это одно из крупнейших в мире предприятий, оказывающих услуги по техническому сотрудничеству развивающимся странам и странам с переходной экономикой. Задача сотрудничества заключается в «повышении эффективности работы людей и организаций путем передачи им знаний и навыков, мобилизации этих знаний или совершенствования предпосылок для их применения»²². У ГТЦ/GTZ есть свои филиалы в России и СНГ, распределяющие между собой территории ответственности. К примеру, с июня 1993 г. в Алтайском крае действует «Общество развития Гальбштадт»; в Новосибирской области в ноябре 1993 г. было основано «Общество развития Новосибирск»; за ведение дел на Украине с октября 1993 г. отвечает «Общество развития Одесса».

В первой половине 1990-х гг. в России по поручению немецкого правительства действовали и другие гуманитарные организации. Кредитное общество возрождения (KfW) и Объединение немецких культурных связей за границей (VDA) занимались преимущественно теми же проблемами, что и ГТЦ, но концентрировали свои усилия на других регионах Российской Федерации. Так, VDA работало на Волге, в местах прежнего компактного проживания поволжских немцев, KfW – в Омской области, где находится Немецкий национальный

район Азово. Однако в 1996 г. ГТЦ добилась от правительства ФРГ монопольного права в реализации нового проекта для российских немцев – «Брайтенарбайт»/«Breitenarbeit», в рамках которого ГТЦ поручалась организация курсов немецкого языка по всей территории России. Эта работа стала ключевой в деятельности центров немецкой культуры, она дополнялась различными кружками (хорового пения, народного танца, литературные кружки и т.д.) и клубами по интересам (клубы для пожилых людей и трудармейцев, молодежные клуб, клубы для бизнесменов, женские клубы и т.д.). ГТЦ одновременно финансировало организации различного уровня: от местных до федеральных.

Следует учитывать тот факт, что ГТЦ является коммерческой структурой, и порядка трети выделяемых Германией на нужды российских немцев средств уходило на оплату услуг самой ГТЦ. Непрозрачность конкурсов по отбору проектов и недоступность финансовой отчетности спровоцировали трения ГТЦ с крупными организациями российских немцев. Их руководители заявили, что ГТЦ не действует как беспристрастный посредник, а дублирует функции российских организаций и слишком откровенно вмешивается в дела немцев России, используя предоставляемые ей средства для манипулирования и политического контроля.

На сегодняшний день наблюдается существенное перераспределение ресурсов, направляемых на поддержку немецкого меньшинства в России. Структуры самоорганизации российских немцев, созданные по инициативе Международного союза немецкой культуры (МСНК), стремятся добиться передачи в их ведение компетенции ГТЦ. МСНК на текущий момент является наиболее влиятельной и крупной организацией российских немцев и, несмотря на неконкретность названия и заявленную «международность», представляет именно их интересы. В 2008 г. ему удалось реализовать первый «пилотный» проект, когда в ведение МСНК были переданы вопросы распределения средств из Германии и реализации программ этнокультурного развития немцев, живущих в Уральском и Центральном федеральных округах.

Пафос данной реформы заключался в том, что российские немцы хотели сами определять, на что и в каких объемах должны тратиться выделенные Берлином суммы. Это позволило снизить операционные расходы и сделать все процедуры более демократичными. В 2009 и 2010 гг. были реализованы второй и третий «пилотные» проекты, в результате которых МСНК принял ответственность за организации российских немцев Урала, Сибири и Дальнего Востока, а за ГТЦ оставлена только функция финансового мониторинга. На всей территории Российской Федерации вопросы финансовой, организационной и иной деятельности решают теперь Межрегиональные координационные советы, в которые включаются все имеющиеся на той или иной территории немецкие культурные центры. Выйдя на прямой диалог с германским правительством, немцы на территории России добились довольно существенной степени

самоуправления и автономии. Этого, к сожалению, не происходит ни в Казахстане, ни в Украине, ни в других странах СНГ.

В качестве официального представителя российских немцев, репатрировавшихся в Германию, выступает Землячество немцев из России. Оно получает небольшие средства от МВД Германии, а также от министерств федеральных земель (к примеру, от Министерства внутренних дел, спорта и интеграции Земли Нижняя Саксония) для осуществления партнерских проектов с российской стороной (в лице МСНК, региональных центров немецкой культуры и российско-немецких домов).

Министерство иностранных дел Германии финансирует культурные проекты через свои собственные каналы. Ключевыми получателями средств являются в данном случае Немецкий культурный центр им. Гете (Гете-Институт), Германская служба академических обменов (DAAD), посольство и консульства ФРГ в Российской Федерации, а также ряд иных организаций, осуществляющих международные инициативы. К числу последних относится, к примеру, Институт внешних связей²³, поддерживающий славгородскую немецкоязычную газету «Zeitung für dich»/«Газета для тебя» (Алтайский край).

Гете-Институт ежегодно выделяет несколько десятков стипендий для обучения российских немцев на интенсивных языковых курсах. При этом от соискателя требуется написать автобиографию с указанием своего немецкого происхождения и мотивационное письмо, а также предоставить рекомендации от местной немецкой организации, института, отделения ГТЦ. В 2010 г. Гете-Институт начал реализовывать проекты совместно со структурами самоорганизации немцев в России. Вместе с МСНК он патронирует проект «Авангард», призванный воспитать новую немецкую элиту.

В рамках двух программ стажировок DAAD резервируется определенная квота для российских немцев. Подавая заявку на «Летние вузовские курсы немецкого языка в Германии» и/или «Семестровые стипендии для германистов-филологов», необходимо сделать пометку RD (Russlanddeutsche/«Российский немец») в правом верхнем углу бланка заявки и указать это в автобиографии. По заявлениям сотрудников DAAD из года в год квота на российских немцев остается «невыбранной». Они объясняют этот факт высокими требованиями к заявкам конкурсантов. Учитывая, что в большинстве своем немцы России живут в сельской местности и не имеют необходимого образовательного потенциала, а подчас и утеряли навыки «родного» языка, неудивительно, что заявок от них немного²⁴.

Директор представительства DAAD в Москве профессор Праль заметил, что от конкурсантов не требуется никаких документальных подтверждений принадлежности к числу российских немцев. «Многие российские немцы подают заявки не как немцы. Мы потом видим по резюме, что «моя бабушка была немкой» или «мой дедушка родом из Саксонии или Швабии». Такие заявки мы откла-

дываем в категорию «российские немцы» – у них попросту больше шансов. Далее следует отметить, что все 18 программ DAAD для Российской Федерации доступны, разумеется, всем гражданам страны. Нет никаких квот по национальностям. Но в случае с вышеназванными двумя программами для студентов имеются особые квоты. По моему мнению, квоты – это не очень хорошо. Мы хотим помогать кому-то не потому, что он – российский немец, а потому, что он – российский немец и хорошо учится. Тогда мы готовы его поддержать»²⁵.

Посольство и консульства ФРГ не реализуют отдельных программ поддержки российских немцев, но получают финансирование МИД Германии под определенные, непродолжительные проекты. Это могут быть конференции, выставки, конкурсы, викторины, праздничные вечера и т.д. Для новосибирского и екатеринбургского консульств такое направление работы является уже традиционным.

Российская сторона на текущий момент осуществляет федеральную целевую программу «Социально-экономическое и этнокультурное развитие российских немцев на 2008–2012 гг.», госзаказчиком которой выступает Министерство регионального развития РФ. Ежегодно проводятся конкурсы по реализации как инфраструктурных (в основном строительство), так и культурных проектов. Участвовать в этих конкурсах могут не только организации российских немцев, но и любые другие подрядчики. Однако, учитывая особенности документооборота и бюрократические сложности, стороннему предпринимателю очень трудно выиграть тендер. МСНК успешно реализует массу этнокультурных проектов. Основная же масса средств, выделяемых на развитие инфраструктуры, уходит в Сибирь – в немецкие национальные районы Омской области и Алтайского края, Новосибирск и т.д.²⁶

Ключевым институтом координации усилий российской и германской сторон в их стремлении поддержать культуру российских немцев является Межправительственная комиссия по поэтапному восстановлению государственности российских немцев. Начальный этап ее деятельности (1992 г.) характеризовался активностью в политической сфере и работой по реализации экономических проектов. В 1993–1994 гг. ориентиром в работе комиссии стала поддержка немецких национальных районов. С середины 1990-х гг. комиссию во всех СМИ стали именовать «Межправительственной комиссией по проблемам российских немцев», и акцент в ее работе сместился с политического на культурное поле. Все большее внимание стало уделяться вопросам сохранения языка, национальной идентичности и национально-культурной самобытности этнических немцев. Среди насущных проблем, активно обсуждаемых на заседаниях комиссии в 2002–2003 гг., был вопрос собственности, построенной на средства Германии по линии гуманитарной помощи. В 2007 г. на 13-м заседании комиссии были названы такие новые приоритеты, как языковая работа для детей и молодежи, молодежная работа, помощь трудармейцам и репрес-

сированным, поддержка центров встреч, РНД и немецких национальных районов²⁷.

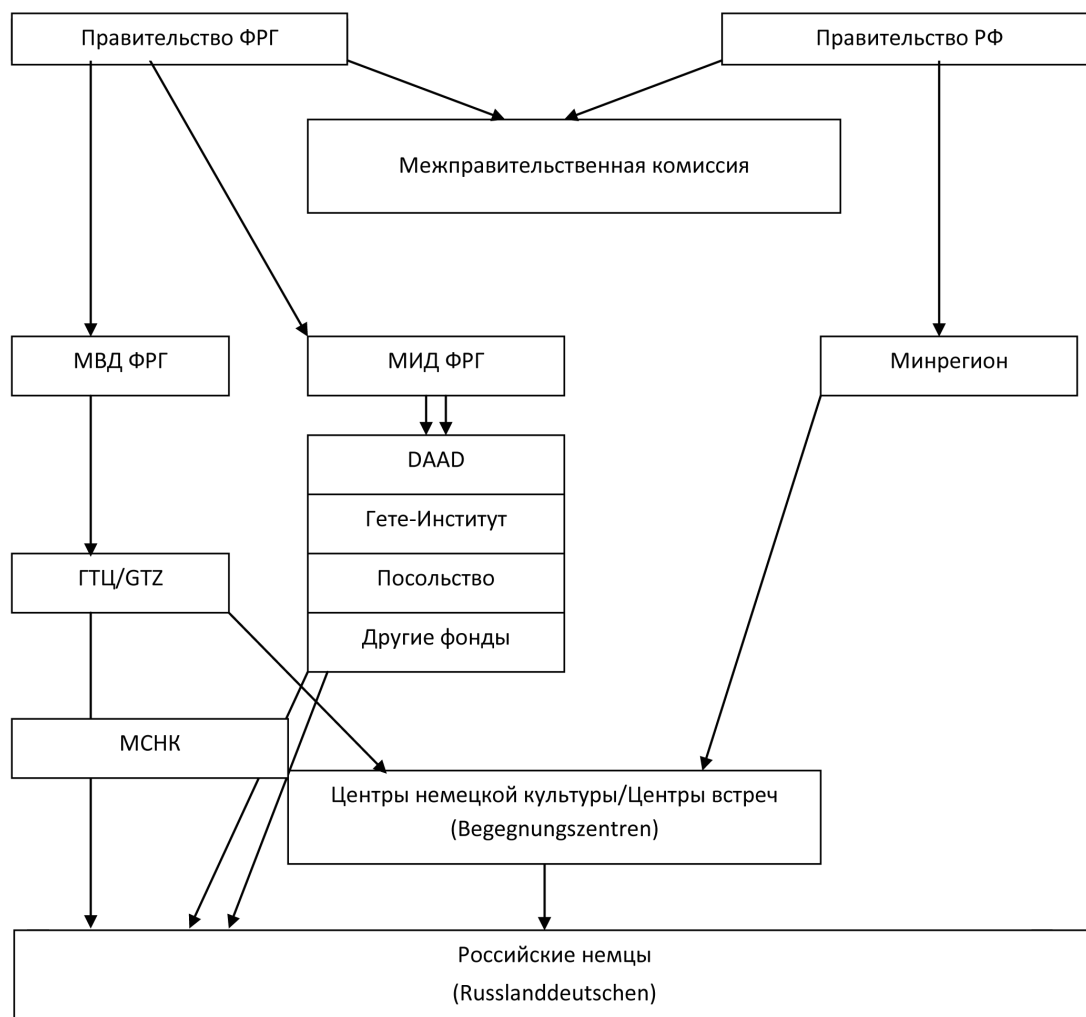
Заседания Межправительственной комиссии проводятся регулярно, примерно раз в год. На них утверждается общий объем финансирования и обязательств в пользу российских немцев с обеих сторон, там же формируется список совместных проектов, поддерживаемых и РФ, и ФРГ. Сопредседателями выступают Кристоф Бергнер, уполномоченный федерального правительства Германии по делам переселенцев и национальных меньшинств, парламентский статс-секретарь в Министерстве внутренних дел Германии, и Максим Травников, заместитель министра регионального развития Российской Федерации.

На последнем заседании, состоявшемся в Потсдаме 15–16 апреля 2010 г., обе стороны «приветствовали шаги, предпринятые в целях расширения партнерских связей между общественными организациями российских немцев в Российской Федерации и организациями поздних переселенцев, постоянно проживающих в Федеративной Республике Германия. На сегодняшний день на основе договора о партнерстве между Международным союзом немецкой культуры и Землячеством немцев из России, а также между Немецким молодежным объединением и Молодежным и студенческим объединением немцев из России

были заключены в совокупности 18 региональных соглашений о партнерстве»²⁸.

Следует учитывать, что никто не отменял протокол о сотрудничестве между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германии с целью поэтапного восстановления государственности российских немцев²⁹. Сейчас Министерство регионального развития РФ выдвигает инициативу по его пересмотру и «обновлению». Москва высказывает пожелание пересмотреть сам концепт «российские немцы», включив в него и тех немцев, которые репатриировались из стран СНГ в Германию. Берлин не соглашается на подобную подмену понятий. В сентябре 2011 г. Кристоф Бергнер заявил: «Мы хотим соглашения, касающегося определенной, исторически обусловленной этнической группы – российских немцев, проживающих в России, но мы не хотим подписывать договор, объектом которого становится общественность Германии российского происхождения. Кроме того, не решено, как в новом документе будет отражен вопрос о незавершенной реабилитации российских немцев»³⁰.

Как мы видим, структура организаций, оказывающих помощь российским немцам, со стороны обоих государств довольно сложная (см. схему). Она требует больших организационных расходов на свое поддержание и нуждается в оптимизации.

Немецкое общественно-политическое движение в начале XXI в.

Современные российские немцы представляют собой чрезвычайно гетерогенное сообщество. Это выражается и в разнообразии действующих здесь организационных структур: на сегодняшний момент в России работает порядка 400 организаций российских немцев местного, регионального и федерального уровней. Рассмотрим некоторые из них. Несмотря на распад в начале 1990-х гг. Всесоюзного общества советских немцев (ВОСН) «Возрождение», его местные ячейки и локальные организации продолжают действовать в ряде российских регионов, а также в Казахстане.

После учреждения в 1997 г. Федеральной национально-культурной автономии «Российские немцы» (ФНКА РН) во многих областях и краях России возникли местные (городские, районные) и региональные НКА. После неудавшейся попытки руководства этой организации добиться статуса, равного субъекту федерации, между государственными структурами и ФНКА наступает охлаждение. Она была фактически приравнена к общественным организациям, хотя до этого имела уникальный статус «социально-государственного партнерства». Наряду с «Возрождением» и НКА в каждом из российских регионов может функционировать Центр немецкой культуры (Центр культуры российских немцев) или Центр любителей немецкого языка. Нередко исследователи объединяют их всех под названием Центр немецкой культуры (ЦНК.) Эти структуры стремятся держаться как можно дальше от политики и концентрируют свое внимание на вопросах культуры и преподавания немецкого языка.

В населенных пунктах с большой немецкой составляющей по инициативе муниципальных властей нередко учреждаются российско-немецкие дома (Москва, Калининград, Томск, Барнаул, Новосибирск и т.д.). Эти учреждения могут иметь различный статус: государственное учреждение культуры, некоммерческая организация и т.д. Они выступают в качестве общей площадки и нередко предоставляют свои помещения всем немецким организациям региона. Их финансирование осуществляется чаще всего на паритетной основе. Российско-немецкий дом является эффективной формой работы в пользу российских немцев, но при этом он становится значимым культурным центром и для местного ненемецкого населения. К примеру, российско-немецкий дом в Москве (РНДМ) с 1997 г. служит местом встреч российских немцев, проводит культурные мероприятия и организывает курсы немецкого языка. В нем расположены офисы всех головных организаций и союзов российских немцев федерального уровня. Дом находится под патронажем германского и российского правительств. Финансовую ответственность за РНДМ несет Германское общество по техническому сотрудничеству (ГТИЦ/GTZ).

Наконец, функции культурного центра российских немцев могут выполнять религиозные структуры. К примеру, лютеранский приход в Ека-

теринбурге и местный Центр немецкой культуры (ЦНК), по сути, являются двуединой организацией. Традиционная обрядность российских немцев базируется на соблюдении христианских праздников и обычаев, так что люди, приходящие в церковь, могут руководствоваться как религиозными мотивами, так и поисками своей «немецкости».

В немецкой терминологии все это многообразие именуется просто Центрами встреч (ЦВ)/ *Begegnungszentren*. Очевидно, что в одном городе может находиться несколько организаций одновременно. Подчас это порождает конфликты. В Санкт-Петербурге местный Центр встреч работает при лютеранской церкви Святого Петра (Петрикирхе), но в регионе также есть местные и региональные НКА (Санкт-Петербург и Ленинградская область), а также Центр немецкой культуры и примирения Ларисы Кноль. Еще более сложной является ситуация в Сибири, где проживает большинство российских немцев и сохраняются места их компактного поселения. Рассмотрим пример Омской области. Центром возрождения и развития этнической культуры российских немцев является Азовский немецкий национальный район (АННР)³¹. Он был образован 17 февраля 1992 г. из 7 сельсоветов 5 смежных районов области. В состав района вошло 29 (ныне 28) населенных пунктов, в 16 из которых немцы составляли большинство. Административным центром стало село Азово. Несмотря на то что район официально не имеет никакого особого «национального» статуса (кроме как присутствия этого слова в названии), на практике именно он стал одним из основных получателей финансовой помощи в рамках программ поддержки немецкого меньшинства³².

Образование АННР и Немецкого национального района на Алтае виделось российскими властями как оптимальный выход из сложившейся к началу 1990-х гг. ситуации, когда шанс восстановления республики в Поволжье был упущен³³, а эмиграция немцев из России в ФРГ с каждым годом увеличивалась. Символическая значимость АННР как территориального «очага» российских немцев очень высока. Именно сюда направляется большое число немецких переселенцев из Казахстана и Средней Азии. В целом в Омской области проживает 76 тыс. российских немцев³⁴, при этом регион располагает самой большой в России сетью организаций, центров и филиалов немецкой культуры. В регионе функционируют одна областная и пятнадцать местных немецких национально-культурных автономий, три региональные и одна городская общественные организации, сорок один центр и одиннадцать филиалов немецкой культуры³⁵.

Одно из главных направлений в деятельности общественных организаций российских немцев Омской области – это подготовка и переподготовка кадров, повышение их квалификации. Уже несколько лет областной колледж культуры и искусств на основании договора с Немецкой НКА Омской области выпускает специалистов для работы в центрах немецкой культуры и в учреждениях

культуры, расположенных в населенных пунктах с компактным проживанием российских немцев. Кроме того, государственное образовательное учреждение «Региональный инновационный центр» предлагает свои услуги в сфере переподготовки кадров по специальности «Менеджмент в центрах немецкой культуры», а Омский государственный педагогический институт продолжает готовить учителей немецкого языка с учетом этнокультурного компонента. С недавних пор в средней общеобразовательной школе «Wiedergeburt» г. Омска самые талантливые ученики из числа российских немцев получают стипендии от Международного союза немецкой культуры.

В Омской области активно ведется диалог и сотрудничество организаций российских немцев с властными структурами. В настоящее время здесь создана определенная система координации и взаимодействия между организациями и учреждениями российских немцев. В состав Совета немецкой национально-культурной автономии на правах физических лиц входят руководители Азовского немецкого национального района и лидеры всех общественных организаций. Основными и равноправными партнерами Немецкой национально-культурной автономии (ННКА) на уровне региона выступают Омское областное общественное движение российских немцев «Возрождение», «Союз немцев Сибири» и Омский детский центр немецкой культуры «Hoffnung». ННКА является юридическим лицом и одним из главных партнеров Омского филиала ГТЦ. Также в райцентре Азово успешно работает Языковой методологический центр, готовящий учебные пособия и рекомендации для обучения школьников немецкому языку как родному.

В строгом соответствии с Законом «О национально-культурной автономии» Совет автономии учредил четыре районных отделения, которые координируют деятельность центров немецкой культуры, филиалов и общественных организаций по следующим направлениям: национальная культура, образование, молодежная работа, история и краеведение. Эти учреждения организуют курсы по подготовке/переподготовке кадров и повышению их квалификации в сфере культуры и образования, проводят обучающие семинары, конкурсы, фестивали, олимпиады школьников по немецкому языку и истории немцев России, лингвистические лагеря, молодежные исторические чтения, этнографические экспедиции, акции по поддержке ветеранов войны и труда и т.д.

Проявляет активность и Евангелическо-лютеранская церковь. В городе Омске она организовала свой собственный Центр встреч, который призван обеспечить сохранение и углубление немецкой идентичности. Здесь же открыта библиотека, работают языковые курсы, проводятся еженедельные мероприятия, посвященные государственному устройству Германии, ее достопримечательностям, культуре и традициям³⁶. Кроме того, в этом регионе активно работает «зонтичная» организация – «Ассоциация нем-

цев Сибири», которая призвана координировать межрегиональные проекты.

На федеральном уровне до недавнего времени существовала не менее пестрая картина. Но здесь среди споров и столкновений интересов различных организаций ключевым был конфликт между Федеральной национально-культурной автономией «Российские немцы» (ФНКА РН) и Международным союзом немецкой культуры (МСНК). Кроме исторически возникших противоречий и личных антипатий, в основе конфликта лежал важнейший для судеб немецкого меньшинства в России вопрос о реабилитации. По мнению идеолога ФНКА РН Гуго Густавовича Вормсбехера, истинной реабилитацией российских немцев может считаться только предоставление им территориальной автономии. Идеальным здесь было бы поэтапное восстановление Республики немцев Поволжья либо как отдельного региона, либо в рамках Саратовского края. Однако возможны и другие варианты, например создание немецкой территориальной автономии в Калининградской области. По мнению Г.Г. Вормсбехера, всякого рода этнокультурные проекты в пользу российских немцев призваны «быть анестезией». «Из фондов этих программ прикармливается воинственное руководство подрядных и посреднических организаций. Для них тема республики – запретна, потому что при ее восстановлении им придется потерять источники финансирования»³⁷.

МСНК как раз является такого рода посредником. Он декларирует отказ от политических и территориальных амбиций в пользу этнокультурных проектов. «Для нас реабилитация – это выученный заново немецкий язык, возможность заниматься любимым делом профессионально и не бояться быть немцем здесь, у себя дома», – сообщила нам в ходе интервью Ольга Мартенс, заместитель председателя МСНК. Это ключевое идеологическое различие порождает две стратегии: ФНКА отказывается от проектной деятельности, упирая только на политическую составляющую, МСНК активно включается в программы РФ и ФРГ по поддержке немецкого меньшинства. Заметим, что в 1990-х гг., когда движение российских немцев было очень сильно политизировано, ФНКА имела реальную базу и поддержку. Но по мере разочарования в национальной политике России и массового выезда немцев в Германию она оказалась обескровленной. При этом МСНК, наоборот, сумел приобрести симпатии как власть имущих, так и немцев, остающихся жить в российских регионах. Опосредованно или напрямую контролируя финансовые потоки, председатель МСНК Генрих Мартенс сумел объединить под своим руководством почти все местные Центры встреч в единую Ассоциацию. Стратегической победой можно считать создание в 1997 г. Немецкого молодежного объединения (НМО), которое тоже входит в МСНК в качестве одного из членов. Это выделяет МСНК как единственную федеральную организацию российских немцев, имеющую молодежный потенциал, а значит, и будущее.

Такого было положение дел до недавнего времени. 5 апреля 2009 г. Генрих Мартенс организовал внеочередной съезд ФНКА РН, на котором его противники отсутствовали. После непродолжительных уговоров сомневающихся участников съезда Г.Г. Мартенс был избран Президентом ФНКА. Началась продолжительная судебная тяжба между «старым» и «новым» руководством ФНКА. Но фактически уже весной 2009 г. и МВД Германии, и Минрегион РФ признали Г. Мартенса главой ФНКА «Российские немцы».

Старое руководство попыталось опереться на коллег из стран СНГ. Был создан Координационный совет Международного союза общественных объединений немцев, в состав которого вошли представители Казахстана, Украины, Молдовы, Германии и России. Однако никакой помощи эта структура оказать не смогла. Ее возникновение свидетельствует скорее о тех опасениях, которые испытывают в отношении МСНК старые немецкие элиты стран СНГ. Особенно верно это замечание в отношении председателя Совета ассоциации общественных объединений немцев Казахстана «Возрождение» А.Ф. Дедерера.

С 2009 г. Г.Г. Мартенс является одновременно и президентом ФНКА, и руководителем МСНК. Согласно его заявлениям, ФНКА должна стать парламентом российских немцев, а МСНК – правительством. «После многих лет разобщенности российские немцы заговорили единым голосом. Теперь мы имеем единое общественно-политическое движение»³⁸. МСНК добился принципиального от Кристофа Бергнера решения о передаче в его ведение Информационно-образовательного центра (БИЦ/BIZ), который напрямую финансируется германским правительством. Особенность этой структуры заключается в том, что ее деятельность охватывает все пространство СНГ. Филиалы БИЦ особенно активны в Казахстане и в Украине. Посредством серии семинаров этот центр готовит высококвалифицированных специалистов в различных областях знания: краеведение, история и культура российских немцев, психология, межкультурные коммуникации и т.д.

Участники занятий становятся «мультипликаторами», то есть по возвращении домой они должны провести аналогичные семинары для местного сообщества. Благодаря этой сети удавалось обеспечивать циркуляцию людей и информации между всеми немцами стран СНГ. По идее это должно было замедлить процесс расщепления российских немцев на казахстанских, украинских, узбекских, собственно российских и т.д. Однако БИЦ не оправдал этих ожиданий, и МСНК жестко критиковал его за проведение «сектантской» работы только среди своих мультипликаторов. Именно с целью оптимизации деятельности общественных немецких структур БИЦ собираются передать МСНК. Но пока реализация этого решения отложена, так как возникла необходимость согласовать его с руководителями немецких организаций-партнеров в странах СНГ, а они высказывают некоторое неодобрение и желают сохранения контроля ГТЦ над БИЦ.

Большинство немцев в России проживает дисперсно, но в то же время в Сибири существуют места их компактного поселения. Эффективно функционируют два так называемых немецких района. Никакого особого статуса эти муниципальные районы по закону не имеют. Однако на практике Азовский Немецкий национальный район Омской области и Немецкий национальный район Гальбштадт Алтайского края получают большую часть финансирования по российским программам поддержки немецкого меньшинства. Их руководители входят в состав Межправительственной комиссии, они являются политиками и функционерами первого ранга в движении российских немцев. Бруно Генрихович Рейтер, руководивший Азовским районом с момента его основания (1992 г.), входил в состав «старого» руководства ФНКА. Но весной 2010 г. он проиграл муниципальные выборы Виктору Германовичу Сабельфельду, который поддерживает хорошие отношения с МСНК. После нескольких месяцев раздумий Б.Г. Рейтер присоединился к «новому» руководству ФНКА³⁹. Тот факт, что руководство обоих районов сейчас поддерживает линию Г. Мартенса, делает его позиции еще более прочными.

Именно эти районы рассматриваются на текущий момент как возможные базы для качественного роста движения российских немцев. Ведь немецкий язык изучается и используется в качестве родного языка главным образом в местах компактного проживания российских немцев – в общеобразовательных школах, дошкольных и внешкольных учреждениях немецких национальных районов и муниципальных образований. Именно они могут стать при соответствующей языковой политике основными центрами сохранения и развития языковой культуры российских немцев. На деле только там немецкий язык можно использовать как язык обучения, язык общения, язык бытовой культуры и производственной деятельности⁴⁰.

Подчеркнем, что большое число этнокультурных объединений вовсе не говорит о высоком качестве их работы. Однако у движения российских немцев есть большой потенциал для развития как на внутривнутриполитической, так и на международной арене. Ведь эта этническая группа обладает уникальным ресурсом – принадлежностью к двум большим культурным ареалам и языковым полям⁴¹. Используя это преимущество, российские немцы становятся естественными посредниками между Европой и Россией.

В то же время довольно часто имеют место конфликты, связанные с плохой координацией структур самоорганизации российских немцев, германских и российских служб, призванных осуществлять поддержку этой группы. В большинстве случаев противоречия связаны с особенностями текущего политического момента и интересами задействованных сторон. Но подчас в основе противоречий лежит различное понимание базовых концептов. Для Германии важна идея «этнической нации», базирующейся на культурном единстве.

■ Политология

Российские немцы в этом случае рассматриваются как проживающая за границей часть немецкого народа. Российская стратегия ориентирована на реализацию проекта «гражданской нации», основанной на формировании у жителей страны общегосударственной идентичности и лояльности. Для Москвы российские немцы выступают именно как россияне немецкого происхождения.

Находясь в зависимости как от российского, так и от германского политического процесса, российские немцы научились проявлять двойную лояльность – и в отношении Москвы, и в отношении Берлина. Внутренние горячие споры о вопросах реабилитации репрессированного народа уступили место прагматичной позиции, которая позволяет использовать «пограничное» положение в качестве социального ресурса и культурного капитала. При этом каждая из заинтересованных сторон получает желаемое: Россия – гражданскую лояльность своих соотечественников немецкого происхождения, Германия – сохранение этнической идентичности и специфики «немецких соотечественников» в России, российские немцы – ресурсы и возможности развития своей этнической группы.

Никому при этом не требуется теоретическая прозрачность и четкость политологических дефиниций и понятий. Германия – немецкая диаспора – Россия как ключевые акторы подчас в своей деятельности в отношении российских немцев руководствуются различными принципами и целями. Это иногда приводит к трениям и конфликтам. Но в целом можно резюмировать, что немецкая диаспора является значимым положительным элементом российско-германских отношений.

Kasatkin P. I., Kurske V. S., Valiev I. A. The Role of German Diaspora in Russian-German Relations.

Summary: German Diaspora played and plays significant role in Russian-German relations. It is very important for cooperation in humanitarian sphere, education and culture. Key actors are Germany as «the external homeland», German diaspora and Russia as «the accommodation country». In the activity concerning the Russian Germans all three parties are guided by various principles and purposes that sometimes leads to tensions and the conflicts. But as a whole we have to note that the Russian Germans became a constructive link between Germany and Russia.

Ключевые слова

Диаспора, российские немцы, Германия, Россия, историческая память, идентичность

Keywords

Diaspora, Russian Germans, Germany, Russia, historical memory, identity

Примечания

1. Brubaker R. National Minorities, Nationalizing States, and External National Homelands in the New Europe // *Daedalus*, Vol. 124, No. 2, What Future for the State? (Spring, 1995), pp. 107-132. – URL: <http://www.jstor.org/stable/20027299>
2. Национальный состав России по переписи 2002 года. – URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>
3. Национальный состав Казахстана по переписи 2009 года. – URL: http://www.stat.kz/p_perepis/Pages/default.aspx
4. См.: Лукьянчикова М.С. Проекты Гете-института для немецкого меньшинства в Российской Федерации – меры помощи по поручению Министерства иностранных дел Германии // Актуальные вопросы изучения и преподавания немецкого языка: язык как основа сохранения и развития идентичности российских немцев. Материалы международной научно-практической языковой конференции. М.: МСНК, 2010. 140 с. С. 69–76.
5. Deutsche Minderheiten (Немецкие меньшинства) – <http://www.goethe.de/lhr/prj/dtm/udp/beg/deindex.htm>
6. Трагедия мирного населения Германии в конце Второй мировой войны. – URL: <http://www.otvoyna.ru/germaniya2.htm>
7. «Немецкий союз изгнанных»: немцы — тоже жертвы Второй мировой войны. – URL: <http://vlasti.net/news/72813>;
8. Официальный сайт Союза изгнанных (Bund der Vertriebenen) – URL: <http://www.bund-der-vertriebenen.de/>
9. «Переселенец» (в 1951–1992) – согласно Федеральному закону об изгнанных немцах, – это тот, кто принадлежит к немецкому народу или государству и покинул бывшие германские восточные области, Албанию, Болгарию, Китай, Данциг, Эстонию, бывшую Югославию, Латвию, Литву, Польшу, Румынию, бывший Советский Союз, бывшую Чехословакию или Венгрию в период после окончания массовых мероприятий по изгнанию немцев, (т.е. примерно с 1951) до 01.01.1993г.
10. «Поздний переселенец» (с 1993 по текущий момент) – человек немецкого происхождения, рожденный в республиках бывшего Советского Союза, Эстонии, Латвии или Литвы и переселившийся в Германию согласно закону об изгнанных немцах после 31.12.1992 г. Переселенцы из других стран принимаются только в том случае, если они смогут документально доказать факты дискриминации и притеснения по национальному признаку.
11. Bundeskanzlerin Angela Merkel erinnert auch an das Schicksal der Vertriebenen. – URL: <http://www.bund-der-vertriebenen.de/presse/index.php3?id=897>
12. Зюзин С. «Что немцу хорошо». Интервью с Кристофом Бергнером. – URL: <http://www.rg.ru/2008/04/24/reg-altaj/bergner.html>
13. См.: Выступление Максима Травникова, заместителя министра регионального развития РФ, и Александра Журавского, директора Департамента межнациональных отношений Минрегиона России в программе «Мы» 17.03.2010 «Эхо Москвы». – URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/we/663418-echo/>

14. Конференция МАИИКРН-2010. – <http://www.rusdeutsch.ru/?amenu1=2042>
 15. Сиро Х. Целиноград, 1979 г.: К вопросу о несостоявшейся немецкой автономии в Казахстане. – URL: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicn/acta/20/asi20-230-resnotes.pdf>; Постановление Политбюро ЦК КПСС «Об образовании Немецкой автономной области в Казахстане». – URL: <http://forum.turan.info/showthread.php?s=c9e0e94c0d7ddf01514b8c8a55e78fda&p=37150&mode=threaded>
 16. О Федеральной целевой программе развития социально-экономической и культурной базы возрождения российских немцев на 1997 - 2006 годы. – URL: <http://www.zonazakona.ru/law/ukaz/9000/>; <http://docs.pravo.ru/document/view/13750925/9649245/>
 17. Федеральная целевая программа «Социально-экономическое и этнокультурное развитие российских немцев на 2008 - 2012 годы». – URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2011/241>; www.rusdeutsch.ru/file/Federales_Zielprogramm2008_ru.doc
 18. Черепова П. Россияне о Сталине. – URL: www.levada.ru/press/2010030507.html
 19. Иванов С. История Русских Немцев. Часть II. Руссификация. – URL: <http://russianrevolution.narod.ru/romanov/sovjetdeutsch.htm>
 20. Мартенс Г.Г. Правовая и социальная реабилитация немцев — что делается? – Московская немецкая газета. – 27.08.2009 – URL: <http://www.ru.mdz-moskau.eu/index.php?date=1251357939&godnum=>
 21. Они приближали Победу. К 65-летию Победы. – URL: <http://www.rusdeutsch.ru/?amenu1=2040>
 22. Официальный сайт ГТЦ/GTZ. - <http://www.gtz.de/> С 2011 года GTZ переименована в GIZ (Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit)
 23. Официальный сайт Института внешних связей. – <http://www.ifa.de>
 24. Летние вузовские курсы немецкого языка в Германии. - http://www.daad.ru/?m=1.5&seite=1_5_1a&id=13; Семестровые стипендии для германистов-филологов. - http://www.daad.ru/?m=1.5&seite=1_5_1a&id=15
 25. «Мы готовы поддерживать российских немцев, если они хорошо учатся». - http://www.rusdeutsch.ru/?news=1018&menu=&_date1=1178827200&_date2=1178913599&NewMonth=5&SetMonth=5&NewYear=2007
 26. Федеральная целевая программа "Социально-экономическое и этнокультурное развитие российских немцев на 2008-2012 годы" – www.rusdeutsch.ru/file/Federales_Zielprogramm2008_ru.doc
 27. Официальная страница Межправительственной российско-германской комиссии по проблемам российских немцев. - <http://rusdeutsch.ru/?menu=15&level2=&z=1>
 28. XVI заседание Межправительственной российско-германской комиссии по проблемам российских немцев. – <http://rusdeutsch.ru/?menu=15&menu0=47&menu01=164&z=1>
 29. Протокол о сотрудничестве между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германии с целью поэтапного восстановления государственности российских немцев. - <http://www.rusdeutsch.ru/?hist=1&hmenu01=58&hmenu0=10>
 30. А судьи кто? Кристоф Бергнер об ответственности Германии и России перед российскими немцами. – <http://www.ru.mdz-moskau.eu/index.php?date=1315480564&godnum=>
 31. В Алтайском крае с 1991 года также существует Немецкий национальный район Гальбштадт, в то время как идея создания немецкого национального округа в Волгоградской области не была реализована.
 32. Официальный портал Азовского немецкого национального района. – URL: <http://azov.omskportal.ru/ru/municipal/localAuthList/3-52-201-1/officialsite.html>
 33. С 1918 по 1941 г. в составе РСФСР существовала административно-территориальная автономия немцев Поволжья со столицей в г. Энгельс.
 34. Официальный портал Правительства Омской области. – URL: <http://www.omskportal.ru/ru/government/generalInfo/Population.html>
 35. Немцы Омской области сегодня. – URL: http://omskrusdeutsch.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=59&Itemid=82
 36. Лютеране в Омске. – URL: http://omskrusdeutsch.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=132&Itemid=82
 37. Российские немцы: проблемы реабилитации. – URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,3476830,00.html>
 38. Мартенс Г.Г. Российские немцы открыли новую страницу в своей истории! – URL: http://rusdeutsch.ru/?news=2309&date_b=23.09.2010&z0=&z1=
 39. Опел или решка? – URL: <http://www.ru.mdz-moskau.eu/index.php?date=1269510648&godnum=>
 40. Концепция сохранения и развития культуры немцев Российской Федерации в XXI веке. – URL: http://www.rinfo.ru/article.php?mode=view&own_menu_id=30330
 41. Русский и немецкий языки принадлежат к числу «мировых» языков. На каждом из них говорит более 100 млн человек. Оба языка обладают продолжительной и богатой литературной традицией.
-

Мусульмане во Франции: особенности интеграционной модели

А.В. Веретевская

Статья посвящена актуальной проблеме интеграции во Франции иммигрантов-мусульман и их потомков. Автор рассматривает данную проблему как в историческом ракурсе, так и в контексте современности. В статье представлен подробный критический анализ французской интеграционной модели, выявлены ее сущностные характеристики и ключевые особенности, сделаны выводы относительно перспектив использования модели в будущем.

Проблема интеграции инокультурных сообществ, как таковая, для французского общества и государства не нова. На территории Франции испокон веков проживало довольно разнообразное в культурном плане население – потомки германских племен сосуществовали с испытавшими на себе романское влияние потомками галлов, иберов и этнических кельтов. Проблемы, связанные с конфессиональным многообразием, для французов тоже не новость – столкновения католиков с протестантами освещены во многих исторических трудах, не говоря уже о художественной литературе. После Великой Французской революции республиканская Франция стала также домом для множества свобододолюбивых иммигрантов, бежавших от автократических режимов, что сделало ее фактически полиэтнической страной. Главным объединяющим моментом для французского общества стала не этническая принадлежность (как, скажем, в более-менее мононациональной Германии), а гражданство.

Современная Франция унаследовала от революционной республики специфический принцип отделения «своих» от «чужих». Для французов

«свои» – это те, кто разделяет идеалы республики. Традиция *jus soli*¹ в специфически французской трактовке со времен Великой Французской революции – один из столпов французской государственности в представлении большинства ее граждан. Казалось бы, если в государстве доминирует принцип, в соответствии с которым «своим» потенциально может стать каждый, это должно говорить о наличии у общества открытой позиции по отношению к чужакам, о его готовности принять их в свои ряды. Проблем с интеграцией кого бы то ни было в таком обществе возникать вроде бы не должно. Однако не все так просто.

В XIX в. во Францию приезжало больше иммигрантов, чем в любую другую страну в Европе². Несмотря на большое число иммигрантов (по современным меркам, правда, не так много – их суммарное количество не превышало 3% населения³), французы относились к ним без враждебности. Их приезд совпал с экономическим ростом, поэтому дефицита рабочих мест не наблюдалось. К тому же в этот период иммигрирующие во Францию в абсолютном большинстве являлись носителями европейской культуры и внешне (в том числе и в

Веретевская Анна Вячеславовна – аспирантка кафедры сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России. E-mail: anna.veretevskaya@gmail.com

Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ (проект "Мусульмане в России: проблемы и перспективы политической интеграции", № 12 - 03 - 00284), полученного коллективом преподавателей и аспирантов МГИМО(У) МИД России.

одежде, и в манере поведения) мало отличались от местного населения, поэтому достаточно быстро делались «незаметными» в общей массе. Правда, как только экономическая ситуация ухудшалась, это сразу отражалось на отношении к иммигрантам. Так, в 1889 г. был пересмотрен закон о национальности, который отныне давал право правительству отказывать иммигрантам в натурализации, если они этого «не заслуживали» или признавались «нежелательными»⁴.

В Первую мировую войну Франция потеряла много трудоспособного населения, и потребность в иммигрантах снова возросла. Правительство либерализовало свою иммигрантскую политику, вследствие чего к 1931 г. количество иммигрантов по отношению к местному населению стало составлять уже 6,6%⁵. Когда началась послевоенная депрессия, французские власти снова ужесточили правила натурализации, запретили иммигрантам работать в госсекторе и активизировали репатриационные механизмы. Эти меры касались и небольших по численности (по сравнению с европейскими иммигрантскими диаспорами) групп мигрантов из французских колоний. А. Кудрявцев пишет, что в 1914–1918 гг. ввоз магрибинцев был призван восполнить не только нехватку рабочей силы в сельском хозяйстве и на оборонных заводах, но и потери, которые французские войска несли на германском фронте⁶.

Выванные из привычной социокультурной среды, мусульманские иммигранты первой волны не отличались строгим соблюдением внешних предписаний. С целью поддержания и повышения уровня «нравственного климата» на своих предприятиях предприимчивые французские промышленники стали организовывать мусульманские молельные помещения. Впоследствии идею способствовать повышению нравственности и таким образом обеспечивать дисциплину и усиливать контроль над уровнем общественного порядка переняли французские власти:

- в страну были приглашены имамы и духовные наставники различных суфийских братств;
- в железнодорожных депо и в больницах появились мусульманские молельные помещения;
- были созданы первые крупные мусульманские кладбища;
- в 1926 г. на средства светского французского правительства в Париже была открыта Большая мечеть, долженствовавшая во всем мире «свидетельствовать о духе терпимости и открытости Франции». Для большинства же проживавших во Франции мусульман парижская мечеть стала скорее символом того, насколько поверхностным являлось заявленное свидетельство: мечеть была построена в достаточно престижном V округе Парижа, и приезжавших с парижских окраин рабочих-мусульман в нее попросту не пускали из-за несоответствия их скромной одежды и облика величию учреждения.

После окончания Второй мировой войны во Францию хлынул новый иммигрантский поток. А. Харгрейвз писал, что хотя законодательно ника-

ких специальных квот французское правительство не вводило, де-факто французы все же стремились принимать больше иммигрантов из Европы, чем из Африки и Азии⁷. Несмотря на это негласное правило, иммигранты-мусульмане все же продолжали пополнять ряды иммигрантов во Франции. Период от 1950-х до 1970-х гг. можно назвать периодом пика иммиграции во Франции. Ф. Огден писал, что за это время количество иммигрантов в стране удвоилось и в абсолютном выражении стало для Франции рекордным⁸.

Начиная со второй половины 1960-х гг. лидерские позиции по количеству въезжающих прочно закрепились за «арабами»⁹. Представители стран Магриба – алжирцы, марокканцы и тунисцы, большинство из которых считали себя мусульманами, – стали наиболее частыми посетителями учреждений французской иммигрантской службы. Представителей других мусульманских стран (стран Черной Африки, Ближнего Востока, Турции и т.д.) также можно было легко встретить в очередях на получение французского вида на жительство. Быстрому численному росту этой неоднородной группы иммигрантов способствовал, в частности, тот факт, что разрешение на жительство и разрешение на работу с 1950-х гг. представляли собой два разных документа: иммигранты получили возможность переезжать во Францию семьями.

В начале 1970-х гг., как и другие государства европейской зоны, Франция начала ограничивать иммиграцию. Причиной тому послужило сокращение потребностей в рабочей силе из-за сокращения производства, вызванного нефтяным эмбарго. В 1974 г. консервативное правительство Жискара д'Эстена приняло соответствующие меры, сильно ограничивающие иммиграцию. Ограничения не коснулись европейских переселенцев, право которых на свободное перемещение в Европе было гарантировано, некоторых категорий квалифицированных рабочих и беженцев. Помимо ограничений на въезд, французские консерваторы также предложили программу репатриации. Иммигранты-мусульмане, правда, не спешили вернуться на родину. Программой репатриации воспользовались в основном испанцы и португальцы (экономическая ситуация в Испании и Португалии значительно улучшилась, и многие выходцы из этих государств, покинувшие их ранее, стали задумываться о переезде, а французское правительство к тому же предложило материальную помощь для осуществления этого замысла).

В целом стремящемуся снизить темпы иммиграции правительству удалось достичь некоторого успеха: в последнюю четверть XX в. значительного увеличения количества иммигрантов не наблюдалось. Однако, несмотря на все ограничения, в начале XXI в. французы стали ощущать себя живущими в полиэтнической, многокультурной стране. А. Харгрейвз писал об этой ситуации следующее: «Тот факт (или, скорее, видимость того), что прежние иммигранты (например, европейские иммигранты начала века) практически растворились во французском обществе, французы считают

успешным примером интеграции и желают, чтобы аналогичным образом интегрировались и все последующие иммигранты»¹⁰.

Однако ситуация с иммигрантами-мусульманами складывалась иная: их присутствие со временем стало не менее, а даже более заметным. Именно эта чрезмерная, с точки зрения многих французов, «заметность» иммигрантов-мусульман во французском обществе, классифицируемая как неинтегрированность этой категории культурных меньшинств, представляет на сегодняшний день, пожалуй, главную социокультурную проблему французского общества.

В начале XXI в. во Франции, по разным оценкам, проживает от 4 до 5 млн мусульман. Это составляет от 7 до 8% всего населения. По численности это вторая после христиан-католиков религиозная группа в стране, опережающая христиан-протестантов и иудеев. С такими показателями Франция оказывается одной из самых «мусульманских» стран Европы. Первые централизованные попытки как-то наладить процесс интеграции иммигрантов начали предприниматься французским правительством в середине 1970-х гг. Так, 9 октября 1974 г. был принят закон, в котором впервые были сформулированы основные принципы политики в отношении иммигрантов. В этом законе говорилось: «Франция стремится либо допустить повсеместную интеграцию на национальном уровне иностранных рабочих, которые сами того желают, либо позволить им сохранить социально-культурные связи с родиной для того, чтобы впоследствии они могли туда вернуться».

Иммигрантов-мусульман это положение ставило перед выбором между двумя вариантами. Первый из них предлагал интеграцию во французское общество на условиях полной ассимиляции во всем, что касалось общественной сферы. Учитывая, насколько в исламской традиции соединены частная и общественная сферы, то это являлось, по существу, требованием полной их ассимиляции практически во всем. При выборе второго варианта иммигранты могли сохранить свои традиционные культурные установки, но оказывались фактически вне границ общества. В 1991 г. «французская модель интеграции», суть которой описана выше, получила свое институциональное выражение: были созданы Министерство социальной деятельности и интеграции и Высший совет по интеграции. Эти органы отныне должны были способствовать популяризации первого варианта, то есть способствовать тому, чтобы иммигранты-мусульмане превращались во французских граждан.

Французский гражданин – главная единица французского общества, а с точки зрения государства – и вовсе единственная. По закону¹¹ французское государство не может выделять этнической, религиозной и любой другой культурной принадлежности гражданина. Все французские граждане пользуются демократическими правами, такими, как, например, свобода вероисповедания, свобода исповедовать различные культы, свобода культур-

ных и других ассоциаций, запрет на дискриминацию на основании религиозной принадлежности на работе, право на уважение к своему вероисповеданию. Но все эти права – в частной жизни. Республиканская традиция предполагает жесткое разделение между общественной сферой и частной. В общественную сферу входят гражданские и политические права и обязанности индивидов, в частную – все остальные проявления человеческой жизни (к ним относится язык, вера, обычаи и т.п.). Общественная сфера не допускает вторжения на свое поле того, что принадлежит частной. Так, например, в школе (сфера общественная) символы религиозной принадлежности запрещены, религиозный культ может отправляться только дома, то есть на частной территории.

В общественной жизни государство видит только граждан, которые взаимодействуют с ним на основании установленных светских порядков. Общественная сфера – нейтральна. Эта обязательная нейтральность и не позволяет государству «видеть» культурную/религиозную/этническую принадлежность индивида, ведь эта принадлежность – его сугубо личное (то есть частное) дело. Это означает, что мусульмане не могут взаимодействовать с французским государством как мусульмане (то есть религиозная группа), а только как французские граждане; не имеют возможности требовать от государства в отношении себя (в качестве религиозной группы) каких-либо решений или действий, ибо французское государство не признает таких групп.

И изменить этого иммигранты-мусульмане не могут. Для этого необходимо было бы менять сами республиканские принципы – основу основ французского государства. А добиться изменения главных принципов функционирования государства одному индивиду (даже если он полноправный гражданин), конечно, не под силу. Это могло сделать только большинство нации. В итоге случился политический пат. Государство имеет на своей территории от 4 до 5 млн населения, с которым у него нет налаженных способов коммуникации. Все действия французского правительства в отношении иммигрантов-мусульман имеют разрозненный и строго односторонний характер. И эта односторонность «французской интеграционной модели» проявляется во всем. Даже среди функционеров выше означенных государственных органов, призванных заниматься проблемами интеграции, не встречается магрибинских или центрально-африканских фамилий.

Результатом широкого применения такого одностороннего подхода к интеграции стала фактическая маргинализация большей части иммигрантов-мусульман и их потомков. Отсутствие у этой группы населения возможности влиять на политические решения в своем отношении имеет следствием сохранение и наращивание маргинальности мусульманской группы иммигрантов во всех значимых сферах жизни – экономической, социальной и т.д. На рынке труда иммигранты-мусульмане занимают самые непривлекательные места.

Уровень безработицы среди мусульман выше, чем среди других французских граждан и иммигрантов из Европы. Мусульмане во Франции живут в сравнительно худших условиях.

В начале своего пребывания многие иммигранты-мусульмане селились в так называемых бидонвилях – наскоро сооруженных поселках без воды, электричества и канализации. Сегодня большинство иммигрантов-мусульман живут в пригородах больших городов в многоэтажных домах. Эти районы, как пишет Харгрейв¹², представляют собой социологический эквивалент британских и американских городских центров. Уровень преступности там выше, чем в центральных городских районах, качество жилья – значительно ниже, инфраструктура (в частности, школы) – хуже. Причиной, по которой иммигранты-мусульмане концентрируются в пригородах, помимо низких доходов, является нелегальная установка квот: французские муниципалитеты в обход закона устанавливают ограничения для иммигрантов на проживание в своих районах.

Второе (и третье) поколение иммигрантов, то есть рожденные во Франции дети и внуки родителей-мусульман, оказываются главными заложниками патовой ситуации. Франция – их родина, они в абсолютном большинстве являются французскими гражданами и не имеют никакого другого гражданства, однако гражданство их назвать полноценным можно лишь юридически. Проживая в иммигрантских районах в пригородах крупных городов, они привязаны к школам, уровень преподавания в которых значительно ниже, чем в школах тех районов, где живут коренные французы. В такие школы не идут хорошие учителя, предпочитая иметь дело с более благополучными детьми. Большинство детей в таких школах плохо мотивированы на обучение еще и потому, что видят на примере своих родителей и старших братьев и сестер, насколько трудно «пробиться» человеку из их среды в жизни. В итоге многие предпочитают тратить свое время на процветающий в иммигрантских районах незаконный бизнес, чем пытаться попасть в высшую школу, прилагать колоссальные усилия, чтобы закончить ее, с тем чтобы потом получить право опять же пытаться доказать работодателям-французам, что они «не такие» арабы.

Те же дети, чьи родители стимулируют их к получению образования и в стремлении обеспечить им подобие социального лифта переезжают в неиммигрантский район и отправляют их в школу «для французов», почти всегда наталкиваются на школьный расизм, который имеет свойство отбивать у подростков всякое желание ассимилироваться во французском обществе. Вообще, судя по многочисленным интервью, проведенным Е. Деминцевой в 2003–2004 гг.¹³, воспитанные в светской французской школе дети иммигрантов-мусульман оказываются в лучшем случае «между» двух культур и говорят о нейтральном отношении к ним. Таких детей не очень много. Чаще же результатом обучения, помимо аттестата, становится отказ либо от культуры своих предков (это происходит сравни-

тельно редко), либо отторжение всего французского. И главное, что отвергают такие подростки, – это необходимость что-либо доказывать французам.

«Дело с экономической и социальной интеграцией этой группы (если брать ее в целом) обстоит даже хуже, чем с культурной»¹⁴, – пишет Д. Шнаппер. В иных странах недостаточность государственной поддержки системы социальных лифтов компенсируется поддержкой своей национальной/религиозной диаспоры. Наиболее уязвимые с социальной точки зрения представители иммигрантской среды (к которым, в частности, относится молодежь) за недоступностью социальной поддержки непосредственно от государства могут обратиться в социальные (культурные/религиозные) организации своей диаспоры. Во Франции такая возможность сведена к минимуму. В процессе интеграции во Франции, как мы помним, участвуют строго две стороны: индивид-иммигрант и государство, причем одна из этих сторон – молчаливо-пассивная. «Посредничество иммигрантских сообществ исключается», – пишет И.С. Новоженова¹⁵. В результате, если государство по каким-либо причинам не может выполнять своих функций по обеспечению функционирования социальных лифтов в достаточном объеме (например, потому, что группа, которой требуются эти лифты, не имеет политического представительства), заведомо более уязвимые (чем коренные французы) иммигранты оказываются каждый один на один с безысходностью.

За неимением возможности найти решение своих проблем при помощи государства/принимающего общества и мирных организаций внутри своей диаспоры, которые могли бы взять на себя функцию представительства их интересов, молодым людям из иммигрантских семей остается выбирать между мафией и экстремистами.

Из выше изложенного «правила» есть небольшие исключения. Так, в частности, Ж. Боберо считает, что принятый в 1981 г. закон, разрешающий иностранцам создавать свои ассоциации, является свидетельством медленного движения Франции в правильном направлении¹⁶. Да и отношение к мусульманам во французском обществе не во всем отрицательное. Многие работодатели предоставляют мусульманам дополнительное свободное время на молитву во время рабочего дня, а также специальный отпуск для паломничества; французские тюрьмы предоставляют заключенным-мусульманам возможность поговорить с мусульманским духовным наставником, а также мусульманское меню¹⁷.

Однако, на наш взгляд, все это «исключения, подтверждающие правило». Факт остается фактом: иммигранты-мусульмане и их потомки на сегодняшний день не являются участниками значимого политического диалога, который бы компромиссно определял цели и принципы дальнейшей жизни всего французского общества и мусульман в его составе. А именно такой диалог нужен для того, чтобы «столкновения цивилизаций» вроде знаменитого «дела о платках», впервые возникшего

■ Политология

в 1989 г. и сегодня не потерявшего актуальности, могли получить мирное разрешение.

До тех пор, пока французское общество не изыщет в себе силы принципиально изменить свое отношение к иммигрантам-мусульманам, допустив их до реального политического участия в определении судьбы своей религиозной группы во Франции, то есть не пересмотрит односторонность своей интеграционной модели, острота проблемы интеграции во Франции не снизится.

Veretevskaya A. V. Muslims in France: Features of the Integrated Model.

Summary: *The article deals with an acute problem of integration of Muslim immigrants and their descendants in France. The author follows the problem throughout its history and analyzes its modern status. The article provides thorough analysis of the French Integration Model. The author concludes with a prospect on its use in the future.*

Ключевые слова

Франция, мусульмане, интеграция иммигрантов, французская интеграционная модель

Keywords

France, Muslims, integration of immigrants, French Integration Model

Примечания

1. Jus soli (лат. буквально «закон земли») — юридический термин, закрепляющий право получения гражданства государства лицами, принадлежность которых к этому государству определяется не «кровью», то есть не этнической принадлежностью предков. В государстве, применяющем jus soli, правом на гражданство могут обладать, например, все дети, рожденные на его территории. Jus soli во Франции – это восходящая к Великой французской революции традиция требовать от своих граждан прежде всего разделения идеалов республики.
2. Dignan, D. 1981. "Europe's Melting Pot: A Century of Large-Scale Immigration into France." *Ethnic and Racial Studies*, 4(2): 137-52.; Noiriël, G. 1990. *Workers in French Society in the 19th and 20th Centuries*. New York: Berg.
3. Hargreaves, A. 1995. *Immigration, "Race," and Ethnicity in Contemporary France*. London: Routledge. P.10.
4. Noiriël, G. 1996. *The French Melting Pot: Immigration Citizenship, and National Identity*. Minneapolis: University of Minnesota Press. P.63.
5. Ibid. P.64.
6. Кудрявцев. А. Мусульмане во Франции. Россия и мусульманский мир. 2002. №11. С. 155-168.
7. Hargreaves, Alec G. 1995. *Immigration, "Race," and Ethnicity in Contemporary France*. London: Routledge. P.11.
8. Ogden, Philip E. 1995 "Labour Migration to France." Pp. 289-96 in Robin Cohen (ed.), *The Cambridge Survey of World Migration*. Cambridge: Cambridge University Press. P.292.
9. Этим термином, как подтверждает Е. Деминцева, французы и сегодня обозначают всех выходцев из стран Магриба и их детей, вне зависимости от их реальной этнической принадлежности. См.: Деминцева Е. Культурный плюрализм и социальная интеграция /Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире. Материалы научной конференции // Общ. ред. В.С. Малахов, В.А. Тишков, А.Ф. Яковлева. М.: Издательство ИКАР, 2011. 266 с.
10. Hargreaves, Alec G. 1995. *Immigration, "Race," and Ethnicity in Contemporary France*. London: Routledge. Pp. 26-27.
11. Имеется в виду Кодекс законов о гражданстве, введенный в силу 19 октября 1945 года с поправками от 1973, 1984, 1993 и 1998 годов.
12. Hargreaves, Alec G. 1995. *Immigration, "Race," and Ethnicity in Contemporary France*. London: Routledge. Pp. 72-73.
13. См.: Деминцева Е. Быть «арабом» во Франции. М.: НЛО, 2008. 192 с.
14. Schnapper, D. *Integration nationale et integration des migrants: un enjeu europeen.*- Mode of access: http://www.robert-schuman.eu/doc/questions_europe/qe-90-fr.pdf
15. Новоженнова И.С. Французская модель интеграции иммигрантов и мультикультурализм. Актуальные проблемы Европы. 2011. №4.
16. Bauberot J. *Le multiculturalism en douce. Propos receillis par C.Lepage le 17 avr. 2006 pour L'Express du Pacifique.* – Colombie-Britannique.- 2006. Vol.60 N.2.
17. Viorst, Milton. 1996. "The Muslims of France". *Foreign Affairs*. 75 (Sept./Oct.): 78–96. P.79.

Мусульмане в Австрии: проблемы и достижения интеграции

Е.В. Пинюгина

Национальная организация австрийских мусульман в первые десятилетия своего развития (1979–2000 гг.) улучшала диалог между представляемым сообществом и государством, внесла весомый вклад в интеграцию мусульман в австрийское общество. Современные реалии в Австрии таковы, что мусульмане воспринимаются не как часть общества, а как угроза; правые партии выигрывают до 30% голосов на выборах разного уровня; самые крупные организации австрийских мусульман находятся под турецким патронажем, в той или иной степени испытывают влияние фундаментализма. Правительство поддерживает возведение мечетей и исламское образование в государственных школах, но результаты могут быть противоположными интересам власти, общества и самих мусульман.

В 2012 г. Австрия отмечает сто лет со дня вступления в силу закона, давшего мусульманам равные права с христианами в Австро-Венгерской империи¹. Закон был принят после аннексии империей Габсбургов в 1908 г. Боснии и Герцеговины, мусульманское население которой составляло около полумиллиона человек. Всклат этих территорий состоялся еще в 1878 г.). Вскоре после оккупации австрийцы запретили упоминать в мечетях турецкого султана во время пятничной молитвы, а в 1882 г. назначили муфтия Сараево духовным главой мусульман Австро-Венгрии, пытаясь выстроить государственную организационную структуру для ислама наподобие иерархии католической церкви. Продолжением этой политики стало принятие так называемого «Закона об исламе» в 1912 г. По этому закону мусульмане получили право:

- исповедовать свою веру и совершать публичные массовые богослужения;
- организовывать союзы и регулировать внутренние проблемы религиозной общины;
- учреждать любые структуры в образовательных, культурных и религиозных целях, включая важные для них формы «вакуфной», не облагаемой налогом и неотчуждаемой, в том числе и государством, общинной собственности духовного назначения (будь то мечеть, религиозное училище или кладбище). Разрешалось и создание вакуфных фондов, куда верующие могли бы вносить свои личные средства, движимое и недвижимое имущество.

Закон вводил и некоторые ограничения, в частности запрет допустимого в исламе многоженства, объясняя это трудностями для австрийского законодательства вследствие легитимации такой

Пинюгина Елена Викторовна – выпускница аспирантуры МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru
Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ (проект № 12- 03 - 00284 "Мусульмане в Европе: проблемы и перспективы политической интеграции"), полученного коллективом преподавателей и аспирантов МГИМО(У) МИД России.

формы брачной жизни. Организационно важным изменением стало разрешение духовным лицам из Боснии и Герцеговины, не имеющим австрийского (тогда – имперского) гражданства, приезжать для осуществления профессиональной деятельности по приглашению религиозного сообщества (с оговоркой, что государство вправе отстранять имамов от работы, если обнаружится неблагонадежность).

Отдельный блок мер касался призыва мусульман в армию, в котором власть была крайне заинтересована. От призыва освобождались духовные лица и преподаватели ислама. Для военнослужащих-мусульман устанавливались официальное празднование окончания Рамадана и Курбан-Байрама, в мирное время разрешалось посещение мечетей по пятницам. На баланс армии зачислялись два имама, предусматривалась отдельная кухня и уход в госпитале с учетом требований религии, гарантировалось погребение по мусульманскому обряду.

После распада империи Габсбургов и отхода Боснии и Герцеговины в 1918 г. Королевству сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Югославии) закон оставался в силе, хотя мусульманское население страны составляло лишь несколько сотен человек. В Вене продолжал существовать Исламский культурный союз, после 1939 г. реорганизованный в Исламское сообщество Вены, а в 1951 г. – в Союз мусульман Австрии. После притока послевоенных беженцев и гастарбайтеров к 1964 г. количество мусульман достигло 8000 человек. В течение почти десяти лет они добивались для своего сообщества статуса, сопоставимого с католической церковью, но для этого нужно было соответствовать нескольким организационным требованиям. В частности, достичь компромисса между приверженцами нескольких основных течений ислама, представленными в Австрии суннитами, шиитами и алавитами.

Это не представлялось возможным, но по личному ходатайству главы ведомства по делам религий Турецкой республики профильное министерство Австрии согласилось расценить статус-кво как внутренние разногласия единого религиозного сообщества. Также были уравнены в правах все 4 школы мусульманского права, хотя закон 1912 г. признавал лишь последователей наиболее толерантной и традиционной для Боснии и Герцеговины ханафитской школы. В 1979 г. была учреждена подержанная государством официальная структура мусульман – Исламское религиозное сообщество Австрии (ИРСА).

Сообщество людей, которое ИРСА уполномочивалось представлять, было небольшим, если сравнивать его численность с мусульманским населением таких стран, как Великобритания, ФРГ и Франция. На 1 января 2009 г. оно насчитывало 516 тыс. человек². Однако в Австрии мусульмане по отношению к общему числу населения составляли 6,2%. И это было больше, чем в вышеупомянутых странах с весьма значительной мусульманской компонентой. При этом мусульманская часть населения показывала самые высокие темпы роста своей численности.

Для сравнения: еще в 2001 г. мусульмане составляли 4,3% населения, насчитывая всего 346 тыс. человек.

Третью всех австрийских мусульман проживает в Вене, остальные сосредоточены в землях Тироль, Зальцбург, Верхняя Австрия и Форарльберг. Только половина из них имеет австрийское гражданство (21% – граждане Турции, 10% – Боснии). 45% всех мусульман, граждан и неграждан, были лицами турецкого происхождения (в основном этническими турками, но среди них есть и курдская диаспора, насчитывающая до 40 тыс. человек). Вторая по численности группа – боснийцы, в основном беженцы из бывшей Югославии (их доля – по разным оценкам, – от 15 до 30%). Остаток приходится на диаспоры беженцев – сирийцев, иранцев, египтян, выходцев из Пакистана, Афганистана, Индонезии, Черной Африки, Чечни и представителей арабских стран при расположенной в Вене штаб-квартире ОПЕК. Что касается конфессиональных различий, 75% от общего числа мусульман – сунниты, 15% – шииты и немногим менее 10% – алевиты. Однако многие приверженцы ислама не признают алевитов мусульманами, особенно враждебны к ним турецкие сунниты, перенесшие дискриминацию, которой алевитов (преимущественно курдов) подвергают в Турции, на австрийскую землю. Попав в сложное положение из-за самоопределения алевитов как мусульман, в то время как ИРСА не признает их таковыми, государственные ведомства, чтобы не нарушать диалога с ИРСА, изобрели обтекаемую формулировку для алевитов – приверженцы религии, имеющей исламские корни.

ИРСА имеет сложную бюрократическую структуру, состоящую из целого ряда органов: президентства, вице-президентства, Совета шурь (законодательного органа); Высшего совета (исполнительного органа), Совета попечителей (совещательного органа), Третьейского суда, муфтиата, Совета имамов³. Инфраструктура мусульманского сообщества включает около 200 молитвенных залов и мечетей, несколько мусульманских кладбищ.

Учреждение единой национальной мусульманской организации позволило в 1982 г. запустить первый учебный курс основ ислама в школах страны. Содержание курса, финансируемого государством на средства налогоплательщиков, определяется ИРСА. Пока оно состоит из поэтапного изложения детям учения ислама в традиции ханафитской школы по шаблонам минувших столетий⁴. С 1999 г. ИРСА учредило Исламскую академию религиозной педагогики, где по окончании 6-семестрового курса студенты получают диплом специалиста по обучению детей основам ислама во всех типах школ. Следующей ступенью обучения религиозной педагогике стал учрежденный в 2003 г. для выпускников этой академии Исламский религиозно-педагогический институт. Были приняты инициативы и со стороны государства: в Венском университете с 2006 г. создана программа подготовки преподавателей ислама.

Поощрение многих проектов ИРСА на правительственном уровне было одной из причин патриотического выступления на торжественной церемонии по случаю юбилея Закона об исламе: руководство ИРСА назвало Австрию моделью для всей Европы в построении отношений между исламом и государством, а австрийских мусульман – образцом интеграции, примером для остальных мусульман Европы⁵.

Справедливость этих утверждений можно подтвердить или опровергнуть, попытавшись ответить на обе их части:

– во-первых, в каком смысле «отношения государства с мусульманской общиной строятся идеально» и почему ни слова не было сказано об отношении к исламу австрийского общества?

– во-вторых, что в действительности представляют собой австрийские мусульмане как религиозная община?

Отвечая на вопрос, почему в ходе австрийских юбилейных торжеств было столько пиетета по поводу взаимоотношений государства и ислама, надо признать – институционально здесь статус ислама выше, чем где-либо в Европе. Уже к началу 1980-х гг. централизованно вводится религиозное обучение исламу в государственных школах. Практикуется содействие властей в строительстве культовых сооружений и кладбищ (что далеко не всегда возможно в других европейских странах). В школах разрешено ношение ученицами и преподавателями головного платка, тогда как в ряде стран персонал государственных учреждений, к которым относятся школы и больницы, не имеет права носить символы религиозной принадлежности. В ФРГ и Испании, например, в некоторых регионах запрет применяется лишь по отношению к мусульманским платкам, а во Франции платки запрещено носить не только учителям, но и учащимся государственных учебных заведений.

В австрийской армии предусмотрен отдых в праздничные дни и отдельный стол для мусульман, возможность совершать молитвы, оплачиваются труды двух имамов. Разрешены в стране и ритуальное обрезание (вызвавшее в 2012 г. немало дебатов на тему его допустимости в отношении несовершеннолетних в ФРГ), и забой скота по канонам ислама. В тюрьмах попечением душ заключенных мусульман занимаются 38 имамов. Казалось бы, все важные аспекты религиозной жизни, связанные с официальными разрешительными процедурами, улажены, ислам имеет на территории страны давнюю историю, и никаких особенных проблем со стороны австрийского принимающего общества быть не должно. Тем не менее на выборах всех уровней население отдает голоса правым партиям.

До 2000 г. единственной правой партией в стране, ставшей благодаря антииммиграционной риторике серьезным конкурентом двум традиционно ключевым акторам борьбы за власть (Австрийской народной партии и Социал-демократической партии Австрии), была Австрийская партия свободы (АПС). Ее неожиданное вхождение в правительство в 2000 г., из-за которого Авс-

трия подвергалась в течение нескольких месяцев международным санкциям, партия распалась на 2 структуры: прежняя АПС (переименованная вскоре в движение Свободная партия Австрии) и Союз за будущее Австрии. На последних общенациональных парламентских выборах 2008 г. Свободная партия и Союз за будущее Австрии набрали 18 и 11% голосов, что в совокупности едва не обеспечило правым парламентское большинство. Примечательно, что гибель одиозного лидера АПС Й. Хайдера в 2008 г. не привела к потере правыми электората.

Новые, теперь не антииммигрантские, а антиисламские лозунги нынешнего лидера Свободной партии Х.-К. Штрахе принесли партии еще большие достижения. По инициативе Штрахе, по всей стране появляются антимусульманские плакаты, например: *Pummerin statt Muedzzin* (в переводе – «Пуммерин (колокол собора Святого Стефана) – вместо муэдзина») или *Heimat-Liebe statt Marokkaner-Diebe* («Патриотизм вместо воров-марокканцев»). Перед выборами в венский парламент 2005 г. на плакатах разместили фото Х.-К. Штрахе на фоне собора Святого Стефана – национального символа Австрии и фото мэра от социал-демократов на фоне венской мечети с подписью «У вас есть выбор». Подобная агитация принесла Свободной партии в 2005 г. 15% голосов. А спустя 5 лет выступления на тему «Вена не должна стать Стамбулом» и распространение компьютерной игры, в которой надо было стрелять по муэдзину, помогли партии подняться на новую высоту, завоевав 27% голосов.

Согласно опросам общественного мнения в сентябре 2012 г. исследовательскими структурами Gallup, GfK и др., Свободная партия к выборам в Национальный совет 2013 г. может рассчитывать на получение 20–23% голосов⁶. Поэтому издержки в виде условных сроков и штрафов за оскорбляющие мусульман выступления⁷ считаются этой партией несущественными, имея в виду получение столь высоких электоральных дивидендов.

Происшедшую за последнее десятилетие трансформацию антииммигрантских настроений в антиисламские подтверждают и данные социологов. Вот результаты проведенного институтом IMAS в 2010 г. исследования «Религия и свобода»:

– 72% населения критикуют недостаточную готовность мусульманской общины Австрии приспосабливаться к принимающему обществу;

– 71% респондентов уверены, что ислам не имеет ничего общего с западными представлениями о свободе, демократии и толерантности;

– 61% опрошенных согласились с тем, что Австрия – католическое государство и должно им оставаться (хотя лишь 20% считают себя религиозными людьми);

– 60% австрийцев выступают за запрет мечетей и минаретов;

– 54% австрийских граждан разделяют убеждение, что главная угроза для Западной Европы – это ислам;

■ Политология

- 51% австрийцев – за запрет ношения головных платков;
- 42% разделяют позицию «чем меньше мигрантов, тем лучше»⁸.

Таким образом, правым политикам-популистам остается только озвучить массовые страхи: австрийцы недовольны тем, что из-за насаждаемой политкорректности приходится говорить о столь наболевшем «на кухне» или, как это принято теперь, в Интернете. Свободная партия, насчитывающая всего 40 тыс. членов в реальной жизни, в Интернете имеет уже более 100 тыс. сторонников⁹.

Впрочем, не все обыватели приберегают свое недовольство ко дню очередных выборов. Реакцией населения на зримые признаки прихода ислама в австрийские города стали многолетние локальные систематические протесты. Они реализуются как с помощью вандалистских акций, так и в цивилизованных формах¹⁰. В 2008 г., еще до нахлывшей в Европе швейцарской общенациональной кампании по запрету минаретов, две из земель Австрии – Форарльберг и Каринтия – запретили у себя строительство не только минаретов, но и мечетей.

Остается открытым вопрос: насколько меры правительства по финансированию новых мечетей адекватны ситуации, когда население с опаской относится к росту мусульманской диаспоры? Протесты против роста мусульманской диаспоры и присутствия ислама в Австрии уже принимают форму не связанных с политическими партиями интернет-сообществ, главным лозунгом которых становится «спасение Родины» от ислама и иммиграции¹¹. Основными ньюсмейкерами подобных сайтов являются мусульманские активисты, руководители всевозможных организаций и имамы. Именно они обнародуют свои взгляды в СМИ, олицетворяя для всех напуганных граждан исламскую угрозу у себя дома.

Но выступления этих «спикеров», ведущих себя как уполномоченные от лица всех мусульман, не всегда позволяют получить объективные ответы на вопрос, что в действительности происходит внутри мусульманского сообщества:

- как его члены относятся к религии и интеграции?
- насколько распространены среди них идеи фундаменталистского ислама?
- в чем они солидарны или разобщены?
- чем отличаются друг от друга и как реагируют на существующий общественный климат?

Специальных исследований на предмет распространенности фундаменталистской ориентации среди мусульман в Австрии не проводилось. В некоторой степени проясняет этот вопрос-анализ «тестовой ситуации» – реакции на скандал, связанный с публикацией в средствах массовой информации некоторых европейских стран карикатур на пророка Мухаммеда. Показательно, что протесты в Австрии ограничились двумя-тремя мирными манифестациями без оскорблений в адрес коренного населения западных стран, а единственная воинственная демонстрация была организована не

местными мусульманами, а ливийским посольством. Вместо протестов был предпринят совсем не характерный для фундаменталистов ход: инициативная группа разместила плакаты с изречениями пророка Мухаммеда почти на 200 билбордах для наружной рекламы с целью продемонстрировать иную суть ислама, чем образ религии нетерпимости и насилия, ставший стереотипом в западных СМИ. Речь шла о новом понимании социального единства всех жителей Европы, вытекавшая из постулата Мухаммеда «лучший из людей тот, кто приносит пользу всему человечеству».

А вот в государственных школах на уроках ислама детей порой обучают совсем не толерантности и социальному единству. Расследование Министерства образования показало, что некоторые учителя проповедуют антисемитские идеи¹². Тревогу вызывают и выводы диссертации австрийского ученого-мусульманина М. Хорхида «Уроки ислама в школах: между интеграцией и параллельным обществом»¹³. Проведенный им опрос 210 преподавателей показал:

- 44% из них учат детей тому, что мусульмане лучше представителей других религий;
- 28% считают, что быть европейцем и мусульманином невозможно;
- 29% убеждены, что, адаптируясь к австрийской жизни, невозможно сохранить свою религиозную идентичность;
- 55% считают австрийцев ксенофобами;
- 22% считают ислам несовместимым с западной демократией;
- 8% полагают, что распространение ислама возможно только путем насилия.

Вместе с тем 77% опрошенных считали себя частью австрийского общества и лишь 22% фанатично отвергали принципы правовой государственности. При этом 85,7% полагали, что мусульманам не нужно избегать контактов с немусульманами, поскольку сами по себе контакты не ведут к потере идентичности. Опрос позволил установить зависимость степени фундаменталистских взглядов педагогов от возраста – чем старше религиозные педагоги, тем сильнее выражены такие взгляды, и наоборот, молодые преподаватели склонны по-европейски интерпретировать равенство полов и уважение к правовым демократическим принципам.

Проблема в том, что с самого начала систематического преподавания ислама не существует никакого внешнего контроля этого процесса, так как считается, что государственное вмешательство ограничило бы свободу вероисповедания. Более половины школьников-мусульман отказывается посещать уроки религиозного обучения. Консервативно настроенные родители полагают, что на немецком языке не могут обучать исламу как должно. Они предпочитают для своих детей уроки в мечетях, где нюансы интерпретации ислама определяет имам, который может вообще не подчиняться никаким австрийским органам. Если он, например, является командированным госслужащим из Турции или приглашен общиной

из другой страны. Часть родителей, наоборот, нацелена на успешную интеграцию детей и опасается негативных последствий уроков ислама именно из-за фундаменталистских взглядов учителей. Ведь антисемитизм одного из венских преподавателей стал известен именно благодаря забившим тревогу родителям детей-мусульман.

К интересным выводам приходит и академическое исследование религиозного образования, установившее, что в Австрии детей-мусульман ориентируют на концепцию «соседства» с членами принимающего общества¹⁴. Соседство, даже в степени, называемой «добрососедство», и гражданское единство, конечно, разные вещи. Также небесспорной с точки зрения интересов общества, да и личных перспектив каждого ученика, выглядит ориентация учебных программ на первостепенную важность системы запретов и дозволений и поддержание ритуалов и исламского образа жизни в противовес акценту на содержательную сторону религии и активное участие в жизни общества.

Тем не менее консервативные установки семьи и не всегда способствующее формированию толерантной личности религиозное обучение в школе или имамы с фундаменталистскими взглядами не настолько определяют состояние умов молодого поколения австрийских мусульман, чтобы бить тревогу. Наоборот, есть данные о том, что оно достаточно эмансипировано. Социолог П. Цулелер в исследовании «Религия в жизни австрийцев (1970–2010 гг.)» отмечает, что интерес к религии у второго поколения мусульманских иммигрантов значительно снижается:

- всего 29% его представителей проводят жизнь в соответствии с религиозными требованиями по сравнению с 54% представителей первого поколения;

- только 48% мусульман стараются посещать мечеть каждую пятницу и соблюдать предписание пятикратной молитвы ежедневно¹⁵;

- если в первом поколении авторитеты и ценности ислама считают незыблемыми 75%, то во втором – только 50%.

П. Цулелером сделано и важное гендерное открытие: почти в 2 раза сократилось число женщин-мусульманок, готовых подчиняться авторитетам. В этом смысле женщины-мусульманки второго поколения не только превзошли мужчин-единоверцев, но и оказались свободнее своих австрийских сверстниц.

Для наглядного подтверждения выводов социолога газета Standard провела ряд интервью с молодыми мусульманами¹⁶. В первой публикации интервьюировали трех школьниц из Инсбрука. Они действительно более независимы в оценках, чем их сверстницы, делающие многое ради самодовольствия. Ничем не ограничивая себя в столь важных для молодежи общении, экспериментах с внешностью, музыкальных и иных развлечениях, эти девушки не с религиозных, а с рациональных позиций отказываются употреблять на вечеринках алкоголь и оценивают как положительное явление то, что в мусульманских странах детский и жен-

ский алкоголизм исключен. Зато отношения между полами, принятые у европейцев, австрийским мусульманкам нравятся больше, чем принятые на исторической родине.

Как и эмансипированные западные женщины, эти девушки ставят образование и карьеру на первое место, а будущую семью и детей – на второе. Их угнетает необходимость уважать религиозные и консервативные взгляды родителей и согласовывать с ними свои внешность, поступки и высказывания. Все три опрошиваемые продемонстрировали свободомыслие, заявив, что читали Коран, чтобы найти ответы на многие повседневные вопросы и не нашли их: в частности, не нашли указания носить платок. Они способны на критику своего сообщества в Австрии и порицают двойные стандарты, когда считается нормальным вести себя по-разному с мусульманами и со всеми остальными.

Следующей группой интервьюируемых были жители Вены, боснийцы – 23-летний юноша и 29-летняя девушка. Они интерпретировали религию по-своему, считая это своим правом, и одновременно ощущали ислам неизменной частью своей идентичности. Это не мешало им ходить на вечеринки, употреблять алкоголь, иметь прочные романтические отношения с немусульманами и пренебрегать постом в Рамадан. В то же время вера даже для таких свободных людей очень важна, они отнесли ее к разряду ценностей, которые необходимо передать будущим детям.

Участники серии интервью заявили, что не чувствуют себя представленными официальной организацией австрийских мусульман – ИРСА. Они сомневались в ее целесообразности, ибо ИРСА не могла представлять интересы тех, кто верит иначе или менее религиозен, чем активисты организации, но в дебатах с ними у политиков и общества формируется искаженное мнение, и шаблон, применимый лишь к одной из групп, распространяется на всех. Молодые люди высказали мнение, что в Австрии уже много тех мусульман, кто может «обойтись с религией проще», и гораздо меньше тех, кто свою сильную религиозность воспринимает как повод не адаптироваться в иную культурную среду. По их мнению, немало и придерживающихся умеренного отношения к религии: последние, будучи верующими, не нуждаются в религии как в постоянной системе жизненных координат.

Эта самооценка совпадает с исследованием П. Цулелера, который делит австрийских мусульман на две основные группы – «практикующих» и «секуляристов» и одну промежуточную, представители которой со временем перейдут либо в первую, либо во вторую. К «секуляристам» автор относит тех, кто не молится, не считает важными пять столпов ислама, а порой и не верит в Аллаха, что роднит их с «культурными христианами», для которых религиозные смыслы утрачены, но христианство дорого им как часть национальной или семейной традиции. В целом, полагает ученый, переворот в сознании, которое испытывают му-

сульмане в Австрии за одно поколение, принося сюда «домодерную форму религиозной веры из Анатолии» и попадая в постмодерный мир, – это скачок в секуляризацию, для чего европейскому христианству понадобилось пройти около 400 лет¹⁷.

Если generation gap, как показывают исследования, облегчает индивидуальную интеграцию молодых мусульман в австрийское общество, то другой тип разделений – этнический – затрудняет системную работу с ними в силу их разрозненности. Босняки, турки, персы, чеченцы, афганцы и арабы предпочитают иметь «свои» мечети и зачастую критикуют пиетет, с которым на правительственном уровне относятся к ИРСА. Они считают ИРСА организацией, выражающей позицию и представляющей интересы лишь мусульман турецкого происхождения¹⁸.

Критика небезосновательна: турки действительно не стремятся к консолидации с австрийскими мусульманами другого происхождения даже в рамках номинально космополитичной ИРСА, не говоря уже о более влиятельных, чем ИРСА, турецких организациях, лидерам которых чуждо как универсальное видение ислама, так и мышление, ориентированное на лояльность Австрии (Германии и т.д.). Их задача – укрепление турецко-исламской идентичности у переселенцев, что и было озвучено в качестве политических приоритетов главой Турции Р. Эрдоганом во время скандального визита в ФРГ¹⁹.

Впрочем, замкнутостью на себе отличаются и остальные этнические диаспоры. Так, вторая по величине после турецкой этническая группа мусульман – босняки, как они сами себя называют, еще в 1970-х гг. организовала Боснийский Союз мечетей, благодаря которому все заметные населенные пункты располагают мечетями для босняков. Минимум 40 самостоятельных организаций религиозного профиля, среди которых Союз боснийских мусульман, Таухид-Мечеть, боснийский Союз взаимопомощи и др., объединены независимой от ИРСА зонтичной структурой под названием «Союз исламских общин босняков», располагающей 23 представительствами.

Еще две небольшие группы из Македонии и Албании (3 и 8% австрийских мусульман соответственно) также имеют в нескольких населенных пунктах свои организации и мечети. Даже насчитывающая несколько сотен человек диаспора из Бангладеш располагает в Вене двумя молитвенными помещениями. Несколько тысяч человек арабского происхождения из разных стран (от политических беженцев из Палестины до сотрудников штаб-квартиры ОПЕК) посещают многочисленные «арабские» мечети и союзы.

Следующий тип разделений внутри мусульманского сообщества Австрии – конфессиональный. Обособленно от ИРСА существует религиозное сообщество анатолийских алевитов, добившихся учреждения собственной национальной структуры «Исламское алевитское сообщество Австрии». Число членов этой общины – не менее 60 тыс. человек²⁰. Также почти не сотрудничают

с ИРСА шииты Австрии, преимущественно выходцы из Ирана. По разным оценкам, их число составляет от 17 тыс. до 20 тыс. человек, из которых около 14 тыс. – родившиеся в Австрии. Иранцы в основном не религиозны, а политизированы, обеспокоены ситуацией на своей исторической родине, и это отражается в идеологии их организаций («Зеленое кольцо», «Платформа второго поколения иранцев в Австрии», «Союз независимых иранских женщин» и др.).

Еще один тип разделений в мусульманском сообществе – идеологический. Так, серьезным конкурентом ориентированной на лояльность австрийским властям ИРСА на идеологическом фронте выступает консервативный АТІВ, патронированный турецким ведомством по делам религий. То, насколько серьезные задачи ставит Турция перед АТІВ, подтверждается активной финансовой и политической поддержкой: за 8 лет, с 2001 по 2009 г., число мечетей и местных союзов при них в рамках АТІВ выросло с 31 до 57, то есть почти в 2 раза, охватив всю территорию Австрии. Независимо от АТІВ действует исламистское движение Милли гёрюш, располагающее 36 мечетями и союзами, и еще более чем 70 сопутствующими структурами разного назначения. Довольно влиятелен и конкурентоспособен также Союз исламских культурных центров в Австрии, объединяющий минимум 45 мечетей и союзов и располагающий собственным образовательным учреждением для имамов.

Еще одним идеологическим оппонентом ИРСА, уже с другого фланга, является независимая «Инициатива либеральных мусульман Австрии» (далее – ИЛМА)²¹. Члены ИЛМА озабочены деятельностью политических организаций, использующих религию ислама как инструмент для достижения своих целей в Европе. Они выступают против вхождения в президиум ИРСА представителей АТІВ, являющихся турецкими госслужащими и проводниками определенной политизированной интерпретации ислама, тем более что под их влиянием оказалась вся система школьного религиозного образования детей-мусульман. Под вопрос ставят либералы и легитимность ИРСА: Конституционный суд Австрии уже подтвердил, что решение правительства сделать единственную организацию полномочным представителем всех мусульман антиконституционно. Либералы критикуют систему выборов в высшие органы ИРСА, поскольку сотни тысяч мусульман из-за непрямых выборов не допущены к голосованию. Им же принадлежат инициативы, согласно которым проповеди в мечетях должны вести на немецком языке, а имамы, планирующие работать в Австрии, должны подписывать циркуляр о соглашении уважать права женщин и западные демократические устои. ИЛМА против строительства новых мечетей в Австрии, поскольку имеющиеся обычно полупусты или пусты; и за отказ от минаретов ввиду отсутствия их функциональной необходимости в наши дни, тогда как архитектурный облик городов они действительно меняют. От либералов исходит и предостережение властям: не позволять

под предлогом «социальной работы» возводить на деньги иностранных спонсоров инфраструктуру, включающую культурные центры, исламские школы, больницы и детские сады при каждой мечети, поскольку эта концепция позволит осуществить нежелательный ни для коренных австрийцев, ни для мусульман проект параллельного общества.

Не менее интересное, чем либералы, оппозиционное идеологическое течение «Бывшие мусульмане». Задача этих оппозиционеров – публично отстаивать право на отказ от веры или на смену религии, что не дозволяется исламом, как отмечает глава «Бывших мусульман» в Австрии Ш. Кайя, политолог с турецко-курдскими корнями²². Свои личные мотивы Кайя объясняет иначе: если человек – приверженец идеалов просвещения и гуманизма и выступает за самокритику в исламе, то он сначала должен объявить себя вне правил негласного табуирования проблем мусульманского сообщества или спорных аспектов исламской доктрины.

Фактически Кайя признает, что движение бывших мусульман стало способом дискутировать об исламе с теми, кто способен слушать, включая и власти западных стран, не всегда адекватно выбирающих партнеров по диалогу с мусульманским сообществом. Этот опосредованный упрек небезоснователен, поскольку европейские правительства – и Австрия тут не исключение – пытаются упростить проблему и решить ее по готовой схеме, ориентируясь на государственно-церковные отношения, тогда как ислам еще не готов дать внутренний ответ на все вызовы нового времени и нового статуса своих сообществ в немусульманских странах XXI в. Ответ за весь ислам (как религиозное учение, так и за всех его приверженцев) торопятся дать фундаменталисты и исламисты, готовые использовать предоставляемые властями опции для достижения своих целей. Движение «Бывших мусульман», кстати, – альтернативный плод поисков такого ответа. Основательница этого движения, феминистка из Германии М. Ахади, на открытии центра в Австрии озвучила несколько главных на сегодня вопросов к мусульманским лидерам:

– когда будут пересмотрены права женщин, включая не только теоретические, но и практические проблемы – убийства во имя чести и принудительные браки, принудительное одевание на женщин платка, препятствие образованию девочек?

– какие конкретные меры остановят распространение фундаментализма и возникновение параллельных обществ?²³

Ахади указывает, что если мусульмане сами не начнут решать эти вопросы, правые радикалы, с одной стороны, и фундаменталисты – с другой, усилят свои позиции. В том же ключе высказался в интервью интеграционному фонду Австрии и венский профессор-мусульманин Э. Аслан. «Прискорбно, что в X веке в Багдаде среди мусульман было больше свободомыслия,

чем в Вене XXI века, и основная задача ИРСА как раз вырабатывать ислам нового толка – европейского, ведь центром теологии для мусульман Австрии должна быть именно их новая родина, а не Стамбул или арабские страны»²⁴, – пишет этот автор. Большие опасения ученого вызывает и наличие среди молодых исламских активистов людей, готовых говорить с австрийцами о толерантности и созидании совместного будущего, а на самом деле придерживающихся противоположных намерений.

Однако повод для оптимизма относительно интеграции мусульман в австрийское общество, на наш взгляд, все-таки есть. О том, что интеграция, понимаемая как усвоение европейских ценностей, то есть толерантности, свободомыслия и эмансипации личности, для многих мусульман страны уже свершившийся факт, свидетельствуют:

– и совсем недавнее появление столь необычных движений, как «либеральные» и «бывшие» мусульмане;

– и обусловленное сменой поколений наличие групп с разными взглядами на ислам и свою идентичность в Австрии;

– и конкуренция мусульманских организаций различных политических ориентаций.

Возможно, несмотря на все различия – этнические, конфессиональные, политические, идеологические, поколенческие, или, наоборот, благодаря этим различиям, стимулирующим дискуссии и конкуренцию, в недалеком будущем в мировоззрении австрийских мусульман родится современный исламский синтез и появятся желанные изменения в интерпретации ислама для мусульман Европы в целом и каждой европейской страны в отдельности.

Pinyugina E.V. Austrian Muslims. The Problems and achievements of Social and Political Integration.

Summary: *The national organization of Austrian Muslims in its first phase (1979–2000) was to improve dialogue between the state and Muslims, thereby making a contribution to the social integration of Muslims and their religious law and to social cohesion and so counteract social polarisation and segregation. Reality is more complicated: Muslims are not seen by others as part of Austrian society (right parties win up 18 to 30% by national and local elections) and their largest organizations are influenced by Turkish authorities or foreign fundamentalists. The construction of mosques and religious instruction at schools, supported by government as an important step towards the integration of Islam in Austria, can reach opposite goals, as the leaders of new Muslim's political movements in Austria caution in mass-media. The activities of these new liberal movements can create a new scheme of Muslim-society cooperation and mutual understanding, in order to overcome irrational aggressive Islamophobia and sometimes reasonable Anti-Muslim prejudices.*

Ключевые слова

Отношения государства с мусульманами, ислам в Австрии, строительство мечетей в Европе, уроки ислама в школах, мусульманские организации и политические движения на Западе, исламофобия, конфликт поколений у мусульман

Keywords

Muslim-state relationships, Islam in Austria, construction of mosques in Europe, Islamic religious instruction at schools, Muslim's organizations and new political movements in the West, Islamophobia, Muslim's generation gap

Примечания

1. Текст Закона 1912 г. размещен на сайте австрийского правительства (Режим доступа: <http://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10009179>). Отсканированный архивный документ доступен на академическом портале Medienportal.univie.ac.at (Режим доступа: http://medienportal.univie.ac.at/fileadmin/user_upload/medienportal/uni_view/Pics/Fotos_2012/Islamgesetz.pdf).
2. Здесь и далее демографическая, этническая и конфессиональная статистика по мусульманскому сообществу Австрии приводится из размещенного на сайте государственного Интеграционного фонда отчета «Muslimische Bevoelkerung Oesterreichs». – 25/09/2010 [Electronic recourse] / www.integrationsfond.at. – Mode of access: http://www.integrationsfonds.at/de/monographien/islam_in_oesterreich/#c6384
3. Конституция ИРПА доступна на интернет-сайте этой организации. – Режим доступа: <http://derislam.at/?c=content&cssid=VerfassungderIGGiO&navid=870&par=10>.
4. Мор И.-К. Исламское религиозное обучение в Германии и Австрии: сравнение принципов, определяемых религиозным сознанием // Ислам в Европе и в России / Сост. Деминцева Е.Б. М.: Издательский дом Марджани, 2009. С. 19 – 35.
5. Репортаж о праздновании Юбилея см., напр., на сайте Исламского религиозного сообщества Австрии. «100 Jahre Islam in Oesterreich. – 30/06/2012 [Electronic recourse] / www.derislam.at. – Mode of access: <http://www.derislam.at/index.php?f=news&shownews=1571&kid=1>
6. Wahl zum 25 Oesterreichischen Nationalrat. – September 2012 [Electronic recourse] / Wikipedia.de. – Mode of access: http://de.wikipedia.org/wiki/Wahl_zum_25._%C3%96sterreichischen_Nationalrat.
7. Winter verurteilt. – 22/01/2009. – [Electronic recourse] / www.diepresse.com. – Mode of access: http://diepresse.com/home/politik/innenpolitik/446266/Winter-verurteilt_Muss-Religion-beleidigen-duerfen
8. Islam fuer jeden zweiten Oesterreicher eine Bedrohung. – 01.03.2010. – [Electronic recourse] / www.derstandard.at. – Mode of access: <http://derstandard.at/1267131982424/Studie-zu-Religion-und-Freiheit-Islam-fuer-jeden-zweiten-Oesterreicher-eine-Bedrohung>
9. Schueller R. Jung, maennlich und antiislamisch. Studie ueber Populisten. – 07.11.2011 [Electronic recourse] / www.derstandard.at. – Mode of access: <http://derstandard.at/1319182139032/Studie-ueber-Populisten-Jung-maennlich-und-anti-islamistisch?seite=26>
10. Репортажи разных СМИ о ходатайствах населения против строительства мечетей, об осквернениях строительных площадок свинными головами, нападениях на мечети, вандализме на мусульманских кладбищах: http://islam.com.ua/news/2525/#.UDYbMshN_JJ; <http://radio-muezzin.schoggo-tv.de/2008/01/04/moschee-linz-mit-schwein-zum-neuen-jahr/>; <http://www.ansar.ru/world/2012/5/15/28985?print>
11. См., например, сайты SOSheimat.at (в переводе буквально означает «Спасите родину!») или unzensuriert.at (в переводе – «без цензуры»). Все новости сообщаются в алармистском духе, особенно в отношении строительства мечетей.
12. Antisemitismus bei Islamunterricht / Die Presse. – 05.11.08. – [Electronic recourse] / www.diepresse.com. – Mode of access: http://diepresse.com/home/bildung/schule/451108/Islamunterricht_Antisemitismus-im-Unterricht
13. Khorchide M. Der islamische Religionsunterricht in Österreich. [Electronic recourse] / www.integrationsfond.at. – Mode of access: http://www.integrationsfonds.at/de/monographien/islam_in_oesterreich/#c6395
14. Мор И.-К. Исламское религиозное обучение в Германии и Австрии: сравнение принципов, определяемых религиозным сознанием // Ислам в Европе и в России / Сост. Деминцева Е.Б. М.: издательский дом Марджани, 2009. С. 19 – 35.
15. Полное описание исследования, включая выборку, опросные листы и хронологические таблицы, размещены на сайте ученого: <http://www.zulehner.org/site/forschung/religion>
16. Junge Musliminnen Rebellion gegen veraltete Werte / [Electronic recourse] / www.dastandard.at. – Mode of access: <http://dastandard.at/1329870463019/Junge-Musliminnen-Rebellion-gegen-veraltete-Werte?seite=2>; <http://dastandard.at/1326504363423/Muslime-in-Oesterreich-Untypisch-muslimisch>
17. Wer stark ist, hat keine Angst und pflegt den Dialog. – 13.04.2011. – [Electronic recourse] / www.avusturya.zaman.com.tr. – Mode of access: http://avusturya.zaman.com.tr/at/newsDetail_getNewsByld.action?newsId=249899
18. Islamische glaubensgemeinschaft geklagt: vertritt nicht alle muslimische Gruppen. – 25.05.2008. / [Electronic recourse] / www.news.at. – Mode of access: <http://www.news.at/articles/0821/10/206746/islamische-glaubensgemeinschaft-vertritt-gruppen>
19. Erdogan-Rede in Deutschland sorgt weiter fuer Wirbel. – 01.03.2011. – [Electronic recourse] / www.krone.at. – Mode of access: http://www.krone.at/Welt/Erdogan-Rede_in_Deutschland_sorgt_weiter_fuer_Wirbel-Gegen_Assimilation-Story-248590
20. Информация с сайта сообщества в Интернете: http://www.alevi.at/de/?page_id=8
21. Подробнее о членах и деятельности этого движения со ссылками на публикации в СМИ о заметных выступлениях и акциях либеральных мусульман см. на его официальном сайте в сети Интернет: www.initiativeliberalermuslime.org
22. Gegen den Islam als Herrenreligion / Der Standard [Electronic recourse].- Mode of access: <http://derstandard.at/1266541545251/Gegen-den-Islam-als-Herrenreligion-Ex-Muslime-fordern-Recht-auf-Nichtglauben>
23. Там же.
24. Ednan Aslan: Muslime brauchen gewisse Impulse / Die Presse [Electronic recourse].- Mode of access: http://diepresse.com/home/panorama/religion/1261326/Ednan-Aslan_Muslime-brauchen-gewisse-Impulse

Влияние внутриполитических процессов в Монголии на современные монголо- китайские отношения

Ч.Ц. Дамбиев

В статье содержится анализ ряда внутриполитических факторов в Монголии, способных оказать влияние на современные монголо-китайские отношения. Среди них следует выделить расстановку политических сил, влияние СМИ, НПО, экономический и религиозный аспекты. В заключительной части приводятся основные выводы.

Рассматривая взаимосвязь внутренней и внешней политики Монголии и эволюцию монголо-китайских отношений на современном этапе, следует учитывать ряд аспектов. Концепция внешней политики Монголии 2011 г. определяет следующие основные аспекты внешнеполитического процесса в стране:

- развитие стратегического партнерства с Китаем, Россией и так называемым «третьим соседом» (под таковым подразумеваются США, Евросоюз, Япония, Южная Корея, Индия, Турция);
- отказ от вхождения в любой военный блок;
- проведение самостоятельной внешней политики с помощью политико-дипломатических мер, без опоры на какую-либо страну.

Главная задача внешнеэкономической деятельности страны в этом документе определяется как создание благоприятных условий для сбалансированного развития национальной экономики на базе горнодобывающей и перерабатывающей промышленности, совершенствования инфраструктуры и создания конкурентоспособной ин-

вестиционной среды в Монголии. При этом отмечается, что Монголия будет отдавать приоритет вопросам экономической безопасности страны¹.

Основные положения Концепции помогают понять, какой монгольское руководство видит внешнеполитическую стратегию своей страны в сложившихся международных условиях, с учетом ее положения как в собственном регионе, так и в мире в целом.

Новый этап развития двустороннего монголо-китайского сотрудничества начался в мае 1990 г. с визита Президента Монголии П. Очирбата в Пекин и его встречи с Председателем КНР Ян Шанкунем. В августе 1991 г. впервые лидер Китая Ян Шанкунь приехал с официальным визитом в Улан-Батор. Эта встреча ознаменовала окончательную нормализацию отношений между странами и стала толчком для развития плодотворного сотрудничества. С этого момента отношения между Монголией и Китаем интенсивно развивались и углублялись. Политический консенсус сопровождался небывалым экономическим сотрудни-

Дамбиев Чингис Цыренович – аспирант очной формы обучения ЦИВА и ШОС ИМИ МГИМО(У) МИД России.
E-mail: Dambiev76@mail.ru

чеством. По данным министерства торговли КНР, в 2011 г. товарооборот между странами достиг рекордной суммы в 6,33 млрд долларов США и по сравнению с 2010 г. увеличился на 85%².

За прошедшие годы Китай стал крупнейшим торговым партнером и инвестором Монголии. Между двумя странами налажен регулярный обмен визитами на высшем и высоком уровне. Так, 15 июня 2011 г. состоялся официальный визит премьер-министра Монголии С. Батболда в Пекин, в ходе которого он встретился с премьером Госсовета КНР Вэн Цзябао, Председателем постоянного комитета ВСНП КНР У Банго и заместителем Председателя КНР Си Цзинпином, который, вероятно, возглавит КНР после ротации руководства страны в 2012 г. Важно отметить, что во время этого визита стороны объявили о выводе двусторонних отношений на уровень стратегического партнерства³.

Несмотря на активизацию монголо-китайских отношений, имеются некоторые особенности внутриполитического процесса в Монголии, которые способны влиять на внешнеполитический курс Монголии в отношении КНР. Подобную ситуацию известный американский исследователь Р. Патнэм назвал «игрой на двух уровнях». Суть данного положения заключается в том, что государственным лидерам приходится формулировать политическую линию, исходя из ситуации, складывающейся сразу в двух измерениях – внешнеполитическом и внутриполитическом. Таким образом, подвергаясь давлению со стороны различных групп интересов внутри государства, на международной арене правительство старается максимизировать возможности удовлетворения запросов внутренних групп и коалиций и при этом минимизировать внешнеполитические издержки⁴.

Исходя из этого, следует в первую очередь отметить роль парламента в политической жизни страны, так как по конституции Монголия является парламентской республикой. Великий государственный хурал, состоящий из 76 депутатов, определяет пути социально-экономического развития, курс внутренней и внешней политики страны.

На сегодняшний момент самыми влиятельными политическими движениями являются:

1. Монгольская народная партия – старейшая и крупнейшая политическая сила. Основанная в 1921 г., она позиционируется как партия левого толка, член Социнтерна, ее ряды насчитывают более 160 000 человек. Партия располагает широкой сетью первичных отделений, молодежной, женской организацией и союзом сторонников старшего поколения. МНП всегда демонстрировала единство своих рядов, но в последнее время в партии начали возникать группы влияния, представляющие интересы крупных лоббистских структур внутри партии. На данный момент в МНП существуют три группировки: фракция «Соембо», «Союз левоцентристских сил», фракция «Традиции, обновление, демократия и справедливость». Также сильные позиции занимают группы,

которые объединены по региональному признаку, такие, как «Убсунурская» и «Улан-Баторская».

2. Монгольская народно-революционная партия воссоздана под старым названием после раскола с Монгольской народной партией в 2011 г. Возглавляет партию бывший президент Монголии Н. Энхбаяр. Партия образована после того, как фракция «Традиции, обновление, демократия и справедливость» на XXVI съезде МНРП в 2010 г. сместила партийное руководство во главе с Н. Энхбаяром и переименовала себя в Монгольскую народную партию.

3. Монгольская национально-демократическая партия образовалась в 2007 г. под названием «Новая национальная партия» и была переименована в 2011 г. Партию возглавляет бывший премьер-министр Монголии М. Энхсайхан, который в свое время был одним из лидеров Демократической партии.

4. Демократическая партия Монголии (ДПМ) – одна из ведущих политических сил страны. Пропагандирует демократические ценности западного образца. Образована в 2000 г. путем слияния Национальной демократической партии, Социал-демократической партии, Партии возрождения традиций, Демократической религиозной партии, старой Демократической партии и крыла Объединенной традиционалистской партии. Эти шесть политических организаций и стали основой современной ДПМ. Следует отметить, что в 2011 г. ДПМ была принята в Международный демократический союз – влиятельное международное объединение партий, придерживающихся консервативной, либерально-консервативной и христианско-демократической идеологий.

Этот союз был создан в 1983 г. для координации политики, обмена опытом и выработки единой позиции по международным вопросам группой видных политических деятелей консервативного взгляда, среди которых были бывший премьер-министр Великобритании М. Тэтчер, президент США Дж. Буш и др.

Численность ДПМ составляет около 140 тысяч членов. Как отметила монгольский политолог О. Чимэгмаа, Демократическая партия имеет тесные связи с США и американцы консультируют эту политическую организацию по всем вопросам партийного строительства и ведению избирательных компаний. ДПМ впервые в истории выборов компаний в Монголии применила стратегию официального спонсорства избирательной кампании⁵. В этой партии довольно сильны внутриполитические течения и на данный момент имеется пять фракций. Решения по важным внутрипартийным вопросам выносятся на межфракционное обсуждение, где зачастую происходят конфликты интересов групп влияния. До 2008 г. Демократическую партию возглавлял ныне действующий президент Монголии Ц. Элбэгдорж.

5. Партия зеленых–Гражданская воля образована 26 марта 2011 г. путем слияния Партии Гражданская воля и Партии зеленых Монголии. Идеология, которой придерживаются ее члены,

сформулирована как либерально-демократическая. Обе партии до объединения имели неплохие позиции на политической арене Монголии. Партия Гражданская воля была основана в 2000 г. бывшим министром иностранных дел Монголии С. Оюун. Партия последовательно участвовала во всех избирательных компаниях. На выборах в парламент 2008 г. она набрала 11% голосов избирателей, но в силу мажоритарной избирательной системы получила только одно место в парламенте. На выборах президента Монголии в 2009 г. партия поддержала кандидата от Демократической партии Ц. Элбэгдоржа, который в итоге одержал победу. Партия зеленых была образована в 1990 г. и по праву считается одной из старейших политических партий. Выступает против загрязнения окружающей среды, которое происходит из-за интенсивного развития горнорудной промышленности. В 2008 г. лидер партии Д. Энхбат был избран депутатом ВГХ по одномандатному округу и впервые в Азии представитель Партии зеленых стал членом парламента.

За период с 2008 по 2012 г. политическая ситуация в Монголии претерпела определенные изменения. В первую очередь это связано с событиями, происходившими во время предыдущих выборов в парламент страны, когда Демократическая партия, которая получила 27 мест в парламенте, не согласившись с итогами голосования, обвинила МНРП в фальсификации итогов выборов. Тогда в результате беспорядков в Улан-Батаре погибли 5 человек, была сожжена штаб-квартира МНРП. Итогом этих событий стало поражение Н. Энхбаяра на президентских выборах 2009 г. Во-вторых, МНРП, желая поправить свой имидж после «революции юрт», решила провести реформы внутри партии и обновить руководство. Одним из итогов обновления стало переименование партии в Монгольскую народную партию, в результате чего Н. Энхбаяр, не согласившись с итогами партконференции, вышел из МНРП и воссоздал МНРП.

Политолог Б. Баатарху в статье, анализирующей внутрипартийные отношения в правящей партии, отмечает: «Если раскол внутри МНРП, подогреваемый национальными олигархами, поддерживаемыми Китаем, достигнет своего апогея, то очевидно, что МНРП проиграет на выборах ВГХ 2012 г. В этом случае МНРП должно будет поменять свое название, в противном варианте она вступит на путь окончательного краха»⁶.

Перед выборами в парламент 2012 г. после долгих консультаций Великий государственный хурал Монголии 15 декабря 2011 г. принял Закон о парламентских выборах в обновленной редакции. Согласно новому правовому акту, очередные выборы в Хурал пройдут в смешанном варианте – по одномандатным округам и партийным спискам. Так, 48 мест в парламенте страны из 76 будут избираться по одномандатным округам, остальные 28 мест – по партийным спискам. Введено положение, по которому партия, преодолевшая 5-процентный барьер, имеет право занять места в парламенте.

Принятие обновленного закона о выборах стало попыткой избежать последствий «революции юрт» 2008 г., когда было сформировано коалиционное правительство МНРП и ДПМ. Это решение МНРП приняла для того, чтобы снизить политическую напряженность в обществе, хотя эта партия могла сформировать однопартийное правительство. Коалиционное правительство, проработав 3,5 года, прекратило свою деятельность в январе 2012 г., когда демократы заявили о своем выходе из него. Руководство Демократической партии объяснило эти действия подготовкой к предстоящим парламентским выборам 2012 г.

30 апреля 2012 г. было объявлено о коалиции Монгольской народно-революционной партии и Монгольской национально-демократической партии. Обе политические силы решили идти на выборы в альянсе. Таким образом, накануне выборов образовались четыре политические силы, готовые бороться за места в парламенте: Монгольская народная партия, Демократическая партия, Партия зеленых – Гражданская воля и коалиция МНРП и МНДП. Политическая ситуация в стране обострилась после того, как 13 марта 2012 г. по обвинению в финансовых махинациях был арестован лидер МНРП, бывший Президент Монголии Н. Энхбаяр. Задержание лидера МНРП вызвало широкий резонанс в стране. Так, по мнению монгольского политолога Д. Ганхуяга, арест Н. Энхбаяра связан с борьбой за контроль, распределение долей и разработку крупнейшего месторождения коксующегося угля в мире Таван Толгой и третьего по мировым запасам месторождения меди и золота Оюун Толгой⁷.

Этот инцидент вызвал раскол в правящей Монгольской народной партии. 30 апреля 2012 г. о своем выходе из МНРП и переходе в МНРП объявили пять депутатов парламента. Они заявили, что недовольны политикой, которую премьер-министр С. Батболд проводит в горнорудной промышленности, в частности усилением китайского присутствия на месторождении Оюун Толгой⁸. Примечательно, что на сторону Н. Энхбаяра перешли такие политики, как Д. Тэрбишдагваа, бывший сопредседатель Монголо-Российской межправительственной комиссии, Ч. Улан, бывший министр финансов Монголии, который непосредственно участвовал в урегулировании вопроса об 11-миллиардном долге Монголии перед Россией, О. Чулуунбат, бывший Председатель национального банка Монголии.

Против монополизации Китаем месторождений полезных ископаемых выступили парламентарии от Демократической партии Монголии Ц. Сэдваанчиг и Г. Баярсайхан. Они заявили, что действия китайской стороны угрожают национальной безопасности Монголии. Подчеркивалось мнение о том, что необходимо принять специальный закон, который бы увеличивал долю государства на предприятиях стратегического значения. Этот документ, по мнению депутатов, сможет снизить риски ценового демпинга со стороны иностранных инвесторов, которые одновре-

менно являются поставщиками и потребителями сырья, что в конечном итоге снизит налоговые поступления в бюджет страны от добычи полезных ископаемых⁹.

По данным авторитетного монгольского социологического центра «Сант Марал» от 14 апреля 2012 г., рейтинг электоральной поддержки политических партий Монголии по итогам опроса 5020 респондентов из 21 региона страны выглядит следующим образом:

– на вопрос: «За какую из следующих партий вы бы проголосовали на выборах в Великий государственный хурал, если бы они состоялись завтра?» – 16,5% опрошиваемых высказались за Монгольскую народную партию, 17,3% – за Демократическую партию, 6,3% – за коалицию МНРП – МНДП, 1,9% – за Партию зеленых – Гражданская воля, 48,1% – не определились с выбором;

– на вопрос: «Кто из политиков, по вашему мнению, должен играть активную роль в политической жизни страны?» – 25,8% поддержали Ганбаатара, 17,5% – Энхбаяра, 14,7% – Элбэгдоржа, 12,7% – С. Батболд, 8,5% – Оюуна.

Опрос показал снижение рейтинга двух основных политических партий и рост показателей новой политической силы – коалиции МНРП–МНДП. Также оказался высоким личный рейтинг лидера коалиции Н. Энхбаяра, которого называют сторонником укрепления российско-монгольского сотрудничества. Он заявляет о том, что придерживается так называемого принципа равноудаленности от ведущих мировых держав, выступает за паритетный доступ иностранных корпораций к природным ресурсам Монголии.

Несмотря на то что Китай и Монголия в 2011 г. заявили о повышении сотрудничества до уровня стратегического партнерства, от результатов выборов в парламент будут напрямую зависеть результативность инвестиционных проектов в горнодобывающей промышленности, которые КНР реализует в Монголии. Важную роль в формировании общественного мнения, которое способно влиять на внешнеполитический курс Монголии в отношении Китая, играют СМИ. Ведь общественное мнение во многом складывается не в процессе непосредственного общения, а в результате внедрения суждений и установок, создаваемых с помощью медиаобразов.

Так, в работе монгольского исследователя Н. Галиймы был проведен анализ китаефобии в монгольской прессе за период с 2006 по 2010 г. Для анализа за 2006 г. были взяты 28 периодических изданий: 4 ежедневных, 11 еженедельных и 17, выходящих два раза в месяц. Для следующего исследования Галиймой были проанализированы публикации за год (с 1 сентября 2009 г. по 30 августа 2010 г.) в 23 периодических изданиях: 7 ежедневных, 6 еженедельных, 7, выходящих 2 раза в месяц, и 5 ежеквартальных.

Исследование показало, что за четырехлетний период тематика и стиль монгольских публикаций, касающихся китайцев и КНР, существенно изменился. Государственные и партийные СМИ

размещают официально одобренные статьи об улучшении монголо-китайских отношений, об экономической и технической помощи со стороны КНР и об успехах экономического развития Китая. Даже публикации об ущербе, наносимом экологии Монголии китайскими горнодобывающими компаниями, были выдержаны в более сдержанном тоне, чем в 2006 г. Это связано с тем, что власть с улучшением монголо-китайских отношений не поощряет резких выступлений против Китая¹⁰.

Тем не менее в независимой прессе часто трагируются проблемы угрозы для экологии страны из-за небрежного отношения к ней китайских компаний, публикуются статьи о преступлениях со стороны китайцев, участии их в незаконной торговле людьми, выражается сочувствие к положению монголов в АРВМ КНР.

За последние годы существенно возросла во внутренней политике роль неправительственных организаций. Можно рассмотреть два основных направления их деятельности:

– это радикальные националистические движения «Цагаан Хас», «Хох Монгол», «Даяар Монгол», главной идеологией которых является так называемая борьба с «китайским засильем». Популярность националистов растет в геометрической прогрессии с ростом числа китайских мигрантов. Всего за несколько лет им удалось стать оформившимся общественным движением численностью до 10 000 активных членов, что для трехмиллионной нации является весьма ощутимой силой. Во время последних событий, связанных с арестом лидера МНРП Н. Энхбаяра и последовавшими за ними манифестациями, националисты взяли под свою охрану Генерального секретаря МНРП Н. Удвал, которая координировала действия оппозиции. Ранее они заявили о своей поддержке коалиции МНРП – МНДП, претендующей на роль третьей силы¹¹. Популярность националистов связана с тем, что правящая МНП тесно сотрудничает с Китаем, что вызывает известные опасения монгольского общества. Демократическая партия в последние годы также снизила свою антикитайскую националистическую риторику, и эту нишу начали занимать молодые маргиналы, которые используют популярные среди населения антиханьские настроения;

– это экологические движения, объединенные в «Коалицию гражданских движений в защиту экологии Монголии». Основными задачами коалиции являются борьба за сохранение первозданной природы страны и гражданский контроль над разработкой полезных ископаемых. В 2012 г. эта организация добилась выплаты через суд компенсации за причиненный ущерб экологии в ходе разработки нефтяного месторождения в Восточном аймаке Монголии китайской корпорацией «Петро Чайна Дачин Тамсаг». Китайская госкорпорация по решению судебных органов Монголии должна перечислить 1 млн долларов США в бюджет муниципального образования, на территории которого были выявлены нарушения. Впервые в истории Монголии неправительственная организация

смогла повлиять на государство и отстоять свои интересы в отношениях с властью, что показывает возрастающую роль этих организаций в общественной жизни страны.

Возможными причинами так называемой китаефобии монголов могут являться как общие обстоятельства, вызывающие вспышки мигрантофобии во всем мире, так и свои уникальные этнические факторы, в частности многовековое пребывание Монголии в составе империи Цин. Хотя монгольские территории обладали в ней особым правовым статусом, произвол имперских чиновников и ростовщичество китайских купцов не формировали доброго отношения к Китаю. К этому можно добавить драматическую борьбу монгольского народа за независимость и дальнейшую легитимизацию Монголии на международной арене.

Улучшение монголо-китайских отношений, интенсификация экономических связей, рост торговли и инвестирование Китаем огромных средств в развитие горнодобывающей промышленности Монголии стимулировали большой и постоянно растущий поток трудовых мигрантов из Китая. Это вызывает определенные опасения у монголов и приводит к росту антикитайских настроений в обществе. По сообщению Совета национальной безопасности Монголии, число китайских граждан, находящихся в стране угрожает национальной безопасности Монголии. Число официально зарегистрированных граждан КНР составляет 20 000 человек, а число нелегальных мигрантов, предположительно, составляет свыше 100 000 человек. С 1 мая 2012 г. правительство Монголии на неопределенный срок ввело запрет на привлечение рабочей силы из КНР¹².

Естественной реакцией на сложившуюся ситуацию, связанную с нехваткой трудовых ресурсов для быстро развивающейся экономики Монголии, стало обращение президента Элбэгдоржа к монголам мира с призывом приехать в Монголию на постоянное жительство и участвовать в развитии страны. Он дал поручение правительству разработать концепцию переселенческой политики, ориентируясь на примеры Израиля и Казахстана¹³. Следует отметить, что наибольший отклик этот призыв нашел у монголов КНР, готовых к переселению в Монголию, но не вызвал живого отклика у российских монголов (калмыков и бурят).

Так, по данным опроса, проведенного социологическим центром «Сант Марал» от 14 апреля 2012 г. на вопрос: «Какая страна, является наиболее надежным партнером Монголии?» – голоса 5000 респондентов распределились следующим образом: Россия – 68,2%, КНР – 19,6%, США – 31,8%¹⁴. Данные опроса демонстрируют недоверие монгольского населения к КНР, несмотря на активизацию двусторонних отношений в последние годы. Складывается интересная ситуация: повышение уровня жизни населения в последние годы связано с иностранными инвестициями, в первую очередь из Китая, но эти инвестиции провоцируют рост национализма и китаефобии. Несмотря

на небывалый подъем экономического сотрудничества, отношения между Улан-Батором и Пекином, у монгольского общества и оппозиционных партий вызывают тревогу намерение китайской Aluminium Corporation of China (CHALCO) приобрести 60%-ную долю монгольской угольной компании South Gobi Resources.

Примечательно, что в 2009 г. экс-глава этого алюминиевого гиганта Сяо Яцин был назначен заместителем премьера Госсовета КНР. На этой должности он отвечает за приобретение Китаем зарубежных сырьевых активов, а также долей в иностранных добывающих компаниях. Это дает основания предполагать, что КНР проводит продуманную политику, направленную на приобретение подешевевших из-за кризиса зарубежных сырьевых активов. Руководство КНР, похоже, уверено в своих экономических перспективах и поэтому заранее решило обеспечить себе доступ к стратегическим ресурсам Монголии, и этот вопрос курируется на уровне Госсовета КНР.

Еще одним фактором, способным оказывать влияние на двусторонние отношения, в той или иной степени является личность Далай-ламы XIV. Монгольское руководство, несмотря на протесты КНР, периодически дает разрешение духовному лидеру Тибета посещать Монголию. МИД страны при этом подчеркивает, что визиты Далай-ламы XIV носят исключительно пастырский характер и Монголия принимает позицию КНР по тибетскому вопросу. Далай-лама XIV является одной из ключевых фигур, которая объединяет тибетскую диаспору, тибетский буддизм и Монголию. Он пользуется непререкаемым авторитетом среди монгольских верующих, любим и уважаем ими, но будущее этого института неясно. Тибетское правительство в изгнании и официальный Пекин не могут прийти к компромиссу по вопросу об автономии Тибета в составе КНР. И вопрос реинкарнации следующего духовного лидера Тибета становится все более актуальным.

В последнее время Далай-лама неоднократно говорил об этом и высказывал самые различные сценарии развития событий после своего ухода¹⁵. Профессор Д. Мягмар, директор Института геополитических исследований Совета национальной безопасности Монголии, в своей статье «Вопросы перерождения следующего Далай-ламы» рассматривает последствия возможной реинкарнации с позиций национальной безопасности государства и монголо-китайских отношений. Д. Мягмар отмечает в этой связи, что высказывания о том, что следующий Далай-лама должен быть монголом, не решают проблему Тибета и угрожают национальной безопасности Монголии. Поэтому, подчеркивая сложность данного вопроса и анализируя мнения на этот счет монгольских политологов, профессор Мягмар выделяет два направления решения тибетского вопроса в контексте монголо-китайских отношений:

– во-первых, китайское правительство должно активизировать переговорный процесс по примирению с Далай-ламой XIV, пойти навстречу

■ Политология

пожеланиям иерарха по вопросу расширения автономии Тибета в составе КНР, подтвердить полномочия Далай-ламы как духовного лидера Тибета, провести амнистию всех тибетцев в изгнании, оказать им помощь в возвращении на родину вместе с Далай-ламой. Если процесс урегулирования тибетского вопроса пойдет по этому сценарию, то дальнейший вопрос перерождения духовного лидера Тибета войдет в свое исконное русло – считают одни политологи;

– если же Китай начнет процесс поиска следующего Далай-ламы без согласия правительства Тибета в изгнании, находящегося в Индии, то монголы будут вести диалог с правительством Тибета в изгнании и признают Далай-ламу, которого назовут в Дхармасале, – так полагают другие монгольские исследователи.

Д. Мягмар также отмечает, что тибетский вопрос – это внутреннее дело КНР, и Далай-лама для монголов является исключительно духовным лидером, поэтому монгольские верующие надеются, что процесс реинкарнации следующего Далай-ламы пройдет, согласно традиционным канонам и законному регламенту. При возможном развитии обоих вариантов Монголия готова стать полезным посредником между правительством КНР и институтом Далай-ламы в этом вопросе¹⁶.

Большинство населения Монголии выступает за мирное урегулирование тибетского вопроса и

скорейшее примирение сторон, но в то же время монголы, по всей видимости, не поддержат избрание следующего Далай-ламы под контролем Пекина. Определенное влияние на это решение может оказать то, что в Монголии восстановлен институт Богдо-Гэгэнов – духовных лидеров буддистов Монголии.

Итак, все вышеперечисленные внутривнутриполитические процессы в Монголии тесно взаимосвязаны и в совокупности могут влиять на общественно-политическую жизнь в стране, что может привести к корректировке внешней политики Монголии в сторону равноудаленности от центров притяжения. В связи с этим Россия может активизировать свою политику в Монголии как в двустороннем формате, так и в формате трехстороннего сотрудничества Россия–Китай–Монголия в рамках ШОС и создаваемого Евразийского экономического союза.

Dambiev G.T. Political Processes in Mongolia and the Current Mongolian-Chinese Relations.

Summary: *This article provides for an analysis a number of internal political factors in Mongolia that may influence to the current Mongolian-Chinese relations. Among these factors possible to note the balance of political powers, media influence, NGOs, economic and religion aspects. The final part is noted the key conclusions.*

Ключевые слова

Внутриполитические процессы, Монголия, Китай, Парламентская республика, Партия, НПО, Далай-лама

Keywords

Internal political processes, Mongolia, China, parliamentary republic, party, NGOs, the Dalai Lama

Примечания

1. Концепция внешней политики Монголии от 10 февраля 2011 года.
2. Сайт Министерства иностранных дел КНР // <http://www.fmprc.gov.cn/ru>.
3. Сайт премьер-министра Монголии www.pmis.gov.mn
4. Kegley Ch.W., Jr. World Politics: Trend and Transformation. Belmont: Cengage Learning, 2009. P. 64
5. О. Чимэгмаа. Монгол намуудын типологи. <http://orsoo.blog.gogo.mn/read/entry388144>
6. Б. Баатархуу Грозит ли МНРП раскол? // Б.Баатархуу// Монголия сегодня . 2010. 9 февраля.
7. Д.Ганхуяг. Олигархийн зодоон // Д.Ганхуяг// Уланбаатар таймс. 2012. 4 мая.
8. Э. Сурэн УИХ дахь МАН-ын нэр бүхий гишүүд МАХН-д элсэхээр болжээ Sonin.mn от 30.04.2012 г.
9. Ц.Жаргалсайхан Монголын нүүрсэнд Хятад монополь үнэ тогтоох аюул нүүрлэж байна.Shuud/mn от 12.04.2012 г.
10. Н. Галиймаа Китайские мигранты и китаефобия в современной Монголии: анализ периодики.// Диаспоры. 2011. №1
11. Ч.Чимидсурэн Н.Энхбаярын намд «Том Ах» тэргүүтэй Монголын нацистууд элсжээ. // <http://www.sonin.mn/news/easy-page/511> от 05.03.2012
12. Монголд амьдарч буй Хятадуудын тоо Үндэсний аюулгүй байдалд аюул учруулах түвшинд хүрчээ Sonin.mn от 03.05.2012
13. Монгол Улсын Ерөнхийлөгч Ц.Элбэгдорж: Монголчууд олуулаа болох уриалга ажил хэрэг болох ёстой // сайт Президента Монголии от 06.01.2012 <http://www.president.mn/mongolian/node/2357#attachments>
14. Политбарометр от 12.04.2012 года <http://www.santmaral.mn/mn/publications>
15. Сабиров Р.Т. Буддизм в Монголии после 1990 года: тибетский или монгольский? // Гуманитарные исследования Внутренней Азии, 2009 г. №4-5. С.38-45.
16. Д. Мягмар Далай- ламлын хойд дүрийн асуудал. Монголын геополитикий хурээлэн. 18.11. 2011. <http://mongoliaworld.net>

Единство в многообразии: взаимодействие основных мифологических и философских систем Индии

О.Г. Ульциферов

Данная статья рассматривает взаимодействие индуизма с буддизмом, исламом и христианством в мифологии и философии. На обстоятельном фактическом материале она анализирует схожесть и различие указанных систем, приводит основные данные об онтологии, космологии, этике и социологии этих систем. Статья показывает взаимовлияние и взаимообогащение столь различных систем.

В данной статье рассматривается взаимодействие индуизма с буддизмом, исламом и христианством в мифологии и философии. Сравнение будет производиться по следующим позициям: онтология, космология, учение о душе, этика и социология, гносеология.

Мифология

Здесь будет предпринята попытка сравнить мифологию индуизма с мифологиями указанных трех религиозно-культурных систем, что нуждается в кратком описании самой мифологии индуизма. Хронологически и по существу эта мифология подразделяется на ведийскую, брахманистскую и индуистскую.

В ведийской мифологии в разных районах Индии, согласно одному из гимнов «Ригведы», поклонялись трем тысячам богов. Они представляли собой недвусмысленные персонажи, реальное поведение которых обуславливалось их именами: Сурья – «Солнце», Агни – «Огонь», Ваю – «Ветер», Притхви – «Земля». Среди этого сонма богов различали 33 главных бога, которые делились на земных, атмосферных и небесных.

Космологическая модель ведийской мифологии основывается на про-тивопоставлении понятий «порядок» (*рита*) и «хаос» (*арита*), которые приложимы к богам и людям, к их духовной и физической деятельности. Из понятия «порядок» (*рита*) рождается понятие «истина» (*сатья*) и понятие «поведение» (*врата*), что впоследствии

приводит к возникновению индуистских понятий «дхарма» и «карма» и учения о циклах человеческой жизни (*авастха*).

Наряду с этим в ведийской космологии существовали и другие описания сотворения мира:

1) теория «золотого зародыша» (*хираньгарбха*), который витает над первобытными водами и оплодотворяет их;

2) теория страстного желания (*кама*), возникающего из чего-то неопределенного и воздействующего на первобытный хаос, создавая Вселенную;

3) теория возникновения Вселенной при помощи первочеловека Пуруши, приносящего себя в жертву, чтобы из его тела возникла Вселенная, и в первую очередь четыре варны;

4) теория возникновения Вселенной с помощью разогрева, что осуществляет, принося себя в жертву, Праджapati («Господин потомства»), который, разогревая себя, порождает Вселенную своим потом или своим семенем;

5) теория создания Вселенной при помощи богов-демиургов: Дьяус и Притхви, Вишвакарма или Тваштар².

Процесс перехода ведизма в индуизм, по мнению некоторых источников, охватывал период в тысячу лет. Уже в поздневедийский период боги, занимавшие главенствующие позиции, начинают их утрачивать, что приводит к значительным переменам в пантеоне богов. Поздневедийского боготворца и богаотца Праджapati к началу эпического периода (периода «Рамаяны» и «Махабхараты»)

сменяет бог Брахма. Он, согласно Упанишадам, представляет собой персонификацию высшего объективного начала (*брахмана*)³. Это космическое существо (Праджapati, а потом и Брахма) состояло из двух частей – мужской и женской, что получило название «первоначальная субстанция» (*пракрити*).

Соединяясь, эти две части создают единство: макрокосмическое, или Вселенную, и микрокосмическое, или тело человека. В космическом существе все количество физических тел называлось «необъятное величие» (*вира*). Они формировали осознанную Вселенную и управлялись Брахмой, «Бесконечным». Тонкие тела (красота, добрые мысли и душа) соединялись с космическим существом, чтобы создать «золотой зародыш», которым управлял Вишну, «Постоянный». Бренным телом космического существа управлял Шива, «Властелин сна». Так возникла третья и последняя триада индуистских богов.

Брахма не только создает мир, он самый большой долгожитель этого мира. Он живет сто своих лет, равных 311040 млрд «человеческих» лет. День Брахмы равен сроку жизни существующего мира и состоит из тысячи «больших веков» (*махаюга*), каждый из которых составляет 4 320 млн «человеческих», или 12 тыс. «божественных» лет. Время существования махаюги весьма близко к установленным наукой возрастом Солнечной системы, которая оценивается в 4,6 млрд лет.

Еще одно сходство индуистской мифологии с наукой, а точнее, с эволюционной теорией Ч. Дарвина можно увидеть в воплощениях (*аватарах*) бога Вишну: рыба – черепаха (земноводное) – вебрь (млекопитающее) – получеловек-полуживотное (*Нарасимха*) – неполноценный человек (карлик *Вамана*) – человек (полуреальный-полумифический – *Рама* и *Кришна*) – реально живший человек (Будда) – и будущий предвозвестник гибели Вселенной (*Калки* – Вишну, восседающий на лошади).

Индуизм и буддизм

Буддийская мифология, особенно мифология раннего буддизма, обладает определенной спецификой, что связано с основным догматом буддизма, ставящим человека над всеми остальными существами, включая богов, поскольку только человек может достичь освобождения, избавить себя от пут перерождения (*сансары*) и достичь вечного блаженства (*нирваны*). Богам и другим мифологическим существам для достижения нирваны необходимо прежде всего родиться людьми. В раннем буддизме происхождение мира связано с деяниями (кармой) его обитателей. Ранний буддизм не определяет ни начало Вселенной, ни ее конец, но рассматривает Вселенную как нечто находящееся в постоянном изменении. Она то возникает, то исчезает. Параллельно ей существует множество других Вселенных, возникающих и исчезающих. Общеподдизскую космологию можно разделить на пространственную и временную. Первая описывает сферы, миры и уровни пребывания существ в результате перерождений и состояния их сознания.

Вторая указывает на время и периоды возникновения, развития и гибели миров.

В раннем буддизме наблюдался двойной подход к мифологическим существам. В народном буддизме они считались реальными объектами, тогда как философия буддизма рассматривала их как плод человеческой фантазии. Поэтому буддизм, расширяя сферы своего влияния, вобрал в себя огромное количество различных мифологических существ, имеющих местное происхождение. Так, из мифологии индуизма были заимствованы такие боги, как Брахма, Индра (Шакра), Вишну, Шива, Кали, Ганеша, Яма, и такие божественные существа, как асуры, гандхарвы, наги. Некоторые из этих богов получили новые имена и новый статус. Так, Шиву и Парвати стали называть Махакала и Махакали, положение которых было низведено до привратников Будды, в то время как Кубера под именем Джамбхала стал телохранителем Будды.

Существует мнение, что учение Будды представляет собой развитие философии Упанишад. Это не могло не сказаться на буддийской мифологии, которая создавалась на индийской территории и не могла обойти стороной происходящие там религиозно-философские процессы. Прежде всего, это касалось происхождения Будды, которое в позднем буддизме начали рассматривать не как естественное, а как божественное. Следующим шагом, и это также соответствовало индийской традиции, стало создание представления о том, что Будда, то есть Сиддхартха Гаутама, является лишь продолжением многих Будд, появившихся до него.

Некоторые аспекты индуистской мифологии получили в буддизме свою интерпретацию, что особенно касается космологии и отношения к богам. Космология буддизма значительно расширяет все компоненты мироздания, описывая бесчисленное количество миров, которые объединяются в гигантские мировые системы. Пространственная космология подразделяется на вертикальную и горизонтальную. Вертикальная космология описывает сферы, находящиеся в вертикальном положении по отношению друг к другу. Здесь различают сферу, не имеющую формы (*арупадхату*), сферу, имеющую форму (*рупадхату*), и сферу чувственных желаний (*камадхату*).

В первом мире отсутствуют материальные элементы, он не имеет формы и места нахождения. В нем живут бесформенные божества, «четыре бесформенные поглощенности в свои мысли» (*чатух саманати*). Во второй сфере живут существа, чьи тела созданы из тонкой материи и которые невидимы для обитателей третьей сферы. В этой сфере живут божественные существа (*девы*), различающиеся по степени счастья и благополучия; над ними доминирует демон Мара, и они подвержены различным чувственным желаниям, приносящим им множество страданий. Третья сфера состоит из четырех больших плоскостей (дисков), которые плавают в воздушном пространстве над горой Меру (Сумеру), вокруг вершины которой вращаются солнце, луна и звезды. Меру окружают семь горных хребтов, между которыми находятся

кольцевидные озера. За хребтами лежат четыре континента: Восточный (*Пурвавидеха*), Южный (*Джамбудвипа*), Западный (*Апарагодана*) и Северный (*Уттаракуру*). Континенты омываются Мировым океаном, вокруг каждого континента плавают по 500 островов.

В пещерах горы Меру живут гиганты или титаны (*асуры*), на поверхности земли обитают животные (*тирьяки*), под землей живут разные злые духи (*преты*). В небесах вокруг горы находятся владения четырех великих царей: царя Дхритараштра, хранителя востока, Вирудхака, хранителя юга, Вирупакши, хранителя запада, и Куберы, или Вайсравана, хранителя севера. Над царствами находятся 33 обители богов, или рай Шакры (Индры)⁴. Выше этих небес находятся еще 26 миров, шесть из которых населены теми, кто наслаждается удовольствиями души. Остальные двадцать миров оставлены для таких высокодуховных людей, как Будды и архаты.

В самых низких мирах, помимо низших по рангу богов, живут люди, животные, асуры и преты. «Сфера желаний» имеет шесть иерархических ступеней: 1) боги, 2) асуры-гиганты, 3) люди, 4) животные (тирьяк), 5) злые духи-преты, 6) демоны ада. В этой же сфере находятся и многочисленные ады (нарак), главными из которых считаются семь жарких и семь холодных адов. Всего же буддийская мифология упоминает 136 адов. Жаркие ады расположены один под другим на Джамбудвипе. Хулители буддизма направляются в Авичи, самый нижний ад. Души из ада возвращаются в этот мир, пробыв не менее пятисот «адовых» лет, каждый из которых равен пятидесяти земным.

Горизонтальная космология, или космология тысяч сфер (*сахастра*), представляет сферы, находящиеся в горизонтальной плоскости. Помимо сферы чувственных желаний, сюда входят три мира Брахмы, мир Чакравади, над которыми располагаются миры Абхасвары (более 1 тыс. малых миров с их собственной горой Сумеру, солнцем, луной и четырьмя континентами). Над мирами Абхасвары лежат миры Шубхакритсны (более 1 млн малых миров), над этими мирами существуют еще две мира (более 1 млрд малых миров). Все эти миры гибнут через 64 большие кальпы.

Несмотря на то, что сансара не имеет начала и конца, любой мир возникает, существует и разрушается. Единицей измерения времени в буддизме является большая кальпа (*махакалпа*), точный временной период которой не определен, но которая длится миллиарды лет. Большая кальпа подразделяется на четыре кальпы:

- вивартакалпа, во время которой Вселенная формируется;
- вивартастхаикалпа, в течение которой Вселенная находится в стабильном состоянии;
- самвартакалпа, во время которой мир разрушается;
- самвартастхаикалпа, в течение которой Вселенная остается в состоянии пустоты.

Буддийская мифология, кроме того, разделяет кальпы на те, когда рождаются Будды (буддакалпа) и когда они не рождаются (шуньякалпа).

Современная кальпа является «буддородящей». Считается, что в течение этой кальпы должна родиться тысяча Будд. Согласно общепринятой мифологии, до появления Будды Шакьямуни, то есть Сиддхартхи Гаутамы, в мир явились шесть Будд, и еще один (Майтрейя) должен появиться в будущем. Буддийские боги, как и все остальные существа, подчинены законам кармы. Поэтому положение бога является одной из преходящих форм существования в безначальной и бесконечной сансаре. Законам кармы подчиняются даже великие боги. Буддийская мифология отрицает роль Брахмы как творца Вселенной.

В буддийской иконографии образ Будды является основным. Будды начинают свой путь к просветлению как бодхисаттвы. За многие кальпы они совершают различные благодеяния и после достижения совершенства также долго пребывают на небесах. Их рождение в облике человека, согласно легендам, сопровождается многими необычными и чудесными явлениями. Все Будды наделены сверхъестественными силами, что ставит их выше всего сущего, включая богов. После достижения состояния нирваны они начинают проповедовать свою дхарму, с помощью которой люди могут пройти их путь и достичь нирваны. Наряду с Буддами и бодхисаттвами существуют некоторые категории людей, достигших совершенства, которых называют архатами.

Как и в других мифологиях, в общепринятой мифологии значимое место занимают отдельные представители флоры и фауны. Среди растений особое место занимает лотос, символ чистоты и духовного просветления. Среди деревьев центральное место отводится священной смоковнице (*figus religiosa*), которую называют «дерево просветления» (*бодхи вриши*). Это дерево – неременный атрибут всех Будд во всех мирах. Получить просветление можно только под этим деревом. Поэтому возле каждого буддийского (и не только буддийского) храма обязательно растет священная смоковница.

Среди представителей животного мира нужно отметить демонов-змей (*наги*), мифологических птиц-гаруд и морского чудовища, крокодилоподобного *макара*. В качестве зооморфных символов выступают павлин, черепаха, конь, бык, слон, лев. Особенно часто встречаются газели, которые, если верить легендам, были первыми, кто услышал начальную проповедь Будды в «Оленьем парке».

Индуизм и ислам

Исламская мифология, по существу, носит компилятивный характер, поскольку основывается на древнееврейской мифологии, мифологии иудаизма и христианства, а также на мифических представлениях народов, принявших ислам. Согласно исламу, мир был создан Аллахом. Он творец Вселенной, земли, неба, всех форм жизни. Его престол находится над семью небесами, где находятся также рай (*джанна*) и ад (*джаханнам*). Земля была отделена от неба. Земля, представляющая собой шар, покоится на плечах ангела или на рогах быка. Всю землю окружает гора Каф. На небесах обитают

ангелы, сотворенные из света. На земле находятся низшие духи (*джинны*), а также враждебные исламу демоны (*шайтаны*). Аллах создал первого человека Адама из глины и вдохнул в него жизнь, приказав при этом ангелам поклоняться ему. Один из ангелов (*Иблис*) отказался повиноваться богу и был за это низвергнут с небес. Он сумел уговорить Адама и его жену Хавву (*Еву*) вкусить запретный плод, за что они были изгнаны из рая. Аллах постоянно направлял на землю своих пророков, которые несли слово божие людям. Последним пророком был Мухаммед.

Наряду с пророками, в исламе широко развит культ святых (*вали*), которые стали источником многочисленных мифов. В шиитском исламе почти божественными качествами наделены имамы – потомки Мухаммеда. Согласно воззрениям ислама, после Мухаммеда мир движется к своему концу. Все люди умрут, и мир будет уничтожен. По зову трубы ангела Исафила все мертвые восстанут из могил и предстанут перед Страшным судом Аллаха, который взвесит все их прошлые деяния, после чего они будут отправлены в рай или в ад.

Индуизм и христианство

Согласно христианскому вероучению, бог из ничего создал этот мир и создал человека по своему образцу и подобию. Единый бог, имеющий свою причину в себе самом и сотворивший все существа и предметы, является носителем абсолютной благодати, абсолютного знания и абсолютного могущества. Кроме бога, нет ничего, что не было бы создано богом. Отсюда проистекают два основных догмата христианства – догмат триединства (*Троица*) и догмат боговоплощения (*Иисус Христос*). Специфика христианской троицы, что отличает ее от триады индуизма, состоит в размежевании сущности и лика. Лик должен быть единым, и это должно быть ликом Иисуса Христа.

Однако в эпоху зрелого Средневековья в православном ареале начинает распространяться изображение Саваофа как первого лица Троицы, а затем появляется и Троица в виде трех ликов, что чисто внешне сближает Троицу с индуистским трехликим изображением бога. Для христианства боговоплощение не есть учение о сверхчеловеческом посреднике между небесным и земным бытием. Христос не есть полубог, подобный индуистскому Раме или буддийскому бодхисаттве. В Христе воплощена вся полнота божества. Воплощение бога не допускает никаких изменений (*аватар*) и возвращений. Отсюда проистекает незыблемость исторического времени для христианского вероучения.

В «Римском мартирологе», созданном в 354 г., сказано: «В лето от сотворения мира 5199, от потопа 2957, от рождения Авраамова 2015, от Моисея и исхода израильтян из Египта 1510, от коронования царя Давида 1032, в 65 седмицу пророчества Даниилова, в 194 Олимпиаду, в лето 752 от основания Города Рима, в лето 42 державы Октавия Августа, когда по всей земле был мир, Иисус Христос, вечный Бог и Сын вечного Отца, желая освятить мир своим милосерднейшим присутствием, вочеловечился от Девы Марии...»⁵.

В христианстве конкретный отсчет времени начинается с того момента, когда бог вошел в этот мир, что организует летоисчисление «до рождения Христова» и «после рождения Христова». В индуизме нет отсчета времени, связанного с творцом Вселенной. Вся система точного летоисчисления в индуизме связана с походом Александра Македонского на Индию (327 г. до н.э.), хотя у индусов имеются точные даты жизни Кришны. Так, утверждается, что Кришна был рожден в ночь на 20 июля 3228 г. до н.э. и покинул этот мир 18 февраля 3102 г. до н.э. Однако эти даты рождения и смерти не имеют строго научного объяснения.

Иисус Христос, как монарх небесного двора, предстает в окружении ангелов и святых, что характерно и для индуистских богов. Но в отличие от индуистских мудрецов и аскетов, создающих свои сверхъестественные способности за счет суровой аскезы (*тапасья*), которая порой длится много тысяч лет, в христианстве ангелы и святые, являющиеся творением бога и послушными исполнителями его воли, творят чудеса не своей силой, а силой бога. Общим для индуизма и христианства является обширная иконография богов индуистского пантеона, Христа, девы Марии, ангелов и святых, а также многочисленные изображения событий из истории обеих религий, жизни богов и праведников.

Философия

Теоретическая философия индуизма представляет собой попытку примирить духовный опыт древних мыслителей со здравым смыслом. Она не верит в то, что жизнь начинается с рождения и кончается смертью. Жизнь – бесконечный процесс перерождений. Условия нового рождения зависят от прошлых деяний, прошлой кармы. Карма и этические нормы составляют основную часть философии индуизма, и каждая философская школа обязана примирить с ними свою метафизику. Индийская философия отличается весьма широким кругозором и обладает совершенной методикой изложения материала. Она тесно связана с религией, но это не означает, что она исследует лишь вопросы, связанные с Богом. Все философские школы включают в свои доктрины такие понятия, как скептицизм, атеизм, материализм, логику, атомизм, текстологию. Индийская философия считает своей целью указать путь к освобождению (*мокише*).

Философское понятие Брахмана обозначает начало и конец всего сущего. В Упанишадах понятие Брахмана сопоставляется с понятием Атмана. Атман – это тоже все: и «Я», и человек, и универсальное космическое бытие. Отсюда Атман – начало, основа и завершение всего сущего. Но природа Атмана не только телесная, но и духовная. В Упанишадах преобладает понятие Атмана как духовного начала. Все это указывает на тождественность Брахмана и Атмана. Оба они – начало всего сущего и завершение всего сущего в вечном цикле начала и конца, конца и начала⁶.

В Упанишадах самым важным является рассуждения о взаимоотношении мироздания и человека. Согласно Упанишадам, «Я» и Брахман, «Я»

и Атман являются тождественными понятиями. Сутью этого является знаменитая максима «Тат твам аси» («Ты еси то»)⁷. В Упанишадах проводится мысль о том, что субъект растворяется в объекте. Мироздание является проявлением как Брахмана, так и Атмана⁸. Упанишады содержат определенные элементы диалектики (например, такое понятие, как единство противоположностей). В Упанишадах много логических рассуждений.

Этика Упанишад касается, прежде всего, высшей цели жизни – слияния с Атманом-Брахманом и достижения освобождения от цикла перерождений, что достигается праведной жизнью, соблюдением законов дхармы. В Упанишадах дхарма рассматривается как вселенский закон, порядок вещей, гармония, истина, которые проявляются из Брахмана. Дхарма выступает как вечный моральный закон, индивидуальное нравственное установление, моральный долг и добродетель индивидуума. Это – истина (*sat*), один из основных принципов индуизма, который возникает от концепции «единой истины» (*экам-сат*), изложенной в «Ригведе». Сат выступает в Ведах как одно из качеств Брахмана. Отсюда проистекает основополагающая формула индуизма – «истина – знание – блаженство» (*sat-chit-ananda*). Дхарма это не просто закон – это изначальная истина⁹.

Еще одним источником развития философской мысли явилась «Бхагавадгита». Согласно учению Кришны о «должном действии», все бескорыстные действия являются проявлением жертвенности, а незаинтересованность в результате действия и есть подлинное самоотречение¹⁰. В силу этого духовный рост и совершенствование индивидуума не связаны с обязательной аскезой. Карму определяет мотивация поступка, что связано с тремя путями достижения освобождения: «путь деяний» (*карма марга*), «путь знаний» (*джнана марга*) и «путь преданности» (*бхакти марга*). Здесь фактически просматривается весь путь развития индуизма – от жертвоприношений и жестокости к преданности и любви.

«Бхагавадгита» гласит: «Для души не существует ни рождения, ни смерти. Она никогда не возникала, не возникает и не возникнет. Она – нерожденная, вечная, всегда существующая, изначальная. Она не уничтожается, когда погибает тело». «Как человек надевает новые одежды, сбросив старые, так и душа принимает новое тело, оставив старое и бесполезное». «Душу нельзя рассечь на куски никаким оружием, сжечь огнем, смочить водой, иссушить ветром». «Эту индивидуальную душу нельзя разбить, растворить, сжечь или иссушить. Она существует всегда и везде, неизменная, недвижимая, вечно та же». «Душа невидима, непостижима и неизменна. Зная это, не следует скорбеть о теле».

Важное место в ведийском каноне, а затем и в индуизме занимает понятие истины: «Истину должно почитать как Брахмана»¹¹. В жизни индуса одним из главных моментов является познание истины, поскольку «тот, кто почитает познание как Брахмана, поистине достигает миров познания, полных знания»¹². Философская мысль Индии

уделяла заметное внимание морали и этике поведения индуса. Сюда относятся и четыре принципа цели жизни – *дхарма, артха, кама и мокша* – и нравственный кодекс Кришны, изложенный им в «Бхагавадгите»: «Скромность, смирение, отказ от насилия, терпимость, простота, обращение к истинному духовному учителю, чистота, стойкость, самодисциплина, отказ от объектов чувственного удовлетворения, отсутствие ложного эго, осознание того, что рождение, смерть, старость и болезни есть зло; отсутствие привязанности, свобода от затягивающего влияния детей, жены, дома и прочего, спокойствие перед лицом как приятных, так и неприятных событий; постоянная и чистая преданность Мне, стремление жить в уединенном месте, отстраненность от общей массы людей; признание важности самореализации, философский поиск Абсолютной истины – все это Я провозглашаю знанием, а все, что бы ни существовало помимо этого, есть невежество»¹³.

Индуизм и буддизм

Поскольку сам Будда был индусом и буддизм возник на индийской земле, он развивался как некое направление ведической традиции и всегда, так или иначе, был связан с тем направлением, которое впоследствии оформилось как индуизм. С философской точки зрения можно утверждать, что индуизм и буддизм, несмотря на глубокие различия, имеют много общего. Прежде всего, это касается онтологических концепций обеих систем. Обе базируются на иллюзорной природе физического мира. Но, в отличие от индуизма, буддизм отрицает существование неизменного «Я», или Атмана.

Согласно буддизму, в мире не существует бессмертия души. Жизнь есть непрерывный поток состояний. Каждое новое состояние зависит от предыдущего и становится причиной последующего. Все в жизни взаимосвязано и взаимозависимо, поэтому никто и ничто не может обособиться от этой причинной связи. Понятие переселения душ заменяется в буддизме понятием непрерывного потока сознания. Теория отсутствия души (*анатман-ваада*) играет важную роль в философии буддизма.

Все явления материального и духовного мира становятся возможными в результате действия всеобщего закона причинности. Этот закон (дхарма) действует стихийно и никем не управляется. В буддизме дхармы – вечные и неизменные элементы существующего и безличного процесса. Через дхармы буддизм отрицает существование какой-либо субстанции и утверждает только бытие процесса. Согласно хиньяне, понятие дхармы есть единственная реальность, тогда как в махаяне дхарма есть нереальность.

Одной из сторон этого закона является вера в учение о карме, поскольку он рассматривает данное бытие индивидуума как следствие его прошлых деяний, а его будущую жизнь – как следствие деяний в нынешней жизни. Таким образом, в буддизме учение о карме входит в общий закон о причинности. В теории буддизма карма создается только намеренным, то есть осознанным, действием, а

не всяким действием вообще. В буддийской терминологии карма никогда не обозначает свои последствия; ее последствия известны как «плод» или «исход» кармы (*камма-пхала*). Намерение может быть хорошим или плохим, так же как и желание может быть хорошим или плохим. Хорошая карма дает в дальнейшем хорошие последствия, а плохая карма – плохие последствия.

Таким образом, наиболее важные положения философии буддизма о человеке и мире предстают в виде четырех теорий: а) теории зависимого происхождения, б) теории кармы, в) теории изменчивости и г) теории несуществования души.

Индуизм и ислам

Главным духовным источником для арабов, наряду с исламом, была греческая наука и философия, и прежде всего труды Платона и Аристотеля. Как и христианская, исламская теология нуждалась в философском обосновании, что и обусловило быстрое взаимопроникновение теологии и философии. Поэтому в основных чертах и исходных положениях арабская философия сходна со схоластикой в Западной Европе. Это позволяет рассматривать арабскую философию как связующее звено между античной философией и последующей ступенью европейской философии – схоластикой. Значительным явлением по своему философскому содержанию был восточный перипатетизм (аристотелизм).

Философия Авиценны соединяет в себе элементы философии Аристотеля с религией ислама. Она теоцентрична, однако в ином смысле, чем христианская философия. Мир рассматривается Авиценной как сотворенный Богом из материи, а не из ничего. Авиценна считает, что материя также является вечной. Как и у Аристотеля, у Авиценны Бог является неподвижным двигателем, формой всех форм, вечным творческим условием. Авиценна признавал объективное существование природы. Отходя от религиозных позиций, он становился на точку зрения материализма: если Бог вечен, то вечен также и мир, ибо причина и следствие всегда связаны друг с другом.

Взаимоотношения индуизма и ислама начались в VII–VIII вв. Они имели весьма сложную историю. Индусы увидели в исламе совершенно другие концепции бога, сотворения мира, познания истины, отношения к насилию, социального устройства и веротерпимости. Но как бы то ни было, обе культуры были вынуждены сосуществовать друг с другом. Это сосуществование имело свои положительные результаты. Сглаживались фанатичные догматы ислама, его нетерпимость, его презрительное отношение к людям другой религии. Абсолютная система терпимости индуизма способствовала сближению представителей обеих религий, сближению индийского ислама с традициями индуизма, чему немало способствовали принявшие ислам индусы, которые, поменяв веру, по культуре во многом оставались индусами. Сближению способствовали и смешанные браки: мусульмане (включая правителей) часто брали в жены индусок.

Мусульмане полагают, что человек состоит из тела, сознания и души. Согласно исламу, человеческая жизнь в этом временном мире есть эксперимент, осуществленный Аллахом, чтобы понять, к какой вечной жизни предназначен тот или иной индивидуум – к жизни в раю или аду. После смерти душа отделяется от тела. Вера и жизненные поступки определяют судьбу умершего в загробной жизни. И во время Судного дня, когда каждая конкретная жизнь завершит свой путь и начнется другая, новая, вечная жизнь, в которой душа и тело воссоединятся. В этот день Всевышний решит, кто будет жить в раю, а кто в аду.

Индусы считают, что единственный довод существования души в этом мире заключается в поиске Вечной истины. Исходя из предыдущей кармы, она возрождается в облике человека – единственное перерождение, в котором человек может найти эту Вечную истину. После смерти душа покидает тело и вселяется в другое тело и обретает новую жизнь, которая зависит от всех предшествующих кармических поступках индивидуума, хороших или плохих. Это может быть или жизнью человека, или животного, или растения. В индуизме это называется цепью или циклом перерождений. Согласно ему, душа может временно пребывать в раю или аду. Она может обрести освобождение (*мокша*) и достичь вечного мира и спокойствия.

Индийские мусульмане разработали систему социального разделения, подобного индусским кастам. У индийских мусульман были три социальные страты, сохранившиеся до настоящего времени: ашрафы, или мусульмане, пришедшие в Индию извне; аджлафы, или мусульмане, принявшие ислам в Индии; арзалы, или деградировавшие мусульмане, которых стали относить к низшей социальной прослойке, подобно неприкасаемым в индуизме.

Некоторые исламские правители (например, могольский император Акбар или правитель княжества Биджапур Ибрагим Али Шах) пытались найти общий язык с индусами для достижения социальной гармонии. Среди имперского двора Акбара было много талантливых интеллектуалов, как мусульман, так и индусов. Более того, Акбар попытался создать новую религию (*дин-е-иллахи*), которая была бы единой для мусульман и индусов и которая помогала бы созданию устойчивой империи.

Индуизм и ислам уделяют большое значение вопросам этики и морали. Обе религии делают упор на такие человеческие ценности, как правдивость, честность, сострадание, доброта и благотворительность. Обе религии осуждают прелюбодеяние и гомосексуализм. После прихода мусульман в Индию индусские женщины при посещении храмов, совершении ритуальных поклонений перед богом, при появлении постороннего мужчины и в присутствии старших начали покрывать голову хиджабом, шарфом-дупатта или краем сари.

Индуизм имеет множество ритуальных обрядов, которые предписываются индусам, но не имеют обязательного характера. Исламские ри-

туальные правила имеют более жесткий характер, что особенно касается молитвы-намаза, который должен совершаться в определенной позе пять раз в день с лицом, обращенным к каабе. Мусульманам предписано обязательное посещение мечети по пятницам. Во время Ид-уль-Адха (Курбан Байрам) совершаются жертвоприношения животных (баранов). Индусы, принадлежащие к секте шактов и поклоняющиеся богине Кали, также совершают жертвоприношения животных (коз). Обе религии разделяют понятие поста. Индусы постятся по определенным святым дням календаря, тогда как мусульмане постятся в течение священного месяца рамадан. Обе религии считают брак сакральной церемонией. Представители обеих религий используют четки для отсчета произнесенных молитв или мантр.

Индуизм и христианство

Христианство начало активно развиваться в Индии во время заметного упадка философской мысли, связанной с индуизмом. Практически прекратили существование все классические школы индуизма. Однако длительное совместное сосуществование двух религиозно-культурных систем не могло не вызвать взаимного интереса, который затрагивал и вопросы философии. В индийской среде относительно христианской философии сформировались три течения: 1) негативное отношение к западной философии и возвеличивание своих классических философских систем; 2) преклонение перед западной философией и пренебрежительно-сдержанное отношение к своим классическим системам; 3) стремление к синтезу своей классической философии и западной философии.

На фоне мощной западноевропейской философии начинают возникать различные неоиндуистские школы, теоретическая и практическая деятельность которых характеризовалась стремлением к синтезу традиционных представлений классической индийской философии с достижениями современной науки. Центральное место здесь заняла философия Адвайты Веданты, впитавшая многие положения классических школ, особенно Санхьи. По мнению основных духовных учителей этой философии (Вивекананда и Свами Ранганатхананда), философия призвана быть источником искупительной мудрости, благодаря которой люди достигнут спасения. Наивысшая цель этой философии – освободить человека от любых уз, связывающих его с болью и радостью, и привести его к спокойствию и невозмутимому восприятию действительности.

Наряду со стремлением к синтезу, возникла и тенденция к полному отрицанию традиционных представлений индуизма. Так, представители «Общества Брахмы» (*Брахма самадж*) выдвинули следующие положения:

- 1) они не верили ни одному сакральному тексту, ибо не считали их авторитетными;
- 2) они не верили в воплощения (аватары);
- 3) они отрицали политеизм и идолопоклонничество;
- 4) они выступали против кастовых ограничений;

5) они не считали обязательной веру в доктрины кармы и сансары.

В противовес «Обществу Брахмы» возникло «Общество ариев» (*Арья самадж*). Оно выступило с критикой проевропейских и прохристианских позиций «Общества Брахмы». Духовный глава общества Свами Даяананд Сарасвати проявил себя как стойкий приверженец доктрин кармы и сансары. Он попытался возродить идеалы Вед. Свами Даяананд утверждал, что бог и душа человека представляют собой два различных начала, неодинаковые по природе и атрибутике, но неотделимые друг от друга, как тот, кто проникает, и тот, в кого проникают.

Большой след в религиозно-философском реформаторстве оставил Рамакришна. Он не выступал против основных догматов индуизма и проповедовал «спасение Индии» через обращение к духовно-религиозному опыту человечества. Считая, что все религии истинны и представляют собой различные пути к одному и тому же Богу, Рамакришна проповедовал единую универсальную религию, безразличную к ее различным проявлениям, поскольку все религии ведут к одной цели.

К одному из последних реформаторов индуизма принадлежит и Ауробиндо Гхош. Подобно Рамакришне и Вивекананду, он видел спасение человечества, особенно в Индии, в обращении к ее духовно-религиозному наследию. А. Гхош пытался соединить индийскую и западную философию, создать некий синтез мировоззренческих принципов Востока и Запада. Привести к этой цели может только интегральная йога (*нурна йога*), освобожденная от сурового аскетизма и иллюзий.

Исходным принципом философских воззрений М.К. Ганди является признание Бога в качестве первичной реальности, существующей объективно, вне воли и сознания и независимо от воли и сознания человека. Божественную реальность М.К. Ганди отождествляет с истиной, постижение которой связано с моральным самоусовершенствованием человека.

Одним из аспектов процесса взаимодействия культур является проникновение идей индийской философской традиции в западную культуру. Этот, на наш взгляд, положительный процесс заставил европейцев посмотреть на себя с иной точки зрения, чтобы осознать по-новому свое место в мировой культуре. Следует отметить, что влияние идей индийской философии на западное общество представляло собой сложный и неоднозначный процесс.

Процесс освоения западными мыслителями индийской религиозно-культурной традиции начинается с конца XVIII в., что связано с зарождением и развитием научной санскритологии. Само собой разумеется, что приоритет открытия индийской культуры принадлежит Англии (здесь можно упомянуть английских авторов У. Джонса, У. Блейка). Основательную попытку проникнуть в суть индийской философской мысли предприняли немецкие философы А. Шопенгауэр, К.-Г. Юнг, М. Хайдеггер. В наше время весомый вклад в изучение классической индийской философии, особенно Веданты, внес наш соотечественник

■ Политология

Д.Б. Зильберман, создавший фундаментальный труд «Генезис значения в философии индуизма»¹⁴.

Процесс адаптации и интерпретации идей индийской философии на Западе идет по нескольким направлениям:

1) изучение и пропаганда возможностей индивидуального гармоничного развития индивидуума в целях усиления его интеллектуальных и физических способностей;

2) переосмысление научной картины существования и развития мира в соответствии с основными положениями космогенеза в индуизме;

3) изучение психологии и логики в классических школах индийской философии, особенно вопросов, касающихся выхода за пределы обычной и ограниченной индивидуальности и повседневного опыта;

4) осмысление опыта индийской философской мысли на разных уровнях: теоретическом, ментальном, практическом и обыденного сознания.

Однако в христианском мире существуют и явные противники индийской религиозно-философской системы, которые отрицают основные положения этой системы, считая их вредными и опасными для христианства. Так, наиболее часто критикуются и отрицаются следующие положения:

– согласно философской теории индуизма, бог есть нечто безличное, абстрактно-универсальное. В соответствии с Библией, Бог есть Личность;

– индуизм является религией, в которой существует огромное количество богов и богинь, то есть индуизм являет собой многобожие и идолопоклонство;

– индуизм требует выполнения многих безнравственных обычаев, порождает предрассудки, страх и поклонение темным силам, что проявляется

в открытом поклонении злым духам и в «одержимости» по отношению к богам через безграничную преданность;

– индуизм проповедует и сохраняет несправедливую и жестокую кастовую систему;

– индуистское мировоззрение не распознает греха и нравственной вины, поскольку для индуса грех – всего лишь иллюзия, как и все остальное; человек в последнем перевоплощении, освободившись, становится равным Богу; следовательно, грех не отчуждает человека от Бога, как этому учит Библия;

– индуизм ставит спасение (освобождение) в зависимость от деяний индивидуума, тогда как в христианстве прощение грехов не соответствует идее кармы. Для индуса спасение – медленный, постепенный процесс продвижения от низшего к высшему;

– индуизм отрицает исключительность Иисуса Христа, ставит его в один ряд с другими духовными пастырями мира и отвергает христианское учение о том, что путь к Богу лежит только через веру в Иисуса Христа.

Ulltsiferov O.G. Unity in Diversity: Coinfluence of Basic Mythological and Philosophical Systems of India.

Summary: The article examines one of the main questions of intercommunications between main religious and cultural systems in India: Hinduism, Buddhism, Islam and Christianity. The article, using detailed factual material, focuses the similarities and differences between those systems, results in the basic data regarding ontology, cosmology, ethics and sociology of those systems. The article shows the interaction and mutual enrichment of so different systems.

Ключевые слова

Мифология, философия, космология, онтология, Упанишады, Брахма, Праджapati, аватара, сансара, карма, дхарма, Брахман, Атман, Кришна, кальпа, Аллах, Иисус

Keywords

Mythology, philosophy, cosmology, ontology, Upanishada, Brahma, Praja-pati, avatara, sansara, karma, dharma, Brahman, Atman, Krishna, kalpa

Примечания

1. В «Ригведе» сказано: «Три сотни три тысячи тридцать девять Богов почтили Агни», III, 9.9.
2. Космологии посвящены следующие гимны «Ригведы»: X, 129, 121, 90, 71.
3. См., например, Шветашватара упанишада, VI, 2, 7, 9, 16; все упанишады цитируются по изданию «Древнеиндийская философия». М.: Мысль, 1972.
4. «Ригведа» также различает 33 главных бога, III, 6.9.
5. Цит. по: Аверинцева С.С. Судьбы европейской культуры в эпоху перехода от античности к средневековью. В сб. «Из истории и культуры средних веков и Возрождения». М., 1971. 32с.
6. «Кена упанишада», IV, 1–9.
7. «Чхандогья упанишада» (VI, 8.7).
8. См., например: «Шатапатха брахман», X, 2. 3; «Айтарейя араньяка», II, 3. 1; «Каушитаки упанишады», гл.1, 6; «Брихадараньяка упанишада», III, 4. 6.
9. См., например: «Брихадараньяка упанишада», II, 5. 10.
10. «Бхагавадгита», гл. 4, текст 23, гл. 13, тексты 8–12.
11. «Шатапатха брахмана», X, 6, 3, 1.
12. «Чхандогья упанишада», VII, 7, 2.
13. «Бхагавадгита», гл. 13, тексты 8–12.
14. Зильберман Д.Б. Генезис значения в философии индуизма. Эдиториал УРСС. М., 1998. Особенно резко против индуизма выступали отдельные православные теологи. Так, святитель Николай Сербский утверждал: «Индийские боги – это демонские призраки, адские привидения, не имеющие милости и любви к людям. Они существуют не как боги, а как демоны под именем богов». В своем письме на имя бывшего московского мэра архиепископ Уфимский и Стерлитамакский Никон писал: «Кришна злобный демон, бес, олицетворение адских сил...»

Промышленная добыча нефти из горючих сланцев и перспективы изменения конфигурации мирового рынка нефти

Т.В. Полякова

Мировой рынок нефти стремительно меняется, возникает новый глобальный центр мировой нефтедобычи – Северная Америка, добычные возможности которого, по оценкам экспертов международных энергетических организаций, превосходят Ближний Восток. Это стало возможным благодаря началу промышленной добычи нефти из горючих сланцев. Статья посвящена проблемам и перспективам разработки месторождений сланцевой нефти в США и влияния роста ее добычи на изменение конфигурации мирового рынка нефти.

В настоящее время хорошо известно, что пик мировой добычи традиционной нефти неизбежен, и мировая экономика уже вступила в период выхода на так называемое «холмистое плато» мировой добычи. Поэтому представляет научный и практический интерес исследование ситуации с развитием новых технологий, позволяющих добывать нетрадиционные виды нефти, запасы которых в несколько раз превышают запасы традиционной нефти. Запасы нетрадиционных видов нефти (битуминозные пески, горючие сланцы) расположены в основном в Северной Америке. (Рис. 1).

США обладают огромными запасами горючих сланцев, расположенных в основном в штатах Колорадо, Северная Дакота, Техас, Калифорния, Юта, Вайоминг и др. Термин «горючий сланец» в основном относится к любой осадочной породе, содержащей твердые битумные материалы, ко-

торые при нагревании породы преобразуются в нефтепродукты. Для получения нефти из горючих сланцев их необходимо разогреть – тогда битумы переходят в жидкое состояние. Этот процесс известен как ретортинг. Горючие сланцы относятся и к осадочной породе, пропитанной традиционной нефтью, в которой нет подземных полостей, где собирается нефть.

Крупнейшие в мире месторождения горючих сланцев находятся в бассейне реки Грин Ривер (Green River), который располагается на части штатов Колорадо, Юта и Вайоминг. Оценки геологических ресурсов сланцевой в этом регионе колеблются от 1,5 до 1,8 трлн баррелей нефтяного эквивалента. Не все геологические ресурсы можно извлечь. Оценка извлекаемых запасов нефти из находящихся там сланцев колеблется от 1,1 трлн до 500 млрд баррелей нефти. Для целей стратегического видения ситуации достаточно того, что

любая цифра этого диапазона очень высока. Например, если взять среднюю оценку диапазона в 800 млрд баррелей, то это более чем втрое превышает доказанные запасы нефти Саудовской Аравии. Спрос на нефтепродукты в США колеблется вокруг примерно 20 млн баррелей в сутки. Если бы горючие сланцы покрывали четверть этого спроса, то 800 млрд баррелей извлекаемых запасов сланцевой нефти хватило бы более чем на 400 лет.

Рис. 1. Распределение нетрадиционных видов нефти в мире.

Источник: Harper F. Oil Peak – A Geologist's View. BP Energy Institute, November 2004. URL: www.aspo-australia.org.au/PPT/HarperBP.ppt (дата обращения: 17.02.2012).

США обладают огромными запасами горючих сланцев, расположенных в основном в штатах Колорадо, Северная Дакота, Техас, Калифорния, Юта, Вайоминг и др. Термин «горючий сланец» в основном относится к любой осадочной породе, содержащей твердые битумные материалы, которые при нагревании породы преобразуются в нефтепродукты. Для получения нефти из горючих сланцев их необходимо разогреть – тогда битумы переходят в жидкое состояние. Этот процесс известен как ретортинг. Горючие сланцы относятся и к осадочной породе, пропитанной традиционной нефтью, в которой нет подземных полостей, где собирается нефть.

Крупнейшие в мире месторождения горючих сланцев находятся в бассейне реки Грин Ривер (Green River), который располагается на части штатов Колорадо, Юта и Вайоминг. Оценки геологических ресурсов сланцевой в этом регионе колеблются от 1,5 до 1,8 трлн баррелей нефтяного эквивалента. Не все геологические ресурсы можно извлечь. Оценка извлекаемых запасов нефти из находящихся там сланцев колеблется от 1,1 трлн до 500 млрд баррелей нефти. Для целей стратегического видения ситуации достаточно того, что любая цифра этого диапазона очень высока. Например, если взять среднюю оценку диапазона в 800 млрд баррелей, то это более чем втрое превышает доказанные запасы нефти Саудовской Аравии. Спрос на нефтепродукты в США колеблется вокруг примерно 20 млн баррелей в сутки. Если бы горючие сланцы покрывали четверть этого спроса, то 800 млрд баррелей извлекаемых запасов сланцевой нефти хватило бы более чем на 400 лет.

Запасы горючих сланцев в западной части Соединенных Штатов в течение почти столе-

тия рассматривались как замена традиционных источников нефти. Но экономика производства нефти из горючих сланцев неизменно отставала от экономики добычи обычной нефти. Когда мировые цены на нефть составляли \$ 3 за баррель в 1960 г. и начале 1970-х гг., оценки рентабельной цены сланцевой нефти составляли около \$ 6 за баррель. В конце 1970-х гг. мировые цены на нефть выросли до \$ 15 за баррель, но и оценки рентабельной цены сланцевой нефти также резко возросли до \$ 20–\$ 26 за баррель¹. Зимой 1979/80 г. из-за иранского кризиса цены на нефть подскочили вновь. Также подросла до более чем \$ 45 за баррель и оценка рентабельности добычи сланцевой нефти².

В 2003 г. в Бюро по управлению земельными ресурсами Министерства внутренних дел США была создана целевая группа по горючим сланцам. В ее задачу входила оценка возможностей и перспектив развития добычи горючих сланцев на федеральных землях. В начале 2004 г. Канцелярия заместителя помощника секретаря по запасам нефти Министерства энергетики США опубликовала доклад³, в котором утверждалось: «Развитие добычи горючих сланцев обещает обеспечить нации безопасный доступ к стратегически важному топливу, который обеспечит поступательное развитие экономики, удовлетворение потребностей национальной обороны и выполнения международных обязательств».

В 2005 г. Бюро по управлению земельными ресурсами объявило о том, что «стоит предпринять шаги с целью облегчить исследования и разработки, касающиеся добычи горючих сланцев»⁴ и что оно выделяет небольшие участки земли для сдачи в аренду для технологических исследований, разработок и демонстрационных проектов в штатах Колорадо, Юта и Вайоминг. Эти события поставили вопрос о том, что горючие сланцы могли бы стать технически и экономически жизнеспособной альтернативной традиционной нефти.

Для оценки американских ресурсов нефтяных сланцев обычно используются две меры: геологические ресурсы и извлекаемые ресурсы. В оценках, подготовленных Геологической службой США (U.S. Geological Survey – USGS), существует градация геологических ресурсов в зависимости от количества галлонов нефти, которые можно извлечь из тонны сланцев. Богатые залежи содержат от 25 до более 50 галлонов на тонну породы и являются наиболее привлекательными для начальной разработки. Запасы с содержанием нефти менее 10 галлонов на тонну, как правило, не учитываются в качестве геологических ресурсов, ибо принято считать, что такое низкое содержание нефти не оправдывает затраты на добычу и переработку. Тем не менее стандартов ресурсов горючих сланцев нет. Различные оценки ресурсов включают в себя различные минимальные оценки полезного компонента, что затрудняет процесс суммирования и сравнения различных оценок. Если не указано иное, оценки геологических ре-

сурсов включают все горючие сланцы с содержанием нефти более 15 галлонов на тонну породы.

Как отмечалось выше, крупнейшие в мире месторождения горючих сланцев Пайсенс (Piceance), Уинта (Uinta), Грин Ривер (Green River) и Вашингтон (Washakie) находятся в бассейне Зеленой реки (Green River Formation). Оценки геологических ресурсов нефти в бассейне Грин Ривер составляют от 1,5 трлн баррелей до 1,8 трлн баррелей. Около 1 триллиона баррелей приходится на месторождение Пайсенс, а это означает, что этот бассейн площадью 1200 квадратных миль в Западном Колорадо располагает таким же количеством нефти, сколько имеется доказанных запасов нефти во всем мире. Месторождение Пайсенс содержит около половины триллиона баррелей нефти в отложениях, содержащих более 25 галлонов на тонну породы⁵.

Большинство горючих сланцев содержится в пластах толщиной более 500 футов и находятся в осадочных породах под землей на глубине 500 футов и более, хотя на некоторых месторождениях имеются пласты толщиной более 2000 футов, покрытые более чем 1000 футов вскрышных пород. Потенциальная продуктивность акра поверхности земли огромна и доходит до 2,5 млн баррелей⁶. Это намного больше продуктивности всех известных в мире запасов нефти.

Извлечение нефти из горючих сланцев является более сложной задачей, чем добыча обычной нефти. Углеводороды в сланцевых породах присутствуют в виде твердых, битумных материалов и, следовательно, не могут перекачиваться непосредственно из геологического пласта. Порода должна быть нагрета до высокой температуры, и, как следствие, жидкие фракции разделяются и собираются. Процессы добычи сланцевой нефти, как правило, делятся на две группы: добыча подземным или открытым способом с последующим ретортированием на поверхности.

При наземном ретортировании горючие сланцы добываются традиционным способом и поставляются на нефтеперерабатывающий завод. После нагревания и удаления твердых компонентов жидкий продукт преобразуется в нефть, которая поступает в трубопроводную систему. После ретортирования истощенные сланцы охлаждаются и утилизируются в ожидании возможной рекультикации.

Сланцы можно добывать, используя один из двух методов: подземная добыча с использованием камерно-столбовой системы разработки или открытые горные работы. В общем, открытые горные работы являются наиболее эффективным подходом к добыче горючих сланцев. С помощью камерно-столбовой добычи можно извлечь около 60% геологических запасов при условии, что толщина пласта составляет не менее 100 футов. Большинство высококачественных горючих сланцев образуют более или менее непрерывные залежи толщиной от 500 до более чем 2000 футов⁷. Поверхностная добыча обеспечивает более высокий коэффициент извлечения породы. Но

толщина месторождений горючих сланцев, объем вскрышных работ, а также наличие подземных вод препятствуют поверхностной добыче.

Добыча и последующий ретортирование на поверхности является технически эффективным подходом к производству сланцевой нефти, однако существуют ограничения по себестоимости добытой с использованием такого рода технологии сланцевой нефти. Считается, что издержки добычи на первом в своем роде заводе по производству сланцевой нефти составляли от \$ 17 до \$ 23 (в ценах 2005 г.) за баррель⁸. Учитывая эти оценки себестоимости, можно полагать, что цена на легкую нефть с низким содержанием серы, такую, как сорт West Texas Intermediate, должна быть по крайней мере в диапазоне от \$ 70 до \$ 95 за баррель для того, чтобы первое в своем роде наземное промышленное производство сланцевой нефти стало прибыльным.

Производственные издержки будут снижаться, по мере того как заработают и на основе полученного опыта начнут улучшать свои показатели первые коммерческие предприятия. Несколько исследований посвящены изучению ожидания снижения себестоимости добычи и поверхностного ретортирования горючих сланцев⁹. Эти исследования показывают, что как только с помощью этой технологии будет произведено 500 млн баррелей сланцевой нефти, производственные издержки могут снизиться на 35–70 процентов по сравнению с началом производства. Так, если в начальный период работы предприятия издержки составляли от \$ 70 до \$ 95 за баррель, то при выходе на 1 млн баррелей в год эти издержки снизятся до \$ 35–\$ 48 за баррель.

В начале 1980-х гг. специалисты Исследовательского центра компании «Шелл» (Shell), в Хьюстоне, предложили совершенно иной тип перегонки на месте, которую они назвали процессом преобразования «in-situ». В этой технологии объем сланцев нагревается электрическими нагревателями, расположенными в вертикальных стволах, просверленных по всей толщине сланцевой залежи. Чтобы получить равномерный нагрев в течение разумного периода времени, сверлится от 15 до 25 нагревательных скважин на 1 акре. После нагревания в течение двух-трех лет целевой объем залежи достигает температуры от 650 до 700 градусов по Фаренгейту. Этого очень медленного нагревания до относительно низкой температуры (по сравнению с плюс 900 градусов по Фаренгейту при поверхностном ретортировании) достаточно, чтобы вызвать химические и физические изменения, необходимые для освобождения нефти из сланцев.

При этом в энергетическом эквиваленте получается около двух третей жидких продуктов и одна треть газа, близкого по составу к природному газу. Полученный продукт собирается в специальной скважине, расположенной в пределах зоны нагрева. В рамках подготовки участка компания «Шелл» использовала технику заморозки участка земли, на котором велась добыча, для создания подземного барьера по периметру зоны добычи.

«Замороженная стена» создается путем оборота охлажденной жидкости через ряд скважин, пробуренных по периметру зоны добычи. В дополнение для предотвращения попадания грунтовых вод в зону добычи стена заморозки предохраняет углеводороды, образующиеся в процессе ретортинга, от утечек по периметру во время обогрева грунта, добычи и последующего охлаждения грунта.

Нефть, добываемая таким образом, будет химически стабильной и состоять исключительно из дистиллятов (то есть не содержащей примесей). Раз так, то нефть может направляться непосредственно на НПЗ. При этом в отличие от нефти, полученной в процессе поверхностной перегонки, не требует дальнейшей переработки. Последующая очистка такой нефти включает в себя паровую обработку для удаления оставшихся летучих углеводородов, охлаждения грунта, разморозки «замороженной стенки» по периметру и рекультивации участка, на котором велась добыча.

Компания «Шелл» опробовала эту «in situ» технологию в очень небольших масштабах на месторождении Пайсенс. Тепловая энергия, необходимая для этого процесса составляет примерно одну шестую энергетической ценности извлеченного продукта, то есть коэффициент EROEI равняется 6. Это достаточно высокий коэффициент отдачи энергии на вложенную энергию. Испытания показали, что процесс может быть технически и экономически жизнеспособным. Такой подход не требует подземных горных выработок и, следовательно, рекультивации земель. Самое главное, что технология, предложенная компанией «Шелл», может быть реализована без масштабного воздействия на земную поверхность, которое характерно для наземного ретортинга. Последствия воздействия на окружающую среду при использовании такой технологии исключительно малы.

Но развитие технологий не стоит на месте. Технология добычи «in situ» в самое последнее время была значительно усовершенствована. Вместо бурения множества вертикальных скважин бурится гораздо меньше на квадратный акр земли горизонтальных скважин. В остальном применяется все тот же метод подземного ретортинга. При этом не нарушается земельный ландшафт и сама технология менее затратна. Нефтепродукты, производимые по этой технологии, будут конкурентоспособными при мировой цене на нефть порядка –25 долларов за баррель¹⁰.

Однако расходы на добычу, скорее всего, возрастут по мере поступления информации. Независимой оценки себестоимости добычи сланцевой нефти нет. Необходимо отметить, что эта смета расходов существенно ниже, чем смета расходов на поверхностный ретортинг. Компания Рэнд Корпорэйшен (Rand Corporation) в 2005 г. представила примерный график (табл. 1) выхода на коммерческую эксплуатацию технологий по добыче сланцевой нефти. По ее подсчетам, промышленная добыча могла бы начаться не ранее чем через 12 лет, то есть в 2017 г.¹¹.

Таблица 1
Этапы коммерческой реализации сланцевых технологий.

Стадия развития	НИОКР	Опытное производство	Начало промышленной эксплуатации	Рост добычи
Размер установок	Лабораторные исследования	1000–5000 барр./сут.	> 50 000 барр./сут.	> 100 000 барр./сут.
Лет на переход	0	6–8	12–16	>20 >30
Размер добычи (млн барр./сут.)	н/д	н/д	>0,1	>1 >3

Источник: Bartis J.T., et al. Oil Shale Development in the United States: Prospects and Policy Issues / Santa Monica, California: RAND Corporation. - 2005. *Сист. Требования:* Adobe Acrobat. URL: www.rand.org/pubs/monographs/2005/RAND_MG414.pdf. (дата обращения: 15.11.2011).

Однако события развиваются гораздо быстрее. Добыча сланцевой нефти и газового конденсата значительно выросла на нескольких сланцевых месторождениях в Соединенных Штатах, причем темпы прироста добычи содержат двузначную цифру. Так, в Северной Дакоте, например, общая добыча жидких углеводородов выросла почти на 150% с 2005 г., что связано в первую очередь с наращиванием добычи сланцевой нефти в провинции Баккен (которая занимает и часть штата Монтана). Осадочные породы этого месторождения пропитаны традиционной нефтью без наличия подземных ловушек. Поэтому добыча этой нефти не требует разогрева и подземного ретортинга, а используется технология горизонтального бурения и множественных гидроразрывов пласта, аналогичные применяемым при добыче сланцевого газа.

Используя этот метод, операторы увеличили добычу на Баккене примерно с 1 млн баррелей в 2005 г. до почти 50 млн баррелей в 2009 г. Извлекаемые запасы месторождения Баккена, по официальным оценкам, составляют 3,65 млрд баррелей, хотя компания «Континентал», крупнейший арендатор участков в этом районе, публично заявила, что по данным компании, ее извлекаемые запасы на данном месторождении составляют более 90 млрд баррелей. В ноябре 2011 г. добыча на Баккене выросла до 510 тыс. баррелей в сутки, а в январе 2012 г. уже достигла 546 тыс. баррелей в сутки. Как ожидается, в 2012 г. добыча на Баккене легко превысит 700 тыс. баррелей в сутки и в 2015 г. достигнет 1 млн баррелей в сутки. Добыча нефти на Баккене быстро растет, что отражают два фактора – рост количества добывающих скважин, а также повышение производительности на одну скважину.

На месторождении Барнетт, в Техасе, общая добыча жидких углеводородов выросла более чем в два раза (продукция из горизонтальных скважин с 2005 по 2009 г. увеличилась примерно в шесть раз).

Добыча жидких углеводородов на месторождении Вудфорд, в Оклахоме, превысила 1 млн баррелей в 2009 г., что на 83% больше по сравнению с 2008 г. и почти в восемь раз больше, чем в 2007 г.

На месторождении Игл Форд (Eagle Ford), в Техасе, добыча жидких углеводородов в 2009 г. выросла более чем в пять раз по сравнению с предыдущим годом, и превысила 5 млн баррелей в 2010 г.

Добыча сланцевых жидких углеводородов на месторождении Марцелл, в Аппалачах, выросла почти в четыре раза в 2009 г. по сравнению с предыдущим годом. Ожидается ее дальнейший значительный рост.

В общей сложности в 2011 г. добывалось около 1 млн баррелей в сутки сланцевой нефти – это почти 10% потребностей в импорте США. К 2020 г., по прогнозам, добыча сланцевой нефти может достичь 5 млн баррелей в сутки. Однако уже сейчас ясно, что добыча опережает самые оптимистичные прогнозы и растет по экспоненте очень быстрыми темпами (рис. 2).

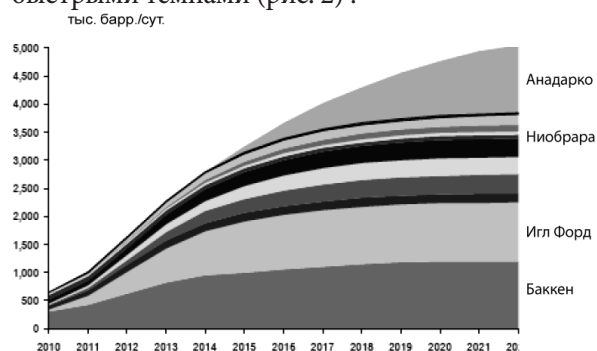

Рис. 2. Прогноз добычи сланцевой нефти по месторождениям к 2022 г.

Источник: Lee E.G., Kleinman S.M., Morse E.L., Doshi A., Ahn D.P., Yuen A. *Energy 2020: North America, the New Middle East? Citi GPS: Global Perspectives & Solutions*, 20 March 2012. *Сист. требования:* Adobe Acrobat. URL: <http://fa.smithbarney.com/public/projectfiles/ce1d2d99-c133-4343-8ad0-43aa1da63cc2.pdf/>. (дата обращения: 09.03.2012).

За последние 5 лет рынок нефти в Северной Америке стал самым быстрорастущим рынком в мире. Практически начавшаяся широкомасштабная промышленная добыча нефти из горючих сланцев ведет к изменению всей структуры мирового рынка нефти и превращению этого региона в новый «Ближний Восток»: добыча нефти в Северной Америке может вырасти с 15 млн баррелей в сутки в конце 2011 г. до 27 млн баррелей в сутки к 2020 г.¹² При этом внутреннее потребление нефти в США будет неуклонно снижаться. США в 2011 г. фактически уже превратились из нетто-импортера жидких углеводородов в его нетто-экспортера. К 2015 г. США могут выйти на первое место в мире по уровню добычи нефти, обогнав Саудовскую Аравию и Россию (рис. 3). И потенциально США могут превратиться в крупного экспортера нефтепродуктов и сырой нефти. Это будет зависеть только от принятия соответствующих политических решений.

Мировой рынок нефти стремительно меняется, возникает новый глобальный центр мировой нефтедобычи – Северная Америка, добычные возможности которого по оценкам экспертов международных энергетических организаций превосходят Ближний Восток. Соответственно

неизбежно изменится географическая структура и направления мировых экспортно-импортных поставок нефти. Прежде всего решение стратегической задачи США – преодоление зависимости от поставок из политически нестабильных стран Ближнего Востока – высвободит для поставок на мировой рынок дополнительные объемы нефти порядка 80–90 млн тонн. Учитывая медленное сокращение внутреннего потребления нефти в ЕС и стратегическую цель европейцев максимально диверсифицировать поставщиков нефти, представляется вероятным обострение конкуренции на европейских рынках и возможное сокращение присутствия на них России рынках, что подтверждается также прогнозами Международного энергетического агентства¹³.

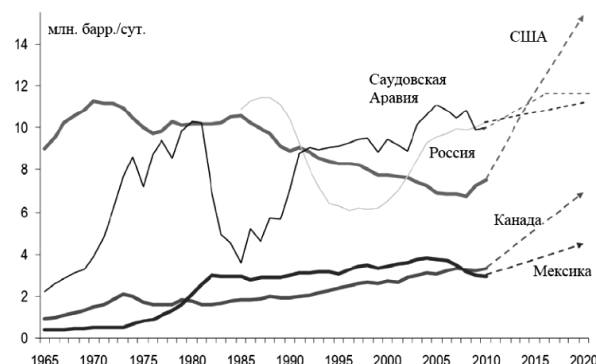

Рис. 3. Сравнение объемов добычи нефти ведущих нефтедобывающих стран.

Источник: Lee E.G., Kleinman S.M., Morse E.L., Doshi A., Ahn D.P., Yuen A. *Energy 2020: North America, the New Middle East? Citi GPS: Global Perspectives & Solutions*, 20 March 2012. *Сист. требования:* Adobe Acrobat. URL: <http://fa.smithbarney.com/public/projectfiles/ce1d2d99-c133-4343-8ad0-43aa1da63cc2.pdf/>. (дата обращения: 09.03.2012).

Вследствие этого вполне вероятно изменение направления общего вектора энергетической политики России на Восток. Построенные в Восточной Сибири трубопроводы являются очень важными с точки зрения такого изменения: они во многом будут способствовать новому позиционированию России на мировом нефтяном рынке. Оно будет заключаться в занятии рыночной ниши и обеспечении стабильных поставок в те регионы, от которых зависит мировой экономический рост, а сегодня это страны Юго-Восточной Азии и другие страны зоны АТР.

Благодаря значительным энергетическим ресурсам, Россия продолжает оставаться одним из основных участников мировой системы энергообеспечения на ближайшие десятилетия. Может показаться, что предполагаемый высокий спрос и цены на ископаемые виды топлива в мире гарантируют России благоприятные перспективы, однако задачи, стоящие перед страной в энергетическом секторе, во многих отношениях не менее значительны, чем размер природных ресурсов. Основные разрабатываемые нефтяные месторождения Западной Сибири будут неизбежно истощаться, поэтому возникла необходимость разработки новых, более доро-

гостоящих в эксплуатации месторождений не только в Западной Сибири, но и в Восточной Сибири и Арктике. По прогнозу Международного энергетического агентства¹⁴, добыча нефти в России стабилизируется на уровне 10,5 млн барр./сут., а к 2035 г. несколько снизится – до 9,7 млн барр./сут.

В силу изменения географии российской добычи нефти неизбежно будет меняться и экспортная география. Основное направление российского экспорта сохранится, и нефть продолжит поступать на традиционные рынки в Европе, но набирает обороты сдвиг в направлении азиатских рынков. В результате доходы от российского экспорта диверсифицируются: доля Китая в объеме российских нефтегазовых экспортных доходов увеличится с 2% в 2010 г. до 20% в 2035 г., тогда как доля Европы снизится с 61% до 48% (рис. 4).

Учитывая внешнеэкономические интересы страны, глобальные и региональные процессы в мировой экономике, Россия заинтересована в:

- диверсификации поставок нефти на экспорт на емкие и динамично растущие рынки стран Азиатско-Тихоокеанского региона за счет перенаправления части объемов нефти с имеющего ряд ограничений в росте европейского рынка;
- обеспечении выхода на рынки сбыта, минуя транзит;
- получении долгосрочных гарантий закупок российской нефти и нефтепродуктов;
- создании и участии в совместной эксплуатации на территории стран-импортеров производственной, транспортной и распределительной инфраструктуры нефти и нефтепродуктов.

Polyakova T. V. Commercial production of oil from oil shale and possible changes in the world oil market configuration.

Summary: The world oil market is changing rapidly, there rises a new global center of world oil production – North America, which production opportunities are estimated by experts as outperforming those of Middle East. This is made possible thanks to inception of commercial oil production from oil shale in North America. The article deals with the problems and prospects of the development of shale oil in the U.S. and the impact of the growth of its production on the configuration of the world oil market.

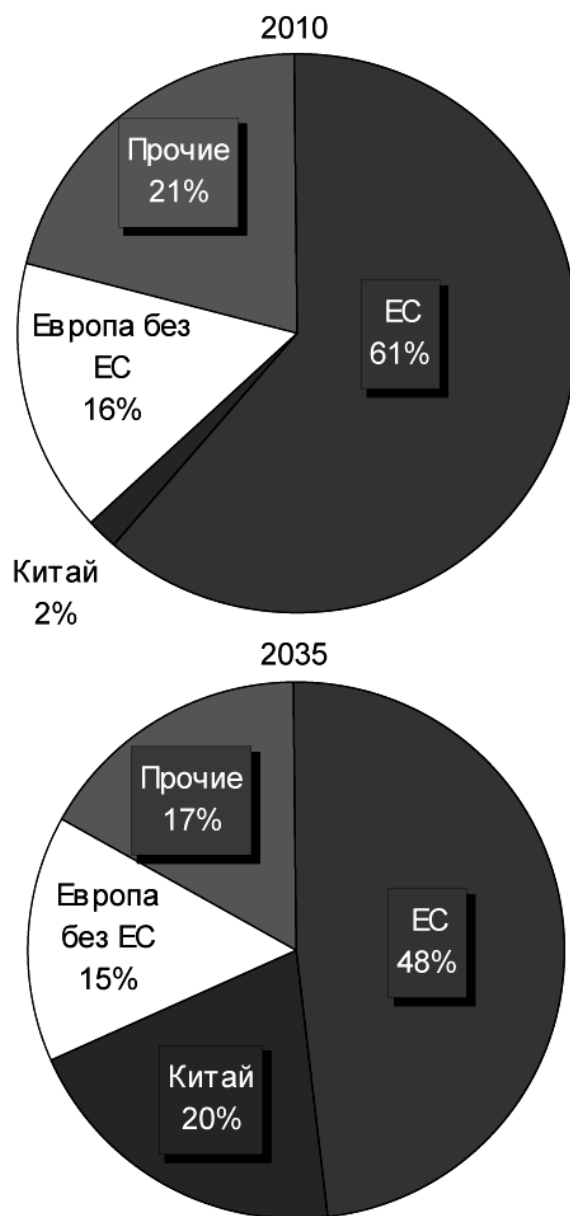

Рис. 4. Структура доходов России от экспорта энергоносителей и ее прогноз на 2035 г.

Источник: World Energy Outlook 2011. International Energy Agency. Russia remains a cornerstone of the global energy economy. Press lunch. 09 Nov. 2011. Сущ. требования: Adobe Acrobat. URL: <http://www.worldenergyoutlook.org/publications/weo-2011> (дата обращения: 22.03.2012).

Ключевые слова

Мировой рынок нефти, горючие сланцы, добыча, технологии, сланцевая нефть США

Keywords

World oil market, oil shale, production, technology, USA shale oil

Примечания

1. Merrow E. W. Constraint on the Commercialization of Oil Shale. - Santa Monica, California: RAND Corporation. R-2293-DOE. 1978. Сист. требования: Adobe Acrobat. URL: www.rand.org/pubs/reports/2006/R2293.pdf. (дата обращения: 10.11.2011).
2. An Assessment of Oil Shale Technologies / National Research Council. - Office of Technology Assessment (OTA). U.S. Congress, Washington, D.C. 1980. Volume I. June. Сист. требования: Adobe Acrobat. URL: www.fas.org/ota/reports/8004.pdf. (дата обращения: 10.12.2011).
3. Johnson H. R., Crawford P. M., Bunger J. W. Strategic Significance of America's Oil Shale Resource: Assessment of Strategic Issues. Washington, D.C. 2004. Volume I. March. Сист. требования: Adobe Acrobat. URL: www.fossil.energy.gov/programs/.../npr_strategic_significancev1.pdf. (дата обращения: 10.12.2011).
4. Potential for Oil Shale Development: Call for Nominations. / U.S. Department of the Interior, Bureau of Land Management. 2005. Vol. 70. №110. June 9. Сист. требования: Adobe Acrobat. URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/FR-2009-01-15/pdf/E9-525.pdf>. (дата обращения: 10.12.2011).
5. Domestic Unconventional Fossil Energy Resource Opportunities and Technology Applications. Report to Congress. / US Department of Energy. 2011. Сист. требования: Adobe Acrobat. URL: <http://www.netl.doe.gov/technologies/oil-gas/publications/EPreports/2011-005539-unc-fe-report-congress-final-oct-2011.pdf>. (дата обращения: 15.10.2011).
6. Ibid.
7. Domestic Unconventional Fossil Energy Resource Opportunities and Technology Applications. Op. cit.
8. An Assessment of Oil Shale Technologies. / National Research Council, Office of Technology Assessment (OTA). U.S. Congress: Washington, D.C. 1980. Volume I. June. URL: http://www.princeton.edu/~ota/disk3/1980/8004_n.html. (дата обращения: 02.10.2011).
9. Merrow E.W. An Analysis of Cost Improvement in Chemical Process Technologies / Santa Monica, California: RAND Corporation: R-3357-DOE. - 1989. URL: <http://www.rand.org/pubs/reports/R3357.html>. (дата обращения: 02.10.2011); Hess R. Review of Cost Improvement Literature with Emphasis on Synthetic Fuel Facilities and the Petroleum and Chemical Process Industries / Santa Monica, California: RAND Corporation. - N-2273-SFC. - 1985. Сист. требования: Adobe Acrobat. URL: <http://www.rand.org/pubs/notes/2007/N2273.pdf>. (дата обращения: 01.10.2011).
10. Fletcher S. Efforts to Tap Oil Shale's Potential Yield Mixed Results // Oil and Gas Journal. - 2005. - April 25. - p. 26.
11. Ibid., p. 26
12. Lee E.G, Kleinman S.M., Morse E.L., Doshi A., Ahn D.P., Yuen A. Energy 2020: North America, the New Middle East? Citi GPS: Global Perspectives & Solutions, 20 March 2012. Сист. требования: Adobe Acrobat. URL: <http://fa.smithbarney.com/public/projectfiles/ce1d2d99-c133-4343-8ad0-43aa1da63cc2.pdf/>. (дата обращения: 09.03.2012).
13. Hoeven M. Presentation of World Energy Outlook 2011 / International Energy Agency. Moscow: Skolkovo School of Management. - 2011. - November 11. Сист. требования: Adobe Acrobat. URL: http://energy.skolkovo.ru/upload/medialibrary/620/WEO-2011_Moscow_11_November_presentation_Skolkovo.pdf. (дата обращения: 17.02.2012).
14. Ibidem.

Мирный атом – из XX в XXI в.: от оружия массового уничтожения до двигателя массового прогресса

М.В. Жарких

В статье осуществлен анализ развития атомной энергетики России. Кратко излагается ее эволюция, рассматриваются конкурентные преимущества ядерной энергетики перед другими источниками энергообеспечения. Особое внимание уделяется международному сотрудничеству в ядерно-энергетической области, импульс которому был придан в начале XXI в. и динамика которого показывает, что атомная энергетика может и уже в скором будущем способна стать одним из основных факторов социально-экономического развития большинства государств.

Новая эпоха в развитии мирного атома и «атомный ренессанс» – словосочетания, которые сегодня уже прочно вошли в обиход как специалистов в области ядерной энергетики, так и населения, не занятого в атомном секторе. И не только в России, но и во многих других странах, имеющих по крайней мере базовые наработки в ядерно-энергетической области¹. Объективная тенденция развития современного мира – возрастающий интерес государств всех регионов к мирной ядерной энергетике. Это объясняется в первую очередь тем, что проблема энергообеспечения становится все более острой для развитых и в еще большей степени для развивающихся экономик. Одновременно становится очевидным, что реальную альтернативу современной структуре энергопроизводства и потребления, традиционно опирающейся на углеводороды, может составить в обозримом будущем лишь атомная энергетика.

Энергия мирного атома была открыта в середине XX в., однако до сих пор ее освоение и производство в промышленных масштабах огра-

ничивается в основном десятком наиболее развитых государств. Это, в частности, пять официально признанных государств, обладающих ядерным оружием², в которых передовое использование атомной энергии изначально было продиктовано военно-оборонными нуждами.

Недостаточность традиционно доминирующих в настоящее время источников энергообеспечения – углеводородов, их высокая финансово-экономическая затратность, а также значительная степень загрязнения окружающей среды, которую они вызывают, вызвали к жизни иную потребность, заключающуюся в дальнейшем ускоренном развитии атомной энергетики. Речь идет о ее превращении, в том числе через замыкание ядерного топливного цикла и углубление многостороннего международного сотрудничества, в практически неисчерпаемый источник глобального энергообеспечения.

В настоящей статье рассматривается постепенная эволюция атомной отрасли с периода ее зарождения в 40-х гг. XX в. и до настоящего времени, когда энергия мирного атома используется не толь-

Жарких Марина Викторовна – третий секретарь Департамента по вопросам безопасности и разоружения (ДВБР) МИД России, аспирантка кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

ко по ее прямому назначению, но и для широкого спектра других целей, имеющих стратегическое значение для социально-экономического развития государств. Это прежде всего фундаментальная и прикладная наука, медицина, сельское хозяйство и продовольствие, в том числе продовольственная безопасность, различные сектора легкой и тяжелой промышленности. Подробно рассматриваются преимущества ядерной энергетики перед другими источниками энергообеспечения, а также перспективы ее развития, в том числе международный аспект.

Выводы, к которым приходит автор в ходе анализа развития атомно-энергетического комплекса, в частности, что атомная энергетика может и должна стать наиболее оптимальным ресурсом энергообеспечения, а также движущей силой в развитии ключевых социально-экономических отраслей государств, становятся очевидными из аргументов, приводимых в данной статье.

Эволюция атомно-энергетической «повестки дня»

Исследования в области освоения ядерных технологий начались в 40-х гг. XX в.³ Пуск первого атомного реактора был произведен 2 декабря 1942 г. в США, и уже в 1946 г. в СССР был выведен на мощность первый ядерный реактор, ставший первым и во всем остальном мире. Первая в мире атомная электростанция (АЭС) также была запущена в СССР – в Обнинске в 1954 г.⁴ Эти события представляли собой технологический прорыв в плане перспектив получения благ от мирного использования атомной энергии, но большая часть исследований в ядерной области в то время была связана с военными ядерными программами США и СССР.

В равной степени точкой отсчета ядерной эры может считаться первое успешное испытание атомной бомбы США 16 июля 1945 г. Вслед за США испытания атомного оружия провели СССР (1949 г.), Великобритания (1952 г.), Франция (1960 г.) и Китай (1964 г.). Обладание ядерным оружием становилось основным признаком мощи государства, закреплявшим за ним статус великой державы.

Поскольку и ядерное оружие, и атомная энергетика основаны на одних и тех же процессах, протекающих в ядре вещества, используемого для осуществления цепной реакции, историю создания ядерного оружия крайне сложно отделить от истории становления ядерной физики как отдельной науки. По этой причине не менее сложно было бы попытаться в 1940–1950-х гг. выработать четкие критерии определения направленности (мирной или военной) развития ядерных технологий и ядерных программ различных государств.

Не вполне осознавая масштабность затрат на развитие собственной ядерной отрасли, будь то для мирных энергетических либо для военных целей, значительное число государств запустили собственные ядерные программы. Стимулом для развития атомных программ, конечно, послужи-

ла и вырисовывающаяся благодаря перспективам использования технологий ядерного бридинга (процесс образования избыточного количества делящихся изотопов в ядерном реакторе) возможность получения практически неисчерпаемого ресурса энерго топлива. Сыграла роль и недооценка государствами, несмотря на трагедию Хиросимы и Нагасаки, серьезности последствий применения атомной энергии в военных целях. В целом в список государств, запустивших собственные ядерные программы той или иной направленности, вошли страны, начиная от Швеции до ЮАР и от Бразилии до Японии⁵.

Конечно, большинство государств подчеркивали исключительно мирную направленность своих ядерных программ. И это было правдой, так как блага мирного атома никем и никогда не сбрасывались со счетов. Поступательно мировое сообщество шло по пути юридического оформления норм и правил в области мирного использования атомной энергии, хотя ее развитие и проходило скачкообразно. Это касалось и формирования системы контроля над мирным использованием атомной энергии. В 1957 г. по инициативе СССР, США и ряда других стран было создано Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), главной уставной целью которого по сей день является содействие достижению более скорого и широкого использования атомной энергии для поддержания мира, здоровья и благосостояния во всем мире⁶.

В 1968 г. благодаря усилиям СССР, США, а также Великобритании был открыт для подписания, а 5 марта 1970 г. вступил в силу Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Его IV статья закрепляла за государствами-участниками неотъемлемое право развивать исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях⁷. Наибольшую вероятность овладения неисчерпаемым топливным ресурсом давали разработки энергетических реакторов на быстрых нейтронах (в основном бридеры, или размножители), первые блоки которых были запущены в СССР, Великобритании и Франции в 1970–1980-х гг.⁸.

Однако после 1970-х гг. в ядерная отрасль оказалась в стагнации. Причем, как ни парадоксально, последствия нефтяного кризиса 1970-х гг. замедлили ее развитие. Это объясняется тем, что в условиях кризиса многими странами, в первую очередь развитыми, были предприняты эффективные меры по энергосбережению, которые снизили потребность государств в увеличении производства энергии. Были разработаны новые системы ресурсосбережения. Кроме того, был открыт ряд новых месторождений нефти и газа, например в Северном море.

Уже в 1980-х гг. рынок органического топлива стабилизировался. Заказы на строительство АЭС заметно уменьшились. Производство реакторов на быстрых нейтронах ограничилось первыми блоками как по причине больших затрат на их производство, так и в связи с тем, что данный тип реакторов вместе с замкнутым ядерным топливным циклом

воспринимался как возможный источник ядерного распространения⁹.

Ситуацию для перспектив мирной атомной энергетики серьезно ухудшили аварии на АЭС в Три-Майл-Айленде (США, 1979 г.) и на Чернобыльской АЭС (СССР, 1986 г.). Они потребовали дорогостоящего усиления мер безопасности эксплуатации АЭС. Кроме того, как следствие аварий увеличился масштаб общественного движения, выступающего против развития мирной атомной энергетики. В последующие десятилетия доля ядерной отрасли в структуре мирового производства энергии оставалась неизменно малой¹⁰. При этом исследования военных аспектов атомной сферы во многих странах продолжались ускоренными темпами. В мае 1974 г. Индия первая после официальных пяти государств, обладавших ядерным оружием, произвела ядерный взрыв. Но тогда в Дели заявили, что испытано «мирное взрывное устройство» (хотя ДНЯО не проводит такого различия). В мае 1998 г. Индия, а вслед за ней и Пакистан произвели новые испытания ядерного оружия, уже не называя ядерные взрывы «мирными»¹¹.

Преимущества атомной энергетики перед другими источниками энергообеспечения

Открытием явления деления ядер урана нейтронами ядерные физики дали в руки человечества новый, потенциально неисчерпаемый источник энергии. Значимостью этого открытия наглядно: при делении ядер урана выделяется энергия, в миллионы раз большая, чем в наиболее экзотических химических реакциях. Кроме того, использование ядерной энергии имеет целый ряд других преимуществ по сравнению с использованием иных, в том числе традиционных, источников энергии.

Неисчерпаемость ядерной энергетики достигается за счет того, что в нейтронном потоке, создаваемом в ядерном реакторе, уран-238 превращается в плутоний. При этом уран-235, выделяющий энергию при делении, «сгорает» (становится облученным). Образующийся плутоний также «сгорает» с выделением энергии, но при его облучении образовывается еще большее количество плутония. В результате при получении энергии, причем с очень высокой удельной плотностью, ядерное горючее не только полностью возобновляется, но и нарабатывает излишек по отношению к облученному¹².

Вырисовывающаяся в настоящее время возможность перехода в промышленных масштабах на новые типы реакторов на быстрых нейтронах показывает, что превращение атомной энергетики в надежный и неисчерпаемый источник энергии может стать перспективой недалекого будущего. Особое внимание на такую перспективу для развития нашей страны обратил Президент России Д.А. Медведев в своем выступлении на состоявшемся в Сарове 22 июня 2009 г. заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики: «В среднесрочной перспективе нужно сформировать новую технологическую

базу атомной энергетики на основе замкнутого ядерного топливного цикла с реакторными установками на быстрых нейтронах»¹³.

Преимущества атомной энергетики перед традиционно доминирующими энергоресурсами – углеводородами – очевидны. Они заключаются в следующем:

- запасы органических ресурсов (углеводороды – нефть и газ) истощимы, а потребление их для получения энергии, по сравнению с использованием ядерного материала, огромно и нерационально. Нерациональность объясняется в том числе высокой степенью недоиспользования углеводородного сырья при его переработке;

- объем выделяющейся энергии при ядерных превращениях значительно больше объема получаемой при сжигании углеводородов энергии. Показательный пример: 1 кг низкообогащенного урана (обогащенного до 4% по изотопу урана-235), используемого в ядерном топливе, при полном расщеплении ядер урана-235 выделяет энергию, эквивалентную сжиганию примерно 100 т высококачественного каменного угля или 60 т нефти¹⁴.

Кроме того, в отличие от производства энергии с использованием углеводородов, при ядерной реакции энерговыделение происходит очень быстро. В настоящее время чрезвычайно остро стоит вопрос решения экологической проблемы, и тот факт, что атомная сфера значительно более безопасна для окружающей среды при правильном использовании ядерных технологий, делает ее гораздо более конкурентоспособной. Действительно, установки атомно-энергетического сектора не загрязняют атмосферу так, как это делают энергетические объекты углеводородной отрасли. Использование углеводородов приводит к ежегодному выбросу в окружающую среду: более 150–250 млн т золы; 60–100 млн т SO_2 – сернистого ангидрида, частично превращающегося в серную кислоту в результате смешивания в атмосфере с парами воды; $(15–25) \cdot 10^3$ млн т CO_2 и др.¹⁵.

Одним из ключевых преимуществ АЭС является то, что при ее работе не происходит сжигания в процессе производства энергии атмосферного кислорода. Отсутствуют выбросы токсичных и «парниковых веществ». Как ни парадоксально, больший удельный (на единицу произведенной электроэнергии) выброс радиоактивных частиц дает, например, угольная, а не атомная электростанция. К примеру, в угле всегда содержатся природные радиоактивные вещества – торий, два долгоживущих изотопа урана, продукты их распада (включая радиотоксичные радий, радон, полоний), а также долгоживущий радиоактивный изотоп калия – калий-40. При сжигании угля они практически полностью попадают во внешнюю среду. При этом удельная активность выбросов тепловых электростанций ТЭС в 5–10 раз выше, чем у АЭС.

Кроме того, значительная доля природных радионуклидов, содержащихся в угле, скапливается в шлаковых отвалах тепловых ТЭС и попадает в организм человека по пищевым цепочкам

при размытии водой. В 1 т золы ТЭС содержится до 100 г радиоактивных веществ¹⁶. На АЭС такой канал их распространения отсутствует, поскольку технологии обращения с удаленным из реактора облученным ядерным топливом исключают его прямой контакт с внешней средой.

В целом же радиационное воздействие ТЭС на население примерно в 20 раз выше, чем у АЭС равной мощности. Преимущества сгорания ядерного топлива АЭС перед сгоранием органического топлива на ТЭС также очевидны: для сгорания ядерного топлива не требуется окислитель (кислород), так как процесс энерговыделения через облучение ядерного топлива в реакторе обусловлен ядерными взаимодействиями – деление ядер урана-235 (основная составляющая ядерного топлива), а не химическими реакциями. Электроэнергия получается за счет трех взаимных преобразований форм энергии: ядерная энергия переходит в тепловую, тепловая – в механическую, механическая – в электрическую.

При производстве энергии на ТЭС органическое топливо, подаваемое в топку, сгорает полностью. «Несгораемых запасов» не остается и не образуется (в отличие от ядерного топлива), где в цепной реакции деления, проходящей в энергетическом ядерном реакторе, выгорает не весь расщепляющийся материал (уран-235). Из загруженного в активную зону реактора расщепляющегося материала (урана-235) полностью «выгорает» только его избыток над критической массой, значительная же часть расщепляющегося материала остается необлученной и невыгоревшей уран после регенерации может быть снова (в отличие от золы и шлаков органического топлива) использован в качестве топлива. И наконец, при облучении ядерного топлива в его составе образуется новый, делящийся материал – плутоний, который также снова может быть использован в качестве топлива¹⁷.

Во многих странах убеждены в том, что ядерная энергетика может быть природосберегающей. Многие из них, в частности Франция, где 75% электроэнергии вырабатывается на атомных электростанциях (АЭС)¹⁸, выступают за признание данной отрасли «зеленой», то есть экологически безопасной. В России, кроме прочего, экономические преимущества использования атомной энергетики перед иными источниками энергии сводятся к тому, что себестоимость производства электричества на АЭС здесь (без учета начальных инвестиций) значительно ниже, чем на тепловых электростанциях (это касается и угля, и газа, и мазута).

Следующий аргумент в пользу предпочтения атомной энергетики – в том, что органические ресурсы гораздо более выгодно использовать в таких смежных областях, как нефтехимия. Это может приносить значительно большую добавочную стоимость, нежели простое применение углеводородов в качестве энерготоплива. Однако не только указанные факторы являются причиной такого пристального внимания к ядерной энергетике. Диверсифицировать источники энергообеспечения

и искать альтернативы органическому топливу государства заставляет острая зависимость стран-импортеров углеводородных энергоресурсов от государств-поставщиков, находящихся зачастую в нестабильных регионах, как, например, Ближний Восток.

Сегодня эксперты сходятся во мнении, что в XXI в. проблема энергообеспечения может создать серьезные угрозы международной безопасности. Об этом еще во время Международной конференции 2005 г., проводимой правительством США в сотрудничестве с американским Советом по возобновляемой энергии, говорил и заместитель министра обороны США в 2001 – 2005 гг., и президент Всемирного банка в 2005 – 2007 гг. Пол Вулфовиц¹⁹. Для устранения подобных угроз необходимо найти оптимальный вариант энергообеспечения всех заинтересованных государств.

Для стран-экспортеров переход на атомную энергию выгоден в том смысле, что они могут получать дополнительную прибыль от продажи органических ресурсов в другие государства вместо использования их в качестве топлива внутри страны. Атомная энергетика привлекательна и тем, что она менее затратна при наличии соответствующей инфраструктуры, чем углеводородная отрасль, в случае же ее отсутствия – быстро окупаема. На необходимость развития атомной сферы нужно смотреть не только через призму совершенствования ядерной энергетики с целью улучшения условий эксплуатации АЭС, но и с учетом активного использования ее технологий в морском флоте и космической области, наращивания потенциала использования ядерных технологий в сельском хозяйстве и медицине (радиоизотопы, например, технеций-99).

Необходимость развития ядерной энергетики объясняется и тем, что ядерная наука и технология являются базовой составляющей не только энергетической отрасли, но и всей современной промышленности, фундаментальной и прикладной науки; в основе производства целого ряда продуктов питания используются ядерно-физические методы и технологии²⁰.

Анализ динамики развития мирной атомной энергетики в XXI в. достижения и перспективы развития отрасли

С наступлением XXI в. развитию атомной энергетики был придан новый импульс, основывающийся в том числе на инновационном многостороннем подходе к атомной энергии. Возросло понимание ее гораздо большей перспективности. Галопирующий рост энергетических потребностей во всем мире сегодня требует интенсивного развития и более широкого использования энергии мирного атома. Руководство все большего числа стран, а также профильных международных организаций озвучивает запуск или интенсификацию соответствующих программ и инициатив в атомно-энергетической области.

В своем приветственном послании участникам и гостям Конференции 2010 г. по рассмотре-

нию действия ДНЯО (3–28 мая 2010 г., Нью-Йорк), Президент Российской Федерации Д.А. Медведев в очередной раз подчеркнул: «мирный атом» играет возрастающую роль в удовлетворении энергетических потребностей мировой экономики». А «действующие и новые АЭС являются реальным инструментом экономического подъема, повышения уровня жизни миллионов людей»²¹. Целый ряд аргументов в пользу развития атомной энергетики обеспечили данной отрасли присутствие во всех «приблизительных» сценариях развития энергетики будущего и в оценках ее структуры. В основе таких сценариев лежит сочетание невосполнимых ресурсов (органическое и ядерное топливо²² со значительным увеличением доли ядерной энергетики) и возобновляемых (или так называемых альтернативных) источников энергии.

Конечно, однозначно утверждать, как конкретно будет развиваться энергетический сектор через несколько десятилетий и какая из его отраслей будет превалировать, крайне сложно. Необходимая глубина прогнозирования в области атомной энергетики, учитывая инерционность отрасли, капиталоемкость и сложность ее реструктуризации, составляет примерно 50 лет. В свете появления новых технологий достоверная глубина прогнозирования не превышает 20 лет. Несомненно, можно однозначно прогнозировать, что атомная энергетика (особенно на базе быстрых уран-плутониевых (U – Pu) реакторов) – это энергетика будущего²³. Очевидно, что экономические, экологические и другие преимущества атомно-энергетической сферы позволяют ей занять преобладающие над другими энергетическими секторами позиции уже в ближайшем будущем.

В Российской Федерации ядерная технология способна обеспечить переход к полностью интенсивной экономике, от сырьевой – к индустриальной, машиностроительной структуре экономики, в которой научно-технический потенциал играет роль двигателя общественного и промышленного развития, в 4–5 раз снижая долю сырьевого, то есть невысокотехнологичного, сектора²⁴.

Для России перспективы развития атомно-энергетического сектора обусловлены также расширением возможностей и перспектив для интенсивного строительства АЭС за рубежом, поставок оборудования и ядерного топлива и безопасных с точки зрения распространения технологий, а также предоставления услуг в области ЯТЦ, в том числе через многосторонние подходы к ЯТЦ. Наиболее перспективными регионами в этом смысле являются, в частности, Китай, Индия, Южная Корея, а в более отдаленной перспективе – Юго-Восточная Азия: Индонезия, Вьетнам и др.²⁵.

Как становится очевидным, развитие атомной энергии может сыграть стабилизирующую роль в международных отношениях в условиях острой борьбы за органические энергоресурсы и жесткой конкуренции за контроль над газо- и нефтепроводами. В пользу необходимости развития атомной энергетики²⁶ говорит и тот факт, что при наличии в эксплуатации 432 энергетических реакторов в

мире заявлено о намерениях соорудить к 2030 г. 152 новых энергоблока. Еще 350 реакторных блоков предложены на рассмотрение для возможного строительства к этому же сроку²⁷. Некоторые эксперты пишут о вероятности удвоения к 2030 г. совокупных мировых ядерных энерго мощностей²⁸.

Следует особо подчеркнуть значительный прогресс, достигнутый этой отраслью за последние 50 лет. В настоящее время за счет атомной энергии вырабатывается 15–16% мирового производства электроэнергии²⁹, в некоторых промышленно развитых государствах этот показатель значительно выше (Япония – 24%, Республика Корея – 36%, Бельгия – 54%), во Франции он достигает 75%³⁰. Кроме того, ядерная генерация в ряде крупнейших стран мира, таких, как Китай и Индия, вырастет в 6 и 10 раз к 2020 г. соответственно³¹.

Как показывают последние доклады МАГАТЭ и выступления представителей этих государств на регулярных сессиях Совета управляющих МАГАТЭ и 55-й сессии Генеральной конференции МАГАТЭ, авария на АЭС «Фукусима-Дайичи» (Фукусима-1) в Японии не внесла существенных корректировок в планы этих стран по осуществлению масштабного развития своих атомно-энергетических отраслей³².

Россия относится к тем странам, которые приняли политическое решение в пользу дальнейшего развития национальной атомной энергетики; у нас разработана конкретная программа действий, подготовлена необходимая законодательная, финансовая и организационная база. Планируется поэтапный переход начиная с 2020 г. на новую технологическую платформу, основанную на быстрых реакторах и замкнутом ядерном топливном цикле.

Задача развития атомной отрасли России на долгосрочную перспективу была поставлена в Послании Президента России Федеральному Собранию в 2007 г. По заявлению Председателя Правительства В.В.Путина в июле 2008 г., до 2015 г. затраты на атомно-энергетическую сферу только из федерального бюджета должны были составить около 1 трлн руб.³³.

О серьезности намерений относительно ядерно-энергетической отрасли говорит и упоминание о международных центрах по обогащению урана в проекте «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г.» – основном документе, определяющем цели и приоритеты развития России до 2020 г.³⁴. А на первом заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики Российской Федерации в июне 2009 г. (под председательством Президента России) Д.А.Медведев выделил пять приоритетных направлений для инновационного технологического развития нашей страны, на которых необходимо сосредоточиться, в том числе ядерные технологии³⁵.

Повышенное внимание, уделяемое Россией атомной сфере, основывалось на возросшей безопасности ядерной энергетики. Обязательными элементами любого современного реактора являются системы управления и защиты (СУЗ) ре-

актора. СУЗ позволяют осуществлять выбранный режим протекания управляемой цепной реакции деления. Также все реакторы оснащены системами аварийной защиты – для быстрого прекращения реакции при возникновении аварийной ситуации. Принцип действия обеих систем основан на введении в активную зону реактора стержней из материалов, интенсивно поглощающих нейтроны (чаще всего – карбид бора), что позволяет резко прекратить деление ядер урана-235 этими нейтронами и остановить цепную реакцию. Кроме того, все современные реакторы снабжены многобарьерными системами радиационной защиты, предотвращающими облучение персонала и попадание радиоактивных веществ во внешнюю среду.

Значительный прогресс в области безопасности использования атомной энергии в мирных целях за последнее десятилетие – в том числе в области безопасности эксплуатации АЭС – был, в частности, достигнут в рамках деятельности МАГАТЭ. С 2004 г. МАГАТЭ усилило деятельность по обоим направлениям – ядерная и физическая ядерная безопасность – с целью их усовершенствования. В целях оказания содействия государствам-членам МАГАТЭ в создании эффективной системы ФЯБ Агентство учредило серию публикаций «Физическая ядерная безопасность» в качестве руководящих документов, носящих рекомендательный характер. Среди основных документов, входящих в серию, – «Аспекты инженерно-технической безопасности при защите ядерных установок от саботажа»; «Идентификация радиоактивных источников и угроз»; «Культура физической ядерной безопасности», «Физическая ядерная безопасность при транспортировке радиоактивных материалов»³⁶.

Опасность использования атомной энергии при недостаточном или неправильном обеспечении эксплуатационной безопасности АЭС, неправильные разработка и проектирование станций, что имело место в случае аварии на АЭС «Фукусима-1» в Японии, не должны ставить под сомнение необходимость развития ядерной энергетики. Сейчас можно утверждать, что серьезные аварии, произошедшие в области ядерной энергетики в XX в., в настоящее время невозможны. Это связано с тем, что в разработке, проектировании и строительстве АЭС с тех пор произошли революционные изменения. Атомные электростанции современного типа принципиально отличаются от действовавших до этих аварий³⁷. Чрезвычайно важны в обеспечении безопасной эксплуатации АЭС и всех иных ядерных объектов постоянный мониторинг и превентивные меры безопасности. Например, сразу после аварии на АЭС «Фукусима-1» в России организована проверка всех ядерных объектов на предмет соответствия требованиям эксплуатационной безопасности³⁸. Председатель Правительства РФ подчеркнул в этой связи, что «Россия не намерена менять планы по развитию атомно-энергетического сектора из-за катастрофы, произошедшей на АЭС «Фукусима-1»³⁹.

Атомная энергетика в режиме нераспространения ядерного оружия

На заре атомной эпохи освоение атомной энергии стало стимулом к началу гонки ядерных вооружений. Созданный в короткие сроки благодаря колоссальным вложениям в оружейные ядерные программы атомный потенциал может теперь позволить наиболее продвинутым в ядерной сфере государствам направить развитие атомной энергетики на пресечение возможного дальнейшего ядерного распространения за счет развития мирной атомной энергетики и предоставления благ от мирного использования атомной энергии всему мировому сообществу. Потенциальное ядерное распространение должно пресекаться посредством поддержания и укрепления сложившегося за более чем полвека режима нераспространения ядерного оружия.

Принимая во внимание всю «чувствительность» ядерной отрасли, особенно базирующейся на замкнутом ядерном топливном цикле, необходимость жесткого контроля, в том числе международного, в связи с осуществлением государствами деятельности в области ЯТЦ, включая международный аспект, очевидна. Планы международного контроля за атомной энергией появились практически одновременно с созданием первых ядерных бомб. Термин «международный контроль за атомной энергией» был впервые введен в оборот учеными-ядерщиками (Н. Бором, Л. Сциллардом, Р. Оппенгеймером), участниками разработки ядерного оружия в 1940-х гг. Под этим термином понималась «система международных мер, направленных на контролируемое исключение использования открытия внутриядерной энергии как орудия войны и во вред человечеству»⁴⁰. Это определение остается практически неизменным до сих пор.

В настоящее время международный контроль за атомной энергией включает в себя целый набор инструментов контроля, предусматривающих обеспечение следования установленным «правилам игры». К основным элементам такого инструментария можно отнести:

- международный контроль над ядерной деятельностью государств, реализуемый через многосторонние международные организации, уполномоченные следить за непереключением этой деятельности на военные цели. Это прежде всего практически универсальная организация МАГАТЭ⁴¹.

В рамках регионального и двустороннего взаимодействия компетентными организациями являются АБАКК, АЯЭ, Евратом, ОПАНАЛ и др.;

- международные механизмы экспортного контроля, формально не входящие в режим ядерного нераспространения, но играющие важную роль: Группа ядерных поставщиков (ГЯП) и Комитет ядерных экспортеров (Комитет Цангера);

- основополагающие юридически обязательные международно-правовые документы: ДНЯО, договоры о создании зон, свободных от ядерного оружия (ЗСЯО), Договор Тлателолко, Бангкокский

договор, Договор Раротонга, Семипалатинский договор, Договор Пелиндаба, а также другие международные договоры, соглашения и конвенции;

– национальные органы контроля и системы мониторинга за перемещением ядерных и других радиоактивных материалов и источников, а также ограничения, установленные в этой связи национальными законодательствами. Это, например, национальные системы физической защиты, учета и контроля ядерного материала (ФЗУК ЯМ), режимы национального экспортного контроля и др.

Первые согласованные принципы и методы осуществления международного контроля (гарантий) были зафиксированы в Уставе МАГАТЭ, открытом для подписания 26 октября 1956 г. За пять десятилетий существования МАГАТЭ агентство разработало разветвленную систему инструментария для обеспечения эффективного мониторинга соблюдения государствами своих обязательств в сфере нераспространения и «детекторов» отхождения государств от этих обязательств. Принципы реализации этих инструментов изложены в целом ряде основополагающих документов агентства (INFCIRC/ 66; INFCIRC/ 66 Rev.2; INFCIRC/153 и др.).

В период создания МАГАТЭ настроения в пользу предотвращения распространения были настолько сильны, что намерения заинтересованных сторон не ограничились основанием этого института. Волна создания механизмов контроля над атомной энергией охватила многие регионы, в особенности Европу, где был создан ряд организаций со схожими функциями в области ядерной энергетики. В 1957 г., в соответствии с Римским договором, была образована наиболее крупная региональная организация – Евратом, функционирующая и сейчас. Его цели идут в одном русле с целями МАГАТЭ, но даже более обширны: в частности, следить за непереклещением ядерной деятельности на немирные цели, а также способствовать созданию и развитию ядерной промышленности.

Крупной международной организацией регионального масштаба являлось на определенном временном промежутке Агентство по ядерной энергии (АЯЭ) – полуавтономный институт Организации по экономическому развитию и сотрудничеству (ОЭСР). Созданный в 1958 г. и носивший название «Европейское агентство по атомной энергии», он был переименован в 1972 г. в АЯЭ в связи с вступлением в него США, Канады и других неевропейских стран. Полномочия агентства, однако, по статье 6 его Статута были приостановлены во избежание дублирования прерогатив МАГАТЭ и Евратома⁴². Действует в настоящее время и другая организация – АБАКК – двустороннее Бразильско-Аргентинское агентство по учету и контролю ядерных материалов, которое эффективно отслеживает и гарантирует непереклещение ядерного материала и ядерной деятельности в этих двух странах на цели иные, чем мирные.

Сегодня МАГАТЭ и его система гарантий играет одну из центральных ролей в поддержании и укреплении режима ядерного нераспространения. Юридической или правовой основой приме-

нения гарантий МАГАТЭ в виде инспекционной деятельности на территории государств-участников является ряд документов, разработанных совместно государствами-членами и МАГАТЭ на основе ДНЯО, подписанных и ратифицированных законодательными органами государств-членов⁴³. Основным инструментом проверки МАГАТЭ соблюдения государством своих нераспространенческих обязательств является Соглашение между государством и МАГАТЭ о применении гарантий. Некоторые государства ввели в оборот дополнительные протоколы к указанному соглашению. Результаты инспекций инспекторов агентства представляются в виде инспекционного отчета и собираются в компьютерной базе данных агентства для дальнейшей обработки и подготовки годового отчета о применении гарантий. Такой отчет после предварительного ознакомления с ним уполномоченных представителей государства при МАГАТЭ (миссии при МАГАТЭ) выносится на Совет управляющих агентства, который должен принять решение о представлении этого отчета на ежегодной Генеральной конференции МАГАТЭ.

Таким образом контролируется деятельность государств в ядерной области, с последующим информированием о ней основной части международного сообщества, представленного в рамках МАГАТЭ. Важным нераспространенческим инструментом агентства является возможность агентства передать вопрос на рассмотрение в Совет Безопасности ООН. Следующим важнейшим инструментом поддержания и укрепления режима ядерного нераспространения, его краеугольным камнем по-прежнему считается также практически универсальный⁴⁴ ДНЯО.

Договор, по сути, замораживает расстановку сил в мировом ядерном балансе, отсекая возможность увеличения числа стран, обладающих ядерным оружием. Одновременно ДНЯО закрепляет неотъемлемость прав всех государств-участников, соблюдающих свои нераспространенческие обязательства, на развитие и мирное использование атомной энергии. Важным преимуществом договора является приравливание любого ядерного взрывного устройства (ЯВУ) к ядерному оружию. Тем самым исключается возможность создания ядерного оружия под предлогом «мирного» ЯВУ⁴⁵.

С помощью национальных гарантий обеспечивается решение проблемы возможного ядерного распространения на государственном уровне. Специальное обращение с ядерными материалами (ЯМ), осуществляемое специальными компетентными органами, представляет собой совокупность мер и технических средств, обеспечивающих сохранность и знания о ЯМ. Таким образом, специальное обращение служит обеспечению национальных гарантий нераспространения.

Для дальнейшего укрепления режима ядерного нераспространения, являющегося одной из базовых составляющих системы международной безопасности, данную систему контроля необходимо постоянно модернизировать, поддерживать гибкой и способной реагировать на изменение

конъюнктуры. Для обеспечения эффективности и актуальности мер по поддержанию и укреплению режима ядерного нераспространения принимаются разносторонние шаги по его «модернизации». Например, в 1995 г. Конференцией по рассмотрению и продлению действия ДНЯО было принято решение о бессрочном действии договора и механизме созыва каждые пять лет очередных конференций по рассмотрению действия ДНЯО (КР ДНЯО) для анализа эффективности выполнения договора государствами-участниками. Кроме того, почти каждый год собирается Подготовительный комитет конференции, в чьей компетенции – принимать решения касательно режима ядерного нераспространения.

Постоянно развивается и эволюционирует система гарантий МАГАТЭ, происходит ужесточение национальных и международных (в рамках ГЯП и Комитета Цангера) экспортных ограничений, в частности расширение списка товаров и технологий, подпадающих под экспортный контроль (ЭК), наконец, выдвигаются новые инициативы, направленные на использование атомной энергии исключительно в мирных целях (многосторонние подходы к ЯТЦ). В настоящее время становятся все более очевидными возможности и перспективы развития международного сотрудничества в мирном использовании энергии атома с целью укрепления режима нераспространения ядерного оружия.

Основной принцип эффективной работы многостороннего международного атомно-энергетического сектора на цели нераспространения заключается в достаточном энергообеспечении всех заинтересованных стран. Благодаря этому отпадает необходимость развития этими государствами собственного ядерно-энергетического комплекса. Последний, если речь идет о замкнутом ядерном топливном цикле, состоит в том числе из чувствительных в плане нераспространения фаз – обогащения урана и переработки облученного ядерного топлива. Такой полный, или замкнутый ядерный топливный, цикл может сделать ядерную энергетику того или иного государства небезопасной с точки зрения нераспространения. Это особенно актуально в настоящее время, когда все большее число стран начинают развивать атомную энергетику для обеспечения своих потребностей в электроэнергии.

К сожалению, ограничением или прекращением сотрудничества исключить возможность получения определенных материалов, технологий и оборудования полностью все равно нельзя, так как существует «черный» рынок ЯМ и технологий. Но «отбить» вероятное желание получить такие материалы с целью создания ядерного оружия можно, предложив такие условия международного сотрудничества, выгоды от которых перекрыли бы все возможные выгоды от обладания ядерным оружием. Таким образом, использование и дальнейшее развитие атомной энергетики не только может быть безопасным с точки зрения нераспространения, но и служить целям его укрепления благодаря системе

мер режима нераспространения, разработанной как на международном уровне (МАГАТЭ, ДНЯО и др.), так и на национальной основе.

Достаточное энергообеспечение всех заинтересованных стран через международное сотрудничество в области атомной энергетики – многосторонние подходы к ЯТЦ – может снять остро стоящую в настоящее время проблему жизнееспособности режима ядерного нераспространения. Атомная энергетика, как таковая, может и должна стать не только перспективной отраслью международного коммерческого взаимодействия, но и перспективной областью международного сотрудничества для обеспечения международной безопасности.

Другие направления использования мирного атома в XXI в.

Сегодня потенциал мирного атома используется не только по его прямому назначению – выработке электроэнергии, но и для решения целого круга других задач. Причем масштабность научно-исследовательских работ в иных, чем энергетические, областях мирного атома постоянно увеличивается. В основном исследования и применения таких других направлений развития энергии мирного атома ведутся на международной основе, в частности в рамках МАГАТЭ.

В последние годы МАГАТЭ все более интенсивно развивает такие многопрофильные атомно-энергетические направления, как:

- альтернативные энергетические применения;
- усовершенствованные ядерные и термоядерные системы;
- атомные и ядерные данные;
- применения ускорителей и исследовательских реакторов;
- ядерные технологии в продовольствии и сельском хозяйстве, здоровье человека;
- изучение медицины, окружающей среды, водных ресурсов;
- производство радиоизотопов для медицинских и фармацевтических целей, в частности лучевой терапии, радиационных технологий для применения в радиационной онкологии⁴⁶.

Наибольшие результаты от использования энергии мирного атома в МАГАТЭ были достигнуты, пожалуй, в 2010 г. Например, разработка, испытание, проверка пригодности и непосредственное применение быстрых и точных ядерных и связанных с ними методов для ранней диагностики заболеваний сыграли главную роль в повышении продовольственной безопасности. Важным стратегическим компонентом повышения производительности сельского хозяйства и обеспечения продовольственной безопасности является увеличение инвестиций в борьбу с сельскохозяйственными вредителями. Результаты осуществляемой МАГАТЭ совместно с ФАО в этой области работы свидетельствуют о продуктивности ряда новаторских путей применения ионизирующего излучения для содействия осуществлению биологического контроля.

В течение многих десятилетий МАГАТЭ в партнерстве с ФАО оказывают своим государствам-членам помощь в области увеличения производства и повышения качества и безопасности пищевых продуктов. Знания экспертных сообществ МАГАТЭ и ФАО в области селекции и генетики растений также уже долгое время помогают многим странам увеличивать производство сельскохозяйственной продукции, эффективно используя ядерные технологии. Некоторые из сельскохозяйственных культур, выведенных с помощью передовых ядерных технологий, помогают наладить снабжение продовольствием остро нуждающихся государств, одновременно позволяя фермерам и потребителям получать многомиллионную экономическую выгоду⁴⁷.

Например, в Турции успешно выведены мутантные сорта турецкого гороха, обладающего высокой потенциальной урожайностью, повышенным содержанием белка в ядрах, ранними сроками созревания и устойчивостью к увяданию, гниению и прекращению роста. В Египте культивирование трех высокоурожайных и устойчивых к болезням и насекомым-вредителям мутантных сортов кунжута приносит значительно более высокую экономическую прибыль, нежели выращивание обычных сортов⁴⁸.

Одно из важнейших направлений ядерной науки – радиационная онкология – продолжает интенсивно развиваться. Продолжавшийся в 2010 г. прогресс в области применения радиационной онкологии обеспечивает совершенствование лечения, позволяя в настоящее время добиваться более точного соответствия облученного объема форме опухоли и тем самым лучшего сохранения здоровых соседних тканей. Трехмерная конформная лучевая терапия используется для определения точных полей облучения, в центре которых находится целевая опухоль. В целом достижения в области ядерной медицины в последние три года привели к сокращению как времени сканирования, так и доз облучения, получаемых пациентами, при повышении общего качества лечения и диагностики онкологических заболеваний.

Немаловажно и то, что открытия в области мирного атома далеко не завершены. Благодаря научно-исследовательским работам, проводящимся в том числе в рамках МАГАТЭ, а также национальными ядерными научно-исследовательскими институтами, открываются новые сферы применения атома. Вполне возможно, что в недалеком будущем многие проблемы медицины и здравоохранения, продовольствия и сельского хозяйства, других областей науки и техники, а также промышленности будут решаться только за счет применения технологий мирного атома.

Заключение

Можно по-разному относиться к мирному атому и перспективе его дальнейшего развития.

Однако реалии настоящего времени свидетельствуют о неизбежности ускоряющегося развития ядерной отрасли в глобальном масштабе и международного взаимодействия в этой связи. Объективность этих фактов не может быть поставлена под сомнение. Атомная энергетика сегодня – мощный ресурс и хорошо разработанный на основе многолетнего опыта инструмент социально-экономического развития многих стран. Международное сотрудничество в атомно-энергетической области – одно из самых перспективных направлений приложения многосторонних усилий с целью ускорения прогрессивного развития человечества в сфере энергобезопасности, нераспространения, а также в ключевых областях промышленности, медицины, науки.

Наиболее разнообразно и эффективно международное ядерно-энергетическое взаимодействие осуществляется в рамках МАГАТЭ. На базе многочисленных разработок и технологий, основанных на использовании достижений и открытий ядерной науки, строятся и развиваются сегодня многие отрасли экономики промышленно развитых стран.

Дальнейшее развитие ядерной отрасли в контексте многосторонней кооперации открывает еще более обширные возможности для социально-экономического роста государств, причем это касается как стран с уже развитой ядерной инфраструктурой, так и государств, которые только встают на путь развития атомно-энергетического комплекса.

Кроме практической пользы, которую приносит активное применение ядерных технологий в тех или иных областях, обладание ядерными технологиями, несомненно, поднимает престиж государства на международной арене. Развитая ядерная, в том числе ядерно-энергетическая, инфраструктура свидетельствует о стабильном экономическом росте и возможности государства беспрепятственно проводить научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы с использованием ядерных науки и технологий.

Для России дальнейшее ускоренное развитие атомной энергетики, в том числе через многосторонние подходы к ядерному топливному циклу, будет означать:

- максимально быстрый переход от частично экстенсивной к полностью интенсивной экономике;

- от сырьевой экономики – к индустриальной структуре производства, в которой научно-технический потенциал играет роль двигателя общественного и промышленного развития;

- от внутреннего потребления возможностей ядерно-энергетического сектора – к масштабному строительству АЭС за рубежом: экспортным поставкам оборудования, ядерного топлива и безопасных с точки зрения нераспространения технологий; предоставлению иных услуг в области ядерного топливного цикла, в том числе через многосторонние подходы к ЯТЦ.

Очевидно, что мирный атом будет в дальнейшем активно развиваться в глобальном масштабе. Также очевидно, что Россия, имея значительный накопленный научно-технический потенциал в этой области и огромный опыт в решении масштабных задач с помощью энергии мирного атома, будет по-прежнему играть в этом процессе одну из ведущих ролей. Объективно мирный атом уже в самом ближайшем будущем может стать основным движущим фактором социально-экономического развития государств, выводя важнейшие отрасли экономики и промышленности на качественно новый уровень. Вместе с тем скептическое отношение к мирному атому в некоторых «слоях» населения сохраняется.

Некоторых людей пугает одно лишь слово «радиация», других – ее неосознанный образ – без вкуса, без цвета, без запаха. Однако часто мы боимся просто потому, что чего-то не знаем или не понимаем. Возможно, чтобы до конца понять или узнать, необходимо потратить чуть больше времени для изучения научно-практического аспекта такой тонкой материи, как ядерная, чем может себе позволить обычный человек в круговороте современных проблем и стремлении решить мно-

гочисленные и всего лишь тактические задачи. Достижение стратегической цели – оптимального удовлетворения энергопотребностей и энергобезопасности, развития передовых отраслей экономики, медицины, науки, сельского хозяйства, – а также одновременное решение проблемы нераспространения ядерного оружия пока что недостижимо для многих стран современного мира, но это, очевидно, вопрос только времени.

Zharkikh M.V. «Peaceful Atom» – from the XXth to the XXI Century: from the Weapons of Mass Destruction to the Driver of the Massive Progress.

Summary: The article is dedicated to the progress-analysis of the development of one of the most promising fields of economy and industry of Russia as well as many other states of the world – the atomic energy sector. Its evolution and competitive advantages before the other sources of energy supply are attended in brief. Special attention is devoted to international cooperation in the atomic energy field, incentivized at the beginning of the XXI century. Dynamics of this cooperation has shown that atomic energy can and, most probably, in the nearest future, will become one of the main factors of an advanced socioeconomic development of most of the states.

Ключевые слова

Мирный атом, атомная энергетика, ядерный топливный цикл, международное сотрудничество, неисчерпаемые источники энергообеспечения

Keywords

Peaceful atom, atomic energy, Nuclear Fuel Cycle, International Cooperation, Inexhaustible energy source

Примечания

1. См., например: Джеймс Лейк. Ренессанс атомной энергетики в США. Промышленные ведомости. 2006 г. № 10, октябрь.
2. Согласно ст. IX Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).
3. Подробнее см.: Мальков В. Л. «Манхэттенский проект». Разведка и дипломатия. М.: Наука, 1995. Глава 2.
4. Первая в мире АЭС в Обнинске (Калужская обл., СССР) безаварийно проработала 50 лет и была выведена из эксплуатации в 2004 г. В настоящее время на ее базе планируется создание музея ядерной энергетики.
5. См.: Нераспространение ядерного оружия: Сборник документов. М.: Международные отношения, 1993. С.6.
6. International Atomic Energy Agency. Vienna. July 2005, p.5.
7. Нераспространение ядерного оружия. С.29.
8. В настоящее время единственный в мире действующий реактор на быстрых нейтронах (БН-600) имеется у России (на Белоярской АЭС).
9. Ядерное нераспространение: Краткая энциклопедия. М.: РОССПЭН. ПИР-Центр, 2009. С. 356.
10. Ядерная технология естественной безопасности. М.: Минатом России, 2000. С. 2.
11. См.: Ядерное оружие после «холодной войны»/ Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина; Моск. Центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 2006. С. 141.
12. См.: Ядерное нераспространение: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: МИФИ, 2006. С. 9.
13. Официальный сайт Президента России www.kremlin.ru; www.kremlin.ru/news/4885.
14. Колдобский А.Б. 50 вопросов и ответов об атомной энергетике и ядерном топливе. М.: ТВЭЛ, 2006. С.19.
15. Ядерное нераспространение: Учебное пособие. С. 269.
16. Колдобский А.Б. Указ. раб С. 10 – 11.
17. Там же. С.9.
18. Ян Гор-Лесси. Ядерное электричество. 6-е изд. Урановый Информационный Центр. Австралия. Гл. 2.4.

19. См.: Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии// Под ред. А.В.Торкунова, А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО, 2007. С.929.
 20. См.: Ядерное нераспространение: Учебное пособие. С. 263.
 21. 2010 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Practical Steps of the Russian Federation in the field of nuclear disarmament». М., 2010.
 22. В будущем, при успешном развитии и использовании в промышленных масштабах реакторов на быстрых нейтронах и применении многократного ЯТЦ, можно будет обеспечить возобновимость ядерной энергии.
 23. Ядерная технология естественной безопасности. С. 5.
 24. См.: Ядерное нераспространение: Учебное пособие. С. 263.
 25. См.: Перспективы развития атомной энергетики и законодательное обеспечение отрасли, с.15.
 26. Там же. С.3.
 27. World Nuclear Power Reactors and Uranium Requirements, 2011. October 21, 2011. (<http://www.world-nuclear.org/info/reactors.html>), (последнее посещение – 27.10.2011)
 28. Yudin Y. Multilateralization of the Nuclear Fuel Cycle: Assessing the existing proposals. UNIDIR, 2009, p. 4.
 29. Пономарев-Степной Н.Н., Цибульский В.Ф. Атомная энергия и энергетическая безопасность. Атомная энергия. 2006. Вып. 4. Т. 101. Октябрь. С. 247-254.
 30. Ян Гор-Лесси. Указ.раб. (<http://www.ecoatominf.ru/publishs/electricity/index.html>); World Nuclear Power Reactors and Uranium Requirements, 2011.October 21, 2011. (<http://www.world-nuclear.org/info/reactors.html>)
 31. См.: Колдобский А.Б. Указ раб. С.17.
 32. См.: доклады МАГАТЭ по обзору ядерных технологий - 2011 и по ядерной физической безопасности 2011, а также выступления представителей Индии и Китая на регулярных сессиях Совета управляющих МАГАТЭ в 2011 г. и 55-й сессии Генеральной конференции МАГАТЭ, Вена, 19–23 сентября 2011 г. (Официальный сайт МАГАТЭ www.iaea.org).
 33. Атомная отрасль получит из госбюджета до 2015 г. около 1 трлн руб., http://www.minatom.ru/news/11186_29/07/2008
 34. См.: текст Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. (<http://www.oprf.ru/feedback/778/>)
 35. Президент РФ Дмитрий Медведев провел первое заседание Комиссии по модернизации и технологическому развитию России// <http://minatom.ru/news/15717> , 22.06.2009 г.
 36. См.: Стойберг Карлтон, Бер Алек, Пельцер Норберт, Тонхаузер Вольфрам. Справочник по ядерному праву. Вена: МАГАТЭ, 2006. С. 167 – 180.
 37. См.: Ядерное нераспространение: Учебное пособие. С. 288.
 38. In U-turn, Putin seeks Nuclear Checks// The Moscow Times, № 4596, March 16, 2011. С.1.
 39. Ibidem.
 40. См.: Ядерное нераспространение: Учебное пособие. С. 137.
 41. По состоянию на ноябрь 2010 г. в МАГАТЭ входит 151 государство. Членство еще 7 государств уже одобрено Советом управляющих МАГАТЭ//<http://www.iaea.org/About/Policy/MemberStates/index.html>
 42. См.: Нераспространение ядерного оружия: Сборник документов. С. 6.
 43. В отношении стран-членов МАГАТЭ, не присоединившихся к ДНЯО (Израиль, Индия, Пакистан), гарантии осуществляются только на основе положений INFCIRC/ 66 и INFCIRC/ 66/ Rev.2.
 44. В настоящее время в ДНЯО входят 189 государств ООН, и только 4 государства ООН стоят за его пределами (Израиль, Индия, Пакистан). КНДР заявила о выходе из ДНЯО.
 45. Нераспространение ядерного оружия: Сборник документов. С.25.
 46. См.: Доклад Генерального директора МАГАТЭ 55-й сессии Генеральной конференции МАГАТЭ «Обзор ядерных технологий» от 26 июля 2011 г.
 47. См.: Бюллетень МАГАТЭ, № 50-2, май 2009. С. 19–20.
 48. Там же. С. 20.
-

Внешний долг Индии

Н.В. Галищева

В работе освещены основные аспекты одного из важнейших показателей состояния экономики Индии – внешней задолженности. Автор детально анализирует структуру индийского внешнего долга, а также меры правительства по его погашению. В статье также приведены различные индикаторы внешней задолженности, характеризующие глубину этой экономической проблемы для Индии.

Платежный баланс как один из важнейших индикаторов, показывающий эффективность проводимой внешнеэкономической политики, позволяет проанализировать движение средств по образованию и обслуживанию внешнего долга, а также вычислить масштабы внешней задолженности страны и относительные показатели, отражающие степень ее обремененности внешним долгом. По мнению одного из ведущих российских специалистов по теории платежного баланса профессора В.Б. Буглая, «страна может быть либо нетто-кредитором остального мира, либо нетто-должником. Избыточное сальдо используется либо на иностранные инвестиции (прямые, портфельные, прочие), либо выкупается Центральным банком с целью увеличения валютных резервов... Соответственно в случае отрицательного сальдо по счету текущих операций страна... ввозит иностранный капитал либо тратит свои валютные резервы для балансирования международных расчетов»¹.

Масштабы внешней задолженности Индии

Обострившаяся в Индии в начале 1990-х гг. проблема внешнего долга к концу первого десятилетия XXI в. перестала быть столь актуальной: относительные масштабы долга сократились благодаря умелой политике государства по его урегулированию. Индия, имея небольшой, причем как в абсолютном, так и относительном исчислении объем внешней задолженности в 1980/81 ф.г. (23,5 млрд долл., или менее 12% ВВП), за последующее

десятилетие увеличила его более чем в 3,5 раза (83,8 млрд долл., или 28,7% ВВП). Причины такого наращивания долга уходят корнями в проводимую в Индии в 1980-х гг. внешнеторговую и инвестиционную политику, а также в особенности экономической и политической ситуации в тот период как в самой Индии, так и в мире в целом.

Стимулирующая экспортная политика первой половины 1980-х гг. не привела к ожидаемым результатам в том числе и из-за очередного мирового экономического кризиса начала 1980-х гг. Расчеты, проведенные индийским экономистом Чараном Д. Вадхой, показывают серьезную зависимость в тот период индийского экспорта в первую очередь от состояния экономики развитых государств, а также от динамики мирового ВВП. В частности, коэффициент эластичности индийского экспорта к мировому ВВП в 1980-х гг. равнялся 2,16. Еще выше зависимость индийского экспорта была от уровня благосостояния и успехов экономического развития азиатских стран – торговых партнеров Индии: коэффициент эластичности здесь составлял 3,03². При этом темпы прироста индийского экспорта в 1980 – 1985 гг. едва достигали 3%.

Кроме того, быстро развивающаяся индийская экономика продолжала остро нуждаться в нефти, объем закупок которой к 1989/90 ф.г. вырос до 23,5 млн т в год. Ситуация усугублялась значительно увеличившимися мировыми ценами на энергоносители в результате нефтяного шока 1979 г. Причем даже их снижение в середине 1980-х гг. не смогло

оказать заметного стабилизирующего воздействия на сальдо торгового баланса Индии.

С другой стороны, предпринятые корректировки в импортной политике в 1980-х гг. сделали ввоз капиталоемкого оборудования более свободным, что сказалось на пятикратном росте импорта – в частности, закупки оборудования в 1982 – 1985 гг. в среднем увеличивались на 3,6%, в то время как в 1985 – 1990 гг. – уже более чем на 16%. Между тем оплата импорта оборудования оказалась весьма обременительной для государства. И хотя темпы прироста индийского экспорта в целом в 1985 – 1990 гг. составляли в среднем 10 – 12%, а доля промышленного экспорта увеличилась к 1989/90 ф.г. до 75% общего объема индийского экспорта, все это не смогло серьезно повлиять на сокращение дефицита торгового баланса.

Неблагоприятная ситуация с балансом услуг вкупе со стагнацией денежных переводов от мигрантов приводили к сокращению доходов и по невидимым счетам платежного баланса. Если в 1978/79 ф.г. доходы по ним покрывали 89% дефицита торгового баланса товаров, то в 1984/85 ф.г. – лишь 57%, а 1989/90 ф.г. – менее 50%. Такое положение дел способствовало увеличению дефицита по текущим счетам платежного баланса и дефицита государственного бюджета, что приводило к неизбежному постепенному истощению индийских золотовалютных резервов. Все это подталкивало государство к изысканию дополнительных финансовых средств, основными источниками которых стали прежде всего внешние коммерческие заимствования (ВКЗ) в форме займов в иностранных банках (в среднем 2 – 3 млрд долл. ежегодно), облигационных размещений, торговых кредитов, осуществляемых индийскими предприятиями.

Вследствие определенных трудностей у индийского правительства, возникших с получением иностранной помощи в 1980-х гг. (особенно в 1980–1985 гг., когда ее объем сократился почти в 2,5 раза), ВКЗ рассматривались в качестве одного из самых действенных источников финансирования экономического развития, компенсирующего нехватку капитала в стране. Между тем по мере усиления валютно-финансового кризиса в Индии в 1990/91 ф.г. и 1991/92 ф.г. и приток ВКЗ сократился, что было вызвано в том числе и снижением кредитного рейтинга страны на международной арене. По поводу произошедшего индийский экономист Бимал Ялан писал: «Банки в высшей мере восприимчивы к негативным тенденциям в любой сфере и могут быстро прекратить предоставление финансовых средств без каких-либо объяснений... Отказ в предоставлении кредита одним банком может легко спровоцировать цепь отказов и всех других»³.

Другим источником образования внушительного объема индийского внешнего долга стало активное поощрение притока иностранной валюты на депозиты нерезидентов индийского происхождения (НИП). Желая стимулировать клиентов к вложению средств на депозиты, индийские банки вынуждены были прибегать к установлению достаточно высоких процентных ставок и обеспечивать

им гарантию потерь от колебания курсов. Все это в конечном итоге привело к обострению проблемы обслуживания внешнего долга, урегулирование которого и стало одной из первостепенных задач правительства: на погашение платежей по внешнему долгу в 1990/91 ф.г. в среднем уходило 35,3% экспортных поступлений, а в 1991/92 ф.г. – 30,2%, что было значительно выше так называемой «опасной черты» в 20% и привело к валютно-финансовому кризису в Индии.

Очевидно, что Индия занимала в тот период позицию одного из самых больших должников среди развивающихся стран. Индийская экономика жила займы, а все большая доля поступающих заемных ресурсов шла на рефинансирование старых долгов и компенсацию потерь от инфляции, оставляя все меньше средств для дальнейшего стимулирования экономического роста.

Ускоренное наращивание внешнего долга продолжилось и в первой половине 1990-х гг. Так, в 1991 – 1993 гг. ежегодные темпы прироста индийского экспорта едва превышали 3%, что было явно недостаточно для аккумуляции валютных средств и направления их на погашение уже накопленного долга. На сокращение объема экспорта Индии также повлияло и сворачивание ее торгового взаимодействия со странами СНГ – бывшими республиками СССР (на 62% в долларовом исчислении). Кроме того, неблагоприятная ситуация складывалась и с т.н. «невидимыми» счетами индийского платежного баланса: сокращение экспорта туристических и транспортных услуг, небольшие объемы притока денежных переводов от мигрантов на фоне возросших платежей по процентам, роялти и проч. также не способствовали уменьшению долгового бремени.

Первые признаки улучшения показались в 1993/94 ф.г. Этому способствовали, с одной стороны, падение цен на нефть и уменьшение объемов ввозимых импортных товаров, а с другой – наращивание темпов индийского экспорта (1993/94 ф.г. – 1995/96 ф.г. – около 19%). Сложившаяся благоприятная ситуация способствовала росту коэффициента покрытия импорта экспортом (если в 1990/91 ф.г. он составлял 75,4%, то в 1993/94 ф.г. – уже 85%). Кроме того, заметно возросли и денежные переводы в Индию от мигрантов. Таким образом, все это привело к сокращению дефицита по текущим счетам платежного баланса и, как следствие, к облегчению долгового бремени.

В целом анализ индийского платежного баланса за 1990 – 2000-е гг. показывает, что страна стабильно имела отрицательное сальдо счета текущих операций (в 2010/11 ф.г.⁴ оно составило 44,281 млрд долл., увеличившись за десятилетие почти в 20 раз) и в соответствии с теорией платежного баланса пока остается должником, ввозящим иностранный капитал, ставя во главу угла всестороннее развитие экономики.

По результатам 2010/11 ф.г. внешний долг Индии составил 305,9 млрд долл., увеличившись за период либеральных реформ в 3,7 раза. Причины значительного объема внешнего долга Индии в

настоящее время условно можно разделить на две группы: эндогенные и экзогенные. К первым относятся прежде всего невозможность удовлетворить повышенный внутренний спрос на капитал на внутреннем рынке для финансирования ускоренного роста индийской экономики и в этой связи необходимость в наращивании масштабов коммерческих заимствований и краткосрочных кредитов, а также иностранной технической помощи для выполнения различных проектов развития. Свою лепту в группу этих факторов вносит и ненадлежащее использование иностранной помощи.

Не последнюю роль также оказывает и недостаточное наращивание объемов экспорта: коэффициент покрытия импорта экспортом в 2000-х гг. в среднем составлял 65 – 69%. Между тем на рост объемов внешнего долга отчасти также повлияло и укрепление рупии по отношению к доллару в 2004 – 2006 гг., 2007/08 ф. г. и 2009/10 ф. г., поскольку 53,5% внешнего долга Индии, по результатам 2010/11 ф. г., номинировано в долларах США. Так, например, только за 2009/10 ф. г. укрепление рупии увеличило внешнюю задолженность Индии на 6,6 млрд долл., или 17,8%⁵.

Среди экзогенных факторов выделяется приобретение в настоящее время Индией заимствований преимущественно на рыночных условиях (доля т.н. «льготной помощи» и тем более грантов крайне невелика). С другой стороны, наращиванию экспорта препятствуют всевозможные барьеры и ограничения, с которыми сталкиваются индийские поставщики на мировых рынках.

Следует отметить, что серьезные изменения в 1990 – 2000-х гг. претерпела и структура внешнего долга Индии. В пореформенный период размеры государственного внешнего долга уменьшились с 59,9% в 1990/91 ф. г. до 25,6% в 2010/11 ф. г., в то время как негосударственный внешний долг увеличился соответственно с 40,1% до 74,4%. Это явление свидетельствует о том, что основным заемщиком средств на международном рынке в настоящее время является не индийское государство, а банки и компании, что указывает на усиление их связей с иностранными кредиторами. В абсолютном исчислении государственный долг Индии по результатам 2010/11 ф. г. достиг 78,17 млрд долл., что эквивалентно порядка 5% ВВП. При этом основную его часть (около 40%) представляют заимствования у Международной ассоциации развития (МАР) и МВФ, номинированные в СДР.

Между тем сам по себе абсолютный показатель внешнего долга государства зачастую не позволяет адекватно оценить всю глубину проблемы. В этой связи следует прибегать к анализу относительных показателей, характеризующих степень обремененности страны внешним долгом. Среди таковых показателей выделяют:

- 1) отношение объема внешнего долга к ВВП⁶;
- 2) отношение объема внешнего долга к экспорту товаров и услуг;
- 3) отношение обслуживания внешнего долга к ВВП;

4) отношение обслуживания внешнего долга к экспорту товаров и услуг⁷;

5) отношение золотовалютных резервов к объему внешнего долга.

Таблица 1

Структура долгосрочного внешнего долга Индии

	1990/91 ф.г.		2001/02 ф.г.		2005/06 ф.г.		2010/11 ф.г.	
	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%
Всего	83,80	100,0	98,84	100,0	139,11	100,0	305,89	100,0
Государственный	50,20	59,9	43,58	44,1	46,26	33,3	78,17	25,6
Негосударственный	33,60	40,1	55,26	55,9	92,85	66,7	227,72	74,4

Источник: составлено и рассчитано автором по Government of India, Economic Survey 2009/10, p. 141, A 117 – 118; Government of India, Economic Survey 2010/11, p. 151, A 117 – 118. India's External Debt. A Status Report. 2010-2011. Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. External Debt Management Unit. August 2011. URL: http://finmin.nic.in/the_ministry/dept_eco_affairs/economic_div/Indian%20External%20Debt201011E.pdf (дата обращения: 08.11.2011).

Анализируя относительные индикаторы обремененности Индии внешним долгом, следует подчеркнуть, что, несмотря на внушительные объемы индийской задолженности в абсолютном исчислении, в целом ситуация в стране в пореформенный период стабилизировалась и в настоящее время выглядит весьма удовлетворительно. Коэффициент устойчивости долга в 2000-х гг. не превышал 20% ВВП, а по результатам 2010/11 ф. г. составил 17,3% ВВП, что является одним из лучших показателей среди развивающихся государств и стран с переходной экономикой. Благодаря ускоренному аккумулированию золотовалютных резервов в 1990 – 2000-х гг.⁸ также весьма внушительно выглядит и соотношение объема золотовалютных резервов и внешнего долга (около 100%), заметно увеличившись за годы реформ. Стабилизировалась ситуация и с погашением долга: коэффициент текущей тяжести задолженности Индии в 2006 – 2011 гг. находился на весьма низком уровне – около 4,5% (подробно рассмотрено ниже).

Таблица 2

Индикаторы обремененности внешним долгом.

	1990/91 ф.г.	2001/02 ф.г.	2005/06 ф.г.	2010/11 ф.г.
Весь внешний долг / ВВП, %	28,7	21,1	16,7	17,3
Платежи / экспорт товаров и услуг, %	35,3	13,7	10,1	4,2
Объем ЗВР / объем внешнего долга, %	7,0	54,7	109,0	99,6

Примечание: ЗВР – золотовалютные резервы Индии.

Источник: Government of India, Economic Survey 2009/10, p. 141, A 117 – 118; Government of India, Economic Survey 2010/11, p. 151, A 117 – 118. India's External Debt. A Status Report. 2010-2011. Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. External Debt Management Unit. August 2011. URL: http://finmin.nic.in/the_ministry/dept_eco_affairs/economic_div/Indian%20External%20Debt201011E.pdf (дата обращения: 08.11.2011).

Благоприятная ситуация с урегулированием внешнего долга Индии, главным образом, обеспечивается стабильным ростом экспорта, а также благоприятным инвестиционным климатом, что стимулирует приток прямых иностранных инвестиций, способствующих всемерному развитию национальной экономики, но не приводящих при этом к внешней задолженности. Сокращение новых государственных заимствований (особенно двусторонних) в сочетании с погашением старых в результате приводит к снижению объема внешнего долга Индии.

Структура внешнего долга Индии

В структуре внешнего долга выделяют долгосрочную и краткосрочную составляющие. Примечательно, что индийское правительство проводит весьма грамотную политику по внешним заимствованиям, не допуская резкого увеличения краткосрочной составляющей, доля которой в пореформенный период не превышала 20%. В категорию «долгосрочного долга» включаются заимствования, сделанные на многосторонней и двусторонней основе как государством, так и частным сектором; приобретения СДР у МВФ; экспортные кредиты; ВКЗ; мобилизация средств по депозитам НИП. Кроме того, здесь отдельной позицией выделяется «рупийный долг» – долг Индии России, номинированный в рупиях и выплачиваемый посредством экспортных поставок товаров.

В структуре «долгосрочного долга» Индии доминируют внешние коммерческие заимсто-

вания (около 1/4 всего объема долга в 2000-х гг.), а также средства, мобилизованные по депозитам НИП (около 1/5 объема), причем их доля в пореформенный период все возрастала, что объясняется повышением внутреннего спроса на капитал. Анализ структуры «долгосрочного долга» выявляет еще одну весьма примечательную особенность: доля заимствований, осуществляемых на двусторонней основе, на протяжении всего периода либеральных реформ была традиционно невелика, и по результатам 2010/11 ф. г. составила лишь 8,5%. Таким образом, индийское правительство предпочитает делать заимствования главным образом на многосторонней основе.

Это обусловливается его принципиальной позицией не быть связанным экономическими и политическими обязательствами перед странами-кредиторами. Основными кредиторами Индии из числа международных организаций являются МАР (по данным на апрель 2011 г. – 26,6 млрд долл.), Международный банк реконструкции и развития (8,774 млрд), Азиатский банк развития (6,813 млрд), в то время как из числа стран – Япония (14,744 млрд), ФРГ (2,662 млрд), Россия (1,674 млрд), Франция (392 млн) и США (333 млн)⁹. Между тем следует отметить, что на фоне значительного роста индийских внешних коммерческих заимствований произошло существенное сокращение как доли заимствований на многосторонней, так и двусторонней основе (с 27,77% в 1990/91 ф. г. до 15,84% в 2010/11 ф. г. и с 16,91% до 8,48% соответственно).

Таблица 3

Структура внешнего долга Индии

	1990/91 ф.г.		2001/02 ф.г.		2005/06 ф.г.		2010/11 ф.г.	
	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%
Всего	83,80	100,00	98,84	100,00	139,11	100,00	305,89	100,00
Долгосрочный:	75,26	89,91	96,10	97,23	119,58	86,00	240,90	78,75
1) На мног/основе:	20,90	27,77	31,90	32,27	32,62	23,45	48,46	15,84
Гос./заимствов.	19,89	23,74	28,29	28,62	30,00	21,57	42,58	13,92
Негос./заимствов.	1,01	1,21	3,61	3,65	2,62	1,88	5,89	1,93
2) На двус/основе:	14,17	16,91	15,32	15,50	15,76	11,33	25,95	8,48
Гос./заимств.	11,94	14,25	11,545	11,68	12,34	8,87	18,08	5,91
Негос./заимств	2,23	2,66	3,78	3,82	3,52	2,53	7,88	2,58
3) МВФ	2,62	3,13	0	0	0,98	0,70	6,31	2,06
4) Экспорт./кредиты	4,30	5,13	5,37	5,43	5,42	3,90	18,63	6,09
5) ВКЗ	10,21	12,18	23,32	23,59	26,45	19,01	88,27	28,86
6) Депозиты НИП	10,21	12,18	17,15	17,35	36,28	26,08	51,68	16,89
7) Рупийный долг	12,85	15,33	3,03	3,07	2,06	1,48	1,60	0,52
Краткосрочный:	8,54	10,19	2,75	2,80	19,54	14,05	64,99	21,20
1) Депозиты НИП (до одного года)	3,58	4,3	0,97	0,98	0	0	0	0
2) Депозиты по схеме FC(B&O)D	0,16	0,19	0	0	0	0	0	0
3) Торговые кредиты (сроком до одного года)	4,80	5,73	1,78	1,80	19,40	13,95	58,46	19,11
4) Портфельные инвестиции в правительств/ц/б	0	0	0	0	0,14	0,10	5,42	1,77
5) Вложения зарубежных ЦБ в казначейские векселя	0	0	0	0	0	0	0,05	0,02
6) Прочие вложения	0	0	0	0	0	0	1,05	0,34

Примечание: ВКЗ – внешние коммерческие заимствования; депозиты по схеме FC(B&O)D – нерепатрируемый валютный счет НИП Foreign Currency (Banks and Other) Deposits¹⁰; портфельные инвестиции в правительств/ц/б – портфельные инвестиции в правительственные ценные бумаги; вложения зарубежных ЦБ в казначейские векселя – вложения зарубежных центральных банков в казначейские векселя.

Источник: составлено и рассчитано автором по India's External Debt. A Status Report. 2010-2011. Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. External Debt Management Unit. August 2011. URL: http://finmin.nic.in/the_ministry/dept_eco_affairs/economic_div/Indian%20External%20Debt201011E.pdf (дата обращения: 08.11.2011).

За последние два десятилетия заметно сократился объем индийского «рупийного долга», который по результатам 2010/11 ф. г. составил 1,6 млрд долл. (0,5% общего объема задолженности). Это свидетельствует о том, что Индия, являясь весьма аккуратным плательщиком, уже в значительной степени расплатилась по своим обязательствам перед Россией.

В структуре «краткосрочного долга» в 1990 – 2000-х гг. традиционно преобладали торговые кредиты (со сроком погашения обязательств до 1 года). Особенностью последнего пятилетия является наращивание Индией краткосрочной задолженности по позициям «портфельные инвестиции в правительственные ценные бумаги» и «вложения зарубежных центральных банков в индийские казначейские векселя».

В первой половине 1990-х гг. усилия индийского правительства были направлены на снижение и, по возможности, исключение волатильных и дорогостоящих компонентов внешней задолженности. Так, в 1994 г. Индия отказалась от аккумуляции средств через схему FCNR(A)¹¹; вместо этого впоследствии был сделан акцент на введение схем нерепатрируемых депозитов и с меньшими гарантиями, что способствовало сокращению объемов внешнего долга. Кроме того, индийское правительство также активно прибегало к маневрированию процентными ставками по депозитам.

В настоящее время акцент делается на привлечении предпринимательского капитала, т.е. средств, не приводящих к образованию внешней задолженности. Кроме того, индийское правительство внимательно отслеживает объемы притока ВКЗ и средств по краткосрочному долгу, установив для этих целей своеобразный допустимый «максимальный потолок», не превышающий 15 – 20% общего объема внешнего долга.

Еще одним действенным инструментом, используемым для сокращения масштабов внешнего долга, является наращивание индийского экспорта и стимулирование притока в страну других финансовых ресурсов, например денежных переводов от рабочих – мигрантов, включая НИП, и др.

Также заслуживает упоминания еще один инструмент современной индийской государственной политики по управлению внешним долгом: по возможности стимулируется привлечение в страну государственных заимствований на льготных условиях. Тем не менее справедливости ради следует отметить, что этот компонент долга в общем объеме внешней задолженности Индии в пореформенный период заметно сократился: с 45,9% в 1990/91 ф. г. до 35,4% в 2000/01 ф. г. и 15% в 2010/11 ф. г.

Платежи по внешнему долгу

В абсолютном выражении объем ежегодных платежей в 1990/91 ф. г. – 1993/94 ф. г. составлял 8 – 9 млрд долл., увеличившись в

1994/95 ф. г. до 10,92 млрд и в 1995/96 ф. г. – до 12,38 млрд. При этом до 44% ежегодно уплачиваемой суммы шло на погашение процентов. Впоследствии ситуация заметно улучшилась. И хотя в абсолютном выражении масштабы ежегодных выплат в 2000-х гг. составляли около 20 млрд долл., в относительном (т.н. коэффициент текущей тяжести задолженности – отношение обслуживания внешнего долга к экспорту товаров и услуг) они сократились с 35,3% в 1990/91 ф. г. до 13,7% - в 2001/02 ф. г., 10,1% - 2005/06 ф. г. и 4,2% - 2010/11 ф. г.

В целом в 2000-х гг. индийский внешний долг не только аккуратно обслуживался, но даже порой досрочно погашался, что способствовало сокращению масштабов задолженности, общей макроэкономической стабилизации в стране, улучшению имиджа Индии на мировой арене и усилению ее позиций в мировом хозяйстве.

Основная часть выплат по внешнему долгу в 1990 – 2000-х гг. приходилась на ВКЗ (в среднем около 70%) и обслуживание предоставленной иностранной помощи (около 20%). Примечательно, что современная Индия прилагает значительные усилия для снижения своей зависимости от иностранной помощи, причем в первую очередь предоставляемой на двусторонней основе.

Таблица 4
Платежи Индии по внешнему долгу

	2001/02 ф.г.		2005/06 ф.г.		2010/11 ф.г.	
	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%
Всего	11,115	100,0	19,560	100,0	18,649	100,0
В том числе:						
Основной долг	6,776	61,0	14,341	73,3	12,559	67,3
Проценты	4,339	39,0	5,219	26,7	6,090	32,7
Иностранная помощь	3,225	29,1	2,652	13,6	3,668	19,7
В том числе:						
Основной долг	2,150	19,3	1,945	9,9	2,840	15,2
Проценты	1,075	9,8	0,707	3,7	0,828	4,5
ВКЗ	5,563	50,0	14,839	75,9	13,175	70,6
В том числе:						
Основной долг	4,107	37,0	11,824	60,5	9,650	51,8
Проценты	1,456	13,0	3,015	15,4	3,525	18,8
Депозиты НИП	1,808	16,3	1,497	7,7	1,737	9,3
В том числе:						
Проценты	1,808	16,3	1,497	7,7	1,737	9,3
Рупийный долг	0,519	4,6	0,572	2,8	0,069	0,4
В том числе:						
Основной долг	0,519	4,6	0,572	2,8	0,069	0,4

Источник: составлено и рассчитано автором по India's External Debt. A Status Report. 2010-2011. Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. External Debt Management Unit. August 2011. URL: http://finmin.nic.in/the_ministry/dept_eco_affairs/economic_div/Indian%20External%20Debt201011E.pdf (дата обращения: 08.11.2011).

Расчеты автора и прогнозы индийских экономистов относительно состояния экономики Индии в обозримом будущем показывают, что платежи по долгу не будут являться обременительными для нее и впредь. В 2011 – 2016 гг. они будут в среднем составлять около 20 млрд долл., в 2016 – 2021 гг. – около 9 млрд долл.¹²

Таблица 5

Предстоящие платежи по внешнему долгу
Индии в 2011 – 2020 гг. (млрд долл.)

	Выплата основной суммы долга	Выплата процентов	Общая сумма выплат
2011/12 ф.г.	19,088	3,779	22,867
2012/13 ф.г.	19,310	3,677	22,987
2013/14 ф.г.	15,883	2,790	18,673
2014/15 ф.г.	17,460	2,400	19,860
2015/16 ф.г.	18,955	2,093	21,048
2016/17 ф.г.	12,965	1,520	14,485
2017/18 ф.г.	10,435	1,167	11,602
2018/19 ф.г.	8,219	0,965	9,184
2019/20 ф.г.	6,940	0,831	7,771
2020/21 ф.г.	6,955	0,703	7,658

Источник: India's External Debt. A Status Report. 2010-2011. Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. External Debt Management Unit. August 2011. URL: http://finmin.nic.in/the_ministry/dept_eco_affairs/economic_div/Indian%20External%20Debt201011E.pdf (дата обращения: 08.11.2011).

Таким образом, 1990-е и 2000-е гг. продемонстрировали достаточно успешное решение Индией проблемы внешней задолженности: постепенное увеличение абсолютных размеров внешнего долга, сопровождающееся при этом сокращением его относительных масштабов, а также резкое наращивание объемов золотовалютных резервов. Проведенный анализ свидетельствует об умело проводимой государственной политике по управлению внешним долгом, создающей основу для устойчивого развития экономики Индии на перспективу.

Galistcheva N. V. India's External Debt.

Summary: The article deals with one of the most important characteristics of Indian economy – its external debt. The author analyses in detail the composition of Indian external debt as well as the government's policy on its payment. The article also presents different indicators on external debt, which characterize the depth of the economic problem for India.

Ключевые слова

Индия, внешний долг Индии, индикаторы обремененности внешним долгом, структура внешнего долга, платежи по внешнему долгу

Keywords

India, India's external debt, external debt indicators, composition of external debt, external debt payments

Примечания

1. Международные экономические отношения / Под редакцией Н.Н.Ливенцева. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия», 2001. С. 399 – 400.
2. The Indian Economy: Recent Development and Future Prospects / Edited by Robert E.B.Lucas and Gustav F.Papanek.- New Delhi: Oxford University Press, 1989. P. 273 – 274.
3. Bimal Jalan. Balance of Payments, 1956 to 1991. In B.Jalan (ed.), The Indian Economy – Problems and Prospects. – New Delhi. – 1992. P. 184.
4. Финансовый год в Индии начинается 1 апреля и заканчивается 31 марта следующего календарного года.
5. India's External Debt. A Status Report. 2010-2011. Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. External Debt Management Unit. August 2011. URL: http://finmin.nic.in/the_ministry/dept_eco_affairs/economic_div/Indian%20External%20Debt201011E.pdf (дата обращения: 08.11.2011).
6. Этот показатель также называют индикатор устойчивости долга.
7. Этот показатель также называют коэффициент текущей тяжести задолженности.
8. На 1 января 2012 г. – 292,8 млрд долл.
9. India's External Debt. A Status Report. 2010-2011. Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. External Debt Management Unit. August 2011. URL: http://finmin.nic.in/the_ministry/dept_eco_affairs/economic_div/Indian%20External%20Debt201011E.pdf (дата обращения: 08.11.2011).
10. Нерепатрируемые валютные счета НИП - FC(B&O)D (Foreign Currency (Banks and Other) Deposits). Были разрешены для открытия в индийских банках в декабре 1990 г. и свернуты в июле 1993 г. в связи с решением проблемы серьезнейшего дефицита золотовалютных резервов Индии.
11. Валютные счета НИП - FCNR(A) (Foreign Currency Non-Resident Accounts). Были открыты в ноябре 1975 г. и предполагали право полной репатриации средств. Процентные ставки по этим депозитам постоянно корректировались в соответствии с процентом на мировом рынке капиталов. Данные счета просуществовали до августа 1994 г. Между тем полностью же по ним индийское государство расплатилось лишь к 1997 г.
12. Источник: India's External Debt. A Status Report. 2010-2011. Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. External Debt Management Unit. August 2011. URL: http://finmin.nic.in/the_ministry/dept_eco_affairs/economic_div/Indian%20External%20Debt201011E.pdf (дата обращения: 08.11.2011)

Промышленная политика Германии: основные аспекты и важнейшие направления

К.Н. Андрианов

В данной статье детально рассматриваются основы промышленной политики Германии. Проводится анализ целей, субъектов и инструментов германской промышленной политики. Отдельное внимание автор уделяет региональному аспекту промышленной политики Германии, в частности рассматривается опыт региональной промышленной политики Баварии. Кроме того, в данной статье дается описание видов промышленной политики Германии: горизонтальной и секторальной.

Обрабатывающая промышленность играет большую роль для Германии, чем в среднем для ЕС в отношении добавленной стоимости (22, 7% против 14, 9% на 2009 г.)¹. Если говорить подробно о промышленном производстве, то Германия специализируется на высокотехнологичных отраслях (производство механических транспортных средств, распределение электроэнергии и контрольно-измерительные приборы) и в меньшей степени на отраслях по производству товаров широкого потребления (таких, как производство транспортного оборудования). Кроме того, специализацией Германии являются капиталоемкие отрасли (например, производство частей и аксессуаров для механических транспортных средств), но только если говорить о добавленной стоимости (не об экспорте).

Единственная трудоемкая отрасль в первой пятерке отраслей – требующее высококвалифицированной рабочей силы производство (металлообрабатывающие станки). На более высоких «этажах» промышленной специализации Германии находятся отрасли, требующие высокой или выше средней степени инновации, – механические тран-

спортные средства, электронное и медицинское оборудование, высокоточные и оптические приборы. Тем не менее Германия не слишком специализируется на отраслях, требующих высокого уровня образования, из-за относительно низкой доли добавленной стоимости финансовых услуг и сферы программного обеспечения.

Промышленная и торговая специализация

Доля немецкого экспорта в высокотехнологичных и трудоемких отраслях находится на низком уровне в низкоценовых сегментах и на среднем уровне (в сравнении с другими странами с высоким доходом, обладающими наукоемким производством) в высокоценовых сегментах, что говорит о высоких позициях Германии по уровню качества. Что касается НИОКР, то уровень бизнес-инвестиций в науку ниже, чем можно было ожидать при данной производственной структуре.

Промышленная специализация Германии характеризуется тем, что ведущими отраслями (по критерию самой высокой относительной добавленной стоимости по состоянию на 2007 г.) являются:

Андрианов Константин Николаевич – к.э.н., доцент кафедры мировой экономики МГИМО(У) МИД России.
E-mail: k_andrianov@list.ru

– механизированные транспортные средства, трейлеры и полуприцепы;
– офисная, бухгалтерская и компьютерная техника;

– электронное оборудование и инструменты.

Что касается структурных изменений, то Германия еще больше увеличила свою специализацию (по добавленной стоимости) в высокотехнологичных и высокоинновационных отраслях (например, производство деталей для компьютеров и электроники). В экспорте высокотехнологичные отрасли остались стабильными, в то время как отрасли, требующие высокого уровня инноваций, потеряли свою сравнительную долю (радио-, телевизионное и связанное оборудование). Интересно отметить, что Германия также значительно повысила свою относительную долю в низкоинновационных отраслях, таких, как переработка отходов, оптовая торговля, водный транспорт и других. Доля Германии в производстве продуктов высокого качества в высокотехнологичных отраслях понизилась, как и доля НИОКР и отраслей, требующих высокого уровня образования (по добавленной стоимости). В частности, затраты Германии на НИОКР (по отношению к общей добавленной стоимости) понизились в производстве механизированных транспортных средств, транспортного оборудования, фармакологического и связанного оборудования, в то время как в некоторых других отраслях наблюдался незначительный рост (например, в производстве машинного оборудования).

Промышленное производство в Германии быстро восстановилось после кризиса и в апреле 2011 г. было на 4,1% ниже предыдущей высшей точки экономического цикла. Влияние кризиса на специализацию Германии в общем было ограниченным; спад по сравнению с докризисным уровнем наблюдался в основном в высокотехнологичных отраслях.

Германия относится к тем немногим членам ЕС, в которых за последние десять лет произошло снижение реального валютного курса (-6% по сравнению с повышением на 21% в ЕС), что говорит о повышении конкурентоспособности в области цен и издержек. Номинальная заработная плата с 2000 по 2010 г. повысилась слабо, на 6% (по сравнению с повышением на 14% во всех странах ЕС и на 20% в еврозоне). Производительность труда (в час) в Германии примерно на 24% выше, чем в среднем по ЕС, и на 10% выше, чем в среднем в еврозоне².

В целом Германия занимает очень благоприятное конкурентное положение, которое тем не менее может быть еще больше усилено, если увеличить затраты на НИОКР.

Направления, субъекты и инструменты промышленной политики Германии

Наряду с политикой хозяйственного порядка в Германии важная роль отводится прямому государственному регулированию хозяйственных процессов. В экономической политике германско-

го государства во второй половине XX – начале XXI в. существовало два основных направления государственного регулирования хозяйственных процессов: конъюнктурная политика и структурная политика. Основной задачей конъюнктурной политики, а также ее подвидов – антикризисного и антициклического регулирования – является предотвращение циклических кризисов. В конечном итоге ее стали понимать более широко как политику экономического роста. Структурная политика, являясь вторым крупным направлением регулирования хозяйственных процессов, в свою очередь, подразделяется на отраслевую и региональную политику.

В Германии так и не сложилось единого понимания промышленной политики. Один из основоположников немецкой концепции промышленной политики Гуттманн рассматривал ее как «сумму всех мероприятий, как прямых, так и косвенных, по оказанию воздействия на предприятия промышленного сектора экономики», то есть исключал из нее другие сектора, в частности сектор услуг³. Другой немецкий эксперт, Гален, считал, что промышленная политика есть синоним «секторальной структурной политики», другими словами, использование методов структурной политики применительно к различным секторам, включая сектор услуг⁴. Ряд специалистов настаивает на том, что эта политика все-таки должна ограничиваться только промышленным сектором экономики. Большинство экспертов сходятся во мнении, что промышленную политику в общем виде можно рассматривать как реакцию на проблемы отдельных секторов и отраслей и как поддержку структурной трансформации, в том числе в направлении перехода на «инновационные пути развития».

Отраслевую политику в Германии также называют промышленной, и ее основной задачей является исправление «недочетов рынка». Основы отраслевой структурной политики ФРГ были разработаны в начале 50-х гг. прошлого века. Тогда она ориентировалась на использование селективных мероприятий в отдельных секторах народного хозяйства и предполагала, что это необходимо делать в тех случаях, когда общегосударственные цели не могут быть достигнуты механизмами рыночной конкуренции. Соответственно отраслевая политика в Германии во второй половине прошлого века, исходя из текущих целей, имела или сохраняющий, или приспособляющий характер⁵.

Политика с сохраняющим характером ориентирована на поддержание с помощью государственных средств (субсидий и пр.) слабых, неконкурентоспособных или устаревших производств.

Постепенно данный вид политики был признан в Германии неэффективным и противоречащим принципам социального рыночного хозяйства, от него стали постепенно отказываться.

Более эффективной является структурная политика, которая носит приспособляющий, или, другими словами, формирующий, характер и которая направлена на содействие структур-

ным преобразованиям. В этом случае государство использует свои средства для помощи экономическим субъектам в процессе приспособления к новым производственным и технологическим вызовам, содействует прогрессивным сдвигам, активно формирует перспективные направления развития. Еще в 1969 г. федеральное правительство приняло «Принципы секторальной (отраслевой) структурной политики», которые действуют по настоящее время. «Принципы...» включают в себя три основных вида мероприятий⁶.

Во-первых, это вклад в замедление процессов отраслевой трансформации. Государство исходило из того, что в ряде случаев рынок слишком ускоряет структурную перестройку в отдельных отраслях, что может вызывать в них нежелательные негативные и болезненные процессы, например в сфере занятости. Соответствующие мероприятия проводятся лишь до того момента, пока в родственных или смежных отраслях не появятся альтернативные возможности для занятости.

Во-вторых, это стимулирование ускоренной отраслевой перестройки. Мероприятия в этой сфере в гораздо большей степени соответствуют задачам совершенствования отраслевой народно-хозяйственной структуры. За прошедшие десятилетия особенно выделялись такие акции, как целенаправленное переобучение и переселение трудоспособного населения, потерявшего работу в сельском хозяйстве и горнодобывающих отраслях; ценовое регулирование – установление «максимальных продажных цен» при появлении повышенного спроса на продукцию тех или иных отраслей; помощь фирмам, занятым разработкой и производством новых передовых технических изделий, имеющих народно-хозяйственную значимость.

В-третьих, это собственно государственная отраслевая структурная политика, которая в течение последних десятилетий концентрируется на следующих направлениях:

- реализация крупномасштабных научно-технических проектов фундаментального характера (атомная энергетика, гражданская авиация, современный железнодорожный транспорт и пр.);

- поддержка малых и средних предприятий, в том числе в области политики содействия конкуренции.

Главной целью промышленной политики является создание необходимых рамочных условий для поддержания и усиления международных конкурентных позиций предприятий промышленности⁷. Сегодня можно говорить также и о государственном содействии встраиванию этих предприятий и прочего предпринимательства в канву национальной и коммуитарной инновационной системы. Именно такой подход отвечает положениям доминирующей в стране концепции социального рыночного хозяйства. Это не исключает, однако, и особых ситуаций, когда прямое вмешательство государства в процессы становления и развития отдельных отраслей промышленности считается необходимым и вполне

приемлемым. Ярким примером такого прагматического подхода может служить мощная государственная поддержка процессов промышленной реструктуризации в восточных землях Германии, а также меры правительства по поддержке национальных компаний-чемпионов и традиционных стагнирующих отраслей в последние десятилетия прошлого века.

В целом промышленная политика, как и политика содействия конкуренции, призвана повышать конкурентоспособность как отдельных отраслей, так и народного хозяйства в целом. Но инструменты, используемые при проведении этих двух политик, существенно отличаются и зачастую являются противоположными по своему содержанию. Кроме того, промышленная политика имеет селективный характер и нередко выполняет протекционистские функции. А политика конкуренции направлена на создание общих и равных условий для всех экономических субъектов, содействует их входу на рынок и таким образом поддерживает открытость рынков.

Главным правительственным ведомством, ответственным за разработку и реализацию промышленной политики в Германии, является Федеральное министерство образования и научных исследований (ФМОНИ). В его компетенцию входят вопросы финансирования инноваций с использованием заемных средств и инструментов венчурного финансирования, прямой поддержки НИОКР в малых и средних предприятиях, содействия развитию консалтинговых услуг в сфере технологий и патентования, антимонопольного контроля и либерализации рыночной среды.

Существуют специальные инструменты, которые применяются именно в рамках промышленной политики.

В первую очередь к ним относятся разнообразные финансовые льготы. Кроме того, это перечисление средств из государственного бюджета для переподготовки и переобучения персонала компаний частного сектора; субвенционирование и кредитование в целях модернизации производственного потенциала; снижение налогов или полное освобождение от них; сокращение избыточных мощностей путем выплаты соответствующих компенсаций.

За ними следуют финансовые рестрикции. Здесь речь идет о возможности введения дополнительных налогов и сборов, например, в сфере грузовых перевозок; непредоставление предусмотренных законом финансовых льгот; введение законодательных ограничений, приводящих к дополнительным расходам, например, в области охраны окружающей среды.

Особо следует выделить установление особых режимов в области политики конкуренции. Такие режимы могут предусматривать введение государством различных ограничений доступа к рынкам, как, например, установление контингентов сбыта товаров и услуг, минимальных или максимальных продажных цен, ставок таможенных пошлин и сборов.

Кроме того, представители правительства постоянно ведут диалог с различными отраслевыми объединениями предпринимателей и с профсоюзами. Одной из важнейших целей такого диалога является идентификация существующих и будущих проблем, а также совместное обсуждение возможных путей и механизмов их решения. Координация такого диалога поручена Федеральному министерству экономики и технологий. В первую очередь это относится к стратегическим отраслям, например аэрокосмической и судостроительной промышленности.

Особенностью немецкой, как и других национальных промышленных политик, является необходимость их согласования с соответствующими органами Евросоюза, среди которых особое место занимает Совет по конкурентоспособности. Например, существует статья «Промышленная политика» в Договоре ЕС 1992 г. (статья 157), в которой говорится о необходимости «облегчения» приспособления европейской промышленности к структурным изменениям. Специалисты говорят в этой связи о смене «парадигмы» и «переходе от пассивной к активной промышленной политике в ЕС». Лиссабонский договор усиливает формулировку: в нем говорится, что страны-члены должны не «облегчить», а «ускорить» за счет проведения промышленной политики трансформацию европейской промышленности в контексте современных структурных изменений и обеспечить технологическую конкурентоспособность Европы. В Договоре страны-члены, в частности, обязываются ежегодно расходовать на НИОКР не менее 3% своего ВВП. Однако эта задача до сих пор нереализуема для большинства стран-членов, в том числе для Германии (расходы на НИОКР составляют здесь 2,6% ВВП).

В этой связи стоит отметить, что важным элементом европейской промышленной политики является политика по отношению к отдельным секторам, которая разрабатывается на основе совместного обсуждения Комиссией ЕС и представителями государств существующего положения в конкретных отраслях, например в автомобиле- и машиностроении, химии. Речь идет о создании благоприятных рамочных условий для их развития, которые, с одной стороны, учитывают пожелания бизнеса, а с другой – возможности ЕС и государств-членов⁸.

Примерно с конца XX в. государство стало переосмысливать прежнюю промышленную политику и отдавать предпочтение ее приспособляющему и формирующему направлению. Именно это направление наиболее близко пересекается с инновационной (научно-технической и технологической) политикой государства, которая в последние годы стала одним из ее приоритетов.

В последние годы рост интереса Германии к промышленной политике связан и с тем, что для защиты своей национальной промышленности ее активно используют партнеры по ЕС, особенно Франция. С ее помощью они обеспечивают конкурентные преимущества отдельных промышлен-

ных отраслей и секторов. Основные конкуренты ФРГ на глобальных рынках – США, Китай, Индия – также проводят активную промышленную политику, направленную на поддержку, нередко протекционистскую, национальных отраслей. Мировой финансовый кризис только усилил протекционистское содержание национальных промышленных политик. С другой стороны, немецкая промышленность по-прежнему нуждается в целенаправленной поддержке государства для устранения ее отставания по ряду важнейших направлений, в первую очередь по инновациям и усилению территориальных хозяйственно-политических (штандортных) преимуществ Германии в целом и ее отдельных регионов. Неслучайно она стала обращать более пристальное внимание на проведение отраслевой структурной политики на местах, а именно на уровне земель, общин и коммун, рассматривая промышленную политику как часть штандортной политики⁹, как правило сочетающей формирование общих благоприятных условий предпринимательства с поддержкой конкретных отраслевых проектов.

Региональная промышленная политика Германии. Опыт Баварии

Федеральное министерство экономики и технологий в 2008 г. кратко определило промышленную политику «как штандортную политику, проводимую в интересах промышленности»¹⁰. Ее основной целью объявлено создание благоприятных рамочных условий для промышленных инноваций, инвестиций и производства. Специально подчеркивается, что влияние на отраслевые сдвиги не относится к ее приоритетам.

Само понятие «штандортная политика» является специфически немецким. По сути – это политика по формированию благоприятных рамочных условий для развития конкретного хозяйственно-политического территориального пространства в целях привлечения в него (и удержания в нем) капиталов, услуг и рабочей силы. Составной частью этой политики является поддержка конкретных проектов в промышленности, в том числе в высокотехнологичных и инновационных сферах. Штандортная политика проводится на федеральном, земельном и коммунальном уровне и сочетает в себе все виды структурной политики. Наиболее результативна эта политика на региональном уровне, и, наверное, поэтому немецкое государство решило использовать ее в целях поддержки современной промышленной политики. Наиболее успешными примерами штандортной политики на уровне регионов являются западные федеральные земли – Бавария, Баден-Вюртемберг, Бремен, Гамбург и восточные – Саксония, Тюрингия, Бранденбург, а также Берлин. За последние десятилетия они превратились в регионы высокотехнологичного производства.

Относительно новым явлением в нынешнем веке стал процесс кластеризации немецких штандортов. Региональный кластер – это территориально сгруппированные компании, связанные

друг с другом кооперацией и разделением труда, что дает им возможность для усиления своих и получения дополнительных конкурентных преимуществ. На основе таких кластеров в немецких регионах стали создаваться так называемые сети и центры компетенций, которые представляют собой попытки бизнес-сообществ получить дополнительные преимущества от кластеризации конкретных штандортов. В первую очередь это относится к сфере инноваций и производству высокотехнологичной продукции. Их важнейшим отличием является межрегиональный характер формирующихся на основе региональных кластеров кооперационных объединений нескольких основных партнеров, которые особое внимание уделяют эффективному управлению технологической цепочкой создания конечного продукта и соответственно росту конкурентоспособности их членов. Такие сети содействуют превращению региональных кластеров в инновационные центры национального, европейского и даже мирового значения и соответственно росту конкурентоспособности регионов, в которых они расположены.

В качестве примера региональной промышленной политики можно привести опыт Баварии. Успешное экономическое развитие Баварии в послевоенные годы во многом связано с проведением активной промышленной политики, которая представляет особый интерес для регионального развития России. Это связано с тем, что, во-первых, Бавария может рассматриваться как образцовый пример преобразования аграрного региона в промышленный. В настоящее время Бавария считается одним из самых сильных в экономическом отношении регионов Европы. Почти по всем параметрам экономического развития она достигла рекордных значений, как на национальном, так и на европейском уровне.

Во-вторых, основу экономической мощи Баварии составляют не только крупные предприятия, например «Сименс», «БМВ» и «Ауди», но и в значительной части МСП, которые занимают важные позиции в сфере инфраструктуры, космической техники, транспорта, новых технологий.

В-третьих, примечательный аспект баварской промышленной политики – соединение региональной и инновационной политики, известное под термином «создание кластеров».

В-четвертых, баварская экономическая и промышленная политика ориентируется на стимулирование конкуренции. И хотя конкуренция – самая главная побудительная сила на рынке, государственная политика должна вносить вклад путем создания рамочных условий для инвестиций и инноваций, избегая при этом дирижизма.

В целом промышленную политику Баварии можно схематично подразделить на горизонтальную, затрагивающую все или большинство секторов, и выборочную секторальную.

Горизонтальная промышленная политика, доминирующая в экономической жизни Баварии, включает: стимулирование НИОКР; вложения в

сферу образования; поддержку малого и среднего бизнеса. Сюда же относятся антимонопольные меры, которые находятся в компетенции государства и ЕС. Государство также стимулирует НИОКР, регулируя использование патентов или субсидируя исследовательскую деятельность. Зачастую происходило прямое финансовое участие в расходах на НИОКР. Кроме того, поддерживаются малые и средние предприятия (МСП), которые по сравнению с крупными испытывают больше трудностей с финансированием.

Секторальная промышленная политика распространяется на определенные сектора экономики, например авиастроение, энергетику, сельское хозяйство и т. д. Эта политика призвана обеспечить конкурентные преимущества национальной индустрии путем создания достаточных размеров производства, которые не в состоянии достичь частные предприниматели своими силами. Стандартный пример – европейское авиастроение, получившее развитие с помощью государств – членов ЕС. Значительная часть отраслевых мощностей была размещена на территории Баварии.

В отдельных случаях государство может заниматься координацией инвестиций. Так, в Баварии принято решение о том, что оно предоставит транспортную инфраструктуру для привлечения на свою территорию предприятий. Особое внимание уделяется предоставлению капитала молодым инновационным фирмам и МСП, которые не всегда могут получить его на свободном рынке кредитов.

В 1993 г. стартовала инициативная программа «Бавария – прорыв в будущее», рассчитанная на три этапа. В 2000 г. начался третий из них стоимостью 1,35 млрд евро, названный «Прорыв в будущее через высокие технологии». Его задача – укрепление передовых позиций в таких сферах, как биогенные, информационные и коммуникационные технологии, создание новых материалов, экологическая и медицинская техника, ускорение интернационализации экономики и науки в регионе. Только на развитие инфраструктуры для прикладных исследований, передачи технологий и расширения кластеров выделяется 225 млн евро. Долю расходов на науку и исследования предполагается увеличить к 2020 г. до 3,6% ВВП против 3% в настоящее время, что соответствует высшему мировому уровню и примерно равно доле этих расходов в США и Японии. На Баварию приходится 28,3% всех регистрируемых в Германии патентных заявок. В промышленности доминируют высокотехнологичные отрасли (самолетостроение, электротехника и машиностроение), на долю которых приходится почти 2/3 общего промышленного оборота.

Существенными инструментами содействия и поддержки научно-исследовательских работ в Баварии стали: Программа технологического содействия (ВауГР), секторальные профильные программы (новые материалы, микросистемная, информационная и коммуникационная техника), а также проекты Баварского исследовательского

■ Экономика

фонда. В рамках ВауТР оказывается поддержка исследовательским проектам МСП. Помощь реализуется посредством предоставления субсидий и кредитов по пониженным ставкам.

Баварский исследовательский фонд, основанный в 1990 г., поддерживает проекты, в которых тесно сотрудничают бизнес и наука. Главным образом речь идет о проектах в таких областях, как сфера наук о жизни, авиа- и космические технологии, микросистемная техника, материаловедение, энергетика, экология, мехатроника, процессорная техника и нанотехнологии.

В июле 2007 г. по инициативе министерства экономики Баварии для поощрения развития бизнеса в сфере высоких технологий подписан Пакт о создании новых предприятий.

Главная задача Земельного банка содействия заключается в поддержке МСП производственными инвестициями. Банк предоставляет долгосрочные кредиты по пониженным ставкам, субсидии и дотации, а также гарантии и даже финансирование собственного (акционерного) капитала.

Стоит также отметить, что одной из наиболее важных составляющих антикризисной политики (второго антикризисного пакета) в Германии явилось стимулирование промышленности. Оно выразилось в государственных инвестициях в ин-

фраструктуру; в повышении конкурентоспособности малых и средних предприятий (расширение программы ZIM (Zentrale Innovationsprogramm Mittelstand) – Центральная инновационная программа для среднего бизнеса), в введении специальной премии за утилизацию старого и покупку нового автомобиля в размере 2000 евро, расширении финансово-кредитной поддержки экспорта.

Накопленный Германией опыт в области разработки и реализации промышленной политики целесообразно и возможно использовать в практике индустриального развития России. В этой связи представляется крайне важным моментом развитие российско-германского экономического сотрудничества, особенно в области инноваций.

Andrianov K. N. Industrial Policy of Germany: Highlights and the Most Important Areas.

Summary: This article examines in detail the basis of industrial policy in Germany. The analysis of goals, actors and tools of the German industrial policy. Special attention is given to the regional dimension of industrial policy in Germany, in particular, looks at the experience of regional industrial policy in Bavaria. In addition, this article describes the types of industrial policy in Germany: the horizontal and sectoral.

Ключевые слова

Промышленная политика, структурная политика, отраслевая политика, стандартная политика, горизонтальная промышленная политика, секторальная промышленная политика

Keywords

Industrial policy, structural policy, industrial policy, standard policy, horizontal industrial policy, sectoral industrial policy

Примечания

1. http://ec.europa.eu/enterprise/policies/industrial-competitiveness/industrial-policy/files/de_country-chapter_en.pdf
2. http://ec.europa.eu/enterprise/policies/industrial-competitiveness/industrial-policy/files/de_country-chapter_en.pdf
3. Guttman, V. Industriepolitik I (Theorie), in: Bekerath, E. v. et al. (Hrsg.): Handwörterbuch der Sozialwissenschaften, Bd. 5, Stuttgart u.a.O. 1956. S. 272-276.
4. Gahlen, B. Strukturpolitik und Soziale Marktwirtschaft, in: Issing, O. (Hrsg.): Zukunftsprobleme der sozialen Marktwirtschaft, Berlin 1981. S.853-871.
5. Goergens E. Konjunktur- und Industriepolitik. Marktwirtschaft als Aufgabe. Stuttgart – Jena. 1994. S. 401-418.
6. Механизм регулирования экономики в Германии: как он функционирует и чему учит. М., 1995. С. 148-153.
7. Die Deutsche Industrie. Europa- und weltweit in der ersten Reihe. BMW. 2002. S. 38.
8. <http://www.bmwi.de/BMWi/Navigation/Wirtschaft/Industrie/industriepolitik.html>.
9. Промышленная политика Европейских стран. Доклад Института Европы № 259/ Под редакцией Н.В. Говоровой. М., 2010.
10. Германия. Вызовы XXI века/ Под редакцией В.Б. Белова. М., 2009.

Институциональные инструменты инновационной модернизации финансового рынка российского мегаполиса

С.А. Рощектаев, А.Н. Погребенко

Статья посвящена обоснованию новой группы институциональных инструментов инновационной модернизации финансового рынка современного российского мегаполиса – интегрированных сетевых институтов развития. Показано, что данные институты ориентированы на интеграцию хозяйственного пространства мегаполиса и рациональную структуризацию соответствующего финансового рынка.

Современный глобальный финансовый кризис и ожидания его второй волны обусловили тенденции к финансовой дезинтеграции, вызвали нарастание неопределенности и недоверия в мировом финансовом пространстве. При этом набирающий силу процесс локализации финансовых отношений кардинальным образом изменяет конфигурацию единого глобального финансового рынка, выдвигая на первый план новые формы его организации, прежде всего локальные финансовые рынки мегаполисов. Отсюда главный аргумент в пользу спецификации нового направления исследований отношений финансового рынка – потребность в разработке многоаспектной научной проблемы формирования и развития локального финансового рынка, складывающегося в хозяйственном пространстве современного мегаполиса. Такие финансовые рынки становятся локальными центрами силы и аккумуляции финансового

капитала, а также стратегическими локусами глобального финансового пространства.

Для обеспечения инновационной модернизации отечественной экономики финансовыми ресурсами, для эффективной интеграции России в мировое финансовое пространство в условиях вступления в ВТО требуется обеспечение глобальной конкурентоспособности локальных финансовых рынков современных российских мегаполисов. В этих условиях особую актуальность приобретает разработка институциональных инструментов инновационной модернизации данных рынков.

Раскрывая сущность локального финансового рынка мегаполиса, мы исходим из неосистемной парадигмы экономических исследований¹. Данный рынок представляет собой метасистему или тетраду субъектной, объектной, процессной и средовой систем экономических отношений по трансферу финансовых ресурсов

Рощектаев Сергей Александрович – к.э.н., доцент кафедры финансов Института экономики, права и гуманитарных специальностей, г. Краснодар. E-mail: rosser@mail.ru

Погребенко Алексей Николаевич – преподаватель кафедры финансов и кредита Академии маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар. E-mail: my_pochta7@bk.ru

и финансовых инструментов, которая обеспечивает эффективное распределение финансовых ресурсов в хозяйственной системе мегаполиса на основе обеспечения доходности, управления риском и увеличения числа альтернативных видов финансовых инструментов. Локальный финансовый рынок мегаполиса есть результат интеграционного взаимодействия субъектов кредитных, инвестиционных, страховых, бюджетных, оценочных и иных финансовых отношений, переплетающихся в хозяйственном пространстве мегаполиса.

Финансовое пространство мегаполиса и его финансовый рынок относятся ко второму мезо-уровню глобального финансового пространства, структурная позиция которого определяет потенциал интеграционных процессов. Структурная позиция финансового рынка мегаполиса многомерна: по вертикали данный рынок локализован в хозяйственном пространстве крупного города, вбирает в себя квазифинансовые рынки субъектов данного пространства и интегрирован в финансовые рынки более высокого порядка; по горизонтали он выступает узлом сети финансовых взаимодействий между совокупностью мегаполисов в глобальном пространстве мирового хозяйства.

По своим институциональным параметрам финансовый рынок современного российского мегаполиса преемственен по отношению к советскому периоду. В то же время параметры общей институциональной среды, формы контрактных соглашений и типы экономического поведения отдельных участников данного рынка нуждаются в инновационной модернизации, поскольку они вовлечены в процесс глобальной интеграции институционально-хозяйственных образований. Выделим в данном отношении острую потребность в формировании специальных институтов развития финансового рынка мегаполиса.

При разработке институциональных инструментов инновационной модернизации финансового рынка российского мегаполиса мы исходим из эндогенно-функционального подхода Р. Мертона² к исследованию эволюции финансовых рынков, к пониманию финансовых институтов и их функций. Именно через призму функционального подхода институциональные изменения носят эндогенный (внутрисистемный) характер. При исследовании финансовых рынков и их институтов во главу угла необходимо ставить их функции, поскольку форма всегда следует за функцией, и в зависимости от этих функций определяется наилучшая институциональная структура рынка. По мнению Р. Мертона³, финансовые функции более стабильны, чем финансовые институты: функции со временем в меньшей степени изменяются, они в меньшей степени пространственно дифференцированы; институциональная форма следует за функцией: инновации и конкуренция среди институтов в конечном счете приведут к большей эффективности при выполнении финансовых функций.

Функциональное содержание локального финансового рынка мегаполиса естественным образом связано с функциональным содержанием более масштабных форм организации финансового рынка. В то же время указанное функциональное содержание специфично, поскольку в нем находят отражение особая позиция современного мегаполиса в хозяйственном пространстве национальной экономики, потребности самого мегаполиса и субъектов его внутренней среды, а также потенциал рыночного развития, которым обладает мегаполис. Обобщение результатов⁴ факторного анализа функционального содержания отношений локального финансового рынка современного российского мегаполиса дает возможность определить его основные функции (см. табл. 1).

Инновационная модернизация финансового рынка мегаполиса предполагает создание специальных институтов развития, позволяющих обеспечить реализацию выделенных функций и эффективное взаимодействие между процессами преобразования финансового рынка и всей экономической системы мегаполиса. Прежде всего необходимо определить и локализовать к потребностям хозяйственной системы и финансового рынка мегаполиса понятие «институт развития».

Таблица 1

Содержание функций финансового рынка современного российского мегаполиса.

Функция	Содержание функции
Капиталообразующая функция	Финансовое обеспечение и обслуживание воспроизводственного процесса в экономической системе мегаполиса
Инновационная функция	Преобразование реального сектора мегаполиса и создание качественно новых финансовых инструментов
Трансформационная функция	Трансформация локальных общественных благ в финансовые активы и их вовлечение в оборот финансового рынка мегаполиса
Защитная функция	Создание необходимых инструментов кризис-менеджмента, в том числе финансовых резервов мегаполиса
Дифференцирующая функция	Обособление финансового рынка мегаполиса от других рынков
Интегрирующая функция	Интеграционное взаимодействие финансового рынка мегаполиса с другими финансовыми рынками

Институты развития выступают инструментом перераспределения финансовых ресурсов общества в пользу приоритетных задач развития. Финансирование на основе таких институтов занимает промежуточное положение между коммерческим финансированием инвестиционных проектов и бюджетными ассигнованиями. Институты развития снижают для субъектов инвестиционные риски и стоимость финансовых ресурсов.

В международной практике формирование институтов развития основывалось на концепции «полюсов конкурентоспособности» (кластеров), предложенной основателем французской школы пространственной экономики Ф. Перру⁵. Ученый, рассматривая экономическое простран-

ство как силовое поле, которое порождается субъектами и их взаимодействиями, акцентировал внимание на городах как «очагах прогресса», полюсах, пространствах и осях развития и интеграции. Действительно, сегодня в условиях городской агломерации формируется группа конкурентных кластеров постиндустриального типа, ориентированная на развитие сферы высоких технологий, сферы научно-образовательных и финансовых услуг. Формирование данной группы кластеров позволяет использовать потенциал процесса агломерации в целях ускорения формирования активных точек и зон роста «экономики, основанной на знаниях», обладающих глобальной конкурентоспособностью.

Критическое значение для инновационности национальной экономики имеет наличие мегаполисов-проводников инноваций и расположенных в его пространстве кластеров постиндустриального типа и глобально интегрированных локальных финансовых рынков. Ежегодно агентством 2thinknow⁶ с 2007 г. составляется рейтинг 100 инновационных городов. Ключевыми критериями рейтинга выступают культурный потенциал и активы, инфраструктура развития человеческого капитала и вовлеченность города в глобальные экономические, финансовые и торговые сети. В 2011 г. самым инновационным городом мира признан американский Бостон, второе место занял Сан-Франциско, а третье – Париж. В десятке лидеров также оказались Нью-Йорк, Вена, Амстердам, Мюнхен, Лион, Копенгаген и Торонто. В рейтинге доминируют американские и европейские города, в сотню вошли несколько представителей азиатских стран, включая Гонконг, Пекин, Шанхай, Дубай и Куала-Лумпур. Москва, в 2010 г. занимавшая 98-е место, выпала из сотни, а в списке не осталось ни одного российского города.

В одном из самых инновационных мегаполисов мира – Париже расположен кластер Finance Innovation (финансовые инновации; платформа европейской финансовой информации). Он занимает особое место в совокупности кластеров, которым Правительством Франции присвоен статус полюсов мирового значения: Aerospace Valley (аэроавиатика), Lyonbiopole (центр диагностики и разработки новых вакцин), Medicen Paris Region (высокие технологии в здравоохранении и новых медикаментах), Minalogic (центр микро- и нанотехнологий), Solutions communicantes securisees (программное обеспечение, микроэлектроника и мультимедиа), System@tic Paris Region (бортовое оборудование, оптика, электроника). Диффузия инноваций на основе интенсивного развития финансовой инфраструктуры и увеличения числа альтернативных видов финансовых инструментов обеспечивает Парижу лидерство в рейтинге глобальных финансовых центров. Так, в 2011 г. компания PwC определила тройку лидеров – финансовых центров: Лондон, Париж, Нью-Йорк; по уровню капитализации локальных финансовых рынков Париж занимает третье место в мире⁷.

Кроме того, во Франции отобраны 9 кластеров с международным потенциалом и 53 проекта национального и регионального уровня. На их финансовую поддержку из бюджета страны было выделено около 1,5 млрд евро. По данным Министерства экономики, финансов и промышленности Франции, на начало 2010 г. в полюсах конкурентоспособности страны насчитывалось около 7200 предприятий⁸. Все указанные французские кластеры характеризуются наличием интенсивно развивающихся автономных секторов финансовых отношений, которые интегрированы в финансовые рынки глобальных мегаполисов Франции.

Как показывает анализ морского кластера в Люксембурге, локальный финансовый рынок в кластере доминирует, обеспечивает его динамическое развитие и глобальную конкурентоспособность⁹. Здесь сформирован субрегиональный финансовый центр, который предложил инновационный инструмент развития морских кластеров – был создан первый в мире судовой инвестиционный фонд открытого типа. Значительное влияние на функционирование морского кластера оказывают также судовые кредитные фонды, финансирующие строительство судов. Выделенный автономный сектор финансовых отношений морского кластера Люксембурга обслуживает сложившийся воспроизводственный контур кластера, обеспечивает его интеграцию в глобальное экономическое и финансовое пространство, обуславливает глобальную конкурентоспособность всего кластера.

Учитывая накопленный международный опыт, во многих странах были приняты и успешно реализуются стратегии формирования институтов развития, интегрированных в финансовые рынки крупных городов в Австралии, Ирландии, Хорватии, Швеции, Финляндии, Дании, Бельгии, Испании, Италии, Бразилии, Нидерландах, Словении, Германии и т.д.

Россия не остается в стороне от данных глобальных процессов; российская экономика уже сегодня располагает значительным числом институтов развития. Однако их деятельности мешает непрозрачность, отсутствие координации и дефицит финансовых ресурсов¹⁰. Кроме того, в России не получили должного распространения институты развития на мезоэкономическом уровне, в том числе в мегаполисах, что связано с ограниченностью их институциональной среды развития инновационной деятельности. Слабая финансовая инфраструктура инвестиционного процесса в российских городах сдерживает инновационное развитие всей страны. На наш взгляд, одной из причин такой ситуации выступает недостаточное развитие квази-финансовых рынков субгородских системных субъектов (кластеров, свободных экономических зон, технопарков), их низкий уровень интеграции в локальные финансовые рынки российских мегаполисов.

Вместе с тем потребность в институтах развития, локализованных к потребностям

хозяйственной системы и финансового рынка мегаполиса, весьма значительна. В крупном городе отмечается критическая концентрация субъектов «экономики, основанной на знаниях», а также централизация интеллектуального и финансового капитала, осуществляемая на основе специфики роли и структурной позиции мегаполиса. Доминирующим способом организации финансового пространства крупного города выступает интегрированная сетевая локализация финансовых отношений субъектов, которой требуется соответствующая институционализация на мезоуровне¹¹.

Полагаем, что формирование инновационных финансовых комбинаций в пространстве мегаполиса может быть обеспечено с низкими транзакционными издержками в условиях интегрированных сетевых институтов развития. Алгоритм создания интегрированных сетевых институтов развития предполагает:

- установление институций как содержательной основы институтов развития, локализованных в финансовом пространстве мегаполиса;
- обоснование организационных форм установленных институций, а также механизмов координации взаимодействия субъектов в сфере финансового обеспечения инноваций;
- выработку норм и конститутивных правил, адаптированных к мезоуровню процесса диффузии инноваций;
- обоснование механизма эффективной интеграции конститутивных правил и инноваций;
- реализацию принципов институционального дизайна локальных институтов развития.

А. Институция как содержательная основа института развития

Институция представляет собой форму типизации функций субъектов финансового рынка мегаполиса, определяющую их статусы и роли в процессе финансового обеспечения воспроизводства в хозяйственной системе крупного города на основе инноваций¹². В условиях модернизации интегрированные сетевые институты развития фиксируют следующие общественно необходимые институции, которые задают качественно новые импульсы изменений в местной экономике:

- обеспечение эффективного взаимодействия между процессами преобразования финансового рынка и всей экономической системы мегаполиса;
- интеграция хозяйственного пространства мегаполиса и рациональная структуризация финансового рынка крупного города;
- диффузия инноваций и согласование экономических интересов участников финансового рынка мегаполиса;
- мобилизация сбережений субъектов внутренней среды мегаполиса;
- повышение кредитного рейтинга мегаполиса;
- диверсификация кредитных рисков;
- привлечение прямых инвестиций в инновационные проекты;

– снижение издержек участников финансового рынка.

Таким образом, интегрированные сетевые институты развития устраняют институциональные провалы локального финансового рынка, формируют отсутствующие и необходимые для городской экономики сегменты и инструменты регулирования эволюционного процесса указанного рынка, содействуют развитию инновационной сферы мегаполиса путем усиления стимулов и снижения рисков осуществления стратегических и прикладных инноваций.

Б. Механизмы координации взаимодействия субъектов в сфере финансового обеспечения инноваций

Популяции субъектов на финансовом рынке мегаполиса представлены как всевозможные кластеры, порождающие новые организационные формы, которые не нуждаются в организационном оформлении по типу иерархии и субординации. Несмотря на отсутствие формального органа координации, указанные сетевые совокупности действуют так, словно такой орган наличествует¹³. Достигается это благодаря институциональным структурам и механизмам, координирующим взаимодействие участников сетей, которые представляют собой гибридные формы организации в сфере финансового обеспечения инновационной деятельности в хозяйственной системе мегаполиса. Сетевая мезосистема популяций участников указанных отношений составляет содержание субъектной системы тетрады финансового рынка крупного города.

За локусами финансового пространства мегаполиса закреплены соответствующие институции и субъекты. Интегрированные сетевые институты развития обеспечивают в данном пространстве переплетение двух процессов: локусную сетизацию диффузии инноваций (как основной институции) и локусную интеграцию субъектов финансового рынка мегаполиса. Данные институты как сетевые (гибридные) формы организации благодаря созданию лучших, чем это может сделать рынок, коммуникаций между локусами финансового пространства мегаполиса обеспечивают «лучшую координацию перед лицом изменений, значимость которых не может быть полностью передана или понята через ценовые сигналы»¹⁴.

Кроме того, «поскольку границы сетевых форм организации обычно более легко управляемы, чем границы иерархий, более легким являются модификации композиции сетевых организаций как ответная реакция на эти изменения»¹⁵.

В. Нормы и конститутивные правила, адаптированные к мезо-уровню процесса диффузии инноваций

Предлагаемые интегрированные сетевые институты развития представляют собой новую группу институциональных инструментов

инновационной модернизации финансового рынка современного российского мегаполиса. Они не подменяют финансовый рынок мегаполиса, на котором проявляются формализованные (контрактные) отношения субъектов. Интегрированные сетевые институты развития выступают как комплементарные финансово-инфраструктурной подсистеме локального финансового рынка институты, поддерживающие и усиливающие степень эффективности контрактации. Таким образом, контракт в роли первичного подкрепления структуризации отношений на финансовом рынке мегаполиса подкрепляется неформальной нормой доверия в роли вторичного подкрепления, а интегрированные сетевые институты развития поддерживают указанное доверие.

Отметим при этом специфическую двухслойную структуру отношений субъектов на указанном рынке как мезосистемы. Первый слой включает формальные (контрактные) отношения между сетевыми структурами на финансовом рынке мегаполиса, которые в «мягкой» форме на основе конститутивных правил координируют деятельность субъектов, относящихся к микроуровню (второй слой). Отношения субъектов второго слоя базируются на неформальной норме доверия и генерируют специфические нормы поведения.

Сетевые мезоэкономические системы проявляют себя устойчивыми и целостными при отсутствии иерархических и властных мер благодаря наличию институциональных факторов, «даже если исходить из того, что институты суть всего лишь ментальные, не подкрепленные извне конструкты»¹⁶. Нормы ограничивают действия связанных между собой сетевой структурой контрактов субъектов, в отличие от правил, предписывающих действия субъектам, вынужденным их исполнять в условиях иерархической структуры отношений. Отсутствие иерархии уравнивает носителей норм: они, будучи связанными ими, взаимодействуют, не обладая при этом властными полномочиями.

Г. Механизм эффективной интеграции конститутивных правил и инноваций в рамках интегрированных сетевых институтов развития

В целях экономии на ограниченной рациональности субъектов локального финансового рынка при одновременной защите финансовых транзакций от рисков, создаваемых оппортунистическим поведением его участников, необходимо создание соответствующих институтов¹⁷. Задача институтов состоит прежде всего в оптимизации структуры и общих размеров транзакционных издержек.

Кроме того, необходимо отметить и существенную обратную связь – различные институты обладают неодинаковой эффективностью в отношении регулирования транзакционных издержек. Одни из них лучше справляются с

задачей экономии ресурсов и оптимизации издержек, другие неэффективны в решении такой задачи. Таким образом, экономия транзакционных издержек на финансовом рынке выступает как своего рода «двигатель» институциональной эволюции.

С. Переслегин¹⁸ отмечает, что институт развития – это сочетание противоречивых понятий: традиции и инновации, которые непрерывно взаимодействуют, что позволяет институционализировать генерацию инноваций. В нашем случае в роли традиций как элемента института развития выступают указанные выше конститутивные правила, которые вырабатываются в сетевых структурах мезоуровня; они достаточно консервативны и обладают достаточно низкой гибкостью. Вместе с тем конститутивные правила интегрированных сетевых институтов развития обладают большей динамичностью по сравнению с правилами, генерируемыми иерархическими властными институциональными структурами.

В рамках интегрированных сетевых институтов развития в основе указанного механизма лежит выработка норм поведения субъектов как ресурсов общего пользования, которые регулируют ограниченную рациональность субъектов локального финансового рынка мегаполиса при одновременной защите процесса диффузии инноваций от рисков, создаваемых оппортунистическим поведением его участников.

Д. Реализация принципов институционального дизайна локальных институтов развития

Принципы формирования локальных институтов развития изложены Э. Остром, которая отмечает: «Локальные, самоорганизующиеся институты являются важнейшим активом в институциональном портфеле человечества, и они должны продолжать существовать в XXI в. Эти институты находятся сейчас в огромной опасности либо потому, что центральные правительства их просто не замечают, либо потому, что они считаются неэффективными. ...Отсутствие таких институтов в XXI в. приведет к огромным экономическим и социальным проблемам. ... Чем больше со временем мы о них узнаем, тем выше вероятность, что будущая более эффективная политика будет строиться с учетом сильных сторон этих институциональных форм...»¹⁹.

Рассмотрим практические аспекты создания интегрированных сетевых институтов развития на примере Краснодара – одного из крупнейших мегаполисов Южного федерального округа. Представляется, что значительным потенциалом саморазвития и самоорганизации при создании таких институтов развития обладает сеть институтов – малых ассоциаций участников финансового рынка Краснодара. Такие ассоциации выступают локальной площадкой для быстрого разрешения споров и прямой коммуникации между предпринимателями, субгородскими системными субъектами:

– резидентами институтов развития (кластеров, технопарков, особых экономических зон);
– резидентами финансовых и микрофинансовых организаций, администраций внутригородских округов города Краснодара и др.

При этом необходимо соблюдать принцип установления четких границ ассоциированной группы, что повышает эффект кооперации и доверия между ними. Участие представителей органов местного самоуправления и общественных организаций в такого рода малых ассоциациях обеспечит необходимое признание данной группы остальным обществом.

Таким образом, на основе территориальной и институциональной близости будет реализован принцип участия большинства группы пользователей общими ресурсами: локальными фондами финансовых ресурсов, в том числе инновационными фондами, локальными инвестиционными проектами и результатами внедрения инноваций. Это позволит участникам малой ассоциации участвовать в принятии решений, устанавливающих режимы пользования данными ресурсами. Ресурсные режимы смогут учитывать локальные особенности территории малой ассоциации (отраслевая направленность приложения финансовых ресурсов, временные аспекты локальных инвестиционных проектов, стоимостные условия использования общих фондов группы и др.).

Правила доступа к указанным ресурсам должны вырабатываться исключительно самой группой в рамках малой ассоциации. Субъекты должны четко определять, кто, когда и при каких условиях имеет право пользоваться общим ресурсом. Вырабатываемые правила должны предполагать конкретные ограничения на объем, время и технологию использования финансовых ресурсов, а также аккумулированных коллективных знаний. Нормы малой ассоциации должны вменять издержки пропорционально получаемым выгодам и результатам их приложения.

Нормы малой ассоциации должны защищаться либо самими участниками группы, либо ответственными перед ними агентами с применением градуированной шкалы санкций; должны четко разграничивать область коллективных решений, принимаемых всей группой, и область частных решений, принимаемых каждым ее членом самостоятельно.

Принципы «мягкой» координации призвана реализовывать Генеральная ассоциация участников финансового рынка Краснодара как координирующий сетевой узел. Данная ассоциация устанавливает конститутивные правила доступа и использования крупномасштабными ресурсами общего пользования, в управлении которыми должны одновременно принимать участие малые ассоциации разных иерархических уровней, которые как бы встроены друг в друга. Генеральную ассоциацию Краснодара необходимо построить по принципу «ассоциации ассоциаций».

В финансовом пространстве Юга России имеет место слабое развитие ассоциированных форм рыночных отношений и неформальных отношений доверия, ориентированных на защиту совместных интересов участников рынка. Каждый из участников финансового рынка крупного города вынужден локально отстаивать свои интересы, что обуславливает разрастание его транзакционных издержек исполнения формальных контрактов. Кроме того, слабые комплементарные неформальные институты доверия также не способствуют осуществлению контрактации с низкими транзакционными издержками.

Следуя изложенному принципу формирования «ассоциации ассоциаций», кроме создания сети интегрированных институтов развития на уровне мегаполисов предлагается институциональный инструмент, обеспечивающий диффузию инноваций и согласование экономических интересов участников финансовых рынков различных мегаполисов – Ассоциация участников финансовых рынков мегаполисов Юга России. Данная Ассоциация носит макрорегиональный характер и способствует интеграционному взаимодействию между отдельными финансовыми рынками мегаполисов.

Таким образом, изложенная ассоциированная структура интегрированных сетевых институтов развития (от малых ассоциаций через Генеральные ассоциации мегаполисов до макрорегиональной ассоциации) имеет фрактальное устройство, которое свойственно объектам живой и неживой природы. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о высокой потенциальной устойчивости подобных ассоциированных форм институтов развития.

Формат интегрированных сетевых институтов развития, опирающийся на сеть малых ассоциаций субъектов локального финансового рынка мегаполиса, позволит решать проблему коллективных действий субъектов данного рынка с возрастающей эффективностью. Такие институты развития запускают механизм положительной обратной связи между субъектами локального финансового рынка мегаполиса. Со временем это способно привести к такому глубокому усвоению норм кооперативного поведения его участников, что дорогостоящий внешний контроль за соблюдением установленных норм может сводиться к минимуму.

Представляется, что значительным институциональным потенциалом для формирования интегрированных сетевых институтов развития в финансовом пространстве российских мегаполисов обладают микрофинансовые организации. Они должны выступить своеобразным ядром сети малых ассоциаций и, пользуясь фрактальной терминологией, аналогом финансового центра обоснованной ассоциации.

Микрофинансовые организации (МФО) начали формироваться в 2010 г. после принятия закона о микрофинансовой деятельности и

микрофинансовых организациях²⁰. По институциональному устройству МФО можно дифференцировать на три укрупненные группы. В первую группу входят государственные и муниципальные фонды (центры) микрокредитования, которые создаются при участии региональных и местных органов власти; их удельный вес составляет около 20%. Вторую, наиболее многочисленную группу составляют частные МФО (65%). В особую третью группу входят МФО, созданные при участии банков. Банкам целесообразно создавать дочерние или аффилированные МФО, на которые можно переключить услуги по микрокредитованию. Данные услуги возможно организовать на более гибких условиях; при этом такого рода МФО действуют в рамках общей банковской группы.

С нашей точки зрения, наибольший потенциал для создания малых ассоциаций в рамках интегрированных сетевых институтов развития имеют частные и банковские МФО. Необходимо отметить, что зачастую на периферии мегаполиса сегодня МФО является единственным поставщиком финансовых услуг, что создает значительные возможности для интеграции финансового пространства крупного города и ликвидации «зон отчуждения» на базе МФО и ее включения в сетевую структуру локальных институтов развития.

Ориентация МФО на финансовую поддержку начинающих предпринимателей в отличие от банка более очевидна. Сегодня в России около 25% кредитруемых микропредприятий – это стартапы со сроком жизни до 1 года; примерно 15 % предпринимателей со стажем работы до 1 года; банки и тех, и других, как правило, не кредитуют. В отличие от банка у МФО и предпринимателей менее формальные и более партнерские отношения. Контракт между МФО и заемщиком долгосрочный; МФО зачастую выступает еще и бизнес-консультантом. Это создает значительные возможности для интеграции субъектов в рамках сетевых институтов развития. МФО предлагают гибкий финансовый продукт. Они в силу институциональных особенностей склонны к оценке индивидуального профиля каждого заемщика. Такая специфика МФО определяет их полноценным участником малой ассоциации в рамках локального института развития.

Наибольший потенциал эффективного функционирования интегрированного сетевого института заложен при участии банковских МФО в малых ассоциациях участников локального финансового рынка. Как правило, банк выдает оптовый кредит МФО, а затем МФО – микрозаймы предпринимателям. При этом в отличие от банков МФО обладают большей гибкостью в силу «мягкого» режима регулирования их деятельности со стороны ФСФР России.

Банку данная схема выгодна, потому что в итоге он получает клиентов с хорошей кредитной историей, перерастающих возможности МФО. По данным экспертов, до 10% клиентов, которые начинали работать с МФО, обращаются затем за банковскими услугами²¹. Это ключевой фактор для развития локальных институтов развития на финансовом рынке мегаполиса:

- во-первых, в малую ассоциацию возможно привлечение и банка посредством МФО;
- во-вторых, формируются более масштабные и устойчивые фонды финансовых ресурсов в рамках малой ассоциации;
- в-третьих, участники ассоциации могут становиться в перспективе участниками других, более масштабных групп.

Кроме того, банк может выступать учредителем МФО, при этом у банка-акционера появляется возможность более тесно интегрировать МФО и сетевые институты развития, а также создавать совместные клиентские базы. Более того, МФО могут выступать агентами банков по организации денежных переводов и платежей, выпуску пластиковых карт, что расширяет спектр услуг для участников малой ассоциации. Перспективной формой сотрудничества выступает передача МФО кредитной организацией части банковских технологий в области кредитования начинающих предпринимателей.

Комбинация возможностей оптового кредитования и банковской агентской модели представляется наиболее рациональной в рамках интегрированных сетевых институтов развития. С нашей точки зрения, таким банком-интегратором и участником Генеральной ассоциации участников финансового рынка Краснодара мог бы выступить Кубанский универсальный банк, учредителем которого является администрация муниципального образования «город Краснодар».

Необходимо отметить, что в перспективе возможна трансформация отдельных интегрированных сетевых институтов развития в финансовых пространствах российских мегаполисов в другую организационную структуру с более высоким уровнем централизации финансовых ресурсов, иерархии и властных мер.

Roshchektaev S.A., Pogrebenko A.N.
Institutional Tools of Innovative Modernization of Russian Megapolis Financial Market.

Summary: The article is devoted to the justification of a new group of institutional instruments of innovative modernization of the financial market of the modern Russian megapolis – integrated network of development institutions. It is shown that these institutions are focused on the integration of the economic space of the megapolis and the rational structuring of the financial market.

Ключевые слова

Локальный финансовый рынок, интегрированные сетевые институты развития, инновационная модернизация

Keywords

Local financial market, integrated network development institutions, innovative modernization

Примечания

1. Клейнер Г.Б. Системная парадигма в экономических исследованиях: новый подход [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kleiner.ru>
2. Merton R., Bodie Z. Design of Financial Systems: Toward a Synthesis of Function and Structure // Journal of Investment Management. 2005. Vol.3, № 1. P. 67.
3. Merton R., Bodie Z. A Conceptual Framework for Analyzing the Financial Environment // Crane, D. B. (ed.) The global financial system: a functional perspective, Boston, 1995. P. 5.
4. Рощектаев С.А. Обоснование функций финансового рынка современного российского мегаполиса // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2011. № 3. С. 132.
5. Perroux F. Note sur la ville consideree comme pole de developpement et comme foyer du progress // Revue Tiers-Monde. 1967. T. 8. № 32. P.145-148.
6. Innovation Cities Top 100 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.innovation-cities.com/innovation-cities-index-top-cities-for-innovation-2011>
7. Cities of opportunity 2011 // PricewaterhouseCoopers. 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pwc.com/us/en/cities-of-opportunity/2011/pdfdownload.jhtml>
8. Эльканов Р.Х. Полюса развития и точки роста инновационной экономики: российский и зарубежный опыт // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и Право». 2012. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nauteh-journal.ru/index.php/---ep12-02/388-a>
9. Логистика, морские перевозки и финансы «Made in Luxembourg» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cluster-maritime.lu/presse/brochure-rus.pdf>
10. Институты развития берут количеством // Журнал «Финанс». 2010. № 26. С. 14.
11. Рощектаев С.А., Кутепова И.Н. Организация локального финансового рынка мегаполиса // Финансы. 2011. № 12. С. 36.
12. Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм в российской экономической мысли (IX–XXI вв.). Т.2. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. С. 16.
13. Мезоэкономика развития / Под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера; Центральный экономико-математический ин-т РАН. М.: Наука, 2011. С. 669.
14. Podolny J.M. Page K.L. Networks Forms of Organization // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24 (1). P. 8.
15. Podolny J.M. Page K.L. Networks Forms of Organization // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24 (1). P. 9.
16. Ерзнкян Б.А. Нормы и правила: структура институциональных отношений и их связь с экономической наукой // Экономическая наука современной России. 2008. Экспресс-выпуск. № 1 (13). С. 112.
17. Уильямсон О. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, отношенческая контрактация. СПб.: Лениздат, 1996. С. 24.
18. Переслегин С.Б. Институты развития [Электронный ресурс]. URL: <http://www.shkp.ru/lib/archive/methodologies/2001/3>
19. Ostrom E. Collective Action and the Evolution of Social Norms // Journal of Economic Perspectives. 2000. Vol. 14. № 3. P. 151-152.
20. Федеральный закон от 02.07. 2010 № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» [Электронный ресурс]. URL: http://www.fcsn.ru/ru/contributors/microfinance_org/normative_base/
21. Мамута М. МФО находятся на стадии сильного экстенсивного роста // Рынок ценных бумаг. 2011. № 9. С. 12.

Ресурсы финансового рынка России

К.Е. Мануйлов

В статье рассматриваются основные факторы, характеризующие современное состояние финансового рынка России с точки зрения его ресурсной базы, а также причины дефицита долгосрочных инвестиционных ресурсов. Особое внимание уделено анализу политики Банка России и особенностей эмиссии рубля, оказывающих непосредственное влияние на объем и структуру финансовых ресурсов, доступных участникам российского рынка капитала.

Проблема недостатка финансовых ресурсов, доступных для привлечения российскими предприятиями на внутреннем рынке, регулярно становится темой работ отечественных экономистов, таких, как В.К. Бурлачков, С.Ю. Глазьев, М.Г. Делягин, М.В. Ершов, В.Ю. Катасонов, В.Э. Кроливецкая и многие другие, и в последние годы не теряет своей актуальности. Центральным аспектом при рассмотрении данного вопроса, очевидно, является существенное несоответствие значительного притока в страну экспортных доходов и показателей развития реального сектора экономики.

Это несоответствие наблюдается по меньшей мере с середины 2000-х гг. На фоне удачной для российских экспортеров конъюнктуры мирового рынка энергоносителей и, следовательно, роста экспортных поступлений результаты развития большинства промышленных предприятий остаются весьма скромными. Это привело к формированию специфической экспортно-ориентированной модели экономики, в которой предприятия других отраслей имеют в значительной степени ограниченный доступ к ресурсам, привлекаемым как на возвратной, так и на безвозвратной основе. Они необходимы в современных условиях, в том числе для обновления основных фондов, степень износа которых остается высокой, несмотря на рост объемов инвестиций в докризисный период, что свидетельствует о недостатке долгосрочных ресурсов, которые могли бы быть направлены на эти цели.

Необходимо отметить, что, учитывая острую потребность отраслей обрабатывающей промышленности в привлеченных и заемных средствах, многочисленные заявления первых лиц государства о необходимости диверсификации структуры экономики и модернизации отдельных отраслей, вопросы ресурсной базы финансового рынка будут рассматриваться в настоящей статье, исходя из его перераспределительной функции.

Функции финансового рынка разнообразны, к ним относят перераспределительную, информационную, спекулятивную, функцию ценообразования, перераспределения риска, обеспечение взаимосвязи национального финансового рынка с мировым. В контексте рассматриваемой проблемы первичной является именно перераспределительная функция, то есть обеспечение перетока средств в пользу реального сектора экономики. Безусловно, достаточный объем доступных финансовых ресурсов является необходимым условием выполнения всех функций рынка. Его наличие не свидетельствует о степени выполнения одной из них в большей или меньшей степени. Но перераспределительная роль финансового рынка накладывает некоторые ограничения на анализ, акцентируя внимание в первую очередь на долгосрочных источниках, обладающих принципиальной важностью для производственных предприятий, в отличие, например, от финансовых спекулянтов.

По видам активов к сегментам финансового рынка относят, как правило, кредитный рынок, рынок ценных бумаг и валютный рынок. Неко-

торые авторы указывают на такие сегменты, как рынок драгоценных металлов, в частности золота, страховой рынок, рынок нефти и других сырьевых товаров, однако, учитывая высокую долю производных контрактов в объеме торгов, представляется возможным отнести некоторые из них, хотя и с существенными допущениями, к рынку ценных бумаг. Как правило, термин «фондовый рынок» используется в экономической литературе как синоним термина «рынок ценных бумаг», а иногда и всего финансового рынка. Однако некоторые авторы под фондовым рынком понимают именно рынок классических долгосрочных ценных бумаг: акций и облигаций, то есть инструментов, предназначенных для финансирования инвестиций в основной капитал¹. Именно в этом значении понятие «фондовый рынок» и применяется в данной статье.

На основе анализа роли основных сегментов финансового рынка в структуре привлеченных и заемных средств реального сектора можно сделать вывод о том, что в России основным источником средств предприятий остаются кредиты коммерческих банков, их доля превышает 90%, а в некоторые годы достигала и 97%, в то время как доля фондового рынка составляет очень малую величину². В данном контексте рассматривается именно привлечение средств эмитентом через размещение акций и облигаций, причем исключительно на внутреннем рынке. Ибо выход на зарубежные рынки подразумевает привлечение средств за пределами национального финансового рынка, являющегося предметом рассмотрения.

В этой связи в условиях весьма скромных масштабов финансового рынка России, а следовательно, и объемов банковского кредитования проблема ресурсной базы оказывается значительно обостренной. Она проявляется по двум основным направлениям:

– во-первых, одним из свидетельств недостатка внутренних источников является структура размещения долевых ценных бумаг российскими эмитентами. Доля отечественных биржевых площадок в целом невелика – более половины приходится на зарубежные размещения. Важно также отметить, что достаточно по-

пулярно одновременное размещение акций как на зарубежных, так и на отечественных биржах, однако зачастую в статистике такие сделки считаются заключенными на российской торговой площадке, то есть фактическая величина привлеченных за рубежом средств может оказаться еще выше. Можно предполагать, что, с одной стороны, это результат недостатка ликвидности на внутреннем рынке, с другой – причина низкой доли рынка акций в структуре привлеченных и заемных средств предприятий, поскольку размещение акций на крупных зарубежных биржах доступно только очень ограниченному кругу крупнейших эмитентов. В некоторой степени это касается и российского рынка акций, где бумаги только 0,8% эмитентов обращаются на открытом рынке;

– во-вторых, возможно более важным свидетельством можно считать динамику междunarодного движения капитала. На протяжении 2000-х гг. российские банки активно привлекали средства за рубежом, по крайней мере, до кризиса 2008 г. Эта тенденция восстановилась в 2010 г., когда банки демонстрировали существенный рост объемов чистого импорта капитала. Многие исследователи сходятся во мнении, что такая ситуация является следствием именно недостаточности свободных финансовых ресурсов, в первую очередь долгосрочных, определяющих возможность инвестиционного кредитования предприятий реального сектора экономики.

Доля долгосрочных источников в структуре пассивов банковской системы России невелика. Отметим, что применительно к российской практике источники со срочностью более одного года часто считаются долгосрочными, хотя в развитых странах таковыми считаются ресурсы, привлеченные на срок трех и даже пяти лет.

Можно заметить, что доля пассивов со сроком более трех лет лишь в отдельные годы превышала 15%, а рублевых пассивов той же срочности только в 2011 г. превысила 10%. Так или иначе, большая часть пассивов банковской системы носит краткосрочный характер, что, наряду с ввозом капитала банками и эмитентами ценных

Таблица 1

Структура пассивов банковской системы и страновая структура IPO российских эмитентов

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Объем ресурсов банковской системы, млрд. рублей	2526	3258	4649	6840	9746	11868	13959	17077	20347
Доля среднесрочных пассивов (1–3 года), %	35,7	42,9	41,1	41,0	43,5	43,8	42,2	44,7	40,8
В том числе в рублях	24,4	30,9	29,9	31,3	34,0	30,1	27,6	32,7	29,1
Доля долгосрочных пассивов (более 3 лет), %	5,6	8,7	12,2	14,0	14,0	16,4	15,3	15,6	17,1
В том числе в рублях	3,3	6,1	6,6	7,3	7,8	8,3	8,3	8,2	10,2
Объем первичного размещения акций российских эмитентов, млрд долл.	..	..	4,6	17,7	23,9	2,6	1,3	6,7	8,6
Доля российских бирж, %	..	..	21	36	42,8	32	21,2	28	20
Доля размещения нефинансовых предприятий на российских биржах, %	..	..	19,5	36	17,8	28,8	18,1	28	18,0

Источник: Составлено по данным Бюллетеня банковской статистики Банка России, Национальной ассоциации участников фондового рынка (НАУФОР) за соответствующие годы.

бумаг, свидетельствует о недостатке долгосрочных ресурсов. По крайней мере, в двух основных сегментах финансового рынка России – кредитном и фондовом.

Необходимо подчеркнуть, что некоторые авторы считают подход, основанный на анализе недостаточности долгосрочных пассивов банковской системы как основной причины низкого объема инвестиционного кредитования, несколько упрощенным³. Тем не менее, допуская, что это является не единственной причиной, автор, однако, полагает, что сложившаяся срочная структура пассивов в большой степени ограничивает возможности предоставления долгосрочных ресурсов. Многие исследователи при рассмотрении этой проблемы указывают как одну из причин сложившейся ситуации специфические меры финансовой политики денежных властей, направленные на сжатие денежного предложения. Напрямую эти меры касаются первичной ликвидности, создаваемой Банком России, но в условиях малых масштабов рынка кредитования и малой величины кредитного мультипликатора также ограничивают и совокупный объем денежной массы в экономике, снижая, таким образом, величину доступных внутренних ресурсов.

В связи с этим представляется необходимым рассмотреть особенности формирования денежной базы, а также характер и масштабы ее изъятия, являющиеся, насколько можно судить, одним из факторов ограничения денежного предложения. По мнению бывшего заместителя председателя Банка России С. Алексашенко, начиная с октября 1996 г. Россия находилась в принципиально новой ситуации в отношении проведения денежной политики. Центральный банк практически перешел к механизму «валютного управления» (currency board), то есть каждый новый рубль прироста денежной базы был обеспечен соответствующим ростом валютных резервов Банка России⁴. Известно,

что режим валютного управления предполагает создание денежной базы национальной валюты только при соответствующем росте резервов иностранной «якорной» валюты по фиксированному курсу с возможностью свободного обмена валют по этому соотношению⁵.

Из этого следует, что в случае, если эмиссионная политика Центрального банка в действительности обладает всеми чертами, присущими режиму «валютного управления», необходимо выполнение трех основных условий:

- национальная валюта должна свободно обмениваться на «якорную»;
- валютный курс должен соответствовать теоретическому курсу «currency board», рассчитанному как отношение денежной базы к сумме валютных резервов;
- прирост денежной базы должен соответствовать приросту валютных резервов, выраженных в рублях по текущему курсу.

Для расчетов возможно использование величины международных резервов Банка России. Однако более методологически правильным автору представляется использование объема иностранной валюты в составе валютных резервов Банка России, поскольку именно они характеризуют объем «якорной валюты», хотя ввиду небольшой доли монетарного золота, резервной позиции в МВФ и счета в СДР, результат не будет значимо отличаться.

Представляется весьма интересным рассмотреть текущую ситуацию в области создания денежной базы, выявить ее источники и факторы, влияющие на ее формирование.

В таблице можно заметить значительное изменение структуры активов ЦБ в период 2001–2005 гг. Произошел стремительный рост доли иностранных активов. Если в начале 2000-х гг. можно было предполагать, что хотя бы часть денежной базы создается за счет внутренних источников, то с 2005 г. это не представляется возможным, хотя и

Таблица 2

Структура активов ЦБ и данные об объеме денежной базы и международных резервов ЦБ

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Иностранные активы, %	41	53	64	76	85	94	96	96	74	85	93	89
Требования к федеральным органам государственного управления, %	40	29	26	17	11	5	3	3	2	2	2	2
Требования к кредитным организациям, %	20	18	11	7	5	1	1	1	23	13	4	9
Денежная база, млрд руб.	722	928	1233	1914	2380	2914	4122	5513	5579	6467	8190	8644
Международные резервы, млрд долл.	28,0	36,6	47,8	76,9	124,5	182,2	303,7	478,8	426,3	439,5	479,4	498,6
В т.ч. иностранная валюта	24,3	32,5	44,1	73,2	121,2	175,7	295,3	466,4	410,7	405,8	432,9	441,2
Теоретический курс «currency board» для фактического объема денежной базы, руб./долл.	29,74	28,53	27,98	26,16	19,65	16,59	13,96	11,82	13,58	15,94	18,92	19,59
Номинальный курс, руб./долл.	28,16	30,14	31,78	29,45	27,75	28,48	26,45	24,44	29,39	30,19	30,35	32,20

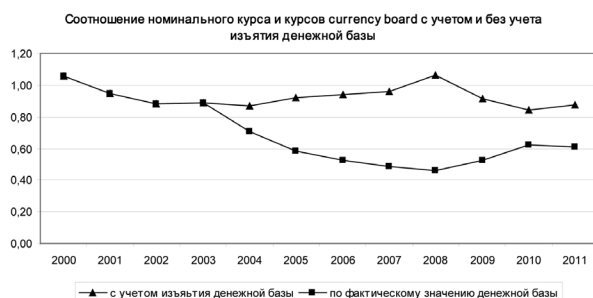
Источник: Составлено по данным Банка России за соответствующие годы.

с перерывом на кризисный 2008 г., когда предоставление ликвидности коммерческим банкам в рамках поддержки банковского сектора достигло 23% активов ЦБ.

Саму по себе высокую долю иностранных активов в структуре источников денежной базы можно считать чертой экспортно-ориентированной экономики, хотя для развитых стран, наоборот, характерно преобладание либо требований к органам государственного управления, либо требований к кредитным организациям, в зависимости от структуры экономики. Так, в США до кризиса 2008 г. доля требований к федеральному правительству превышала 90%, а в странах ЕС с традиционно континентальным типом финансовой системы доля требований к коммерческим банкам превышала 50%. Уровень же иностранных активов, близкий к 100%, характерен в большей степени для развивающихся экономик.

Примерно с 2001–2002 гг. внешний характер источников денежной базы значительно укрепился, что позволяет предполагать, что политика ЦБ стала в еще большей степени соответствовать механизму «валютного управления». Исходя из объемов международных резервов ЦБ и денежной базы, представляется возможным определить теоретический валютный курс «currency board» и, сравнив его с рыночным курсом, сделать вывод о соответствии эмиссионной политики ЦБ режиму валютного управления.

График 1

Источник: Составлено по данным ЦБ РФ за соответствующие годы.

На первый взгляд в последние годы рыночный курс рубля значительно занижен по сравнению с теоретическим значением, тогда как в 2001–2002 гг. он составлял 85–90% от него, то есть данные свидетельствовали скорее об откате от валютного управления, что противоречит данным о структуре активов Центрального банка. Необходимо помнить, что с 2004 г. рост денежного предложения сдерживался путем стерилизации денежной базы в Стабилизационном фонде (позже Резервном фонде и Фонде национального благосостояния). Автор методики расчета соотношения теоретического и фактического валютных курсов И. Аверин, включающий эту величину в расчет денежной базы, не учитывает изъятия с помощью стерилизационных инструментов Банка России и профицита консолидированного бюджета⁶. Учет суммы изъятий как совокупного показателя не ведет к принципиально иным результатам. Но он

представляется методологически более верным с точки зрения расчета показателей.

График 2

Источник: Составлено по данным «Обзора центрального банка» ЦБ РФ за соответствующие годы.

Заметим тот факт, что превышение номинальным курсом национальной валюты теоретически фиксированного курса в условиях валютного управления приводит к оттоку иностранной валюты и сокращению валютных резервов Центрального банка, что и произошло в 2008 г.

Исходя из определения режима «валютного управления», представляется необходимым рассмотреть и соотношение международных резервов Центрального банка и денежной базы в динамике (см. график 2). До 2008 г. создание рублевой денежной базы, ее совокупной величины с учетом части, изъятых с помощью фондов и стерилизационных инструментов, осуществлялось именно при соответствующем приросте международных резервов, рассчитанных по рыночному курсу. Кризисные явления 2008 г. привели к снижению как объема резервов в иностранной валюте, так и денежной базы. Отметим, однако, что за счет кредитов, выданных коммерческим банкам, фактический объем денежной базы снизился не так сильно, как объем резервов, в то время как динамика совокупной денежной базы (с учетом изъятий в фонды и с помощью стерилизационных инструментов) соответствовала динамике международных резервов, хотя и с некоторым лагом.

Таким образом, учитывая очень высокую корреляцию между объемом иностранной валюты в составе валютных резервов и фактической и совокупной (с учетом изъятий) денежной базы, 0,96 и 0,99 соответственно, жесткую связь между динамикой этих показателей, чрезвычайную близость валютного курса к теоретическому значению режима «валютного управления», можно считать современным режим валютного курса в России именно режимом «валютного управления».

Важным и необходимым замечанием здесь является то допущение, что говорить о режиме «валютного управления» можно только в разрезе потенциального объема денежной базы, сформированного с учетом изъятий в фонды и с помощью других инструментов. Однако так или иначе можно говорить о том, что формирование первичного денежного предложения в России лежит в большей степени в плоскости политики денежных властей и, поскольку представляет собой создание денег на основе иностранной валюты, связано с функциони-

рованием валютного рынка. Именно он, как следует из сложившейся ситуации, оказывает большее влияние на объем предоставляемых ресурсов, нежели другие сегменты финансового рынка.

Масштабы изъятия денежной базы, примерно равные чистым требованиям к органам государственного управления, весьма велики. Их объем составлял от 30 до 140% фактической величины денежной базы, что позволяет говорить о ее существенном, в отдельные годы более чем двукратном, сокращении по сравнению с потенциально возможной.

График 3

Источник: Составлено по данным Обзора центрального банка ЦБ РФ за соответствующие годы.

Выводя часть иностранных активов из процесса создания денежной базы, денежные власти России удерживают при этом валютный курс, примерно соответствующий полному объему эмиссии на всю сумму иностранной валюты, таким образом одновременно снижая денежное предложение и удерживая заниженный курс национальной валюты. Такой подход, как можно заметить, в значительной степени стимулирует развитие экспортно-ориентированных отраслей и в то же время значительно сокращает объем ресурсов, доступных для привлечения на внутреннем финансовом рынке. И если низкий курс нельзя расценивать как исключительно негативное явление, в той или иной степени, по мнению некоторых исследователей, поддерживающее существование российских промышленных предприятий в конкурентной борьбе с импортной продукцией, то сжатие денежного предложения в условиях острой потребности экономики в ресурсах представляется возможным оценить именно так. Причем, как следует из приведенных данных, эмиссия полного

объема денежной базы не приведет к изменению валютного курса.

Таким образом, рассмотрев характер формирования первичной ликвидности в финансовой системе России, можно сделать вывод об основных причинах, объясняющих весьма низкий объем ресурсов, доступных для перераспределения на финансовом рынке. Центральной проблемой является острый недостаток долгосрочных источников финансирования как банковской системы, так и предприятий реального сектора. И те, и другие, в меру масштабов деятельности и возможности привлечения средств, прибегают к внешним заимствованиям для получения необходимого объема ресурсов.

Насколько можно судить, одним из первостепенных факторов, накладывающих ограничение на величину доступных средств, является политика денежных властей, выражающаяся не только в специфическом режиме эмиссии национальной валюты, полностью зависящем от притока экспортных доходов, но и в целенаправленном сжатии денежного предложения. Необходимо все же отметить, что, по мнению автора, достижение большего объема ресурсов финансового рынка является необходимым, но недостаточным условием оптимизации структуры перераспределения средств. В сложившихся обстоятельствах рост объема предложения на денежном рынке и рынке капитала, вероятнее всего, приведет к усилению существующих диспропорций в пользу высокодоходных отраслей реального сектора экономики и спекулятивных сегментов самого финансового рынка.

Тем не менее при сохранении существующего дефицита финансовых ресурсов для отраслей, испытывающих острую потребность в них, возможность привлекать заемные средства в значительной степени остается ограниченной.

Manuylov K.E. Resources of the Russian Financial Market.

Summary: The article highlights the basic factors, defining the amount of resources available at Russian financial market, as well as the causes of long-term capital deficit. Special attention is drawn to analysis of monetary policy of the Central bank of Russian Federation, which has had a major impact on capital supply at the national financial market in recent years.

Ключевые слова

Финансовый рынок, реальный сектор экономики, перераспределение финансовых ресурсов, денежно-кредитная политика, денежная база, валютный курс

Keywords

Financial market, real economy, redistribution of financial resources, monetary policy, monetary base, exchange rate

Примечания

1. Данилов Ю.А. О мифах фондового рынка. Доклад на семинаре «Институциональные проблемы российской экономики». М.: ГУ ВШЭ, 2003.
2. Мануйлов К.Е. Оценка роли финансового рынка в развитии реального сектора экономики России. Вестник МГИМО. 2012. №2(23).
3. Дворецкая А. Е. Долгосрочное банковское кредитование как фактор эффективного финансирования экономического роста. Деньги и кредит. 2007. №11.
4. Алексашенко С.В. Битва за рубль: взгляд участника событий. М.: Время, 2009. 208 с.
5. Enoch C., Gulde A.M., Are Currency Boards a Cure for All Monetary Problems? Finance & Development. IMF. №4. Vol. 35. 1998.
6. Аверин И. Currency Board в России. Материалы портала «Мировая и рыночная экономика». <http://economics.kiev.ua>. 2011.

Проблемы эффективности системы ключевых национальных показателей

(институциональный подход)

Е.А. Бренделева

В статье речь идет о ключевых национальных показателях, характеризующих экономическое развитие, проблемах, связанных с задаваемыми в рамках этих показателей целями. Речь идет о возможных изменениях существующей системы оценки состояния национальных экономик и общественного благосостояния, учета в ней институциональных особенностей стран с целью определения стратегии их долгосрочного развития.

Современные оценки развития национальных экономик показали во многом несостоятельность существующей системы прогнозирования и выбора ключевых национальных показателей (КНП) на фоне глубочайшего кризиса, поразившего ведущие экономики мира. Система КНП, ориентируемая прежде всего на количественные характеристики тех или иных явлений, оказалась неспособной предсказать слабые стороны в структуре экономик и надвигающиеся перед странами проблемы.

Еще в 2001 г. Дж. Акерлоф, Дж. Стиглиц и М. Спенс были удостоены Нобелевской премии по экономике за исследования асимметричности информации на товарных рынках, в банковском секторе, на рынке труда, фондовом рынке и т.п. Это свидетельствовало во многом о необходимости изменения критериев оценки эффективности как в отдельных секторах, так и в национальных экономиках в целом. Данное открытие так и осталось на бумаге, последствием же непринятых мер стал современный финансовый и экономический кризис.

Следует признать, что современная система КНП, не изменявшаяся долгое время, устраивала

многие страны и отдельные группы интересов, поскольку позволяла сохранять господство и приукрашивать действительность, скрывая негативные процессы, происходящие, например, в финансовой сфере. Под влиянием данной системы были сформированы соответствующие институты, целью которых являлось достижение заданных количественных параметров, зачастую без учета их качественной стороны. Современный кризис показал, что недооценка критериев развития, искажение информации о процессах как в банковском секторе, так и в финансовой системе в целом негативно отражаются на экономическом развитии, задают ложные цели и стимулы для экономических агентов.

В апреле 2010 г. руководители Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Международного валютного фонда (МВФ), Международной организации труда (МОТ), Всемирной торговой организации (ВТО) и Всемирного банка выступили с заявлением о необходимости расширения концепции экономического роста, включающей в том числе и систему КНП, как основных ориентиров макроэкономического прогнозирования и стратегического планирования.

Бренделева Елена Алексеевна – к.э.н., доцент кафедры прикладной экономики МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

Международные оценки ВВП как основного показателя в СНС

Слабые стороны системы КНП и его основного показателя валового национального продукта (ВВП) и ВВП на душу населения исследуются в целом ряде документов международных организаций и правительственных комиссий. Задача придания качественных характеристик современной системе КНП, включающих экономические, социальные, экологические, инновационные аспекты, становится темой обсуждений на правительственном уровне и в научной среде. Так, в докладе, подготовленном Организацией экономического сотрудничества и развития¹, подчеркивается, что «на протяжении значительной части XXI в. такие экономические показатели, как валовой внутренний продукт, валовой национальный продукт или темпы экономического роста, используются в качестве ориентировочного мерила благосостояния нации в целом. Вместе с тем граждан все больше заботит их качество жизни ... и необходимо составить более полную картину общественного прогресса с учетом социальных, экологических и экономических проблем, не опираясь при этом только лишь на экономические показатели»².

Изменение системы КНП и необходимость разработки показателей общественного процесса приобретает в современных условиях развития особое значение. В материалах Всемирного экономического форума³ также подчеркивается необходимость более пристального взгляда на ВВП как на критерий благосостояния общества. В первую очередь речь идет о несовместимости данного показателя с так называемым показателем «счастья»⁴, который в большей степени характеризует благополучие в той или иной стране, нежели ВВП на душу населения. Недостатки последнего, отраженные в документах, относятся и к неполноте учета в разных странах отдельных видов деятельности, например производства для собственного потребления домашними хозяйствами в бедных странах (с другой стороны, включения данных показателей в ВВП, что может произойти с ростом доходов, не отразится на количестве потребляемых благ).

Зачастую в рамках ВВП, если рассматривать данный показатель как критерий национального благосостояния, происходит искажение реальной информации о включаемых или невключаемых видах деятельности. Например, посаженные детьми деревья в ВВП не учитываются, но приносят обществу больше пользы, чем выпущенные автомобили, получившие отражение в количественном показателе ВВП, и т.п. Также в ВВП не находят отражения отдельные виды деятельности, так называемые положительные экстерналии, которые в дальнейшем обеспечивают рост благосостояния общества, предполагая, например, улучшение здоровья, образования, сокращение преступности и т.д.

В докладе⁵ Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса, известной как Комиссия Стиглица⁶, созданной в

феврале 2008 г. по инициативе президента Франции, подчеркивается, что «хотя ВВП в основном измеряет рыночное производство, им часто пользуются как показателем экономического благосостояния. Объединение двух этих составляющих может привести к ошибочным выводам в отношении степени благосостояния людей и соответственно принятию неправильных решений. Уровень материального благополучия более тесно связан с показателями реального дохода и потребления – объем производства может расти, в то время как доход снижается или наоборот»⁷.

Авторы доклада сформулировали 12 рекомендаций по совершенствованию системы КНП и его основного показателя ВВП. Данные рекомендации предполагают в рамках оценки материального благосостояния особое внимание уделять счетам домашних хозяйств, рассматривать доход и потребление, а не производство, уделять больше внимания распределению доходов, потребления, богатств, а также показателям состояния здоровья, образования, личной деятельности, экологических условий, включать нерыночные виды деятельности в показатели дохода и т.д. В рекомендациях акценты были сделаны на показателях качества жизни во всех областях, необходимости учета данных показателей при разработке государственной политики в различных областях.

По решению XIX Конгресса Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ), прошедшего в Мексике в 2007 г., была создана рабочая группа по ключевым национальным показателям. Группой проведен ряд мероприятий, связанных с организацией работы по данному направлению в рамках ИНТОСАИ. В частности, ряд стран занимается разработкой проблемы по разным направлениям: так, высшие органы финансового контроля США, Венгрии, Латвии начали работу над глоссарием по КНП, проектом в сфере ключевых национальных показателей в контексте общества и экономики, основанных на знании, обзором международного опыта в разработке и применении КНП на практике соответственно. Счетной палатой России в рамках данной организации было проведено заседание руководителей высших органов финансового контроля стран-участниц СНГ в Москве, в ходе которого принято решение о начале регионального проекта по КНП в рамках совместной деятельности по развитию практики аудита эффективности и результативности стратегий социально-экономического развития.

Особенности использования КНП как показателей благосостояния в России

Учитывая институциональные особенности российской экономики, при использовании КНП, и в частности ВВП, особое внимание следует обратить на факторы, являющиеся специфическими для нашей страны и влияющие на макроэкономические показатели. В первую очередь речь идет об изменении экспортных цен и их влиянии на общую величину ВВП. Если рассматривать ВВП

по паритету покупательной способности, то здесь не последнюю роль играют инфляционные процессы и изменение курса национальной валюты.

Если использовать ВВП или ВВП на душу населения как показатели благосостояния общества, то здесь существует серьезное различие между цифрами и реальным положением дел. Подобные проблемы характерны не только для нашей страны, но и для других стран, о чем речь шла выше, однако у нас данные различия более ощутимы. В частности, затронутые Комиссией по измерению эффективности экономики и социального прогресса вопросы оценки распределения дохода, потребления, благосостояния требуют серьезного пересмотра методики подсчета целого ряда показателей. Для получения показателей благосостояния рекомендовано использование не средних, а медианных значений, поскольку если в странах ЕС это относительно близкие показатели, то в России из-за значительного разрыва в доходах между группами населения с наибольшими и наименьшими доходами средние и медианные показатели значительно расходятся. Так, например, при оценке изменения уровня доходов (основной вид дохода для большей части населения – оплата труда) следует рассматривать не среднюю заработную плату или не заработную плату по отрасли, а медианную заработную плату.

Используемые широко индексы цен также требуют более пристального изучения, особенно если речь идет об оценке благосостояния. В докладе все той же комиссии подчеркивается, что «статистические органы рассчитывают увеличение цены на базе стоимости средней корзины товаров, но проблема заключается в том, что разные люди покупают разные корзины товаров: например, бедные тратят больше на продукты питания, а богатые – на развлечения. Люди часто покупают товары и услуги в разных магазинах, где «похожие» продукты продаются по очень разным ценам. Когда все цены меняются в одном направлении, наличие разных индексов для разных людей не оказывает большого влияния на их уровень жизни. Но в последнее время в связи с резким скачком цен на нефть и продукты питания эти различия стали гораздо более выраженными. Доход граждан самой низкодходной категории пострадал больше, чем доход тех, кто имеет самые высокие доходы»⁸.

Качество показателей благосостояния имеет большое значение как на макроуровне – для определения целей экономической политики государства, так и на микроуровне – для формирования товарных рынков и рынков услуг. Если статистические оценки уровня благосостояния завышены, то в экономике развивается искаженная структура рынков: потребителям предлагаются товары или услуги, которые последние не могут приобрести из-за низких реальных доходов. В данном случае предлагаемые предпринимателями и проводимые государством кампании не приведут к ожидаемым результатам. Речь идет, например, о программе повышения финансовой грамотности, или о все-

общем обязательном медицинском страховании, или о страховании других видов собственности. Политика банков также строится во многом на основе статистических оценок и зачастую искаженной информации о клиентах. Завышенные характеристики реального дохода приводят к росту «плохих долгов», как следствие, – рост рисков и ставок по кредитам, что в итоге приводит к ухудшению ситуации в банковской сфере и в экономике в целом.

В докладе Комиссии говорится, что, «концентрируясь лишь на товарах и услугах, можно исказить сравнительные показатели уровня жизни. При учете нерыночного дохода необходимо уделить особое внимание досугу». Не следует забывать и о других «показателях субъективного благосостояния, которые, в свою очередь, являются источниками ключевой информации о качестве жизни людей»⁹. Базовыми показателями качества жизни являются показатели, характеризующие здоровье, образование, досуг, участие в политической жизни и управлении, условия окружающей среды, личная незащищенность, экономическая нестабильность и др. Конечно, статистический учет таких показателей представляется сложнее, чем вычисление средних переменных, однако, если речь идет о качестве информации, то в данном случае цель оправдывает усилия и средства.

В международной практике используются Индекс развития человеческого потенциала (Human Development Index), разработанный в рамках программы ООН, а также Индекс качества жизни (Quality-of-Life Index), предложенный компанией Economist Intelligence Unit, который основывается на методологии, связывающей результаты исследований по субъективной оценке жизни в странах с объективными детерминантами качества жизни в этих странах.

Для получения более качественных характеристик в России возможно использование вышеперечисленных показателей совместно с ВВП на душу населения для определения целей государственной политики. Очевидно, что если таким образом расширить ряд целевых показателей, то статистические данные будут выглядеть «хуже», нежели средние или выборочные. Как это ни парадоксально, политики, независимо в какой системе они работают, стараются приукрасить действительность, прикрываясь статистическими данными. В данном случае следует определиться, какие цели будут избраны в качестве приоритетных и в соответствии с какими целями будет формироваться система КНП.

С понятием качества жизни тесно связаны индексы, характеризующие окружающую среду человека. Прежде всего, это Индекс экологической устойчивости (Environmental Sustainability Index) и Индекс экологической эффективности (Environmental Performance Index). Такие индексы отражают, как правило, долгосрочное развитие, поскольку их изменение связано с изменениями в процессе производства, что невозможно в краткосрочном периоде. Целевые параметры на основе

данных индексов, в отличие от ВВП (поскольку ВВП можно увеличить и в отдельно взятом году за счет продажи государственного имущества, ресурсов, сдачи в аренду земли и т.д.), в большей степени обеспечивают взаимосвязь между текущим благосостоянием общества и его устойчивостью во времени. Для России данная проблема очень актуальная, причем спектр применяемых инструментов – очень широкий от традиционно принятых показателей (уровень загрязнения окружающей среды, вредные выбросы и т.д.) до характеристик потребляемых товаров и услуг.

Заключение

Не секрет, что эффективность экономической системы определяют институты. Первоначально заданные критерии формируют основные и ответственные им институты, которые укореняются и самовоспроизводятся. Если первоначально заданные параметры ошибочны, то в данном случае мы получим неэффективную институциональную систему¹⁰. Система КНП является, как правило, универсальной для всех стран, однако такой подход во многом не позволяет выработать наиболее эффективные критерии развития отдельной национальной экономики и выбрать на их основе приоритетные цели национального развития.

Речь идет о том, что в случае с институционально близкими странами, например «старыми» странами ЕС, идентичная система показателей работает с одинаковой эффективностью, в слу-

чае же с институционально отличными странами оценка на основе универсальных КНП приводит к искажению информации о реальном изменении в экономическом развитии. Например, ВВП на душу населения может расти одновременно с ростом дифференциации доходов между различными социальными группами или наряду с ростом уровня бедности; рост ВВП стран, экспортирующих природные ресурсы, может быть предопределен ростом цен на эти ресурсы на мировом рынке, а не формированием факторов устойчивого роста или инновационного развития.

В подобных случаях подобные страны, к которым относится и Россия, должны особое внимание уделять, наряду с принятой системой КНП, показателям, наиболее полно характеризующим происходящие процессы, а также учитывающим особенности существующей институциональной системы.

Brendeleva E.A. Efficiency Problems in the System of Key National Indicators (Institutional Approach).

Summary: The article talks about the key national indicators characterizing economic development, as well as the problems associated with the aims set in the framework of these indicators. The paper also looks at the possible changes in the existing system to assess the state of national economies and social welfare, as well as in the way institutional characteristics of a particular country are considered in this system, with the final aim of deciding on the states' long term development strategy.

Ключевые слова

Ключевые национальные показатели, экономическое развитие, количественные и качественные характеристики, институты

Keywords

Key national indicators, economic development, quantitative and qualitative characteristics, institutions

Примечания

1. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) является ведущим учреждением – координатором Глобального проекта по измерению прогресса в развитии обществ, начало осуществлению которого было официально положено в июле 2008 г. Предпосылкой этого проекта стала Стамбульская декларация, которая явилась основным итогом второго Всемирного форума ОЭСР «Статистика, знания и политика», который проводился в Стамбуле (Турция) в июне 2007 г. Декларация призывает предпринять согласованные усилия по определению и измерению прогресса в XXI веке с четким акцентом на наращивание потенциала статистических служб в развивающихся странах.
2. «Измерение прогресса в развитии обществ: что является актуальным для Азиатско-Тихоокеанского региона» / Доклад ОЭСР E/ESCAP/CST/8* 19 December 2008. С.3.
3. Краткие характеристики ВВП по поисковой системе сайта Всемирного экономического форума. <http://www.weforum.org/s?s=GNP>
4. Валовое национальное счастье (ВНС) — холистическая мера качества жизни, которая включает моральные и психологические ценности, в отличие от валового национального продукта (ВНП). Термин произошел от английского Gross National Happiness как противопоставление Gross National Product.
5. Доклад Франции об измерении эффективности экономики и социального прогресса. - E/CN.3/2011/35
6. В Комиссии под председательством Дж.Стиглица в качестве советника выступал еще один Нобелевский лауреат А. Сен (Нобелевская премия по экономике в 1998 г. «за вклад в экономику благосостояния» и значительный вклад в формулировку концептуальной структуры ежегодных отчетов ООН о развитии человечества и индекса развития человеческого потенциала.)
7. Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. Первая глава. Рабочий перевод НИИ Счетной палаты РФ. 2010. С.22. <http://www.ach.gov.ru/userfiles/bulletins/doclad-effict-buleten-fl-544.pdf>
8. Там же. С.41. <http://www.ach.gov.ru/userfiles/bulletins/doclad-effict-buleten-fl-544.pdf>
9. Там же. Часть 2. Качество жизни.
10. В институциональной экономике данный эффект получил название «институциональная ловушка».

О некоторых особенностях семейных отношений по законам Хаммурапи

К.В. Карпенко

В статье представлен анализ семейных отношений в древнем Вавилоне в соответствии с законами Хаммурапи. Автор подробно останавливается на особенностях отдельных правовых институтов семейного права аморитов и приходит к выводу о значительной развитости семейного быта в древнем Двуречье. Семья в Кодексе Хаммурапи является основой не только хозяйственной, материальной мощи государства, но и его политической стабильности и безопасности. Права и обязанности супругов не равны, но они вместе, хотя и каждый по-своему, участвуют в достижении главной цели супружеского союза – рождения и воспитания детей.

Брак представляет собой один из важнейших социальных и правовых институтов в современном мире. Он является основой семьи, обеспечивает законность межличностных отношений и укрепляет исконные представления людей о правильном общественном устройстве. Брак как супружеский союз налагает на человека существенные обязанности, дисциплинирует его волю, подчиняет его потребности разуму и порождает чувство ответственности перед ближними людьми. И, наконец, только брак способен обеспечить полноценное и всестороннее становление личности, давая возможность подрастающему поколению воспринять вечные ценности добра и справедливости.

В то же время брак, пожалуй, является и самым загадочным правовым институтом. Достаточно сказать, что в современном законодательстве, как российском, так и зарубежном, отсутствует четкое и ясное определение сущности брака¹. Это, в свою очередь, породило различные взгляды на его природу. В современной доктрине можно вы-

делить три основных концепции супружеского союза: брак как статус, брак как договор и брак как социальное партнерство. Для древнего же человека подобной проблемы не возникало. Свойственный ему синкретизм мышления заставлял его воспринимать окружающий мир и происходящие в нем события в первоначальном, то есть беспредпосылочном суждении.

Он был убежден в правильности установленного порядка вещей и не стремился его менять. Этому во многом способствовало религиозное сознание, дававшее надежные опоры повседневному, в том числе и юридическому, быту. Вещи окружающего мира выстраивались перед взором древнего человека со всей очевидностью изначального смысла и тем самым лишали его необходимости изобретать или выдумывать новые «призраки пещеры»². В этом кроется замечательное преимущество древнего человека перед современным.

Семейное право древнего Вавилона представляется не только вполне сложившимся, но и достаточно развитым. Этим отношениям посвящены

Карпенко Константин Викторович – старший преподаватель кафедры конституционного права МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

статьи с 128 по 161 Кодекса царя Хаммурапи. Множественность брачно-семейных постановлений в тексте памятника отчетливо говорит о сугубой заинтересованности государства в узаконении межличностных, в том числе и половых, связей. Это тем более интересно, что взаимоотношения полов изначально и по определению представляются делом весьма индивидуальным и даже интимным. Однако мы видим, что общество древнего Двуречья в XVIII до н.э. уже находилось на существенно высоком уровне государственно-правового быта, и семья уже тогда выступала крепкой и надежной основой социальной организации.

Публичная власть в лице царя рассматривала семью в качестве источника материальной силы государства и отводила ей подобающее место в нормативном регулировании. Кроме того, не следует забывать и о нравственной стороне супружеского союза, которая также волновала законодателя, хотя и в меньшей степени, нежели его хозяйственное значение. Конечно, в полной мере нравственная сущность брака раскрывается только под влиянием монотеистических религий, таких, как христианство, но и в рассматриваемый период общество и власть, как мы увидим ниже, до некоторой степени осознавали важность духовного общения супругов.

В тексте законов Хаммурапи нормы семейного права выглядят не систематизированными. Многие их формулировки носят казуистический характер, что прямо указывает на прецедентный источник их происхождения. Для целей предпринятого исследования мы попытались структурировать нормативные предписания, объединив их в правовые институты. Образовавшаяся таким образом система семейного права древнего Вавилона, хоть и отсутствующая в самом тексте Кодекса, явилась методологической основой проведенного анализа и позволила сделать ряд любопытных и неординарных выводов о месте и роли семьи на древнем Востоке. Многие из этих правовых институтов мы позже обнаружим в римском праве, где они получат несравнимо более глубокое и всестороннее развитие.

Именно поэтому в процессе нашего исследования мы нередко будем сравнивать положения Кодекса Хаммурапи с аналогичными предписаниями римского права, что, по нашему мнению, будет способствовать лучшему выявлению сущности изучаемых правовых институтов³. Однако оговоримся сразу: не все брачно-семейные институты получили подробное регулирование в тексте законов Хаммурапи. Некоторые из них угадываются по косвенным признакам, что заставляет предположить наличие этих отношений в обычной практике древних аморитов.

Главным институтом семейного права в любой исторический период и у любого народа выступает брак. Древневавилонский законодатель однозначно придерживался договорной концепции брака. Это вытекает из ст. 128, в которой читаем: «Если человек взял жену и не заключил с ней договора, то эта женщина – не жена». Вооб-

ще обязательственная природа брака свойственна многим древним народам. Мы можем, например, встретить аналогичные постановления в более позднем праве древней Ассирии и Иудеи.

Если брак представляет собой договор, то он должен содержать в себе ряд существенных элементов, которые придают ему юридическую силу и наделяют супружеский союз свойствами правового отношения. Прежде всего, у брака должна быть цель, для которой он совершается. Такая цель указана в ст. 138, где сказано: «Если человек захочет оставить супругу, которая не родила ему детей, то он должен дать серебро, равное ее выкупу, а также восстановить ей приданое..., а затем он сможет ее оставить». Таким образом, целью брака выступает рождение и воспитание детей. Невозможность достичь этой цели является основанием для развода.

Нас не должна вводить в заблуждение диспозитивная формулировка этой нормы, предоставляющей мужу лишь право расторгнуть брак. Дело в том, что семья в древности носила ярко выраженный хозяйственный характер. Она создавалась для укрепления и увеличения материального благополучия ее членов. Как писал Макс Вебер, по мере расширения частного предпринимательства древнее патриархальное имущество рода постепенно превращается в «товарищеский капитал» членов отдельной семьи, а сыновья становятся пайщиками⁴. Следовательно, появление потомства должно было рассматриваться как полезная мера, направленная на увеличение рабочей силы семьи и тем самым ее богатства.

Данное утверждение подкрепляется и рядом других статей памятника. Так, в ст. 145 и 146 бездетный брак со жрицей (*надитум*) мог вести к сожительству с наложницей. Причем такое сожительство признавалось не только законным, но и целесообразным. Ни о какой супружеской неверности здесь речи не идет. Из всего вышесказанного можно заключить, что рождение детей выступает каузой брачного договора. Мы видим, таким образом, что, несмотря на глубокую древность исследуемого периода, взгляд на брак у аморитов уже претерпел существенные изменения. Супружеский союз не воспринимался ими как простое животное сожительство, а приобрел уже черты осмысленности и рациональности.

Следующим элементом брака являются стороны, то есть мужчина и женщина. Обязательственная природа брака предполагает наличие правосубъектности у обеих сторон супружеского союза, которая всегда проявляется в определенных действиях. И жених, и невеста должны ясно и недвусмысленно выразить свое желание. Волеизъявление, таким образом, становится существенным элементом процедуры заключения брака⁵. И естественно, что такое волеизъявление должно быть свободным и добровольным. Именно на это, по нашему мнению, и указывает ст. 128, устанавливая общий принцип оформления семейных отношений. Требование заключить договор с самой женщиной делает невесту субъектом данного

правоотношения. При этом, однако, речь идет не о равноправии, а о пропорционально распределенной дееспособности; жених, а позже муж обладает большим объемом прав и обязанностей.

По смыслу вышеприведенной статьи именно мужчина инициирует бракозаключительный процесс и в известной степени отвечает за соблюдение его законности, поскольку отсутствие договора означает отсутствие брака. Другие статьи памятника, раскрывая в подробностях процедуру оформления супружества, всегда сохраняют за мужчиной преимущественное положение. Так, например, ст. 145, 146, 148, 162, 163 и др. начинаются со слов «Если человек взял жену...», ст. 155, 156 гласят: «Если человек выбрал своему сыну невесту...». Таким образом, главным условием в гипотезе большинства семейно-правовых норм является проявление мужской воли. В целом такая ситуация вполне оправдана для изучаемой эпохи.

В то же время правовое положение женщины позволяет ей довольно активно участвовать в семейной жизни. Прежде всего, будучи субъектом брачного договора, она должна дать свое согласие на установление супружеской связи. Каким именно образом должно было быть выражено согласие, нам неизвестно, но, понимая под браком договор, мы можем смело предположить, что таковое (согласие) могло быть дано любым способом, лишь бы желание стороны не вызывало сомнений. Значит, невеста могла выразить свое согласие не только словами, но и знаками, жестами и даже молчанием. Последний способ признается и современной цивилистикой.

Но семейное право всегда затрагивает самые сокровенные уголки человеческой души, оно направлено на регулирование личных, почти интимных отношений. В таких отношениях робость и стеснительность вполне естественны. Поэтому мы можем сказать, что молчание девицы, как способ волеизъявления, является следствием ее стыдливости. В этом случае, как явствует из ряда статей кодекса, согласие за нее дает ее отец, будущий тесть⁶.

Так, в ст. 160 читаем: «Если человек послал в дом тестя... приношение..., а отец дочери сказал: «Я не отдам тебе свою дочь...»⁷. Из этого положения вытекает и строго юридический вывод, а именно, что женщина находилась под властью своего отца вплоть до выхода замуж, после чего она поступала под власть мужа.

Далее, женщина, став женой, приобретает ряд личных прав, а также возлагает на себя обязанности:

- она может, например, подать на развод в случае измены мужа⁸;
- она имеет право временно покинуть дом мужа, если он оказался в плену, а в доме нет «пропитания»⁹;
- наконец, жена может навсегда расстаться с мужем, если он ее бросил и бежал из поселения¹⁰.

В последнем случае отметим, что Кодексу Хаммурапи, по всей видимости, знаком односторонний отказ от исполнения договора при

нарушении его условий другим субъектом. Это положение лишний раз свидетельствует в пользу обязательственной природы брака в древнем Вавилоне. В современном праве такое основание расторжения договора характерно для гражданского права, но, как мы видим, древние амориты и в супружеском союзе стремились обеспечить справедливость: неисполнение мужем его обязанностей освобождало жену от выполнения своих. Тем самым полностью соблюдался принцип взаимности прав и обязанностей.

Несмотря на обладание рядом прав, деликтоспособность жены, по законам Хаммурапи, основана на презумпции виновности. Это отчетливо проявляется в поклевных делах о прелюбодеянии. Как указывает ст. 131, при обвинении со стороны мужа и при отсутствии улик жене надо дать очистительную присягу, и она считается невиновной. При поклепе же со стороны постороннего человека, по ст. 132, жена должна подтвердить свою невиновность посредством ордалии. Таким образом, бремя доказывания лежит на том, кто отрицает, а не на том, кто утверждает. Этот принцип прямо противоположен положению римского права, где «*ei incumbit probatio, qui dicit, non qui negat*». В этом, конечно, проявляется зависимое, подчиненное положение женщины, но при этом отнюдь не рабское, поскольку ее свидетельству (пусть и сделанному в свою собственную пользу) придается безусловное юридическое значение. Она не должна ссылаться в свое оправдание на других лиц, что было бы естественным при недостаточности ее собственных показаний.

К личным обязанностям жены следует отнести прежде всего рождение и воспитание детей. Это явствует из уже упоминавшейся ст. 138. По ее смыслу основанием для развода является отсутствие потомства. Однако не следует полагать, что жена в этом случае превращалась в бесправное существо, в некую машину по производству детей. Амориты эпохи Хаммурапи уже пережили тот период своей истории, когда на женщину смотрели как на вещь, как на источник пополнения семейного капитала¹¹. Мы видим, что муж обязан не только возратить ей имущество, принесенное в общий дом, но и уплатить своеобразную пеню, дабы вознаградить ее за несостоявшуюся сделку. Это не что иное, как реституция, свойственная многим обязательствам.

Также к личным обязанностям жены относится соблюдение супружеской верности. Как гласит текст памятника¹², наказанием за прелюбодеяние служит смертная казнь. Однако закон допускает прощение мужем провинившейся жены. В этом можно усмотреть заботу законодателя о сохранении семьи. Кроме того, жена обязана уважать и ценить своего мужа. Ряд статей кодекса говорит о недопустимости унижения мужа¹³, тем самым требуя от жены почтительного к нему отношения. Более того, «унижение мужа» является отягчающим обстоятельством неправомерного поведения – брак расторгается по одностороннему заявлению мужа, без реституции. Это сильно

напоминает римский *repudium* классического периода.

Имущественные права и обязанности жены в супружеском союзе сводятся к участию в ведении совместного хозяйства и укреплении его благосостояния. Так, жена приносит в дом мужа свое приданое¹⁴, следит за сохранностью семейного имущества. Она не должна растрачивать совместное добро, на что прямо указывает норма ст. 141. Жена, «разоряющая свой дом», может быть не только изгнана из дома (*repudium*), но и лишена средств к существованию. Кроме того, жена имеет право владеть и пользоваться имуществом, подаренным ей мужем. Это могут быть как движимые, так и недвижимые вещи¹⁵. Правда, здесь супруга ограничена в правомочии по распоряжению – она может передать это имущество по наследству своим детям, но не может ни продать его, ни даже передать своему брату.

В этом мы можем наблюдать стремление законодателя не допустить дробления частной собственности и тем самым ослабления семьи. Ограничение свободного оборота имущества всегда свидетельствует об активном вмешательстве государства в сферу частных интересов, но это вмешательство, как правило, является объективно благотворным, так как направлено на поддержание равновесия в самом обществе. Последнее остается сплоченным, в нем отсутствует резкий контраст между олигархией и люмпенами, что сильно облегчает для власти задачу управления¹⁶.

Муж со своей стороны, помимо многочисленных прав, несет и существенные обязанности. Так, он должен содержать жену и предоставлять ей достаточное «пропитание», в противном случае, как было сказано выше, жена может уйти от него. Он обязан заботиться о ней даже в том случае, когда ее постигла болезнь, не позволяющая ей более выполнять супружеские обязанности¹⁷. Супруга может сама отказаться от дальнейшей совместной жизни, но муж не имеет права дать ей разводную.

Наконец, последним существенным элементом брака надо признать момент его начала, или, другими словами, момент полного завершения бракозаключительного процесса. Вопрос состоит в том, какое событие позволяет считать супружескую связь свершившимся фактом. Речь здесь идет о таком юридическом действии, как консуммация брака (*consummatio matrimonii*). Для современного семейного права этой проблемы не существует во многом потому, что нынешний супружеский союз является вполне светским институтом, к тому же не имеющим априори той великой цели, каковая ставилась перед ним древними. Излишне, думается, доказывать, что наше сегодняшнее представление о браке окончательно выродилось и неуклонно приближается к тому примитивному состоянию, в котором оно пребывало у дикарей задолго до установления цивилизации. Напротив же, для древнего и, хочется особо подчеркнуть, цивилизованного человека вопрос о консуммации был напрямую связан с религиозными переживаниями. Только тот брак

считался действительным, который был освящен богами. Боги должны позволить двум разным людям осуществить физическое сближение, чтобы они стали «едина плоть».

Поэтому обряд *консуммации* подготавливается и проводится жрецом. Он следит за правильным произнесением магических формул; он указывает новобрачным, какие магические действия необходимо совершить, чтобы боги благосклонно приняли эту жертву. Все это необходимо для придания обряду консуммации символического значения клятвы верности. Новобрачные как бы «дарят» себя друг другу и больше никому и своим действием подтверждают свою взаимную преданность. В этом и состоит религиозно-правовое значение консуммации, то есть первого сокоупления мужа и жены. Но с начальным моментом сожителства связаны и иные юридические последствия. Только с момента консуммации власть мужа над женой признается действительной, отныне он может ей приказывать, а она обязана повиноваться. Также именно консуммация как юридический факт порождает взаимные права и обязанности супругов. Отныне последние не могут уклоняться от их исполнения¹⁸.

В законах Хаммурапи консуммация супружеского союза косвенно указана в некоторых статьях. Так, например, в ст. 176 читаем: «А если дворцовый раб... взял в жены дочь полноправного человека и, когда он взял ее, она вступила в дом дворцового раба... вместе с приданым..., а после того, как они соединились, они построили дом и приобрели добро..., а все, что она и ее муж приобрели после того, как они соединились, должны поделить пополам...». Из первой части данной статьи отчетливо явствует, что «соединение» супругов происходит после вхождения невесты в дом жениха¹⁹ и до полноценного начала семейного быта. Следовательно, законодателю было совершенно ясно, что речь идет о самостоятельном юридически значимом действии, отделенном по времени от предшествующих и последующих шагов. Далее, нетрудно заметить, что по смыслу вышеуказанной нормы «соединение» брачующихся выполняет роль условия, необходимого не только для нормального течения совместной жизни, но и для определения правового режима имущества: только совместно нажитое будет делиться поровну. Таким образом, момент «соединения», то есть консуммация брака приводит к совершенно определенным правовым последствиям, то есть является юридическим фактом. И, как и подобает юридическим фактам, она закреплена в гипотезе правовой нормы.

В тексте исследуемого памятника мы можем отыскать и другие косвенные признаки консуммации брака. Ст. 155 и 156 устанавливают ответственность за прелюбодеяние, совершенное отцом жениха с невестой сына. В первом случае санкцией выступает смертная казнь, поскольку преступление было совершено после того, как «его сын познал ее». Во втором же случае наказание ограничивается квалифицированным денежным

взысканием, так как свекор был схвачен до того, как его сын «познал» свою невесту. «Познание» женщины (невесты, жены) как раз и означает здесь первую брачную ночь, то есть консуммацию супружеской связи. Мы видим, что прелюбодеяние, совершенное до консуммации, рассматривалось как менее тяжкое преступление, поскольку бракозаключительный процесс еще не был завершен и супружеский союз не превратился в полноценное правовое отношение. Невеста пока еще не стала женой, и, следовательно, не находилась под властью мужа, и не несла брачных обязательств²⁰. После же «познания» невесты жених становился мужем, и любое насилие по отношению к его жене считалось посягательством на его брачное право.

Наряду с браком, законы Хаммурапи знают и такой правовой институт, как брачный сговор или обручение (*sponsalia*)²¹. По определению римских юристов, брачный сговор представляет собой «соглашение и обещание будущего брака» (*sponsalia sunt mentio et repromissio nuptiarum futurarum*)²². Это определение, данное Флорентином, следует дополнить мнением Ульпиана, который полагал, что брачный сговор есть разновидность стипуляции, заключаемой путем дачи «голого согласия»²³. Из этого можно сделать вывод, что брачный сговор (обручение) есть устная предварительная договоренность субъектов брака или их представителей на вступление в законную супружескую связь. Это момент выражения их согласия и одновременно момент принятия на себя обязательств по дальнейшему совершению бракозаключительных действий. Тем самым обручение по своему содержанию является юридическим фактом, а по форме – договором, или, другими словами, вербальным контрактом, начинающим действовать с момента произнесения соответствующих слов.

Правовой институт брачного сговора является одним из самых древних в семейном праве. Он играл чрезвычайно важную роль, поскольку обуславливал будущую семейную жизнь, наделяя мужчину и женщину новым правовым статусом, а именно – жениха и невесты. Обручение, таким образом, становилось основанием брака. При его совершении устанавливались условия будущего супружеского союза, обязательства сторон, а также производились различные ритуальные магические действия. Последние призваны были символизировать верность данному слову и уютность планируемой супружеской связи богам. При заключении сговора стороны обменивались также и вещественным, осязаемым обеспечением своего обещания. В качестве такового могло использоваться любое имущество.

Будучи стипуляцией, сговор исполнялся посредством свадьбы. Древнее право не устанавливает необходимых сроков действия обручения. Оно может сохранять свою силу сколь угодно долго, пока не нарушены его условия. Римские юристы указывали, что между сговором и самой свадьбой может пройти несколько лет, и это не освобождает брачующихся от исполнения обещания²⁴. Иными словами, брачный сговор являет-

ся бессрочным соглашением; оно не утрачивает своего значения за давностью. Отсюда следует, что обручение можно производить и над малолетними, задолго до достижения ими брачного возраста. Здесь, правда, добавляется требование, чтобы они отдавали себе отчет в происходящем²⁵. Напротив же, безосновательный отказ от данного при обручении обязательства вел к штрафным санкциям либо к принуждению к вступлению в брак. Отдельным последствием нарушенного сговора была инфамия.

В законах Хаммурапи институт брачного сговора или обручения представлен в нескольких статьях. Прежде всего, это ст. 155 и 156, которые начинаются словами «Если человек выбрал своему сыну невесту...». Как явствует из текста памятника, инициатива совершения сговора принадлежит родителям, притом с обеих сторон. Если невесту сыну выбирает отец, то более чем логично предположить, что дочь также не участвует в этом процессе. Далее, в гипотезе данной нормы нет никакого указания на возраст ни жениха, ни невесты. Это означает, что перед нами общая норма, описывающая типичную для того времени ситуацию, когда обручение заключалось до совершеннолетия; сын очевидным образом находится под властью отца.

Но, как мы увидим ниже, законодательство древнего Вавилона допускало и самостоятельное совершение брачного сговора самим женихом. В этой связи интересным представляется вопрос о согласии подвластных детей на будущий супружеский союз. В тексте памятника нет четкого ответа на этот вопрос, но вряд ли мы сильно ошибемся, если предположим, что таковое согласие должно быть получено обязательно. Этот вывод проистекает не столько из буквы, сколько из духа законов Хаммурапи. При всей полноте своей власти отец семейства вряд ли мог принудить сына или даже дочь поступить против их воли, тем более в таком важном деле, как будущая семейная жизнь. Выше мы уже имели случай показать, что женщина, будучи лицом весьма зависимым, все же обладала рядом существенных прав, не позволявших отождествить ее с объектом права собственности мужчины.

Здесь же заметим, что и сын, находясь под отцовской властью, имел возможность совершения самостоятельных поступков. Так, например, ст. 28 кодекса допускает сына к несению царской службы, в случае пленения на войне отца. Наконец, если заключение самого супружеского союза требует согласия обеих сторон, то и обручение, как его законное основание, должно держаться того же принципа. На это много позже укажут римские юристы со всей свойственной им логикой и здравым смыслом. По мнению Ю. Павла: «In sponsalibus etiam consensus eorum exigendus est, quorum in nuptiis desideratur» (При обручении также требуется согласие тех же лиц, что и при браке)²⁶.

Более подробное описание обручения мы находим в ст. 159: «Если человек, который послал

в дом своего тестя брачное приношение и отдал выкуп, засмотрелся на другую женщину и сказал своему тестю: «Я не возьму в жены твою дочь», то отец дочери может забрать все, что ему было принесено²⁷.

По смыслу древнего памятника, речь идет именно о сговоре, то есть описываемые в гипотезе нормы события очевидно предшествуют самому заключению брака. Последнее представляется еще только делом будущего. И здесь мы можем увидеть все необходимые составные части сговора:

- во-первых, присутствует явно выраженное намерение договориться о предстоящем браке. Это намерение проявляется в конклюдентных действиях, совершаемых самим женихом и состоящих в поднесении подарков. Последние, по всей видимости, были благосклонно приняты отцом невесты, и тем самым он также согласился на будущий союз²⁸;

- во-вторых, обручение обеспечивается своеобразным задатком – вено за невесту уже уплачено²⁹. В том, что это задаток, нас убеждают последствия расторжения обручения, а именно, что виновный несет имущественные потери;

- в-третьих, субъектом обручения со стороны невесты выступает ее отец. Перед ним жених несет ответственность за нарушение своего обещания и к нему же он обращается с сообщением о прекращении обязательства. Дочь, она же невеста, таким образом, все еще находится во власти своего отца;

- в-четвертых, отказ исполнить свое обещание приводит жениха к уплате неустойки – он теряет и врученные будущему тестю брачные дары и выкупную сумму. Этим отец невесты вознаграждается за несостоявшуюся сделку.

Другое указание на наличие обручения как отдельного института в древневавилонском брачном праве мы находим в следующей ст. 160: «Если человек послал в дом тестя брачное приношение и отдал выкуп, а затем равный ему по положению превзошел его дарами и тесть сказал хозяину жены: «Ты не бери мою дочь», то все, сколько ему было принесено, он должен удвоить и вернуть, а равный ему не должен взять в жены его жену»³⁰. Здесь начальные события аналогичны тем, которые описаны в предыдущей статье, но инициатива расторжения сговора принадлежит отцу невесты. Имущественные последствия невыполнения обещания также сходны – виновный обязан возместить убытки. Однако причина, побудившая отца невесты отказаться от обязательств по брачному сговору, лежит в материальной плоскости. Он предпочел более богатого жениха, польстившись на его дары.

Для нашего же анализа наибольший интерес представляет последняя часть вышеуказанной статьи, в которой мы видим своеобразную санкцию, налагаемую не только на второго, богатого жениха, но и на невесту – она не может выйти замуж за более обеспеченного человека. Отрицательные последствия для невесты являются тем более любопытными, что она ни в чем не виновата. Она не отказывалась от обязательств по обру-

чению. Более того, она, по всей видимости, дала свое самостоятельное согласие на будущий брак, так как законодатель называет первого жениха ее хозяином (то есть она была ему явным образом обещана). По нашему мнению, объяснение этой ситуации следует искать в нравственном содержании брачных отношений.

В начале нашего исследования мы уже указали на тот факт, что древневавилонский законодатель до некоторой степени был все же озабочен духовным состоянием семьи и брака и стремился привнести в супружеский союз отдельные элементы если не таинства, то хотя бы ритуальной чистоты, непорочности. Отказ от данного слова подрывал доверие к человеку и заставлял всех остальных смотреть на него с подозрением. Такой человек ставил под удар прежде всего свою честь. При этом мы должны помнить, что Вавилонское царство эпохи Хаммурапи представляло собой торговую цивилизацию, а товарно-денежные отношения немыслимы без соблюдения элементарных правил порядочности и честности. Именно на них покоится деловая репутация и именно по ним судят о намерениях человека. Поэтому, как нам представляется, Хаммурапи и ввел подобное ограничение для лиц, не сдержавших свое слово. По своей же юридической природе это ограничение очень напоминает инфамию римского права, к рассмотрению которой мы и переходим.

Инфамия представляет собой комплексный правовой институт, состоящий в умалении чести. Ей подвергались лица, которые своим поведением запятнали собственное доброе имя или которые пользуются в общине (городе) дурной славой. Так, в Древнем Риме инфамия налагалась за нарушение некоторых обязательств, для которых нужна была особая честность, а также за невыполнение отдельных требований и условий брачно-семейных норм. Результатом умаления чести всегда было поражение в правах, нередко сопряженное и с имущественными потерями. Infames утрачивали право участия в общественной жизни, лишались некоторых процессуальных прав, а также существенно ограничивались в частноправовой области. Тем самым публичная власть заботилась о нравственном здоровье своих граждан, ограждая их от недостойных лиц. Моральная безупречность и добродетельное поведение выступали залогом надежного и правильного государственного строя.

В законах Хаммурапи, в выше приведенной ст. 161, мы можем видеть стремление законодателя обеспечить справедливость обязательственных отношений в брачно-семейной области. Отец невесты, отказываясь выдать свою дочь замуж, нарушает условия брачного сговора. Как следует из текста, он признается однозначно виновным в уклонении от данного обещания и обязан возместить жениху понесенные убытки. При этом закон требует от несостоявшегося тестя удвоить полученные от жениха дары, что может свидетельствовать о понимании древними аморитами двойственной природы убытков. Последние, как известно, складываются из реального ущерба и

неполученной выгоды. Возвращая жениху удвоенную ценность даров, отец невесты не только восполняет понесенные им (женихом) затраты по брачному сговору, но и компенсирует ему несостоявшееся увеличение имущества.

Еще одним правовым институтом семейного права является имущество супругов. По нашему мнению, его правовой режим может быть определен как совместный. На это указывают многие статьи памятника. Так, в ст. 152 сказано: «Если после того, как женщина вступила в дом человека, на них появился процентный долг, то оба они должны отвечать кредиторам»³¹. Отсюда видно, что по долгам, возникшим после заключения брака, супруги отвечают совместно. Иными словами, они несут солидарную ответственность.

Напротив, долги, сделанные супругами до их вступления в брак, остаются на каждом из них. Об этом говорится в предыдущей ст. 151: «Если женщина, которая живет в доме человека, обязала своего мужа и заставила его выдать документ о том, что кредитор ее мужа не схватит ее, то, если этот человек имел на себе процентный долг до того, как он взял в жены эту женщину, его кредитор не может схватить его жену; а если эта женщина имела на себе процентный долг до того, как она вступила в дом человека, ее кредитор не может схватить ее мужа»³². Таким образом, семейный, то есть совместный, долг возникает только с заключением брака.

Но из ст. 151 вытекает еще один любопытный факт. Закон требует, чтобы разграничение ответственности между супругами было оформлено отдельным соглашением, причем именно письменным, по смыслу текста. Значит, мы можем предположить, что при отсутствии такого соглашения долги, хотя и сделанные до брака, также падают на обоих супругов и должны возмещаться ими солидарно. Иначе непонятно, зачем законодатель специально оговаривает этот случай. Ведь для признания совместным долга, возникшего после заключения брака, ничего подобного не требуется. Мы возьмем на себя смелость утверждать, что общим правилом в древнем Вавилоне было автоматическое возникновение солидарной ответственности у супругов после заключения брака. Тогда любые денежные взыскания могли быть предъявлены обоим супругам вместе, даже если основание претензии появилось до начала семейной жизни. Состояние в браке, таким образом, способно было изменить не только права и обязанности мужа и жены, но и их общий правовой статус. Брак у древних аморитов уже не сводился к банальной купле, как было, вероятно, раньше. Будучи безусловно договором, он самым серьезным образом влиял на жизнь людей, глубоко и всесторонне меняя их положение как субъектов права.

Совместный правовой режим семейного имущества прослеживается и в других положениях кодекса. Это преимущественно статьи, посвященные наследственному праву. При разделе имущества всегда важно определить его проис-

хождение, так как от этого зависит справедливое распределение наследственных долей. А доля в наследстве, как известно, не в последнюю очередь определяется участием лица в его сохранении и умножении. Итак, в ст. 176 Кодекса Хаммурапи мы можем найти несколько указаний на совместную собственность супругов: «А если дворцовый раб или же раб мушкенума взял в жены дочь полноправного человека и... она вступила в дом... вместе с приданым..., а после того, как они соединились, они построили дом и приобрели добро и затем либо дворцовый раб, либо же раб мушкенума умер, то дочь полноправного человека может забрать свое приданое, а все, что она и ее муж приобрели после того, как они соединились, должны поделить пополам, и половину может забрать хозяин раба, половину может забрать дочь полноправного человека...»³³.

Мы видим, что гипотеза данной нормы перечисляет все необходимые условия для начала и продолжения семейной жизни. Бракозаключительный процесс завершается консуммацией («они соединились»), и только после этого супруги обзаводятся собственным хозяйством. При этом жена приносит с собой свое приданое. В случае же смерти мужа имущество, нажитое в браке, подлежит равному разделу между наследниками, а вот приданое сохраняется за вдовой. В этой норме совершенно отчетливо различается статус двух видов имущества. С одной стороны, есть приданое, то есть те вещи, которыми жена пользовалась до брака. Эти вещи были и остаются в ее распоряжении³⁴, и она забирает их с собой. С другой стороны, есть совместно нажитое имущество, появившееся уже в браке. По смыслу вышеприведенной статьи очевидно, что жена и муж наравне участвовали в его создании и умножении. Именно поэтому оно делится пополам и вдова забирает свою долю.

Некоторую особенность в эту ситуацию вносит подвластный статус мужа. Будучи рабом, он не может передать свою долю в совместно нажитом своим сыновьям ни по закону, ни по завещанию. Поэтому после него наследует его господин. Однако нам представляется, исходя из логического толкования ст. 176, что это – не более чем частный случай, который не отменяет общего правила, а именно, что имущество, нажитое в браке, делится поровну при прекращении супружества.

Еще более красноречиво о совместной собственности супругов говорит вторая часть ст. 176: «Если дочь человека не имела приданого, то все, что она и ее муж приобрели после того, как они соединились, должны поделить пополам...»³⁵. Здесь закон особо оговаривает ситуацию, когда женщина не принесла свою долю в семью в виде приданого, что, однако, не может служить основанием для лишения ее средств к существованию после смерти супруга. Закон, как мы видим, со всей ясностью презюмирует деятельное участие жены (а теперь вдовы) в создании совместного имущества во время брака и потому наделяет ее правом на приобретение части оно-

Правовой режим совместного имущества указан, правда косвенно, и в следующей по порядку ст. 177. В ней говорится, что, если «вдова... захочет вступить в дом второго мужа» (то есть повторно выйти замуж. – Прим. К.К.), то «дом ее прежнего мужа они (судьи. – Прим. К.К.) должны передать следующему мужу и этой женщине. ... Пусть они берут дом и растят малышей». Из текста памятника, вдове отходит дом умершего супруга, однако с условием, что он необходим для воспитания детей. Мы попробуем предположить, что сохранение за вдовой основного имущества ее почившего супруга имеет своей изначальной причиной факт их совместной жизни. Раз они прожили какое-то время вместе, у них не могло не возникнуть общего имущества. Судьи отдают это имущество новому мужу, очевидно, с правом опеки.

Однако и сама вдова тоже может продолжать пользоваться им. «Дом» в этой статье кодекса, как нам кажется, следует понимать расширительно. Это не только и не столько само строение, сколько вообще имущество, принадлежавшее прежнему мужу. На такое толкование наводит следующее положение этой же статьи: «...пусть они берут дом и растят малышей. Продавать утварь за серебро они не могут». Нам представляется вполне ясным, что под «домом» тут имеется в виду вся совокупность семейного имущества и законодатель, предлагая новому мужу «взять дом» конечно же не понимает это буквально. Речь идет о пользовании имуществом первого мужа в видах воспитания потомства. Второе предложение цитаты как раз и указывает на недопустимость обогащения за счет продажи части такого имущества, а именно столовой утвари.

Следовательно, вдова при повторном браке приносит в новую семью не только имущество своего умершего супруга и не только свое собственное имущество в виде приданого (про которое в этой статье вообще не говорится), но и общее имущество, созданное в первом супружестве. Поэтому древневавилонский законодатель и объединил все эти вещи единым понятием «дом», особо выделив в нем то, что изъято из торгового оборота. Таким образом, и в этой ситуации правовым режимом брачной собственности следует признать совместный.

В завершение нашего анализа следует остановиться на таком правовом институте, как развод. Последний не только хорошо известен законам Хаммурапи, но и достаточно подробно и разумно урегулирован. Инициатива прекращения супружеских уз принадлежит как мужу, так и жене. Правда, закон предоставляет первому больше для этого оснований. Согласно ст. 137 и 138, муж имеет право «оставить» свою жену в любой момент без объяснения причин. В первом случае речь идет о расторжении брака при наличии общих несовершеннолетних детей, во втором – при их отсутствии. Соответственно различаются и имущественные последствия развода. Если у супругов есть несовершеннолетние иждивенцы, то жене

должна быть передана «половина поля, сада и имущества» (мужа) для того, чтобы она растила детей. При отсутствии детей жене возвращалось лишь ее приданое и сумма выкупа, то есть дело кончалось простой реституцией.

В этих нормах кодекса мы видим одностороннее нежелание состоять в браке, выраженное в данном случае мужем. Но так как жена не была все же бессловесным «роботом» при муже и она должна была выразить свое согласие на заключение брака, то мы смело можем утверждать, что и для развода также было необходимо узнать ее волю. Значит, по нашему мнению, вполне возможно указать на сходство вышеописанного порядка расторжения брака (ст. 137, 138) с римским *divortium* 'ом, то есть прекращением брачного союза по обоюдному согласию. Мы также можем видеть, что, по смыслу этих статей, жена не совершила никакого правонарушения, более того, по ст. 137 она в полной мере выполнила свои обязательства по рождению детей. И наконец, закон ничего не говорит о необходимости соблюдения какой-либо должной юридической процедуры развода в вышеозначенном случае. Вмешательства публичной власти в лице судебных органов априори не требуется, в отличие от других оснований развода. Это лишний раз показывает нам презумпцию обоюдного согласия.

Однако законы Хаммурапи знают и *repudium* в римском значении этого термина, то есть одностороннее отвержение жены мужем и мужа женой. Так, ст. 141 разрешает мужу расторгнуть брак без реституции при наличии вины со стороны супруги: «Если жена человека... начнет копить средства, разорять свой дом и унижать своего мужа, то ее должны уличить, и... (муж) может ее оставить и ничего ей не дать...»³⁶. Мы видим, что в этом случае для законного прекращения супружеского союза требуется судебное расследование, и только при его положительном результате брак расторгается.

Аналогичное положение содержится и в следующей ст. 142, только право на *repudium* принадлежит на этот раз жене. Она может подать на развод, если муж жестоко с ней обращался и изменял ей. Здесь также должно состояться судебное разбирательство. Однако закон обуславливает право жены на развод требованием от нее самой добродетельного поведения в браке, в противном же случае ей грозит смерть, как указано в ст. 143. Иными словами, женщина, уличившая мужа в измене (и доказавшая это), но которая сама при этом не отличалась порядочностью в браке, подвергается самому суровому наказанию. Таким образом, как и во многих древних обществах, в Вавилоне времен царя Хаммурапи мужнина измена квалифицировалась как менее тяжкое преступление, нежели женина. Это пример распределенной правосубъектности, о чем уже упоминалось выше.

Любопытным представляется такое основание развода, как злонамеренное оставление. Мы встречаем его только в одной ст. 136, где сказано, что если муж покинул поселение и бросил свою жену, а она после этого вступила в брак с другим

■ Право

человеком, то по возвращении беглеца прежний брак не может быть восстановлен. В этой норме, по всей видимости, злонамеренное оставление сопряжено с отказом от исполнения супружеских обязанностей. Далее, поскольку брак всегда предполагает совместное проживание супругов, закон не допускает возможности раздельной жизни. Однако, как мы видим, закон также не предусматривает и восстановления супружеского сожительства – мера, которая получит распространение в более поздние времена³⁷. Следует также отметить: ввиду того что кодекс не устанавливает срока, в течение которого муж находится в отлучке, перед нами отнюдь не безвестное отсутствие, а именно злонамеренное оставление.

Подводя итог нашему рассмотрению, мы полагаем важным указать на тот замечательный факт, что законы царя Хаммурапи подробно регулируют многие стороны семейного быта, руководствуясь при этом сознанием высшей необходимости.

Это, по нашему мнению, ясно свидетельствует о понимании древними аморитами основополагающего значения брачных уз для процветания государства.

Karpenko K.V. On Family Relationships under the Laws of Hammurabi.

Summary: *The article presents an analysis of the family relationships in ancient Babylon, in accordance with the laws of Hammurabi. The author dwells upon the characteristics of selected institutes of family law of the Amorites and comes to the conclusion that the family life in ancient Mesopotamia was very developed. The family in the Hammurabi Code represents the basis not only for economic and financial power of the state, but also for its political stability and security. The rights and obligations of spouses are not equal, but they are together, though each in his own way, achieving the main goal of the marital union - the birth and upbringing of children.*

Ключевые слова

Древний Вавилон, Хаммурапи, брак, семья, правовой институт, брачный сговор, обручение, бесчестье, инфамия, консуммация брака, имущество супругов, развод

Keywords

Ancient Babylon, Hammurabi, marriage, family, institute of law, betrothal, affiancing, dishonour, infamy, consummation of marriage, matrimonial property, divorce

Примечания

1. Семейное законодательство современных государств подробно говорит, например, об условиях, необходимых для заключения брака, о правах и обязанностях супругов, о недействительности и невозможности заключения супружеского союза и т.д. Вопрос же о сущности брака опускается.
2. Самая яркая иллюстрация этого утверждения содержится, на наш взгляд, в книге Бытия, когда Адам, по велению Господа, дает имена всем животным. Чем другим мог руководствоваться при этом наш прародитель, как не очевидностью первого впечатления! Опыта ведь у него еще не было! И при этом он ни разу не ошибся - данные им имена животным до сих пор в ходу. Быт. 2: 19-20.
3. Мы вполне сознаем, что для «чистоты эксперимента» следовало бы сравнивать вавилонские брачно-семейные постановления с аналогичными предписаниями законодательства древних иудеев, тем более что Кодекс Хаммурапи является одним из важнейших источников «Книги Завета». Однако римское право получило гораздо более широкое распространение и во многом признается за образец даже сегодня. Наш выбор сравнения обуславливается, таким образом, общепринятыми в науке представлениями.
4. Вебер М. Аграрная история Древнего мира. М., 1923. С. 73.
5. Павлов А. С. Кормчая книга как исторический и практический источник русского брачного права. М., 1887. С. 52-53.
6. В более поздние времена христианские богословы признавали возможность дачи согласия на брак любыми способами, в том числе и молчанием. Причиной последнего они называли стыд девицы. См.: Павлов А.С., указ. соч. С. 50-51. Ничто не говорит нам о невозможности существования подобных чувств за 18 столетий до н.э.
7. Цит. по: Законы Хаммурапи. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. М., 2000.
8. Там же. Ст. 142.
9. Там же. Ст. 134
10. Там же. Ст. 136.
11. Подробнее о древнейшем отношении к женщине как к объекту собственности мужа см.: Казанцев Л.Н. О разводе по римскому праву в связи с историческими формами римского брака. Киев, 1892. С.2, 91-92.
12. Законы Хаммурапи. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. М., 2000. С. 129.
13. Там же. Ст. 141, 143.
14. Там же. Ст. 137, 138, 149.

15. Там же. Ст. 150.
16. Ср. с законами древней Иудеи, в частности с постановлениями, касающимися юбилейного года, а также с законами Ликурга в Спарте.
17. Законы Хаммурапи. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. М. 2000. Ст. 148, 149.
18. В современных правовых системах только в исламе консуммация рассматривается как необходимый и завершающий этап заключения брака и одновременно как начало исполнения супружеского долга. - См. Milliot L., Blanc J-P. Introduction à l'étude du droit musulman. P., 2001. P. 320-321.
19. Это событие является ритуальной составной частью бракозаключительного процесса почти у всех древних народов и всегда предшествует консуммации. См.: Осипов А.М. Указ. соч. С. 158, 173, 177, 185, 203.
20. На нее распространялись лишь обязательства по брачному договору.
21. Некоторые ученые при этом полагают, что сговор и обручение есть два разных действия. Первое является частным проявлением воли, второе же – торжественное изъявление своего согласия. В этом случае только обручение порождает правовые последствия. См.: Осипов А.М. Брачное право древнего Востока. М., 2012. С. 123. Однако, по его же мнению, законодательство постоянно стремилось уничтожить различие между ними. Мы последуем за уважаемым ученым и также не станем разделять сговор и обручение.
22. Дигесты Юстиниана. D. 23.1.1.
23. «Sufficit nudus consensus ad constituenda sponsalia». - D. 23.1.2, 4.
24. Это нам сообщает, в частности, Гай. - D. 23. 1. 17.
25. Так, Герений Модестин требует в Дигестах, чтобы лица, в отношении которых заключается сговор «non sint minores quam septem annis». - D. 23. 1. 14.
26. Дигесты Юстиниана. D. 23. 1. 7. 1.
27. Законы Хаммурапи. Цит. по: Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. М., 2000.
28. Лаконичный язык древних законов нередко умалчивает о некоторых подробностях юридических действий, считая их естественными и не требующими специального описания. Так и вышеприведенная статья Кодекса Хаммурапи не упоминает о даче согласия со стороны будущего тестя. Но мы знаем, что согласие может быть выражено и молчанием. Это характерно не только для гражданско-правовых сделок, но и для семейного права. По мнению римского юриста Юлиа Павла (ссылающегося на Юлиана), отец дочери признается согласившимся на брак, если он прямо не выразил своего несогласия. - D. 23. 1. 7. Аналогично и дочь, не сопротивляющаяся отцу, считается давшей свое согласие во время сговора. - Ульпиан. D. 23. 1. 12.
29. На самом деле вено и задаток суть разные вещи. Если под первым понимали в древности выкуп, уплачиваемый за невесту, то второй являет собой определенную денежную сумму – заряд в русских летописях – и служит для обеспечения обязательства. Но в данном случае в законах древнего Вавилона мы видим смешение этих двух понятий. Это, по нашему мнению, является отголоском синкретизма права еще более раннего периода, нежели исследуемый.
30. Законы Хаммурапи. Цит. по: Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. М., 2000.
31. Там же.
32. Там же.
33. Там же.
34. Муж здесь только управляет этим имуществом. В случае смерти жены приданое переходит ее сыновьям (ст. 162), а если она скончалась бездетной, то оно возвращается ее отцу (ст. 163).
35. Законы Хаммурапи. Цит. по: Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. М., 2000.
36. Там же.
37. Кулишер М.И. Развод и положение женщины. Спб., 1896. С. 204 и послед.

Формирование спортивной культуры как приоритетная задача спортивной работы в вузе

С.Ю. Баринов

В статье обосновывается положение о том, что важным компонентом спортивной работы в вузе является спортивное воспитание студентов, целью и главным предметом которого должно стать ценностно-смысловое развитие личности, формирование у нее спортивной культуры. В работе анализируются многочисленные разновидности спортивной культуры личности.

Спорт все шире внедряется в сферу досуга и других сфер жизнедеятельности студенческой молодежи, и потому все более важное значение приобретает вопрос, какими должны быть содержание и направленность спортивной работы в вузе. Исходным моментом в этом плане, на наш взгляд, является положение о том, что эта работа должна ориентироваться на общие задачи физкультурно-спортивного движения. Она также должна быть адекватной общим принципам современной стратегии государственной молодежной политики, воспитания молодежи и содействовать решению тех педагогических и социокультурных задач, которые стоят перед системой высшего образования. И главной из них – воспитанию образованной, здоровой, физически подготовленной, творчески одаренной, разносторонне развитой личности, способной к труду и жизни в условиях современной цивилизации и демократии, имеющей активную гражданскую позицию и выдвигающей на передний план духовно-нравственные ценности в своем отношении к другим людям, к природе и к самим себе.

Однако существующая в настоящее время система организация спортивной работы в вузе не отвечает этим требованиям. Чаще всего эффективность этой работы оценивается по ре-

зультатам выступлений студентов на вузовских и особенно межвузовских спортивных соревнованиях. Внутривузовские соревнования проводятся в основном для отбора лучших спортсменов на межвузовские соревнования. Их победители награждаются грамотами, кубками, и для руководителей вузов престижно иметь лучших спортсменов данного региона или даже России. Такая ситуация заставляет преподавателей вузов и тренеров по тому или иному виду спорта в центр спортивной работы в вузе ставить селекционную работу – поиск наиболее талантливых в спортивном отношении студентов и набирать в вуз спортсменов высокого класса. Преподаватели и тренеры, оставшиеся без таковых, идут на различные ухищрения. Чтобы обеспечить достойное место спортивной команде вуза на межвузовских соревнованиях, приглашают выступить за нее молодых людей не из числа студентов или студентов других вузов, предлагают выступить своим лучшим спортсменам несколько раз, но под другими фамилиями и т.п. Завышенная значимость спортивных результатов приводит к стремлению не только у студентов-спортсменов, но также у преподавателей и тренеров победить любой ценой, даже за счет нарушения нравственных норм.

Баринов Сергей Юрьевич – к.пед.н., доцент, зав. кафедрой физического воспитания МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

Такой подход к организации спортивной работы в вузе имеет ряд негативных последствий:

- во-первых, в активные занятия спортом включается, как правило, лишь небольшая часть студентов;

- во-вторых, организация спортивной деятельности студентов не позволяет в полной мере реализовать весь ее позитивный потенциал. Особенно низка ее роль в развитии нравственных, эстетических, творческих способностей студентов;

- в-третьих, и это особенно тревожно, в современном университетском спорте, как и в спорте в целом, наблюдается девальвация духовных ценностей. Все большее число молодых людей включаются в спорт лишь потому, что здесь можно заработать деньги, приобрести славу и т.п.

Поэтому актуальной в настоящее время является задача совершенствования спортивной работы в вузе: поиск новых подходов к организации этой работы, отвечающих требованиям сегодняшнего дня и способных содействовать решению комплекса социально-педагогических задач, стоящих в настоящее время перед системой высшего образования и физкультурно-спортивным движением России¹.

Наиболее адекватен этим требованиям такой подход, при котором основными задачами спортивной работы в вузе являются:

- создание условий для участия в спортивной деятельности не только физически развитых, спортивно одаренных, но практически всех студентов, включая лиц с ослабленным здоровьем и с ограниченными возможностями;

- эффективная и максимально полная реализация огромного позитивного потенциала спортивной деятельности для физического, психического и духовного оздоровления студентов, их гуманистического воспитания и организации активного творческого отдыха;

- содействие в повышении спортивного мастерства спортивно одаренных студентов.

Важным компонентом спортивной работы в вузе является спортивное воспитание студентов. В определении целей и задач этой педагогической деятельности необходимо учитывать положение личностно-гуманной педагогики о том, что целью и главным предметом воспитательной деятельности должно быть формирование спортивной культуры личности².

Спортивная культура студентов и ее разновидности

Спортивная культура студента – это его позитивное ценностное отношение к спорту: а) деятельность и ее результаты по осмыслению, сохранению и развитию тех разновидностей, сторон, функций, компонентов спорта, которые оцениваются им как наиболее важные, значимые, то есть рассматриваются как ценности; б) складывающиеся на основе такой оценки идеалы, смыслы, символы, нормы, образцы поведения и т.п., которые регулируют всю деятельность студента и

его отношения с другими лицами в сфере спорта, определяют их характер и направленность³.

Позитивное ценностное отношение студентов к спорту всегда носит не общий, а конкретный характер: подразумевает не спорт вообще, а те или иные его аспекты, стороны, компоненты, функции, виды и т.д. Поэтому спортивная культура студентов может иметь разное содержание, разный характер, разную направленность, различные особенности в зависимости от того, в чем они усматривают ценность спорта, чем спортивная деятельность и связанные с ней спортивные соревнования, тренировки привлекательны для них. Другими словами, возможны различные специфические формы (разновидности) спортивной культуры студентов.

Конкретное содержание, специфическую направленность, особенности каждой из них определяют ценности, которые студенты приписывают спортивной деятельности, то есть какие ее стороны, компоненты, функции, виды, разновидности и т.д. являются для них наиболее важными, значимыми в этой деятельности, в спортивных соревнованиях и тренировке.

Спортивно-прагматическая культура

Одна из форм спортивной культуры личности – спортивно-прагматическая культура. Эту разновидность спортивной культуры личности характеризует ее ярко выраженная утилитарная, прагматическая направленность. Имеется в виду, что наиболее важными, значимыми в спорте для человека являются сугубо утилитарные, технологические, прагматические ценности. Наиболее ярким примером в этом плане является такая ценность, как возможность на спорте зарабатывать деньги, приобретать материальные блага и т.д. Именно такая ценностная ориентация на спорт характерна, например, для спортсменов в профессиональном спорте. К числу прагматических ценностей спортивной деятельности, безусловно, относится и то, что она ориентирует участников этой деятельности на постоянные достижения, успех.

Утилитарность спортивной культуры личности может проявляться также в ориентации человека на формирование и совершенствование с помощью занятий спортом не целостного развития личности, а лишь каких-то ее отдельных качеств и способностей. Например, воли или других психических способностей, силы или других физических качеств и т.д. в изолированности от других качеств и способностей. Утилитарные, технологические, прагматические ценности могут представлять собой:

- спортивные достижения, рекорды, победы;
- возможность на спорте зарабатывать деньги, приобретать иные материальные блага и т.п.;
- формирование и совершенствование с помощью занятий спортом не целостного развития личности, а лишь каких-то ее отдельных качеств и способностей (напр., физических или психических качеств). Спортсмен, обладающий высокими физическими кондициями, спортивным мастерством

■ Культурология

и на основе этого добивающийся успеха в спортивных соревнованиях, славы, материальных благ и т.д. «Победа – не самое главное, победа – единственное, ради чего стоит бороться» (футбольный тренер из США В. Ломбарди).

Спорт может привлекать человека, выступать для него как ценность на основе того, что дает возможность продемонстрировать свое превосходство над другими, реализовать свои националистические идеи, некоторым образом проявить свою агрессивность и т.п. В этом случае спортивная культура личности включает в себя нормы и ценности, не совпадающие с общекультурными ценностями гуманистической ориентации, вследствие чего выступает как спортивная культура антигуманной направленности (антигуманная спортивная культура).

Негуманная спортивная культура

Антигуманная спортивная культура содержит в своей основе:

- негуманные ценности;
- победа любой ценой в спортивном соревновании;
- возможность в спортивном соревновании проявить свою агрессию, показать свое превосходство (превосходство своей нации) над другими и т.п.;
- идеал спортсмена – любой ценой (даже за счет обмана, нарушения правил, во вред здоровью и т.д.) добиваться победы в спортивном соперничестве. Использование спорта для пропаганды идей национализма, шовинизма, решения военных, узкокорыстных политических проблем и т.п. – «Я играю в футбол лишь потому, что только на поле я могу избить кого-нибудь и уйти безнаказанным» (американский спортсмен Майк Кертис);
- «Спорт – это выражение ненависти друг к другу... Это последняя возможность, которую наша цивилизация предоставляет двум людям для физической агрессии. Спорт – наиболее близкая к войне область человеческой деятельности» (Рейган).

Спортивно-гуманистическая культура

Еще одной разновидностью спортивной культуры личности является спортивно-гуманистическая культура. Эту разновидность спортивной культуры личности характеризует ярко выраженная ориентация человека в спорте на идеи, идеалы и ценности гуманизма. Гуманистические ценности:

- способность спорта содействовать целостному развитию личности, формированию и развитию гуманных социальных отношений;
- идеал – целостное развитие личности спортсмена. Поведение в спортивном соперничестве, адекватное нормам нравственности и эстетики «За гуманизм в спорте и посредством спорта!» (В.И. Столяров – автор «Манифеста спортивно-гуманистического движения», 1990 г.)

Спортивно-гуманистическая культура личности может выступать в разной форме в зависимости от того, каким образом конкрети-

зируются те общие гуманистические идеалы и ценности, на которые она ориентирована.

Основными ее формами являются олимпийская и спартианская разновидности спортивно-гуманистической культуры личности.

Специфика олимпийской культуры личности определяется тем, что спорт оценивается с учетом тех олимпийских идеалов и ценностей, которые сформулировал основатель современного олимпийского движения Пьер де Кубертен и которые указаны в Олимпийской хартии. Один из основных олимпийских идеалов – идеал гармонично развитой личности, у которой полноценно и пропорционально развиты как телесные (физические), так и духовные (нравственно-эстетические) качества.

Олимпийские идеалы:

- гармонично развитая личность, у которой полноценно и пропорционально развиты как телесные (физические), так и духовные (нравственные) качества;

- гуманные социальные отношения, предполагающие мир, дружбу, взаимное уважение, поведение спортсмена в духе принципов «Фэйр Плэй» («честной игры»), которые предполагают:

- * честность, добросовестность, решительное и достойное поведение в ситуациях, когда другие ведут себя нечестно;

- * уважение к партнеру;

- * уважение к сопернику – независимо от того, является он победителем или побежденным;

- * уважение к судье, выражающееся в постоянном стремлении к сотрудничеству с ним в любой ситуации;

- * умение оставаться скромным после победы и спокойно принимать поражение. «Обязанность и сущность атлета – познать самого себя, контролировать себя и превзойти себя» – «*Athletae Proprium Est Se Ipsum Noscere, Ducere et Vincere*» (девиз Кубертена на медали для участников Африканских игр).

Специфика спартианской разновидности спортивно-гуманистической культуры личности определяется тем, что спорт оценивается с учетом спартианских идеалов и ценностей⁴. Спорт рассматривается как один из основных (фундаментальных) видов деятельности, участие в которых необходимо не только для гармоничного, но и для разностороннего развития личности. При этом учитывается важная роль спортивной деятельности:

- в восстановлении, сохранении, формировании и совершенствовании телесности, физического состояния человека, его психических и духовных – нравственных, эстетических и других качеств и способностей, соответствующих умений, навыков, знаний, потребностей, чувств, эмоций;

- в формировании культуры соперничества. Позитивная роль спорта – в формировании и реализации таких ценностей культуры мира, как мир, дружба, взаимопонимание, взаимное уважение представителей различных культур и верований, толерантность, отказ от насилия, сотрудничество и т.п.

Идеал спартианской гуманистически-спортивной культуры – гармоничное и разностороннее (всестороннее, универсальное) развитие личности в его спартианском понимании, ориентация на гуманистические ценности культуры мира – дружбу, взаимопонимание, взаимное уважение представителей различных культур и верований, толерантность, отказ от насилия, сотрудничество и т.п. «Стань спартианцем – разносторонне развитой личностью и патриотом своей Родины!» (В.И. Столяров). «Творческая активность одного вида должна у индивида сочетаться с другими ее формами. Приходит на ум древнегреческий гуманистический идеал всесторонне развитой личности. Несмотря на необходимую специализацию, целью не является воспитание специализированных идиотов!» (Г. Ленк – олимпийский чемпион и философ). «Мне нравится побеждать в соревнованиях, но я не делаю из этого культа» (Франческо Панетта, легкоатлет, чемпион мира).

Учитывая вышеизложенное, в педагогической деятельности, ориентированной на формирование у студентов спортивной культуры, важно различать два этапа:

а) формирование базиса этой культуры (их общее позитивное отношение к спорту и наличие исходных знаний, умений, навыков относительно спорта);

б) формирование ее надстройки, специфическое содержание которой определяется тем, какие стороны, функции спорта студенты учитывают и как оценивают:

1) на основе каких идеалов, норм, культурных образцов и т.д.;

2) к реализации каких из них они стремятся при включении в спортивную деятельность и соответственно к формированию каких качеств и способностей;

3) к какому поведению, стилю (образу) жизни, характеру взаимоотношений с другими людьми вся эта активность приводит.

Главная цель спортивного воспитания студентов в настоящее время – содействовать формированию у них гуманистически ориентированной спортивной культуры, которая адекватна современным требованиям к высшему образованию, к воспитательной работе с молодежью.

Barinov S.U. Formation of Sports Culture As the Priority Problem of Sports Work in a University.

Summary: It's clearly shown in the article, that sport education of students is the most important aspect of all sport activities. Taking into account the rule of humane pedagogics that mental development is the goal and the main object of educational activity, the formation of sport culture should be considered at the very first place. In the article, the author outlines patterns of sport culture and its variations.

Ключевые слова

Спортивная работа, спортивно-гуманистическая культура личности, спортивное воспитание студентов

Keywords

Sports work, sports and humanistic culture of the personality, sports education of students

Примечания

1. Баринов С.Ю. Педагогические основы формирования спортивной культуры личности: монография. М.: Анкил, 2009; Столяров В.И., Баринов С.Ю. Теоретические основы спортивной культуры студентов: монография. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Издательство «Университетская книга», 2011; Столяров В.И., Логинов И.А., Баринов С.Ю. Спартианская технология оздоровления, воспитания и организации досуга студенческой молодежи // Гуманистика соревнования. Вып. 6: Сб. ст. М.: Центр развития спартианской культуры; Гуманитарный Центр "СпАрт" РГУФК, 2003. С. 5–151; Stolyarov V.I. Modernisation of contemporary university sports // FISU Conference 25th Universiade "The role of University sports in education and society – a platform for change" (Belgrade, July 2nd-5th, 2009). Book of Abstracts. – Faculty of sport and physical education University of Belgrade, Serbia, 2009. – P. 62–71.
2. См.: Бондаревская Е.В. Основные подходы к совершенствованию современного воспитания (личностно-ориентированное воспитание) // Стратегия воспитания в образовательной системе России: подходы и проблемы / Под ред. проф. И.А. Зимней. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.: Агентство «Издательский сервис», 2004. С. 131–140.
3. Столяров В.И., Баринов С.Ю. Теоретические основы спортивной культуры студентов: монография. 2-е изд., пер. и дополн. М.: Изд-во «Университетская книга», 2011. 234 с.
4. Спартианские идеалы и ценности сформулированы в разработанном в России в 1990 г. новом спортивно-гуманистическом проекте под названием «SpArt». Это слово, которое придумал автор проекта (проф. В.И. Столяров), расшифровывается как производное от трех английских слов: SpArt = «Spirituality» – духовность, «Sport» – спорт, «Art» – искусство.

Социальное неравенство в повседневном смеховом дискурсе современной России

(анализ анекдотов)

Н.Н. Зарубина

В статье рассматривается повседневный дискурс социального неравенства. Автор показывает, как в юмористической форме осмысливается социальное неравенство и становление новых богатых социальных групп.

Прошло более двадцати лет после начала в России экономических реформ, приведших к резкому социальному расслоению общества. Как свидетельствуют социологи, само по себе разделение на богатых и бедных не вызывает неприятия в современной России, но глубина социально-экономической пропасти, образовавшейся между богатыми и преуспевающими и бедными, оказавшимися на обочине общественной жизни, воспринимается как одна из самых значительных потерь нашего общества за прошедшие два десятилетия¹.

С начала 1990-х гг. в России постепенно сформировался дискурс неравенства, в котором есть разные слои, в том числе и образуемые его повседневным осознанием. К различным формам этого дискурса можно отнести как «серьезные» суждения и оценки, основанные на крайних идеях классового антагонизма и выраженные в предельном неприятии богатых групп, так и смеховые, связанные с повседневным осознанием социального неравенства через высмеивание его крайностей. В контексте повседневного смехового дискурса в начале 1990-х гг. появилось множество анекдотов

о «новых русских», которые в 2000-х гг. постепенно сменились анекдотами о бедных и богатых, об олигархах, о финансово-экономическом кризисе. В особой форме высмеивания сложных социально-экономических трансформаций и вызванных ими к жизни социальных типов и явлений происходит выявление их латентных и парадоксальных сторон и порождаемых ими дисфункциональных, конфликтогенных процессов.

Анализ повседневного смехового дискурса позволяет социологам выявить социально и культурно обусловленные латентные правила и практики. По ним образуются знания и суждения о социальном неравенстве, получающие распространение в обычной жизни большинства россиян, независимо от их социальной принадлежности и культурного уровня. Ведь именно благодаря общепринятым, хотя и неосознаваемым, правилам построения анекдотов они всем кажутся правдоподобными и смешными. И именно потому, что анекдоты представляет собой повседневный смеховой дискурс, образуемый по определенным правилам, они отражают – на уровне обыденного сознания – состояние соци-

Зарубина Наталья Николаевна – д. философ. н., профессор кафедры социологии МГИМО(У) МИД России.

E-mail: vestnik@mgimo.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проекты № 10-06-00424-а и № 12-06-00112-а.

ального неравенства как одной из самых острых проблем общества.

Смеховая культура как составляющая повседневного дискурса социального неравенства

Хорошо известно, что высмеивание какого-либо социального явления говорит о связанной с ним социально-культурной напряженности, о социокультурном дисбалансе, которые в то же время являются подлежащими исправлению². Обычно объект высмеивания представляет собой умеренное зло, частичное нарушение норм, поэтому после исправления вполне может и должен стать нормальным, несмешным социальным субъектом или явлением. Как отметил А.С. Ахиезер, в культуре всегда присутствует диалектика, постепенное превращение смешного в обыденное, а затем и в серьезное³.

Появление нового активного социального актора с его специфическими ценностями, поведенческими стандартами, мотивами и ориентациями, нормами и вкусами неизменно сопровождается столкновением с устоявшимися жизненными мирами традиционных социальных групп. Это вызывает рост напряженности в обществе, снятию которой служит, в числе прочих факторов, смеховая культура. Можно сказать, что человечество не только смеяся, расстается со своим прошлым, но и, смеясь, встречает свое будущее. Таким образом, смех является одним из важнейших средств коррекции и стабилизации общественных отношений, и в этом смысле фактором социокультурной стабилизации. Суть процесса социальной стабилизации через высмеивание состоит в том, что, будучи помещенным в культурный антимир, зло предстает менее страшным.

Анекдот является одним из самых массовых жанров смеховой культуры, представляющим весьма интересный материал для социологического и социально-культурологического исследования. Можно согласиться с Е. Кургановым в том, что анекдот помогает постигнуть глубинные тенденции национального бытия, обнажает то, что скрыто от поверхностного взгляда, воскрешает быт, нравы эпохи, позволяет заново увидеть показательный социальный тип, а через него и эпоху⁴. Анекдот представляет собой сугубо устный, разговорный и ситуативно ориентированный жанр, социальный смысл которого состоит в углублении социального опыта, самосознания и рефлексии культуры, в раскрытии амбивалентной сущности явлений, которые в других формах общественного сознания (например, в идеологии) воспринимаются как однозначные⁵.

Появление и развитие социального расслоения в постсоветской России, а вместе с ним и новой социальной группы – «новых богатых», «новых русских» – сопровождался нарастанием напряженности в обществе. По данным социологов, уже в 1996 г. 91,6% опрошенных считали разницу в доходах граждан России чрезвычайно высокой⁶. И практически сразу с возникновением

имущественного расслоения «новые русские», «новые богатые» оказались помещены в культурный «антимир», то есть появилось большое количество анекдотов, высмеивающих разные черты их социального статуса и облика. «Новый русский» стал одним из основных персонажей «антимира» русской культуры рубежа XX–XXI вв., потеснив такие традиционные персонажи, как Василь Иванович и Петька, Чукча, Вовочка.

Здесь уместно провести историческую параллель и вспомнить, что развитие русского капитализма в середине XIX в., в предшествующие великим реформам десятилетия, сопровождалось ростом внимания общества к купечеству как социально-культурному феномену, и его осмысление проходило в значительной степени также в контексте повседневного смехового дискурса. Не называя своей фамилии автор исследования «Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны», опубликованного в 1865 г., отмечает, что в среде купечества многое «дику, ярко, настолько не укладывается в простое, открытое изложение и требует формулы юмористических иносказаний»⁷.

Характер изображения купечества в комедийной культуре середины XIX в. определялся его выпадением из существующих социокультурных норм при растущих социальных амбициях. Автор «Нашего купечества и торговли с серьезной и карикатурной стороны» пишет: «А загляните в обличительную и необличительную литературу, припомните театральные пьесы с сюжетами, взятыми из купеческого быта, как там часто купец – или отребье общества, или плут, или смешон, и является в таком виде, говорит таким языком, как будто бы он совершенно из другого мира»⁸ (курсив мой. – Н.З.). Определение «из другого мира» здесь очень показательное, потому что именно смеховая культура сосредотачивает внимание на столкновении жизненных миров, фиксирует моменты их несовпадений и противоречий.

Анекдоты о «новых русских» с начала 90-х гг. XX в. представляют собой продукт осмысления тех социокультурных изменений, которые вызваны к жизни особенностями проведения социально-экономических реформ – имущественным расслоением, приватизацией и либерализацией экономики, криминализацией хозяйственной деятельности. В них повседневная смеховая культура отражает зарождение и развитие субкультуры постсоветского нувориша, отвергающего прежние ценности, мораль, нормы поведения и утверждающего на их месте новые принципы социального жизнеустройства, неприемлемые в целом или частично для большинства.

В 2000-х гг. анекдоты о «новых русских» постепенно стали исчезать из повседневного смехового дискурса. Скорее всего, это связано с тем, что их главный объект высмеивания перестал шокировать своей новизной и непохожестью на прежние социальные идеалы. Он превратился в обыденный, почти привычный социальный тип, его специфические формы поведения и социальные роли стали восприниматься как адекватные статусу. Однако

экономическая и социальная пропасть между богатыми и бедными остается по-прежнему пугающей, поэтому она и становится новым объектом осмысления в контексте повседневной смеховой культуры. По сравнению с 1990-ми гг. появляются и новые сюжеты, связанные с особенностями политических контекстов деятельности крупного бизнеса, с социальной политикой государства, а также с последствиями финансово-экономического кризиса 2008 г. для различных социальных групп российского общества.

Анекдоты о «новых русских» 90-х гг. XX в. как форма осмысления социальных и культурных противоречий переходного общества

В 1990-х гг. главным смысловым стержнем анекдотов о «новых русских»⁹ являлось столкновение «нового» и «старого» социокультурных типов (персонифицированных обычно в образах «школьного друга», «инженера», «интеллигента»), конфликт их жизненных миров, норм поведения и ценностей. Повседневная смеховая культура показывает разные грани жизненного мира «нового русского», всякий раз подчеркивая его парадоксальность, выход за традиционные рамки норм взаимоотношений и поведения, приличий, культурного контекста. В «новом русском» прорывается наружу то, что русская и советская культура запрещала, прятала, укрощала, он переворачивает ценностно-нормативный универсум, ставит его с ног на голову и становится смешным из-за парадоксальности и нелепости своего жизненного поведения, имеющего в то же время и собственное внутреннее оправдание. Поэтому в 1990-х гг. «новые русские» стали основными персонажами антикультуры, перевернутого мира извращенных ценностей, подобно дикуватому ребенку Вовочке. Различие состоит в том, что Вовочка разрушает мир официальной школы и пионерской организации, раскрывая его лицемерие и фальшь, сдерживает оболочку внешней пристойности с мира взрослых и открывает его внутреннюю порочность. То есть он выворачивает наизнанку культурную норму устоявшегося общества, пародирует его идеалы¹⁰. Анекдотический «новый русский» не только отрицает идеалы прошлого, но и показывает неприемлемые черты переходного и строящегося в процессе экономических реформ начала 1990-х гг. общества.

Особой темой повседневного смехового дискурса стало распространение рыночных, денежных отношений на те сферы социальной жизни, в которые они в традиционной русской, а позже советской культуре не должны были проникать. В середине XIX в. автор «Нашего купечества и торговли с серьезной и карикатурной стороны» описывал это так: «В купеческом обществе понятия деньги, сила, ум, даже честь и даже совесть почти равнозначны... У такой натуры взгляд на все окружающее его, на все, из чего сложилась его жизнь, прямо вытекает из понятия: честь – деньги, деньги – честь! На семейство, на общество, не го-

воря уже про торговлю, он смотрит с этой точки, из всего он старается выжать деньги...»¹¹.

В начале 90-х гг. XX в. появляется множество анекдотов о способности «нового русского» переводить в денежный эквивалент абсолютно все – любовь, дружбу, родительские и сыновние чувства – все то, что в советский период было в принципе невозможно измерять в деньгах. Если «старая» культура предписывала товарищество, солидарность, взаимопомощь в отношениях между людьми, то «новый русский» относится к окружающим, ближним и дальним, сугубо прагматично, расчет и собственная выгода в нем заглушают все прочие побуждения. В советском культурно-идеологическом универсуме на первом месте стояли ценности патриотические и идейно окрашенного альтруизма, а «новый русский» использует обстоятельства исключительно в своих интересах, демонстративно откровенно от массы людей, растерянностью которых он столь ловко воспользовался. Он явно не мучается угрызениями совести, его непробиваемую самоуверенность не подрывает сочувствие к «униженным и оскорбленным»:

«– Вы понимаете, что это все куплено вами на народные деньги?

– Да что вы, откуда у народа столько денег!»

Анекдот разрушает старательно создаваемый идеологами свободного рынка миф о предпринимательской природе успеха «новых русских». Их профессиональная деятельность лишь по форме соответствует принципам экономики свободного рынка, но анекдоты фиксируют тот факт, что эти принципы настолько сильно искажаются постсоветским нормативным и социальным пространством, что, по сути, не имеют с рыночной экономикой ничего общего:

«– Какие цены на вашу продукцию?

– Договорные.

– Что это значит?

– Мы с ребятами договариваемся, что дешевле продавать не будем».

Источники обогащения незамысловаты и хорошо известны – это, прежде всего, произвольно завышенные цены, нечестные сделки и банальное воровство. Анекдотический мир бизнеса сплошь занят разнообразными махинациями и хитрыми уловками для простаков-клиентов и для своих же коллег и партнеров. Известно, что у «нового русского» в голове «то же, что у женщины под юбкой, – комбинация».

«Новый русский» на своей даче угощает старого друга. Тот спрашивает:

– На какие деньги мы пьем?

– Мост через реку видишь?

– Нет.

– Вот на эти деньги мы и пьем!»

Социологические исследования конца 1990-начала 2000-х гг. подтверждают, что в России того периода мало кто верил, «что самое главное качество для человека, который добился значительного социально-экономического успеха и который, как правило, управляет другими людьми, – его профессионализм и высокая квалификация. И то, что

в общественном мнении сегодня расходятся трудолюбие, профессионализм и квалификация, с одной стороны, и занятие высоких статусных позиций в обществе – с другой, несомненно, один из самых печальных результатов реформ»¹².

Анекдот отражает и тот факт, что постсоветская социальная стратификация, а также и принятые в современной социологии критерии выделения классов и групп общества основываются на уровне доходов и структуре потребления, практически не принимая во внимание уровень образования и профессионализма, реальный вклад в производство, культуру, науку и т.д. Многие категории людей, прежде относившихся к элите или высшим стратам – артисты, ученые, вузовская профессура, офицерский корпус и т.д., – по критериям материального благосостояния, доходов и потребления оказались в низшем классе или вообще за чертой бедности. Это заставляет прежнюю и «новую» элиты испытывать взаимную неприязнь, смешанную с чувством превосходства: первых – «честной бедности» и благородного служения высокому профессиональному призванию над грязными деньгами, вторых – неограниченных материальных возможностей над противоречивым сочетанием образованности, продуктивности, славы и – бедности:

«Банкир на фуршете знакомится с известным артистом и говорит ему:

– А я в театре уже лет десять как не был!

– А я в банке вообще никогда не был! – отвечает знаменитость».

Противопоставление «нового русского» прочим социальным группам, по существу самому обществу и его культуре, в анекдотах часто отображается через ситуации катастроф (особенно автомобильных), неизбежно фатальных для «старого». Смеховая культура отражает нешуточную опасность, которую несет для «старого» мира привычных ценностей бесцеремонное вторжение нового, агрессивного элемента. Распространенный анекдотический контекст – столкновение «мерседеса» с «запорожцем», выступающим в качестве символа прежних представлений о достатке, ставших смешными на фоне возможностей новых хозяев жизни. В ситуации столкновения этих автомобилей отображается моментальный крах материального мира «старого русского» под бешеным напором тех, кто сумел ловко воспользоваться условиями и плодами экономических реформ.

Важнейшей социальной функцией смеха является снятие напряженности и страха, вызываемого каким-либо субъектом или явлением. Механизм снятия детально проанализировал З. Фрейд в работе «Остроумие», показав, что смех позволяет найти форму выражения неприятия и даже агрессии, которая фактически не представляет агрессивного действия, да еще и доставляет удовольствие тем, кто остроумно произносит и слушает. Смех освобождает негативную энергию, которая накапливается вследствие напряжения, возникающего из-за невозможности прямо выразить страх,

недовольство, агрессию: «Остроумие позволяет нам использовать смешное в противнике, что из-за противодействующих препятствий мы не смогли бы высказать вслух или осознать; стало быть, оно обходит ограничения и открывает ставшие недоступными источники удовольствия»¹³.

Нередко снятие напряженности и страха достигается с помощью символического снижения пугающего социального персонажа – помещения его в культурный антимир грязи и разврата, превеличенное оглупление, наделение разнообразными нелепыми свойствами. Поскольку новая экономическая реальность и встреча с «новым русским» реально была чревата опасностью для благополучия, а порой и для здоровья и жизни обыкновенного русского, анекдот призван снять страх и показать «всесильных хозяев жизни» в нарочито убогом виде.

Основой всех социальных притязаний «новых русских» является их экономическое могущество, вытекающее из него влияние и способность творить безнаказанный произвол. Поэтому одной из главных тем анекдотов является богатство, представляемое в сугубо негативной семантике, в одном ряду с глупостью, агрессивным невежеством, нечистоплотностью моральной и физической. В анекдотах о «новых русских» вновь востребуется и актуализируется пласт русской культуры, отрицающий богатство как причину и следствие всех пороков, вводящий «зло» и «злато» в один символический ряд. Представляется, что именно поэтому в смеховой культуре 1990-х гг. «новый русский» часто предстает в роли «дурака», потеснив традиционные в этом амплуа персонажи – Петьку с Василь Ивановичем, «милиционера», «чукчу». Некоторые старые популярные анекдоты с этими персонажами переделывались и рассказывались о «новых русских». Именно глупость «нового русского» не позволяет принять за истину идеологему заслуженности богатства:

«– Когда я начинал свою карьеру, у меня не было ничего, кроме собственного ума!

– Что поделаешь, многие в наше время начинали с нуля!»

При этом глупость «нового русского» предстает не просто как смешной недостаток, а как агрессивное невежество, за которым стоит принципиальная непричастность к культуре: фиксируется перевертывание принятой в России еще до советской власти иерархии ценностей, в которой на первом месте стояли ум, образование, приобщение к культурным ценностям. Если персонажи комедий А. Островского, «новые русские» середины XIX в., ощущали именно культурную неполноценность и изо всех сил старались в меру своего понимания приобщиться к «образованию», чем и вызывали смех, то их социальные собратья конца XX в. относятся к миру культуры с презрительной легкостью и снисходительностью людей, осознающих свое превосходство.

« «Новый русский», спонсор симфонического оркестра, проводит инструктаж перед началом гастролей:

– Летим в Англию, покупаем шерсть. Потом летим в Японию, толкаем шерсть, покупаем аппаратуру, возвращаемся домой, толкаем аппаратуру, имеем бабки. Вопросы есть?

– А инструменты с собой брать?»

В 1990-х гг. многие деятели культуры ожидали появления мецената из среды «новых богатых» – современного Морозова, Третьякова, Мамонтова. Но надежды эти были напрасны: в отличие от купцов XIX в., постсоветские «новые русские» оказались не слишком щедры на благотворительность:

«– Там просят что-нибудь на школьный басейн.

– Ну, дай пару ведер воды!»

Это вполне закономерно, поскольку у «новых русских» нет потребности в такой форме самореализации: общественное сознание, моральные принципы постсоветского общества, утверждающие приоритет выгоды над добром, честью и совестью, не создают стимулов для активной благотворительности и меценатства.

Важнейший компонент культуры, ее базовая символическая система – язык. Анекдоты о «новых русских» показывают его стремительную деградацию. Комедия XIX в., высмеивавшая несоответствие социальных амбиций и плебейских корней купечества, заставляла его говорить нарочито простонародным языком, коверкать и неправильно употреблять иностранные слова. Персонажи анекдотов о «новых русских» 90-х гг. XX в. говорят на утрированно жаргонном, «блатном» языке, употребляют ненормативную лексику, что не только погружает их в грязь культурного антимира, но и прямо показывает криминальные корни новых хозяев жизни.

Язык анекдотов о «новых русских» отражает их генетическое родство с другой интенсивно развивающейся субкультурой постсоветского общества – с криминалитетом. Анекдоты о «новых русских» сближаются с циклом о бандитах, их объединяет не только язык, но и общие персонажи. Криминализация сама по себе является свидетельством деградации и распада культуры, и распространение блатных манер, привычек, лексики за пределы локального жизненного мира, в иные социальные группы говорит о явном неблагополучии общества в целом.

«– Каким образом вам удалось заработать стартовый капитал для вашего бизнеса?

– Для начала мне был нужен хотя бы стартовый пистолет...»

Важнейшая особенность субкультуры «новых русских», которая весьма детально отражена в дискурсе неравенства, это демонстративное потребление. Оно занимает весьма большое место в анекдотах о «новых русских», поскольку в 1990-х гг. составляло видимую основу их идентификации. В их перевернутой ценностной иерархии на первом месте стоят деньги как абсолютное мерило успеха, критерий состоятельности личности. Весь образ жизни «нового русского» подчинен демонстрации материального успеха. Народное сознание отразило на уровне смеховой культуры то, что

Т. Веблен назвал «денежными канонами вкуса» – потребление как можно более дорогих вещей ради самой по себе демонстративной дороговизны, когда обладание вещью должно демонстрироваться окружающим как знак успеха и высокого статуса.

Анекдотические «новые русские» на фуршет ходят для того, чтобы продемонстрировать зубы, а телевизор приобретается весь золотой, чтобы его не смотреть, а показывать. В начале 1990-х гг. существовал набор вещей–маркеров принадлежности к новому классу, которые становятся непременным атрибутом не только реальных, но и анекдотических «новых русских» – 600-й «мерседес», сотовый телефон, малиновый пиджак, золотая цепь, огромный дом. Анекдот гиперболизирует статусное потребление, заставляя своих персонажей приобретать 600-й «мерседес» после 598-го и 599-го, по квартире пускать трамвай, а в рот, полный драгметаллов, ставить сигнализацию.

Определение адекватного места «новых русских» в системе социальной стратификации и примирение с ними «старых» классов общества является важнейшей социальной проблемой, нарастающей по мере развития социального расслоения. Смех выполняет важную социальную функцию, на которую указывают социологи А.В. Дмитриев и В. Разуваев, – формирование групповой идентичности¹⁴. На одном полюсе происходит выделение обособленного объекта высмеивания, формулируются те его признаки и черты, которые становятся объектом насмешек вследствие их неприемлемости для общества. В результате формируется представление о высмеиваемой группе как целостной социокультурной общности, обладающей собственной идентичностью. На другом полюсе те, кто противопоставляет себя высмеиваемому объекту, также формулирует свою идентичность, хотя и в неявной форме, а priori наделяя себя позитивными характеристиками, противоположными осмеиваемым, утверждая, таким образом, свои социокультурные нормы как «правильные» и потому обеспечивающие моральное превосходство, скрытый социокультурный реванш.

Осознание развития групповой идентичности «новых русских» конца XX в. начинается с их отделения от других групп. «Старый» и «новый русский» в анекдотах являются персонажами из разных, несоединимых, миров. По разные стороны социальной границы формируются общности тех, кто смеется, и тех, над кем они смеются. В анекдотах о «новых русских» общество отгораживается с помощью юмора от «невоспитанных нуворишей с криминальным мышлением и полукриминальным поведением»¹⁵.

Идентичность тех, кто смеется над «новыми русскими», основывается на чувстве превосходства над ними. Это достигается как с помощью уже описанных нами приемов снижения пугающего образа нового хозяина жизни, так и прямого утверждения собственного превосходства. Данный тезис кажется парадоксальным – в мире разрушенных, перевернутых ценностей как может быть обо-

снова превосходство бедности над богатством, слабости над силой, скромности над престижем? Но анекдот находит ту категорию безусловных витальных ценностей, в которой «новый русский» очевидным образом проигрывает «старому»: это здоровье, безопасность, спокойная жизнь без угрозы ранней насильственной смерти:

«На том свете встретились «новый русский» и инженер. И «новый русский» начинает хвастаться:

– Да, пожил я... Дом у меня был трехэтажный, и квартира в Париже, и 600-й «мерседес» был, и еще «линкольн», и бабок немеряно...

– А я зато своей смертью умер! – отвечает инженер».

Вообще, в анекдотах у «новых русских» обнаруживается довольно много трудностей, позволяющих «старым» не только осознать свои преимущества перед ними, но даже и пожалеть их:

– «новые русские» в своей профессиональной деятельности постоянно сталкиваются с множеством проблем, незнакомых обычному человеку. Предприниматель должен возвращать кредиты, платить налоги, бороться с конкурентами, защищаться от рэкета;

– «новый русский» постоянно является объектом эксплуатации и вымогательства со стороны криминала, государства, и даже собственной семьи. Он работает «на одну фирму и трех баб», обрастает прожорливой родней, вынужден удовлетворять капризы бездельницы-жены и балбесов-детей:

«– Кто такой финансовый гений?

– Тот, кто может заработать больше, чем тратит его семья!»;

– образ жизни «нового русского» настолько иррационален с точки зрения нормального человека, что он порой просто лишен возможности наслаждаться доступными благами. Если обычный человек способен радоваться любой мелочи – наслаждается ездой на малолитражке, скромными лакомствами, удачной покупкой, то «новому русскому» неограниченные возможности, роскошные машины, престижные вещи и деликатесы уже не доставляют удовольствия: «финансовый воротила – это тот, кого от денег воротит».

В анекдотах 1990-х гг. у «старого русского» есть достаточно много причин чувствовать свое превосходство над «новым» и даже жалеть его. Это не только способствует формированию идентичности и социокультурному позиционированию разных социальных групп, но и снимает возникшую в постсоветском обществе напряженность, ведь тот, кто достоин жалости, уже не может быть страшен и опасен. Даже если он и представляет собой социальное зло и угрозу, то смех не дает ощущать ее фатальной, позволяет над ней подняться, а значит, найти собственные ресурсы для преодоления угрозы. Можно согласиться с исследователями, утверждающими, что анекдот канализирует социальные эмоции, дает им выход в направлении ненасильственного решения назревших проблем и конфликтов¹⁶.

В то же время смеховая повседневная культура в 1990-х гг. формировала смыслы, прямо противоположные тем, что утверждал официальный либеральный дискурс, приписывавший богатым не только инициативу, энергию и деловую хватку, но и всевозможные моральные добродетели. Несмотря на то что экономические и политические капиталы активно присваивались «новыми русскими», смеховая культура перераспределяла символический капитал от богатых к бедным. То, что «новый русский» практически сразу после своего появления превратился в объект высмеивания, позволило обществу осмыслить новое явление в духе поиска путей взаимной адаптации противоречивых жизненных миров¹⁷.

Социальная стратификация современной России в повседневной смеховой культуре 2000-х гг.

Культурные реалии, ценности и нормы, которые шокировали общество в начале 1990-х, спустя десять лет стали почти привычными и воспринимаются скорее как норма для определенных социальных групп, чем как аномалия, а значит, уже не нуждаются в нарочитом помещении в анекдотический антимир. В начальные годы XXI в. анекдоты о «новых русских» меняются. Во-первых, они встречаются все реже, а к концу первого десятилетия практически исчезают. Из повседневного дискурса неравенства постепенно уходит само понятие «новый русский», заменяясь другими персонажами, обозначающими богатых людей в их разных социальных ролях – от крупного бизнеса до потребительских практик.

Во-вторых, меняются их содержание и смысл: все реже встречаются анекдоты о сверхпотреблении богатых и нарушениях сложившихся социальных норм, что составляло, как мы помним, основной предмет повседневного смехового дискурса неравенства в 1990-х гг. В 2000-х гг. преобладающие в обществе нормы трансформировались, и то, что раньше шокировало, стало если не социально одобряемым, то привычным и повседневным. Сформировался дискурс демонстрации богатства со своими правилами и практиками, системой маркеров социального статуса. Одним из маркеров, активно и практически повсеместно используемых богатыми социальными группами, является демонстративная вседозволенность как постоянное желание «проверить на прочность» существующие социальные нормы, подчеркнуть свою исключительность с помощью заведомо запрещенных поступков по принципу «всем нельзя, а мне можно».

Ю.М. Лотман называл подобные маркеры «ритуальными пороками». «То, что в бытовой перспективе может рассматриваться как порок, в семиотической делается знаком социального ритуала... ритуализированные пороки воспринимались как знаки посвящения»¹⁸, – писал ученый. Именно этими особенностями демонстрации богатства и связанного с ним социального превосходства он объяснял поведение купцов-самодуров

XIX века¹⁹. Аналогичную природу имеют и экстравагантные выходы современных нуворишей, начиная от демонстративного пренебрежения правилами дорожного движения владельцами дорогих автомобилей.

Характерно, что экстравагантные и эпатажирующие выходы наших преуспевающих соотечественников вызывают однозначное осуждение за рубежом и наносят России немалый репутационный ущерб, поскольку западный обыватель воспринимает их в сопоставлении с уже устоявшейся традицией своих «старых» богатых, которые не бросают открытый вызов обществу для того, чтобы выставить напоказ особый статус. Однако у нас в стране подобные эскапады встречают не только и не столько осуждающим высмеиванием, сколько снисходительными насмешками (как известный эпизод в Куршавеле), свидетельствующими о, может быть, подсознательном понимании их ритуального характера, желания продемонстрировать принадлежность к касте, которой «все можно». Нарушения моральных норм и правил поведения богатыми группами перестало быть пугающим и даже перестало особо выделяться на фоне общего роста девиантного поведения, поэтому и стало исчезать из повседневного смехового дискурса как его особая тема.

В-третьих, тема столкновения «старого» и «нового» русского утрачивает злободневность. Теперь одним из наиболее распространенных сюжетов повседневного дискурса неравенства становятся взаимоотношения между государством и гражданами, олицетворяемыми представителями разных социальных групп – от олигархов до бомжей. Характерно, что в анекдотах 1990-х гг. тема взаимодействия «новых русских» с государством практически отсутствует или присутствует минимально, причем государство представлено институтами (налоговая инспекция, милиция), а не конкретными лицами.

Как отмечают социологи, в середине 1990-х гг. процесс разделения общества на богатых и бедных еще не был завершен, хотя уже наметился²⁰. Это выражалось в том, что еще существовали многочисленные сферы жизни, где богатые и бедные вынуждены были встречаться и взаимодействовать. Однако их размежевание шло весьма быстро благодаря особенностям образа жизни, специфики интересов богатых, имеющих мало общего с заботами обычных людей. Социально-экономическое расслоение находило быстрое выражение и закрепление в «фейс-контроле» дорогих клубов, четырехметровых глухих заборах загородных особняков, переносающих на физическое пространство символику непреодолимых социальных границ. По данным социологов, уже в начале 2000-х гг. более половины опрошенных исключали даже частичное взаимопонимание между бедными и богатыми²¹. А во второй половине нулевого десятилетия XXI в., на которую приходился период относительного благополучия, противоречие между богатыми и бедными продолжало восприниматься в обществе как самое острое из всех социальных противоречий²².

Это размежевание социальных групп на уровне повседневного дискурса неравенства нашло выражение в неприятии обществом самых богатых – олигархов, олицетворяющих соединение максимального богатства и претензий на власть. Об отношении к олигархам в обществе свидетельствует реакция на «дело Ходорковского», выявившая отсутствие сочувствия к их проблемам. По данным ВЦИОМ, в июне 2005 года 32% опрошенных ответили, что приговор М. Ходорковскому и П. Лебеву соответствует содеянному, 28% – что он слишком мягкий (!), 7% – что руководители ЮКОСА виновны, но приговор слишком суров, и лишь 4% заявили, что Ходорковского и Лебедева вообще не за что судить²³.

А сложившийся вокруг этой темы смеховой фольклор (конфету «Мишка на севере» окрестили «черной меткой олигарху») свидетельствует, на наш взгляд, не только о высокой степени безразличия основной массы населения к судьбе крупного бизнесмена. Но еще и о том, что в столкновении крупного бизнеса с государством население занимает позиции отстраненного наблюдателя, не спешащего принимать ту или иную сторону. Если в анекдотах о «новых русских» объектом вытеснения был страх «обычного» русского перед всевластием денег, внезапно распространившимся на все сферы жизни, то в анекдотах об олигархах 2000-х гг. возникает практически противоположный сюжет. Обозначается сила, против которой бессильны даже очень большие деньги, и эта сила вызывает тем больший страх, что в исторической памяти еще свежи образы авторитаризма и репрессий.

«– Слышал, олигарх предлагает увеличить рабочий день?

– Любопытно будет услышать его мнение по этому поводу, когда он окажется на лесоповале...»

Однако и личности самих олигархов в отражении смеховой культуры оказываются малопривлекательными и не вызывающими сочувствия. Характерно, что получают распространение анекдоты об олигархах, которые родились очень давно и первоначально относились к известным своей хитростью и беспринципностью политикам. Так, старинный анекдот о Талейране, который затем рассказывали о В. Молотове, в начале 2000-х гг. стали рассказывать о Березовском:

«– Идет дождь, возьмите зонт.

– Ничего, я между струйками, между струйками!»

В то же время социологические исследования показывают, что и в современной России нет принципиально негативного отношения к богатству и богатым людям, к ним относятся не хуже и не лучше, чем к другим социальным группам²⁴.

Негативную реакцию большинства граждан России вызывает не само по себе наличие богатых и очень богатых людей, а чрезмерно большой разрыв между бедными и богатыми. Поэтому одной из самых важных тем повседневного

дискурса неравенства становится социальная политика государства. Анекдоты о богатых и бедных 2000-х гг. отражают и позицию власти как стороннего наблюдателя за растущим расколом российского общества: «Кандидат в депутаты – человек, собирающий деньги у богатых и голоса у бедных, чтобы защитить их друг от друга».

При этом социологи свидетельствуют о том, что современное российское общество в целом далеко от идеи «все поделить». Наибольшую долю сторонников получает такая модель взаимоотношений государства и населения, когда государство обеспечивает лишь необходимый минимум, а всего остального граждане добиваются сами²⁵. Большинство опрошенных – в настоящее время это 60%, а среди молодежи до 30 лет 67–68% – отдает предпочтение равенству возможностей, считая это более справедливым, чем механическое нивелирование условий жизни²⁶.

Но чтобы люди, которые хотят чего-то добиться, могли это сделать, необходимо, чтобы в обществе работали социальные лифты. Однако большинство граждан ощущает их отсутствие, ставшее важнейшей проблемой, которая тревожит общество в последнее время. Социологические опросы показывают, что «сегодня, как и десять лет назад, для большинства россиян существуют значимые ограничения и препятствия, не позволяющие им в полной мере реализовать свой потенциал и возможности в жизненно важных областях и сферах деятельности»²⁷.

Сочиняемые на эту тему анекдоты отражают недоверие власти, ее попыткам что-либо серьезно изменить в данной сфере: «Стратегическая задача власти – не позволять богатым стать бедными и помогать бедным не стать богатыми». Особую остроту проблеме социального расслоения придавал глобальный финансово-экономический кризис 2008 г. Следует учитывать, что Россию кризис затронул несколько позже, чем экономически развитые страны Запада. Поэтому сначала в Интернете и среди социальных групп, связанных с глобальной и международной экономической деятельностью, – городских «средних классов», стали распространяться анекдоты о кризисе, явно переведенные и «адаптированные» к нашим условиям: «Кредитный кризис помог мне снова встать на ноги: банк отобрал мою машину за невыплаты по кредиту».

А когда трудности стали проявляться и в российской экономике, и ученые, аналитики, СМИ заговорили о том, что Россия «хорошо подготовлена» к кризису благодаря предусмотрительности властей и созданной ими заблаговременно «финансовой подушке», появились анекдоты, отражающие отношение населения к ситуации. Прежде всего, повседневный дискурс неравенства поставил под сомнение уверения экспертов и политиков, будто кризис нанес наиболее значимый ущерб самым богатым:

«– Правда, что кризис коснется богатых?

– Правда: богатых он коснется, а по нам удари!»

А сам тезис о потерях богатых от кризиса становится объектом высмеивания во вновь появившихся анекдотах о сверхпотреблении. Ставшим «жертвами» кризиса богатым приходится прибегать к «жесткой экономии»:

– «приказать фуд-стилисту выполнять обязанности фуд-байера»;

– отказаться от «личного грумера» (грумер – парикмахер животных. – Н.З.);

– «совсем расстаться с инструктором по кёрлингу».

Обилие иностранных слов, за которыми стоят понятия, которые ничего не значат для массовой российской аудитории, в данном контексте указывает на абсолютную чуждость глобализированных богатых и сверхбогатых групп российскому образу жизни, да и российскому обществу. Анекдот на уровне повседневного дискурса неравенства отражает важнейшую социальную функцию демонстративного потребления, состоящую в символическом закреплении социальной стратификации, обеспечении дифференциации общества. А латентным последствием этой функции является обособление и самоизоляция богатых социальных групп, их противопоставление не только бедным, но и представителям среднего класса. Усложнение общества проявляется в формировании замкнутых групп, вовлеченных в процессы глобализации, к которым относятся богатые, и, напротив, исключенных из них, лишенных перспектив саморазвития бедных²⁸.

Причем в условиях усложнения социума при формальном равенстве его членов востребуются все более сложные маркеры и системы кодов для символической репрезентации неравенства. Главной проблемой России сегодня остается отсутствие общих ценностей и идей, которые могли бы объединить различные социальные группы на новой ступени развития общества. В то же время особенно значимым представляется то обстоятельство, что повседневный дискурс неравенства в российском обществе, выраженный в анекдотах и юмористических высказываниях, не содержит ни тем, ни выразительных средств, которые бы отражали агрессию, стремление к насилию как форме противостояния богатых и бедных.

Zarubina N.N. Social Inequality in Every Day Laughing Discourse of Modern Russia. (Analysis of Jokes.)

Summary: This article deals with the everyday discourse of the social inequality. The author analyses the ways in which humor is used to interpret the social inequalities and the emergence of new privileged strata.

Ключевые слова

Социальное неравенство, повседневный смеховой дискурс

Keywords

Social inequality, everyday discourse of laughter

Примечания

1. Двадцать лет реформ глазами россиян. Аналитический доклад. М.: И-т социологии РАН, Представительство Фонда им. Ф. Эберта в РФ, 2011. С. 26.
2. См.: Карасев В.Л. Смех и зло // Человек. 1992. № 3.
3. См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 3. М., 1991. Гл. "Смех - серьезность".
4. См.: Курганов Е. Анекдот как жанр. СПб., 1997, гл. VI.
5. Ахиезер А.С. Россия: критика... С. 12.
6. Денисовский Г.М., Козырева П.М. Политическая толерантность в реформируемом российском обществе второй половины 90-х годов. М., 2002. С. 58.
7. Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. М., 1865, Т. 1, С. 2.
8. Там же. С. 5.
9. В статье использованы анекдоты и шутки из коллекции автора.
10. См.: Белоусов А. «Вовочка» // Антимир русской культуры. М., 1996. С. 165–186.
11. См.: Там же. С. 45, 52.
12. Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998–2004). Аналитический доклад. М.: АИРО-XX, 2005. С. 66.
13. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. СПб.: Азбука-классика, 2005. С. 120.
14. См.: Дмитриев А.В. Социология юмора. М., 1996; Разуваев В. Политический смех // Свободная мысль. 2000. № 8.
15. См.: Разуваев В. Политический смех ...
16. См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 3. М., 1991. Глава «Анекдот»; Разуваев В. Политический смех ...
17. См.: Зарубина Н.Н. Смеховая культура как фактор толерантности к новым социальным группам в российском обществе // Общественные науки и современность. 2006. № 5.
18. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. С. 174–175.
19. Там же. С. 129.
20. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Богатство и бедность в представлениях россиян // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 22.
21. Козырева П.М. Процессы адаптации и эволюции социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2004. С. 229.
22. См.: Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России. / Под общ. ред. М.К. Горшкова. М.: ИИК «Российская газета», 2007. С.12, 248, 262.
23. <http://www.wciom.ru/?pt=46&article=1416>
24. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Богатство и бедность в представлениях россиян... С. 17.
25. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Готово ли российское общество к модернизации? Аналитический доклад. М.: И-т социологии РАН, Представительство Фонда им. Ф. Эберта в РФ, 2010. С. 30.
26. Двадцать лет реформ глазами россиян... С. 149.
27. Там же. С. 34.
28. Кравченко С.А. Социальные реалии и социология: подходы // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 9. М.: Новый хронограф, 2010. С. 31.

Сравнительный анализ современных социологических подходов к кризисам окружающей среды

Е.А. Грызунова

В статье представлены социологические подходы к анализу кризисов окружающей среды, вызванных природными, биологическими и техногенными факторами. Данные кризисы объединяют такие черты, как увеличивающаяся гибридность социальных и физических реалий.

Современная эпоха характеризуется усложнением кризисных явлений различного характера. Под кризисом понимается «серьезная угроза основным структурам или фундаментальным ценностям и нормам социальной системы, требующая принятия принципиальных решений в условиях дефицита времени и информации»¹. Как социальное явление кризисы обладают рядом амбивалентных свойств:

- созидательно-разрушительными;
- континуально-дискретными² (переломные моменты в развитии систем и многоэтапные управляемые процессы);
- объективно-субъективными (объективное нарушение системы и субъективное осознание ситуации как кризисной).

Кризис несет в себе серьезный разрушительный потенциал. Он может представлять собой вызов ценностям и нормам социальных групп, а также угрозу подрыва легитимности власти, нарушения функциональности социальной структуры общества и государства. С другой стороны, кризисы представляют собой стимул для перехода к качественно иному социальному

порядку и «могут подтолкнуть общественное и политическое развитие»³. Опираясь на концепцию П.А. Сорокина, С.А. Кравченко отмечает, что «кризисы, особенно кризисы мирового масштаба, способствуют повышению динамичности мышления, приращению инновационного знания»⁴.

В классическом значении само слово «кризис» переводится с греческого как «перелом», «поворотный пункт», то есть подразумевает некий момент разлома, точку бифуркации. Однако современные концепции кризиса, рассматривающие его через призму постулата И. Пригожина об «управляемом хаосе»⁵, как правило, понимают под ним относительно регулируемый процесс, на который можно влиять, выделяя при этом определенные этапы и задачи.

Изучение объективных проявлений и последствий кризиса возможно в рамках структурного функционализма. Его степень определяется в соответствии с изменениями функционирования социальной структуры и характером социальных дисфункций. Кризисное управление включает в себя действия, направленные на

восстановление прежнего функционирования или его перевод на качественно новый уровень.

Субъективные кризисные последствия исследуются с позиций символического интеракционизма, феноменологии и социологии знания. Механизм управления субъективным восприятием кризисов включает в себя кризисные коммуникации. Основным методом, на наш взгляд, может являться контент-анализ информационного пространства (СМИ и Интернета). Для получения дифференцированных результатов социолог Б. Лучини предлагает метод нарративного анализа интервью с представителями разных социальных групп, подвергшихся кризисным последствиям⁶.

Также существует концепция оппортунистических социальных последствий кризисов. Кризисный оппортунизм, обозначаемый как «капитализм катастроф»⁷, «бизнес страха»⁸ и «созидательное разрушение»⁹, предполагает, что отдельные социальные акторы используют предоставленные кризисами возможности инновационных изменений в своих интересах в ущерб интересам других людей. Их последствия существенно меняют социальный «ландшафт».

Кризисные явления отличаются по многим параметрам, в зависимости от которых они требуют индивидуального подхода к их анализу. В данной статье рассмотрены кризисы окружающей среды, вызванные чрезвычайными ситуациями (ЧС) различного характера. Эксперт по кризисам О. Лербингер выделяет три подвида данной кризисной формации: естественные (природные), биологические и техногенные¹⁰.

В российском законодательстве под ЧС понимается «обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей»¹¹. Основное свойство ЧС – локальность, ограничивающаяся определенной географической территорией, зоной. Кризисы же, как отмечает социолог Р. Сталлингс, всегда являются свойством социальной единицы¹². ЧС характеризуются физическим ущербом, который, хотя его и можно минимизировать, всегда будет иметь дисфункциональные последствия. Кризис и ЧС могут развиваться взаимосвязано и параллельно, характеризуя различные аспекты одной и той же ситуации. Четкое разграничение кризисов и ЧС в рамках социологического анализа помогает комплексно изучать явление с различных сторон.

Рассмотрим пример урагана Катрина 2005 г. в США, который можно исследовать с различных сторон и как ЧС, и как кризис. В первом случае мы анализируем поведенческие реакции населения и организационные действия, такие, как эвакуация, помощь пострадавшим и т.д., на локальном уровне. Кризис же, спровоцированный ураганом Катрина, не ограничен зоной действия катастрофы

и включает в себя множество проявлений на общегосударственном и межгосударственном уровне, таких, как:

- критика Президента США Дж. Буша;

- недовольство социальным и расовым расстройством в США, наглядно продемонстрированным последствиями урагана (жертвами стали преимущественно темнокожие граждане с низким достатком, которые не могли позволить себе жилье в более безопасном районе и испытывали трудности с эвакуацией);

- новый виток международной критики США за отказ от ратификации Киотского протокола, в то время как выброс парниковых газов приводит к усугублению природных катастроф¹³.

Кризисы окружающей среды, как правило, относятся к консенсусному типу кризисов, который отличается от конфликтных по таким показателям, как поведенческая, организационная реакция и освещение в СМИ¹⁴, поэтому требуют особых управленческих решений. В случае консенсусных кризисов у людей проявляется тенденция к взаимопомощи и заботе о близких. В этих случаях уровень преступности и насилия понижается, соответственно управленческие решения могут быть направлены на мотивацию и организацию работы волонтеров. Консенсусные кризисы часто несут в себе фактор функциональной консолидации общества, что может быть использовано государственными органами.

Однако социолог Р. Сталлингс полагает, что все кризисы, независимо от причины, по своей сути, включают в себя конфликтную составляющую¹⁵. Французский социолог Ж. Фройнд высказывал более умеренную точку зрения, определяя любой кризис как «полемогенное» (эпитет, образованный от слова «полемика») социальное явление. Кризис, по его мнению, включает в себя общественную полемику, однако может развиваться, так и не перерастая в конфликт. Обычно конфликтные проявления кризисов проявляются в политической сфере. «Как правило, конфликт, по сути, не охватывает весь кризис, он интегрируется только в некоторые аспекты и игнорирует другие. Кризис становится конфликтным не полностью, а частично»¹⁶. В конфликтной борьбе используются наиболее острые моменты, которые позволяют одержать верх над политическим противником.

На наш взгляд, кризисы окружающей среды имеют значительный консенсусный потенциал, однако в обществе они накладываются на существующие проблемы, конфликты и кризисы политического, экономического и социокультурного характера. Поэтому отдельные социальные группы могут использовать их для провокации конфликтов. Для попыток искусственного перевода консенсусных кризисов в конфликтное поле выдвигаются теории о злонамеренном умысле (после урагана Катрина – слухи о преднамеренном разрушении плотин, чтобы уничтожить районы чернокожих в Новом Орлеане¹⁷; после наводнения на Кубани в 2012 г. в России – о спуске воды на город Крымск).

Естественные (природные) кризисы, причиной которых являются ЧС природного характера, исследуются в социологии через призму концепта «уязвимость». В структурном функционализме под уязвимостью понимаются «характеристики индивидуума или группы и их положения, которые влияют на их возможность предвидения, преодоления, противодействия и восстановления относительно воздействия опасных природных явлений»¹⁸.

Социологи Д. Брансма и С. Пику отмечают в этой связи, что «парадигма уязвимости относительно опасных природных явлений также включает в себя проблемы социоструктурного неравенства, рассматривая классовую, расовую и этническую принадлежность, гендерные характеристики и уровень бедности в качестве центральных концепций для понимания и предвидения последствий бедствий и вытекающих из данных характеристик различий в характере коллективного восстановления»¹⁹.

Для анализа кризиса через призму уязвимости было разработано несколько моделей:

– первоначальная модель Риск-Опасность (модель РО) основывалась на следующей логической цепочке: (1) опасное природное явление – (2) попадание в зону воздействия – (3) степень чувствительности к воздействию – (4) последствия воздействия. Под уязвимостью в модели РО понималась сумма пунктов (2), (3), (4). Однако вскоре данная модель продемонстрировала свою несостоятельность, поскольку в ней не учитывались такие важнейшие показатели, как:

а) механизмы увеличения или уменьшения воздействия опасности на систему;

б) отличительные качества подсистем и их компонентов, которые привели к значительным вариациям в последствиях опасных природных явлений;

в) роль социальных структур и институтов²⁰;
– для устранения этих недостатков в 1990-х гг. была разработана модель социальной уязвимости, которая получила название модель Давления и Пуска (модель ДИП). В соответствии с этой моделью уязвимость рассматривается как процесс, в основе своей имеющий структурные социальные причины. Глубинными социальными причинами являются политические и экономические системы, а также ограниченный доступ к власти, структурам и ресурсам. Затем на эти причины накладывается динамическое давление: недостаточность подготовительных обучающих мероприятий, нехватка инвестиций в местную инфраструктуру, ограничения свободы СМИ, рост населения, урбанизация, уничтожение лесов и т.д. Завершают процесс формирования уязвимости неблагоприятные условия в: окружающей среде, экономической ситуации на местном уровне, социальных отношениях, государственной политике. В случае воздействия опасных природных явлений на уязвимую социальную группу уровень рисков природного бедствия повышается в зависимости от степени уязвимости и масштаба катаклизма²¹;

– современные модели уязвимости представляют собой гораздо более сложные структуры. Основываясь на математическом анализе, они анализируют не только внутренние, но и внешние факторы системы (как экологические, так и социальные), а также сложные взаимосвязи внутренних элементов системы и ее динамические процессы. На основе таких моделей можно производить анализ элементов как уязвимости, так и устойчивости системы и разрабатывать конкретные социально-управленческие рекомендации по противодействию природным бедствиям на государственном уровне с дифференциальной шкалой уязвимости для отдельных регионов и социальных групп²².

В качестве основного источника уязвимости перед лицом природных бедствий американский социолог Ч. Перроу называет проблему концентрации населения в опасных зонах по причине его роста и увеличение объемов промышленного производства в этих регионах в связи с добычей нефти и газа, рыбными промыслами и благоприятными условиями для земледелия. При этом определенная часть населения с более низким доходом живет в домах, не соответствующих необходимым стандартам для опасных территорий, не имеют возможности самостоятельно эвакуироваться в случае бедствия и часто не обладают информацией о рисках, которую должны предоставлять продающие недвижимость компании и работодатели. По мнению ученого, в данной ситуации роль государства – ужесточить законодательные требования к строительству домов и размещению производства на указанных территориях, чему оказывают сопротивление лоббистские группы²³.

Ч. Перроу отмечает, что его рекомендации носят общий характер, поскольку полную информацию об уязвимостях можно получить только на основе эмпирических данных путем масштабного мониторинга. Он предлагает создать в США для этих целей Министерство оценки национальной уязвимости, которое привлечло бы независимых экспертов в различных областях для исследования уязвимостей и разработки конкретных предложений для Конгресса²⁴.

По мнению У. Бека, социальная уязвимость в современном обществе «не может быть четко ограничена ни в пространстве, ни во времени, но является методологически встроенной в космополитический взгляд»²⁵. Социолог рассматривает социальную уязвимость в контексте «глобального неравенства»²⁶.

Современные социологические исследования рассматривают идентификацию «уязвимостей как способ усовершенствовать гибкую устойчивость сообщества»²⁷. Социолог Дж. Урри отмечает, что «проблемы гибкой устойчивости, уязвимости и бедствий будут актуальным предметом обсуждения социальной науки XXI века»²⁸.

Концепт гибкой устойчивости социологи определяют как «доступ к ресурсам, необходимым для эффективного предотвращения или преодоления кризисной ситуации»²⁹. Данный концепт

впервые был сформулирован в конце 1980-х гг. известным американским политологом и специалистом по управлению рисками А. Вилдавски³⁰. Ученый противопоставляет две стратегии обеспечения безопасности: предвидение и гибкую устойчивость. Он доказывает, что стратегия предвидения требует огромного количества ресурсов и не всегда оправдывает себя, поскольку невозможно предсказать и предотвратить все возможные сценарии кризисов, и в случае непредвиденного события система оказывается бессильна. Стратегия гибкой устойчивости предполагает, что кризисные явления неизбежны. Поэтому система должна обладать высоким уровнем развития (необходимыми материальными ресурсами, развитой системой коммуникаций, а главное – знаниями), чтобы выработать эффективное решение проблемы.

Гибкая устойчивая социальная система, преодолевая кризис, «обучается», совершенствуется и в результате возвращается в прежнее состояние или переходит на новую ступень развития. В начале XXI в. была сформулирована концепция «конструирования гибкой устойчивости»³¹. Данная парадигма исходит из принципа увеличивающейся сложности общественного развития и постоянной изменчивости рисков, в связи с чем социальная система должна обладать гибкостью, чтобы предвидеть и предотвращать возможные риски и кризисы.

Однако если кризис все же происходит, то он не рассматривается как нарушение нормального состояния системы и не сигнализирует о структурно-функциональных нарушениях, а лишь указывает на необходимые меры дальнейшей адаптации системы к изменившимся условиям. Концепция гибкой устойчивости, таким образом, может быть логически увязана: а) с теорией глобальной сложности Дж. Урри, которая рассматривает «системы, всегда сочетающие в себе успех и провал на грани хаоса»³²; б) с тезисом У. Бека о том, что современные риски, как результат комплексных процессов, не поддаются калькуляции и содержат большой элемент неопределенности³³. Концепция гибкой устойчивости территории может применяться на различных уровнях: к местным сообществам, городам и государствам³⁴.

Через понимание сущности уязвимости и гибкой устойчивости как социальных конструкций мы можем сформулировать определение кризиса естественного (природного) характера. Таким образом, естественный (природный) кризис – это кризис, вызванный ЧС природного характера, который выявляет объективные социальные проблемы, ставшие причиной уязвимости общества или отдельных социальных групп перед лицом бедствия. В результате кризиса эти проблемы становятся частью коллективного осознания, которое усугубляется субъективным ощущением катастрофичности, что соответственно порождает новое знание и кризисный дискурс. Коллективное преодоление уязвимостей и действия, направленные на конструирование гибкой устойчивости, со стороны государства и общества создают обще-

ственный консенсус, генерируя потенциал для развития и обновления.

Биологические кризисы – кризисы, вызванные объективным распространением вирусных заболеваний у людей и животных, которое приобрело значительный трансграничный размах в связи с глобализацией, а также спровоцированные искусственным нагнетанием массовой паники вокруг биологических вирусов в массмедиа посредством «инсценирования»³⁵. Это в обоих случаях может нести экономические и другие социальные последствия.

Как отмечает социолог Дж. Урри, современные вирусные заболевания «мобильны, изменчивы и, можно сказать, космополитичны. <...> Такая медицинская версия «апокалипсиса сегодня» возникла из-за новых принципов мирового туризма и торговли, понижения эффективности антибиотиков, которые сталкиваются с ростом «сопротивления» и развития новых мощных культур риска вне границ и, главным образом, в рамках «медицины» как таковой»³⁶.

Этот ученый выделяет три блока причин, которые мы можем обозначить как факторы усугубления биологических кризисов: социальные объективные (глобализация и мобильность), социальные субъективные (культурные факторы) и собственно биологические. Социолог Дж. Ван Лун выдвигает два принципиальных объяснения увеличения количества биологических кризисов – субъективное и объективное. Субъективное видение предполагает, что «нет роста эмерджентной патогенной вирулентности, есть увеличение информированности и осведомленности»³⁷, что связано с гонкой за получением финансирования медицинских разработок. В качестве возможных объективных причин социолог перечисляет ухудшение экологии, смещение социальных норм поведения (например, в сексуальных отношениях), мутация вирусов за счет адаптации к антибиотикам, корпоративная безответственность производителей продуктов питания и военные разработки в области микробиологии.

На наш взгляд, обе точки зрения верны, но в каждом конкретном случае биологический кризис включает в себя объективный и субъективный фактор в различных пропорциях. Рассмотрим два подвида кризисов биологического характера: с доминирующей объективной составляющей (на примере атипичной пневмонии) и субъективной составляющей (на примере «птичьего» и «свиного» гриппа).

Атипичная пневмония (тяжелый острый респираторный синдром, ТОРС) – вирусное заболевание, очаг которого был зафиксирован в Китае. Можно выделить несколько составляющих кризиса. Для Китая это был «кризис надежности и доверия»³⁸, связанный с первоначальной попыткой сокрытия информации. По мнению У. Бека, «подобная политика замалчивания полностью контрпродуктивна в случае, когда риски имеют сетевую природу, а локализацию угроз невозможно ограничить»³⁹. Позднее правительство обследо-

вало правдивые данные и пошло на сотрудничество со Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) и другими международными структурами. Это было сделано в связи с осознанием масштабов возможных транссистемных последствий кризиса. Так, «премьер министр Китая Вен Джибао предупредил, что ТОРС может нанести удар по китайской экономике, международному имиджу и социальной стабильности»⁴⁰.

Кризис мог иметь негативные последствия для системы международных отношений и положения Китая в мире, а в случае усугубления ситуации был способен трансформироваться в кризис легитимности власти. На этом этапе действия Китая, которые соединили открытое сотрудничество с жесткими мерами и использованием всех возможных ресурсов, включая военные структуры, оцениваются экспертами в целом положительно⁴¹. По мнению О. Лербингера, ТОРС также представлял собой кризис легитимности для ВОЗ в тот период, когда Китай отказывался предоставлять информацию и замалчивал факты. Несмотря на недостаток сведений, ВОЗ пошла на серьезный риск, распространив предупреждение о глобальной опасности нового заболевания. Однако уверенные действия ВОЗ благоприятно сказались на международной репутации организации.

На глобальном транссистемном уровне кризис ТОРС затрагивал международную экономическую систему, представляя угрозу международному бизнесу и туризму. Однако в целом этой опасности удалось избежать. Для международной политической системы, напротив, это был важный урок международного сотрудничества, где в противостоянии кризису ТОРС «политические пространства, которые ранее были отделены друг от друга, трансформировались в пересекающиеся транснациональные зоны управления»⁴². Таким образом, для международной политической системы кризис ТОРС имел в целом конструктивное значение.

Биологические кризисы, как и естественные, вызываюся явлениями природного характера, однако их принципиальное отличие заключается в том, что источник опасности невидим невооруженным глазом простого обывателя и может преодолевать любые расстояния. Эта особенность создает существенное пространство для спекуляций и субъективных страхов. Субъективная составляющая биологических кризисов формируется за счет современной «апокалиптической культуры»⁴³, как научно-технологической, так и массовой (массмедиа, кинематограф и литература), значительное место в которой, как отмечает социолог Дж. Ван Лун, занимает изображение вирусов и эпидемий. По мнению ученого, вирусы являются прибыльным рынком⁴⁴, причем как для самих производителей виртуальных «страшилок», так и для многочисленных организаций в сфере здравоохранения. Ситуацию, в которой организации, призванные бороться с биологическими кризисами, одновременно являются материально заинтересованными в их распро-

странении, Дж. Ван Лун характеризует как «кризис кризисного управления»⁴⁵.

«Истерия» по поводу распространения вирусных заболеваний может охватывать как национальные правительства, заставляя их принимать меры, часто наносящие экономический ущерб, так и население. В периоды биологических кризисов возникает социальная группа «изображающих жертву». Находясь вне опасности, они могут под влиянием навязчивых медиасообщений требовать обследования и госпитализации, а также обвинять власть и организации здравоохранения в сокрытии информации. Их поведение может наносить как материальный, так и символический ущерб.

Проанализируем пример «птичьего» (2003–2005 гг.) и «свиного» гриппа (2009 г.) как кризисов, в которых искусственно нагнетаемое субъективное восприятие превалировало над объективной угрозой. Согласно статистическим данным, от «сезонного» гриппа ежегодно во всем мире по самым скромным оценкам погибает от 500 000 человек⁴⁶, причем грипп ежегодно мутирует. Однако, несмотря на опасность, он не вызывает панических реакций у населения, поскольку является привычным. Стоимость вакцины невысока, и ее производство невыгодно фармацевтическим компаниям.

От «птичьего» гриппа с 2003 по 2012 г. погибло чуть более 350 человек. Но эксперты с самого начала делали заявления о неизбежной пандемии, сравнивая данный вирус с печально известной «испанкой», бушевавшей в 1918 г.

В случае «свиного» гриппа, как отмечается в докладе Комиссии ПАСЕ по здравоохранению, ВОЗ без очевидного обоснования изменила формальные требования к причине объявления пандемии («наличие очень опасного вируса, причиняющего большое число смертей»⁴⁷) и объявила ее, присвоив самую высокую, шестую степень. Сведения о погибших в СМИ напоминали сводки с территории боевых действий. СМИ «скрывали, показывая»⁴⁸: известны были имена и подробности, чего никогда не сообщалось о погибших от других заболеваний. Однако количество смертей оказалось незначительным по сравнению с обычным «сезонным» гриппом.

Кризисы нанесли удар по сельскому хозяйству и экономикам многих стран в связи с уничтожением домашних животных и миллиардными затратами на покупку новейших вакцин, которые не были использованы и после истечения срока годности были уничтожены. Кроме того, сомнения вызывала безопасность вакцин, и позднее были доказаны серьезные побочные эффекты. В 2010 г. ПАСЕ провела расследование действий ВОЗ и обвинила экспертов организации в провокации паники в интересах фармацевтических компаний⁴⁹.

Данный пример наглядно отображает тезис У. Бека о том, что определение и ранжирование рисков на допустимые и недопустимые является формой социального доминирования в «дефиниционных отношениях»⁵⁰. Это понятие близко по значению с концепцией символической власти социолога П. Бурдьё⁵¹.

Для социологического изучения биологических кризисов современными учеными применяется акторно-сетевая теория, поскольку она отражает некоторые особенности и парадоксы данной кризисной формации. Акторно-сетевая теория стала основой социологии «вирулентности»⁵², разработанной социологом Дж. Ван Луном, а также была использована для всестороннего анализа кризиса «свиного» гриппа датскими социологами Н. Б. Андерсен и П. Альмландом. В исследовании социологов «вирус, вакцины, медицинские эксперты, государственные чиновники, СМИ и граждане <...> проанализированы как актанты, независимо от того, имеют они человеческую природу или нет, основываясь на принципах «общей симметрии» и «свободной ассоциации».

Этот тип сравнительного акторного анализа может показать, какое важное самостоятельное значение играет сам вирус и вакцины для понимания множества интерпретаций относительно опасности вируса и необходимости вакцинации. Эти различные интерпретации и столкновения взглядов могут быть рассмотрены шире, чем конфликт между дилетантами и экспертами, через логику общественных и внеобщественных актантов»⁵³.

В акторно-сетевой теории вирус представляет собой мобильный актант, который преобразует привычное социальное пространство сетей в пространство потоков, где поток понимается как непредсказуемая «изменяющаяся мобильность»⁵⁴. Китайский профессор медицины, прибывший в Гонконг на свадьбу родственника, становится очагом распространения ТОРС по всему миру. Китай в противодействии кризису ТОРС вынужден разрушить баррикады и по ходу распространения вируса постепенно демократически трансформируется, о чем свидетельствует беспрецедентно открытое наднациональное сотрудничество с международными организациями. Социолог А. Онг назвала подобные «неожиданные отношения и взаимосвязи»⁵⁵, возникшие в связи с кризисом ТОРС, «глобальным скоплением»⁵⁶ (под скоплением в акторно-сетевой теории понимается группа объектов различной природы, которые оказываются переплетенными друг с другом). Дж. Ван Лун также подчеркивает, исходя из акторно-сетевой теории, что новые объединения «могут связывать разные интересы достаточно неожиданным образом»⁵⁷.

Изучая кризисы биологического характера, помимо социальных отношений, мы вынуждены изучать «поведение» самого вируса в качестве актанта. Принципиальным вопросом является оценка того, насколько объективно опасен вирус с медицинской точки зрения, и только после этого можно отнести кризис к одному из двух типов – с доминирующей объективной или субъективной составляющей. Изучение только лишь поведения социальных субъектов без изучения «поведения» вируса может привести к парадоксу: одно и то же социальное действие приводит к разным социальным последствиям и оценивается по-разному – как усилия по преодолению или по провокации кризиса, причем независимо

от намерения. Эти категории условно можно расположить на разных концах одного отрезка, и они находятся в прямой математической зависимости от опасности вируса и эффективности предложенных вакцинации и лечения.

Техногенные кризисы – третья группа кризисов окружающей среды. Причиной техногенных кризисов являются аварии и ЧС, вызванные неполадками в искусственно созданных технических системах. Развитие новых технологий увеличивает уровень рисков в производственных процессах. После аварии на АЭС (атомной электростанции) «Три-Майл Айленд» американский социолог Ч. Перроу предложил термин «нормальная авария», который обозначает «несчастные случаи, катастрофы, вызванные не грубыми просчетами, а человеческой ошибкой, обусловленной его естественным (нормальным) взаимодействием со сложными техническими и технологическими системами»⁵⁸.

В соответствии с этой концепцией совершенствование технологий обеспечения безопасности полностью не исключает возникновения аварий в таких системах. Как утверждает специалист по социологии управления А.В. Тихонов на основе выводов математика и системного аналитика Н.Н. Моисеева, «по мере роста сложности управляемой системы точный расчет необходимых команд, то есть то, на чем строится вся теория управления в технике, становится принципиально невозможным, несмотря на массовую компьютеризацию. На определенном этапе движения в этом направлении система идет вразнос, объект становится неуправляемым»⁵⁹. Эта особенность искусственных технических систем, по мнению социолога У. Бека, принципиально отличает наступившую эпоху Второго модерна: «Чем совершеннее последствия, интегрированные в технические системы, тем очевиднее и окончательнее утрачивается наш контроль над ними»⁶⁰.

В то же время, как отмечает Ч. Перроу, теория нормальных аварий отнюдь не универсальна и из нее ни в коем случае не следует, что нельзя уменьшить количество факторов, которые способствуют техногенным кризисам. «Нормальные аварии» в чистом виде «встречаются редко. <...> Гораздо чаще системы с катастрофическим потенциалом выходят из строя по причинам неэффективных механизмов регулирования, игнорирования предупредительных сигналов, чрезмерной эксплуатации, сокращения расходов, необученного персонала и т.д.»⁶¹.

Среди мер по минимизации техногенных кризисов в своих последних работах⁶² ученый выделяет: мониторинг уязвимостей на государственном уровне, усиление государственного регулирования и децентрацию (разукрупнение) предприятий с потенциально высокими техногенными рисками, что позволит улучшить как внешний, так и внутренний контроль.

Среди технических факторов кризисов следует особо упомянуть использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) во всех

ключевых сферах жизнедеятельности общества, что позволяет относить данную сферу к критической инфраструктуре⁶³. К угрозам безопасности в области ИКТ относятся компьютерные вирусы и сбои, атаки хакеров, кибертерроризм, электронное мошенничество. Причины данных проблем часто заключаются не в технических, а в социальных организационно-управленческих факторах, таких, как недостаток организационной ответственности в вопросах безопасности, некомпетентность, злонамеренные действия инсайдеров.

В качестве особого фактора техногенных кризисов будущего следует упомянуть тенденцию к гибридизации человека и техники. Начиная с первой публикации в 1985 г. «Манифеста киборгов» Д. Харвей⁶⁴, социологи говорят о том, что современного человека уже сейчас можно назвать киборгом, поскольку «в процессе технологического слияния разграничение между человеком и машиной было основательно смещено и размыто»⁶⁵.

Идея социотехнических гибридов была развита в работах одного из основателей акторно-сетевой социологической теории Б. Латура⁶⁶.

Социологи отмечают, что общество находится в процессе «стремительно развивающегося симбиоза тел и компьютеров, групп и сетей коммуникаций, обществ и кибернетических систем»⁶⁷. Учитывая сложность и неуправляемость технических систем, их предельное сращивание с социальными системами несет в себе колоссальный катастрофический потенциал. Непредсказуемые риски для всего человечества, в частности, несет идеология трансгуманизма, пропагандирующего трансформацию человеческого вида вплоть до создания

искусственного разума в искусственном теле, что преподносится как материалистическая стратегия обретения бессмертия. Этот проект, который философ и социолог Ф. Фукуяма назвал «самой опасной идеей в мире»⁶⁸, в случае его реализации несет в себе множество угроз, в том числе уничтожение человечества как такового.

Таким образом, природные, биологические и техногенные кризисы представляют собой гибридную формацию социальных кризисов, соединяющую в себе физические и социальные факторы, что требует дальнейшего совершенствования теории и методологии их изучения. В условиях сложного социума кризисы окружающей среды приобретают динамически развивающийся транссистемный и трансграничный характер. Они оказывают существенное влияние на экономическую, политическую, социокультурную и экологическую системы, в некоторых случаях приводя к необратимым изменениям. Кризисное управление усилиями одного государства или одной специализированной организации неэффективно – оно требует сетевого взаимодействия различных структур поверх границ и барьеров.

Gryzunova E.A. Comparative Analysis of Modern Sociological Research Methods of Crises of the Physical Environment: Natural, Biological and Technological.

Summary: The article deals with the social research methods of the crises of the physical environment provoked by natural, biological and technological factors. These crises are united by the rising hybridity of social and physical phenomena.

Ключевые слова

Кризис, кризисное управление, кризис окружающей среды, чрезвычайная ситуация, уязвимость, гибкая устойчивость, вирус как актант, нормальная авария, гибрид, киборг

Keywords

Crisis, crisis management, crisis of physical environment, emergency, vulnerability, resilience, virus as an actor, normal accident, hybrid, cyborg

Примечания

1. Rosenthal U., Charles, M., 't Hart, P. Coping with Crises: The Management of Disasters, Riots and Terrorism. Springfield, MA: Charles C. Thomas, 1989.
2. См.: Акимов В.А., Порфирьев Б.Н. Кризисы и риск: к вопросу взаимосвязи категорий // Проблемы анализа риска. 2004. Том 1, № 1. С. 44.
3. Там же. С. 46.
4. Кравченко С.А. Кризис нашего времени – неизбежная фаза перехода к новому социокультурному порядку (по мотивам работ П.А. Сорокина) // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 3–4. С. 100.
5. См.: Пригожин И. Конец определённости. Время, хаос и новые законы природы. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. С. 83–97.
6. См.: Lucini B. An Innovative Theoretical Analysis by Sociological Perspectives in Social Crisis Contemporary Context: Rethinking Phenomenological and Symbolic Interactionism Approaches and their Methodological Relapses. Presentation at the 10th Conference of the European Sociological Association "Social Relations in Turbulent Times". Geneva, Switzerland, 2011.
7. См.: Кляйн Н. Доктрина шока. М.: Издательство «Добрая книга», 2009.

8. Beck U. *World at Risk*. Cambridge: Polity Press, 2009. P. 9.
9. Urry J. *Climate Change & Society*. Cambridge: Polity Press, 2012. P. 110.
10. См.: Lerbinger O. *The Crisis Manager: Facing Disasters, Conflicts, and Failures*. NY: Routledge Communication Series, 2012. P. 77-154.
11. Федеральный закон от 21.12.94 № 68-ФЗ (ред. от 29.12.2010) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».
12. См.: Stallings R. *Disaster, Crisis, Collective Stress and Mass Deprivation* // Perry R.W., Quarantelli, E.L., (eds). *What is a Disaster? New Answers to Old Questions*. Philadelphia, PA.: Xlibris, 2005. P. 268.
13. См.: Cottle S. *Global Crises in the News: Staging New Wars, Disasters and Climate Change* // *International Journal of Communication*, 2009. № 3. P. 503-506.
14. См.: Quarantelli E.L. *Community Crises: An Exploratory Comparison of the Characteristics and Consequences of Disasters and Riots* // *Journal of Contingencies and Crisis Management*, 1993. Vol. 1 (2). P. 67-78; Quarantelli, E.L., Lagadec P., Boin A. *A Heuristic Approach to Future Disasters and Crises: New, Old and In-between Types* // Rodriguez H., Quarantelli E.L., Dynes R., eds. *Handbook of Disaster Research*. NY: Springer, 2007. P. 22-23.
15. См.: Stallings R. *Disaster, Crisis, Collective Stress and Mass Deprivation* // Perry R.W., Quarantelli, E.L., eds. *What is a Disaster? New Answers to Old Questions*. Philadelphia, PA.: Xlibris, 2005. P. 270-271; Stallings, R. *Conflict in Natural Disasters: A Codification of Consensus and Conflict Theories* // *Social Science Quarterly*, 1988. № 69. P. 569-586.
16. Freund J. *Observations sur Deux Catégories de la Dynamique Polémogène; de la Crise au Conflit* // *Communications*, 1976. № 25. P. 111.
17. См.: Кляйн Н. *Доктрина шока*. М.: Издательство «Добрая книга», 2009. С. 559.
18. Wisner B., Blaikie P., Cannon T., Davis I. *At Risk: Natural Hazards, People's Vulnerability and Disasters*. Routledge, 2004. P. 11.
19. Brunsma D., Picou J.S. *Disasters in the Twenty-first Century: Modern Destruction and Future Instruction* // *Social Forces*. 2008. Vol. 87, № 2. P. 984.
20. См.: Turner II B. L., Kasperson R.E., Matson P.A., McCarthy J.J., Corell R.W., Christensen L., Eckley N., Kasperson J.X., Luers A., Martello M. L., Polsky C., Pulsipher A., Schiller A. *A Framework for Vulnerability Analysis in Sustainability Science* // *PNAS (Proceedings of the National Academy of Sciences USA)*, 2003. Vol. 100. P. 8074.
21. См.: Wisner B., Blaikie P., Cannon T., Davis I. *At Risk: Natural Hazards, People's Vulnerability and Disasters*. Routledge, 2004.
22. См.: Turner II B. L., Kasperson R.E., Matson P.A., McCarthy J.J., Corell R.W., Christensen L., Eckley N., Kasperson J.X., Luers A., Martello M. L., Polsky C., Pulsipher A., Schiller A. *A Framework for Vulnerability Analysis in Sustainability Science* // *PNAS (Proceedings of the National Academy of Sciences USA)*, 2003. Vol. 100.
23. См.: Perrow Ch. *The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters*. Princeton University Press, 2011. P. 14-40.
24. Ibid. P. 324-325.
25. Beck U. *World at Risk*. Cambridge: Polity Press, 2009. P. 179.
26. Ibid. P. 160
27. Rivera F.I., Settembrino M.R. *Toward a Sociological Framework of Community Resilience*, 2012. P. 14. URL: http://www2.cohpa.ucf.edu/pubadm/documents/14TowardaSociologicalFrameworkofCommunityResilience_000.pdf (дата обращения: 30.08.2012).
28. Urry J. *Climate Change & Society*. Cambridge: Polity Press, 2012. P. 166.
29. Green J.J., Kleiner A.M., Montgomery J.P. *The Texture of Local Disaster Response: Service Provider's Views Following Hurricane Katrina* // *Southern Rural Sociology*, 2007. № 22 (2). P. 30.
30. См.: Wildavsky A. *Searching for Safety*. Transaction Publishers, 1988.
31. См.: Hollnagel E., Woods D.D., Levenson N. *Resilience Engineering: Concepts and Precepts*. Farnham: Ashgate Publishing, 2006.
32. Urry J. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press, 2003. P. 15.
33. См.: Beck U. *World at Risk*. Cambridge: Polity Press, 2009. P. 52-53.
34. См.: Comfort L.K., Boin A., Demchak C.C. *Designing Resilience: Preparing for Extreme Events*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2010; Vale L. J., Campanella T.J., eds. *The Resilient City: How Modern Cities Recover from Disaster*. Oxford: Oxford University Press, 2005; Rivera F.I., Settembrino M.R. *Toward a Sociological Framework of Community Resilience*, 2012. URL: http://www2.cohpa.ucf.edu/pubadm/documents/14TowardaSociologicalFrameworkofCommunityResilience_000.pdf (дата обращения: 30.08.2012); Urry J. *Climate Change & Society*. Cambridge: Polity Press, 2012. P. 119-120.
35. Beck U. *World at Risk*. Cambridge: Polity Press, 2009. P. 10; Кравченко С.А. *Переход к сложному, нелинейно развивающемуся социуму: вызовы для России* // *Вестник МГИМО-Университета*. 2012. №1. С. 214.
36. Urry J. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press, 2003. P. 33.
37. Van Loon J. *Risk and Technological Culture: Towards a Sociology of Virulence*. London: Routledge, 2002. P. 129.
38. Lerbinger O. *The Crisis Manager: Facing Disasters, Conflicts, and Failures*. NY: Routledge Communication Series, 2012. P. 119.
39. Beck U. *World at Risk*. Cambridge: Polity Press, 2009. P. 175.
40. Lerbinger O. *The Crisis Manager: Facing Disasters, Conflicts, and Failures*. NY: Routledge Communication Series, 2012. P. 117.
41. См.: Beck U. *World at Risk*. Cambridge: Polity Press, 2009. P. 175.
42. Ibid.

43. Van Loon J. Risk and Technological Culture: Towards a Sociology of Virulence. London: Routledge, 2002. P. 123-146.
44. Ibid. P. 142.
45. Ibid. P. 133.
46. См.: Global Health: Preparing for the Worst // The Economist, 2009. May 9. P. 83.
47. Комиссия Совета Европы выступила с обвинениями в адрес ВОЗ // Радио Свобода, 2010. 5 июня. URL: http://www.svobodanews.ru/archive/ru_news_zone/20100605/17/17.html?id=2063072 (дата обращения: 31.08.2012).
48. Бурдые П. О телевидении и журналистике. М.: Институт экспериментальной социологии, 2002.
49. См.: Комиссия Совета Европы выступила с обвинениями в адрес ВОЗ // Радио Свобода. 2010. 5 июня. URL: http://www.svobodanews.ru/archive/ru_news_zone/20100605/17/17.html?id=2063072 (дата обращения: 31.08.2012).
50. См.: Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2009. P. 22-46.
51. См.: Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Thesis, 1993. № 2. С. 149.
52. См.: Van Loon J. Risk and Technological Culture: Towards a Sociology of Virulence. London: Routledge, 2002.
53. Andersen N. B., Almlund P. The Use of Actor-network Theory in Analysis of Social Crisis and Disasters. Abstract from the 10th Conference of the European Sociological Association «Social Relations in Turbulent Times». Geneva, Switzerland, 2011.
54. См.: Вахштайн В.С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2004. Т. 3, № 4. С. 110–113.
55. Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2009. P. 174.
56. Ong A. Assembling around SARS: Technology, Body Heat and Political Fever in Risk Society // Poferl, A., Sznaider N., eds. Becks Kosmopolitisches Projekt. Baden-Baden: Nomos, 2004.
57. Van Loon J. Risk and Technological Culture: Towards a Sociology of Virulence. London: Routledge, 2002. P. 64.
58. Perrow Ch. Normal Accidents: Living with High Risk Technologies. NY: Basic Books, 1984.
59. Тихонов А.В. Социология управления. Теоретические основы. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 162.
60. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 152.
61. Perrow Ch. Fukushima and the Inevitability of Accidents // Bulletin of the Atomic Scientists, 2011. Vol. 67, № 6. P. 51.
62. Ibid; Idem. The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. Princeton University Press, 2011.
63. Ibid. P. 284.
64. Haraway D. A Manifesto for Cyborgs: Science, Technology and Socialist Feminism in the 1980s' // Nicholson L.J., ed. Feminism/ Postmodernism. NY: Routledge, Chapman and Hall, 1990.
65. Van Loon J. Risk and Technological Culture: Towards a Sociology of Virulence. London: Routledge, 2002. P. 69.
66. Latour B. We have never been Modern. NY: Harvard University Press, 1993.
67. Bogard W. Simmel in Cyberspace: Strangeness and Distance in Postmodern Communications // Space and Culture, 2000. № 4/5. P. 40.
68. Fukuyama F. Transhumanism – the World's Most Dangerous Idea // Foreign Policy, 2004. September/October.

Текст в обучении иностранному языку

Н.Н. Клеменцова

В статье приводится краткий обзор истории изучения текста различными лингвистическими дисциплинами и исследуются возможности эффективного использования текста в практике преподавания иностранного языка с целью развития коммуникативной компетенции студентов. Текст рассматривается как форма речевой актуализации языковых единиц, как структурно-смысловая целостность, позволяющая воссоздать интеграцию смысла при производстве и восприятии текста, и как основа для формирования соотносимых умений в рецептивных и репродуктивных видах речевой деятельности.

Текст, по мнению М.М. Бахтина, – это «первичная данность» всех гуманитарных дисциплин и вообще всего гуманитарно-филологического мышления. «Текст, – писал он, – является той непосредственной действительностью, действительностью мысли и переживания, из которых и могут исходить эти дисциплины и это мышление. Где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления»¹. В настоящее время нет единой точки зрения на то, что такое текст. Восприятие его исследователями в качестве «наиболее очевидной реальности языка»² объясняет многочисленные попытки разобраться в самой природе текста, дав его определение с точки зрения различных лингвистических наук: лингвистики текста, психолингвистики, прагматики, коммуникативной лингвистики, когнитивной лингвистики и др.

Сравним некоторые из них. По определению И.Р. Гальперина, текст – это произведение, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку³. Г.В. Колшанский связывает определение текста с завершением минимального акта общения – «передачей информации или обменом мыслями между партнерами»⁴. Для Ю.А. Сорокина текст – «это концепт, то ментальное образование, которое в лингвистической литературе именуется цельностью текста»⁵. В свете коммуни-

кативного подхода текст определяется как средство вербальной коммуникации (О.Л. Каменская), как коммуникативная единица, реализующая авторскую интенцию (Т.М. Дридзе), как речевое произведение, коммуникативно ориентированное в рамках определенной сферы общения (Н.С. Болотнова). Довольно емкое определение дает В.П. Белянин, для которого текст – это основная единица коммуникации, способ хранения и передачи информации, форма существования культуры, продукт определенной исторической эпохи, отражение психической жизни индивида⁶.

Признание текста в качестве основной коммуникативной единицы и, как следствие, обращение к нему с целью постичь язык в коммуникации расширяет горизонт собственно лингвистических исследований до границ речемыслительной деятельности. Текст представляется «непосредственным проявлением мысли» (С.Д. Кацнельсон), а его функциональная сущность определяется ролью в качестве инструмента социального взаимодействия людей (А.А. Леонтьев). Последнее, как известно, представляет собой обмен деятельностью, поэтому и тексту приписывается деятельностная сущность⁷. Подобное понимание текста, с нашей точки зрения, развивается также представителями культурологических исследований. Для

Клеменцова Надежда Николаевна – к.филолог.н., доцент кафедры иностранных языков ФГОУ ВПО «Калининградский государственный технический университет». E-mail: nadiaklem@list.ru

них текст – это «сущность, являющая человека в его смысловом бытии, где он встречается другого, адресуя свое послание миру, через которое он выражает себя... Предназначение текста – дать человеку возможность вступить в общение с другим/другими, с собой, с внешним миром»⁸.

Являя собой, таким образом, опредмеченную форму акта коммуникации, текст предполагает наличие не только предмета общения и его автора, но и реципиента⁹. Именно в тексте есть одно временно:

– и автор послания (его социокультурная среда, его опыт, отношение к миру и пр.);

– и само послание;

– и адресат (получатель послания в своем личностно-деятельностном проявлении, таком, как интерпретация).

Это позволяет сделать вывод о том, что человек – это мера текста, он точка отсчета и конечная точка в текстовой перспективе¹⁰. Созвучной данному пониманию текста является трактовка текста дискурсивной лингвистикой. В рамках этой дисциплины считается, что нет таких текстов, которые не явились бы конечным итогом дискурсивной, то есть социально ориентированной и социально обусловленной деятельности. Текст, погруженный в ситуацию общения, и есть дискурс, а потому всегда отражает речемыслительный акт и характеризуется наличием автора.

Вместе с тем не может быть таких текстов, отмечает Е.С. Кубрякова, которые не фиксировали бы какой-нибудь фрагмент человеческого опыта и его осмысления. Это делает текст возможным объектом когнитивного анализа. С когнитивной точки зрения понятие дискурса и текста связаны причинно-следственной связью, поскольку текст создается в дискурсе и является его детищем. Текст при этом понимается как «информационно-самодостаточное речевое сообщение с ясно оформленным целеполаганием и ориентированное по своему замыслу на своего адресата»¹¹.

Коммуникативная деятельность автора текста (отправителя сообщения) и коммуникативная деятельность его адресата (получателя сообщения) с необходимостью предполагают друг друга: без порождения речи нет ее смыслового восприятия, а без смыслового восприятия нет порождения речи. Это позволяет говорить о разнонаправленности коммуникативной деятельности автора сообщения и его адресата: если процесс порождения речи есть материализация мысли в слове (тексте)¹², то восприятие речи – это обратный процесс превращения слова (текста) в мысль. Носителем диалектической противоречивости речевой коммуникации оказывается текст: отражая авторское речетворчество, корректируемое пониманием воспринимающего, он предоставляет лингвистам возможность изучать язык не просто через наблюдение за текстами, но и через моделирование их производства и восприятия.

Знаменательно, что человеческое восприятие имеет свойство структурировать любой воспринимаемый объект как текст, то есть находить ему

автора и интерпретировать передаваемое им сообщение. Данное свойство, называемое Б.М. Гаспаровым «презумпцией текстуальности»¹³, имеет, с нашей точки зрения, не последнее значение для осознания таких принципиальных для текста характеристик, как целостность (восприятие текста как единого динамического целого) и инвариантность (существование предельной формы языковой фиксации при любом членении текста).

Признание текста в качестве основной коммуникативной единицы, равно как и обращение к его изучению лингвистических дисциплин, не может не сказаться на практике преподавания иностранного языка при ее ориентации на развитие коммуникативной компетенции обучаемых как главной цели обучения. В центре внимания специалистов в области методики преподавания иностранного языка, прежде всего тех, кто исследует пути повышения эффективности иноязычного обучения в неязыковом вузе, оказывается текст – будь то аутентичный или адаптированный в учебных целях, наполненный страноведческим, культурологическим или сугубо специальным содержанием, распространенным до объема журнальной статьи или содержащий всего несколько предложений¹⁴.

Думается, что первой причиной, заставившей методистов обратиться к тексту, является тот факт, что текст – это образец реального использования языковых единиц, то есть их актуализации в речи. Он оказывается единственным источником знаний обучаемых в области лексико-грамматической организации иностранного языка, показывая им, как различные языковые единицы используются в речи. Таким образом, текст превращается в полигон формирования лексических, грамматических и (в случае предъявления аудиотекста) фонетических и ритмико-интонационных навыков при изучении иностранного языка. При этом использование конкретных языковых единиц оказывается значимым и для самого текста, поскольку он сам по себе, взятый в абстракции от лексического наполнения, ничего не значит. Функции языковых единиц далеко не исчерпываются задачей лексико-грамматического наполнения текста: обладая определенными текстообразующими свойствами, данные единицы принимают участие в создании когерентности текста и его тематической связности (сравним, например, исследования текстообразующих свойств наречий, терминов, имен собственных). Очевидно, что знание этой стороны использования языковых единиц в тексте оказывается необходимым при изучении структурно-смысловой организации текста, существенной для его адекватного понимания.

Думается, что «текстоцентрическая» ориентация в практике преподавания иностранного языка, традиционно характеризующая иноязычное обучение в неязыковом вузе, могла бы иметь еще более широкие последствия при учете результатов тех лингвистических исследований, в которых осуществляется дифференцированный подход к изучению функционирования языковых единиц

в тексте. Так, предприняв попытку изучения особенностей создания, восприятия и использования производного слова в тексте, мы убедились в существовании возможности постижения процессуальной, дискурсивной стороны языка через наблюдение за результатами речевой деятельности, текстами. Это позволило нам не только выявить особенности использования речевых единиц в процессе коммуникации, но и реконструировать сам процесс речемыслительной деятельности по фиксируемому текстом особенностям порождения и восприятия как самого текста в целом, так и составляющих его компонентов¹⁵.

Не вызывает сомнения, что вопросы порождения (создания) и восприятия (понимания) текста оказываются напрямую связанными с приобретением обучаемыми способности практического использования изучаемого иностранного языка в своей деятельности. Важнейшим условием овладения иностранным языком до уровня, обеспечивающего его реальное использование в процессе общения с носителями языка, в актах межкультурной коммуникации, является формирование так называемой «функциональной системы речи» (А.А. Леонтьев) или возникновение «механизма речи» (Н.И. Жинкин), что обеспечивает осуществление речевой деятельности. Происходит «запуск» механизма иноязычной речи у обучаемых, придающий динамизм их речевой способности.

При коммуникативном подходе к обучению расширяется диапазон знаний, умений и навыков, необходимых обучаемым при использовании иностранного языка. Данные умения и навыки превращаются в основной объект усвоения, что, в свою очередь, ставит вопрос о выявлении наиболее эффективных путей достижения результата обучения – формирования коммуникативной компетенции обучаемых. Она понимается как способность общаться на иностранном языке с целью обмена информацией, ее поиска, а также оказания воздействия на участников речевого общения в ходе коммуникации. Какие бы компетенции ни указывались в качестве составляющих коммуникативной компетенции – лингвистическая, дискурсивная, социолингвистическая, социокультурная, ее главное содержание реализуется в способности слушать/читать, способности понимать, способности говорить/писать на иностранном языке.

В таком случае, с учетом признания текста в качестве основной коммуникативной единицы, мы имеем все основания трактовать практические цели обучения иностранному языку как приобретение обучаемыми умений понимать (в процессах чтения и аудирования) и создавать (в процессах говорения и письма) тексты. Это определяется и целями обучения, сформулированными С.К. Фоломкиной¹⁶. Сам текст при этом оказывается условием взаимосвязанной реализации данных целей обучения, выступая как объект речевой деятельности обучаемых и/или как результат данной деятельности.

В качестве объекта речевой деятельности в учебном процессе текст выступает, прежде всего, при обучении чтению. Поскольку задачей последнего является адекватное понимание читаемого текста, на первый план выступают структурно-смысловые параметры этого текста. Знание принципов структурно-смысловой организации текстов разных типов является, с нашей точки зрения, решающим фактором для адекватного понимания текста. Обосновывая мысль о взаимообусловленности структурно-смысловых параметров текста и его понимания, отметим, что текст и его понимание признаются исследователями двумя сторонами одной и той же логико-лингвистической деятельности¹⁷. Они определяются одинаковыми правилами, закономерностями образования и преобразования, выбора и оценки выражений. Это значит, что если рассматривать понимание как процесс, то оно сведется к некоторым операциям с линейной последовательностью символов текста, осуществляемым по его собственным правилам. Результатом такого процесса и будет установление смысла текста. Сам текст по этой причине будет задавать структуру понимания. Он же будет выступать в качестве некоего гаранта адекватности осуществляемого на его основе коммуникативного акта между автором и читателем, придавая данному акту некий «базис несомненности» (С.Б. Крымский). Последнее обстоятельство, с нашей точки зрения, является решающим при обучении чтению.

Существование определенной смысловой структуры текста предполагает наличие его взаимообусловленных частей. Членение текста на части с последующим рассмотрением их взаимодействия является чрезвычайно важным в декодировании информации, заложенной в структуре текста. Адекватному прочтению текста будет способствовать знание обучаемыми типичной композиционной организации текстов различных сфер коммуникации и знакомство с так называемыми сильными позициями текста, вводящими его основную информацию в коммуникативный фокус.

Одновременно обучаемые должны четко представлять, что при всей своей членимости текст всегда является коммуникативным и смысловым единством: как известно, категории членимости и связности (когерентности) – взаимообусловленные понятия. Важно, чтобы обучаемые были знакомы с основными средствами осуществления связности текста, поскольку они выступают существенными элементами интеграции общего смысла текста при его восприятии. Знание эксплицитных средств связности текста (прежде всего строевых, служебных слов) будет особенно полезным при чтении текстов небольшого объема. С увеличением же объема текста увеличивается удельный вес имплицитных средств связности, прежде всего логических¹⁸.

В качестве смыслового генератора, обеспечивающего непрерывность развития текста и адекватность его понимания, выступают семантические повторы: лексические (синонимиче-

ские, антонимические и др.) и грамматические (корневые, аффиксальные, конверсированные и др.). Особо выделяются тематические повторы, поскольку, как известно, именно в единстве темы заключается смысловая целостность текста (Ф. Данеш), а определение темы – первый существенный шаг к пониманию текста. Обучаемые определяют тему текста, обращая внимание на его лексическую тематическую сетку, а также коммуникативно сильные позиции текста (фигуру): заглавие, начало, окончание.

Характеристики текста, которые могут служить ориентирами в процессе чтения в силу своей «перцептивной выпуклости», рассматриваются нами в качестве опор при работе с текстовым материалом. Помимо упомянутых выше текстообразующих компонентов (строевых и служебных слов, а также языковых единиц, реализующих семантические и тематические повторы), к опорам могут быть отнесены:

- имена собственные, числительные;
- ключевые слова (на уровне слова);
- ключевые предложения;
- неправильный порядок слов (на уровне предложения);
- размер абзаца;
- красная строка;
- словообразовательные корреляции (на уровне абзаца);
- заголовков, подзаголовков;
- схемы, рисунки (на уровне текста).

Знание особенностей структурно-смысловой организации текстов различных типов и умение ориентироваться в текстовом пространстве чрезвычайно важны для адекватного восприятия текста, но не исключают возможности его неоднозначного понимания – в силу субъективности человеческого восприятия. Последнее может быть представлено не только как процесс «извлечения», но и в равной степени как процесс «вложения» содержания в воспринимаемые единицы. Об этом свидетельствуют психологические схемы смыслового восприятия речевого сообщения, разработанные Н.И. Жинкиным и И.А. Зимней¹⁹. При восприятии текста любая мысль, заложенная в него автором, осваивается исключительно через перевод на язык собственного опыта воспринимающего.

Думается, что именно это обстоятельство подчеркивается М.М. Бахтиным, рассуждающим о присутствии двух субъектов – автора и адресата – в сложной структуре текста. «...Подлинная сущность текста всегда разыгрывается на рубеже двух сознаний, двух субъектов, – утверждает этот автор. – Второе сознание, сознание воспринимающего, никак нельзя элиминировать или нейтрализовать»²⁰.

Субъективность процесса восприятия определяется индивидуальными знаниями о языке и мире каждого воспринимающего текст как участника акта коммуникации. Она сообщает воспринимаемому тексту свою «интерпретанту», предполагая, по существу, создание нового

текста, разъясняющего первоначальный текст автора. Уже одного этого достаточно, чтобы сделать вывод об обязательном выходе за пределы языковых форм, содержащихся в тексте, при его восприятии. Текст сигнализирует не только о том, что в нем присутствует реально (линейное развертывание текста), но и о том, что подлежит выводу по инферентному типу. Текст, по меткому определению Е.С. Кубряковой, «существует как источник излучения, как источник возбуждения в нашем сознании многочисленных ассоциаций и когнитивных структур»²¹.

Текст, таким образом, – это не только линейное развертывание смыслов, но и интегрированный смысл, возникающий на основе этого развертывания в результате осмысления полученной информации и предвосхищения последующей. Исследователи связывают это измерение существования текста с выстраиванием его смысловой структуры по системной (парадигматической) оси и отмечают в этой связи наличие в тексте содержательных лакун, пробелов, подлежащих заполнению при чтении²². Поиск и интерпретация этих лакун превращают чтение текста в коммуникативный процесс – активный диалог между автором и читателем. Это, в свою очередь, делает очевидным заключение о том, что восприятие иноязычного текста – всегда пример межкультурной коммуникации. Понимание иноязычного текста обуславливается не только индивидуальными особенностями участников акта коммуникации, но и существующими в их сознании законами, нормами и средствами национального языка и культуры.

Данное обстоятельство указывает на еще одну функцию текста в процессе обучения иностранному языку, а именно источника культурологической информации и основы для формирования межкультурной составляющей коммуникативной компетенции в учебном процессе²³. Реализация текстом данной возможности связывается нами с выстраиванием его смысловой структуры не столько по синтагматической, сколько по парадигматической оси. При этом мы отдаем себе отчет в том, что задача воссоздания интегрированного смысла текста, как более сложная проблема, связанная с адекватным пониманием текста, может быть решена лишь при условии обильного чтения.

Формирование навыков адекватного восприятия текста в рамках обильного чтения, как многократного упражнения в рецепции, не может при этом не сказаться на формировании навыков его адекватного восприятия на слух, так как в основе этих двух видов речевой деятельности – чтения и аудирования – лежат соотносимые умения. Речь идет об умении выделить тему текста, осуществить восприятие текста по смысловым фрагментам, установить логику построения текста, выделить в тексте главную и второстепенную информацию, осознать ключевые концепты текста, прогнозировать на уровне текста, то есть о тех умениях, которые реализуют способность обучаемых сосредоточиться на содержательной стороне текста.

Очевидно, что развивать такие умения удобнее всего при зрительном предъявлении текста, так как в качестве объекта речевой деятельности текст выступает прежде всего при обучении чтению. Однако приоритетность данного вида речевой деятельности в учебном процессе не исключает, а скорее предполагает интеграцию соотносимых речевых умений, реализующих эти рецептивные виды речевой деятельности для решения одной коммуникативной задачи. Подобная интеграция лежит в основе взаимосвязанного обучения²⁴, принятого на вооружение преподавателями иностранного языка неязыковых вузов.

Помимо рецептивного взаимодействия коммуникативных навыков имеет место и рецептивно-репродуктивное. Механизмом осуществления этого взаимодействия, позволяющим использовать текст в качестве основы формирования не только рецептивных, но и репродуктивных навыков, выступает перенос (Н.И. Жинкин). При данном явлении умения и навыки, сформированные в одном виде речевой деятельности, могут быть перенесены на другой. В качестве внутреннего механизма переноса выступает обобщение, то есть формирование общности связей и отношений между предметами и явлениями. Поэтому, наряду с переносом умений из одного вида речевой деятельности в другой, возможен также перенос из подготовленной речи в неподготовленную и/или наоборот²⁵.

С точки зрения психолингвистики функционирование общего речевого механизма строится на взаимодействии таких общих функций, как опережающее отражение (вероятностное прогнозирование и упреждающий синтез), осмысление, оперативная и долговременная память, внутренняя речь, которые лежат в основе всех видов речевой деятельности²⁶. Эти функции являются едиными как для рецептивных, так и для продуктивных видов речевой деятельности.

Текст, являясь основной коммуникативной единицей, приобретает, таким образом, способность в учебном процессе выступать в качестве основы для формирования иноязычной коммуникативной компетенции в единстве ее рецептивной и репродуктивной сторон. Сами умения, соотносимые со всеми видами речевой деятельности, выступают в качестве объекта формирования на основе текста. Думается, что для того, чтобы текст мог выступать эффективным стимулом для осуществления не только рецептивных, но и репродуктивных коммуникативных навыков, он должен удовлетворять определенным требованиям и прежде всего содержать такую информацию, которая своей актуальностью стимулировала бы дальнейшую коммуникативную деятельность обучающихся.

Исследователями отмечается, что в основе взаимосвязанного обучения лежат операции по переработке текста, главной из которых является умение компрессировать текст, то есть

отсекать без особого ущерба для его содержания те текстовые фрагменты, которые несут второстепенную информацию. При обучении компрессии текста выполняются упражнения на выделение главного и второстепенного, деление текста на смысловые части, развиваются умения поиска ключевых слов, перефразирования и комбинирования информации из разных частей текста при сохранении логики изложения. В процессе компрессии происходит осмысление основной идеи текста, ее краткое изложение в перефразированном виде. В результате получается текст (письменный или устный), замещающий оригинал (объект речевой деятельности) и принадлежащий, таким образом, уже не столько автору текста, сколько его реципиенту, являясь результатом речевой деятельности самого обучающегося.

Работая с текстом и принимая позицию либо читающего/слушающего, либо говорящего/пишущего, обучаемый движется от адекватного понимания исходного авторского текста к своему, отраженному образу текста. Результатом такой работы оказывается создание вторичного текста, «встречного» текста-дискурса, механизмом создания – смысловая редукция, «рекапитуляция», характеризующая порождение любых вторичных текстов²⁷. Обучаемый при этом осуществляет постепенный переход от речевой репродукции на базе текста к собственно продуцированию иноязычной речи.

Успешность данного перехода зависит не только от того, насколько используемый в учебном процессе текст соответствует описанным выше требованиям, но и от возможности включения в учебный процесс, помимо самого текста, инструкций и заданий, разработанных на базе этого текста, то есть приемов, которые активизируют процесс понимания, побуждают работать с текстом, то есть, сопоставляя, анализируя, добывать новую информацию. Так текст превращается в уникальную дидактическую единицу в обучении иностранному языку, а работа с ним – в один из эффективных путей достижения главной цели обучения – формирования иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся.

Klementsova N.N. Text in the Foreign Language Teaching.

Summary: The article offers a short review of the history of text studies undertaken by different branches of linguistic sciences and focuses on the possibilities of the text in the foreign language classroom aiming at the development of the students' communicative competence. The text is characterized as a form of language units actualization, as structural and semantic entity giving an insight into the mechanism for sense integration in the processes of text production and comprehension. The text is also described as a base for the development of correlating receptive and productive skills of the students.

Ключевые слова

Коммуникативная компетенция, иноязычный текст, интеграция смысла, соотносимые умения

Keywords

Communicative competence, foreign language text, sense integration, correlating skills

Примечания

1. Бахтин М.М. Язык в художественной литературе//Собр.соч. в 7 т. М.: Искусство, 1997. Т.5. С.287.
2. Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения//Текст. Структура и семантика.Т. 1. М., 2001. С. 73.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. С. 18.
4. Колшанский Г.В. Лингвокоммуникативные аспекты речевого общения// Иностранный язык в школе. 1985. № 1. С.10-14.
5. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М.: Наука, 1985. С. 62-63.
6. Белянин В.П. Психолингвистические особенности художественного текста. М.: Изд-во МГУ, 1988. С.6.
7. Сидоров Е.В. Речь и текст как единство противоположностей//Текст. Высказывание. Слово/Сб. науч. трудов ИЯ АН СССР. М., 1983. С.8.
8. Ворожцова И.Б. Образ мира как текст//Художественная культура народов Приуралья [Электрон.ресурс] http://iiid-udsu.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=221
9. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Наука, 1969. С. 265.
10. Ворожцова И.Б. Образ мира как текст //Художественная культура народов Приуралья [Электрон.ресурс] http://iiid-udsu.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=221
11. Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения. С. 74.
12. Выготский Л.С. Мышление и речь. Психологические исследования. М.; Л.: Гос. Соц.- эконом. изд-во, 1934. С. 279.
13. Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 318-324.
14. Ср., например: Куимова М.В. Обучение устной монологической речи с опорой на аутентичный письменный текст: английский язык, неязыковой вуз: автореф. дис. канд. пед. наук. Ярославль, 2005. 18 с.; Сыромясов О.В. Формирование межкультурной профессиональной компетенции специалиста на основе иноязычного текста (немецкий язык, неязыковой вуз): автореф. дис. ...канд. пед. наук. М., 2000. 24 с.; Багдасарян М.Э. Обучение профессионально-ориентированному общению на основе научно-популярных текстов (английский язык, неязыковой вуз): автореф. дис. ...канд. пед. наук. М., 1990. 26 с.
15. Клеменцова Н.Н. Создание, восприятие и использование производных слов в тексте (на материале аффиксальных производных современного английского языка): дис....канд. филол. наук. М., 1986. 220 с.
16. Фоломкина С.К. Некоторые вопросы обучения чтению на иностранном языке в языковом вузе//Общая методика обучения иностранным языкам: хрестоматия. М.: Русский язык, 1991. С. 254.
17. Крымский С.Б. Философско-гносеологический анализ специфики понимания//Понимание как логико-гносеологическая проблема. Киев: Наукова думка, 1982. С. 28.
18. Thornbury S. Beyond the Sentence. Introducing Discourse Analysis. Oxford: Macmillan, 2005. P. 60.
19. Жинкин Н.И. Механизмы речи. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1958. С. 117-124. Зимняя И.А. Смысловое восприятие речевого сообщения//Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М.: Наука, 1976. С. 5-33.
20. Бахтин М.М. Проблема текста//Собр. соч. в 7 т. М.: Искусство, 1997. Т.5. С.310.
21. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знания о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира/ Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 517.
22. Anne-Brit Fenner. Cultural Awareness and Language Awareness Based on Dialogic Interaction with Texts in Foreign Language Learning. European Centre for Modern Languages. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2001. p. 17.
23. Клеменцова Н.Н. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов неязыкового вуза//Лингвострановедение: методы анализа, технологии обучения. Седьмой межвузовский семинар по лингвострановедению: сб. статей. Ч. 1. Языки в аспекте лингвострановедения/ Московский государственный институт международных отношений (университет). М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 166-173.
24. Selinker L., Tomlin R. An Empirical Look at the Integration and Separation of Skills in ELT// English Language Teaching Journal. Oxford, 1986. Vol. 40, # 3, p. 231.
25. Короткевич Ж.А. Взаимосвязанное обучение видам речевой деятельности на основе лингвострановедческого текста: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Минск, 2002. С. 5-9.
26. Зимняя И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе. М.: Просвещение, 1991. 222 с.
27. Агранович Н.Б. Вторичные тексты в коммуникативно-когнитивном аспекте: автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2006. 24 с.

Знаковая сущность грамматической конструкции

А.С. Дружинин

В данной статье рассматриваются особенности семиозиса грамматической конструкции в ракурсе современных учений когнитивной лингвистики. Описав основополагающую для данного исследования биосоциокультурную теорию языкового знака, автор дает определение грамматической конструкции как сложной репрезентации мыслительных образов. Он предлагает модель когнитивных процессов, связанных с ее функционированием в языке и речи на примере одной из форм сослагательного наклонения.

The true life of a language consists in operations on signs
Е. С. Кубрякова

Как уже успел заметить внимательный читатель, приведенный выше эпиграф достаточно четко определяет значимость рассматриваемого в статье вопроса, а именно знаковой сущности любого языкового явления. Действительно, в свете постепенного ухода от ортодоксальных взглядов на язык как «систему знаков, функционирующей в речи», впервые принятого когнитивистами еще во второй половине XX в., фокус исследовательского внимания смещается все больше в сторону знаковой природы языковых единиц. Семиотическая предыстория языковых элементов при верном ее обозначении способна вывести исследователя на правильный путь к решению главных вопросов о том, зачем и каким образом мы выбираем в процессе общения то или иное слово, конструкцию, предложение.

Определение знаковой природы грамматической конструкции не может не представлять некоторых трудностей. Это в первую очередь связано с пограничным положением грамматической конструкции по отношению к другим «языковым

сущностям», а именно к слову (лексеме) и предложению, семиотический статус которых исследовался достаточно широко и не менее основательно. Достаточно привести в пример теорию референции в семиотическом треугольнике Г. Фреге и учение о семиозисе предложения на пропозициональной основе Худякова. Для решения данной задачи обозначим для себя в качестве научного ориентира непосредственную теорию языкового знака, предложенную И.К. Архиповым, которая в этом исследовании будет приниматься как единственно верная.

Мифы о том, что в человеческом мозге существуют специальные отделы, отвечающие за ввод и вывод информации и что система языка (знаков) хранится в памяти в готовом виде, были успешно развенчаны данными психолингвистов¹, что стало основанием для формирования радикально нового взгляда на сущность языкового знака. Биосемиотический подход, а именно так он был назван ввиду определяющего принципа «биологии сознания», рассматривает знак как психиче-

Дружинин Андрей Сергеевич – аспирант кафедры английского языка № 1 МГИМО(У) МИД России.
E-mail: jbond_007@rambler.ru

скую сущность, слияние (ассоциация) в сознании двух «психических впечатлений» – образа формы и образа содержания, в результате чего происходит речевая деятельность, то есть «понимание того, что было предметом мысли отправителя сообщения»².

Образ формы здесь – это звуковой или графический символ (как правило, речь идет о символах слов как минимальных единиц, способных обеспечить процесс понимания), а образ содержания – то, что условно принято под ним подразумевать. Подчеркнем еще раз, что звуки и буквы (образы формы) не являются знаками сами по себе, поскольку, будучи начертанием или звучанием, не могут олицетворять весь психический процесс, происходящий в сознании индивида. Это лишь символы, которые способны запустить в сознании адресата зеркальные механизмы формирования того же знака, а именно ассоциации услышанного или увиденного символа с образом (языковой) формы, что воссоздает ассоциируемый с ним образ.

В данном случае образ можно трактовать как «широкий диапазон восприятий и представлений – от детальной цветной картинке или рисунка-схемы до ощущения, что это нечто понятное, но невыразимое»³. Принято считать, что образы делятся на визуальные (те же картинки, рисунки-схемы) и ментальные, однако составляют ли они общую когнитивную структуру человеческого сознания – вопрос открытый, поэтому У. Матурана пользуется вместо этого понятием «(семантические) описания». С их помощью мы, наблюдатели (оязыченные сущности), мыслим не только об окружающей нас действительности (описывая что-то), но и о самих себя, и о своих обстоятельствах⁴.

Сам язык предстает в наших глазах наблюдателя как независимая область описания описаний (или описания образов), в биологическом смысле являясь лишь частью нашей области сохранения адаптации в окружающей среде путем лингвистической координации собственных действий. Взяв за основу принципы биосемиотического подхода, обрисуем конкретные этапы процесса, когда структура символов, видимая нами с позиции наблюдателей как грамматическая конструкция, приобретает в нашем сознании знаковый статус:

– первый этап – наблюдения, концептуализации и категоризации. Ответ на вопрос о том, как слова начинают организовываться нами в сложные конструкции, впоследствии приобретая знаковую ценность, дает гипотеза «лексической грамматики» или грамматикализации лексики, впервые выдвинутая Р. Лэнекером, соотношенная в умеренной пропорции с выводами психолингвистов и когнитивистов о процессе освоения человеком родной речи. Лингвистическое взаимодействие организма с внешней средой всегда начинается с реакции на отдельные стимулы, воздействующие на него рекурсивно, которые находятся в «каузальном» отношении с данной элементарной репрезентацией. Другими словами, все начинается с того, что простые символы в форме отдельных слов (лексем) при повторном употреблении окружающими нас

людьми воздействуют на наше сознание с целью нашей (правильной) ориентации во внешней среде.

Затем эти символы приобретают для нас ценность⁵, так как накопленный опыт «лингвистической» ориентации (наше поведение в условиях реакции на подобные символические стимулы, получившее или не получившее одобрение со стороны окружающих) позволяет нам связывать в сознании определенное понятие (ментальный или визуальный образ содержания) с данными символами (образом формы). То есть слова приобретают для нас значение, грубо говоря, они теперь способны быть для нас знаками. Однако по мере нашего развития «взаимоотношения» с окружающим миром усложняются, знаний о символах и их знаковой ценности становится недостаточно для все более разветвляющейся схемы координирования и координации.

Накапливающийся опыт и биологические возможности развивающейся нервной системы позволяют нам мыслить не только отдельными понятиями, довольно простыми образами содержания, но уже формировать на их основе сложные структуры – целые категории. На организм теперь рекурсивно воздействуют комбинации символических стимулов, а это ведет к образованию сложных репрезентаций, своеобразных конструкторов – языковых конструкций. Таким образом, категории как конфигурации понятий помогают нам глубже осмыслить чувственные данные⁶ о количественности, соотносительности в пространстве, во времени и т.д., а грамматические конструкции как конфигурации форм (словоформ или просто слов) – наиболее точно их выразить.

Данные предположения позволяют нам дать определение грамматической конструкции как упорядоченной комбинации простых репрезентаций, ставшей в результате многократного употребления единой сложной репрезентацией мыслительной категории в виде особой конфигурации понятийных компонентов (образов содержания). Она в то же время предстает перед наблюдателем в виде структуры изменяемых единиц (форм), описывающей то, что нельзя адекватно описать отдельными ее единицами.

Частотность контекстов, в которых возникают те или иные конструкции, предопределяет знание индивида о сочетаемости всех форм и слов, используемых им при общении. Грамматическая система как набор конструкций, следовательно, «существует потенциально в памяти каждого адекватного носителя конкретного языка как результат осмысления всех высказываний-стимулов, полученных извне»⁷. Это «материализованная в символах знаковая система, хранящая категоризованный когнитивный опыт (знание)»⁸.

Было бы неверно утверждать, что грамматика хранится в сознании в виде дискретных единиц, к которым индивид прибегает в каждом речевом акте. Скорее всего, здесь идет речь об уверенности носителя языка в том, что он всегда найдет способ выразить свои мысли, потому что «знает, как», опираясь на опыт, накопленный в лингви-

стическом взаимодействии, представляющий своеобразные автоматизмы, «когнитивные привычки» (*cognitive routines*⁹), языковые шаблоны. Такое «языковое чутье» (*a language stance*), подобно динамическим стереотипам (катанию на велосипеде, например), где с каждой «практикой» мы достигаем все большую степень свободы и разнообразия «техники». Здесь уместно вспомнить основополагающее положение А.А. Леонтьева в его теории речевого онтогенеза, впервые высказанное еще В. Гумбольдтом, что «усвоение языка не есть приспособление слов, их складывание в памяти и оживление с помощью речи, но развитие языковой способности с возрастом и упражнением». Этим, вероятно, можно объяснить возникающие в языке вариации, значительные и незначительные изменения в использовании форм и грамматических конструкций, ведь если бы грамматика была застывшей системой единиц, как можно было бы обосновать происходящие в ней непрекращающиеся перемены, наличие двух и более вариантов для выражения одной категории и т.п.;

– второй этап – оязыковывания (речевой реализации). На этом этапе в центре нашего внимания функционирование грамматической конструкции как сложной репрезентации, которая, само собой разумеется, может возникнуть в конкретной речевой ситуации как результат ситуативно обусловленного речетворчества, то есть здесь мы тем или иным образом имеем дело с полноценным высказыванием, имеющим, в отличие от элементарных лексем, усложненную цепь характеристик (не просто значение, а смысл; не просто понятие, а конфигурация понятий и т.д.).

Наличие речевой интенции или мотива, «потребности выразить, передать определенную информацию»¹⁰ вызывает к жизни «замысел» будущего высказывания (А.Р. Лурия, А.А. Леонтьев), иными словами, мыслительный образ содержания (И.К. Архипов). Данный образ-представление (здесь мы будем рассматривать «сложный» образ, включающий в себя не менее одной понятийной категории) запускает механизмы внутреннего программирования смысла высказывания. Это, согласно учениям психолингвистов, подразумевает различные операции, от определения основных смысловых элементов до выбора их последовательности. Далее по языковому коду происходит лексико-грамматическое развертывание высказывания, то есть ассоциация, связывание образа содержания с образом формы, что, по всем данным психолингвистов, происходит по схеме «слово – словоформа». С данной позиции интересующие нас конструкции, по всей видимости, можно рассматривать как следующее звено в этом языковом развертывании, как образованный в процессе когнитивной ассоциации сложный образ линейного единства словоформ с отдельным завершенным смысловым содержанием.

Универсальной фазой речевой реализации является непосредственное озвучивание «замысленных» форм, в процессе которого, как известно, участвуют артикуляционные органы, с биологической

точки зрения пришедшие в действие в результате моторных сигналов нервной системы.

Обобщить описание стадии речевой реализации применительно к грамматической конструкции можно следующим образом: наличие намерения что-то сказать (наши цели и установки в настоящий момент времени, наш прагматикон¹¹) обуславливает в нашем сознании появление общего образа содержания. Точнее, целой понятийной категории, которая не возникает просто так, извне, а является результатом нашего осмысления окружающего мира, отдельным элементом нашей общей картины мира (тезауруса). Наше стремление выразить собственные мысли не может рассматриваться в отрыве от ситуации общения, поэтому мы формируем в сознании не просто общий образ, но также и конкретный смысл будущей конструкции, какой, как нам представляется, она будет нести для адресата в данной ситуации.

Связывание задуманного смысла с образом формы грамматической конструкции зависит от усвоенного нами словарного запаса и категоризованных нами знаний о способах и вариантах изменчивости и сочетаемости его единиц (слов) – в широком смысле, от нашего лексикона. Допустим, что понятие «лексикон» определяет в данном случае не только концептуализированный, но и категоризированный словарный запас индивида, то есть усвоенные слова плюс способы их грамматической вариации;

– третий этап – восприятия и интерпретации. Любое восприятие речи начинается с *сенсомоторного уровня* (Л.С. Цветкова), когда материальные сигналы (звуковые колебания или конфигурации букв) становятся доступными нашим органам чувств. Отсюда по нервной ткани поступают сигналы в мозг, что обеспечивает по языковому коду (языковой код – «сохраняющиеся во времени специфические состояния активности нервной системы, вызванные взаимодействиями и предопределяющими необходимыми реакциями нервной системы на данные сигналы в данных условиях взаимодействия») образование в сознании образа формы (как правило, это образы слов). Положения концепций речевосприятия И.А. Зимней и Н.И. Жинкина, а также Л.С. Цветковой заключаются в том, что первые «умозаключения» (связи образа формы с образом содержания) делаются слушающим о смысловом звене, синтагме¹², а не о каждом слове в отдельности. Допустив, что грамматическая конструкция может являться законченным в смысловом отношении сочетанием, предположим, что ее означивание в сознании слушающего происходит сразу после появления ментальных образов слов. По терминологии Л. С. Цветковой, данный этап называется лингвистическим уровнем речевосприятия. Следующим (последним) шагом на пути целостного понимания является собственно психологический уровень, формирование общего смысла всего высказывания в целом в данной конкретной ситуации общения, то есть непосредственно интерпретация использованной грамматической конструкции (в нашем случае –

как отдельного высказывания). Психологический уровень, по Л.С. Цветковой, включает восприятие и анализ интонационного и стилистического построения высказывания, сопоставление его с жестами и мимическими реакциями говорящего (в процессе живого речевого общения), анализ смыслового значения высказывания в «контексте» предшествующей речи.

В качестве наглядной иллюстрации постараемся дать поэтапное описание знаковой природы грамматической конструкции сослагательного наклонения (в традиционном обозначении) *would do smth* в высказывании *I would do it*.

Этап I. Данный этап схематично можно представить в следующем виде:

1) Простые репрезентации в виде отдельных лексем *would* и *do* воздействуют на организм, приобредая для него знаковую ценность.

2) После того как процесс означивания успешно состоялся («правильная» реакция организма была «подкреплена»), в сознании за данными символами (репрезентациями) закрепляются ментальные образы. Предположительно, *would* концептуализует прежде всего некатегоричное волеизъявление: e.g. – *Do you want some tea? – I would / I'd love to*. Лексема *do* ассоциируется с понятием «совершение действия» в самом широком смысле.

3) На основе накапливаемого опыта и расширяющихся знаний в сознании совершается процесс категоризации: оба понятия составляют одну конфигурацию и становятся категорией. Чтобы ее адекватно представить, лексемам приписывается определенная «роль» (языковая форма), что приобретает вид грамматической конструкции. e.g. – *What would you do in such a case? – I would do it*.

Формы инфинитива *do* и вспомогательного глагола *would* теперь являются единой конструкцией, выражающей категорию супрареальности (обработанная мышлением собственная реальность сознания, «надстроенная» над образами (образом) непосредственной реальности, воспринимаемой человеком из окружающего мира)¹³.

Важно отметить, что в сознании условно «остается» ментальный образ супрареальности, который нужно описать с помощью языковых средств, а не образ самой конструкции как отдельной единицы или языкового эталона. В памяти носителя языка сохраняются лишь знания о том, как построить эту конструкцию из образов отдельных слов, т.е. его опыт подсказывает ему, что нужно сказать – *What would you do, a не – What would you to do или – What do you do?*

Этап II. Для описания этапа речевой реализации определим некоторые параметры ситуации общения: допустим, что говорящий и его собеседник (члены одного и того же языкового коллектива и представители одной культуры) обсуждают какую-то сложившуюся проблему и пытаются найти пути ее решения. То, каким образом говорящий употребляет конструкцию *would do* в высказывании *I would not do it in this case* (как пример), можно разбить на отдельные компоненты-этапы, а именно:

1) мотив говорящего воздействовать на собеседника: мягко указать на неудачность какого-либо действия в настоящей ситуации;

2) формирование в сознании говорящего общего замысла будущего высказывания: образа супрареальности (поскольку, например, образ простой будущности ассоциируется с «мягким», некатегоричным указанием в меньшей степени);

3) конструирование общего смысла, который говорящий хочет донести до собеседника языковой формой: *он бы так не поступил в этом случае*. Здесь в смысловой центр он помещает себя как носителя предположительного (супрареального) действия (в отличие от *it would be better...*), что может приобретать смысл совета с большей степенью соучастия, заинтересованности, сопереживания;

4) лексико-грамматическое развертывание высказывания согласно задуманному смыслу: мягкий совет оформляется грамматической конструкцией *would do*, смысловой компонент соучастия находит выражение в субъекте *I*, который ставится на первое место в высказывании, значение отрицания ассоциируется с формой *not*;

5) произнесение говорящим фразы *I would not do it in this case*.

Этап III. Данную стадию также имеет смысл разделить на подэтапы:

1) восприятие слушающим звучащей речи органами чувств;

2) образование в сознании слушающего образов форм слов: *I, would, not, do, it, in, this, case*;

3) ассоциация выделенных синтагм с ментальными образами: *I would not do it* как первая синтагма (в нашем случае – грамматическая конструкция) ассоциируется с образом супрареальности, *in this case* – с образом пространственных отношений;

4) конструирование общего смысла высказывания на основе сделанных умозаключений о «появившейся» комбинации образов содержания: слушающий интерпретирует высказывание и в зависимости от определенных факторов. Как правило, это индивидуальные особенности умственного развития, социального положения, воспитания, эмоционального состояния и т.д. в большей или меньшей степени достигает понимания того, что имел в виду говорящий (например, мягкий совет с оттенком соучастия и сочувствия).

Таким образом, рассмотренные особенности семиотического процесса грамматической конструкции на разных уровнях (концептуализации и категоризации, речения, интерпретации) помогает открыть новую область исследовательского интереса в вопросах функционирования языковых репрезентаций понятийных категорий. И здесь идет речь не просто об отказе от догм структурализма, в котором грамматика есть застывший инвентарь форм, а о кардинально отличающемся подходе к рассмотрению когни-

тивных механизмов употребления конструкций, где в центре внимания языковая личность и ее речетворчество.

Цели и установки, понятийный аппарат, знание о языке конкретного индивида и обуславливают особенности формирования смысла языковой формы и его дальнейшую интерпретацию в процессе общения, не говоря уже о различных «грамматических вариациях», отклоняющихся от принятой нормы, но допускаемых говорящим в определенной ситуации с определенной целью.

Druzhinin A. S. The Semiotic Essence of Grammatical Construction.

Summary: The article explores the peculiarities of semiosis of grammatical construction from the perspective of modern studies into cognitive linguistics. Setting out the bio-socio-cultural sign theory fundamental for this research, the author defines a grammatical construction as a complex representation of mental images and offers a model of cognitive processes connected with its functioning in language and discourse as illustrated by the example of a Subjunctive Mood form.

Ключевые слова

Биосемиотический подход, языковой знак, грамматика, грамматическая конструкция, понятийная категория

Keywords

Biosemiotic approach, linguistic sign, grammar, grammatical construction, conceptual category

Примечания

1. Архипов И. К. Язык и языковая личность. СПб.: ООО «Книжный дом», 2008. С. 73.
2. Архипов И. К. Язык и его функция: смена парадигм научного знания // *Studia linguistica cognitiva*. Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. С. 114.
3. Ibid. С. 122.
4. Матурана У., Франциско В. Древо познания/ Пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 185.
5. Новиков Д. Н. К биокогнитивным основаниям лексической семантики: Так где же живут слова и их значения? // *Вестник МГЛУ*, 2009. № 571. С. 101–114.
6. Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание / Отв. ред. А.В. Десницкая. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. С. 151.
7. Архипов И. К. Слова и синтаксические конструкции // Слово в предложении: коллективная монография / Под ред. Л. М. Ковалевой (отв. ред.), С. Ю. Богдановой, Т. И. Семеновы. Иркутск: ИГЛУ, 2010. С. 64–83.
8. Kravchenko A. V. Grammar as semiosis and cognitive dynamics [Электронный ресурс] Режим доступа: http://isea.academia.edu/AlexanderKravchenko/Papers/1206178/Grammar_as_semiosis_and_cognitive_dynamics. Дата обращения: 17.06.2012.
9. Evans V., Green M. *Cognitive Linguistics: An Introduction*. L.: Routledgem 2006. P. 501.
10. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Наука, 1969. С. 41.
11. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
12. Зимняя И. А. Смысловое восприятие речевого сообщения // Смысловое восприятие речевого сообщения в условиях массовой коммуникации. М.: Институт языкознания (Академия наук СССР), 1976. С. 32–33.
13. Дружинин А. С. О статусе сослагательного наклонения в английском языке в свете когнитивной лингвистики // *Филологические науки: вопросы теории и практики*. Тамбов: "Грамота", 2012. № 2 (13). С. 62–65. - <http://www.gramota.net/materials/2/2012/2/20.html>

Межличностное взаимодействие читателя, автора и персонажа художественного текста

А.С. Комаров

Статья посвящена процессу общения, возникающему при чтении художественного произведения. Рассматриваются все участники процесса художественного общения: автор, персонаж и читатель. Анализируются возникающие между ними межличностные связи, раскрывается направленность и характер межличностного взаимодействия между субъектами общения. Межличностное взаимодействие между участниками сводится к двум типам: субъектно-субъектному и субъектно-объектному. Субъектно-субъектное взаимодействие характеризуется как процесс межличностного общения, в то время как субъектно-объектное взаимодействие представлено как процесс манипуляционного взаимодействия.

Межличностное взаимодействие участников процесса общения, которое может принимать различные формы, например деловое и дружеское общение, общение в семье, в рабочем коллективе и другие, а также реализовываться в различных типах общения, например политическом, правовом, моральном и других, является в настоящее время особо значимым участком общественной жизни. Читая художественное произведение, мы как читатели вовлекаемся в один из очень специфичных типов общения, художественное или эстетическое, и «вступаем» в данный тип общения в его конкретной реализации, а именно в общение с автором и персонажами художественного текста.

Данный тип общения имеет определенное своеобразие. Он носит виртуальный характер, а также осуществляется не напрямую между его участниками, а через художественный текст, который выступает в качестве материализованной формы этого вида общения. В нем читатель является свидетелем существующего в реальной действительности внутреннего общения человека с самим собой, другим человеком, другими людьми, человечеством, окружающей средой, культурой,

мирозданием, Богом¹. Несмотря на определенную специфику данного типа общения, оно не может не следовать общим закономерностям, присущим любому типу общения. К одной из таких общих закономерностей можно отнести наличие собеседника, то есть субъекта, с которым есть намерение у другого субъекта вступить в общение.

Собеседниками в художественном общении выступают автор, персонажи и читатель художественного произведения. Именно эти три участника данного вида общения вступают в межличностное взаимодействие друг с другом. Существование автора художественного произведения как свободно целеполагающего субъекта проявляется и реализуется как творчество, которое есть не что иное, как создание своего собственного мира². Однако художественное произведение как продукт творчества требует своего получателя, иначе оно теряет «смысл». Более образно положение о «приписывании» смысла сигналу только в случае отклика со стороны «того, кто принял сигнал»³, сформулированное Г. Хакеном, обрисовал Д. Лоуренс: ««Я» каждого человека, не исключая и философа, кончается кончиками его пальцев. Таков предел его живого «я». Что же до слов, мыслей, вздохов и

Комаров Александр Сергеевич – к. филол. н., доцент кафедры английского языка № 1 МГИМО(У) МИД РФ.
E-mail: komarov59@mail.ru

откровений, слетающих с его уст, они суть лишь определенное число колебаний в эфире, отнюдь не способных к самостоятельной жизни. Но если эти колебания достигнут другого человека, он сможет включить их в ритм своей жизни, и жизнь его, может статься, примет новую окраску»⁴.

Следовательно, с целью породить смысл автору нужно присутствие еще одного субъекта, с которым он мог бы вступить в виртуальное общение. Такими субъектами для него являются он сам или кто-то другой, реальный или вымышленный. Межличностное взаимодействие автора с другим (реальным или вымышленным) субъектом «рождается и формируется в процессе взаимодействия и борьбы с чужими мыслями»⁵. Примеры межличностного взаимодействия автора с реальным субъектом, а точнее, его высказыванием многочисленны.

Мы приведем лишь два из них. Первый – это спор И. Бунина с Ф. Достоевским, исследуемый в статье Ю. Лотмана «Два устных рассказа Бунина», в которой автор разбирает «диалог» Бунина с писателями XIX в. В частности, Ю. Лотман отмечает, что «менее всего Бунина, видимо, тревожил Тургенев, – здесь прямая преемственность и нет спора, нет соперничества. Уже к Толстому отношение иное. ... Но самые мучительные отношения были, видимо, с Достоевским». Анализируя рассказы Бунина, автор приходит к выводу: «Более того, кажется, есть основания утверждать, что Достоевский был постоянным и мучительным собеседником Бунина, спор с которым скрыт в подтексте многих сочинений автора «Темных аллея»»⁶. Второй – это творчество Стравинского. В его музыке просматривается потребность «установить связь между столетиями» через «прямой диалог ... то с Чайковским, то с Перголези, затем с Джезуальдо и т.д.»⁷.

Реальным субъектом для автора-творца может выступить и все человечество, а также вся культура, как современная автору, так и существовавшая до него. Яркое описание такого вида взаимодействия дано М. Кундерой в его анализе творчества Кафки. Рассматривая роман Кафки «Америка», М. Кундера отмечает, что перенос действия своего первого романа на континент, где Кафка никогда не бывал, а также изображение множества «неуместных, проявляемых не к месту, чрезмерных, непонятных эмоций» основаны на ясном намерении писателя «не создавать реализм», этот «театр сантиментов», за которым скрывается «сердечная черствость». Мир эмоций в «Америке» нацелен «не только на Диккенса, но на романтизм в целом, ... на его наследников, современников Кафки, в частности на экспрессионистов, на их культ истерии и безумства, ... на всю Святую Церковь сердца»⁸.

Не менее интригующим, чем взаимодействие с реальным субъектом, выглядит межличностное взаимодействие автора с вымышленными им самим субъектами. Такими субъектами в первую очередь являются персонажи. Персонажи, будучи креатурами автора и выступая самостоятельными активными субъектами, вступают в общение с ним самим и читателем. На самостоятельность и отдельную от автора ценность персонажей не

раз указывали сами их творцы. В частности, Агата Кристи писала о своих персонажах, отвечая на вопрос: «Наверное, вы берете ваших персонажей из жизни?» – следующее: «Нет! Я их придумываю. Они мои собственные...; для меня они живые, иногда они выдают свои собственные мысли»⁹.

А Ивлин Во с присущей ему иронией, отвечая одному своему читателю, писал: «One criticism does deeply discourage me: a postcard from a man (my sole male correspondent) in Alexandria, Va. He says: "Your Brideshead Revisited is a strange way to show that Catholicism is an answer to anything. Seems more like the kiss of Death". I can only say: "I am sorry Mr. McClose, I did my best. I am not quite clear what you mean by the "kiss of Death" but I am sure it is gruesome. Is it something to do with halitosis? If so I have failed indeed and my characters have got wildly out of hand once more»¹⁰.

Что касается читателя, то автор также может включить его в круг воображаемых субъектов, превращая его в одного из персонажей¹¹. Более того, в данном отношении интересным представляется не только включение автором в круг персонажей читателя, но и превращение себя самого в персонаж. Так, один из романов Агаты Кристи, «Пассажир из Франкфурта», начинается следующим образом:

«Говорит автор: «Вот вопрос, который читатель обычно задает автору:

– Откуда вы черпаете свои сюжеты?

Великое искушение ответить «Я всегда хожу за ними в «Хэрродс» или «Как правило, я покупаю их в армейских магазинах» или бросить небрежно: «Спросите в «Марксе и Спенсере».

Вряд ли можно отослать любопытствующих к елизаветинским временам, к словам Шекспира:

Скажи мне, где фантазия родится:

В сердцах ли наших или в умах?

Где тот источник, что ее питает?

Скажи, скажи.

Поэтому вы просто отвечаете: «Из своей собственной головы».

Такой ответ, естественно, никого не устраивает. Если собеседник вам по душе, вы смягчаетесь и объясняете чуть подробнее. Затем обычно следует такой вопрос (или скорее утверждение):

– Наверное, вы берете ваших персонажей из жизни?

Вы возмущенно отвергаете это кошмарное предположение»¹².

В вышеприведенном отрывке Агата Кристи вводит в повествование персонаж под именем «автор», который отвечает на задаваемые ему читателями вопросы. Что касается самой А. Кристи, то она «самоустраняется» из данного диалога, «приписывая» вопросы персонажу-читателю и в то же самое время «приписывая» ответы другому персонажу – автору. В данном причудливом «субъект-субъектном пасьянсе» явно за счет использования местоимения «вы» и слова «автор» вместо местоимения «я» прослеживается диалог А. Кристи с читателями. А может быть, с самой собой.

Образ читателя в авторском представлении может быть достаточно конкретным или очень неопределенно-расплывчатым. Например, интересна характеристика, которую давал Л.Н. Толстой своему читателю. В частности, он писал: «50-летний, хорошо грамотный крестьянин, – есть тот читатель, которого я теперь всегда имею перед собой. Перед таким читателем не станешь щеголять слогом, выражениями, не станешь говорить пустого и лишнего, а будешь говорить ясно, сжато и содержательно»¹³. А К.Г. Паустовский не обуславливал никаких конкретных черт своего читателя: «Но, в конце концов, я пишу для всех, кто захочет прочесть написанное мной»¹⁴.

В данной связи следует заметить, что автор может ориентироваться как на воображаемый, так и на реальный образ читателя. Реальный читатель как представитель определенной группы может выступать в качестве покупателя-потребителя того или иного сорта литературы. Автор может видеть основным потребителем своей продукции женщину бальзаковского возраста или девушку-подростка или обеих в определенных обстоятельствах, например как в книге коротких рассказов, написанной «by top women's fiction writers» и ориентированной на отдыхающих на пляже лиц женского пола, со следующей аннотацией к ней К. Хорд: «Sexy Shorts for Summer is the perfect beach read»¹⁵. В свою очередь, воображаемый образ читателя может представлять собой авторскую версию идеального читателя, который императивно навязывается реальному читателю¹⁶.

В целом реальный читатель тем не менее выступает для автора как некая абстракция в отличие от воображаемого читателя-персонажа, будь он идеальной или не совсем идеальной конструкцией автора. Автор и воображаемый читатель, как и персонаж, непосредственно вступают в межличностное взаимодействие, которое подчиняется все той же бахтинской формуле, гласящей, что голоса непосредственно откликаются друг на друга в диалоге. Что касается реального читателя, то он общается не с автором, а с созданным автором художественным текстом, что, на наш взгляд, не одно и то же. Реальный читатель вступает в диалог с текстом, а фактически с персонажами, «населяющими» его.

Рассматривая в данном ракурсе межличностное взаимодействие автора и читателя, нам представляется уместным отграничить создаваемый автором образ читателя от реальной личности читателя, то есть личности читающего художественное произведение. Данные два субъекта, а именно читатель и читающий, могут также вступать в некое взаимодействие друг с другом. Созданный автором образ читателя может в своих основных характеристиках совпасть с личностью читающего. При данном совпадении, скорее всего, возможно сказать, что автор нашел своего читателя, а читающий – своего автора. Однако следует иметь в виду, что читающий, обращаясь к авторскому тексту, в ходе чтения создает образ автора и в ряде случаев переносит этот образ на действительную личность

творца текста. Таким образом, читающий совмещает воображаемый им образ автора и личность творца художественного текста.

Интересным в данной раскладке представляется взаимодействие читателя и читающего с таким участником общения, как персонаж. В связи с тем, что читатель часто вводится автором в повествование в качестве одного из персонажей, взаимодействие читателя и персонажа представляет собой взаимодействие между двумя персонажами. Для читающего взаимодействие с персонажем в целом сводится для него к ответу на вопрос, является ли персонаж воплощением «я» автора, вторым «я» автора или отдельным от автора «я». В случае, если персонаж для читающего является самостоятельным от автора активным субъектом, то он представляет отдельную от автора ценность. В результате у читающего возникает самостоятельное восприятие персонажа, которое может быть сходным с авторским или отличаться от него, что зависит от степени самораскрытия персонажа тому и другому. Так как читающий вступает в непосредственные отношения с персонажем, у них могут «завязываться» совершенно иные отношения, чем у читающего с автором или у автора с персонажем. Однако в случае, если читающий воспринимает персонаж как определенное воплощение «я» автора, то он вступает в межличностное взаимодействие с автором¹⁷.

Итак, рассмотрев всех участников процесса художественного общения, мы приходим к заключению о том, что между ними существует совсем не простое и далеко не прямолинейное, а достаточно «разветвленное» и «переплетающееся» межличностное взаимодействие. Анализируя межличностное взаимодействие между субъектами художественного текста, мы не можем не остановиться на сущностной стороне этого взаимодействия, которое носит качественно различный характер. Межличностное взаимодействие субъектов общения по характеру этого взаимодействия, на наш взгляд, можно свести к двум типам: субъектно-объектному и субъектно-субъектному.

Субъектно-субъектное общение представляет собой отношение к другому как другому, и речь здесь идет «не столько о познании, сколько об особом рода понимании», которое определялось Г. Шпетом как симпатическое, а М. Бахтиным – как сочувственное. «Для него характерны сочувствие, со-мыслие, со-переживание, подражание, вчувствование»¹⁸. В субъектно-субъектном общении происходит процесс трансцендирования, выхода за границы своего «я» и существующего вокруг него бытия¹⁹. Именно данное межличностное взаимодействие можно, по сути, назвать межличностным общением, чего нельзя сказать о субъектно-объектном взаимодействии между субъектами. Ведь субъектно-объектное взаимодействие характеризуется ассимиляцией одного субъекта другим субъектом, а целью данного взаимодействия является реализация своей собственной цели одним субъектом по отношению к другому субъекту, то есть один субъект превращает другого субъекта в

объект. В этом случае можно говорить, скорее всего, о процессе манипулирования одного субъекта другим субъектом.

Отграничив процесс межличностного общения от процесса манипуляционного «общения», мы, чтобы не «компрометировать» понятие общения, назовем субъектно-объектное взаимодействие манипуляционным или коммуникационным взаимодействием.

Итак, автор, читатель и персонаж как субъекты художественного общения представляют собой отдельные друг от друга «я». При субъектно-субъектном общении каждый из них несет в себе собственное «я», не тождественное другому «я».

В случае, если «я» одного из них ассимилируется другим «я», то можно говорить о превращении одного из субъектов межличностного взаимодействия в его объект. Это «превращение» происходит в следующих случаях:

- персонаж для читателя выступает источником информации об авторе, самом себе, своем втором «я» или знакомых ему людях;
- персонаж для автора выступает средством реализации авторского «я»;
- читатель видит в авторе свою собственную субъективность, а художественное произведение воспринимается читающим как средство в изучении авторского «я», своего «я» и «я» других людей;
- автор видит в читателе персонаж, который выступает реализацией «я» автора или его второго «я».

В плане изменения межличностного взаимодействия читателя и автора интересным представляется исследование Ю. Лотмана «Литературная биография в историко-культурном контексте». В нем показана эволюция связи текста с личностью его автора: от этапа, когда «текст был отделен от личности писателя «так, как церковный сан от своего случайно недостойного носителя»» до этапа, когда «биография автора становится постоянным – незримым или эксплицированным – спутником его произведений»²⁰. Данный переход от восприятия текста отдельно от личности его написавшего к восприятию текста в тесной связи с личностью его написавшего, с нашей точки зрения, является яркой иллюстрацией перехода от субъектно-субъектных отношений между читателем и автором к субъектно-объектным, когда читателем «овладевает» «представление о том, что в литературе самое главное – не литература и что биография писателя в некоторых отношениях важнее, чем его творчество»²¹.

Ориентируясь на биографию писателя, читатель превращает персонажей в людей «из жизни автора». В этом случае получается следующее: в одной новелле Э. Хемингуэя «есть образ злой матери: это мать самого Хемингуэя, которую он здесь оклеветал; в другой новелле есть жестокий отец: это месье Хемингуэя: когда он был ребенком, отец разрешил, чтобы ему удалили миндалины без анестезии; в «Кошке под дождем» безымянная героиня высказывает неудовлетворенность «эгоцентричным и неотзывчивым мужем»: это жалуется жена Хемингуэя Хэдди; в героине рассказа «Летние люди» нужно видеть супругу Дос Пассоса: Хемингуэй

тщетно пытался соблазнить ее; в новелле он гнушно ее обманывает, занимаясь с ней любовью под видом одного из героев»²² и т.д.

Из биографий известно, что сами писатели часто мистифицируют свою жизнь. Так, Д. Свифт, однажды в детстве не поймав прекрасную, крупную рыбу, сорвавшуюся у него на глазах с крючка, пишет по этому «печальному» случаю лет через тридцать в своих автобиографических записях: «Досада мучает меня до сих пор, и я верю, что это было предзнаменование для всех моих будущих разочарований». Эти строки Свифта, как и некоторые другие «анекдоты», известные со слов писателя по поводу случившегося с ним, например о дряхлой, лишь на убой годной лошади, породили образ писателя, все творчество которого – «это месье, страшная месье человечеству за обиды, понесенные им в детстве, отрочестве, юности и на протяжении всей жизни»²³.

«Связывание» биографии писателя и его произведений превращает «творчество» читателя в психологическое исследование, в котором сам автор и его персонажи становятся объектами, а предметом этого исследования является биография или «анекдоты» из его жизни. Одно из интересных наблюдений манипуляционного взаимодействия автора и читателя содержится в афоризме Гилберта Кийта Честертона: «Хороший роман рассказывает читателю правду о главном герое, плохой – правду об авторе»²⁴. В случае с «плохим романом» автор сосредотачивается на своей собственной субъективности, которой подчиняет мысли и чувства своих персонажей. Он, конечно, по законам жанра вводит персонажей в свое произведение, стараясь спрятаться за их спинами, но они – лишь «рупоры» мыслей и чувств самого автора.

Данное манипуляционное взаимодействие автора и читателя также прошло некий эволюционный путь. Так, Гаврила Романович Державин особенностью своей позиции как писателя «видел в том, что – певец Фелицы, – он одновременно и певец самого себя. Создатель биографического апофеоза человеческой монархии, он одновременно поэтический биограф вельможи, человеческого мудреца и поэта Гаврилы Державина»²⁵. Однако уже его ученик, А.С. Пушкин, высказывая свое мнение о произведениях В.Ф. Одоевского, упрекнул последнего в том, как пишет Одоевский в письме А.А. Краевскому в 1844 г., что «в моих прежних произведениях слишком видна моя личность. В своей статье о прозе Одоевского А. Немзер отмечает: «...Одоевский ... старался учесть опыт Пушкина и Гоголя. И все же от «личности», прикрывающейся то одной, то другой, но всегда достаточно прозрачной маской, он никуда уйти не мог»²⁶.

В современной постмодернистской литературе «унифицированного эгоцентризма» основной мечтой автора является «написать книгу, чтобы выразить свое неподражаемое и уникальное «я», ковыряющее в носу; никто никого не слушает, все пишут, и каждый пишет, ...сосредоточившись только на себе»²⁷.

При рассмотрении данного манипуляционного взаимодействия, особенно в произведениях так

называемого социалистического реализма, хочется поделиться одним наблюдением как читателя: почему-то часто отрицательные, по замыслу автора, персонажи вызывают бурю разнонаправленных эмоций, размышления и в целом больший интерес со стороны читателя. И происходит это скорее всего потому, что они более удалены от автора, более субъектны. С ними у автора субъектно-субъектное общение, иными словами, автор создает их как субъектов с «чужими мыслями». И читателю интересно наблюдать не только за персонажами, которые «живые», но и за диалогом между автором и персонажем. Для иллюстрации данного положения достаточно вспомнить споры о персонажах фильма С. Говорухина «Место встречи изменить нельзя»: правильном «законнике», достаточно безликом Шарапове и отступающим от закона страстном Жеглове. Насколько мне помнится, симпатии зрителя всегда на стороне Жеглова, хотя всем хочется, чтобы по отношению к ним лично все действия были в рамках закона. И примеров такого взаимодействия можно привести достаточно много, в том числе и совершенно противоположного характера. Вспомним, например, «Поднятую целину» М. Шолохова с его Макаром Нагульновым и т.д.

В число персонажей автором в манипуляционном взаимодействии часто включается читатель. Так, например, это происходит в отрывке из романа А.И. Герцена «Кто виноват?»: «Несмотря на то, что среди видимой праздности Бельтов много жил и мыслию и страстями, он сохранил от юности отсутствие всякого практического смысла в отношении своей жизни. ... Счастлив тот человек, который продолжает начатое, которому преемственно передано дело: он рано приучается к нему, он не тратит полжизни на выбор, он сосредоточивается, ограничивается для того, чтоб не расплыться, – и производит. Мы чаще всего начинаем вновь, мы от отцов своих наследуем только движимое и недвижимое имение, да и то плохо храним; оттого по большей части мы ничего не хотим делать, а если хотим, то выходим на необозримую степь – иди, куда хочешь, во все стороны – воля вольная, только куда не дойдешь: это наше многостороннее бездействие, наша деятельная лень.

Бельтов совершенно принадлежал к подобным людям; он был лишен совершеннолетия – несмотря на возмужалость своей мысли; словом, теперь, за тридцать лет от роду, он, как шестнадцатилетний мальчик, готовился начать свою жизнь, не замечая, что дверь, ближе и ближе открывавшаяся, не та, через которую входят гладиаторы, а та, в которую выносят их тела.

– Конечно, Бельтов во многом виноват.

– Я совершенно с вами согласен; а другие думают, что есть за людьми вины лучше всякой правоты. Так на свете все превратно»²⁸.

Автор, описывая героя своего романа Бельтова, предоставляет право вынести определенное суждение о нем читателю-персонажу. Однако диалог автора или рассказчика, которому автор перепоручает вместо себя вести диалог с читателем-персонажем, носит манипуляционный характер. И за рассказ-

чиком, и за читателем скрывается автор, который выносит суждение и сам на него реагирует. В то же время, как мы предполагаем, но точно не знаем, у реального читателя романа (читающего) может быть и другое суждение о Бельтове, его вине или отсутствии оной. Манипуляционное взаимодействие автора с читателем, в котором автор сосредоточен на своей собственной субъектности, похоже на состояние людей, вовлеченных в танцевальные ритмы рока, когда танцуют «в одиночку, для себя самого, сосредоточившись только на себе, но при этом делая те же движения, что и остальные»²⁹.

Данному манипуляционному взаимодействию с автором подвержен и читающий, который видит в авторе себя, переносит ситуации и переживания на себя самого, отождествляет персонажей с собой или своим вторым «я». Так, рассматривая мелодию и выделяя два тайма в истории европейской музыки и в истории романа, описывая разрыв между эстетикой двух таймов, М. Кундера, на мой взгляд, точно подмечает разницу в восприятии читателем романа и слушателем музыки первого тайма с их восприятием музыки/романа второго тайма: это отсутствие ассоциации с собой. В частности, о романе первого тайма он пишет: «С Сервантесом мы попадаем в мир, созданный колдовством рассказчика, который придумывает, который переходит границы и отдается на волю фантазии и выдумки; невозможно поверить в сто три выбитых зуба Санчо, как, впрочем, и во все остальное в этом романе»³⁰.

И, сравнивая музыку первого (Бах) и второго (Шопен) тайма, продолжает: «Эта ремелодизация Баха не имеет ничего общего с романтизацией; то, что я слышу, – это подлинная мелодия первого тайма, неуловимая, незапоминаемая, несводимая к короткой формуле. ... Невозможно слушать ее, не испытывая при этом сильных эмоций. Но это иные эмоции, по самой своей сути отличные от тех, которые вызывает ноктюрн Шопена. Как если бы за искусством мелодии прятались два противоположных намерения: как если бы фуга Баха, выставя для созерцания сверхсубъективную красоту бытия, хотела заставить нас забыть о состоянии нашей души, о наших страстях и печалях, о нас самих; и, напротив, как если бы романтическая мелодия хотела заставить нас погрузиться в самих себя, напряженно вслушаться в свое «я» и заставить нас забыть о том, что происходит вовне»³¹.

Таким образом, ассоциируя творчество автора со своей субъективностью, читающий забывает и об авторе, и об его персонажах. В целом он забывает о том, что перед ним другие «я», что исключает субъектно-субъектное общение. Ведь только при отсутствии поглощенности в свою субъективность реализуется истинно субъектно-субъектное общение, когда автор и читатель выступают полноценными и равными участниками процесса творческого общения и проявляют интерес не к своему уникальному «я», а к уникальному «я» другого. Именно в интересе к другому, и к автору, способному на фантазию, и к персонажу, отделенному от автора, читатель забывает «интерпретировать», что хотел сказать автор. Забыв об авторе, он ставит в центре

своего внимания вопрос: «А что говорит или имеет в виду персонаж?».

В данной связи представляется интересным то, что «возбуждение» автором определенных эмоций у читателя, заставляющее его погрузиться в собственную субъективность и забыть о других «я», представляет собой манипуляционное действие, направленное на то, чтобы «связать» его эмоции со своими. И в целом «связать» читателя с собой, а проще говоря, «ассимилировать» его чувственный мир.

Подводя итоги рассмотрения межличностного взаимодействия субъектов художественного текста, субъектно-субъектного и субъектно-объектного характера этого взаимодействия, в основе которого лежит отношение между «я» каждого субъекта, нам хотелось бы привести мудрый совет одного из крупнейших прозаиков современности, одного из наиболее интересных и читаемых писателей конца XX века Милана Кундеры, размышляющего об истории романа: «Есть только один способ понять

романы Кафки. Читать их, как читают романы. Вместо того, чтобы искать в образе К. портрет автора, а в словах К. – таинственное зашифрованное послание, лучше внимательно следить за поведением персонажей, их разговорами, их мыслями и попытаться представить их перед глазами»³².

Komarov A.S. Interpersonality Communication of Writer, Character and Reader in Belles-Lettres.

Summary: The article is devoted to intercourse between the writer, the character and the reader, their roles in the process, the characteristics and nature of interpersonal relations between them. The author describes the two types of interpersonal relations: manipulative intercourse and communicative intercourse. Manipulative intercourse is looked upon as a process of depriving one participant of their individuality by the other. Special attention is paid to the nature, sources, and differences between these types of relations, their manifestation in belles-lettres, ways of transforming communication into manipulation.

Ключевые слова

Художественный текст, художественное общение, межличностное взаимодействие, субъекты общения, манипуляционное взаимодействие, образ автора, образ читателя, персонаж, другое «я»

Keywords

Belles-lettres, interpersonal communication, interpersonality intercourse, manipulative intercourse, narration, literary text, writer's image, reader's image, character, assimilation, individuality

Примечания

1. Боров Ю.Б. Эстетика. М.: Высшая школа, 2002.
2. Арсеньев А.С. Философские основания понимания личности. М., 2001.
3. Хакен Г. Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам. М.: Мир, 1991. С. 35.
4. Лоуренс Д.Г. Собрание сочинений: в 7 т. // Т. 7: Сумерки Италии. М.: Бослен, 2008. С. 479.
5. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Социальная психология: Хрестоматия. М.: Лабиринт, 2007. С. 229.
6. Лотман Ю.М. Два устных рассказа Бунина (К проблеме «Бунин и Достоевский») // Лотман Ю.М. О русской литературе. С.-Петербург: Искусство-СПБ, 1997. С. 739–742.
7. Кундера М. Нарушенные завещания: Эссе / Пер. с фр. М.Таймановой. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 82–84.
8. Там же. С. 84–88.
9. Кристи А. Пассажир из Франкфурта: детективный роман. М.: Эксмо, 2011. С. 6.
10. Waugh E. Prose, Memoirs, Essays. M.: Progress Publishers, 1980. С. 374–375.
11. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. С. 497–498.
12. Кристи А. Указ. соч. С. 5–6.
13. Ефимов А.И. История русского литературного языка. Курс лекций. Изд-во Московского университета, 1954. С. 383.
14. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М.: Ось-89, 2009. С. 358.
15. Sexy Shorts For Summer. A collection of short stories. Edited by J. Sanger. Accent Press Ltd, 2004.
16. Лотман Ю.М. Литература в контексте русской культуры XVIII века // О русской литературе. С.-Петербург: Искусство-СПБ, 1997. С. 135–137.
17. Комаров А.С. Автор и персонаж в субъектно-субъектном пространстве художественной прозы // Филологические науки в МГИМО: Сб. науч. трудов. М.: 2012, № 48 (63). С. 176–185.
18. Зинченко В.П. Мысль и Слово Густава Шпета. М.: УРАО, 2000. С. 195.
19. Франк С.Л. Реальность и человек: Метафизика человеческого бытия. М.: Аст, 2007.
20. Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 809.
21. Там же. С. 814.
22. Кундера М. Указ. соч. С. 270–271.
23. Левидов М.Ю. Путешествие в некоторые отдельные страны мысли и чувства Джонатана Свифта, сначала исследователя, а потом воина в нескольких сражениях. М.: Вагриус, 2008. С. 48–57.
24. Суэта сует. Пятьсот лет английского афоризма. М.: Русско, 1996. С. 271.
25. Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 810.
26. Немзер А. В.Ф. Одолевский и его проза // Одолевский В.Ф. Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1988. С. 7.
27. Кундера М. Указ. соч. С. 240.
28. Герцен А.И. Кто виноват? Повести. М.: Правда, 1985. С. 140–141.
29. Кундера М. Указ. соч. С. 240.
30. Там же. С. 64.
31. Там же. С. 78.
32. Там же. С. 210–211.

Категория пространственно-временного континуума в англоязычных биографиях-справках

Д.А. Ефремова

Статья посвящена особенностям пространственно-временного континуума в англоязычных биографиях-справках, которые рассматриваются с позиций лингвистики текста и анализа дискурса. Репрезентация категории пространственно-временного континуума носит в целом объективный характер. Однако субъективность выражается в его индивидуально-авторском членении, метафоризации, образности, анекдотичности и функционировании категорий времени и пространства как средства характеристики персонажа.

Как отмечалось некоторыми исследователями¹, практически все текстовые категории, и особенно категории модальности и темпоральности обладают жанровой спецификой. Более того, по мнению М.М. Бахтина², временная ориентация произведения обнаруживает главную особенность жанра, поэтому данная статья посвящена особенностям пространственно-временного континуума в англоязычных биографиях-справках и ее взаимосвязи с категорией модальности. Основной целью данной статьи является установление специфики реализации категорий пространства и времени в биографиях справочного типа и их субъективных и объективных характеристик. Биографии-справки в большей степени, чем другие виды биографического текста, проявляют признаки научного текста, однако, реализация категории пространственно-временного континуума в этом типе текста и ее взаимосвязь с категорией модальности обнаруживает ряд различий.

Некоторые лингвисты говорят о нулевой темпоральности научного текста³. Суть этого явления состоит в отсутствии каких-либо маркеров

категории времени. Глагольные формы времени, используемые в научных текстах, означают вовсе не то, что они призваны означать с точки зрения грамматики. В частности, формы настоящего времени передают значение постоянства признака, свойства или постоянства совершаемого действия. Такие значения абстрагированы от конкретных глагольных форм. Текущее время здесь как бы вообще отсутствует. Как показывает анализ биографических справок, явление нулевой темпоральности для них совершенно не характерно: показатели времени встречаются постоянно, и глаголы свидетельствуют об определенной временной отнесенности текста.

Как отмечают многие исследователи⁴, научные тексты отличаются преобладанием объективных способов выражения категории темпоральности при практически полном отсутствии субъективных. Тексты этого функционального стиля характеризуются доминантой реального времени, выражающейся в использовании настоящего индифинитного времени и пассивных конструкций⁵. Данное время крайне редко используется в биогра-

фиях-справках и в таких случаях применяется для введения авторского комментария, включаемого в текст для восполнения нехватки информации. Эта информация в основном общедоступна и носит энциклопедический характер: Serbian-American inventor Nikola Tesla was born in July of 1856 in what is now Croatia⁶.

Контраст, создаваемый противопоставлением двух временных планов July of 1856 и now – современность, отсылает нас к историческим событиям Первой мировой войны и периоду, когда Австро-Венгрия не потеряла еще свою территориальную целостность. Автор избегает упоминания названия страны, возможно, чтобы у не очень сведущих в вопросах географии и истории читателей не возникало проблем с локализацией государства, которое на карте мира не существует уже около века. Для этого и используется перифраз what is now Croatia. Внося дополнительную фактологическую информацию, автор усиливает объективный план текста.

Кроме того, настоящее время часто используется для установления связи текста или персонажа с современностью и характеристики героя биографии: He is *enduringly popular* for his memorable characters and his portrayal of the social evils of Victorian England⁷.

В данном фрагменте оценочная характеристика *enduringly* содержит указание на большой период времени, что свидетельствует о характере популярности биографируемого лица, но качественное прилагательное *popular* в силу частотности своего употребления не обладает сильным эмоциональным воздействием на читателей. Оно скорее выражает всеобщую, а не авторскую характеристику, а само значение слова *popular* – liked, enjoyed or supported by many people⁸, свидетельствует о его отнесенности к большому количеству людей и поэтому может считаться средством объективной модальности.

Традиционно в биографиях-справках хронологического типа настоящее время чаще всего используется для описания прошлых событий: August 31, 1864 – Makes a speech to the 148th Ohio Regiment. December 20, 1864 – Sherman reaches Savannah in Georgia leaving behind a path of destruction 60 miles wide all the way from Atlanta⁹. Очевидно, что в данных примерах говорить о каком-либо экспрессивном потенциале настоящего времени нельзя. Главным показателем временной отнесенности события служат даты, поэтому употребление форм прошедшего времени часто представляется авторам избыточным.

Хотя биографические справки характеризуются в основном чертами, присущими научному тексту, они могут от него отличаться наличием анекдотичности. Анекдотичность традиционно понимается как свойство художественного текста, которое состоит в фантастическом, эстетически-образном, мифологическом отражении реальных событий¹⁰. Стремясь сделать свой текст более интересным и захватывающим, авторы биографических справок включают в текст повествование, ко-

торое по своей форме и особенностям может быть сродни данной композиционно-речевой форме в детективных и любовных романах: Lincoln also did some criminal trials. In one case, a witness claimed that he could identify Lincoln's client who was accused of murder, because of the intense light from a full moon. Lincoln referred to an almanac and proved that the night in question had been too dark for the witness to see anything clearly. His client was acquitted¹¹.

Зачин здесь маркирован лексической единицей с неопределенной временной отнесенностью. In one case указывает на повторяемость действия, что, как правило, характерно для анекдотичных фрагментов. В данном примере моделируется судебный процесс, для чего используется официально-деловая тематическая лексика: witness claimed, identify, referred to. Темпоральный указатель the night in question также напоминает выражения, которые обычно используются в протоколах судебных заседаний.

В отличие от текстов научного стиля, биографии-справки характеризуются преобладанием прошедшего времени в структуре временного континуума. Темпоральная доминанта прошедшего времени указывает на содержательно-концептуальную информацию, передаваемую биографическим текстом. Время в биографических справках носит дискретный, точечный, а не континуумный характер (дейктические единицы, указывающие на точку во времени, преобладают над указывающими на период времени) и объединяются посредством когезивных лексических единиц, маркирующих хронологическую последовательность: further, after, later, soon, also, then etc.

События жизни биографируемого лица располагаются в строгой, линейной логической последовательности, при этом ретроспективные и проспективные фрагменты встречаются редко и только в биографических статьях. Думается, что объяснить это можно прагматической установкой на сообщение максимального количества информации наиболее кратким и четким способом, а проспективные и ретроспективные фрагменты, как правило, бывают весьма объемными и нарушают когерентность текста. Проспекция в биографических статьях используется в основном как средство объективности: либо для сообщения дополнительной информации, либо для установления связи с настоящим: A strike by Disney animators in 1941 was a major setback for the company. Many top animators resigned, and it would be many years before the company produced animated features that lived up to the quality of its early 1940s classics¹².

В данном примере проспективный фрагмент используется для объективации авторской оценки major setback, однако лексическая единица, обозначающая неопределенное время, it would be many years сгущает краски и заставляет фрагмент звучать более эмоционально, а значит, и несколько субъективно. Использование проспекции для установления связи с настоящим создает необычное переплетение реального и биографического времени: Tesla's work then shifted to turbines and other projects.

Because of lack of funds, his ideas would remain in his notebooks, which are still examined by enthusiasts for unexploited clues¹³.

Данный фрагмент построен на одновременной реализации трех временных планов: плана прошедшего времени (shifted), проспективного плана (would remain) и плана настоящего времени (are still examined), что создает единство внутритекстового времени биографий-справок и свидетельствует о некоей преемственности поколений, приближает читателя к описываемым событиям.

Авторы биографий-справок стремятся добиться восприятия биографического времени как реального или исторически достоверного с помощью набора определенных средств: словоупотребления, функционирования терминов и событийных имен. Ретроспективные фрагменты также могут применяться с той же целью, вводя ссылки на авторитет, придающие тексту объективное звучание. В то же время они часто являются средством характеристики персонажей, а значит, и средством субъективности: Reading material was in short supply in the Indiana wilderness. Neighbors recalled how Abraham would walk for miles to borrow a book. He undoubtedly read the family Bible and probably other popular books at that time such as Robinson Crusoe, Pilgrim's Progress and Aesop's Fables¹⁴.

Ретроспекция, маркированная глаголом recall, представляет собой ссылку на авторитет, которая объективирует характеристику персонажа. Пространственная дейктическая единица the Indiana wilderness, показывающая, в каком захолустье жил герой и насколько его окружение не благоприятствовало развитию в нем тяги к чтению и знаниям, еще более ее усиливает. А благодаря взаимодействию пространственных и временных показателей: лексической единицы, указывающей на большое расстояние, и глагола would, обозначающего привычное, повторяющееся действие, автор выражает свое восхищение упорством своего героя и его стремлением к знаниям. Таким образом, в данном фрагменте автор прибегает к средствам объективности, чтобы заставить свою точку зрения звучать более достоверно и убедительно для читателей.

Очень часто авторы биографических справок, пытаясь преодолеть разрыв между реальным и биографическим временем, сделать своего читателя как бы полноправным участником событий жизни своего героя, используют сочетание несочетаемого. Они помещают рядом дейктические единицы, указывающие на различные временные пласты – настоящий и прошедший, будущий и прошедший: It was 1950 and now the name Marilyn Monroe was being heard all over Hollywood¹⁵. Использование обстоятельства настоящего времени now и нетипичной для глагола to hear формы континууса в прошедшем контексте заставляет читателей живо представить описываемые события и как бы участвовать в них.

Историческое время в биографиях-справках находит свое отражение в использовании событийных имен, терминов и имен собственных, которые имеют определенную временную отнесенность, что

придает тексту объективное звучание: He went to the USA for a lecture tour, and was invited to make a speech at Westminster College, Fulton, Missouri, USA on 5 March. It was here that Churchill described the existence of an Iron Curtain across Europe between Soviet-dominated states of Eastern Europe and the democracies of the West. The phrase had previously been used by others, notably the Nazi propaganda minister Joseph Goebbels¹⁶.

Термин Iron Curtain и имя собственное Joseph Goebbels имеют конкретную временную отнесенность к определенному периоду и маркируют историческое время. Пространственная дейктическая единица here абстрактного характера, которая является частью эмфатической конструкции, выступает не только как средство когезии, но и свидетельствует о важной роли хронотопа для авторского восприятия данного фрагмента. Описывая события, которые, как известно читателям, оказали большое влияние на ход мировой истории, автор стремится к достоверности, объективности изложения.

Помимо того, нельзя говорить об абсолютно объективном характере биографического времени. Авторская субъективность часто находит свое отражение в метафоризации времени, его образной репрезентации: His early army career was punctuated by well-received journalistic writings and self-inflicted course of reading, launching him on a literary career, which he pursued throughout his life¹⁷. Период времени в жизни героя, обозначаемый словосочетанием His early army career с временным компонентом early, видится автором как глава книги жизни, о чем свидетельствует употребление метафоры was punctuated, которая в сочетании с имеющим положительную коннотацию прилагательным well-received передает авторское восхищение способностями своего героя.

Часто авторская субъективность находит отражение в оценках времени, которые автор дает с помощью использования наречий качественной характеристики по отношению к определенным временным периодам: As early as July, Arthur began to have doubts about the marriage. Sydney Skolsky remarked that "Miller looked on Marilyn strictly as an ideal and was shocked to discover that she is a human being, a person, and even as you and I maybe"¹⁸. В данном примере авторская оценка времени, выражаемая адвербиальным словосочетанием as early as July, оценивающая период времени как очень короткий, является и средством характеристики персонажа, изображая Артура Миллера как человека непостоянного, не готового принимать недостатки другого, а тем более близкого человека. Эта оценка подкрепляется средством объективности – цитатой, что заставляет мнение автора звучать более убедительно, выглядеть достоверно.

Анализ текста биографий-справок показывает, что членение временного континуума и точная временная отнесенность в них играет большую роль. Описываемое явление становится приближенным к читателю, когда оно выделено. И.Р. Гальперин отмечает, что выделение в тексте осуществляется перерывом в разворачивании событий и фикса-

рованием внимания на каком-то отрезке текста¹⁹. Это фиксирование осуществляется часто помещением обстоятельств времени в эмфатические конструкции и конструкции с инвертированным порядком слов: For the first 200 years after his death Shakespeare's plays were frequently performed in cut or revised form (Nahum Tate's *King Lear* was given a happy ending) and it wasn't until the 19th century, with the critical assessment of Samuel Coleridge and William Hazlitt, that the original texts were restored²⁰. Данная эмфатическая конструкция представляет собой семантический частный повтор, но в более яркой форме представляет информацию, которая автору показалась важной, субъективно значимой.

Также о важности временной отнесенности свидетельствует тот факт, что она почти всегда лежит в основе объемно-прагматического членения текста биографических справок. Так, рубрики, выделяемые в тексте, содержат временные показатели: early plays, tragedies and late plays, her reign 1558–1603, end of the reign, early political career, Lincoln won 1864 soldier vote. Более того, категория пространственно-временного континуума дает широкие возможности для переакцентуации деталей. Например, биография А. Линкольна в различных биографических справочниках делится на различные подразделы. Так, для авторов Hutchison Encyclopedia более важной представляется карьера Линкольна-президента, поэтому под нее выделяется целый подраздел, озаглавленный Presidency, а его роль в гражданской войне упомянута вскользь в разделе Early political career. По-другому достижения А. Линкольна рассматривают авторы сайта www.bio.com, которые военной карьере Линкольна отводят целый раздел Civil War, в то время как Joseph Nathan Kane в биографическом справочнике "Facts about Presidents" дает подробное описание жизни А. Линкольна, в котором встречаются разделы: Parents, First Lady, Lincoln's Beard, First president Born outside Original 13 States и др. Таким образом, членение временного континуума на части является ярким отражением авторской субъективности.

Порядок, а также графическое выделение имеют, несомненно, большое значение для биографий-справок, так как они свидетельствуют о скрупулезном анализе, который автор провел для его установления: Abraham Lincoln:

- was the first President born in Kentucky;
- was the third President to die in office;
- was the first president to be assassinated;
- was the fifth President who was a resident of a state other than native state²¹.

Пример, очевидно, свидетельствует не столько о достижениях биографируемого лица, сколько о той исследовательской работе, которую провел автор для установления данной информации, что усиливает доверие читателя к тому, о чем пишет биограф.

Таким образом, категория темпоральности в биографическом тексте играет очень важную роль и представляет собой сочетание исторического, биографического и реального времени, которое разветвляется линейно с небольшим количеством

перспективных и ретроспективных фрагментов. Время в биографических справках в целом имеет объективный характер, что выражается в использовании точных дат, событийных имен, имен собственных и терминов, которые имеют определенную временную отнесенность. Однако субъективность в репрезентации категории темпоральности находит свое отражение в индивидуально-авторском членении временного континуума, метафоризации времени, фантастически-мифологическом, эстетически-образном отражении реальных событий (анекдотичности) и функционировании времени как средства характеристики персонажа.

Другой немаловажный компонент континуума как категории текста – пространство традиционно в философии понимается как форма сосуществования материальных объектов и процессов, которая характеризуется структурностью и протяженностью материальных систем. Пространство имеет объективный характер, неотделимо от материи, неразрывно связано с ее движением, обладает количественной и качественной бесконечностью²². Вербальное описание пространства воплощает черты философского его понимания, но и имеет ряд особенностей. Так, Ю.М. Лотман и Д.С. Лихачев понимают художественное пространство как субъективную категорию, которую нельзя свести к воспроизведению локальных характеристик реального ландшафта.

Оно представляет собой «модель мира данного автора», в которой размещаются персонажи и совершается действие²³. Эта модель мира подчиняется определенным художественным задачам²⁴. В отличие от художественных текстов, о которых в основном и пишет Д.С. Лихачев, авторы биографических справок, максимально стремясь приблизить пространство своего произведения к реальному, традиционно стараются звучать объективно при его описании: The main floor was reserved for the delegates. A balcony was provided for spectators. The building was equipped with telegraph equipment. The Wigwam, decorated with flags, flowers, evergreens, and statuary accommodated ten thousand persons. William Boyington was the architect²⁵.

Данный фрагмент характеризуется основными чертами, традиционно присущими описанию – преобладание статива, отсутствие глаголов действия, наличие перечисления. Тем не менее данное описание никак нельзя сравнить с избыточными сложными предложениями, эпитетами, образными метафорами, описаниями в художественном тексте. Оно, напротив, звучит максимально бесстрастно, объективно, как хроника, что усиливает доверие читателей к сообщаемой информации. Описательные определения все же иногда встречаются в подобного рода фрагментах, но они, как правило, в силу частотности своего употребления не производят сильного впечатления на читателей, хотя и обладают определенной долей субъективности: Hillary Diane Rodham was born on October 26, 1974 in Chicago and raised in Park Ridge, Illinois, a picturesque suburb located 15 miles northwest of downtown Chicago²⁶.

Субъективный компонент данного высказывания *a picturesque suburb* практически полностью нивелируется средствами объективности, довольно широко представленными в данном фрагменте – топонимами Chicago, Park Ridge, Illinois, northwest of downtown Chicago. Пространство в этом фрагменте носит нетипичный для биографий метрическо-топологический характер. Традиционно количественные свойства пространства игнорируются авторами художественных и публицистических текстов. Даже в стремящихся к фактологической точности биографиях-справках метрические и топологические характеристики пространства подвергаются аппроксимации. Возможно, это стоит объяснить сложностью получения подобного рода пространственной информации и высокой вероятностью ошибок. Но в данном примере автор использует точную количественную характеристику расстояния, что еще более усиливает объективный план текста.

Тем не менее достаточно частое использование метафорических фраз и словосочетаний с живой образностью свидетельствует о присутствии автора на страницах биографических справок и его субъективности: *His rise from the poor frontier farmer to great national leader, his ingrained democracy and humanity, and perhaps most of all his image as one more saddened than angered by treachery and treason, touched a deep cord in the American imagination as it had never before, nor has it since, been touched*²⁷.

В данном примере эмоционально-оценочный компонент представлен довольно веско, прежде всего за счет словосочетаний с положительной коннотацией *ingrained humanity, great national leader*. Этот компонент еще более усиливается пространственной метафорой *touched a deep cord*, целостное восприятие которой затем нарушается путем свободного употребления ее глагольного компонента во фразе с инвертированным порядком слов, придающей ему большую яркость. Модальное слово *perhaps*, используемое в этом фрагменте, несколько смягчает категоричность высказываний автора, но не нивелирует общий субъективный план высказывания.

Метафоризация пространства также часто может являться результатом субъективно-авторского восприятия событий: *Various shots made their way into the public eye, where some were eventually seen by RKO Pictures head Howard Hughes*²⁸. В данном примере персонификация, которой подвергается неодушевленный объект *Various shots*, а также пространственная метафора *made their way into the public eye* позволяют автору достаточно ярко и образно описать события, которые положили начало карьере его героини, привлечь к ним внимание читателей, тем самым отражая их значимость на ее жизненном пути.

Авторская субъективность также находит свое отражение в неожиданном, непривычном и часто противоречащем логике и здравому смыслу восприятии пространства: *February 25, 1956: Returns to Hollywood after more than one year away in exile in New York. The reporters were at Los Angeles airport*

*to cover her return*²⁹. Пребывание в одном из самых интересных, увлекательных городов Америки, с большим количеством разнообразных развлечений и увеселительных мероприятий, вряд ли можно назвать ссылкой. Но отъезд туда ознаменовал небольшой перерыв в карьере звезды, поэтому и представляется автором таким образом. Использование парадокса *in exile in New York* свидетельствует об авторской субъективности.

Пространственный перифраз также можно признать показателем авторской субъективности, зеркалом его отношения к определенным событиям: *Her next production was not much better, a bit in the eminently forgettable "Scubba Hoo! Scudda Hey!" (1948) Two of the three brief scenes she appeared in wound up on the cutting room floor*³⁰. Данный перифраз свидетельствует о положительном отношении автора к своей героине, Denny Jackson старается максимально сгладить описание неудач, которые преследовали Мерлин Монро в начале ее карьеры. Интерпретация перифразы *wound up on the cutting room floor* требует от читателей больших мыслительных усилий, чем, например, прямое, открытое указание на провалы в ее карьере. Это ослабляет и смягчает отрицательную оценку, которую подобная информация могла бы вызвать.

Очень часто политкорректное, вежливое отношение автора к своим героям находит свое отражение в использовании эвфемизмов для именования локусов: *This would not last as Gladys couldn't cope with her mounting debts, and her frail state of mind got her certified paranoid schizophrenic and she ended up institutionalized*³¹. Причастие *institutionalized* указывает на то, что мать Мерлин Монро окончила свои дни в сумасшедшем доме, но звучит оно намного более мягко, нежели *lunatic asylum* или *madhouse*.

Таким образом, пространство в биографических справках носит топологический характер, что отражает стремление авторов подобного типа текстов к объективности, достоверности предоставляемой информации. В то же время информация метрического характера редко включается в текст биографий-справок, поскольку получение информации метрического характера, как правило, связано с большими сложностями и велика вероятность неточностей. Несмотря на тенденцию к объективности, точности, подлинности репрезентации пространства в биографических справках, она не лишена субъективности, которая выражается в основном в метафоризации, использовании эвфемизмов, перифразов, парадоксов.

Efremova D.A. The Category of Existential Continuum in the English Biographical References.

Summary: The article is devoted to the peculiarities of existential continuum in English biographical references, which are investigated in terms of text linguistics and discourse analysis. The text manifestation of the category of the existential continuum has, as a whole, an objective character; however subjectivity is expressed in its individual and author's partitioning of the text, a metaphorisation, figurativeness, anecdotism and the functioning of the categories of time and space as a means of the characters' characteristics.

Ключевые слова

Категория пространственно-временного континуума, биографии-справки, субъективная и объективная модальность

Keywords

The category of existential continuum, biographical references, a subjective and objective modality

Примечания

1. Бочкова О. С. Категории модальности, времени и пространства в жанре научной фантастики // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Саратов, 2006. С. 7,8; Ласица Л.А. Внутреннее время текста: лексико-грамматические и онтологические модели – автореф. дис. на соиск.степ.к.филол.н. Челябинск, 2008. С. 8.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С.234–407.
3. Ласица Л.А. Указ. соч. С. 16; Валгина Н.С. Теория текста. М.: Мир книги, 1998. С.126.
4. Тураева З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное. М.:URSS, 2009. С. 89; Ласица Л.А.Указ. соч. С. 9.
5. Тураева З.Я. Указ.соч. С.88.
6. Tesla N. //The Hutchinson Encyclopedia / A. Hutchinson Hilton: Pocket Hutchinson, 2001. С. 905.
7. Dickens Ch.//The Hutchinson Encyclopedia / A. Hutchinson Hilton: Pocket Hutchinson, 2001. С. 271.
8. Cambridge dictionary online // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/popular_1?q=popular (15.09.2012)
9. Norton R. Timeline of A. Lincoln / R. Norton History Place // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.historyplace.com/lincoln/> (08.06.2012)
10. Столович Л.Н. Анекдот и миф / Столович Л. Н.// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/stolovich_anekdot/ (20.09.2012)
11. Goodwin D.K. Abraham Lincoln/ Goodwin D. K.// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.biography.com/people/abraham-lincoln-9382540> (15.09.2012)
12. Walt Disney. //Encyclopedia Britannica. Lnd: Cambridge University Press, 2010 –Vol. 8 С. 458.
13. Tesla N. //Encyclopedia Britannica. Lnd: Cambridge University Press, 2010 –Vol. 8 С. 848.
14. Goodwin D. K. Abraham Lincoln / Goodwin D. K. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.biography.com/people/abraham-lincoln-9382540> (15.09.2012)
15. Fraser Penny Her Life/ Fraser Penny//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.immortalmarilyn.com/HerLife1.html>
16. Winston Churchill //The Hutchinson Encyclopedia / A. Hutchinson – Hilton: Pocket Hutchinson, 2001. С. 199.
17. Sir Winston (Leonard Spencer) Churchill // Cambridge Biographical Encyclopedia. Cambridge: Cambridge University Press,1998. С. 204.
18. Marilyn Monroe. Biography // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ellenseplace.net/mmbio3.htm (15.09.2012)
19. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин М.:URSS, 2008. С. 94.
20. William Shakespeare / The Hutchinson Encyclopedia / A. Hutchinson – Hilton: Pocket Hutchinson, 2001. С. 862.
21. Kane J.N. A. Lincoln / Facts about Presidents. NY.: The H.W.Wilson Company, 1989. С. 92
22. Алексеев А.П., Васильев Г.Г. Пространство / Краткий философский словарь. М.: Издательство Проспект, 2008. С. 476.
23. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. Избранные статьи (в 3-х т.). Таллин: Александра, 1993. С. 134.
24. Лихачев Д.С.. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. С.360.
25. Kane J.N. Указ. соч. С.9.
26. Hillary Clinton// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.biography.com/people/hillary-clinton-9251306> (15.09.2012)
27. Abraham Lincoln. /Webster's American biographies. Springfield, Massachusetts: G&C Meriam Company Publishers, 1974. С. 63.
28. Jackson D. Marilyn Monroe / Mini Biography// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.imdb.com/name/nm0000054/bio>(15.09.2012)
29. Sims M. The Days of her Life. The Most Complete Timeline of Marilyn's Days / M.Sims // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.immortalmarilyn.com/Timeline.html> (08.06.2012)
30. Jackson D. Указ. соч.
31. Fraser Penny. Указ. соч.

Регулирование экспертизы научных проектов в Немецком научно-исследовательском сообществе

Е.А. Водяницкая

В статье рассматривается регулирование процедуры экспертизы научных проектов в Немецком научно-исследовательском сообществе. Автор анализирует этапы проведения экспертизы и приводит ряд критических замечаний по существу данной процедуры, затрагивающих необходимость более полного информирования заявителей о результатах экспертизы, пересмотра условий оплаты работы экспертов, отхода от принципа анонимности.

Немецкое научно-исследовательское сообщество (ННИС) занимает центральное место в немецкой научной системе, так как является основной научной самоуправляющейся организацией в Германии. Она по поручению Федерации и земель ежегодно распределяет около 1,3 млрд евро из государственного бюджета на финансирование научно-исследовательских проектов, разрабатываемых в вузах и государственных научно-исследовательских учреждениях. ННИС выступает как частноправовая организация в форме зарегистрированного общества, членами которой являются преимущественно университеты, а также иные научно-исследовательские учреждения.

Задача ННИС – поддержка всех научных направлений, как естественных, так и гуманитарных. Финансирование проектов ННИС не связано с какими-либо четкими содержательными критериями, а осуществляется исключительно в результате отбора заявок по признаку их выдающейся научной значимости и потенциала соответствующего

исследования, которые устанавливаются в ходе строго регламентированной процедуры. Оценка осуществляется учеными-экспертами в соответствующей научной дисциплине, которые рассматривают заявки исключительно с позиций их научных качеств (актуальность, оригинальность, значимость, методология, возможность применения проекта на практике). При этом федерация и земли, которые выделяют денежные средства, в целом имеют в ходе проведения экспертизы ограниченные права участия в принятии решения. Этим процедура оценки в ННИС существенно отличается от других программ финансирования научных проектов, например, таких, как программы Федерального правительства или Еврокомиссии: они зачастую предъявляют слишком детализированные требования к содержанию проекта.

ННИС определяется как самоуправляющаяся научная организация, поскольку оно само распоряжается выделенными из бюджета страны денежными средствами в рамках проводимой процедуры. Состав экспертных советов определяется

Водяницкая Елена Александровна – к.ю.н., старший преподаватель кафедры конституционного права МГИМО(У) МИД России. E-mail: e.vodyanitskaya@inno.mgimo.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №12-06-00385 «Социально-политическая функция национальных научных фондов».

научным сообществом путем выборов, поскольку считается, что в области научных исследований только ученые-специалисты в различных областях знаний способны дать адекватную оценку предмету заявки и судить о рациональной направленности будущей научно-исследовательской деятельности. Только им предоставлено право определять, чьи идеи и проекты настолько многообещающи, что достойны выделения финансовых средств на их реализацию, и от них действительно можно ожидать получения новых высоких научных достижений в будущем. Кроме того, финансирование научно-исследовательских проектов со стороны самоуправляющейся организации позволяет быстрее реагировать на развитие науки в целом и ее отдельных отраслей.

В основном ННИС осуществляет поддержку исследовательских проектов в вузах, в меньшей степени – научных проектов иных исследовательских учреждений, как, например, Общества им. Гельмгольца (Объединение научно-исследовательских центров Германии) или Общества научных исследований им. Макса Планка. Правом подачи заявки в ННИС обладает любой научный сотрудник, имеющий ученую степень. Согласно Уставу ННИС, организация «служит развитию науки во всех ее отраслях»¹, то есть она осуществляет поддержку проектов в любой области научных знаний. Однако поскольку на исследовательские проекты в области естественных наук зачастую требуются дорогостоящие приборы и привлечение большого количества сотрудников, для их финансирования существуют специальные программы, предоставляемые Федеральным министерством образования и развития науки. В свою очередь, ННИС чаще осуществляет финансирование проектов в области гуманитарных и социальных наук, исследования в которых доступны небольшим научным организациям.

В отличие от других государственных или частных программ поддержки науки, коммерчески перспективные проекты и инновации с широкой сферой применения не пользуются приоритетным правом финансирования в ННИС. Предпочтение отдается проектам, которые способны вызвать радикальные преобразования в системе научного знания. Также ННИС, как правило, не выделяет средства на разработку устройств, относящихся к типовому оборудованию научно-исследовательских центров, а финансирует создание только тех средств, которые необходимы для осуществления конкретного исследовательского проекта. При этом специалисты, получающие финансирование от ННИС, не могут входить в профессорско-преподавательский состав вуза, а должны заниматься исключительно научно-исследовательской деятельностью.

Помимо поддержки исследовательских проектов, основанной на конкуренции и направленной на развитие и совершенствование науки, ННИС ставит перед собой и иные задачи. Организация осуществляет поддержку молодых ученых (например, в рамках программы им. Эмми Нетер), спо-

собствует созданию сети междисциплинарного и международного сотрудничества между учеными, повышению качества получаемых научных знаний и внедрению эталонов научно-исследовательской практики, а также дает рекомендации компетентным государственным органам по вопросам научно-исследовательской политики.

За последние десятилетия ННИС неоднократно изменяло свою структуру, расширяло сферу деятельности и адаптировалось к изменениям в научной среде. Особое внимание было уделено таким новым способам поддержки науки, которые направлены на совместную исследовательскую деятельность и создание структурной сети научных учреждений (поддержка исследовательских групп, аспирантур, сфер особого научного интереса, научно-исследовательских центров и т.д.). В 2002 г. ННИС провело реформу, в ходе которой существовавшие на тот момент экспертные комитеты были заменены системой экспертных советов (изменения в Уставе ННИС от 3 июля 2002 г.). Если ранее оценкой заявок занимались непосредственно эксперты – избранные члены экспертных комитетов, то после реформы процедура экспертизы заявок стала происходить, как правило, вне экспертных советов. Их основной функцией стало принятие решения на основе заключений, подготовленных специальными экспертами. Однако возможны исключения из такого порядка – например, при проведении координированной процедуры.

С помощью реформы было достигнуто более четкое формальное разделение между письменной экспертизой заявки (осуществляемой независимыми экспертами) и оценкой проекта в целом экспертным советом. Тем самым предполагалось усилить влияние основополагающего для ННИС принципа разделения экспертизы и принятия решений. После экспертизы и принятия решения на заседании экспертного совета оно подлежит утверждению в Совместном комитете ННИС, что является окончательным этапом рассмотрения заявки. Такой многоступенчатый процесс позволяет ННИС с определенной долей уверенности гарантировать, что потенциально возможный конфликт интересов между экспертами (например, предвзятость эксперта) не окажет негативного влияния на процедуру рассмотрения заявки.

Порядок формирования и компетенция экспертных советов

Согласно § 8 Устава ННИС, научная оценка заявок является обязанностью избранных членов экспертных советов. В осуществлении их функций им оказывают поддержку независимые эксперты и контролеры. Процедура проведения экспертизы готовится и координируется аппаратом ННИС. Члены экспертных советов избираются согласно § 9 Устава каждые 4 года на основании Положения о выборах, принятого Сенатом ННИС². В выборах участвуют все научные работники организаций – членов ННИС и других исследовательских центров, допущенных до выборов Сенатом. Согласно Положению о выборах, правом голоса обладают все

немецкие ученые, занимающиеся научно-исследовательской деятельностью и получившие ученую степень доктора наук не менее года назад.

Список кандидатов составляется Сенатом ННИС. При регистрации выдвинутых кандидатов Сенат руководствуется следующим критериями:

- квалификация кандидата;
- необходимое число кандидатов для каждого направления;
- внутренняя тематическая структура дисциплины;
- число предыдущих номинаций кандидата;
- необходимое участие женщин;
- уравниненное возрастное соотношение;
- необходимое участие неуниверситетских исследователей.

При голосовании применяется так называемый кумулятивный вотум – каждый избиратель обладает 6 голосами, которые он может распределить между кандидатами по своему усмотрению. За одного кандидата разрешено подавать до трех голосов. Нынешний состав экспертных советов был избран в 2011 г. на период с 2012 по 2015 г.³ В выборах приняли участие более 110 000 выборщиков, членами экспертных советов были избраны 606 ученых. В 2012 г. начали свою деятельность все 48 вновь избранных экспертных советов, которые в целом включают 209 научных дисциплин. Для сравнения: на выборах 2003 г. в 48 экспертных советов, которые включали 201 научную дисциплину, были избраны 577 экспертов из более чем 1300 кандидатов. В выборах приняли участие 39 000 выборщиков.

Свои обязанности эксперты выполняют на общественных началах, сохраняя должность, на которой они находились на момент выборов. Деятельность в качестве эксперта ННИС традиционно воспринимается как почетная обязанность ученых в вузах и научно-исследовательских учреждениях, которая исполняется наряду с иными трудовыми обязанностями без дополнительного вознаграждения. Такая практика функционирует, исходя из принципа взаимности: поскольку каждый эксперт сам может подать заявку в ННИС, он потенциально выигрывает от такой почетной обязанности своих коллег. Кроме того, повышенная рабочая нагрузка компенсируется различными нематериальными привилегиями. В целом избрание в качестве эксперта ННИС рассматривается в научном сообществе как высокая профессиональная честь, а работа экспертов, в свою очередь, повышает престиж научно-исследовательской деятельности. Также эксперты получают возможность заранее узнавать о тенденциях развития в науке и могут сами оказывать существенное влияние на будущие направления исследований в рамках своей научной дисциплины.

В последнее время, однако, принцип безвозмездности работы экспертов все больше ставится под сомнение. В рамках программы Федерального правительства «Exzellenzinitiative», руководство которой осуществляло ННИС и на участие в которой подали заявки большинство немецких ученых,

для обеспечения беспристрастности процедуры были привлечены иностранные эксперты. Также и в обычной процедуре рассмотрения и оценки заявок все больше задействуются эксперты из-за рубежа, а поскольку они никак не могут выиграть от принципа взаимности в работе ННИС, то в настоящее время рассматривается вопрос возможного введения оплаты работы экспертов. При этом ссылаются на то, что в рамках ЕС в целом предусмотрено возмещение расходов для экспертов, участвующих в программах финансирования научно-исследовательских проектов.

Деятельность экспертных советов урегулирована в Рамочном регламенте экспертных советов⁴, на основании которого каждый экспертный совет на период своей деятельности принимает собственный регламент и избирает председателя и его заместителя. При осуществлении своих полномочий члены экспертных советов обязаны соблюдать правовые положения, регулирующие научно-исследовательскую деятельность. Члены экспертных советов распределены по научным дисциплинам в соответствии с родом их исследовательской деятельности. Несколько связанных между собой научных дисциплин составляют область научного знания, за которую отвечает экспертный совет.

Структура дисциплин и экспертных советов подлежит пересмотру Сенатом ННИС каждые 4 года в ходе подготовки к очередным выборам экспертов и обновляется по мере необходимости. Экспертные советы включают представителей нескольких взаимосвязанных дисциплин, для каждой дисциплины избираются, как минимум, двое представителей. В остальном число экспертов на каждую дисциплину зависит от того, насколько велико количество заявок в данной области научного знания. Наряду с избранными экспертами в процедуре оценки заявок при необходимости также принимают участие другие компетентные в данной области специалисты в качестве особых приглашенных экспертов.

В обязанности экспертных советов входит:

- научная оценка заявок на финансирование;
- консультирование управляющих органов ННИС по вопросам стратегического развития;
- стимулирование инноваций в науке.

Эти задачи осуществляются экспертными советами совместно с аппаратом ННИС, который обеспечивает техническую и материальную поддержку их деятельности. Основной задачей экспертных советов ННИС является обеспечение высокого качества подготовки письменных заключений по заявкам и их дальнейшей оценки на заседаниях экспертных советов. Члены экспертных советов обязаны участвовать во всех процедурах экспертизы заявок ННИС. Экспертные советы призваны оценивать, были ли избраны надлежащие эксперты для дачи письменных заключений, являются ли результаты экспертизы достаточно убедительными, достойна ли заявка финансирования и насколько данный проект приоритетен. В свете принципа анонимности экспертизы экспертные советы представляют собой своего рода «де-

легатов от общественности», что должно повысить степень доверия к системе экспертизы ННИС.

Таким образом, экспертные советы во многом определяют политику ННИС по поддержке научных исследований в рамках своей научной дисциплины. Это требует постоянного взаимодействия с управляющими органами ННИС – Сенатом, Совместным комитетом и Президиумом. Экспертные советы проводят работу по рассмотрению и оценке заявок в форме устных заседаний или письменной процедуры. Дату заседания аппарат ННИС согласовывает с председателем экспертного совета, уведомляет об этом членов совета и готовит повестку заседания. В год на одного члена экспертного совета приходится от 4 до 6 заседаний, которые длятся один-два дня. На заседания могут по необходимости приглашаться специалисты из разных научных областей, которые не являются членами экспертного совета и не имеют права голоса.

Процедура проведения экспертизы ННИС

В рамках программ государственной поддержки научных исследований происходит распределение ограниченных финансовых средств между большим количеством заявителей и проектов. Чтобы такое распределение было справедливым и понятным, необходимо финансировать те проекты, которые наиболее этого достойны, однако качество конкретного исследования едва ли подлежит объективной оценке. Например, чтобы оценить результаты завершенного научно-исследовательского проекта, недостаточно просто проверить их правильность с содержательной точки зрения. Намного более важной составляющей «высокого качества» результатов исследования являются, к примеру, такие критерии, как оригинальность и новизна полученных результатов или примененной методики, их место в системе уже существующих научных знаний и значимость для будущих исследований или сфер применения. Еще сложнее оценить качество только запланированного проекта – его необходимо рассмотреть также на предмет осуществимости, наличия шансов на успех и соотношения между ожидаемыми затратами и риском неудачи.

Все эти аспекты было бы трудно охватить в ходе формализованной административной процедуры. Поэтому в ННИС была введена процедура, главная идея которой сводится к следующему: «Хороший научный проект – тот, который хорошие ученые считают таковым». Эта процедура с небольшими вариациями применяется организациями поддержки науки во всем мире и известна под английским названием «peer review» («оценка равным», «независимая экспертиза»). Данная процедура является важным элементом самоуправления научного сообщества: заявки на финансирование, получаемые организацией, сначала отправляются на рассмотрение экспертов, которые занимаются научно-исследовательской деятельностью в этой же отрасли научных знаний. Критериями оценки таких заявок служат в основном вышеперечислен-

ные пункты, а также уровень профессиональной компетенции и опыт научной работы заявителя. На основе высказанных экспертами рекомендаций организация решает вопрос об удовлетворении заявки.

В ННИС применяются две процедуры оценки заявок экспертами – обычная процедура (Normalverfahren) и особая процедура (Sonderverfahren). Как правило, в обычной процедуре осуществляется экспертиза индивидуальных проектов во всех отраслях науки, а в рамках координированной (особой) процедуры ННИС оказывает финансовую поддержку проектам большего масштаба – исследовательским группам, научным подразделениям и аспирантурам университетов, а также проектам, вызывающим особый научный интерес. Например, на проекты, рассмотренные в рамках обычной процедуры, в 2005 г. были выделены 624 млн евро, на проекты в рамках координированной процедуры – 754 млн евро.

Заявка на финансирование индивидуального проекта может быть подана в ННИС любым лицом, имеющим ученую степень и работающим в немецком научно-исследовательском учреждении. Заявки поступают в аппарат ННИС в Бонне. С содержательной точки зрения критерии для заявки отсутствуют – заявитель может свободно выбирать тему без каких-либо ограничений, например без привязанности к определенным научным дисциплинам. Аппарат ННИС совместно с экспертными советами ННИС назначает независимых экспертов-специалистов в данной сфере для рассмотрения и оценки заявки. На основе мнений экспертов относительно научной ценности проекта экспертный совет разрабатывает проект решения, которое затем рассматривается в Совместном комитете ННИС, и по итогам рассмотрения заявка удовлетворяется или отклоняется. После прохождения всех стадий решение ННИС сообщается заявителю.

Рамочный регламент экспертных советов (последняя редакция утверждена решением Сената ННИС от 29 апреля 2010 г.)⁵ закрепляет три варианта проведения экспертизы: а) письменная экспертиза; б) сравнительная оценка индивидуальных заявок в экспертных группах; в) оценка заявок в координированной процедуре (совместно с другими организациями, которые участвуют в финансировании). При этом п. b разд. 4 Рамочного регламента специально указывает, что заявки, поданные членами экспертных советов ННИС, рассматриваются, как правило, в порядке «письменной экспертизы»⁶.

Письменная экспертиза

Письменная экспертиза применяется в основном для рассмотрения и оценки индивидуальных проектов. Процедура начинается с приема заявки аппаратом ННИС, который проверяет ее на соответствие формальным требованиям и при необходимости запрашивает у заявителя дополнительные материалы. Затем происходит выбор независимого эксперта, привлекаемого аппаратом ННИС для

экспертизы заявки в соответствии с его специализацией. Критериями для назначения экспертов являются их квалификация, научные заслуги и обладание специальными знаниями, необходимыми для оценки рассматриваемой заявки, а также объем рабочей нагрузки и отсутствие конфликта интересов. Заявка отсылается лицам, выбранным в качестве экспертов. Как правило, процедура письменной экспертизы предусматривает подготовку заключений двумя экспертами. Так же как и избранные члены экспертных советов, независимые эксперты работают на общественных началах.

Члены экспертных советов имеют возможность в любое время осведомляться в аппарате ННИС в рамках своей научной дисциплины о том, какие заявки были приняты к рассмотрению и кому они были направлены на экспертизу.

В соответствии с Руководством по проведению экспертизы в своих заключениях эксперты должны учитывать следующие критерии:

– качество проекта и квалификация заявителя. Этот критерий предполагает:

а) оценку ранее полученных результатов автора, в том числе в работах, профинансированных ННИС;

б) новизну проекта;

в) соотношение ожидаемого прироста знаний и стоимости проекта;

г) значение проекта для дисциплины, в рамках которой он выполняется, и для науки в целом;

д) общественный эффект, который проект может оказать на научную политику, социальную политику, экономическое и технологическое развитие;

– технические возможности, под которыми понимаются кадровое, организационное и техническое обеспечение проекта;

– цели и план работ. Этот критерий предполагает проверку проекта на наличие четко сформулированной рабочей гипотезы, разумное ограничение темы исследования, соответствие предложенных методов поставленным задачам, наличие реальной возможности выполнить проект в указанные сроки;

– определение рекомендуемого объема финансирования, исходя из затрат на реализацию проекта.

Эксперт должен оценить:

во-первых, обоснованность привлечения указанного заявителем числа участников;

во-вторых, необходимость использования оборудования, которое предлагается приобрести, и степень его загрузки в рамках проекта; также предлагается оценить степень реальной потребности в приобретении нового оборудования и обоснованность приобретения оборудования, обладающего мощностью, указанной заявителем;

в-третьих, следует оценить обоснованность затрат на малые приборы (стоимостью не более 10 000 евро), расходные материалы, командировочные и другие вспомогательные расходы;

в-четвертых, обоснованность затрат на опубликование результатов.

По итогам рассмотрения заявок эксперты составляют письменные заключения, в которых обосновывают свое мнение по проекту. Заключение должно включать рекомендации о поддержке или отклонении заявки и в случае вынесения рекомендации поддержать проект о размере финансирования.

Эксперты представляют свои письменные заключения в аппарат ННИС, на основе которых он готовит проект решения по заявке и отправляет все материалы дела (текст заявки, переписку с заявителем, заключения экспертов, проект решения) постоянным членам соответствующего экспертного совета или в различные экспертные советы. Заявка с экспертными заключениями и проектом решения передается в экспертный совет. Решение в экспертном совете принимается либо посредством письменной оценки всех материалов дела отдельными членами экспертного совета, либо путем устного обсуждения заявки на заседаниях. При этом подлежат проверке следующие аспекты:

– подпадает ли заявка в сферу собственной компетенции экспертного совета или необходимо привлечь экспертов из других советов;

– обоснован ли выбор конкретных экспертов для оценки заявки – соответствует ли их специализация направлению заявки и отсутствует ли конфликт интересов;

– соответствуют ли заключения экспертов общим стандартам экспертизы в данной дисциплине, а также обоснован ли проект решения, подготовленный аппаратом ННИС.

Письменное заключение одного эксперта готовится, как правило, в отношении заявок, получивших однозначную позитивную или негативную оценку экспертов в ходе письменной экспертизы. При принятии решения в экспертном совете путем письменной оценки заявки достаточно заключения одного члена экспертного совета (вывод, сделанный в этом заключении, является решающим). По итогам рассмотрения экспертный совет готовит рекомендацию Совместному комитету или в случае специальных программ – другим органам, принимающим окончательные решения.

Неоднозначно оцененные экспертами заявки рассматриваются, как правило, устно на заседании экспертного совета. Для дискуссии по каждой спорной заявке назначаются один или два члена экспертного совета, которые готовят доклады по содержанию данного проекта и его письменной оценке экспертами. По итогам обсуждения экспертный совет готовит и ставит на голосование проект решения по заявке к представлению в Совместный комитет ННИС или в случае специальных программ – другим органам, принимающим окончательные решения.

Таким образом, процедура письменной экспертизы заявки в ННИС, которая используется наиболее часто, состоит из следующих этапов: 1) рассмотрение заявки независимыми экспертами и дача письменных заключений; 2) оценка заявки соответствующим экспертным советом на основе заключений экспертов, подготовка проекта

решения; 3) утверждение решения Совместным комитетом ННИС.

Сравнительная оценка индивидуальных заявок в экспертных группах

Данная процедура применяется достаточно редко, например при рассмотрении заявок на взаимосвязанные научные темы, и во многом аналогична координированной процедуре. В случае использования сравнительной оценки аппарат ННИС готовит материалы заявки и создает экспертную группу для проведения экспертизы, в которой должен участвовать по крайней мере один избранный эксперт ННИС. Экспертная группа может состоять из представителей одного или нескольких экспертных советов. В случае рассмотрения заявок, имеющих междисциплинарный характер, в составе экспертной группы должно быть, как минимум, по одному члену от каждого задействованного экспертного совета. Экспертная группа разрабатывает проекты решений, которые вместе с обоснованиями регистрируются в аппарате ННИС и после одобрения председателем соответствующего экспертного совета передается в Совместный комитет или в соответствующий орган, принимающий решения в данной программе. Экспертная группа может установить, в каком объеме должна быть проведена экспертиза заявок, по которым ей надлежит дать заключения.

Оценка заявок в координированной процедуре

В рамках координированной процедуры рекомендация для Совместного комитета или соответствующего органа, принимающего решения в данной программе, также готовится на заседании специально создаваемой экспертной группы. Как правило, такие заседания проходят в течение одного-двух дней. В среднем в год на одного члена экспертного совета приходится одна-две подобные процедуры. В данной процедуре аппарат ННИС подготавливает материалы заявки и направляет их членам экспертной группы, которую создает для проведения экспертизы. В экспертной группе должно участвовать по крайней мере по одному представителю от каждого экспертного совета. Пункт а раздела 7 Рамочного регламента экспертных советов устанавливает, что данная процедура должна проходить с обязательным участием избранных экспертов ННИС, которые призваны обеспечивать применение аналогичных оценочных критериев в рамках каждой процедуры. Рекомендации экспертной группы заносятся в протокол заседания вместе с обоснованиями и передаются в Совместный комитет или в соответствующий орган, принимающий решения в данной программе. В случае рассмотрения заявок на исследования в области особого научного интереса, создание научно-исследовательского центра или аспирантуры при вузе протокол заседания подлежит подписанию всеми присутствующими на заседании экспертами. Во всех случаях окончательное решение по проекту направляется зая-

вителю. К уведомлению могут быть приложены комментарии экспертов.

Апелляционный процесс в ННИС не предусмотрен. В случае отклонения заявки подать апелляцию практически невозможно. Даже в тех случаях, когда эксперты в обосновании своих негативных заключений явно недооценили проект, апелляция едва ли имеет шансы на успех, поскольку в ННИС отсутствует эффективный механизм правовой защиты. Рамочный регламент экспертных советов особо регулирует вопросы конфиденциальности и конфликта интересов. Вся информация, касающаяся поданных в ННИС заявок, переписки с заявителями, процедуры экспертизы и личностей экспертов и членов экспертных комитетов, конфиденциальна и не подлежит разглашению третьим лицам. Функции члена экспертного совета могут осуществляться только им лично и не могут быть кому-либо делегированы. Научное содержание проекта, в особенности неопубликованные материалы и теории, не могут быть использованы экспертами для собственных или иных научных целей.

В разделе 10 Рамочного регламента перечислены следующие обстоятельства, служащие основанием для отвода эксперта:

- родственные отношения, личные связи или конфликты с автором заявки;
- научное сотрудничество с автором заявки – участие в одном научном проекте или соавторство публикации;
- непосредственная научная конкуренция, имевшая место между автором проекта и экспертом за последние три года;
- работа в одном научном учреждении в течение трех последних лет;
- отношения научного руководства между автором заявки и экспертом в течение последних десяти лет;
- отношения административного подчинения между автором заявки и экспертом в течение последних трех лет;
- рассмотрение эксперта в качестве кандидата на должность в научной организации – месте работы автора заявки;
- участие эксперта в консультативных и наблюдательных органах научной организации – месте работы заявителя;
- участие автора заявки в экспертизе проектов эксперта в течение последних 12 месяцев;
- общие экономические интересы автора заявки и эксперта или экономическая заинтересованность эксперта в исходе рассмотрения заявки.

Даже простое подозрение на наличие одного из вышеперечисленных обстоятельств служит поводом для отвода эксперта. Члены экспертных советов обязуются также при исполнении своих обязанностей соблюдать правила добросовестной научной практики.

Необходимо отметить, что в последние десятилетия спрос университетов на поддержку их проектов со стороны ННИС вырос намного больше, чем суммы распределяемых на гранты денеж-

ных средств, что неизбежно приводит к снижению квоты проектов, получающих финансирование. Сегодня это менее 50 % всех заявок. Кроме того, процедура проведения экспертизы и принятия решения по проекту занимает достаточно много времени – как правило, на это уходит около 6 месяцев, если же изначально проект отклоняется и потом дорабатывается – еще дольше. По словам сотрудников аппарата ННИС, только таким образом можно гарантировать тщательное и добросовестное рассмотрение каждой конкретной заявки. При этом ННИС ссылается на то, что продолжительность процедуры напрямую зависит от сроков, установленных для дачи письменных заключений экспертами. В то же время проблематично ставить экспертов в узкие временные рамки, поскольку отсутствуют какие-либо действенные механизмы воздействия на них. Эксперты выполняют свои функции на общественных началах, и ННИС во многом зависит от такого сотрудничества.

Недостатки и существующая критика процедуры проведения экспертизы

В центре процедуры экспертизы заявок в ННИС стоит принцип анонимности – заявителю не разглашаются личности экспертов, осуществляющих письменную экспертизу его проекта, ни во время ее проведения, ни после вынесения окончательного решения. Кроме того, письменное обоснование отклонения заявки не высылается заявителю в полном виде. В большинстве случаев сотрудники аппарата выбирают из обоснования несколько отдельных фраз, которые направляются заявителю в виде окончательного решения по проекту. Такую практику объясняют тем, что по полному тексту обоснования во многих случаях специалисты в конкретной научной дисциплине могут определить личность эксперта. Недостатком данной практики является то, что в случае отклонения заявки заявителю не оглашаются причины такого отклонения и он не может использовать замечания эксперта для совершенствования своих будущих проектов.

Вместе с тем принцип анонимности является односторонним, так как эксперт знает имя заявителя. Даже если эксперт не получил бы эту информацию официально, в большинстве случаев он может угадать имя заявителя исходя из описания подготовительных работ, проведенных заявителем для исследования, которые необходимо указать в заявке. Такое одностороннее раскрытие информации представляется неизбежным.

В пользу принципа анонимности говорит то, что он делает возможной более жесткую и справедливую конкуренцию между лучшими идеями. Эксперт, уверенный в том, что сможет остаться анонимом, может спокойно отвергнуть менее убедительные заявки, не опасаясь какой-либо мести со стороны заявителя. Особое значение данный принцип получает в ситуации, когда заявитель превосходит эксперта по своей репутации и возможностям влияния в научном мире. Тем самым анонимность усиливает конкуренцию и предо-

творяет возможное злоупотребление положением.

С другой стороны, в качестве критики высказывается мнение, что принцип анонимности способствует злоупотреблению положением в другом направлении. Бывают случаи, когда негативные заключения экспертов недостаточно обоснованы с научной точки зрения по разным причинам: из-за некомпетентности, предвзятости или поверхностности работы экспертов. Профессиональной квалификации эксперта может быть недостаточно для того, чтобы понять суть заявки и правильно ее оценить. Недостаточная тщательность рассмотрения заявки может быть вызвана, например, тем, что эксперты выполняют свои функции безвозмездно и поэтому затрачивают на экспертизу заявки меньше времени, чем необходимо для ее всестороннего изучения и оценивания.

Предвзятость может выражаться в том, что поскольку эксперт не несет никакой персональной ответственности за свое негативное заключение, он может подвергнуться искушению использовать свое положение для устранения конкурента. Поскольку экспертиза заявок осуществляется признанными специалистами в своей, зачастую очень узкой, научной области, практически во всех случаях заявители и эксперты являются не только коллегами, но и одновременно конкурентами в борьбе за ограниченные источники финансирования. Эта ситуация может оказаться особенно проблематичной, если заявитель «вклинивается» в ту научную дисциплину, которую эксперт считает своей собственной профессиональной «нишей». С другой стороны, предвзятость может проявляться и в попытке эксперта обеспечить незаслуженную победу в конкурсе своему коллеге. Поэтому отход от этого принципа поможет ограничить подобные устремления и усилить самодисциплину среди экспертов.

Еще одной проблемой, связанной с принципом анонимности, является возможное «воровство идей». Ученый-эксперт, оценивающий проект с оригинальной научной идеей, может попытаться отклонить заявку по надуманным причинам и затем осуществить данный проект под собственным именем. Поскольку эксперты не должны давать детального обоснования своим негативным заключениям и ставить на них свое имя, подобную «нечестную игру» трудно разоблачить и почти невозможно доказать.

Однако критика принципа анонимности опровергается ННИС, которое ссылается на то, что наиболее важные аспекты проведенной экспертизы сообщаются заявителю, что дает им возможность понять причины негативного решения по проекту. Редактирование и выборка из полного текста заключения эксперта сотрудниками аппарата считается необходимой, чтобы не допустить возможности определить личность эксперта по особенностям его письменного стиля. В целом же, как считают в ННИС, принцип анонимности способствует повышению качества всей процедуры рассмотрения заявок ННИС. Разделение данной

■ Наукоеведение

процедуры на отдельные этапы (экспертиза, оценка и принятие решения) практически исключает возможность злоупотребления экспертами своим положением. Поэтому, несмотря на требования представителей университетов и рекомендации международной комиссии в отношении большей прозрачности, ННИС пока что отказывается раскрывать информацию об экспертах, ссылаясь на устоявшиеся правила научного самоуправления.

Опытные заявители придерживаются мнения, что процедура экспертизы заявки в ННИС зачастую происходит по принципу «у кого есть, тому и дадут»: известные ученые, которые уже располагают хорошим исследовательским оборудованием и большим количеством сотрудников, имеют гораздо больше шансов получить финансирование для дальнейшей работы, чем молодые специалисты, только начинающие формировать свою рабочую группу. Действительно, уже при подаче заявки необходимо подтвердить наличие требуемой для реализации проекта инфраструктуры. Кроме того, опытным и успешным исследователям, которые уже неоднократно выигрывали гранты и получали финансирование, предположительно и дальше будут удаваться хорошие проекты. Тем не менее такой подход влечет негативные последствия. Если молодыми учеными или теми, кто осваивает новые научные области, систематически будут пренебрегать в пользу известных исследователей, это повлечет застой в науке и будет препятствовать развитию научных инноваций. Поэтому ННИС часто упрекают в предвзятости в пользу известных ученых и традиционных направлений научно-исследовательской деятельности, а также в отсутствии открытости для инновационных проектов.

Иногда заявители выражают желание потратить полученные от ННИС денежные средства на покупку компьютеров или оплату преподавателям в вузах. Однако, согласно политике ННИС, это пока недопустимо. Изменение же этих принципов едва ли возможно не столько по воле ННИС, сколько из-за особенностей немецкого федера-

лизма: в Основном законе ФРГ роль федерации в области науки и культуры строго ограничена. Поэтому ННИС как организация, финансируемая в основном федерацией, может осуществлять поддержку только в рамках исследовательских проектов, а не в плане оснащения университетов (оплаты персонала или покупки оборудования), что находится в исключительной компетенции федеральных земель.

Таким образом, ННИС играет очень важную роль в сфере поддержки науки в Германии. В последние десятилетия, с постепенным сокращением финансирования университетов федеральными землями и расширением практики раздачи грантов индивидуальным научным проектам и изыскания финансирования из иных источников, ННИС приобрело большой вес не только в финансировании научно-исследовательской деятельности в целом, но и в карьерном росте отдельных ученых. В настоящее время очень тяжело, если не невозможно, сделать научную карьеру в фундаментальных научных исследованиях в Германии без хотя бы частичной или разовой поддержки со стороны ННИС. Применимо к данной ситуации все чаще говорят о ННИС как «монополисте на научном рынке» и об определенной зависимости большинства немецких ученых от данной организации. Процедура рассмотрения заявок ННИС проверена временем, но вместе с тем постоянно развивается, адаптируясь к изменяющимся условиям. Своей деятельностью ННИС заслужило высокое государственное и международное признание.

Vodyanitskaya E. Peer Review Regulation in the German Science and Research Association.

Summary: *The article describes peer review procedures used by the German Science and Research Association. It gives thorough analysis of the stages of peer review and provides a number of critical comments to the procedure regarding provision of additional information to grant applicants, increased reimbursement of the reviewers, reveal of information about the reviewers.*

Ключевые слова

Научные фонды, научная политика, Немецкое научно-исследовательское сообщество, независимая экспертиза

Keywords

Science foundation, science policy, German Science and Research Association, peer review

Примечания

1. § 1 Устава ННИС // http://www.dfg.de/dfg_profil/satzung/index.html
2. http://www.dfg.de/formulare/70_01/index.jsp
3. http://www.dfg.de/dfg_profil/gremien/fachkollegien/amtsperiode_2012_2015/index.jsp
4. Rahmengesäftsordnung für die Fachkollegien (RahmenGO), in der ab 01.05.2010 geltenden Fassung (Beschluss des Senats der DFG vom 29.04.2010) // http://www.dfg.de/formulare/70_02/index.jsp
5. Rahmengesäftsordnung für die Fachkollegien (RahmenGO), in der ab 01.05.2010 geltenden Fassung (Beschluss des Senats der DFG vom 29.04.2010) // http://www.dfg.de/formulare/70_02/index.jsp
6. Там же.

Человеческий капитал и посткапиталистическая идеология

О.А. Подберезкина

В статье анализируются причины отсутствия внятной системы взглядов у российской элиты и общества на развитие страны и ее место в современных международных отношениях, исследуется роль НЧК в социально-экономических и политических преобразованиях страны, рассмотрены основные черты идеологии, способной обосновать стратегию вхождения России в глобализующийся мир.

Национальный человеческий капитал как главная цель и одновременно средство развития современной цивилизации неизбежно ведет к перевороту во всей системе сложившихся политико-идеологических взглядов не только в развитых странах, но и во всех других государствах. Мысли представителей правящей элиты России первого десятилетия нового века свидетельствуют, что главная проблема нынешней России – отсутствие внятной системы взглядов большинства элиты и общества, то есть объединяющей если не всех, то, по крайней мере, их большинство идеологии. Можно привести десятки полярных высказываний «образца 2011 – 2012 гг.», подтверждающих этот вывод – от В. Якунина до Л. Кудрина. Создается впечатление, что многие из них одновременно остаются и коммунистами, и националистами, и либералами. Ведущего тренда нет, хотя надо признать, что либералы первого десятилетия XXI в. реально формировали социально-экономическую политику страны. Некоторые из них даже пытались сформулировать стратегию развития России. В этих условиях непоследовательное, неэффективное использование ресурсов, прежде всего ресурса национального человеческого капитала, становилось неизбежным.

2012 год подвел определенную черту под этапом «стабилизации» и «модернизации» в развитии России. Это было признано многими, в том числе В. Сурковым, Д. Медведевым и В. Путиным. «Новая политическая реальность», о которой заявил в декабре 2011 г. В. Сурков, не означала, однако, главного – новой идеологии, новой концепции национального развития. Это ощущение «нехватки» идеологии в России выражается во многом, и прежде всего в отсутствии внятной стратегии национального развития, которая вытекала бы из такой идеологии. Соответственно в отсутствии такой стратегии практические результаты социально-экономического развития могли быть только малозначительными. Именно отсутствие таких практических результатов стало основной социальной причиной формирования в 2011 г. оппозиции в России. Сами по себе ее либеральные требования стали лишь поводом, очередной попыткой либералов укрепиться во власти в России.

Элементы такой идеологии складывались в последние годы, но целостной системы взглядов, разделяемой большинством правящей элиты и общества, так и не сформировалось. Хотя деклараций и даже документов было достаточно. В чем-то прав Г. Зюганов, когда говорит, что

у правящей элиты нет до сих пор идеологии: «Наша власть не желает заниматься стратегией, и в отчете Путина я о ней снова не услышал. Власть желает жульничать и манипулировать. «Единой России» нужно удерживать кресла в Думе и в правительстве и присосаться к бюджету. У «Единой России» море средств, а идеологии нет. Ее идеология называется «питерский чекизм». Единороссы делятся на платформы, потому что им деваться некуда»¹.

Так, принятая еще в августе 2002 г. Экологическая доктрина Российской Федерации совершенно справедливо декларировала, что «сохранение природы и улучшение окружающей среды являются приоритетными направлениями деятельности государства и общества. Природная среда должна быть включена в систему социально-экономических отношений как ценнейший компонент национального достоинства. Формирование и реализация стратегии социально-экономического развития страны и государственная политика в области экологии должны быть взаимоувязаны, поскольку здоровье, социальное и экологическое благополучие населения находятся в неразрывном единстве»².

За прошедшие 10 лет, однако, эта справедливая оценка, как и многие другие, не получила желаемого развития. Прежде всего, с точки зрения взаимосвязи между социально-экономической, финансовой и экологической политикой, которые фактически существовали вне единой системы, сами по себе. Это в полной мере относится и к Стратегии национальной безопасности России до 2020 г., и Концепции внешней политики, и Военной доктрине России. Принятые документы остались «провальными» декларациями. Между тем новые международные реалии, стремительно влияющие на условия существования наций и государств, требуют их интеграции в единую национальную стратегию развития, которая невозможна без устойчивой политико-идеологической системы взглядов. Так, неизбежно предстоит учитывать:

- последствия вступления России в ВТО³;
- военно-политические последствия нового стратегического руководства по обороне «Поддержание глобального превосходства: приоритеты для обороны XXI века», принятого Б. Обамой 5 января 2012 г.⁴;
- стремительно нарастающий процесс евразийской интеграции;
- последствия «арабской весны»;
- рост мощи и влияния в мире новых экономических и политических гигантов и т.д.

Интересно, что только к концу 2011 г. разговоры о национальной стратегии и стратегическом планировании перешли в фазу проекта Федерального закона о стратегическом планировании. Но и сегодня речь идет практически только о стратегическом планировании в сфере экономики. Важнейшие политико-идеологические стороны жизни нации, которые концентрируются в национальном человеческом капита-

ле – наука, образование, культура, духовность, институты социального потенциала, – остаются вне национальной стратегии. Конкурентоспособность остается исключительно экономической категорией. Как признается Министерством экономического развития РФ, «важнейшим фактором обеспечения конкурентоспособности российской экономики в современных условиях является наличие эффективно функционирующей системы государственного стратегического управления»⁵.

Эта логика мышления руководителей Минэкономразвития отражает по существу соответствующую направленность умонастроений значительной части правящей элиты страны. В ней уже заметно некоторое влияние НЧК, но он остается второстепенным, подчиненным макроэкономическим показателям. Есть смысл подробнее привести ход размышлений аналитиков МЭРа. По их мнению, «система государственного стратегического управления позволяет:

- формирование долгосрочных приоритетов деятельности государства в области социально-экономического развития, позволяющих частным компаниям снизить риски, в том числе при принятии долгосрочных инвестиционных решений;

- развертывание долгосрочных решений (со сроком реализации 7 и более лет) в комплекс средне- и краткосрочных задач, согласованных между собой;

- балансировку планируемых действий, требующих значительных организационных и ресурсных затрат (проекты в энергетике, транспорте, демографии, национальной безопасности, в сфере развития человеческого потенциала)»⁶.

Как видно из указанной цитаты, НЧП приоритетом развития не является. Во всяком случае в документе, подготовленном МЭРом. В нем говорится о «балансировке», а не о приоритете, то есть о том, чтобы развитие НЧП как-то соответствовало планам социально-экономического развития, но не более того. Следующие положения документа о «стратегическом планировании» подтверждают этот вывод. Можно констатировать, что идеология нынешнего понимания элитой стратегического планирования, по сути, остается прежней – вновь на передний план выдвигается прагматизм, основанный на приоритетах сохранения макроэкономической стабильности, что означает:

- «– ориентированность субъектов Российской Федерации и муниципальных образований на деятельность в соответствии с поставленными долгосрочными целями;

- увязку принимаемых в процессе государственного стратегического управления решений с бюджетными ограничениями, определяемыми как на среднесрочную, так и на долгосрочную перспективу;

- мониторинг реализации принимаемых решений»⁷.

Направленный в Правительство в конце 2011 г. проект закона «О государственном стратегическом планировании» разрабатывался три года, а «дозревание» до необходимости этого закона шло более десятилетия. Этот проект, как считается, «объединяет все разрабатываемые программы и стратегии, а также ранжирует их по уровню важности и последовательности. И хотя у Минфина есть возражения, Минэкономразвития настаивает на скорейшем принятии закона⁸. Иными словами, медленно и непоследовательно, но правящая элита идет в направлении разработки национальной стратегии развития. На этом пути, как представляется, встречаются два основных препятствия:

- во-первых, нежелание признать, что стратегия национального развития является следствием идеологии как системы устойчивых, взглядов на национальное развитие;

- во-вторых, либеральная идеология и ее носители, прежде всего монетарные власти, которые упорно сопротивляются этому движению, отстаивая «чистоту» либеральной традиции.

Справедливым было бы считать, что отдельные «ростки» национальной идеологии стали проявляться к концу 2011 г. вполне отчетливо, но не складывались в систему. Речь шла, конечно же, о «евразийской» инициативе В. Путина – Н. Назарбаева, о модернизации политической системы, наконец, о давно назревшем вопросе «вывода национальной экономики, ее стратегических отраслей из оффшорной тени»⁹. Это движение было непоследовательным, встречало и продолжает встречать серьезное сопротивление неолиберальных кругов. К сожалению, это движение не подкреплено какими-то реальными результатами в финансовой или в промышленной политике. Все еще обнаруживается огромная пропасть между официальными декларациями, правительственными документами и положением дел в реальной жизни страны.

И все-таки движение есть. Оно обусловлено вполне объективными причинами: ко второй половине нынешнего десятилетия в значительной части общественного мнения России сложилось убеждение, что нация остро нуждается именно в национальной стратегии развития, которую не может заменить «всесильная рука рынка». Неслучайно в 2011–2012 гг. остро встали такие неэкономические вопросы, как миграция, национальная политика и т.п. Одна из программных статей кандидата в президенты В. Путина в январе 2012 г. была посвящена именно национальной политике и вызвала острую дискуссию, означавшую, на мой взгляд, что элита уже не может игнорировать эти проблемы¹⁰.

Можно констатировать, что на рубеже 2012 г. идеология «вернулась» в политическую жизнь России. Причем не только в форме политических программ парламентских партий, но и в форме стремительно разросшейся дискуссии как внутри разного рода оппозиционных течений и структур, так и внутри самой правящей

элиты, что свидетельствует о реальном шансе переноса идеологической дискуссии в плоскость компромисса в сфере формирования общенациональной идеологии. Такого рода проявления идеологической активности элиты стали во многом признанием того, что «неидеологические» концепции и стратегии предыдущих лет оказались провальными. Так, попытка создания Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 г. оказалась, по существу, неудачной. К этому же времени, а именно к 2007–2011 гг., относится и возвращение интереса к стратегическому прогнозу и стратегическому планированию, который выразился в шквале различных стратегических концепций – отраслевых, региональных, корпоративных. Показательно в этой связи и появление в этот период научных работ, в основном А. Кокошина, посвященных стратегическому управлению, издание даже отдельных учебных пособий¹¹.

Наконец, стали готовиться документы общенационального значения – Концепция социально-экономического развития до 2020 г., Стратегия национальной безопасности России до 2020 г. (в редакции 2009 г.), Концепции внешней политики 2000 и 2008 гг., Концепция информационной безопасности и т.д., – которые имели не только декларативное, но и определенное нормативное значение. Наконец, все большее значение стали приобретать послания президентов России Федеральному Собранию Российской Федерации, в которых В. Путин, а затем Д. Медведев декларировали свои оценки и сигналы общественному мнению, которые, к сожалению, так и не стали идеологической системой. Или не смогли стать, в связи с чем не могло появиться ни эффективной стратегии, ни долгосрочного прогноза, ни стратегического планирования, ни эффективного политического и государственного управления.

Множество документов так и не сложилось в идеологию как национальную систему общепринятых взглядов, ценностей и принципов, которая одна только и может породить логичную, долгосрочную и эффективную стратегию опережающего развития России. Можно сказать, что такая долгосрочная национальная стратегия и есть «прикладная идеология», логичное следствие сложившейся общей системы взглядов правящей элиты и общества страны, чего, к сожалению, не произошло. А.И. Подберезкин писал в этой связи: «России необходимо изначально предложить свое понимание мира и места в нем нашей страны. Причем это понимание должно основываться не на приверженности «либеральной традиции» (на самом деле таких традиций и универсальных моделей общественных преобразований просто не существует), а именно на собственном национальном разумении, на собственных научных и общественно-политических разработках¹². Это понимание нельзя сформулировать в одной или нескольких

статьях, даже если они, как у Путина в 2012 г., претендуют на программный характер. Должна быть широкая общенациональная дискуссия, поиск компромисса между различными политическими и идеологическими силами, зафиксированного в некоем итоговом заключении. Может быть, даже в политическом соглашении или договоре, которые в окончательном виде должны быть оформлены нормативно – в обязательной к исполнению Стратегии национальной безопасности (Стратегии национального развития) и программе конкретных действий по ее реализации»¹³.

Как и 20 лет назад, в 2012 г. российские политики и ученые больше всего боятся использовать два слова – «идеология» и «социализм»: а) кто-то до сих пор напуган гонениями 1990-х гг.; б) кто-то так и не освободился от влияния неоллибералов; в) кто-то прячется под маской «прагматизма», пытаясь угодить и левым, и правым, и центристам, выдавая неопрагматизм за новую идеологию.

Во многом из-за этого стремительно теряется время – годы, даже десятилетия. А время, как справедливо заметил А. Кокошин, в условиях кризиса «самый ценный ресурс»¹⁴. Так, один из авторов «(Антипрагматической) идеологии отсутствия идеологии» прямо пишет: «Сегодня на российской политической арене мы не наблюдаем особого идейного содержания идеологии, которая бы завлекла умы людей в неведомые дали, ... в обществе начинает править не собственно наличие какой-либо идеологии, но ее отсутствие, прагматизм сегодняшнего дня»¹⁵.

А.И. Подберезкин во многих своих книгах попытается реабилитировать идеологию и доказать, что без нее все экономические, социальные и прочие «прикладные» стратегии таковыми не являются, а выступают в лучшем случае лишь как нормативные документы, известные узкому кругу чиновников. Да и то не всегда. «Новая Стратегия-2020, подготовленная экспертами к марту 2012 г., вообще, как полагают ее авторы, представляет собой только набор рекомендаций правительству. Эти стратегии и концепции не объединены ни общей национальной идеей, ни общей целью, хотя иногда и пытаются это сделать, предлагая в качестве такой объединяющей идеи «рост благополучия граждан» или «комфортности проживания».

В результате вопрос о посткапиталистической идеологии и стратегии развития России остается на сегодня открытым. Как, впрочем, и во всем остальном мире. «Капитаны» мирового бизнеса в Давосе в январе 2011 г. это открыто признали, хотя и не предложили чего-либо нового взамен «либеральной традиции» и уже не идеальных либеральных моделей. Кризис 2008–2012 гг. обострил эту проблему. Даже сторонникам «идеальной» либеральной модели стало очевидным, что она не способна ни обеспечить устойчивого развития, ни решить глобальные

проблемы, ни добиться социальной справедливости. Начавшись в 2008 г. как финансовый и ипотечный, кризис быстро перерос в экономический, социальный, а теперь уже и политико-идеологический кризис либерализма. Выход из этого кризиса также возможен только при решении возникших политико-идеологических проблем, а не их консервации с помощью разного рода либеральных уловок. Это признают уже представители политической и бизнес-элиты Запада. Но пока еще не в России, где либеральная традиция обладает мощной инерцией в управляющем классе.

Преодоление кризиса возможно только с помощью смены алгоритма социально-экономического и политического развития, что означает прежде всего признание новых реалий и новых правил и принципов социально-экономического развития. Ключом к пониманию новых механизмов общественного развития является учет роли в нем национального человеческого капитала. Иными словами, эффективной политика обновления России может быть только в том случае, если в ее основе лежит идеология развития нации, народа, если она базируется на национальных ценностях и интересах. Г.П. Хорина в этой связи справедливо отмечает: «Любое национальное государство, обладающее развитой национальной культурой, вырабатывает свою государственную идеологию, в которой базовыми выступают:

- представление о судьбе и предназначении данной нации;
- о векторе исторического развития;
- о доле общественного богатства, достоящегося различным социальным группам;
- об общественно-политическом, экономическом, эстетическом, нравственном идеале;
- о вкладе данной нации в культурную сокровищницу человечества;
- о соотношении элитарной, народной и массовой культур;
- об оценке имеющегося у нации исторического опыта;
- о тактических целях и задачах, которые следует решать обществу и государству в ближайшей и среднесрочной перспективах;
- о ведущем субъекте исторического процесса»¹⁶.

Podberezkina O.A. Human Capital and the Post-Capitalist Ideology.

Summary: The article analyzes the reasons for the lack of a coherent system of views with the Russian elite and society in the development of the country and its place in the modern international relations, the role of LFO in the socio-economic and political transformation of the country, the main features of the ideology that is capable of justify the strategy of Russia's entry into the globalized world.

Ключевые слова

Человеческий капитал, элита, идеология, национальная стратегия развития, либерализм, социализм, посткапитализм

Keywords

Human capital, the elite, the ideology, the national development strategy, liberalism, socialism, post-kapitalism

Примечания

1. Жермелева О. В мире есть только три политических течения. Все остальное — от лукавого // Известия. 2012. 18 апреля.
2. Экологическая доктрина Российской Федерации (Утверждена распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 г. № 1225-р).
3. Речь, в частности, идет о резком снижении конкурентоспособности отечественных товаров. См. подробнее: Куликов С. Россия в ВТО может оказаться беззащитной // Независимая газета. 2012. 20 марта. С. 1, 4.
4. Юрченко Г. О приоритетах и направлениях военной политики и стратегии США в ближайшей перспективе / Эл. СМИ. <http://www.belvpo.com>. 13 февраля 2012 г.
5. Стратегическое планирование. Официальный сайт Минэкономразвития / <http://www.economy.dov.ru/minec/activity...>
6. Стратегическое планирование. Официальный сайт Минэкономразвития / <http://www.economy.dov.ru/minec/activity...>
7. Стратегическое планирование. Официальный сайт Минэкономразвития / <http://www.economy.dov.ru/minec/activity...>
8. Жебит М. Планированию не хватает стратегии // Известия. 2011. 30 декабря. С. 1.
9. Путин: российская экономика должна выйти из «офшорной тени» // Forbes. 2011. 19 декабря / <http://www.forbes.ru/news>
10. См., например: Радзиховский Л. Квадратура круга // Независимая газета. 2012. 25 января. С. 3.
11. Кокошин А.А. Формулы управления. М.: ЛЕНАНД, 2009.
12. См. подр.: Подберезкин А.И. Социальный потенциал и стратегия долгосрочного развития России // Вестник МГИМО-Университета. 2011. №2. С. 7-8.
13. <http://www.nasled.ru/?q=content/%D0%B0-%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%B1>
14. Кокошин А.А. Формулы управления. М.: ЛЕНАНД, 2009. С. 13.
15. (Антипрагматическая) идеология отсутствия идеологии / <http://p-development.narod.ru/116html>.
16. Хорина Г.П. Идеология как элемент системы культуры / http://tourism.mosgu.ru/o_facultete/kafedra/cultura/Nauka/Horina.htm

Стратегический треугольник «Россия–Индия–Китай» в международных отношениях

(теория и историческая практика)

Ю.А. Мареева

В статье воссоздана история выдвижения и судьба идеи «стратегического треугольника» трех евразийских гигантов – России, Индии и Китая (РИК); рассмотрены основы внешнеполитического и экономического партнерства указанных трех стран; исследованы этапы преобразования идеи их сближения в геополитический проект в общественно-политической периодике и научной литературе; аргументирован тезис о перспективности институционального оформления РИК.

В самом конце XX в. в арсенале глобальных политических проектов обозначились две идеи, так или иначе связанные с обустройством постбиполярного мира. Первой оказалась мысль Е.М. Примакова о создании стратегического треугольника «Россия–Индия–Китай», высказанная им во время своего официального визита в Дели в декабре 1998 г. Антитезой ей стал сформулированный в 1999 г. американским политологом Ф. Фукуямой, в то время сотрудником Госдепартамента США, вывод о «конце истории». Это было, по существу, объявление победы во всемирном масштабе либеральных идей и институтов, делавшей бессмысленным дальнейший поиск человечеством иных путей в свое будущее.

И первая, и вторая идеи не были сколько-нибудь новыми. На первой из них была построена все классическая геополитика, разделившая земной шар на континентальный, представленный Россией, Китаем и Индией, и морской, включавший

в себя совокупный Запад, миры, находившиеся в постоянном соперничестве и противоборстве. Вторая была позаимствована Фукуямой у Ф. Гегеля и актуализирована в условиях победы США в «холодной войне». Но если последняя уже в 2001 г. была научно дезавуирована С. Хантингтоном и отвергнута самим развитием современного мира, то судьба первой оказалась более содержательной и перспективной.

Обсуждение идеи РИК в mass media

Инициатива Е.М. Примакова носила столь же неожиданный, как и странный характер, так как до этого проблема союзных отношений ни с Пекином, ни с Дели Москвой не прорабатывалась. Да и самим автором идея «оси» не была разъяснена или прокомментирована. Российский премьер только обмолвился, что его предложение не носит официального характера и что он имеет в виду только желательность возникновения такой

Мареева Юлия Алексеевна – аспирантка кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

структуры, как «геополитический треугольник». И неслучайно, что данная идея в первое время не вызвала сколько-нибудь серьезного интереса со стороны Китая и Индии.

Более того, и Пекин, и Дели поспешили «откреститься» от московской инициативы. В конце января 1999 г., находясь в Бонне, министр иностранных дел КНР специально подчеркнул, что его страна отвергает идею «стратегического треугольника», поскольку «КНР всегда придерживалась принципа независимости при проведении своей внешней политики». В феврале 1999 г. уже китайский посол в Москве акцентировал мысль, что «суть китайско-российских отношений – это несоюзничество»¹. Практически такая же позиция была обнародована и политическим руководством Индии.

Тем не менее события на международной арене складывались таким образом, что обсуждение и разработка самой идеи «стратегического треугольника» получали все новые импульсы. Большую роль в этом сыграли и сложности, с которыми столкнулась российская внешняя политика в отношениях с Западом, поспособствовав повороту России лицом к Востоку. В 2000-х гг. в отечественной и зарубежной политической периодике появляются многочисленные публикации по проблеме стратегического взаимодействия России, Индии и Китая. Среди экспертов высказывались различные точки зрения относительно сущности «стратегического треугольника» РИК и перспектив его создания².

Нужно отметить, что с наибольшим интересом и вниманием высказывания Е.М. Примакова были встречены в самой России, что неудивительно в свете выявившегося во второй трети 1990-х гг. поворота внешней политики Москвы в сторону усиления связей и контактов с незападными державами, укрепления отношений стратегического партнерства именно с Китаем и Индией. Помимо в целом благожелательных комментариев в московской печати, началось обсуждение экспертным сообществом перспектив такой геополитической конфигурации и разработка мер и предложений по ее концептуальному формированию. Возникавшие в связи с этим проблемы стали, в частности, предметом обсуждения российскими специалистами в области международных отношений на Востоке, так как речь шла именно о «восточном» или азиатском направлении российской внешней политики.

Нужно отметить, что перспектива союзнических отношений России и Китая всегда воспринималась научными и политическими кругами Запада по меньшей мере как угроза. Короткий период их «материализации» с конца 1940-х до рубежа 1950–1960-х гг. во многом способствовал популярности концепции «сдерживания коммунизма». Создание Российской Федерации и Китаем после 1991 г. новой разветвленной системы постоянных контактов на всех уровнях сотрудничества усилило беспокойство США и их союзников³. Возобновление традиционно широких связей между Россией и Индией также не могло не вызвать появления большого количества западных публи-

каций, посвященных вопросам геополитического треугольника России, Китая и Индии⁴.

Нельзя сказать, что Запад болезненно воспринял инициативу Примакова, но также нельзя и утверждать, что она прошла незамеченной. Несмотря на то что стратегический треугольник «Москва–Дели–Пекин» или «союз трех» не оценивался западными столицами как реально возможное союзничество, все же ими выделялись два аспекта, на которых концентрировалось особое внимание⁵:

- на приоритете в двусторонних отношениях России с Индией и Китаем военно-технического сотрудничества, которое в случае дальнейшего укрепления и институционализации «тройки» могло стать более эффективным и результативным;

- на влиянии этой политики на общественное мнение в странах намечаемого треугольника и росте антизападных настроений в этих государствах и в целом во всей системе международных отношений⁶.

Следует констатировать, что вопрос о новом «тройственном союзе» постепенно занял заметное место в дискуссиях по вопросам международной и региональной политики. Можно в этой связи выделить основные позиции, складывавшиеся в прошлом и доминирующие и сегодня в средствах массовой информации относительно стратегического треугольника «Россия–Индия–Китай»:

- «треугольник» возможен и желателен как реальный геополитический противовес складывающемуся однополюсному американскому миру и как начало создания новой «биполярной системы»;

- значительный дисбаланс между высоким уровнем достигнутых политических отношений и «отстающего» торгово-экономического сотрудничества между тремя странами вряд ли выравнивается и станет препятствием для их сближения;

- «треугольник» невозможен, так как все его «углы» экономически, особенно Китай и Индия, и политически завязаны на США, в связи с чем проамериканский потенциал перевешивает антигегемонистские настроения членов «треугольника»;

- система РИК возможна в «урезанном» варианте – без китайско-индийского вектора, который является самым сложным по сравнению с китайско-российскими и российско-индийскими отношениями и проблемы которого практически неразрешимы;

- взаимодействие возможно исключительно на двусторонней основе, причем основными «пружинами» этого взаимодействия являются потребность Индии⁷ и Китая⁸ в российских военных поставках (ВТС), а России – в индийских и китайских технологиях и инвестициях;

- «треугольник» возможен, но исключительно на основе межцивилизационного неополитического взаимодействия, не направленного против третьих стран и основанного на внутриконтинентальной экономической интеграции и кооперации;

- все три государства, являясь ведущими державами азиатского континента (Россия как евра-

зийская страна), смогут совместно активизировать свою роль в формировании международного баланса сил и установлении режима безопасности в Азии.

Научные подходы к разработке концепции «стратегического треугольника»

С начала 2000-х гг. политологи, политические аналитики и политики РИК стали активно разрабатывать теоретические и практические проблемы формирования и функционирования стратегического треугольника «Москва – Дели – Пекин». С 2001 г. проводятся ежегодные научно-практические конференции политологов трех стран, посвященные анализу возможностей, перспектив, направлений и форм межгосударственного взаимодействия РИК. В марте 2008 г. в индийской столице прошел первый геостратегический семинар «Россия – Индия – Китай» по формуле «Трек 2 плюс 1», в рамках которого состоялись предметные дискуссии с одновременным участием ученых-экспертов и ответственных представителей внешнеполитических ведомств трех стран⁹. В научных публикациях также преобладают несколько подходов к созданию «оси»:

– во-первых, ряд авторов рассматривает «треугольник» как возможный военно-политический союз трех стран, имеющий антизападную, и прежде всего антиамериканскую, направленность. Ученые, придерживающиеся таких взглядов, опираются на традиции школы *realpolitik*. Ее последователи рассматривают международные отношения как антагонистическое противоборство субъектов, преследующих свои эгоистические цели и опирающихся главным образом на силовые методы их достижения. Кроме того, эта группа политологов испытывает сильное влияние миросистемного подхода, рассматривающего мировую систему в качестве арены борьбы «ядра» (богатых постиндустриальных стран) и «периферии» (бедных развивающихся государств)¹⁰.

Действительно, нельзя отрицать, что стремление противодействовать «гегемонизму» (под которым понимаются внешнеполитические действия США и их ближайших союзников) сыграло существенную роль в формировании идеи стратегического партнерства РИК. Достаточно вспомнить обстоятельства, при которых Е.М. Примаков выступил с инициативой о создании «стратегического треугольника» трех стран. Его предложение прозвучало на фоне британо-американских бомбардировок Ирака, которые вызвали резкую реакцию руководства России. В частности, российские послы были отозваны для консультаций из Великобритании и США, сухопутные войска и ВМФ РФ были приведены в состояние повышенной боевой готовности. И хотя сейчас Е.М. Примаков отрицает, что призывал создать военный союз против Запада¹¹, антиамериканские мотивы его заявления о создании «стратегического треугольника» РИК не вызывают сомнения.

На скрытый антиамериканизм как один из мотивов создания «треугольника» указывают многие

ученые и политические эксперты трех стран. Показательно, что премьер-министр Индии призвал вернуться к обсуждению «идеи Примакова» сразу после бомбардировок НАТО Югославии (1999 г.). В это же время российские и китайские дипломаты в Пекине проводили консультации о возможности институционализации «треугольника»¹². Ю.А. Жулин в этой связи прямо утверждает, что РИК замышлялся «с явным антиамериканским подтекстом»¹³, С.Г. Лузянин отмечает, что РФ стремился к сплочению с Китаем в качестве противовеса США¹⁴, а В.Л. Андрианов называет РИК «адекватным ответом на вызов Запада»¹⁵.

С российскими политологами и экспертами солидарны и некоторые индийские коллеги. Так, Мира Синха Бхаттагарджи указывает на то, что страны РИК объединяет «общая и широкая антизападная позиция»¹⁶. Г.П. Дешпанде рассматривает современный мировой порядок как «политически глобализированный, контролируемый США», который должен быть реформирован совместными усилиями России, Индии и Китая¹⁷. Ряд китайских исследователей также не скрывает, что сотрудничество России, Китая и Индии направлено на сдерживание американских притязаний на мировое господство¹⁸. Так, Ма Шуфань подчеркивает, что эти страны могут «служить мощной уравновешивающей силой для предотвращения стремления США к однополюсному миру»¹⁹. Хэ Вэйгань называет Китай и Россию крупнейшими соперниками США²⁰.

Исходя из вышесказанного, можно согласиться с выводом, который делает Гао Шудинь: «Не смотря на постоянные заверения России и Китая о том, что их партнерство не направлено против третьих стран, в нем присутствует определенный антиамериканский потенциал, представляющий собой ответ на экспансионистскую стратегию США»²¹. Как мы видим, значительная часть российских, китайских и индийских политологов с той или иной степенью жесткости интерпретировали партнерство РИК с позиций реализма и неореализма, рассматривая его как фактор поддержания баланса сил в мире и формирования мирового порядка на «многополярной» основе;

– во-вторых, в последнее время широкое распространение получила неконфронтационная трактовка «треугольника», которая уже не рассматривает РИК как военно-политический союз или альтернативный антизападный культурный кластер. Приверженцы такой позиции называют отношения между РИК «стратегическим партнерством», «трехсторонним взаимодействием», «трехсторонним сотрудничеством», «диалогом», не направленным против третьих стран²².

Вместе с тем либеральная и нелиберальная парадигмы изучения «треугольника» РИК не получили широкого распространения. Сторонники этого подхода призывают не увлекаться идеей военно-политического противостояния США и Западу. Их понимание партнерства РИК опиралось на утилитарно-рационалистский подход, в соответствии с которым международное сотрудни-

ничество основывается на стремлении к извлечению максимальной выгоды, а не к увеличению политического влияния или реализации каких-то моральных принципов. Поэтому они высказывались за расширение и укрепление трехстороннего взаимовыгодного сотрудничества, которое не будет препятствовать при этом развитию торгово-экономических и финансовых связей с другими международными партнерами²³.

Несомненно, что Россия, Индия и Китай добились серьезных практических результатов в стабилизации международных отношений в Евразии, прежде всего придав конструктивный и стабильный характер отношениям между самими участниками «стратегического треугольника». Тем не менее до сих пор остаются открытыми вопросы, реальна ли полная реализация геополитического потенциала РИК, сумеет ли «стратегический треугольник» стать образцом нового международного порядка с качественно иным управлением, какова степень прочности партнерства трех стран, в какой мере оно является стратегическим и т.п.

В настоящей статье возможности и перспективы партнерства между тремя странами оцениваются с позиций межпарадигмального подхода, который предполагает использование всего рационального, что содержится в классических и неклассических методологических подходах к анализу управления мировой политикой – институциональном, системном, конструктивистском, информационном, сетевом, социосинергетическом и т.п.

Социосинергетика и РИК

Так, социосинергетика рассматривает международные отношения как нелинейный процесс, в котором взаимодействуют упорядочивающие и хаотические факторы, что не позволяет однозначно оценивать их перспективы. На мой взгляд, этот вывод вполне применим к анализу перспектив создания «стратегического треугольника» РИК. Они определяются не только факторами, благоприятствующими консолидации трех стран, но и обстоятельствами, которые оказывают негативное, дестабилизирующее влияние на отношения России, Индии и Китая. К первым факторам относятся:

- определенная экономическая взаимозависимость, которая помогает решать сходные внутриполитические задачи: все три страны объективно нуждаются в международной стабильности для модернизации экономики, преодоления отставания от ведущих мировых держав, обеспечения конкурентоспособности производимой продукции;

- общность ряда геополитических интересов (противостояние чрезмерному усилению США, борьба с угрозой терроризма и религиозного экстремизма и др.);

- определенная культурно-ценностная близость трех стран (отсутствие ярко выраженного индивидуализма, повышенного интереса к материальным ценностям, потребительству);

- близость политических систем (неразвитых в демократическом понимании и склонных к авто-

ритарности), что заставляет их выступать «единым фронтом» в полемике с западным миром по гуманитарным проблемам и что можно рассматривать как фактор негативной идентификации;

- богатый опыт дружественных отношений и тесного взаимодействия на международной арене.

Как видно, существуют исторические, географические, экономические, политические, культурно-идеологические факторы, благоприятствующие упорядочению отношений в формате РИК. Они обуславливают развитие партнерства между Россией, Индией и Китаем по восходящей линии начиная с 1990-х гг. С другой стороны, на перспективы отношений внутри «стратегического треугольника» влияют и дестабилизирующие факторы, прежде всего несовпадение существенных геостратегических интересов входящих в РИК государств. Как ни парадоксально, но участники «стратегического треугольника» имеют мало объединяющих стратегических целей. В настоящее время каждая из трех стран ставит перед собой амбициозную задачу – войти в число мировых лидеров, способных оказывать существенное влияние на глобальную и региональную политику.

С учетом претензий России, Индии и Китая на геополитическое лидерство их можно рассматривать скорее как потенциальных стратегических конкурентов, чем союзников. Собственно, соперничество за влияние в мире между тремя странами уже идет. Так, Китай и Индия конкурируют за роль региональных лидеров в Южной и Юго-Восточной Азии²⁴. Геополитическую конкурентность отношений двух азиатских гигантов подчеркивают многие авторы²⁵. Среди наиболее очевидных проблем в этой связи можно выделить следующие:

- 1) конкуренция как производителей однотипной продукции, например в поставках в Россию из Индии и Китая чая, гранита и т.д. Индия и Китай также являются экспортерами дешевой рабочей силы²⁶. Более того, в Дели подготовлен сенсационный документ, из которого следует, что Китай и Индия видят друг в друге вероятных противников²⁷. Речь идет о территориальных спорах на ряде участков границы между двумя странами, а также о проблеме Тибета. В последнем случае Дели рассматривает Китай как страну-оккупанта (хотя прямо этого и не декларирует), а для Пекина Дели — прямой пособник тибетских сепаратистов. На протяжении последних лет КНР ведет целенаправленную политику глубокого стратегического окружения Индии через своих ближайших стратегических союзников — Пакистан и Мьянму, к которым в ближайшее время могут добавиться Бангладеш и даже Афганистан (в случае ухода от туда войск США и их союзников);

- 2) действующие ограничения и запреты на импорт той или иной продукции по причине ее несоответствия фитосанитарным требованиям и/или стандартам качества, по сути являющиеся формой защиты внутреннего производителя от конкурентов. Пример – действия КНР по сдерживанию поставок российской молочной продукции на его внутренний рынок²⁸;

3) имеют место и будут приобретать все большее значение различия в подходах России, Индии и Китая к пониманию и обеспечению собственной продовольственной безопасности. Так, широкое распространение в Китае генетически модифицированных культур как принципиальное препятствие на пути увеличения импорта продукции растениеводства из КНР в Россию (запрет ввоза сухого молока из Китая в Россию²⁹);

4) наряду с Китаем Индия позиционирует себя как будущая великая держава, и ее внешняя политика характеризуется глобальным охватом основных экономических и политических проблем. Вместе с тем, будучи одной из ведущих региональных держав, Индия проводит политику под лозунгом «лицом к Востоку», хотя Центральная Азия также рассматривается в качестве одного из приоритетных направлений³⁰. А два гиганта в одном регионе – это уже серьезная конкуренция;

5) Индия и Китай являются экономическими конкурентами как в импорте (в доступе к рынкам сырья, в котором обе страны испытывают серьезный недостаток), так и в экспорте (обе страны ориентируются на производство промышленных товаров для рынков развитых стран);

6) не менее серьезными являются политические разногласия этих стран: никому, кроме России, противостояние с США в качестве самоцели не интересно, в то время как никаких других практических объединяющих целей у стран РИК нет³¹;

7) в период мирового кризиса экономика КНР показала самые высокие темпы роста в мире (как, впрочем, и до кризиса), Индия – умеренный рост, а Россия продемонстрировала один из самых глубоких в мире провалов³².

Геополитическое соперничество характеризует и отношения России с Китаем³³. В частности, негласно идет борьба за влияние на постсоветском пространстве Центральной Азии, где китайцы стремятся взять под свой контроль казахстанские, туркменские и узбекские источники энергоресурсов, а также трубопроводные магистрали³⁴. Российско-индийское соперничество в настоящее время не так выразительно в силу значительного разрыва в уровнях социально-экономического развития и военного потенциала, однако можно наблюдать его возникновение в некоторых регионах, например в той же Центральной Азии³⁵.

Поскольку каждая из трех стран стремится стать геополитическим лидером, ни одна из них не согласится быть младшим партнером, играть вторые роли в отношениях друг с другом. «Комплекс великодержавия» подрывает единство РИК, является серьезным препятствием на пути формирования прочного, тесного и долговременного сотрудничества между ними. Как подчеркивает В.А. Гайкин, «волк, коза и капуста» в одной лодке оказаться не могут³⁶. По моему мнению, для характеристики отношений внутри «треугольника» лучше подходит сравнение с «тремя медведями в одной берлоге», которым ужитья еще труднее, чем двум.

Как уже отмечалось выше, одним из главных объединяющих факторов взаимодействия РИК является их общее неприятие доминирующей роли США в мире. Однако системообразующую роль в объединении трех стран в долгосрочной перспективе оно вряд ли может сыграть. Индия и Китай не заинтересованы в чрезмерном обострении отношений с американцами, поскольку очень тесно экономически связаны с ними, гораздо более тесно, чем с Россией. Так, США являются вторым после Японии торговым партнером Китая³⁷. Объем торговли Индии с США составляет более 30 млрд долл³⁸. По этому показателю американцы занимают второе место среди экономических партнеров этой страны. Укрепляется политическое сотрудничество между двумя странами. Премьер-министр Индии Ваджпай в 2001 г. назвал Индию и США «естественными союзниками»³⁹. В последнее время наблюдается расширение американо-индийских контактов в различных областях – борьбе с терроризмом, бедностью, в сфере обороны.

При этом существенное значение для оценки отношений Индии и Китая с США имеет не количественная сторона вопроса (у Китая и Индии, например, также очень активная торговля), а то обстоятельство, что сотрудничество с этой страной имеет жизненно важное значение для решения насущных внутренних задач двух государств. Именно США и Запад в целом, а не Россия являются источниками капиталов, поставок продуктов передовой науки и технологий⁴⁰. Без торгово-экономических связей с США был невозможен стремительный взлет ни китайской, ни индийской государственной мощи. Поэтому многие эксперты небезосновательно считают, что отношения, например, Китая с США являются для него приоритетными, так как последние могут блокировать достижение китайских стратегических целей во внутренней и внешней политике⁴¹.

Не следует, конечно, преувеличивать значимость связей Вашингтона и Пекина. Они также являются геополитическими соперниками. Однако, несмотря на это, отношения между ними не могут опускаться ниже определенного уровня или вылиться в серьезный международный конфликт, по крайней мере в среднесрочной перспективе. Практически то же самое можно сказать и об Индии. На фоне интенсивного торгового сотрудничества Китая и Индии с США можно констатировать, что у стратегического партнерства РИК довольно слабый экономический фундамент. Торгово-экономические связи трех стран не только маломасштабны, несбалансированны и архаичны (сводятся главным образом к обмену российским и индийским сырьем на китайский ширпотреб), но и неустойчивы, сопровождаются заметными взлетами и падениями⁴².

Серьезным препятствием на пути укрепления сотрудничества России, Индии и Китая являются не урегулированные до конца конфликты между ними. Особенно сложными, несмотря на некоторую нормализацию в последние годы, продолжают оставаться китайско-индийские отношения.

До сих пор существуют территориальные споры двух государств. Индия претендует на 34 тыс. кв. км территории Китая, а Китай – на 90 тыс. кв. км индийской земли⁴³. Российско-китайские территориальные споры были на официальном уровне решены в 2004 г. Однако определенные претензии друг к другу остались по обеим сторонам границы. Так, в России многие аналитики и политические деятели считают, что наша страна пошла на слишком большие территориальные уступки (с 1992 г. она безвозмездно передала Китаю около 600 островов на реках Амур и Уссури, а также 10 тыс. кв. км сухопутной территории)⁴⁴.

В свою очередь, в Китае есть влиятельные силы, недовольные тем, что РФ вернула лишь незначительную часть якобы принадлежащей Поднебесной земли. Как известно, комитет по международным делам ВСНП сначала даже отказывался ратифицировать договор с Россией о территориальном разграничении⁴⁵. Исторические и до сих пор не урегулированные полностью конфликты породили определенное недоверие и взаимную подозрительность между государствами и народами России, Индии и Китая. Например, в российском массовом сознании широко распространено опасение по поводу «китайской угрозы»⁴⁶. Со своей стороны, китайцы обнаруживают немало негативных стереотипов по отношению к России. В.Л. Ларин пишет по этому поводу: «В современном общественном мнении КНР Российская империя для многих воспринимается агрессором, отобравшим у слабого Китая обширные территории в Приамурье, а нынешняя Россия ассоциируется с нестабильностью, коррупцией, терактами и политическими скандалами»⁴⁷.

В еще большей степени взаимная подозрительность и предвзятость характеризует отношения Индии и Китая вследствие исторически непростых взаимодействий двух стран. У Индии и России основ для недоверия значительно меньше, но у индийской стороны наблюдается «комплекс младшего партнера» в «треугольнике», который создает психологические барьеры в системе партнерства РИК⁴⁸.

Культурно-ценностному сближению препятствуют и серьезные цивилизационные различия между Россией, Индией и Китаем. Китайский политолог Ван Цюн конкретизирует социокультурные различия китайцев и русских. В Китае, по его мнению, выше уровень коллективизма. У китайцев более выражены черты мужественности, а у русских – избегания неопределенности. В России полиактивная культура, которая допускает выполнение нескольких дел одновременно. Поэтому действия русских непредсказуемы, отсюда – их низкая пунктуальность. Китай – типичный представитель реактивных культур, время которых движется циклично. Китаю свойственна высококонтекстуальная культура, которую отличают невыраженная, скрытая манера речи и поведения. Конфликт считается разрушительным и потому избегается, открытое проявление недовольства считается неприемлемым.

Россия занимает промежуточное место между низкоконтекстуальными и высококонтекстуальными культурами. Поэтому здесь невербальное общение менее значимо, молчание вызывает недоверие, возможно открытое выражение недовольства⁴⁹. Добавим к вышесказанному, что китайцы значительно более трудолюбивы, терпеливы, дисциплинированы, исполнительны, чем русские. Китайцам мало присущи свойственные русским «комплекс бунтаря и верноподданного», неоднозначное отношение к власти, эмоциональность и открытость. Существенные различия есть и в ментальности и культуре индийцев и китайцев. Так, Х. Жинсин отмечает, что конфуцианство, в отличие от индуизма, более прагматично⁵⁰. Во многом не похожи друг на друга православно-христианская и индуистская религии.

С точки зрения межпарадигмального подхода «треугольник» РИК представляет собой внутренне противоречивую систему взаимоотношений трех стран, развитие которой предопределяется взаимодействием упорядочивающих и дестабилизирующих факторов. В ее основе лежат как кооперационные, так и конкурентные связи. Межпарадигмальность позволяет использовать различные методологические подходы для оценки эффективности механизмов сотрудничества «стратегических партнеров»:

- неореализм позволяет сделать вывод о том, что единство трех стран обеспечивается главным образом тактическими интересами и необходимостью уравнивать американское влияние в мире;

- с позиций неолиберализма степень экономической взаимозависимости трех стран и институционализации отношений между ними является невысокой, что не позволяет рассматривать экономический и институциональный фундаменты «треугольника» как прочные, в связи с чем трудно рассчитывать на тесное сплочение входящих в него государств;

- применения неомарксистский подход к анализу степени упорядоченности партнерства РИК, приходится делать неутешительный вывод: учитывая, что Россия, Индия и Китай глубоко включены в глобальные экономические связи, маловероятно, что они смогут или захотят создать единый фронт «полупериферийных» стран против государств «ядра»;

- цивилизационный подход связывает формирование стабильных отношений государств с межкультурным диалогом, развитием тесных культурно-ценностных связей стран и регионов. Однако мы можем констатировать, что цивилизационные различия России, Индии и Китая глубже, чем черты их сходства;

- РИК еще весьма далек от формирования «общей идентичности», в которой конструктивистская парадигма видит важнейшее условие сплочения народов и государств;

- с точки зрения постнеклассической методологии «треугольник» РИК также не опирается на прочные основания. Все три страны считают при-

оритетным защитой своего государственного суверенитета, поэтому прямые транснациональные, сетевые связи институтов гражданского общества между ними носят крайне неразвитый характер.

Таким образом, анализ «стратегического треугольника» РИК через призму основных компонентов межапарадигмального подхода позволяет констатировать, что, несмотря на укрепление взаимных отношений в последние годы, уровень управленческой упорядоченности партнерства трех стран не является высоким.

Три сценария развития РИК

Рассматривая же отношения России, Индии и Китая в динамике, можно создать три сценария развития их партнерства. Наиболее вероятными, на мой взгляд, могут быть три варианта эволюции РИК как международного триумвирата в Евразии: пессимистический, оптимистический и умеренно-оптимистический.

Согласно пессимистическому сценарию, стратегическое партнерство РИК не имеет перспективы. Противоречия между Россией, Индией и Китаем будут обостряться. Усилится противостояние трех «гигантов» за мировое и региональное лидерство. Укрепление экономической и военно-политической мощи Китая приведет к тому, что Россия и Индия будут блокироваться с США и Западом, чтобы уравновесить возвышение Поднебесной. Это приведет в конечном итоге к кризису и распаду самой идеи РИК. Такой точки зрения придерживаются В.А. Гайкин, А.П. Девятков и другие отечественные авторы⁵¹.

При оптимистическом варианте развития событий «треугольник РИК» будет в дальнейшем укрепляться во всех областях управления укрупненным регионом, что приведет к образованию, в той или иной форме, тесного политического союза. Следует признать, что в российской политологии немного авторов, которые верят в реальность такого сценария. Они скорее доминируют среди политиков левых и национал-патриотических убеждений.

Наконец, умеренно-оптимистический взгляд на перспективы РИК состоит в том, что три страны будут развивать сотрудничество между собой в основном на том же уровне, что сложился к настоящему времени – «партнерства без союзничества». При этом они будут прагматически реализовывать управление своими экономическими, политическими и культурно-идеологическими интересами. Такое партнерство не только будет сопровождаться дальнейшим упорядочением управления внутри РИК, но и вносить вклад в стабилизацию обстановки в АТР и в мире в целом.

Из трех сценариев самым маловероятным представляется оптимистический. Ряд авторов считает, что идея «треугольника» как союза трех государств – это продукт мифологизированного сознания советской эпохи («русский с китайцем – братья навек», «руси – хинди бхай-бхай») и не соответствует политическим реалиям XXI в. Ю.И. Суровцев подчеркивает в этой связи: «Созда-

ние стратегического треугольника «Китай–Россия–Индия» есть политическая фантазия некоторых наших политиков и политологов, не просто малокомпетентных в геополитических реальностях современного мира, но и подчиняющих свои субъективные фантазии внутриполитическим выгодам, как они им представляются»⁵².

Нужно отметить при этом, что вероятностный подход, характерный для постнеклассической методологии, не исключает возможности любого сценария, включая превращение РИК в военно-политический союз. Его вероятность возрастет, если США будут проводить жесткий гегемонистский курс во внешней политике, инициировать новые военные интервенции. В этом случае страны «Большой тройки» будут вынуждены создать блок для сдерживания американского экспансионизма, угрожающего глобальной катастрофой.

Наиболее реальным все же представляется умеренно-оптимистический сценарий, поскольку он больше всего отвечает интересам двух из трех участников РИК (Индии и Китая) в евразийских международных отношениях, которые будут и в дальнейшем извлекать определенную тактическую выгоду из существующего стратегического партнерства. Россия, Индия и Китай будут вести сложную политическую игру, стремясь поддерживать конструктивные отношения между собой и одновременно не наносить ущерба тесным взаимосвязям с США.

В любом случае развитие партнерства РИК будет подчиняться законам социосинергетики – нелинейности, скачкообразности, взаимоперехода хаоса и упорядоченности. На направленность эволюции «треугольника» могут повлиять как серьезные, так и незначительные флуктуации в международных отношениях: перераспределение управленческих функций, изменение в соотношении сил ведущих акторов, зигзаги в развитии мировой экономики и т.д.

Вместе с тем ясно, что при любом варианте развития событий в объективных интересах России – углублять и расширять сотрудничество с Индией и Китаем на взаимовыгодной основе, не предаваясь иллюзиям о «вечной дружбе» трех народов, а решая конкретные управленческие экономические, политические и духовные задачи. Ни Китай, ни Индия, как справедливо утверждает А. Арбаков, не пойдут воевать за Россию. «Поэтому, – заключает этот автор, – развивая с ними взаимовыгодное сотрудничество, Москва никогда не должна терять чувства реалистической дистанции и соразмерности своего вклада с получаемыми дивидендами, равно как и упускать из виду последствия этого сотрудничества для своих отношений с другими странами, которым этот вопрос безразличен»⁵³.

Заключение

Идея совпадающих геостратегических интересов РИК в настоящее время может иметь свое рациональное обоснование, если только не использовать «стратегический треугольник» как потенциал каких-то милитаризованных «союзов», блоков или «осей». В организации сотрудничества

России, Индии и Китая следует исходить из уже существующих вещей и добиваться конкретных позитивных результатов. Россия в рамках РИК сумела вывести давний спор двух азиатских гигантов на уровень трехстороннего обсуждения, сняв напряженность между Пекином и Дели. Важным шагом вперед в примирении двух крупных азиатских держав может стать вступление Индии в ШОС. «Россия поддерживает членство Индии в ШОС, а также Пакистана, который тоже обратился с соответствующей просьбой», – заявил Сергей Лавров по итогам встречи в Москве с индийским и китайским коллегами. Совместная работа Москвы, Дели и Пекина в рамках ШОС и РИК может способствовать дальнейшему росту взаимного доверия, и это единственный способ предотвратить прогнозируемое рядом политологов неизбежное столкновение двух азиатских гигантов.

И здесь необходимо иметь в виду, что современный мир становится настолько взаимозависимым, что дружба «против кого-нибудь» часто становится непродуктивной, в то время как прагматичная борьба за национальные, они же эгоистические, интересы наций может содержать конструктивные элементы, если она ведется в рамках международного права». В этом смысле представляет интерес «треугольная дипломатия России», которая только 2 июня 2005 г. вышла из «тени» других международных форумов встречей министров иностранных дел России, Индии и Китая во Владивостоке. Ранее встречи «тройки» состоялись в Нью-Йорке во время сессий Генеральной Ассамблеи ООН в 2002 и 2003 гг. и в 2004 г. в Алма-Ате в ходе Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии.

Данный «триалог» не формализован и не может восприниматься как некая организация или ее зародыш. Участвующие в нем стороны обоснованно заявляют, что их общение не направлено против кого бы то ни было. В основе такого взаимодействия лежат два основополагающих фактора: традиционное тесное сотрудничество России с Китаем и Индией, ныне дополненное китайско-индийским сближением, и общий взгляд на мир как явление многополюсное⁵⁴. Оба этих фактора в тройственном общении способствуют повышению международного веса каждой из сторон, в чем можно видеть основной движущий мотив «триалога». Первым важным результатом «треугольной дипломатии» может считаться сближение Индии и Китая.

В апреле 2005 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао посетил Дели и не только подписал около десятка важных соглашений, но и договорился с представителями индийской стороны о путях решения пограничных проблем. Знаменательными можно считать слова, сказанные премьер-министром Индии Манмо-

ханом Сингхом на встрече с высоким китайским гостем: «Мы можем перестроить миропорядок». «Россия разделяет заинтересованность Китая и Индии в налаживании эффективного внешнеполитического и экономического взаимодействия в трехстороннем формате Россия–Индия–Китай»⁵⁵, – отмечено в «Концепции внешней политики Российской Федерации» 2008 г.

Россия, Китай и Индия считают, что их главной международной задачей является построение многополярного мира. Они поддерживают центральную роль ООН в поддержании международной безопасности и высказываются за укрепление коллективных действий по борьбе с терроризмом. В перспективе российско-китайско-индийского сотрудничества – ускорение процесса вступления Индии в ШОС и превращение «равнобедренного» треугольника в «равносторонний» путем преодоления разногласий между Китаем и Индией.

Превращение РИК в БРИКС, безусловно, расширяет возможности этого объединения в усилении воздействия на международную обстановку, предложении мировому сообществу новых форм глобального политического и экономического сотрудничества. «Не растворился» РИК и в «двадцатке» наиболее влиятельных государств современного мира. Показательно и то, что усложнившаяся структура современных международных отношений включает в себя и такой феномен межгосударственного партнерства, как РИК. Формат тройственного партнерства нисколько не теряет в своей актуальности, так как способен стать влиятельным актором современной мировой политики⁵⁶.

По сути, в данном случае речь идет об утверждении практики коллективных действий группы восходящих держав, которые стремятся выступать от имени большого числа развивающихся государств и готовы принять свою долю ответственности за созидание будущего человечества. С этой точки зрения РИК может стать одним из главных инструментов реформирования нынешнего миропорядка и создания нового, полицентричного мироустройства.

Mareeva J. A. «Strategic Triangle» Russia-India-China in International Relations (Theory and Historical Practice).

Summary: In article reconstructed the history of nomination and the fate of the idea of a «strategic triangle» of the three Eurasian giants - Russia, India and China (RIC); the foundations of the foreign policy and economic partnership of the three countries; examined the stages of the transformation of the idea of bringing them closer together in the geopolitical the project in the socio-political periodicals and scientific literature; the thesis about the prospects of institutional design RICK.

Ключевые слова

Международные отношения, геополитические идеи, «стратегический треугольник», геополитическая ось, союз, блок, взаимодействие, партнерство, Россия, Индия, Китай

Keywords

International relations, geopolitical ideas, strategic triangle, the geopolitical axis, Union, unit, cooperation, partnership, Russia, India, China

Примечания

1. Песков А. Премьер говорит то, от чего воздерживаются другие // Дипкуррьер НГ. № 17. 09.11.2000.
2. Россия – Китай – Индия: проблемы стратегического партнерства / Отв. за выпуск В.С. Мясников, П.М. Кожин. М., 2000; Яскина Г.С. Россия – Китай – Индия: перспективы трехстороннего сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2003. №1; Уянаев С.В. Россия – Китай – Индия: на пути трехстороннего взаимодействия // Китай в мировой и региональной политике (история и современность) / Сост. Е.И. Сафронова. М., 2004; Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI в.: проблемы, перспективы, направления / Сост., предисл. С.В. Уянаева. В 2-х т. М., 2004; Портяков В.Я. Основные особенности и проблемы взаимодействия России, Индии и Китая на современном этапе // Китай в мировой и региональной политике (история и современность) / Ред.-сост. Е.И.Сафронова. М., 2005; Уянаев С.В. Москва – Дели – Пекин: мост взаимопонимания и сотрудничества // Китай в мировой и региональной политике (история и современность) / Рук. авт. коллектива В.Я. Портяков. Отв. ред. - сост. Е.И.Сафронова. М., 2008 и др.
3. Китай. Стратегия партнерства между Россией и Китаем. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 2011 URL: с <http://kitai.org.ua/strategija-partnerstva.php>
4. Отношения России и Запада в преддверии встречи «Большой восьмерки»// Фонд "Единство во имя России [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 2011 URL: <http://www.fondedin.ru/article100.php>
5. Январь-96//Еврейская электронная библиотека [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 1996 URL: http://www.jewish-library.ru/bovin/5_Jet_sredi_evreev_i_midovtsev/51.htm?page=2
6. Военное сотрудничество России и Индии // Мультипортал «Кирилл и Мефодий»/«Образование». [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 2010 URL: <http://student.km.ru/view.asp?id=F1912E34D63147B881904A54040C55FA&idrubr=FF2B53C1E3E5400889E5998E19633EAC>
7. Мазин А.В. Итоги и перспективы российско-индийского военно-технического сотрудничества. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. URL: <http://www.xserver.ru/user/iipr/>
8. Клименко А.Ф./Статья Российско-китайское военное сотрудничество // СИАА [Электронный ресурс]. Электрон. дан. URL: <http://www.siaa.ru/?pg=2&id=152903&type=3&page=0&hd>
9. Китай в мировой и региональной политике (история и современность) / Рук. авт. коллектива В.Я.Портяков. Отв. ред. - сост. Е.И. Сафронова. М., 2008. С. 171.
10. Яковлев А.Г. Россия, Китай и Индия в условиях становления новой биполярности мира // Китай в мировой и региональной политике (история и современность) / Отв. ред. Б.Т. Кулик. М., 1996; Его же. Глобальные факторы: «за» и «против» стратегического треугольника // Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI в.: проблемы, перспективы, направления. Указ.соч. Т. 1; Орлов С.Б. Военно-стратегические аспекты отношений РФ с КНР и Индией и их роль в обеспечении региональной и глобальной безопасности // Россия – Китай – Индия: проблемы стратегического партнерства. Указ.соч.; Моханти А. Стратегический треугольник – миф или реальность? // «Новый порядок на века?». Политическая структура современного мира: состояние, проблемы, перспективы / Науч. труды МНЭПУ. Вып.3. Сер. Политология / Отв. ред. Ю.В. Соколов. М., 2000.
11. Примаков Е.М. Мир без России? М., 2009. С. 194.
12. ИНФО-ТАСС. 5.05.1999.
13. Жулин Ю.А. Россия и Китай: военно-политические проблемы взаимной безопасности на пороге XX – XXI вв. Саранск, 2005. С. 28.
14. Восток. 2007. № 2. С. 144.
15. Андрианов В.Л. Формирование «большого Китая»: геополитическое измерение // Китай в мировой и региональной политике (история и современность) / Отв. ред. А.Г. Яковлев. М., 2000. С. 100.
16. Мира Синха Бхаттагарджи К геополитике мира // Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI в.: проблемы, перспективы, направления. Т.1. С. 64.
17. Дешланде Г.П. Глобализм, регионализм и национализм. С. 42.
18. См.:Чже Сун Хун. Развитие военного сотрудничества между Россией и Китаем//Социально-гуманитарные знания.2008. №5; Чэнь Цзунмин. Углубление экономического сотрудничества между Китаем, Индией и Россией // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 1.
19. Ма Шуфань. Стратегический ракурс китайско-российских отношений, обращенных в XXI в.//Китайские исследователи России о китайско-российских отношениях / Сост. В.Н. Барышников. М., 2005. С. 14–15.
20. Хэ Вэйгань. Сотрудничество и расхождения в отношениях Китая, США и России в рамках международной системы. Там же. С. 21.
21. Гао Шуцин. Российско-китайские отношения в условиях глобализации. М., 2005. С. 119.
22. Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008. С. 492;

- Уянаев С.В. Россия – Индия – Китай: не блок, а система партнерства в интересах развития и мира // Российско-китайские отношения: состояние, перспективы / Рук. проекта М.Л. Титаренко. М., 2005; Лузянин С.Г. Указ.соч. С. 189.
23. См.: Китайский фактор в новой структуре международных отношений и стратегия России. М., 2004. С. 12–35; Яскина Г.С. Указ. соч. С. 29–30.
 24. Lal R. Understanding China and India: Security Implications for the US and the World. Westport, Conn., L., 2006.
 25. Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка. М., 2007. С. 360 – 461; Яскина Г.С. Указ.соч. С. 34; Ефремова К.А. Модели взаимодействия неравновесных участников международных отношений (на примере Китая, Индии и Мьянмы): Автореф.дис... канд.полит.наук. М., 2004 и др.
 26. Открытие компании в Индии и Китае: найдите 10 отличий//Бизнес в Китае/Информационный портал [Электронный ресурс]. Электрон. дан. URL: http://www.scsgroup-consult.com/ru/articles/otkritie_kompanii_v_indii_i_kitae_10_otlichiy
 27. Индия готовится к войне с Китаем//Главред. от 27.03.12 [Электронный ресурс]. Электрон. дан. URL: <http://glavred.info/archive/2012/03/27/113121-9.html>
 28. Портяков В.Я. Растущий треугольник//Россия в глобальной политике. 2008. № 6.
 29. Китайский меламинам и Российское молоко//Аналитический портал химической промышленности[Электронный ресурс]. Электрон. дан. URL: http://www.newchemistry.ru/letter.php?n_id=4298
 30. Каукунов А.С. Интересы Китая и Индии в Центральной Азии.// Время Востока / Информационный портал [Электронный ресурс]. Электрон. дан. URL: <http://www.easttime.ru/analitic/3/8/548.html>
 31. Имеются в виду пережитки «холодной войны» 5 марта 1946 — 21 ноября 1990.
 32. ЦРУ // Базы данных [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 2011 URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/id.html>
 33. Сафронова Е.И. Россия, Китай и «третий мир» на рубеже веков: возможно ли «второе дыхание» отношений // Российско-китайские отношения: состояние, перспективы. С. 204 – 228; Чже Сун Хун. Геополитические аспекты внешней политики России на Дальнем Востоке (2000 – 2007 гг.). М., 2008. С. 70.
 34. Гаджиев К.С. Мифы и реальности «нового великого шелкового пути» // МЭ и МО. 2008. № 11. С. 3 – 14; Сыроежкин К.Л. Центральная Азия в треугольнике «Россия–Китай–Запад»: выбор приоритетов // МЭ и МО. 2007. № 10. С. 12 – 24.
 35. Шамгунов Р.Г. Политика Индии и России в Центральной Азии // Россия и Индия в современном мире: Материалы международной конференции, 24–25 февраля 2005 г. / Редкол.: К.К. Худолей и др. СПб., 2005. С. 73–83.
 36. Гайкин В.А. Китай и Евросоюз – два расовых полюса планеты // Усиление Китая: внутренние и международные аспекты. Тезисы докл. XV межд. науч. конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность и перспективы» / Под ред. Р.М. Асланова (рук.) и др. Ч. I. М., 2005. С. 156.
 37. Кулик Б.Т. Фактор США в российско-китайских отношениях // Российско-китайские отношения: состояние, перспективы. Указ. соч. С. 127.
 38. Уянаев С.В. Москва – Дели – Пекин: мост взаимопонимания и сотрудничества. Указ.соч. С. 180.
 39. Ханин Ф.П. Внешняя политика Индии в условиях глобализации однополярного мира // Россия и Индия в современном мире. Указ. соч. С. 68.
 40. Алка Ачария. Политическое сотрудничество между Индией, Китаем и Россией: проблемы и перспективы // Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI в.: проблемы, перспективы, направления. Указ.соч. Т.1. С. 117; Титаренко М.Л. Указ.соч. С. 529.
 41. Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай–Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006. С. 12; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона. Российско-китайские отношения на рубеже XX – XXI вв. Владивосток, 2006. С. 51.
 42. Ма Шуфан. Стратегический ракурс китайско-российских отношений, обращенных в XXI в. // Китайские исследователи России о китайско-российских отношениях и развитии внутренней обстановки в РФ. Указ.соч. С. 12.
 43. Комиссина И.Н., Куртов А.А. ШОС // Россия в Азии: проблемы взаимодействия / Под ред. К.А.Кокарева. М., 2006. С. 296.
 44. Ившина О.Я. Динамика российско-китайских отношений // Усиление Китая: внутренние и международные аспекты. Указ. соч. С. 185.
 45. Ларин В.Л. Указ. соч. С. 53 – 54.
 46. См.: Галенович Ю. Россия и Китай: понять друг друга // Азия и Африка сегодня. 2008. № 4.
 47. Ларин В.Л. Указ. соч. С. 56.
 48. Дешпанде Г.П. Указ. соч. С. 43.
 49. Ван Цюн. Влияние социокультурных особенностей Китая и России на российско-китайские отношения: Автореф.дис... канд. полит. наук. М., 2007. С. 12 – 13.
 50. Jinxin H. China Rethinks India // Asia's Giants: Comparing China and India / Ed. by E. Friedman and B. Gilley. Basingstoke, 2005. P. 222.
 51. Гайкин В.А. Китай и Евросоюз – два расовых полюса планеты // Усиление Китая. Указ. соч.; Девятов А.П. Практическое китаеведение: Китай и Россия в ракурсе перемен. М., 2008 и др.
 52. Суровцев Ю.И. Россия и Китай в современном мире: взгляд культуролога // Российско-китайские отношения и проблема многополярного мира / Отв. ред. Л.П. Делюсин. М., 2002. С. 107.
 53. Арбатов А. Безопасность: российский выбор. М., 1999. С. 285–286.
 54. Мунтян М.А. Геополитика: история и современность.: В 2 т. Т.2. М., 2009. С. 474.
 55. Концепция внешней политики Российской Федерации // <http://www.mid.ru>
 56. Мунтян М.А. Указ. соч. Т.2. С. 474.

Правовая характеристика и сущность «трудового мигранта» в административном законодательстве Российской Федерации

О.В. Немченко

В статье с системных позиций рассмотрено ключевое понятие «трудовой мигрант» в сфере трудоустройства граждан Российской Федерации за пределами России, дана правовая характеристика самого термина, анализируется практика применения существующего законодательства. Автор приходит к выводу об общественной значимости института мигрантов и необходимости установления ясности в правовом регулировании данной области трудовых отношений.

Российская Федерация является активным участником миграционных процессов. От российского законодателя поэтому требуется создание адекватной нормативно-правовой базы, сформированной с учетом соответствующих международных норм и правил. В настоящее время внимание законодателей сосредоточено также и на вопросах трудовой миграции, однако большой круг вопросов, связанных с трудоустройством граждан Российской Федерации за пределами Российской Федерации, по-прежнему остается за рамками правового регулирования.

Если оперировать общими категориями, то миграция – это перемещение по различным причинам людей через границы тех или иных территориальных образований в целях постоянного или временного изменения ме-

ста жительства. Миграция может различаться по причинам (добровольная, вынужденная и принудительная), по типу (внешняя и внутренняя), по временным критериям (возвратная или безвозвратная). Принято различать также индивидуальную, семейную (перемещение группы родственников для восстановления или сохранения семейных связей) и коллективную (организованное переселение группы лиц) миграцию.

Одним из ключевых понятий, связанных с миграцией, является понятие «мигрант». Но оно до сих пор не разработано ни в международном праве, ни в российской правовой системе. В основе большинства существующих определений лежит понимание мигранта как лица, совершающего определенный вид перемещения. При этом выделяется несколько видов подобного

Немченко Олеся Викторовна – аспирантка Государственного научно-исследовательского института системного анализа Счетной палаты Российской Федерации (НИИ СП). E-mail: 4378182@gmail.com

перемещения: социальное, территориальное, естественное, профессиональное, отраслевое, механическое и иные. Однако следует согласиться с Л.Л. Рыбаковским, что в определениях, в которых миграция приравнивается к различным видам движения населения, смешиваются различные явления: перемещение людей по территории и перемещение людей по образовательным группам, профессиям, отраслям, предприятиям и т.д.¹

Учитывая, что указанное понятие в статье используется применительно к правовому регулированию миграционной сферы и правовому статусу мигранта, интерес прежде всего представляет территориальное (географическое) перемещение населения. Более того, важно не столько само перемещение мигранта, сколько правовые последствия этого перемещения. В Российской Федерации не раз предпринимались попытки закрепить понятие «мигрант» на федеральном уровне. Так, в 2004 г. Государственным советом – Хасэ Республики Адыгея и Законодательным собранием Краснодарского края в Государственную Думу РФ был внесен проект Федерального закона № 37040-3 «О миграции в Российской Федерации». В соответствии со ст. 1 законопроекта под мигрантом предлагалось понимать лицо, совершающее перемещение на новое место проживания (временное или постоянное). Аналогичное определение было закреплено ранее в утвержденной Правительством РФ Федеральной миграционной программе на 1998–2000 гг.²

Однако данный законопроект после прохождения первого чтения в Государственной Думе был отклонен Комитетом по конституционному законодательству и государственному строительству. В заключении Комитета среди оснований принятого решения было указано несоответствие ряда определений (в том числе предложенного понятия «мигрант») российскому и международному законодательству.

На момент внесения законопроекта действовало решение Экономического суда Содружества Независимых Государств от 11 сентября 1996 г. № С-1/14-96 «О толковании понятий «беженец», «мигрант» и «вынужденный переселенец» применительно к Соглашению о помощи беженцам и вынужденным переселенцам, заключенному 24 сентября 1993 г. в Москве». В своем решении Суд указал, что в соответствии с общим значением понятие «мигрант» означает лиц, осуществляющих пространственные перемещения, вне зависимости от причин перемещений, их длительности и пространственных границ. Такое же определение использовано в постановлении Правительства Москвы от 28 июня 2005 г. № 482-ПП «О Концепции демографического развития города Москвы»³.

Однако следует согласиться с мнением ученых, считающих данное определение чрезмерно широким: «Само понятие «миграция» не поддается определению, если предположить, что пе-

реселение осуществляется «вне зависимости от пространственных границ»⁴. В широком смысле понятие «мигрант», несомненно, включает лиц, осуществляющих любые пространственные перемещения. Но в случае, если указанное понятие принимается с целью определения круга лиц, на которых будет распространяться миграционная политика и которым предполагается предоставить особый правовой статус, определение необходимо сузить за счет введения дополнительных критериев.

Анализируя зарубежный опыт, можно указать три основных критерия, применяемых для определения мигрантов: место рождения, гражданство и место проживания. Реже применяется критерий этнической принадлежности, задаются дополнительные вопросы о цели пребывания, наличии множественности гражданства, основаниях его приобретения, стране рождения родителей. Нередко в качестве критерия определения «мигрант» указывается также на целевой характер перемещения лица. Так, например, Т.Я. Хабриева предлагает признавать мигрантом лицо, которое совершает пространственное перемещение через границы государственных или территориальных образований, связанное с целевым изменением им места жительства (места пребывания) на неопределенный или определенный срок, и получает в результате этого специальный правовой статус.

Кроме того, этот автор отмечает, что потенциально каждый человек может стать субъектом миграционных правоотношений, поскольку он обладает естественным правом на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства. Однако такие отношения являются правоотношениями общего характера. Они становятся миграционными правоотношениями, если в них появляется элемент миграционного качества, то есть особые права и обязанности человека и соответствующие права и обязанности у органов и учреждений публичной власти, должностных лиц по отношению к нему⁵.

Следует отметить, что имеет значение определение не только понятия «мигрант», но и его отдельных категорий, поскольку миграционная политика не может быть одинаковой для всех видов мигрантов. Дифференцированный подход Российского государства к решению проблем различных категорий мигрантов закреплен, например, в Концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации, одобренной распоряжением Правительства РФ от 1 марта 2003 г. № 256-р⁶.

В частности, если иметь в виду международных мигрантов, то после пересечения государственной границы они становятся обладателями двойственного правового статуса: сохраняя права и обязанности, принадлежащие им как гражданам определенной страны, они находятся одновременно под юрисдикцией посещаемого государства. Одна из первых рос-

сийских классификаций категорий мигрантов была закреплена на подзаконном уровне в Федеральной миграционной программе, утвержденной Указом Президента РФ от 9 августа 1994 г. № 1668 «О федеральной миграционной программе»⁷.

Но следует сразу оговориться, что в данном акте были классифицированы не мигранты, а «субъекты миграции», под которыми подразумевались различные категории мигрантов, имеющие ряд общих признаков или являющиеся носителями определенных свойств. В соответствии с Указом в миграционном потоке выделялось шесть категорий субъектов миграции: субъекты внешней миграции; субъекты вынужденной миграции; субъекты внутренней социально-экономической миграции; субъекты незаконной миграции; лица, в отношении которых применяются ограничения на право въезда и пребывания в Российской Федерации; субъекты внешней трудовой миграции.

В данной классификации не был выдержан системный подход в определении отдельных категорий мигрантов. В результате одно и то же лицо могло одновременно относиться к различным группам субъектов миграции. Например, трудящийся-мигрант являлся как субъектом внешней трудовой миграции, так и внешней миграции, хотя было бы целесообразным предусмотреть категорию трудящихся-мигрантов в числе субъектов внешней миграции. В этом отношении представляется более верной позиция, изложенная в постановлении Администрации Новосибирской области от 27 октября 1995 г. № 433 «Об областной миграционной программе». Согласно этому документу, внешняя трудовая миграция закреплялась в качестве составной части внешней (международной) миграции.

В числе недостатков классификации, предложенной в Указе Президента РФ от 9 августа 1994 г., можно также назвать чрезмерно узкое понимание категории иммигрантов: первоначально в нее включались только иностранцы, прибывающие или желающие прибыть в Россию в поисках убежища (в том числе беженцы и лица, ходатайствующие о признании их беженцами). По сути, иммигранты отождествлялись с субъектами вынужденной миграции, к числу которых также относились «лица, ищущие убежища на территории России».

Классификация субъектов миграции, приведенная в Указе Президента РФ от 9 августа 1994 г., была положена в основу утвержденной постановлением Правительства РФ от 10 ноября 1997 г. № 1414 Федеральной миграционной программы на 1998–2000 гг.⁸. В данной программе понятие «субъект миграции» было заменено понятием «мигрант». По аналогии были сохранены шесть категорий мигрантов. Категория «субъекты внутренней социально-экономической миграции» была заменена «субъектами внутренней миграции», в число которых были дополнительно включены лица, не имеющие за-

конных оснований для пребывания на территории Российской Федерации и осуществляющие перемещения по ней. Кроме того, был расширен круг лиц, в отношении которых применяются ограничения на право въезда и пребывания в России, а также лиц, попадающих под категорию иммигрантов.

Следует отметить, что в настоящее время применяется множество подходов к определению понятия «иммигрант», но наиболее распространенными являются следующие: лица, рожденные за границей (имеющие обычное место жительства в данной стране, но родившиеся за пределами этой страны) и иностранцы (лица, имеющие место жительства в данной стране, но не являющиеся ее гражданами). Именно второй подход был применен для определения понятия «иммигрант» в тексте Федеральной миграционной программы на 1998–2000 гг. После окончания срока действия программы новые нормативные акты, устанавливающие классификацию мигрантов, не принимались.

Российская Федерация является участником Соглашения о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся мигрантов⁹. В указанном Соглашении впервые на уровне СНГ установлено понятие «трудящийся-мигрант, работник-мигрант»: это лицо, постоянно проживающее на территории стороны выезда, которое на законном основании занимается оплачиваемой деятельностью в стороне трудоустройства». Несмотря на наличие определения, утвержденного в многостороннем Соглашении СНГ, а также на принятые обязательства по защите прав трудящихся-мигрантов, в законодательстве Российской Федерации данный термин не употребляется.

Указанные положения в большей степени касаются внутренней трудовой миграции. Как отмечает Ю.В. Жильцова, к категории трудящихся-мигрантов не относятся российские граждане, постоянно проживающие за рубежом¹⁰. Категория «внешний трудовой мигрант», содержание которой составляют российские граждане, выезжающие за пределы Российской Федерации с целью временного трудоустройства, до конца не разработана в отечественном законодательстве и правовой литературе.

В практической сфере трудового мигранта из России можно характеризовать по возрастному параметру, уровню образования и полу. Данные табл. 1 показывают, что эмигрирует из страны для работы за границу наиболее экономически активное население. Наибольшее количество занимают работники до 30 лет, причем представители мужского пола существенно превышают представителей женщин. Это во многом связано с рисками трудоустройства за рубежом, а также со способностью к адаптации в новых условиях.

По уровню образования преобладают лица с высшим и средним профессиональным обра-

Таблица 1

Распределение численности российских граждан, выехавших на работу за границу, по полу и возрастным группам¹¹

Год	Всего	Мужчины	Женщины	От 16-29 лет	От 30-39 лет	От 40-49 лет	От 50-54 лет	От 55-59 лет	60 лет и более
2000	45760	40044	5716	12419	15450	12646	3945	940	360
2005	60926	50722	10204	20995	16110	16392	5065	2102	262
2008	73130	60899	12231	26646	15867	18621	7727	3364	905

зованием (табл. 2). Это свидетельствует о том, что выезжают за границу наиболее квалифицированные.

Таблица 2

Распределение численности российских граждан, выехавших на работу за границу за период 2007 – 2011 (1-е полугодие) гг., по уровню образования¹²

Год	Всего	Высшее профессиональное	Среднее профессиональное	Среднее (полное) общее	Не имеют среднего (полного) общего образования
2007	69866	25082	27092	17278	414
2008	73130	24607	28668	19551	304
2009	66285	31517	24496	9656	616
2011 (1-е полугодие)	35231	14000	11930	8577	724

Таким образом, среднестатистический портрет российского гражданина, работающего за границей, соответствует молодому человеку до 30 лет, преимущественно мужского пола, имеющему высшее или среднее образование.

По структуре трудоустройства за рубежом российских граждан также можно классифицировать по трем основным группам. Как указано в табл. 3, выявляется тенденция к ежегодному выезду в качестве моряков, студентов в период каникул и сезонных работников.

Таблица 3

Распределение российских граждан, выехавших на работу за период 2007 – 2011 (1-е полугодие) гг., по профессиям¹³

Год	Всего	Работающие на судах под иностранными флагами	Сезонные работники	Студенты в период каникул	Стажеры	Иные
2007	69866	54665	253	11973	263	2712
2008	73130	56320	142	13266	265	3137
2009	66285	52711	107	10120	158	3189
2010	70236	55063	210	12960	433	1570
2011 (1-е полугодие)	35231	28429	69	5965	323	445

По данным ФМС России, другие специалисты распределены по следующим сферам деятельности: сельское хозяйство; охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство; добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; строительство; оптовая и розничная торговля; ремонт транспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; связь; финансовая деятельность; операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг; деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий; научные исследования и разработки; геологоразведочные, геофизические и геохимические работы в области изучения недр; образование; здравоохранение и предоставление социальных услуг и др.¹⁴

Исходя из вышесказанного, категория «трудовой мигрант» является относительно новым и до конца не разработанным понятием для российского законодательства и теории права. Однако анализ практической сферы выявляет устойчивую востребованность данного института со стороны населения Российской Федерации. Разнообразие субъектов миграционных правоотношений, выезжающих за рубеж с целью трудоустройства, подтверждает разнородность общественных отношений, складывающихся в лицензируемой области. В связи с этим необходима обстоятельная правовая регламентация этих отношений и института «трудовых мигрантов» в целом.

Nemtshenko O.V. Legal Features and Content of "the Labour Migrant" in Russian Administrative Law.

Summary: The article reviews in system the key notion of "the labour migrant" in the sphere of employment abroad. The article contains legal features, content and practical application of the labour migrant's legislation. The author concludes about the public importance of migrant's institution and about the necessity of proper legal regulation in the scope.

Ключевые слова

Трудовой мигрант, критерии определения мигрантов, Федеральная миграционная программа, миграция, субъект миграционных правоотношений, среднестатистический портрет трудового мигранта, моряки, студенты в период каникул, сезонные работники

Keywords

Labour migrant, criteria of the "migrants", The federal migrants program, migration, the subject of migratory legal relationship, average features of a Russian labour migrant, seamen, students in vacation, seasonal employee

Примечания

1. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Вып. 5: Стадии миграционного процесса. Приложение к журналу «Миграция в России». М., 2001. С. 13.
2. Постановление Правительства РФ от 10 ноября 1997 г. № 1414 «О федеральной миграционной программе на 1998-2000 годы». СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5406.
3. Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2005. № 40.
4. Хабриева Т.Я., Хамчиев Б.Б., Андриченко Л.В., Васильев В.А., Елеонский В.О., Туляков В.В. Юридический справочник мигранта. М., 2002. С. 5.
5. Хабриева Т.Я. Миграционное право России: теория и практика. М.: Юридическая фирма «Контракт», 2008. С.11, 81.
6. СЗ РФ. 2003. № 10. Ст. 923.
7. СЗ РФ. 1994. № 18. Ст. 2065.
8. СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5406.
9. Соглашение от 15 апреля 1994 года «О сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов» / СЗ РФ. 1996. № 47. Ст. 5299.
10. Жильцова Ю.В. Правовое регулирование трудовых отношений работников-мигрантов. Дис. канд. юрид. наук: 12.00.05. Екатеринбург, 2002. С. 34.
11. Шестаков Е. Трудовая миграция и качество рабочей силы: две стороны одной медали // Кадровик. Кадровый менеджмент. 2011. № 7. С. 92-100.
12. Письмо зам.начальника УВТМ ФМС России А.М.Фролова № МС-2/9-11240 от 30.08.2011.
13. Там же.
14. Мониторинг легальной (законной) внешней трудовой миграции за 2006-2007 годы. Общая редакция К.О.Ромодановского. М.: ФМС, 2008. С. 103.

Манипулятивное воздействие в испанском политическом дискурсе: слова-стереотипы, слова-символы и слова-слоганы

К.В. Кучеренко

Статья посвящена проблеме манипулятивного воздействия в испанском политическом дискурсе. В статье дается характеристика манипулятивного воздействия как важной функции политического дискурса. Одной из тактик манипулятивного воздействия являются слова-стереотипы, слова-символы и слова-слоганы. В статье выявляется специфика манипулятивного воздействия, к которому прибегают политики, придерживающиеся разных взглядов.

Понятия «манипуляция сознанием», «манипулирование», «манипулятивное воздействие» сформировались в середине 50-х гг. XX в. в американской социологии и затем начали использоваться в психологии и политологии. Постепенно эти понятия вошли в общественное сознание. Как любое общественное представление, «манипулятивное воздействие» фиксирует характерные признаки определенного явления социальной действительности, которые наиболее отчетливо проявляются в конкретный исторический период.

Распространение манипуляции привело к тому, что возросла потребность во всестороннем научном исследовании этого явления по отношению прежде всего к общественному сознанию. Началось изучение способов и средств целенаправленного воздействия на сознание, разрабатывались методы модернизации и усовершенствования того,

как управлять общественным сознанием. Их ответственность была доказана в ходе исторического развития.

Г. Шиллер в книге «Манипуляторы сознанием» определяет манипуляцию как «скрытое принуждение, программирование мыслей, намерений, чувств, отношений, установок, поведения»¹. Психолог Э. Шосторм писал о манипуляции как об «управлении и контроле, эксплуатации другого, использовании его в качестве объекта»². Российский психолог Е.Л. Доценко считает манипуляцию видом психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями³.

Такая наука, как нейролингвистическое программирование (НЛП), разрабатывает методы и способы манипулятивного воздействия на психику (подсознание) посредством языка, как основного

Кучеренко Ксения Владимировна – аспирант кафедры иберо-романского языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: lesley-sunny@mail.ru

кода, управляющего второй сигнальной системой человека. Воздействие может быть непосредственным – в процессе контакта, и опосредствованным – через СМИ. В обоих случаях посредством определенных речемыслительных схем (фреймов) манипулятор воздействует на установки, ценности и убеждения человека (группы людей), получая возможность навязывать определенные представления, изменять систему ценностных ориентиров и, как следствие, оценку действительности, собственное поведение человека в социуме. При воздействии НЛП человек не осознает того, что им манипулируют.

Существуют различные типы манипуляции: манипуляция в обществе, в науке, в быту. Но одним из самых распространенных видов общественной манипуляции является манипуляция политической. Политические манипуляции представляют собой средство достижения определенных целей неким политическим субъектом. Политическая манипуляция – это скрытое управление политическим сознанием и поведением людей с целью принудить их действовать или бездействовать в интересах манипуляторов, навязывание воли манипулятора манипулируемому в форме скрытого воздействия. Средства политической манипуляции могут быть прямые и скрытые, направленные на PR или агитацию, содержать в себе рекламу или антирекламу, воздействовать на индивидуума, группу людей или целую нацию. Средства политической манипуляции могут быть печатными, электронными, наружными и другими. В области политической деятельности различают манипуляцию в сфере внутренней политики и в сфере внешней политики.

В сфере внутренней политики государственный институт манипулирует общественным мнением граждан, которые и являются объектом воздействия. В сфере внешней политики государственный институт становится объектом манипуляции института власти другого государства и объектом, оказывающим опосредствованное воздействие на национальное общественное сознание, то есть объект манипулирования – вся нация. На первый взгляд между этими типами манипуляции нет различия, так как объектами манипулирования выступает общественное сознание. Однако, как свидетельствуют политические события XX столетия, эти типы манипуляций совпадают по целям – изменение поведения целевой аудитории, а в масштабе геополитики – по результату.

Политический дискурс любого политика любой страны ставит перед собой целью манипулятивно воздействовать на реципиентов. Не является исключением и Испания. Главной чертой политического дискурса является «борьба за власть». По этой причине все коммуникативные стратегии убеждения в рамках политического дискурса должны рассматриваться как служащие данной единой цели. Интенция борьбы за власть – это специфическая характеристика политического дискурса. Она имманентно при-

сутствует во всех жанрах: агитационной речи, дебатах в парламенте, дискуссиях, политическом интервью и т.д.

В Испании вот уже более 20 лет борьба за власть ведется между представителями двух партий – Испанской социалистической рабочей партии (PSOE) и Народной партии (PP). Безусловно, важнейшим инструментом манипуляции в политическом дискурсе является речь. «Мы – рабы слов», провозглашал Карл Маркс. В информационном обществе посредством слов политики манипулируют мнением и сознанием людей, благодаря словам им удастся выстраивать заданную картину мира в умах получателей информации. Еще в начале 1990-х гг. секретарь коммунистической партии Испании Хулио Ангита (Julio Anguita) со ссылкой на своего коллегу говорил: «Когда социальный класс использует язык тех, кто его угнетает, он становится угнетенным окончательно. Язык небезобиден. Слова, когда их произносят, прямо указывают на то, что мы угнетены или мы угнетатели».

Среди потока слов в речах испанских политиков можно выделить устойчивые словосочетания, слова-стереотипы, слова-символы и слова-слоганы, которые играют ключевую роль в манипулировании общественным сознанием. Рассмотрим подробнее одно из подобных слов-символов. Если говорить о топониме «España», то следует отметить, что произошли изменения в использовании этого слова в переходный период, который повлек за собой восстановление этого слова в общей политической лексике. В действительности эта лексическая единица была практически табуирована для националистических групп и левых партий (социалистов и коммунистов), потому что ее использовали в своем лексиконе правые силы (франкисты и центристы). Но с середины 1990-х гг. она используется и националистами, и социалистами, и коммунистами, что видно из следующих отрывков:

«*Esa declaración es, dice, “una reivindicación del carácter plurinacional de España que no tendría que alarmar a nadie, ya que no presupone ni secesionismo, ni violencia ni renuncia a desempeñar un papel positivo, como hemos tenido en la transformación de España. Presupone que dentro del Estado español, Cataluña es una nación bien diferenciada de las demás [...]”*» (из речи Хорди Пуйоля (Jordi Pujol), председателя Generalitat de Catalunya⁴).

«*El modelo autonómico tiene la capacidad de conjugar efizcamente la singularidad de cada territorio y los hechos diferenciales con un compromiso de colaboración e integración en un gran proyecto que es España.*» (из речи Мануэля Чавеса (Manuel Chaves), председателя Junta de Andalucía⁵).

«*Quien concitó el mayor respaldo en las urnas concitó también la mayor huelga general habida en la historia de España.*» (выступление Хулио Ангиты (Julio Anguita), debate en torno al estado de la Nación⁶).

Включение термина «España» – «Испания» в лексикон различных политических групп не означает, что существует единое его толкование. Так, в случае вышеупомянутого националистического текста «España» выступает в качестве эквивалента

термину «государство», о чем свидетельствует чередование с синтагмой «*el Estado español*» – «испанское государство»; напротив, в тексте президента-социалиста этот термин относится к концепту более абстрактному и эмоциональному («*España es un gran proyecto*») – «Испания является собой великий проект»).

Причину широкого использования лексической единицы «*España*» нужно искать, рассматривая ее с лингвистической точки зрения как имя собственное. Она имеет двухвалентную предположенность: с одной стороны, имея более конкретный смысл, она обозначает единственный в мире объект с общим названием, которое в равной степени относится к элементам, принадлежащим к совокупности людей или вещей, а с другой – это неконкретный термин, семантически неопределенный, включающий в себя пробел с денотативной точки зрения. Употребление слова «*España*» в рассмотренных текстах показывает, что обе эти интерпретации возможны и, кроме того, что второе условие более вероятно, чем первое. Это могло бы объяснить использование этого слова различными политическими партиями (правой или левой, националистической или ненационалистической). При этом явно просматривается, какой именно образ Испании политик пытается донести до своей аудитории.

Правильный выбор слова политиком для использования его в той или иной конкретной ситуации невероятно важен. Благодаря правильно подобранному слову оратор сможет заложить в сознание реципиентов необходимое ему понимание ситуации. Эмоциональное позитивное или негативное воздействие иногда настолько сильно, что слово может использоваться со значением явно противоположным его основному значению. Это происходит в тот момент, когда оратор выбирает из словарного списка лексическую единицу общего характера, которая наименее маркирована определенным коннотативным значением, что позволяет использовать ее с максимальным позитивным эффектом.

Слова с нейтральным значением при наличии определенных эмоциональных маркеров теряют свою изначальную нейтральность. Например, подобное происходит с такими словами, как «*cambio*» – изменение, перемены, «*país*» – страна, «*territorio*» – территория. Основное значение слов «*país*» и «*territorio*» (в особенности второго) основано на географическом и пространственном понятии, также они могут использоваться в юридической или политической сферах: «*país*» и «*territorio*» – пространство, ограниченное границами, установленными законом. К этим словам имеют отношение в первом случае «*nación*» – страна, государство, «*estado*» – государство, «*pueblo*» – народ, а во втором «*provincia*» – провинция, «*región*» – регион и т.д.

В то время как политики-националисты используют лексическую единицу «*país*», когда говорят о Каталонии или Стране Басков, политики-ненационалисты произносят слово «*país*», лишь

говоря об Испании, а слово «*territorio*» применяют в отношении автономных областей, чтобы обойти стороной проблемный вопрос об их независимости.

«*Creemos que España se está jugando mucho y no estamos dispuestos a que nuestro silencio nos haga cómplices de procesos que marginen a nuestros territorios [...] Desde la legitimidad histórica que asiste a Andalucía [...] queremos contribuir a encontrar la mejor salida a esta delicada situación, que no puede pasar por la consolidación de privilegios económicos y sociales para determinados territorios, porque dentro de la unidad política de España, en la que nuestra Constitución reconoce los hechos diferenciales [...] y las diferentes vías al autogobierno, no existe un derecho natural, ni previo ni posterior a la Constitución, que pueda serbinvocado para justificar estos privilegios a la desigualdad entre los españoles.*» (Мануэль Чавес, глава Андалусии⁷).

В качестве вывода мы можем сказать, что использование слова «*territorio*» в ущерб его частичным синонимам «*nación*» – страна, государство и «*región*» – регион происходит из-за того, что существительное «*territorio*» носит более общий, нейтральный характер, и отсюда следует наименьшее понимание его значения. Слово «*territorio*» наименее маркировано эмоционально-идеологическими компонентами, поэтому часто используется политиками разного политического толка, хотя каждый из них вкладывает в него свой смысл. Следующий пример из речи коммунистического лидера явно это иллюстрирует. Хулио Ангита использует слово «*territorio*», говоря и об автономной области, и об Испании в целом. Он называет Астурию и автономной областью (*una comunidad autónoma*), и важной территорией государства (*un importante territorio del Estado*), и испанской территорией (*el territorio español*), тем самым подчеркивая единство нации и государства и избегая имя собственного – Испания.

«*[...] huelga general en Asturias, una huelga general en la que las reivindicaciones de toda una comunidad autónoma van mucho más allá [...] y se centran en el futuro incierto de todo un importante territorio del Estado [...] y el anuncio de una gran movilización en el mes de abril para todo el sector campesino de la cornisa cantábrica, sino el de todo el territorio español.*» (Debate en torno al estado de la Nación⁸).

Важную роль в манипулятивном воздействии испанских политиков играют устойчивые словосочетания. Некоторые словосочетания появляются благодаря неоднократному использованию устойчивых словосочетаний или лексикализированных выражений в той или иной степени в зависимости от изменений, допустимых для этих компонентов.

Например, старые синтагмы: *la lucha de clases* – классовая борьба, *los poderes públicos* – органы государственной власти, *estado de bienestar* – государство всеобщего благоденствия, *sociedad de bienestar* – общество всеобщего благоденствия, *el imperio de la ley* – верховенство закона, *disciplina de partido* – партийная дисциплина, *Estado social y democrático de Derecho* – социальное и демократическое правовое государство. Или новые синтаг-

мы: *construcción europea* – строительство Европы, *convergencia europea* – европейская конвергенция, *convergencia real* – реальная конвергенция, *la casa común de la izquierda* – всеобщий/объединенный дом левых сил, *programa común* – общая программа, *mayoría social de progreso, sociedad global* – глобальное общество, *cohesión social* – социальная сплоченность, *cohesión territorial* – территориальное единство, *los fondos de cohesión, ámbito vasco de decisión* – решительный курс басков, *plan de paz* – план мирного урегулирования.

Как и в случае со словами, эти единства не всегда стабильны: постоянство и укоренение некоторых из них контрастируют с забвением, в которое при изменении политической ситуации попадают другие словосочетания. Использование этих устойчивых словосочетаний является одной из черт, служащих для выделения их в разряд особой лингвистической модальности, а также для демонстрации того, чтобы показать, что основной задачей политического дискурса является побуждение, нежели донесение информации. Это связано с тем, что эффективность таких выражений заключается больше в стереотипных и коннотативных аспектах, чем в способности выражать точное денотативное значение.

Доказательством этому является то, что многие из этих выражений выступают в роли заместителей оценочных выражений (эвфемизмов или преувеличений). Они позволяют избежать компрометирующих слов (например, *ámbito vasco de decisión* – право басков принимать самостоятельные решения, вместо *soberanía* – суверенитет) или, наоборот, придают эмоциональную окраску (например, синтагма *la lucha de clase* – классовая борьба уже вышла из употребления). Тем не менее даже это оценочное значение может исчезнуть из-за их повторного и почти автоматического использования. Использование этих устойчивых словосочетаний является одной из характеристик так называемого «деревянного языка» (в переводе с французского – «Langue de bois»), которому свойственна манера выражаться посредством стереотипов и устойчивых формул.

Указанный механизм закрепления также лежит в основе формирования фраз-лозунгов, таких, как социалистический лозунг *por el cambio* – за преобразования (возникший в переходный период, но сегодня уже не актуальный) или лозунг, использовавшийся представителями Народной партии, *España va bien* – (с нами) Испания идет верным курсом.

Самым ярким свидетельством обратно пропорциональной связи, установленной между коннотацией и отсутствием определения денотативной составляющей (возможно, как следствие расширения его значения), являются так называемые «слова-символы» или «слова-эмблемы». Их символический или эмблематический характер определяется сильной эмоциональной нагрузкой и денотативной неопределенностью значения, которое происходит в результате их неправильного употребления, а также изобилия

стереотипов. Из-за этого некоторые из абстрактных понятий являются трудными для понимания. Например, в случае с социально-политической лексикой («*estado*» – государство, «*nación*» – нация, «*pueblo*» – народ).

Для необходимого функционирования словосочетаний с вышеуказанными словами в их состав также входят «слова-ключи», называемые так потому, что они представляют или суммируют наиболее важные социальные и политические события, происходящие на том или ином историческом этапе. Примером этого класса слов является слово «*consenso*» – консенсус, которое было одним из ключевых условий переходного периода, в настоящее время таким словом является слово «*soberanía*» – суверенитет. Существует два более ясных и простых формальных признака для идентификации таких слов:

– высокая частотность в политическом дискурсе определенного времени;

– легкость, с которой от них образуются производные (например: «*consensual*», «*consensuar*», «*cosoberanía*»).

Они также могут быть интегрированы в различные синтаксические сочетания, некоторые из которых являются логически абсурдными («*soberanía compartida*», «*cuotas de soberanía*»).

К категории слов-символов относятся:

– имена собственные («*España*» – Испания, «*Cataluña*» – Каталония, «*Euskadi*» – Эускади (Страна Басков), «*Galicia*» – Галисия и др.);

– имена нарицательные, среди них технические термины политического лексикона («*nación*» – нация, «*patria*» – отечество, «*pueblo*» – народ, «*estado*» – государство, «*democracia*» демократия, «*solidaridad*» – солидарность и т.д.);

– термины общей лексики («*consenso*» – консенсус, «*cambio*» – изменение, перемены, «*paz*» – мир и т.д.).

Сильное коннотативное значение у всех этих слов появляется благодаря тому, что они являются частью лозунгов и политических слоганов, например социалистический лозунг на выборах 1982 г. «*Por el cambio*» – За перемены! или лозунг Народной партии «*España va bien*» – (с нами) Испания идет верным курсом. Это наблюдение позволяет нам предположить, что в таких случаях символические единицы имеют более широкое значение, чем слово, например, «*la nación española*» – испанская нация, «*el pueblo español*» – испанский народ, «*la paz*» – мир и т.д.

В данном случае важно то, что слово или синтагматическое единство не употребляются согласно их основному денотативному значению, а используются в основном по их коннотативному значению, второму или скрытому, полученному при употреблении определенного артикля, а также при перлокутивных эффектах, направленных больше на ощущения, чем на рассуждения; с ними они больше склоняют к действиям или побуждают к принятию определенных решений, нужному восприятию информации. Эти элементы в значительной степени обладают манипулятивным

характером и с наибольшей частотностью появляются и проявляются в политических лозунгах, выражениях, характеризующихся автономным семантическим функционированием или независимостью от дискурсивного контекста и в силу этого выступающих в качестве отдельных формул.

Kucherenko K.V. Manipulative Influence in the Spanish Political Discourse: Words Stereotypes, Words Symbols and Words Slogans.

Summary: The article is devoted to a problem of manipulative influence in the Spanish political discourse. The article gives the characteristic of manipulative influence as the important function of a political discourse. One of tactics of manipulative influence are words stereotypes, words symbols and words slogans. In the article is found out the specific character of manipulative influence which used by the politicians of all persuasions.

Ключевые слова

Манипулятивное воздействие, политическая манипуляция, психологическое воздействие, испанский политический дискурс, слова-символы, слова-слоганы, лексическая единица, слова-стереотипы

Keywords

Manipulative influence, political manipulation, psychological impact, spanish political discourse, words symbols, words slogans, lexical unit, words stereotypes

Примечания

1. Шиллер 1980, цит. по О.Л. Михалева. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М. URSS. 2009. С. 75.
2. Шосторм. Анти-Корнеги или человек-манипулятор. Минск.: Изд-во «Полифакт», 1992. С. 5.
3. Е.Л. Доценко. Психология манипуляции. М.: Изд-во ЧеРо, 1997. С. 59.
4. El País. 11.08.1998. P.15.
5. Ibid. P.16.
6. Diario de Sesiones, 24.03.1992. P. 8614.
7. El País. 11.08.1998. P.16.
8. Diario de Sesiones. 24.03.1992. P. 8611.

Демографический кризис как угроза национальной безопасности Российской Федерации на Дальнем Востоке

Е.В. Якутович

В статье рассматривается необходимость социально-экономического развития российского Дальнего Востока на фоне усиливающегося демографического кризиса в регионе, анализируются слаборазвитость российского Дальнего Востока, также демографическая революция в АТР на фоне депопуляции Дальневосточного региона РФ.

Депопуляция восточной части России происходит в условиях острой необходимости социально-экономического восточного фасада Российской Федерации и демографической революции в Азиатско-Тихоокеанском регионе существует. Российский Дальний Восток административно включает 9 субъектов РФ, входящих в состав Дальневосточного федерального округа: Амурскую область, Еврейскую автономную область, Камчатский край, Магаданскую область, Приморский край, Республику Саха (Якутия), Сахалинскую область, Хабаровский край, Чукотский автономный округ.

Данный регион имеет важное экономическое, культурное и геополитическое значение для развития России. На территории Дальнего Востока добыча олова составляет 100%, алмазов – более 98%, золота – 67,5%, улов рыбы и добыча морепродуктов – 65% от их общероссийских объемов. Кроме того, Дальний Восток – это 35% российского леса и 36% территории России. Своими границами российский Дальний Восток выходит к новому мировому геополитическому центру силы – Китаю. В граничащих с российским Дальним Востоком провинциях Китая проживает более 100 млн человек. По другую сторону границы на российской территории в 6,2 млн кв. км население сократилось с 9 млн в 1991 г. до 6 млн в 2011 г. Таким образом,

Дальний Восток является самым малонаселенным и депопуляционным регионом России, граничащим с мировым демографическим гигантом.

При этом российский Дальний Восток является еще и одним из наименее экономически развитых регионов. Так, по данным Министерства регионального развития, производительность труда в расчете на одного занятого в экономике Дальнего Востока и Байкальского региона в 4 раза ниже, чем в Японии, в 6 раз ниже, чем в США, в 2,5 раза ниже, чем в Южной Корее, и в 5 раз ниже, чем в Австралии. Указанная производительность труда также ниже средних российских показателей. В то же время потребление первичных энергоресурсов на территории Дальнего Востока и Байкальского региона на единицу валового регионального продукта в 2,5 раза, электрической энергии – в 1,8 раза, а нефти – в 2 раза выше, чем в среднем по Российской Федерации¹.

Причины такого плачевного состояния региона разнообразны. С одной стороны, развитие рыночных отношений в России после распада СССР обнажили относительную перенаселенность северных районов². Пожалуй, только в начале XX в. переселенцы из европейской части России в поисках лучшей доли самостоятельно отправлялись осваивать новые земли. В советские годы расчет делался на энтузиазм молодежи и гигантские проекты, вроде

Якутович Елена Владимировна – аспирантка кафедры социологии МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

строительства БАМа. В современной России нет ни материальных стимулов для переезда на восток, ни энтузиазма молодежи³.

Дальний Восток впервые со времени освоения его русскими стал терять население. Лидирует здесь Чукотский автономный округ, потерявший в течение 1990-х гг. более половины своего населения (56%); Магаданская область потеряла 40%, Камчатская область – 18%, Сахалинская область – 16%, Республика Саха (Якутия) – 10% своих жителей. Население уменьшается и в южных районах Дальнего Востока. Первопричиной этого процесса стало сокращение армии. На Дальнем Востоке в целом теперь живет на 10% меньше людей, чем в 1989 г. Население Восточной Сибири тоже сокращается, но медленнее, убыль здесь составила всего 2%. В целом Восточная Сибирь и Дальний Восток превратились в сплошную зону оттока населения.

По оценкам сибирских ученых, демографические потери на Дальнем Востоке оказались наиболее ощутимыми⁴. Дальневосточный Север потерял с 1989 по 2002 г. 740,5 тыс. человек населения.

Изменение численности населения по федеральным округам (1990–2008 гг.)

Федеральный округ	Изменение численности населения, тыс. чел.	Изменение численности населения, %
Россия	–6370	–4,3
Центральный	–1033	–2,7
Северо-Западный	–1849	–12,07
Южный	1884	8,9
Приволжский	–1679	–5,27
Уральский	–493	–3,9
Сибирский	–1596	–7,5
Дальневосточный	–1604	–19,9

В злключениях Дальнего Востока принято также винить суровый климат. Из всех природных условий жизни человека климат играет, пожалуй, важнейшую роль, тем более в России, где свыше 2/3 населения страны живет в районах со средними температурами января ниже минус 10 градусов. Продолжительность отопительного периода меняется от 90 дней в Сочи до 365 дней на побережье Северного Ледовитого океана. Причем дело не только в продолжительности отопительного сезона (например, в Москве это 213 дней, а в Иркутске – 243), но и в том, что в последнем случае себестоимость содержания 1 кв. м жилья в два с лишним раза больше, так как средние январские температуры различаются вдвое (минус 10 и минус 21 градус соответственно). Еще выше затраты в Якутске, где средняя температура января достигает минус 43 градусов. Холодный климат дополняется наличием вечной мерзлоты – замёрзшего слоя грунта глубиной от 25 м (на Кольском полуострове) до 1500 м (в Якутии). В целом ею занято более половины территории страны.

Однако не только климатический фактор влияет на заселенность территории. Ярким примером является коммуна Италия Ливиньо. Это город, находящийся высоко в Альпах, на границе Италии и Швейцарии, в ущелье. Необходимость в

заселенности этой территории для Италии всегда была высокой, однако с учетом отсутствия трудовой деятельности в данных климатических условиях был разработан следующий метод – создание зоны, свободной от налогов. И это обеспечило приток населения в город. Как видим, именно финансовая политика, а не климатические условия оказывается более важной для развития региона.

Депопуляция Дальнего Востока связана также с высокой смертностью. В отдельные годы превышение смертности над рождаемостью по России достигало 1,4 млн человек, по СФО – 100 тыс. человек, по Новосибирской области – 15 тыс. человек. В последние пять лет это «сальдо» стало уменьшаться за счет снижения смертности и роста рождаемости, но все годы продолжало оставаться отрицательным.

Начиная с 1970-х гг. российских лидеров все больше и больше беспокоит явная нехватка людей – россияне просто исчезают. Западные демографы тоже предсказывают спад как в численности российского населения, так и в том, что касается его здоровья и материального благосостояния. Численность населения России снизилась со 147 млн человек, по данным переписи 1989 г., до 145,2 млн человек согласно результатам переписи 2002 г. Перспективы по численности населения на будущее довольно сильно разнятся. По итогам переписи 2010 г., численность населения Российской Федерации составила 142 905 200 человек, что опускает ее на 9-е место в мире по численности населения, пропуская вперед Китай, Индию, а также США, Индонезию, Бразилию, Пакистан, Нигерию и Бангладеш.

Анализ демографических перспектив России выглядит пессимистично. Национальный совет США по делам разведки составил демографический прогноз о численности населения России на период до 2025 года, описывая сокращение численности населения до 130 млн человек⁵. Существует также пессимистический прогноз, но уже со стороны ООН на период до 2050 г. По этим усредненным данным, на территории Российской Федерации к этому моменту будет проживать только 116 млн человек⁶.

Росстат выдвигает, однако, иные прогнозы на 2025 год: при низком варианте прогноза предполагается цифра, равная 140,1 млн человек, при среднем варианте прогноза – 142,1 млн человек и при высоком варианте прогноза – 143,5 млн человек⁷. Здесь мы видим достаточно благоприятную перспективу, в отличие от западного мнения. Однако существование трех различных вариантов прогноза на ближайшие три года вызывает вопросы. Но более подробное рассмотрение исчисления цифр Росстатом показывает, что во всех трех вариантах решающим фактором в общем приросте населения является миграционный прирост, в то время как естественный прирост населения отрицателен во всех трех вариантах.

Не следует забывать и тот факт, что с 2005 г. демографическая ситуация по России в целом стабилизировалась, а продолжительность жизни за последние 5 лет не только не сократилась, но и увеличилась, вплотную приблизившись к «золотому» советскому уровню начала 1960-х гг. Мужчины и

Изменение численности народонаселения по вариантам прогноза

Годы	Низкий вариант прогноза				Средний вариант прогноза				Высокий вариант прогноза			
	Населе- ние на начало года	Изменения за год			Населе- ние на начало года	Изменения за год			Населе- ние на начало года	Изменения за год		
		общий прирост	естеств енный прирост	миграци онный прирост		общий прирост	естестве нный прирост	миграци онный прирост		общий прирост	естеств енный прирост	миграци онный прирост
2013	141103	-442,9	-664,9	222	142104	35,1	-264,5	299,6	142731	358,2	-58,1	416,3
2014	140660	-489	-708,8	219,8	142139	21,6	-289,2	310,8	143089	373,4	-67,8	441,2
2015	140171	-531,4	-749,5	218,1	142161	7,7	-309	316,7	143462	386,5	-71	457,5

женщины теперь живут до 64 и 75 лет соответственно. Падение смертности в последние годы связано преимущественно со снижением количества смертей от трех «неестественных» причин: от отравлений алкоголем, самоубийств и убийств. Сюда добавилось еще сокращение числа смертей в результате ДТП. Так, в 2010 г. смертность от каждой из этих четырех причин снизилась еще на 12–15%⁸.

При анализе перспектив народонаселения Российской Федерации особое внимание уделяется процессам миграции. Миграционные процессы занимают особое место в демографической безопасности любой страны, поскольку могут в течение короткого времени существенно изменить облик региона либо страны в целом. Именно миграция сформировала население многих стран мира. Большое влияние оказали миграционные перемещения и на численность населения России, и на ее демографическую безопасность.

Общую тенденцию миграции подметила Е. Андреева с соавторами в докладе о стратегии России еще в 2002 г. В частности, она пишет: «Во внутренних российских миграциях осевой поток ориентирован строго с севера и востока в центр и на юго-запад. Два района страны образуют миграционные полюса – центр, который стягивает население со всей территории страны, и Дальний Восток, который во все регионы население отдает... С Дальнего Востока и из Восточной Сибири люди едут даже на Европейский Север, население которого тоже разбегается по всем направлениям. Таким образом, ориентация населения Сибири и Дальнего Востока на запад проявилась в 1990-х гг. гораздо сильнее, чем раньше»⁹.

Ситуацию усугубляет потенциальное и актуальное демографическое давление со стороны соседей российского Дальнего Востока. Во втором десятилетии XXI в. с точки зрения геополитики демографическая ситуация выглядит следующим образом: в восточных регионах России проживает менее 40 млн человек на огромных пространствах Сибири и Дальнего Востока, а в соседних странах – Китае, Индии, Корее, Вьетнаме, Индонезии и др. – более 3 млрд человек, то есть почти в 100 раз больше. В расчете на 1 кв. км разница еще более впечатляющая: в восточных регионах России – 1–1,5 чел. на кв. км, а в некоторых регионах ЮВА – десятки тысяч.

Сегодня ситуация выглядит крайне тревожной, особенно если ее попытаться спрогнозировать на перспективу. Так, эксперты ИМЭМО РАН признают, что «совокупный вклад азиатских стран АТР, по-

составской Центральной Азии и Azerbaijdžana в мировое энергопотребление в 2010 г. достиг 39%. При этом их удельный вес в мировом населении составил 56% и валовом внутреннем продукте – около 30% (в ценах и по официальным обменным курсам 2000 г.). Прогнозируемый опережающий экономический рост азиатских стран приведет к серьезной перекройке энергетической карты мира. Наряду с этим они усилят свое влияние на мировую торговлю энергоресурсами и функционирование рынков основных энергетических товаров.

Миграционный прирост населения Сибири и Дальнего Востока (в тыс. человек)

Период	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	Дальний Восток
1961–19165	–329	8	156
1966–1970	–437	–179	129
1971–1975	–101	–42	222
1976–1980	147	5	183
1981–1985	579	44	204
1986–1990	240	44	82
1991–1995	148	–91	–568
1996–1999	126	–68	–26

Подобная ситуация прямо угрожает интересам национальной безопасности России. Споры о численности китайцев на данный период на Дальнем Востоке подогреваются прессой. Согласно средствам массовой информации, китайцев в дальневосточных городах России в 1,5–2 раза больше, чем россиян, а их общее число достигло 2 млн человек. По оценке директора Института экономических исследований ДВО РАН П. Минакира, в 1992–1993 гг. на российском Дальнем Востоке насчитывалось не более 50–80 тыс. китайцев, по оценке Л. Рыбакова и В. Миндогулова – около 100 тыс. Интерес китайцев к дальневосточным территориям России не исчерпан, об этом свидетельствует активизация в настоящее время въездного туризма в города Владивосток, Хабаровск, Находку и др.

В целом привлечение рабочей силы из КНР носит сезонный характер с пиком с июня по октябрь и со спадом с ноября по май (в летний сезон показатели в два раза выше). Это связано в немалой степени с особенностями отраслевой структуры занятости китайских граждан.

Сочетание демографического кризиса в Дальневосточном федеральном округе и миграционное давление со стороны Китая обостряет необходимость ускоренного развития восточных регионов России. Причем особое внимание должно уделять-

Доля граждан Китая в привлечении иностранной рабочей силы в приграничные регионы Дальнего Востока в 2000–2008 гг. (в %)

Территории ДВ	Годы								
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Приморский край	65,8	64,9	67,8	72,3	66,3	63,0	64,4	59,4	49,2
Хабаровский край	36,4	38,0	44,6	45,5	33,8	33,4	38,5	37,3	33,6
Амурская область	13,2	14,6	37,5	56,5	64,7	64,3	71,1	72,9	75,2
Еврейская автономная область	93,4	95,0	94,9	93,2	95,0	96,8	97,2	94,5	91,4

ся именно демографическому аспекту развития. В конце декабря 2009 г. Председатель Правительства В.В. Путин утвердил разработанную Министерством регионального развития «Стратегию социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.» и план мероприятий по ее реализации¹⁰.

В «Стратегии...» утверждается, что единственным реальным противодействием потенциальной угрозе безопасности страны на Дальнем Востоке является комплекс мер социально-экономического развития территории, ориентированный на ускоренный рост экономического потенциала, на реализацию интересов России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также на закрепление населения за счет формирования комфортной среды обитания и оптимальной системы расселения. Главными проблемами, сдерживающими реализацию экономического потенциала Дальнего Востока и Байкальского региона, в данной «Стратегии...» признаются:

- экономическая и инфраструктурная изоляция региона от остальной части России;
- низкая внутренняя транспортная связь территории при ее огромных размерах;
- очаговый характер расселения с низкой плотностью населения;
- специфичность условий ведения сельского хозяйства;
- высокая затратность, дотационность и сезонность обеспечения завоза грузов для арктических и северных районов Дальнего Востока.

Для решения данных задач, согласно «Стратегии...», необходимо преодолеть узкую направленность экспорта, создающую зависимость от состояния экономической активности в Северо-Восточной Азии и конъюнктуры мировых цен за счет увеличения экспорта продукции глубокой переработки. Для этого требуется усовершенствование технологической базы ряда производств. Существует необходимость как в укреплении, технологической модернизации и диверсификации уже существующих производств и научных центров, так и в стимулировании приобретения новых технологий за рубежом.

Кроме того, «Стратегия...» предполагает развитие жилищного строительства, спортивных комплексов, субсидирование приобретения жилья физическими лицами, привлечение в регион переселенцев из СНГ, создание особых экономических зон, в том числе портовых, строительство космодрома Восточный. Естественно, решающую роль в финансировании стратегических ориентиров развития региона будут играть ресурсы федерального бюджета.

За последние годы объем государственных инвестиций в основной капитал ДФО ежегодно возрастал в среднем на 80% в текущих ценах. Данная зависимость может иметь пагубный характер, если не стимулировать региональные власти к поиску дополнительных ресурсов своего развития¹¹. Первоочередной задачей сейчас является поиск резервов повышения собственных бюджетных доходов, привлечение внешних ресурсов для дальнейшей возможности ежегодно формировать бюджеты развития.

В начале июля 2012 г. Председатель Правительства Д. Медведев провел во Владивостоке заседание Госкомиссии по социально-экономическому развитию Дальнего Востока¹². Премьер констатировал, что за последние пять лет казна выделила на реализацию «Стратегии...» более 300 млрд руб. и свыше 110 млрд руб. будет направлено на эти цели в ближайшие два года. Много ли это? Площадь ДФО – 6,2 млн кв. км. Получается, за пятилетку госинвестиции в 1 кв. км дальневосточной земли составили менее 50 руб.

Одним из ключевых пунктов «Стратегии...» является развитие транспортной инфраструктуры региона. Удельный вес транспортной составляющей в валовом региональном продукте Дальнего Востока составляет 11%, а в среднем по России – около 7%, причем в Приморском и Хабаровском краях, Амурской области этот показатель превышает 14%, а в Байкальском регионе – около 20%. Кроме того, здесь находятся 28 из 64 российских морских портов¹³.

Задачи развития транспортной системы региона состоят в завершении формирования опорной магистральной железнодорожной сети, развитии перегрузочных мощностей базовых материковых портов и портов на Сахалине, восстановлении материально-технической базы аэропортовой сети.

Дальний Восток обладает также огромным потенциалом для развития альтернативной энергетики. Ресурсные возможности для строительства приливных электростанций на Камчатке очевидны: уровень воды в Охотском море во время прилива поднимается на 16 м. Активный интерес к развитию приливной энергетики на Камчатке проявляют южно-корейские инвесторы.

В целом успех «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.» прежде всего зависит от создания условий и механизмов эффективного распределения выделяемых бюджетных ресурсов, возможности выявления местных источников финансирования, а также в привлечении частного капитала.

Значительным стимулом к развитию региона послужили подготовка и проведение саммита

■ Свежий взгляд

АТЭС в сентябре 2012 г. Региональные власти считают, что форум был очень полезен краю. «То, чего удалось добиться приморской делегации, трудно переоценить. Подписаны соглашения с Внешнеэкономбанком, Российским фондом прямых инвестиций, с Фондом развития Дальнего Востока. Подписано важное соглашение с Банком Mitsubishi UFG – третьим по величине банком в мире, причем, хочу отметить, по инициативе именно японской стороны»¹⁴, – заявил губернатор Приморского края В. Миклушевский. Одним из главных достижений глава края назвал создание Агентства по привлечению инвестиций.

Однако эксперты не склонны переоценивать итоги форума. «Экспертное сообщество ожидало, что Россия заявит о готовности вести многосторонние переговоры о вхождении в зону свободной торговли Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), но этого не произошло. Государство ограничилось подписанием двусторонних соглашений со странами АТЭС, – констатирует профессор ДВФУ Михаил Терский. – Разочаровало заявление первого вице-премьера Игоря Шувалова о том, что классическая модель зон свободной торговли не устраивает Россию. Непонятна позиция России о вступлении в эту зону только в составе Таможенного союза. Страна

готова интегрироваться в АТР, но только вместе с Беларуссией и Казахстаном. Тем самым Россия создает правовую коллизию, так как в АТЭС модель интеграции отлична от европейской»¹⁵.

В перспективе необходимо продолжать развивать поле взаимодействий, полученных в результате саммита для дальнейшей реализации «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.».

В заключение следует отметить, что в конечном счете именно от результатов демографической политики России будет зависеть, сможет ли Россия не только превратиться в лидера интеграции на просторах Евразии, но и сохранить за собой суверенитет над Сибирью и Дальним Востоком, остаться в числе самостоятельных в цивилизационном и правовом отношении государств.

Yakutovich E. V. Demographic Crisis as a Threat to the National Security of the Russian Federation.

Summary: *The analysis of the demographic situation in the country, the ability of national threats in a negative population growth is considered a causal relationship crisis, including possible projections of population change of the geopolitical picture of the world.*

Ключевые слова

Естественный прирост населения, рождаемость, смертность, миграционный прирост, воспроизводство населения, национальная угроза, национальная безопасность, депопуляция

Keywords

Natural population growth, fertility, mortality, net migration, reproduction, population, national threat, the institution of the family, national security, depopulation

Примечания

1. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. / Министерство регионального развития // http://www.minregion.ru/upload/02_dtp/strategies/dv-bajkal/text.rar
2. Андреева Е., Зайончковская Ж., Кузнецова О. и др. Стратегия для России: новое освоение Сибири и Дальнего Востока / Доклад ЦСИ ПФО. 2002 / <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/ad06.htm>
3. Наумов И. Третью России превращается в безлюдную пустыню // Независимая газета. 3 июля 2012 // http://www.ng.ru/economics/2012-07-03/1_desert.html
4. Тихоокеанская Россия-2030: сценарное прогнозирование регионального развития / Под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: РАН ДВО, 2010. С. 330.
5. Global Trends 2025: A Transformed World / National Intelligence Council // http://www.dni.gov/nic/PDF_2025/2025_Global_Trends_Final_Report.pdf
6. World Population Prospects: The 2008 Revision/Population Division of the Department of Economic and social Affairs of the United Nations Secretariat // <http://esa.un.org/unpp>
7. Изменение численности населения по вариантам прогноза Федеральной службы государственной статистики РФ // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn1.htm
8. Журавлев С. Жив курилка // Эксперт. 2011. №10 (744) // <http://expert.ru/expert/2011/10/zhiv-kurilka/>
9. Андреева Е., Зайончковская Ж., Кузнецова О. и др. Стратегия для России: новое освоение Сибири и Дальнего Востока / Доклад ЦСИ ПФО. 2002 / <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/ad06.htm>
10. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. / Министерство экономического развития // http://www.minregion.ru/activities/territorial_planning/strategy/federal_development/346/
11. Рудько-Силиванов В.В. Финансовое обеспечение Стратегии развития Дальнего Востока и Байкальского региона (до 2025 г.) // Деньги и кредит. 2010. № 9. С. 7–10.
12. См.: Председатель Правительства Российской Федерации Д.А. Медведев провел заседание Государственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока, Республики Бурятия, Забайкальского края и Иркутской области // <http://government.ru/docs/19539/>
13. Наумов И. Третью России превращается в безлюдную пустыню // Независимая газета. 3 июля 2012 // http://www.ng.ru/economics/2012-07-03/1_desert.html
14. Двойнова Т. Приморье учится жить после саммита // Независимая газета. 13 сентября 2012 // http://www.ng.ru/regions/2012-09-13/1_primorie.html
15. Там же.

Христианско- демократический проект устройства постсоциалистической России Г.П. Федотова

А.С. Исмаилов

В статье рассматриваются политические, экономические и культурные аспекты христианско-демократического проекта пореволюционной России одного из крупнейших политических мыслителей Русского Зарубежья – Г.П. Федотова.

Георгий Петрович Федотов (1886–1951) – выдающийся русский политический мыслитель, историк, философ, литературовед, публицист – родился 1 (13) октября 1886 г. в Саратове в небогатой дворянской семье. Будучи учеником гимназии, увлекся учением К. Маркса. В 1912 г. окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1904–1910 гг. участвовал в социал-демократическом движении, подвергался арестам, ссылке. Впоследствии Федотов отходит от революционной деятельности и окончательно определяет круг своих интересов средневековой историей. В 1917 – 1924 гг. он преподает средневековую историю в Саратовском университете, работает в частных издательствах Петрограда, участвует в деятельности религиозно-философского кружка. В 1925 г. покидает Россию и едет сперва в Берлин, а затем в Париж. С 1931 по 1939 г. Федотов – редактор журнала «Новый Град». Именно в этот период и оформился его политический проект постреволюционного устройства России.

Анализируя концепцию христианской демократии Федотова, необходимо выделить важное обстоятельство. Федотов не был практическим политиком, его труды были написаны в эмиграции, он не имел никакого влияния на политическую обстановку в СССР и мог судить о ней лишь по обрывочным и неполным сведениям. Поэтому концепцию Федотова нельзя рассматривать как политическую программу для некой христианско-демократической партии (которой при нем не существовало) либо как конкретный проект преобразований постбольшевистской России. Федотов и его единомышленники (Ф.А. Степун, И.И. Бунаков и др.) признавали необходимость такого конкретного проекта, но для его создания у них попросту не хватало данных – они не могли знать, когда и при каких обстоятельствах падет советский строй, к чему он на тот момент придет.

Кроме того, Новый Град – это не идеология, не доктрина и тем более не проект теократического государства. Скорее это идея о духовном стержне политики, некий моральный вектор, которому

Исмаилов Алексей Станиславович – соискатель кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. E-mail: greyscale@mail.ru

Статья выполнена в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Взаимодействие государств и религиозных акторов мировой политики в эпоху глобализации» (грант Российского гуманитарного научного фонда №11-03-00547а; 2011–2013 гг.)

должны следовать власть и общество. Федотов не мог знать, когда и при каких обстоятельствах Россия будет готова к переменам, но его доскональное знание отечественной истории и глубокое понимание генезиса русской культуры позволили ему сформулировать принципы будущего устройства России и указать на ошибки, повторения которых нужно опасаться.

Внимательно наблюдая за происходящим в СССР, Федотов до определенного момента надеялся разглядеть предпосылки к политическому возрождению России. Федотов видел в большевизме не только террор, истребление интеллигенции и унижение личности. Некоторые черты политического строя Советской России казались ему полезными: «В Советах рабочих и крестьянских депутатов большевизм создал удобнейшую для России форму примитивной демократии»¹. Большим благом, хотя давшимся дорогой ценой, он признавал создание мощной промышленности в результате индустриализации. Федотов считал, что после падения коммунизма нельзя будет предаваться слепой антисоциалистической реакции. Он не подвергает сомнению необходимость денационализации промышленности, но делать это советовал крайне осторожно, ибо бездумное раздаривание национального достояния подорвет хозяйственную мощь Русского государства. «Денационализация не может вылиться в продажу с публичного торга»², – пишет он. Задача постбольшевистской власти – обеспечить контроль компетентных хозяйственников над промышленностью. Осуществить экономическое освобождение нужно, не допустив безработицы и нищеты. Личное начало в хозяйстве должно присутствовать, так как предпринимательство есть дело «личное и творческое», но оно должно быть ограничено. В условиях планового хозяйства владелец предприятия должен приспособлять свою «самостоятельную техническую единицу к общественному заданию»³. Большое значение имеет и рабочий вопрос: пролетариат не должен страдать из-за ошибок большевиков, на фабриках необходимо предотвратить новое крепостничество. Для этого Федотов предлагает сохранить большевистский трудовой кодекс.

На схожих программных предпосылках строится и видение Федотовым сельского хозяйства новой России: невозможность реставрации помещичьей собственности и необходимость прочного закрепления земли за крестьянами; в районах колхозного хозяйства – новый передел земли; формы земельного владения – общинные и индивидуальные – должны быть предоставлены свободному выбору крестьян; должна быть обеспечена свобода мобилизации земли; за государством должно быть сохранено право вмешательства в земельные отношения – возможность установления максимальных норм землевладения, организация переселения; но сохранит ли государство за собой титул верховной собственности на землю, значения не имеет. Вопрос о сельском хозяйстве должен быть в первую очередь экономическим, а не политиче-

ским. На первый план должна быть выдвинута проблема производства, а не распределения.

В качестве государственной формы будущей России Федотов видел демократическую республику. Но его видение республики существенно отличалось от европейских демократий того времени. «Отсутствие идей, отсутствие воли, отсутствие людей – такова формула кризиса современной демократии, вскрывающая не порочность утверждений, а нечто худшее: одряхление демократической культуры»⁴, – считал он. Упадок старой демократии есть упадок политики «национальных деловых интересов», преодолеть который смогут даже не политические полумеры, а новые идеалы, возрождающие политическую культуру мира. Партии, на которых зиждется либеральная демократическая система, жестоко искажают волю избирателей, по-настоящему выражая лишь интересы немногочисленных партийцев. Простым гражданам остается разделять ряд программных пунктов конкретной партии, за которую они голосуют. Пропорциональная система не в силах обеспечить построения общей народной воли, жертвуя ей в угоду собственным политическим амбициям. Политики настолько озабочены сохранением своих постов и сопутствующими интригами, что у них не оказывается ни времени, ни сил ни для одной по-настоящему широкой и ответственной реформы. Поэтому такие жизненно важные вопросы, как социальный, демократия оказывается не в силах решить.

Не менее существенным недостатком оказывается неспособность демократии защитить себя перед лицом вызовов и угроз. Опасность войны, экономический кризис, усиление радикальных настроений – все это застигает демократию врасплох, поскольку она, как и в свободное время, слишком занята формированием правящего большинства. «Разве фации и секира не символы старейшей демократии – римской? Разве она не создала институт легальной диктатуры?»⁵, – пишет Федотов. Тип политика измелчал. Порядочные, честные и культурные люди предпочитают держаться подальше от политической сферы, оставляя ее ораторам и сомнительным дельцам. Народ не узнает себя в своих представителях. Трудно представить, что в случае опасности он охотно согласится защищать их ценой своих жертв.

«Наш долг – христианских свободолюбцев – очистить нашу свободу от сомнительных примесей, размежеваться с буржуазной свободой собственности. Но та же задача стоит перед нами и в отношении демократии»⁶, – утверждал Федотов. Предпосылки к появлению христианской демократии он находит в Новом Завете. Церковь унаследовала обетования Израиля, в ней продолжают древнее священство и пророчество, продолжается и царство. Но царство – не римский кесарь, а все христиане – «род избранный, царственное священство». Таким образом, христианская демократия есть царствие народа Божия. Смысл и призвание этой демократии – в освобождении личной харизмы власти, а не в растворении ее в

коллективе. Идеал православного строя (священства) – соборность. Она не предполагает общего природного равенства, являясь скорее природной благодатной иерархией. Но эта иерархия не может быть насильственной, она должна находить себя и устанавливаться свободно. Начало соборности означает органическое равновесие личности и общества. Оно само по себе уже обеспечивает личность от поглощения коллективом, которое угрожает ей в чистой, языческой демократии. В православной истории Руси существовали христианские демократии Новгорода, Пскова и Вятки. Федотов отмечает, что «их сакральная порфира (по крайней мере, в Новгороде) была не менее пышной, чем у московских царей. Не разрывать эту порфиру должна демократия, но надеть на свои плечи»⁷.

Федотов признает, что голосование, независимо от конкретного способа и формы, составляет основу демократической техники власти. Но суть не в ней, а в народном самоуправлении. Народ мыслится живой личностью, более глубокой и мудрой, чем все составляющие его личности – «сыны народа». В христианской демократии народ не слагает с себя заботы об «общем деле» – *res publica*, – но весь, в полном составе своих граждан, несет государственное служение и государственную ответственность. Еще важнее подчеркнуть, что самоуправление народа, проведенное последовательно, принимает формы не только государственного, но и местного, профессионально-хозяйственного управления. Лишь на основе частных самоуправлений может строиться политическая власть народа. Без этой основы демократия оказывается беззащитной от перерождения в цезаризм. Для демократии существенно, чтобы каждый гражданин в той или иной форме свободно и активно участвовал в организации и творчестве «народной воли».

Федотов полагал, что новая «органическая демократия» будет синдикальной или корпоративной. Современный ему человек из всех социальных связей сохранил и развивает преимущественно связи профессионально-корпоративные, поэтому они могут составить наиболее прочный фундамент для построения истинной демократии. Профессиональная культура является единственным наследником, которому умирающая партийная демократия может передать свое наследство. Уравновесить опасность перерождения корпоративного строя в фашистский можно с помощью дуального представительства – введением второй палаты парламента, построенной на территориальном представительстве.

По мнению Федотова, демократия должна быть сильной. Она не имеет права, основываясь на отвлеченных и бескрылых доктринах, смиренно наблюдать за тем, как через демократические институты или революцию к власти приходят тоталитарные силы. В связи с этим Федотов говорит о «демократической диктатуре», которая станет неизбежным этапом и возрождения России. «За 13 лет народ явил разительные доказательства бессилia защищать свою волю и свое право, – пишет Федотов, – 13 лет он пассивно смотрит, как воля

его фальсифицируется в избирательской системе Советов, позволяя говорить от своего имени продажным или враждебным ему отщепенцам»⁸.

Подобный опыт СССР, где тоже существовала «демократия», позволяет ему сделать вывод о неэффективности западной парламентарной демократии в постбольшевистской России. Поэтому крайне важно, чтобы коммунистическая диктатура не сменилась, например, фашистской. Для этого диктатура должна быть честной и наполненной «демократическим содержанием», то есть ставила своей целью привести народ к демократии. Федотов был убежден, что «лучше не устраивать выборы, чем подтасовывать их, лучше не иметь парламента, чем иметь подкупленный парламент»⁹.

Реализация демократических принципов, описанных Федотовым, оставляет ряд существенных вопросов:

- во-первых, не вполне понятно, каким образом можно добиться участия народа и сознательной ответственности каждого члена общества за общегосударственный политический курс, особенно если речь идет не о маленьком полисе или карликовом европейском государстве, но о крупнейшей стране в мире;

- во-вторых, опыт народного самоуправления в профессионально-хозяйственных вопросах сегодня имеет значительный багаж практического опыта в различных странах мира, и далеко не всегда положительного. Как показывает практика, в условиях рыночной экономики (а явных предпосылок для установления социализма в мировом масштабе сегодня нет) самоуправляющиеся предприятия либо в конце концов оказываются вынужденными нанимать профессиональных управленцев, либо постепенно теряют конкурентоспособность;

- в-третьих, не до конца ясными выглядят взаимоотношения между корпоративной демократией и демократической диктатурой. Существенный признак диктатуры – неограниченные полномочия диктатора, которого невозможно контролировать ни через правовые институты, ни через представительные органы. Однако диктатура может успешно легализовываться через посредство демократических институтов, что наглядно демонстрирует опыт фашистской Италии и нацистской Германии.

Последний рассматриваемый в рамках данной работы проблемный блок – культурный – представляется центральным в проекте Г.П. Федотова. Хозяйственный и политический строй России – лишь производные культурного возрождения и преодоления общественного раскола в стране. «Общий ключ ко всем решениям – релятивизация исторических идей. Но эта релятивизация не имеет ничего общего с релятивизмом основной жизненной ценности. В разных стилях строительства должна утверждаться одна и та же правда: правда достоинства человеческой личности и религиозного смысла культуры»¹⁰, – писал Федотов.

Советская культура сделала достоянием широкой общественности то, что раньше являлось достоянием образованного меньшинства. Это

полезно для рождения личности в бывших угнетенных условиях, но таит в себе и внутреннюю опасность «измельчания духовных вод». Сделанная общим достоянием, культура перестает быть культурой. Старая интеллигенция разгромлена, а просвещенных классов дворянства и буржуазии для ее пополнения нет. Советское образование, делая человека образованным, не делает его культурным. Для «великих строек» нужны квалифицированные специалисты – инженеры, биологи, физики, химики. Но в государстве рабочих и крестьян не слишком полезны историки, философы, искусствоведы, не говоря уже о богословах. Поэтому «новая интеллигенция», производимая советской образовательной системой, при относительной технической грамотности по культурному уровню не может сравниться с интеллигенцией дореволюционной.

Федотов верил, что при соединении технического романтизма новой интеллигенции со стихийной экономической энергией появится «ток высокого напряжения, та атмосфера, в которой сложится новый тип национального предпринимателя»¹¹, что удастся духовные препятствия – имморализм рабства, гражданской войны, диктатуры, евангелия коммунизма, невежество новых хозяев жизни, заражение марксизмом всех новых социальных слоев и поколений. Организация новой культуры связывалась им с «выпрямлением духовного вывиха целой нации» и «воссозданием культурного слоя».

Новая Россия, вернувшаяся к христианским корням, несомненно, потребует восстановления статуса православной церкви. Однако Федотов считал в корне неправильным возрождать церковь в ранге одного из бюрократических институтов государства. Церковь должна быть независимой, а при государственном субсидировании такое положение будет крайне трудно отстоять. Церковь – не политическая организация, но ее влияние распространяется на все сферы жизни, так как христианство предполагает целостное мировоззрение. Политика здесь не является исключением. Но речь идет не о том, что церковь будет разрабатывать законы, утверждать государственный бюджет или объявлять войну. Церковь должна давать моральную оценку всему, что связано с обществом, и даже для правителей ее мнение будет иметь большой вес.

При этом христианская демократия Федотова не имеет ничего общего с религиозным фундаментализмом, так как для носителя этих идей моральные ориентиры значат намного больше, чем конфессиональная принадлежность. Более того, новогородцы приводят примеры, когда даже церковь может вести себя не по-христиански – например, суды над учеными в Средние века. В то же время нехристиане вполне могут быть людьми «доброй воли». Эта позиция характерна для современных христианских демократов во всем мире – так, в Германии в Христианско-демократическую партию наряду с христианами входят мусульмане. Отчасти это указывает на определенную универсальность идей христианской демократии в политике.

Главная революция, по Федотову, происходит в общественном сознании. Он не стремится предлагать конкретную политическую программу или план борьбы за власть, но формулирует новое мировоззрение. Ключ к решению всех проблем – преодоление социального раскола на основе принципов христианского мирозерцания, что способно положить конец конфликту между западниками и славянофилами, монархистами и республиканцами, социалистами и националистами и т.д., если все смогут отказаться от максимализма, так как «всякий максималист есть убийца».

Будущая Россия – не конечная цель политических преобразований, но их постоянный объект. Человек Нового Града, вооруженный христианской идеей вечного обновления мира, будет постоянно творить ее. Духовная свобода личности – непременное условие творчества, поэтому для Федотова она имеет наибольшее значение. Мысль о демократической или социалистической организации культуры чужда ему. В культурной сфере неравенство необходимо, оно должно быть основано не на политических или экономических привилегиях, но на уважении и признании, иначе культура измельчает, разница между ее высшими и низшими формами потеряет всякий смысл. Духовная элита – интеллигенция – в Новой России будет иметь право требовать уважения к себе во имя достоинства национальной культуры. На интеллигенцию возлагается ответственная миссия сохранения и обогащения русской культурной традиции, воспитания молодого поколения в духе национальной культуры, ликвидации марксистско-ленинского наследия, удовлетворения культурного голода масс и т.д.

Политический и экономический проекты Федотова носят примерный и ориентировочный характер, так как невозможно предвидеть, в какой обстановке произойдет демонтаж коммунистической системы, каковы будут наличные условия. К тому же в политической и экономической сфере нет ничего абсолютного, все эволюционирует. В частности, поэтому политические и экономические свободы у Федотова не принадлежат к бесспорным предпосылкам, а, наоборот, должны быть разумно организованы, то есть ограничены.

Демократия должна быть наполнена христианским содержанием, так как «чистая», «языческая» демократия не справляется со своими задачами – выражения коллективной воли народа, защиты свобод, решения социального вопроса и т.д. В этой связи Федотов предлагает реорганизовать институт представительства на корпоративном принципе, сделать участие во власти не привилегией и не правом, а долгом каждого гражданина, уйти от искажающей народное волеизъявление партийности.

В христианской культуре, по Федотову, глубоко укоренены и демократия, и социализм. Подлинный социализм не унижает личности, но способствует народному единению, уничтожает материальное неравенство, безработицу и нищету. Главная проблема социализма, согласно Федотову,

заклучается в преодолении рынка – организации вне рыночного распределения. Восстанавливая посткоммунистическое хозяйство России, недопустимо увлекаться антибольшевистской реакцией и «разделять все сделанное» в пику старой власти. Федотов и новоградцы считали, что принципы справедливого хозяйства и творческой свободы можно использовать и в построении международного общения. Несмотря на приверженность идеалам свободы, Федотов был сторонником

сильного государства, которое сможет защитить своих граждан и само себя от внешних и внутренних угроз.

Ismailov A.S. G.P. Fedotov's Christian Democratic Project of Post-Revolutionary Russia.

Summary: The article addresses political, economical and cultural features of the Christian democratic project of post-revolutionary Russia by one of the most influential Russian émigré thinkers – G.P. Fedotov.

Ключевые слова

Социализм, христианство, коммунизм, идеология, Федотов, демократия, либерализм, революция

Keywords

Socialism, Christianity, communism, ideology, Fedotov, democracy, liberalism, revolution

Примечания

1. Федотов Г.П. Список благодеяний // Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2 томах. Т.2. СПб., 1991. С.26.
2. Федотов Г.П. Проблемы будущей России // Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2 томах. Т.1. СПб., 1991. С.238.
3. Федотов Г.П. Что такое социализм? // Новый Град. 1932. №3. С. 26.
4. Федотов Г.П. Демократия спит // Новый Град. 1933. №7. С. 33.
5. Там же.
6. Федотов Г.П. Наша демократия // Новый Град. – 1934. №9. С. 18.
7. Федотов Г.П. Основы христианской демократии // Новый Град. 1934. №8. С. 9.
8. Федотов Г.П. Проблемы будущей России // Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2 томах. Т.1. СПб., 1991. С.257.
9. Там же. С. 260.
10. Федотов Г.П. Россия, Европа и мы // Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2 томах. Т.2. СПб., 1991. С.14.
11. Федотов Г.П. Проблемы будущей России // Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2 томах. Т.1. СПб., 1991. С.242.

Федор Данилович Рыженко – наш ФДР

А.А. Ахтамзян, В.А. Трофимов

Так уважительно называли директора МГИМО в конце 1950 – начале 1960-х гг. Федор Данилович родился в семье крестьянина-бедняка в деревне Емельяновка в Крымской области 31 октября 1913 г. В анкете, заполненной в соответствии с действовавшим в те времена правилом, Федор Данилович Рыженко (фамилия похожа на украинскую) четко записал: русский. Как это было в те времена, трудовая жизнь началась рано. Работал по найму на разных местах, по существу, жил с детства случайными заработками. Школьное образование получал в школе крестьянской молодежи (сокращенно ШКМ), начиная с 1928 г.

Рано вступил в комсомол, и вскоре был командирован по комсомольской путевке на строительство Харьковского тракторного завода, где получил специальность фрезеровщика и работал до 1932 г. Стремление молодых людей того времени к получению высшего образования обозначалось понятием «энтузиазм», то есть бескорыстным желанием быть полезным обществу. Такое стремление не имело ничего общего с карьеризмом. Само понятие «карьера» тогда имело сугубо отрицательный смысл. В 1932 г. ФДР поступил в Планово-экономический институт в Харькове. Однако со второго курса был командирован на работу в райком комсомола в местечке Оржица. В 1935 г. его призывают в Красную армию. Отслужив красноармейцем положенный срок, вернулся в Харьков и снова стал работать в райкоме комсомола.

Стремление получить высшее образование не оставляло его: в 1937 г. он поступает на вечернее отделение исторического факультета Харьковского государственного университета.

Ахтамзян Абдулхан Абдурахманович – д.и.н., почетный профессор МГИМО, выпускник 1954 г.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

Трофимов Владимир Александрович – д.и.н., профессор Московского областного педагогического университета, выпускник МГИМО 1954 г. E-mail: vestnik@mgimo.ru

В 1936–1940 гг. работает научным сотрудником Украинского исторического музея. В конце 1939 г. был принят в члены ВКП(б).

В условиях начавшейся Второй мировой войны он был зачислен слушателем в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б), где учился до октября 1941 г. Решением ЦК партии он был командирован на работу в Восточно-Казахстанский обком партии. К тому времени относятся первые научные опыты по проблемам развития советской интеллигенции, проблемам национальной политики и по другим актуальным вопросам политики правящей партии. Таков был трудовой путь партийного работника, «лектора ЦК» и пропагандиста. С 1943 по 1948 г. Ф.Д. Рыженко работает заместителем заведующего отделом управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

В 1947 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, а в 1948 г. назначен заведующим кафедрой марксизма-ленинизма в только что созданном МГИМО МИД СССР. Такое назначение парторганизации на академическую должность на идеологических кафедрах (истории партии, политэкономии и философии) стало писаным или неписаным правилом деятельности вузов. Для МГИМО это было еще и проявлением двойного подчинения Министерству иностранных дел и Министерству высшего образования. Приказ об утверждении Ф.Д. Рыженко на должность заведующего кафедрой для начала по совместительству был подписан тогдашним министром высшего образования С. Кафтановым. С 1948 по 1958 г., около десяти лет, Ф.Д. Рыженко работал заведующим кафедрой в МГИМО, прежде чем стать директором вуза.

Назначение директоров, а потом и ректоров МГИМО всегда оставалось прерогативой МИД СССР. Однако в переходные или переломные моменты истории страны это часто было решением партийных органов. Предшественники Ф.Д. Рыженко в должности директоров были в 1949–1952 гг. Иван Кузьмич Верещагин – экономист, финансист по специальности, имевший большой опыт работы в государственных органах. Его сменил карьерный дипломат Иван Иванович Лобанов, назначенный дипломатическим ведомством и проработавший директором три года – до 1955 г.

Приглашение из Ленинграда научного сотрудника Академии наук СССР Михаила Сергеевича Иванова, доктора исторических наук, специалиста по истории Ирана, было несколько неожиданным для дипломатического сообщества. Правда, это произошло вскоре после присоединения Московского института востоковедения к МГИМО, а у М.С. Иванова был опыт работы корреспондентом ТАСС в Иране в 1943–1947 гг. Директором МГИМО он был назначен в ноябре 1955 г., а освобожден от должности в декабре 1957 г.

Это произошло вскоре после июльско-го пленума ЦК КПСС, решениями которо-

го были произведены заметные перемены в МИДе СССР, связанные с отстранением от работы примкнувшего к «антипартийной группе» Д.Т. Шепилова – министра иностранных дел с 1956 г. При М.С. Иванове было учреждено издательство Института международных отношений. Одним из первых его изданий которого стала большая книга Иванова об истории революции в Иране в начале XX в.

В Архиве МГИМО сохранилось очень краткое заявление от 7 августа 1957 г. заведующего кафедрой истории КПСС Ф.Д. Рыженко, который прерывает отпуск в связи с командировкой в Югославию. Историки помнят, что тогда состоялась поездка в Югославию партийной делегации во главе с Н.П. Фирюбиным, который в 1957 г. стал заместителем министра иностранных дел. Вскоре после этой поездки в Югославию для налаживания отношений с СФРЮ, 10 января 1958 г., Ф.Д. Рыженко был назначен по рекомендации общественных организаций МГИМО директором Института. Это было первое назначение директором доцента из состава педагогического коллектива.

Он оставался руководителем вуза до весны 1963 г., когда его назначили ректором Института общественных наук при ЦК КПСС, где он успешно работал до 1975 г. В одной из первых характеристик директора Ф.Д. Рыженко, подписанной проректором К. Новосельцевым и секретарем парткома Г. Донгаровым, лапидарно констатировалось: «С января 1958 г. т. Рыженко является директором Института. За прошедшие месяцы т. Рыженко Ф.Д. сделал многое для улучшения работы Института, повышения уровня учебной и воспитательной работы профессорско-преподавательского коллектива, кафедр, для укрепления учебной дисциплины и т.д.».

Период ректорства Ф.Д. Рыженко был успешным, плодотворным. Прежде всего, его особенность заключалась в том, что этот период совпал с реформой высшего образования в стране. Именно в это время были пересмотрены учебные планы с целью приближения их к требованиям практических учреждений. Впервые, и это было только однажды, был составлен и отпечатан сборник программ по предметам, изучаемым в МГИМО. Это позволило устранить так называемое дублирование тематики разных кафедр. В учебные планы факультетов была включена преддипломная практика в государственных учреждениях, в том числе практика в зарубежных учреждениях.

Для студентов восточного факультета сохранили шестилетнее обучение. Экономический факультет (факультет международных экономических отношений) был преобразован в связи с присоединением в 1958 г. к МГИМО Института внешней торговли. Практически реализовано пожелание государственных учреждений, чтобы не только студенты восточного отделения, но и западного изучали два ино-

странных языка. Несколько улучшены были социально-бытовые условия жизни студентов, налажен летний отдых студентов в спортивных лагерях на побережье Черного моря и т.д. В условиях приема в МГИМО была включена льгота для абитуриентов, имевших стаж работы на предприятиях или службы в армии. Вскоре были организованы подготовительные курсы для абитуриентов, преобразованные потом в подготовительный факультет.

Стиль Рыженко – внимательное отношение к научно-педагогическим кадрам. Он привлек к работе в Институте члена-корреспондента АН В.Г. Трухановского, известного специалиста по международному праву Ф.И. Кожевникова, известного экономиста и финансиста Н.Н. Любимова, философа А.Ф. Шишкина. Став ректором МГИМО, Ф.Д. Рыженко привлек к руководящей работе выпускников Института – Д.В. Ермоленко в качестве проректора, В.К. Собакина – декана факультета международных отношений, И.П. Ильинского – главного редактора Издательства ИМО, а затем и заведующего кафедрой государственного права.

По его инициативе были созданы условия для научной работы таких выпускников, как Юрий Замошкин, Эрик Плетнев, Г.Л. Розанов, которые в короткие сроки подготовили и защитили докторские диссертации. Впервые был создан совет выпускников, по инициативе которого стали проводиться встречи выпускников. В библиотеке Института в старом доме у Москва-реки стали собирать книги, написанные преподавателями и выпускниками МГИМО. Уже в то время их количество исчислялось сотнями. Росту престижа Института способствовало учреждение в 1959 г. нагрудного знака выпускника МГИМО.

Успешной научной работе способствовало наличие собственного издательства, которое в начале 1960-х гг. выпускало до 100 книг в год, главным образом монографий и учебных пособий, в том числе для изучения иностранных языков. Количество иностранных языков, изучаемых в Институте, увеличилось не только за счет восточных языков вместе с приходом в Институт лингвистов из Института востоковедения, но и в связи с переходом в МГИМО специалистов-лингвистов из Военного института иностранных языков: преподавателей греческого, венгерского, норвежского, итальянского, голландского и других так называемых редких иностранных языков. В дипломы выпускников стали записывать квалификационные данные: специалист-международник со знанием двух иностранных языков.

Ректор читал курс лекций по истории партии. Еще в 1950 г. ему было присвоено звание доцента, а в 1960 г. он получил звание профессора. Печатных научных работ Ф.Д. Рыженко было сравнительно немного. Если прежние публикации имели пропагандистский характер и соответствующее название типа «Ленин – основа-

тель Советского государства» или «Ленинская национальная политика», то позже им была написана монография по истории революции 1905 г. в России.

В 1960 – 1970-х гг., в течение полутора десятилетий, Федор Данилович был ректором Института общественных наук при ЦК КПСС. В этом учреждении молодые люди получали, а более зрелые совершенствовали свои знания по философии, социологии, политической экономике, социальной психологии, истории международного и национально-освободительного движения и истории международных отношений. Слушателями-студентами этого учебного заведения были граждане, приехавшие в СССР по приглашению Коммунистической партии Советского Союза из многих десятков стран всего мира: Европы, Азии, Америки, Африки, Австралии. Молодые учились, как правило, в течение продолжительных сроков: от шести месяцев до двух лет, изучая весь комплекс названных дисциплин. Более зрелые слушатели, имевшие достаточную теоретическую и политическую подготовку, работали индивидуально или небольшими группами над углублением своих знаний по двум-трем дисциплинам.

Все они проявляли огромный интерес к жизни советских людей, посещая промышленные и сельскохозяйственные предприятия, учебные и научные учреждения, творческие союзы как в Москве, Московской области и многих областях РСФСР, так и в других союзных республиках СССР. Повседневные занятия (лекции, беседы-дискуссии, семинары) проводили, как правило, высококвалифицированные специалисты, доктора и кандидаты наук, объединявшиеся в соответствии со специализацией на кафедрах. Руководили кафедрами в разное время видные ученые – М.К. Бункина, Ф.М. Бурлацкий, В.В. Загладин, Ю.А. Замошкин, М.Н. Рындина, В.П. Филатов, Г.П. Черников, Ю.А. Шерковин, А.В. Шестопал.

Всей гигантской работой по формированию научно-педагогического коллектива, по определению содержания и организации учебно-научного процесса руководил Федор Данилович. Одному из авторов этих строк довелось работать педагогом и одним из организаторов учебного процесса на протяжении всего периода ректорства Федора Даниловича Рыженко. Говоря о стиле его работы, следует выделить главное. Это было высокое чувство ответственности за деятельность возглавляемого им учреждения. А эффективность работы ИОН определялась прежде всего уровнем научной, теоретической подготовки и педагогического мастерства преподавателей. Ректор лично следил за формированием состава кафедр, требовал постоянного теоретического роста их членов, глубокого знания не только своего предмета, но и специфики той страны (ее истории, традиций и т.д.), со слушателями которой работал преподаватель.

Основная масса преподавателей вела работу на родном языке слушателей: английском, французском, немецком, испанском, итальянском, арабском. С целью изучения конкретных условий той или иной страны и совершенствования знания языка использовалась практика заграничных командировок по разным каналам. Со слушателями, говорящими на редких языках (некоторые азиатские и африканские), работа велась при помощи переводчиков.

Ректор требовал, чтобы, наряду с лекциями, основной формой работы были беседы-дискуссии, в ходе которых под руководством преподавателей слушатели, изучив тексты первоисточников, монографий, учебников, свободно обсуждали важные теоретические и политические проблемы. Такая форма работы обогащала не только слушателей, но и преподавателей. При этом обсуждение носило творческий характер. Федор Данилович был ярким противником догматизма, показывая пример творческого аналитического подхода к теории и практике в своих выступлениях. Эту же линию он отстаивал, давая общее направление научным исследованиям преподавателей и слушателей.

Отличительной чертой Федора Даниловича как руководителя большого коллектива было сочетание высокой требовательности к качеству работы сотрудников, в первую очередь преподавателей, с вниманием к их разумным запросам, нуждам и желанием помочь в решении бытовых проблем. Он постоянно поддерживал стремление преподавателей добиваться научного и должностного роста: им предоставлялись творческие отпуска для написания диссертаций, организовывались научные командировки в зарубежные страны. Особую ценность подобные командировки представляли для преподавателей-историков: работа в иностранных архивах, библиотеках, государственных и частных документальных фондах.

Преподавателям и слушателям импонировал прямой, независимый характер ректора, самостоятельность его идей и суждений, манера открыто, в лицо высказывать критические замечания как сотрудникам Института независимо от должности и звания, так и слушателям. Более того, бывало, что он публично неодобрительно высказывался после окончания неудачных выступлений перед коллективом сотрудников и слушателей высокопоставленных руководителей партии. Были случаи, когда он добивался увольнения из Института представителей «параллельной организации» за чрезмерное вмешательство в деятельность Института.

С большим уважением к Федору Даниловичу относились руководители тех левых партий и освободительных движений, представители которых обучались в ИОН. Это проявлялось не только в ходе их посещений ИОН, но и во время его гостевых поездок в зарубежные страны. Один из авторов этих строк сопровождал ректора в качестве члена делегации и переводчика во время поездки в Италию и убедился в том, что он пользовался огромным авторитетом (очевидно, на основе мнений бывших слушателей) у высшего руководства Итальянской коммунистической партии.

Словом, это был талантливый руководитель сложного научно-педагогического коллектива, лучший ректор за время существования ИОН. Не слишком ли хвалебная, радужная картина возникает? Неужели не было личных недочетов и слабостей, ошибок в работе? Конечно, были мелочи. Но все они меркнут на фоне главного, о чем речь шла выше. «Большое видится на расстоянии».

Ahtamzian A.A., Trofimov V.A. Fedor Danilovich Ryzhenko – our FDR.

Дипломат и ученый Анатолий Андреевич Громыко

А.М. Васильев

Анатолий Андреевич Громыко – член-корреспондент РАН, профессор, крупный ученый в области теории международных отношений, внешней политики США, роли ООН в международных отношениях, а также комплексного изучения социально-экономических и внешнеполитических проблем стран Африки. В 1954 г. окончил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) Министерства иностранных дел СССР, в 1957 г. – его аспирантуру. В 1961–1965 гг. – первый секретарь, затем советник Посольства СССР в Великобритании. В 1973–1974 гг. – советник-посланник Посольства СССР в США, 1974–1975 гг. – советник-посланник Посольства СССР в ГДР.

Многие годы Анатолий Андреевич Громыко был директором Института Африки РАН (1976–1992). В 1981 г. избран член-корреспондентом Академии наук СССР. Он – лауреат Государственной премии СССР, награжден отечественными и зарубежными орденами и медалями. В течение ряда лет он работал в Совете Пагуошского движения, избран членом трех иностранных академий: Академии наук Королевства Марокко, Малагасийской академии наук (Мадагаскар), действующим членом Европейской академии наук и искусств и почетным доктором Лейпцигского университета.

В 2004 г. Ан.А. Громыко был избран президентом движения «За укрепление демократического мирового правопорядка и в поддержку ООН». Под его руководством движение, в котором участвуют видные ученые и дипломаты,

проводит конференции, издает результаты своих научно-практических исследований в форме бюллетеней, доводит их до сведения практических организаций.

В настоящее время Анатолий Андреевич работает профессором факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова и главным научным сотрудником Института проблем ме-

Васильев Алексей Михайлович – академик РАН, директор Института Африки РАН. E-mail: vestnik@mgimo.ru

ждународной безопасности РАН. В последние годы им изданы две монографии, посвященные событиям второй половины XX в., советской и российской внешней политике и дипломатии.

Ан.А. Громыко – автор многих научных публикаций, в том числе 40 индивидуальных монографий и брошюр, около 300 статей, рецензий в научных изданиях, в российской и зарубежной периодической печати. Для его научной деятельности характерно обращение к новым и малоисследованным проблемам. Это прослеживается на примере изданных им монографий и статей. Первой книгой, изданной им в 1957 г. в возрасте 25 лет, стала работа «Конгресс США – выборы, организация, полномочия». Впервые в советской научной литературе автор дал оценку роли Конгресса США как важного органа политической власти и государственного механизма. По этой книге Ан.А. Громыко защитил в 1958 г. в МГИМО диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

В 1958 г. он опубликовал под псевдонимом Г. Анатольев работу «За улучшение отношений между СССР и США», изданную массовым тиражом. В 1968 г. он уже под своей фамилией опубликовал монографию «1036 дней президента Кеннеди». Впервые в советской науке он провел анализ характера власти и внешней политики администрации Джона Кеннеди. Книга стала бестселлером, получила благоприятные отклики в советской и американской печати. По этой же теме в 1985 г. Ан. Громыко в соавторстве с А.А. Кокошиным издал массовым тиражом книгу «Братья Кеннеди».

Заметным трудом ученого стала вышедшая в 1979 г. монография «Конфликт на Юге Африки». В ней автор дал анализ ситуации в ЮАР и Намибии, предсказал приход к власти национально-освободительных сил и крушение в ЮАР апартеида. В 1984 г. Ан. Громыко в соавторстве с В. Ломейко издал массовым тиражом книгу «Новое мышление в ядерный век». Эта новаторская работа была отмечена премией имени В. Воровского. На книгу были опубликованы положительные рецензии, в том числе отзыв на нее писателя Чингиза Айтматова, а также известного политического деятеля и ученого Г. Шахназарова.

В 1984 г. плодом многолетней работы ученого стала уникальная книга «Маски и скульптуры Тропической Африки», выпущенная тиражом 25 тыс. экземпляров издательством «Искусство». Монография снабжена цветными фотографиями, которые он сделал во время полевых исследований на Африканском континенте и бесед с африканскими скульпторами и резчиками по дереву. В книге Ан.А. Громыко исследовал эстетические принципы традиционного африканского искусства и многообразие его стилей. Сегодня эта книга стала библиографической редкостью.

Ан.А. Громыко проводил и до сих пор проводит большую работу по созданию творческих

коллективов, чья задача – осуществлять крупные научные исследования по международным проблемам. Он является ответственным редактором десятков коллективных монографий и сборников. В 1986 г. под его редакцией была издана двухтомная энциклопедия «Африка» (второе издание). Одним из первых советских ученых Ан.А. Громыко стал организатором и автором ряда совместных работ с американскими и африканскими исследователями по актуальным проблемам современности. К участию в этих работах привлекались такие крупные политики и ученые, как бывший президент Мексики Луис Эчеверрия, Бутрос Бутрос-Гали, Роберт Макнамара, профессор Ричард Скляр. Совместно с американским профессором Мартином Хелманом он стал организатором, руководителем и редактором коллективного труда тридцати советских, американских и западноевропейских ученых. В этом фундаментальном труде ученые проанализировали пути избавления человечества от ядерной катастрофы и, в частности, изменение политического мышления в современном мире. Книга «Прорыв. Становление нового мышления» была издана в СССР и США (на английском языке) большим тиражом.

Другим примером инновационной работы стал совместный проект Института Африки АН СССР и Центра международных и стратегических исследований Калифорнийского университета (г. Лос-Анджелес). В 1990 г. был издан совместный труд советских, африканских и американских ученых на тему «Agenda for Action. African – Soviet – U.S. Cooperation». В ней исследовались конкретные области советско-американского сотрудничества в интересах Африки. Книга была опубликована в США и Великобритании.

В 1989 г. Ан.А. Громыко провел V Всесоюзную конференцию африканистов и опубликовал ряд статей о новых подходах к изучению Африки. В 1989 г. он выступил на Общем собрании АН СССР с критикой стереотипов в подходе к общественному прогрессу, в частности устаревшего утверждения о соответствии производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. На президиуме АН СССР ученый сделал доклад о ситуации в Африке и перспективах развития советско-африканских отношений.

В 1991 г. в журнале «Восток» Ан.А. Громыко выступил со статьей «Карл Маркс – Африка – Социалистическая идея». В ней отмечалось, что марксизм в Африке не дал быстрых и эффективных результатов, и этому есть много причин. Главная из них – несоответствие ряда положений марксизма реалиям жизни. В 1990-х гг. XX в. заметное место в жизни ученого заняло сотрудничество с Академией наук Марокко, где ему по рекомендации известного французского историка Мориса Дрюона было присвоено звание академика. На сессиях этой академии Ан.А. Громыко сделал 14 докладов, которые были опубликованы в ее

■ Золотой фонд МГИМО

изданиях. Король Марокко Хасан II встречался с ученым и наградил Ан.А. Громыко высоким орденом.

В 1997 г. Ан.А. Громыко опубликовал книгу «Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля», а в 2009 г. – книгу «Андрей Громыко. Полет его стрелы». В этих работах на большом фактическом материале освещена широкая панорама событий XX в., на основе бесед с отцом изложены «золотые правила» дипломатии, названы причины, почему А.А. Громыко выдвинул М.С. Горбачева на пост генсека ЦК КПСС.

В последние годы Ан.А. Громыко уделяет большое внимание истории создания ООН, определению ее места в международных отношениях. Он акцентирует необходимость защиты авторитета ООН и самого ее существования от попыток разрушения этой организации. Статьи и интервью, посвященные ООН, публикуются в России и за рубежом, в том числе в журнале российского парламента «Российская Федерация сегодня».

С 2010 г. Ан.А. Громыко читает студентам МГУ имени М.В. Ломоносова спецкурс по истории и деятельности ООН на современном эта-

пе развития международных отношений. Он критикует попытки сторонников политики права силы ослабить ООН и освободиться от ограничений, предусмотренных ее Уставом. По его мнению, эта демократическая планетарная организация нуждается, когда это необходимо, в реформах, но не в ломке, которая искажила бы принципы ее деятельности. Ан.А. Громыко убежден, что ООН – основа сохранения в международных отношениях мира и стабильности. Автор полагает, что в мире «должна править сила права, а не право силы».

В мае 2011 г. в Санкт-Петербурге на XI Лихачевских международных чтениях Ан.А. Громыко выступал с докладом о путях укрепления мировой стабильности и построения архитектуры международной безопасности, безопасности для всех. По его убеждению, в мировых делах должны развиваться и укрепляться новый мировой демократический правопорядок и культура мира.

Vasiliev A. M. Diplomat and scientist Anatoly Andreevich Gromyko.

Герой Советского Союза А.Н. Игнатьев

(1921 – 2012)

И.А. Павленко

Андрей Николаевич Игнатьев родился 6 сентября 1921 г. в селе Мещерское Подольского района Московской области в семье учителей. В 1930 г. поступил в среднюю школу №344 г. Москвы, которую окончил в 1940 г. Осенью того же года был призван в ряды Красной армии. Мечтая с детства стать танкистом, попросился зачислить его в танковые войска. Великая Отечественная война застала его в действующей армии. Пройдя курс обучения в полковой школе, был направлен в 111-ю танковую дивизию командиром взвода. Боевое крещение принял в январе 1943 г. на полях Орловщины. Сражался на Центральном, Брянском и 1-м Украинском фронтах, проявляя образцы мужества и героизма.

Особо А.Н. Игнатьев отличился в 1944 г. при освобождении Западной Украины, в частности при подавлении важного оборонного пункта гитлеровцев в предгорьях Карпат. Танк Игнатьева в составе еще двух танковых экипажей, продвигаясь на некотором удалении от передовых сил, совершал разведывательный рейд к г. Коломыя (Ивано-Франковская область) – крупному железнодорожному узлу, где закрепились немцы. Приказ командования – быстрее ворваться в Коломыю, не ввязываясь в серьезное сражение, и захватить переправу через реку Прут, рассчитывая на фактор внезапности. Танк А.Н. Игнатьева одним из первых ворвался на окраину города. Увидев стоящие на железнодорожной платформе танки, открыл по ним эффективный огонь.

Снаряд одного из немецких «тигров» попал в тридцатьчетверку Игнатьева, нанеся ему тяжелое ранение и убив стрелка. Преодолевая боль, Игнатьев продолжал вести орудийный огонь по танкам врага до вступления в бой по-

Павленко Игорь Алексеевич – начальник отдела «Музей истории МГИМО» Управления по работе со студентами и выпускниками МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Золотой фонд МГИМО

доспевших боевых машин передового отряда. В течение дня враг был уничтожен и город освобожден.

После длительного лечения в г. Энгельсе, Андрей Николаевич, став инвалидом, в 1945 г. был демобилизован из армии в звании капитана. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1944 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Об этом он узнал, находясь на излечении в госпитале.

Вернувшись к мирной жизни, А.Н. Игнатьев продолжил свое образование. Он был в числе тех, кого в истории МГИМО относят к первому послевоенному набору студентов. Вспоминает сокурсник А.Н. Игнатьева М.Д. Пилосов: «Так как девушек в МГИМО не принимали, Институт больше походил на военное училище. Действительно, значительная часть студентов нашего курса пришла с фронтов войны. Почти все офицеры с орденами и медалями на пропахших порохом кителях. Трое из них – Герои Советского Союза (Ю.М. Винник, В.В. Вольский и А.Н. Игнатьев. – Прим. авт.). Эти ребята знали войну не понаслышке. В мирной студенческой жизни они оставались простыми, скромными парнями, не кичились своими подвигами, довольствовались тем, что есть, не требовали себе никаких льгот и поблажек... Одеты были очень просто. Фронтовики донашивали свою военную форму, остальные – кто во что горазд».

В связи с этим М.Д. Пилосов вспоминает день, когда во время одного из занятий в аудиторию в сопровождении руководства Института неожиданно вошел В.М. Молотов. Задав студентам вопросы, касающиеся организации учебного процесса, наличия учебников, работы столовой и общежития, он поразился ответами студентов, заявивших, что все хорошо и они ни в чем не нуждаются. «Тогда В.М. Молотов спросил наших фронтовиков, – продолжил М.Д. Пилосов, – почему они все еще носят военную форму? Ответ Героя Советского Союза Андрея Игнатьева, что он к ней привык и что в ней очень удобно, вызвал улыбку у него и он заметил: «Вы будущие дипломаты и вам пора привыкать носить гражданские костюмы, галстуки, шляпы. Мы подумаем, как вас всем этим обеспечить».

Прошло несколько месяцев. Министр иностранных дел СССР сдержал свое слово. Нам пошили костюмы, выдали пальто, шляпы, туфли. Прохожие часто останавливались, наблюдая за тем, как из красивого здания классической архитектуры у Крымского моста выходила вереница молодых людей – все в темно-синего цвета драповых пальто, широкополых шляпах, модельных туфлях. Зрелище по тем временам весьма необычное, особенно на фоне телогреек, кирзовых сапог и ушанок».

Автобиография.

Я, Игнатьев Андрей Николаевич, родился 6 сентября 1921 г. в Московской обл., Богородском р-не, с. Мещерское. После окончания 8-летнего обучения работал учителем, а затем был призван в Красную Армию. В настоящее время являюсь работником преподавательского состава в Богородском обл. Маш - учительница начальной школы №346. В 1930 г. я поступил в школу №346 в Москву, которую окончил в 1940 г. В 1938 г. поступил в школу ВЛКСМ. Осенью 1940 г. по призыву был взят в Красную Армию. С 1942 г. по 1944 г. был на фронте Великой Отечественной войны. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1944 г. присвоен звание Героя Советского Союза. С марта 1945 г. я участвовал в послевоенной войне в Германии. 15 июня 1945 г.

Окончив в 1950 г. МГИМО, Андрей Николаевич работал в Совинформбюро, затем учился в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Трудился он в Комитете по культурным связям с зарубежными странами, посетив многие из них. В 1964 г. был направлен в США, где работал в Советском представительстве при ООН. В 1965 г. А.Н. Игнатьев ездил на Украину, где его избрали почетным гражданином г. Коломыя. Посетил места боев танковой бригады, в составе которой он воевал, возложил цветы на могилы своих погибших боевых товарищей. Почти два десятилетия до выхода на пенсию работал заместителем главного редактора «Ежегодника Большой Советской Энциклопедии». Ему было присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР».

Скончался Андрей Николаевич 19 марта 2012 г. Похоронен на Введенском кладбище.

**Pavlenko I.A. Hero of the Soviet Union
A.N. Ignatiev (1921–2012).**

Проблемы межкультурного взаимодействия на современном этапе

М.М. Лебедева

Sadri Houman A., Flammia Madelyn. Intercultural communication. A new approach to international relations and global challenges. – New York, London: Continuum, 2011. – 317 p.

Проблема межкультурного взаимодействия, международного диалога не является новой. Она всегда стояла в международной повестке дня, причем особенно остро – по понятным причинам – для дипломатов. Исследователи дипломатии и сами дипломаты уделяли много внимания вопросам изучения других культур. Один лишь пример – книга Г. Никольсона «Дипломатия»¹, в которой дается подробное описание переговорных стилей представителей ряда европейских стран и США, стала классической.

И тем не менее конец XX – начало XXI в. вывел вопросы межкультурного взаимодействия на новый уровень. Дело в том, что с развитием глобализации, которая прежде всего предполагает интенсификацию трансграничного взаимодействия, взаимодействие различных культур и народов стало неотъемлемым атрибутом любой деловой активности. Другой причиной повышенного интереса к кросскультурному взаимодействию стали межэтнические и межконфессиональные конфликты конца XX в., побудившие С. Хантингтона к формулированию идеи конфликта цивилизаций. События 11 сентября 2001 г. внесли свой дополнительный вклад в проблему конфликтов и заставили вновь заговорить о проблеме межкультурного и межкультурного взаимодействия.

Вместе с тем, несмотря на актуальность проблемы, исследователи международных отношений и мировой политики явно недостаточно внимания обращают на межкультурное взаимодействие,

как таковое, обсуждая связанные с ним вопросы в рамках отдельных тем, в том числе дипломатии, урегулирования конфликтов, ведения международных переговоров и т.п. В результате в международных исследованиях нет целостного понимания роли и места межкультурного взаимодействия в системе мирополитических отношений. Этот пробел и постарались восполнить авторы рецензируемой работы.

Книга Хумана Садри и Маделин Фламии представляет собой одну из первых попыток специалистов-международников обозначить сферу межкультурного взаимодействия именно как междисциплинарную область международных исследований. При этом авторы подчеркивают, что их задача состоит не только в том, чтобы сформулировать исключительно академическое направление исследований, но и представить материал для гораздо более широкой аудитории.

Авторы исходят из различий в понятиях межкультурной (intercultural) и многокультурной (multicultural) коммуникации, поясняя, что первое понятие относится к взаимодействию между национальными государствами, в то время как второе подразумевает общение между представителями разных культур внутри государств и связано главным образом с взаимодействием мигрантов и коренных жителей страны. В рамках второго феномена и появилась идея политики мультикультурализма. Книга Х. Садри и М. Фламии посвящена анализу вопросов международного межкультурного взаимодействия.

Можно спорить, насколько точно такое разделение понятий, поскольку в рамках одного государства могут сосуществовать представители различных культур, не являющихся мигрантами, и здесь также возникает вопрос о выстраивании взаимодействия между ними. Россия, например, является такой страной. Тем не менее взаимодействие между культурами на транснациональном уровне действительно требует отдельного рассмотрения по целому ряду причин, и прежде всего потому, что глобальная среда не предполагает единой политики в отношении межкультурного взаимодействия, которая может быть выработана и реализована государством. Межкультурное взаимодействие за пределами национальных границ требует гораздо более сложных и комплексных «настроек». Это хорошо понимают в разных странах при подготовке дипломатических кадров: без знания языка, обычаев, культуры других стран дипломатическая работа вряд ли будет успешной.

Х. Садри и М. Фламия обращаются к опыту Института заграничной службы США (Foreign Service Institute) – одного из ведущих учебных заведений США в области обучения дипломатических работников – и показывают, что этот институт изначально, кроме языковой подготовки, включал курсы по изучению особенностей культур различных стран и регионов мира. В этом плане легко можно провести параллель с МГИМО(У), где также с момента основания института большое внимание уделялось изучению иностранного языка, истории и культуры зарубежных государств.

Авторы книги отмечают, что культура содержит не только вербальные компоненты, но и невербальные – мимику, жесты, особенности взгляда. А вот эти вопросы нередко упускаются из виду, в том числе и при обучении, и при исследовании международных отношений. Х. Садри и М. Фламия уделяют значительное внимание невербальным компонентам межкультурного общения, посвящая им отдельную главу. Они рассматривают такие характеристики невербальной коммуникации, как движения, жесты, контакт глаз, элементы одежды, физический контакт с собеседником, выражение лица, голосовые особенности, расстояние между говорящими и наконец отношение ко времени. Под отношением ко времени понимается то, как в культуре воспринимается прошлое, настоящее и будущее. Так, в культурах азиатских стран, пишут авторы, четко прослеживается ориентация на традиции, а решения принимаются во многом на основе исторических прецедентов. А культуры многих африканских и латиноамериканских государств скорее «живут настоящим». Для них высшей ценностью выступает помощь семье и друзьям. Для американской же культуры в значительной степени характерно выстраивание целей, которые необходимо достичь в будущем. Авторы поясняют при этом, что культуры могут сочетать различные представления о времени.

Х. Садри и М. Фламия, рассматривая вопросы жестикуляции, исходят из наличия четырех типов жестов, описанных, в частности, Д. Левисом², который различал:

- жесты-символы (например, поднятые вверх в виде буквы «V» указательный и безымянный пальцы, означающие победу);
- жесты-иллюстраторы (пригрозить ребенку пальцем), которые обычно сопровождаются вербальным сообщением;
- жесты-регуляторы, которые используются для регулирования потока вербальной информации (например, японцы нередко используют молчание во время беседы);
- жесты-адапторы, сопровождающие эмоции.

Проблема же, по мнению авторов, заключается в том, что далеко не все жесты одинаково понимаются в разных культурах.

Современный мир наряду с классическими вопросами межкультурной коммуникации (вербальная и невербальная коммуникация, исторические традиции и т.п.) сталкивается с новыми проблемами. Это происходит по крайней мере по двум причинам:

- 1) расширяется и интенсифицируется межкультурное взаимодействие;
 - 2) появляются новые средства коммуникаций – глобально ориентированные телеканалы (CNN, RT и другие каналы), радио, фильмы и т.п.
- И эти аспекты также обсуждаются авторами книги.

Усиления международного взаимодействия, транснационализация современного мира влекут за собой важные следствия. Во-первых, сегодня становится очевидным, что не только дипломаты активно взаимодействуют на международной арене, но и отдельные люди, а также различные структуры, такие, как НПО, бизнес и др. Во-вторых, благодаря научно-техническим инновациям расширяются технические возможности межкультурного взаимодействия.

Основываясь на идее, сформулированной Р. Кохейном и Дж. Наем еще в начале 70-х гг. прошлого столетия³, Х. Садри и М. Фламия показывают, что выход на мировую арену множества акторов ставят вопрос о межкультурном взаимодействии особенно остро. Так, начиная со второй половины XX столетия резко возросло количество международных НПО⁴, а также людей, вовлеченных в их деятельность. При этом часто неправительственные организации тесно взаимодействуют с государствами и бизнес-структурами. Авторы рецензируемой книги на примере организаций, вовлеченных в проблемы оказания медицинской помощи, показывают, что деятельность таких организаций крайне разнообразна:

- одни нацелены непосредственно на оказание медицинской помощи;
- другие заняты обеспечением больных продовольствием;
- третьи специализируются на строительстве больниц и других медицинских учреждений.

Показательно при этом, что все участники, занятые медицинской помощью в той или иной форме, должны быть знакомы с вопросами особенностей межкультурной коммуникации.

Аналогичные сюжеты возникают в связи с развитием обменов в области образования. Так, программа Фулбрайта (Fulbright Program), финансируемая Госдепартаментом США, «имеет своей целью, – цитируют Х. Садри и М. Фламия сайт Института международного образования (Institute of International Education), – усилить взаимопонимание между гражданами США и представителями других государств посредством обмена людьми, знаниями, умениями». Очевидно, что реализация данной цели невозможна без знания и понимания межкультурной коммуникации.

Бизнес в эпоху глобализации, безусловно, принес много универсального в мир. Прежде всего это использование определенного набора компьютеров, телефонов, программного обеспечения и т.п., то есть всего того, что П. Бергер и С. Хантингтон назвали давосской или бизнес-культурой⁵. Вместе с тем транснационализация бизнеса не привела к исчезновению культурных предпочтений, норм потребления и т.д. Более того, бизнес все время старается приспособиться к местным условиям. В качестве иллюстрации можно привести ставший классическим пример того, что в Индии «Макдоналдс» заменил говядину на курятину. Подобные действия получили название «локализации».

Научно-технический прогресс открывает совершенно иные возможности межкультурного взаимодействия, в том числе и дистанционного. Такого рода взаимодействие откладывает особый отпечаток на межкультурном общении. Так, может возникнуть ощущение, что не существует межкультурных различий, и это неминуемо приведет не только к снижению эффективности воздействия, но может оказать и прямо противоположный результат.

Авторы рецензируемого издания особо подчеркивают возможности и важность использования «мягкой силы» путем дистанционного межкультурного общения с помощью телевидения, радио, индустрии кино и т.п. В связи с развитием дистанционного взаимодействия в глобализирующемся мире, а также по ряду других причин особое значение приобретает визуализация информации в межкультурном общении. Этим проблемам Х. Садри и М. Фламия посвящают отдельную главу. Они задают вопрос: существует ли универсальный язык визуализации? Было немало попыток с большим или меньшим успехом создать такой язык, отмечают исследователи. В некоторых случаях визуализация информации при коммуникации может иметь критическое значение, как, например, в Индии, где существует 14 основных языков и более 1600 диалектов.

При развитии международных обменов вопрос визуализации становится все более ак-

туальным. Так, еще в 1949 г. на проходившей в Женеве конференции ООН по проблемам дорог и транспорта было указано на необходимость сделать дорожные знаки более понятными и легко читаемыми представителями разных культур. В дальнейшем данная задача была реализована. В целом, несмотря на отдельные успехи, абсолютная универсализация зрительных образов, как полагают авторы, вряд ли выполнима, поскольку многое зависит от специфики той или иной культуры.

Наконец, еще один важный аспект, который затрагивают Х. Садри и М. Фламия в рецензируемой книге, – этический. Хотя в культурах и важны различия, ряд вопросов имеет общий характер (например, такие, как запрет на использование детского труда, соблюдение прав человека, сформулированные во Всеобщей декларации прав человека). Отсюда авторы делают вывод, что уважение к другой культуре предполагает и уважение к международным нормам, закрепленным в документах ООН.

Заканчивая рецензию работы Х. Садри и М. Фламия, следует подчеркнуть, что она легко и хорошо написана, содержит много иллюстративного материала по межкультурному взаимодействию, в том числе и из педагогической практики. Но главное – она ставит вопросы, которые подлежат дальнейшему решению. К их числу относятся, во-первых, исследования. Очевидно, что проблемы межкультурного взаимодействия должны быть в центре внимания исследователей международных отношений и мировой политики. Причем не только при изучении отдельных тем, таких, как международный терроризм или ведение международных переговоров⁶, но и в широком контексте международно-политической проблематики. Интересные исследования могут быть проведены в области сравнительного анализа различных культур. Отрадно отметить, что данная проблематика находит отражение в рамках Конвента Российской ассоциации международных исследований. В частности, в рамках VII Конвента РАМИ организована секция по межкультурной коммуникации.

Во-вторых, Х. Садри и М. Фламия с очевидностью показали, что межкультурному общению необходимо учить. И делать это необходимо не только для узкой группы людей, ориентированной на дипломатическую работу в будущем, но и для широкого их круга, поскольку в современном мире почти каждый человек, так или иначе, сталкивается с межкультурным взаимодействием. К сожалению, современная система российского образования построена таким образом, что ни в российских школах, ни в вузах не преподаются дисциплины, ориентированные на международную проблематику и межкультурную коммуникацию (если это только не факультеты международных отношений или зарубежного регионоведения). Изучения иностранного языка в данном случае явно недостаточно.

В-третьих, понимание другой культуры – это первый шаг к диалогу, который требует знания не только другой, но и своей культуры. Примечательно, например, что вовлеченные в международный джихад террористы, как показывает Е.М. Примаков, нередко сами плохо знают ислам⁷. Другой важный момент заключается в том, что межкультурный диалог не является односторонним, он всегда имеет «двухстороннее движение». Удивительно, но на этот факт мало кто обращает внимание. Даже те авторы, которые подчеркивают необходимость не только силового воздействия, исходят из того, что воздействие является односторонним.

Так, Дж. Най под «мягкой силой» понимает наличие способности «побудить других желать того же, чего хочешь сам». Это, согласно указанному автору, не прямой метод реализации власти. Концепция «мягкой силы» была взята на вооружение, хотя и не сразу, а спустя некоторое время при формировании американской внешней политики в отношении мусульманских стран после трагических событий 11 сентября

2001 г. Казалось бы, «мягкая сила» направлена на диалог с умеренными представителями мусульманского мира для совместной борьбы с терроризмом. Однако главным недостатком данной концепции (было высказано много критики в отношении данной концепции, справедливой и не совсем) является как раз то, что противоположная сторона рассматривается как просто воспринимающая предлагаемую информацию. В этой логике заложена главная задача: как можно лучше преподнести необходимую информацию, сделать ее привлекательной. На самом деле все гораздо сложнее. Человек, проживающий в арабской стране, не является неким «плацдармом», за который борются разные силы (в данном случае, условно говоря, террористические организации, с одной стороны, и официальные представители США – с другой). Человек всегда активен, поэтому необходимо не столько воздействие на него, сколько взаимодействие с ним.

Lebedeva M.M. Problems of Intercultural Interaction at the Present Stage.

Примечания

1. Никольсон Г. Дипломатия. М.: ОГИЗ, 1941.
2. Lewis D. The Secret Language of Success: How to Read and Use Body-Talk. - L., 1990.
3. Keohane R. O. and Nye J. S. Introduction / Keohane R. O. and Nye J. S. (Eds.) Transnational Relations and World Politics. Cambridge: Harvard University Press, 1972.
4. Bloodgood E. The Yearbook of International Organizations and Quantitative Non-State Actor Research // The Ashgate Research Companion to Non-State Actors. - Aldershot: Ashgate, 2011.- P. 19-33.
5. Бергер П., Хантингтон С. Многоликая глобализация: пер. с англ. М.: Аспект-Пресс, 2004.
6. См. напр., Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб: Питер, 200.
7. Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: Российская газета, 2009.

О современной России с гражданской позиции ученого

Н.Н. Большова, М.А. Мунтян

Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. В 5-ти томах. Том 2. Эволюция идеологии российской политической элиты 1990–2011 гг. М.: «Изд-во МГИМО-Университет», 2012. 339 с.

Пятитомник «Национальный человеческий капитал» А.И. Подберезкина является фундаментальным трудом, исполненным в оригинальном, нечасто встречающемся в отечественной научной литературе жанре «как нам обустроить Россию». Рецензируемый второй том этого масштабного исследования, посвященный эволюции взглядов российской политической элиты в 1990–2011 гг. в области национальной и международной безопасности, как и все многотомное исследование, построен на неукоснительно соблюдаемых автором методологических принципах и подходах:

– системности в анализе структур, процессов, явлений, факторов вне зависимости от того, являются ли они основополагающими, приоритетными или же принадлежат к свидетельствам, аргументам, событиям второго или третьего плана. Это вовсе не означает, что автор не акцентирует те позиции, которые считает наиболее важными. Системный подход – сильная сторона работы А.И. Подберезкина, но он требует вдумчивого отношения читателя к тексту, ибо при беглом ознакомлении с ним повсеместное указание на совокупности повторяющихся внешних и внутренних факторов может создавать эффект терминологической повторяемости;

– рассмотрении всей событийной картины России постсоветского периода, иначе – в процессе «фазового перехода», – сквозь призму такого показателя, как национальный человеческий капитал (НЧК), развитие которого определяется в качестве «ключевого вопроса политики модернизации». А.И. Подберезкин исходит при этом из того, что в начале XXI в. НЧП выступает «самым эффективным инструментом внутренней и внешней политики» любой страны, ибо он способен:

а) с научно-технической точки зрения: дать качественно новые товары и услуги (а это и есть, строго говоря, инновации по общепринятому определению);

б) с экономической точки зрения: дать опережающие темпы развития экономики (как в Китае, например);

в) с военно-политической точки зрения: создать эффективные национальные вооруженные силы и средства, соответствующие мировым требованиям;

г) с социальной точки зрения: вовлечь в процесс модернизации главную движущую силу современного общества – творческий (креативный) класс (с.48).

Использование автором этого тонкого и одновременно точного инструмента позволяет ему

Большова Наталья Николаевна – к.полит.н., начальник Управления научной политики МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Мунтян Михаил Алексеевич – д.и.н., профессор, шеф-редактор журнала «Вестник МГИМО-Университета». E-mail: vestnik@mgimo.ru

убедительно аргументировать зачастую весьма нелицеприятные суждения и оценки;

– постулировании, что отсутствие национальной идеологии не позволило России обрести сколько-нибудь оптимальной стратегии развития в последнее трансформационное двадцатилетие ее истории. Этот же вывод он распространяет на все стороны и аспекты жизни страны в ее недалеком прошлом и в настоящем. Автор, в частности, убедительно раскрывает вредоносность навязывания России либеральных идей и ценностей и бесплодность современного нарочитого прагматизма российских властей. Настойчивость автора в выдвижении национальной идеологии во главу угла преобразования жизни российского общества и государства может показаться его приверженностью позиции, что «идеи правят миром». Спору нет, управляя поведением людей, идеи действительно определяют бытие человеческого мира.

Автор также знает и доказывает, что бессмысленна сама постановка вопроса о «деидеологизации» внешней или внутренней политики, ибо прагматизм – это тоже система определенных взглядов, понятий и ценностей, то есть идеология. И главное, он убежден в том, что ни экономика, ни политика, ни государственные структуры никакого иного языка, кроме как «идеологии», не имеют. А.И. Подберезкин убежден, что материалистические традиции мировой общественной мысли отнюдь не враждебны тезису о нарастании мощи человеческого духа и сознания, которые все более властно вмешиваются в бытие постиндустриальных обществ. А раз это так, то стране наиболее полезной может быть идеология, основанная на опыте исторического существования ее народа и нарабатанных им культурно-цивилизационных ценностей, ибо без нее не может быть выработана сколько-нибудь оптимальная стратегия продвижения России в будущее;

– предъявлении серьезных претензий к правящей элите РФ, которая, как это ни парадоксально, «перестала быть национальной», превратившись, по словам В. Суркова, в «офшорную аристократию» (с. 30). И совсем не случайно она не сумела мобилизовать страну ни на опережающую модернизацию, ни обеспечить России статус субъекта глобализации, ни создать благоприятные условия для участия РФ в глобальной «битве идентичностей». Более того, у России перед решающим сражением за свое будущее, которое еще впереди, нет «ясного представления о своей национальной идентичности» (с. 19). А ведь чтобы победить, культурное ядро ее национальной идентичности должно оказаться сильнее массовой культуры глобализации, иначе ее ждет судьба фольклорной культуры со всеми проистекающими из этого последствиями. В прошлом отторжение чужих стандартов, «чужой группы крови» всегда стимулировало в русской куль-

туре поразительно высокий адаптационный потенциал. Нужно работать ради того, чтобы и в этом последнем сражении Россия отстояла свои историко-культурные ценности и вместе с ними – свой суверенитет. И это будет глобальная победа, так как остается далеко не ясным, насколько «рабочими» будут традиционные западные ценности в условиях быстро наступающей постэкономической эпохи: она вполне может востребовать и коллективистские российские ценности, которые в таком случае пригодятся не только нашей стране, но и всему человечеству;

– критике российской политической элиты за то, что она, не сумев разобраться в основных тенденциях развития постиндустриального мира, выбрала для страны модель модернизации догоняющего типа. «Нынешняя модернизация, – пишет автор, – представляет собой убогую копию не самых последних технологических достижений Запада. Эта копия заведомо отстает от оригинала, как минимум, на 5–7 лет еще при закупке зарубежных технологий и еще на столько же при их внедрении, то есть программирует отставание в научно-техническом и технологическом соревновании» (с. 18). Еще опаснее то, что и «в 2011 г. российская элита так и не сумела ответить на предельно четкие вопросы: что такое национальные интересы и какая национальная безопасность нужна России?» (с. 18). «Представляется, – пишет автор в другом месте, – что многие наши неудачи последних десятилетий объясняются тем, что наша элита не смогла (или не захотела) адекватно оценить объективные национальные интересы, сформулировать четкие и правильные цели, распределить необходимые для этого ресурсы. Да и сама элита, мягко говоря, не была ни нравственной, ни профессиональной, ни национально ориентированной. Может быть, в этом все дело?» (с. 21);

– обосновании необходимости национальной идеологии для обеспечения так нужного рывка в развитии России. В этой связи автор посвящает отдельный параграф второго тома русскому социализму как сценарию модернизации и идеологии национальной безопасности. Идеология русского социализма в представлении автора – это «специфическая для российской истории и существующих экономических и социокультурных реальностей форма идеологии социального консерватизма. Похоже, что в начале XXI в. именно эта идеология сохраняет перспективу в развитых странах, а не только в России. ...Основа этой идеологии в своих главных проявлениях уже сложилась за годы президентства В. Путина и Д. Медведева. Ее отдельные элементы – сильное государство, традиции, социальная ориентированность. Думается, что ближайшие годы станут периодом ее формализации, а может быть, и нормативного оформления в некую идеологическую систему или доктрину, представляющую собой

систему доминирующих взглядов российской элиты» (с. 180). «В основе идеологии русского социализма, – пишет автор далее, – лежит главная идея – развитие человека, его потенциала, который выполняет в условиях глобализации ключевую роль цели и одновременно средства развития» (с.181–182). И констатирует, что «впервые за последние десятилетия в России человек, его потенциал стали в центре внимания элиты, действия властей», имея в виду практику реализации с 2005 г. приоритетных национальных программ (с. 182).

В рецензируемом томе много принципиально нового и оригинального в характеристике национальной и международной безопасности эпохи глобализации:

- в первом десятилетии XXI в. человечество осознало, что коренным образом изменился характер войны и использования военной силы в качестве внешнеполитического инструмента;

- национальному государству, чтобы вести войны, в которых резко стираются грани между гражданским и военным населением, приходится претерпевать глубокие структурные и этико-политические трансформации;

- социальное и экономическое неравенство растет и закрепляется, способствуя иерархическому переустройству общества и приходу корпоративного эгоизма на смену гражданскому мышлению и междолической солидарности;

- при этом «за кадром» действуют крупные монолиты экономической и медийной власти, чья динамика в основном ускользает из-под контроля общественного мнения и политических институтов.

Радикальные изменения происходят в системе международных отношений. От биполярности и через униполь они приходят к многополярной архитектуре, в которой баланс сил начинает склоняться в пользу новых мировых гигантов – КНР, Индии, Бразилии. В эти же годы происходит деформация и даже частичная деградация крупнейших международных институтов безопасности (ООН и Совета Безопасности ООН, ОБСЕ и т.д.), чье влияние во многих случаях начинает игнорироваться отдельными ведущими государствами мира. В этих условиях усилилось влияние агрессивных идеологических концепций, создавших мировоззренческую и экономическую основу для международного терроризма, наркоторговли и работорговли, пиратства и других нетрадиционных для XX в. угроз. В международных отношениях наблюдается нарастающий хаос, они обретают турбулентный характер.

В этой связи возникает острая необходимость в обновлении всех компонентов глобальной безопасности. А.И. Подберезкин рассматривает безопасность как главный национальный интерес, абсолютно приоритетный по отношению к другим интересам нации – экономическим, финансовым и даже социальным. Однако он же замечает: «Во-первых, спектр угроз и задач,

определяемых понятием «безопасность», стремительно расширился, включая нетрадиционные и глобальные угрозы. Во-вторых, очевидно, что глобализация привела к тому, что понятия «национальная безопасность» и «международная безопасность» становятся все более тождественными. Так, экологическая безопасность наиболее ярко иллюстрирует практическое совпадение этих понятий. То же самое можно сказать о ядерной безопасности. ...Видимо, сближение этих понятий является неизбежным процессом. ...Усиление национальной безопасности в этом случае будет укреплять международную безопасность. И наоборот, укрепление международной безопасности будет усиливать национальную безопасность» (с. 204–205).

В этой связи автор предлагает создать международно-правовой механизм, гарантирующий нераздельность представлений о международной и национальной безопасности, добившись добровольного самоограничения суверенитета и свободы поведения государств в международных отношениях. Предложенная Президентом РФ Д.А. Медведевым идея построения новой системы европейской и в перспективе международной безопасности высоко оценивается автором, ибо 14 пунктов проекта договора предполагают закрепление на евроатлантическом пространстве принципов неделимости и равной безопасности, ненападения, нанесения ущерба безопасности друг другу и т.д. А.И. Подберезкин пишет в этой связи: «Развивая принципы обеспечения безопасности и международного сотрудничества, мы создаем фундамент для будущего существования нации и государства в качестве независимых субъектов международных отношений, то есть работаем на свою будущую перспективу. Мы конструируем уже сегодня свое будущее, понимая, что оно зависит не только от нас, но и внешнего, не всегда расположенного к нам, мира» (с. 211).

Интересным и весьма перспективным с теоретической точки зрения представляется сформулированный А.И. Подберезкиным урок мирового кризиса 2008–2010 гг., заключающийся в том, что «те страны (такие, как Китай, Индия и несколько других), которые сумели использовать глобализацию в своих национальных интересах, не поступившись своими ценностями, нормами и приоритетами, их успех показал, что подобный подход – единственно перспективный для других стран, но он требует пересмотра принципов и норм международной безопасности» (с. 241). Показательно, что «под воздействием самого мощного в истории глобального финансово-экономического кризиса» Россией была выдвинута идея создания Евразийского союза как «модели мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира» (с. 241). Автор связывает с реализацией евразийского проекта В.В. Путина перспективы национальной безопасности РФ и в целом международной безопасности.

В рецензируемом томе, в 3, 4, 5 и 6 главах, весьма квалифицированно и детально проанализированы экологическая безопасность и попытки предотвращения глобальных изменений климата планеты. Сразу же нужно оговориться, что в таком объеме и подобной структуре исследование указанных проблем в отечественной научной литературе встречается впервые. В частности, в первом случае анализируются проблемы противоречий между глобальным характером экологических угроз и политикой национальных интересов, взаимосвязи проблем безопасности, экологии и модернизации, современные экологические проблемы: приоритетность и степень их важности, взаимодействие общества и природы как условие модернизации, новая политическая философия решения экологических проблем, экологическая этика и экологический гуманизм как принцип модернизации, экологический кризис как часть мирового кризиса.

Во втором случае рассмотрены: наблюдаемые изменения климата; причины изменения климата; последствия изменения климата; последствия изменения климата для России; первые шаги в решении проблемы изменения климата; Рамочная конвенция ООН об изменении климата и Киотский протокол; конференция ООН по изменению климата в Копенгагене 2009 г.; неправительственные организации и проблема изменения климата; проблема изменения климата в качестве локомотива смены технологической парадигмы и формирования новой модели роста; дипломатическая деятельность Российской Федерации в решении проблем изменения климата.

Ознакомление с двумя первыми томами многотомного издания А.И. Подберезкина позволяет утверждать, что в данном случае мы имеем дело с изданиями энциклопедического характера. Изумляет не только фундамен-

тальная источниковая база исследования и обширная историография освещаемых проблем и вопросов, но и достойное подражание цитирование автором работ десятков своих коллег по университету. Вызывает уважение и всегда новое прочтение в рецензируемой работе А.И. Подберезкина десятков «вечных вопросов» международных отношений и мировой политики, государства и акторов «вне суверенитета», войны и мира, силовой и «мягкой» политики, военных угроз и обеспечения безопасности и т.д. Их перманентно постановочный характер, обуславливаемый всегда «бурлящей» международной средой, позволяет специалистам по иному оценивать, и интерпретировать явления и события российской истории и политики последнего двадцатилетия, нежели это делает А.И. Подберезкин.

Но для того, чтобы «на равных» дискутировать с автором рецензируемого труда, его оппоненты должны обладать такой же недюжинной профессиональной эрудицией; быть способными превращать опыт исторической практики в теорию и пользоваться теорией в качестве компаса, помогающего ориентироваться в хитросплетениях внутренней и внешней политики, международных отношений и вызовов будущего, уже присутствующих в современном мире; оставаться ответственными в своей беззаветной любви к Родине, жить ее проблемами, «болеть Россией».

С этой точки зрения рецензируемая книга представляет интерес не только для экспертного сообщества, но и для более широкого круга читателей, интересующихся прошлым и будущим нашей страны и ее местом в современном мире.

Bolshova N.N., Muntian M.A. On Modern Russia from a Perspective of a Scientist with a Civil Position.

Золотая медаль Ассоциации «Ренессанс франсэз»

Профессор МГИМО(У) президент - исполнитель Ассоциации друзей Франции Ю.В. Дубинин стал кавалером Золотой медали одной из старейших ассоциаций Франции – Ассоциации «Ренессанс франсэз» за выдающийся вклад в развитие дружбы и сотрудничества между Россией и Францией. Высокую награду ему вручила 25 июня руководитель представительства Ассоциации «Ренессанс франсэз» в России Зоя Арриньон-Рылеева. С речью на вручении выступила профессор МГИМО(У) Е.О. Обичкина. Золотой медали Ассоциации «Ренессанс франсэз» удостоен также Президент РЖД, сопредседатель Ассоциации «Российско – французский диалог» В.И. Якунин.

Научная жизнь МГИМО-Университета

Новый учебный год МГИМО-Университет встретил чередой значимых научных событий. Прежде всего следует отметить традиционное выступление ректора МГИМО-Университета академика А.В. Торкунова перед трудовым коллективом в конце августа, в котором он подвел итоги, в том числе и научной деятельности Университета в предыдущем учебном году. Как и следовало ожидать, по многим показателям наука в МГИМО-Университете продемонстрировала уверенный рост. Так, по данным Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) наблюдается постоянный прирост как количества публикаций, так и активно публикующихся авторов МГИМО-Университета (см. табл. 1). Индекс Хирша (агрегированный средний показатель количества публикаций и количества цитат) МГИМО-Университета вырос до 12 единиц, что является высоким показателем для университетов, ориентированных на общественные науки. Следует отметить, что цитируемость публикаций прямо зависит от времени, прошедшего с момента их выхода в свет. Поэтому суммарное число цитирований в 2008 г. (204 ед.) в 4,6 раза больше, чем число цитирований в 2011 г. (44 ед.). В настоящее время именно показатели публикационной активности принято считать основными критериями оценки научной деятельности как отдельных ученых, так и организаций, сотрудниками которых они являются.

Таблица 1

Общие показатели научно-публикационной активности МГИМО(У), по данным РИНЦ

	2008	2009	2010	2011	Всего
Общее число публикаций	419	495	366	512	2876
Число авторов	425	446	387	498	1856
Суммарное число цитирований публикаций	204	143	57	44	1034
Индекс Хирша	7	5	3	3	12

Кроме того, в этом году расширен спектр основных образовательных программ послевузовского профессионального образования. Теперь набор в аспирантуру МГИМО-Университета осуществляется на 28 научных специальностей, в том числе на 8 новых лицензированных программ:

- 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством;
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры;
- 12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право;
- 12.00.13 – Информационное право;
- 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность;
- 13.00.08 – Теория и методика профессионального образования;
- 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки;
- 24.00.01 – Теория и история культуры.

В конце сентября в МГИМО-Университете состоялось одно из ключевых событий в мире науки о международных отношениях и мировой политики – очередной VII Конвент Российской ассоциации международных исследований. Конвент собрал весь научный цвет международников со всей России, а также ближнего и дальнего зарубежья. В период проведения мероприятий Конвента 28–29 сентября Университет посетило более одной тысячи гостей. В рамках Конвента работали 23 секции и 3 «круглых стола». Подробный отчет о результате работы секций и круглых столов Конвента будет представлен в следующем номере «Вестника».

Материалы рубрики «Научная жизнь» подготовлены к публикации М.В. Харкевичем.

О межвузовском семинаре «Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения»

Л.Г. Веденина

В МГИМО 14–15 июня 2012 г. прошел семинар преподавателей иностранных языков «Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения», который отметил десятую годовщину своего существования.

Рождение семинара, его цели и задачи

Семинар был организован в МГИМО в 2003 г. и традиционно проводит свои заседания в помещении Университета. В работе семинара принимают участие представители сорока научных и учебных учреждений нашей страны и соседних республик (Российской Федерации, Беларуси и Молдовы), среди них три института РАН, шесть московских вузов и вузы Петербурга, Нижнего Новгорода, Воронежа, Пятигорска, Калининграда, Рязани, Тулы, Твери, Курганска, Челябинска и ряда других городов.

Семинар ставит перед собой задачи: а) быть в курсе отечественных и зарубежных исследований в области науки о языке и лингводидактики; б) вносить посильный вклад в разработку проблем новой лингвокультурологической дисциплины – лингвострановедения (применительно к учебной ситуации нашего Университета – преподаванию иностранного языка как языка специальности). Такая постановка задач была вызвана возросшим

интересом к науке лингвокультурологии, которая выдвинула на первый план необходимость изучения языка в контексте культуры.

Лингвокультурология (этнолингвистика, лингвоантропология) отпочковалась от культурологи (философии) в 60-х гг. XX в. Она оформилась в самостоятельную дисциплину после выхода в свет специального номера американского журнала «Этнография речи» (1964 г.) со статьями ряда известных исследователей, среди которых были Лабов (V. Labov), Холл (E.T. Hall), Хаймс (D.N. Hymes). Эти авторы констатировали назревшую необходимость объединить усилия нескольких научных дисциплин (лингвистики, истории, антропологии, этнографии, социологии) в целях раскрытия огромного потенциала языка человека.

Функционирование языка регулируется не только лингвистическими правилами, но также и нормами социальной и культурной среды, в которой живет человек. Концепция социокультурной детерминированности явлений языка возникла не на пустом месте. Она была подготовлена работами европейских ученых прошлого – В. Гумбольдта (K.W. Humboldt) в Германии, А. Мейе (A. Meillet) и Э. Бенвениста (E. Benveniste) во Франции, А.А. Потебни в России.

Веденина Людмила Георгиевна – д.филол.н., профессор МГИМО(У) МИД России, лауреат Государственной премии, кавалер ордена «Пальмовая ветвь» Французской Республики. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Позднее отдельным вопросам соотношения языков и культур уделяли значительное место в своих исследованиях крупнейшие отечественные ученые – А.Ф. Лосев, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, Д.С. Лихачев, Р.А. Будагов. Они использовали иную терминологию, но содержательная сторона их наблюдений и выводов была исключительно плодотворной.

В практическом (лингводидактическом) плане проблема изучения языка в контексте культуры была поставлена уже при составлении первых программ советской школы в 20-х гг. XX в. (Н.К. Крупская, К.А. Ганшина, А. Любарская). В 1973 г. вышла в свет книга Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова «Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Методическое руководство», где впервые прозвучал термин «лингвострановедение». Этим термином обозначили область лингвокультурологии, отвечающую потребностям лингводидактики – изучению социальных и культурных особенностей жизни страны изучаемого языка, реалий и слов, непонятных носителям иной культуры.

Будучи основателями Института русского языка им. А.С. Пушкина, авторы столкнулись с необходимостью выработки методики объяснения иноязычным студентам слов, обозначающих незнакомые им реалии русской действительности. Термин лингвострановедение вошел в лингводидактическую повседневность (параллельно бытовали его синонимы – «мир изучаемого языка», «лингвокультурология», «межкультурная коммуникация»).

Факт наличия терминов-синонимов свидетельствует о расплывчатости обозначаемого ими понятия, то есть об отсутствии четкого представления о содержании дисциплины «лингвострановедение». Право считаться научной та или иная отрасль знания получает в том случае, когда определен объект исследования (минимальная единица данной дисциплины) и научный аппарат его описания (как измерять эту единицу). В противном случае дисциплина «лингвострановедение» может превратиться в сборник рассказов о приключениях человека, попавшего в иноязычную среду.

Пояснение непонятного в языке имеет давнюю историю. Оно имело широкое хождение, например, в средневековой Европе, когда латынь теряла свой универсальный характер и на территории, где нарождались европейские языки ряд выражений латинских текстов стал сопровождаться комментариями. Деятельность по распространению европейских языков и культур активизируется к последней четверти XIX в. в связи с колониальной политикой в странах Африки, Азии, Океании. На примере Франции можно сказать, что эта политика была направлена на офранцузивание местного населения. Ведущая роль в этом процессе отводилась преподаванию французского языка и того, что французы называют *civilisation*. И хотя эта поли-

тика потеряла почву к 60-м гг. XX в., пропаганда французского языка и культуры остается одной из существенных задач внешней политики страны.

Вопросы об объекте наблюдений и путях исследования лингвострановедческого материала обсуждались в течение нескольких десятилетий как лингвистами, так и лингводидактами. Намечая перспективы работы коллектива, руководитель семинара профессор Л.Г. Веденина ответила на эти вопросы следующим образом: «Лингвострановедение – это раздел лингвокультурологии, дисциплины, изучающей соотношение кода языка и кода культуры. Лингвострановеды ведут свои наблюдения в области тематических полей, выбор которых определяется требованиями профессиональной ориентации исследователя»¹.

В качестве иллюстрации можно привести программу курса лингвострановедения «Франция сегодня» для студентов 3–4 курсов МГИМО². Она ориентирована на обучаемых разных специальностей – международных юристов, экономистов, содержит разработку 30 тем, среди которых лектор отбирает темы нужной направленности в соответствии с бюджетом времени, которым располагает:

- для факультета «Международные отношения» релевантными будут русско-французские и французско-русские связи, политические партии Франции, государственное устройство Франции;

- для студентов факультета «Международная журналистика» – средства массовой информации Франции, традиции и обычаи французов, демографические характеристики общества (население, семья, молодежь);

- для студентов экономических специальностей – трудовое законодательство, наука, образование, транспорт, здравоохранение Франции.

Что же касается методов анализа лингвострановедческого материала, то наиболее эффективным представляется сравнительно-сопоставительный анализ: «Лингвострановедческий анализ – это контрастивное исследование. Оно построено на сопоставлении культурных реалий и языковых единиц родной культуры и культуры страны изучаемого языка»³.

Структура семинара

Семинар «Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения» проводится ежегодно. Заседания проходят в течение двух дней: 1) пленарное заседание и заседание круглого стола; 2) секционные заседания и заключительное заседание, на котором подводятся итоги работы семинара.

На пленарном заседании заслушиваются выступления виднейших ученых, работающих в области науки о языке и лингводидактики. Назовем несколько имен: академик РАН А.А. Зализняк, известный открытиями в области древнерусской культуры; члены-корре-

спонденты РАН В.А. Плунгян, Ю.Н. Караулов, Т.М. Николаева (главный редактор журнала «Вопросы языкознания»); академики РАО – В.Г. Костомаров и И.А. Зимняя, а также профессора И.А. Стернин, Ю.Е. Прохоров, А.Д. Шмелев, З.И. Кирнозе, Л.Г. Веденина, Е.И. Пассов, В.М. Фоменко.

Секционные заседания семинара включали работу трех секций. Секцией I «Языки в аспекте лингвострановедения» руководили профессор Г.И. Гладков и Е.В. Пономаренко. Участники секции обсуждали вопросы, связанные с особенностями языкового сознания носителей иноязычных культур и своеобразием языковых структур, функционирующих в разных социально-детерминированных сферах (политической жизни, рекламе, деловом общении).

Секция II «Проблемы лингводидактики» (руководители – профессор О.К. Ильина и профессор Н.И. Климович) включала в повестку своих заседаний сообщения, в которых речь шла:

- о новых методических подходах к обучению иностранному языку;
- о принципах построения учебных пособий нового поколения;
- о способах формирования межкультурной компетенции студентов;
- о приемах изучения ряда языковых трудностей.

Подсекция IIa «Проблемы перевода» обсуждала выступления, в которых обосновывалась значимость культурологических знаний переводчика (руководители – профессор С.В. Евтеев и профессор Н.Н. Миронова).

Работа секции III (руководитель – профессор Л.Г. Веденина) была организована как совместный лингвострановедческий анализ определенной темы. Каждый новый год приносил свою тематику:

- концепт «семья» в аспекте лингвострановедения (2004 г.);
- концептосфера «система ценностей» в языковых картинах мира (2005 г.);
- концепт «человек» в языковых картинах мира (2006 г.);
- мир фауны в языковых картинах мира (2007 г.);
- национальная кухня как элемент межкультурной коммуникации (2008 г.);
- особенности национального юмора (2009 г.);
- отражение национального характера в эпосе и народных сказках (2010 г.);
- национальные особенности обозначения цвета (2011 г.);
- категории вежливости в этнолингвистическом пространстве (2012 г.).

Работу секции отличала исключительная стабильность состава (25 постоянных участников) и широта лингвистического диапазона исследований:

- языки и культуры Востока – китайский, корейский, японский, вьетнамский, индонезийский, арабский;

– языки и культуры Европы – английский в британском, американском и австралийском вариантах, немецкий в германском и австрийском вариантах, испанский в кастильском и нескольких южноамериканских вариантах, французский, итальянский, шведский, а также русская культура).

На третьем семинаре (8 июня 2005 г.) преподаватели МГИМО провели мастер-классы:

- профессор Е.В. Воевода – «Принципы построения курса «Лингвострановедение Великобритании»;
- профессор Л.Г. Веденина – «Принципы построения курса «Лингвострановедение Франции»;

– доцент И.Е. Бабушкина «Уроки домашнего чтения в аспекте лингвострановедения (на материале литературы США)».

Заседания круглого стола (руководитель – профессор Л.Г. Веденина) проводились с 2006 г. ежегодно и посвящались обсуждению актуальных проблем педагогической практики:

- об использовании зарубежных учебников в преподавании иностранных языков в вузе (2006 г.);
- компетентность и компетенции преподавателя иностранного языка в высшей школе (2007 г.);
- использование мультимедийных технологий обучения в преподавании иностранных языков (2008 г.);
- ошибка: критерии оценки, методы устранения (2009 г.);
- проблемы мотивации в обучении иностранным языкам (2010 г.);
- лингвострановедение в двухуровневой системе образования (2011 г.).

Продолжительность каждого такого заседания – не менее трех часов. В обсуждении принимали участие все желающие. Выступления были краткими, деловыми и горячими. Приведем несколько выдержек из высказываний, резюмировавших дискуссии:

- по поводу сотрудничества русскоязычных и иностранных специалистов при составлении учебных материалов. Участники круглого стола отрицательно отнеслись к полярным решениям проблемы: 1) полностью принять зарубежные материалы (100%); 2) отказаться от использования каких-либо зарубежных материалов (0%). Была признана целесообразность частичного их использования: «Какими бы хорошими ни были иностранные учебники, им недостает материалов по специализации вуза либо отсутствует блок упражнений по переводу. Поэтому в процессе обучения неопределима роль преподавателя, призванного компенсировать эти недостатки»;
- об использовании инновационных приемов обучения. Ошибочным следует считать отнесение к инновациям всякого использования информационных технологий. Если преподаватель просто берет информацию в сети и использует ее на занятиях в качестве текста для перевода, этот

■ Научная жизнь

прием нельзя считать инновационным. В современном понимании инновация – это не только оборудование и не только оригинальная идея, а использование ее для изменения отношения к профессиональной деятельности, открытость ко всему нестандартному, готовность мыслить по-новому;

– о роли мультимедийных технологий обучения: 1) мультимедийные технологии – важнейший ресурс процесса обучения и развития языковой личности; 2) МТО не заменяют, а дополняют работу преподавателя, эффективно развивая навыки самостоятельной работы; 3) МТО сочетаются с традиционными средствами обучения, привносят в этот процесс личностный компонент и являются мощным средством мотивации обучения.

Что касается «форматированности» (обедненности) речевого поведения, связанного с использованием МТО, то с этим следует активно бороться, систематически и терпеливо объясняя социолингвистический смысл «модных» выражений, которые имеют хождение в интернет-обиходе. Преподаватель должен быть готов показать, к каким коммуникативным потерям ведет обедненная речь и иметь в своем арсенале примеры, демонстрирующие преимущества удачно сказанного слова.

Публикации

Материалы Межвузовского семинара по лингвострановедению (в двух частях) публикуются ежегодно. За период с 2003 по 2012 г. вышли в свет 18 книг общим объемом 170 п.л. Эти сборники включают тексты 370 выступлений, среди которых:

- доклады на пленарных заседаниях;
- сообщения по вопросам лингводидактики и перевода;

– сообщения по заданной лингвострановедческой тематике;

– статьи, отнесенные в рубрику «Языки в аспекте лингвострановедения» («Языки и культуры», «Теоретические проблемы лингвострановедения»);

– отчеты о работе круглых столов.

Заключительные замечания

Ежегодные встречи в МГИМО вузовских преподавателей иностранных языков были названы семинаром на основании этимологии этого слова, происходящего от латинского *seminarium* (рассадник, питомник, школа). К отличительным чертам этих собраний следует отнести:

– периодичность (заседания проходят ежегодно);

– проблемный характер семинара (обсуждение тем в рамках одной проблематики, которую можно определить как язык и общество);

– организацию выступлений по тематическому принципу (способствующему проведению дискуссии);

– систематическую публикацию отредактированных средствами МГИМО материалов семинара;

– стабильность состава участников (высокий процент многократных выступлений).

Межвузовский семинар «Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения» продолжает свою работу.

Vedenina L.G. About the Inter-University Seminar "Linguacultural Studies: Methods of Analysis and Educational Technology".

Примечания

1. См. подробнее: Л.Г. Веденина. Иноязычная культура и обучение иностранным языкам – «Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения». Первый межвузовский семинар по лингвострановедению. 6 февраля 2003 г., ч. I. М.: МГИМО(У) МИД России, 2003, С. 10-16.
2. Московский государственный институт международных отношений / Кафедра французского языка №1 / Веденина Л.Г. Программа лингвострановедческого курса «Франция сегодня» (на французском языке) для студентов третьего-четвертого курсов факультетов МО и МИ // Утверждена на заседании Научно-методического совета по иностранным языкам 19 апреля 2001 г. (Протокол №9). Москва, 2001.
3. См. подробнее: Л.Г. Веденина. Мир фауны в языковых картинах мира. §1. Основные принципы лингвострановедческого анализа в сб. Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. // Пятый межвузовский семинар по лингвострановедению. – Москва, 14–15 июня 2007 г., ч. II Концептосфера. Мир животных в аспекте лингвострановедения. М.: МГИМО-Университет, 2008, С. 139–144.

«Арабская весна» в повестке дня экспертного сообщества России

Ю.Н. Зинин

Начавшиеся в конце 2010 г. в арабском мире массовые протестные движения с требованиями ухода первых правящих лиц, проведения демократическим путем реформ, установления свобод и гарантий прав человека стали резонансной темой в научном сообществе и экспертных кругах России. Ближний Восток, утверждал политолог П. Федоров, вступает в полосу самостоятельной истории. Нынешняя вспышка протеста – это реакция региона на долготетнее засилье Запада, желание играть не отведенную ему роль младшего партнера, а быть на равных с развитым миром¹.

Данный обзор сформирован на основе материалов круглых столов, пресс-конференций, научных встреч, ситуационных анализов, проведенных в СМИ, научных учреждениях Москвы с начала вышеупомянутых событий. В них приняли участие видные отечественные ученые, политологи, дипломаты, публицисты, ряд членов арабской диаспоры, работающих в научной сфере и живущих в Москве. В обзоре сделан упор на темах, ставших стержневыми в дискуссиях на этих научных форумах и встречах. Это – причины массовых выступлений, роль внешнего фактора и современных информационных технологий, исламской составляющей этого явления, позиция России и возможные последствия «арабской весны» для конфигурации сил в регионе.

В то же время президент Института Ближнего Востока Е. Сатановский сомневался в правомерности самого термина «арабская весна». Он заимствован из лексики 60-х гг. XX в. в период выступлений против коммунистических режимов в Восточной Европе. Те европейские реалии, по мнению эксперта, не соответствуют сегодняшним процессам в арабском мире².

Причины массовых выступлений

Большинство ученых сошлось на том, что подоплека этих турбулентных событий, всколых-

нувших регион и часто приобретающих характер бунта и смуты, лежит прежде всего в социальной плоскости, хотя в ряде стран, в частности в Ливии и Бахрейне, на них наслонились этно-религиозные и региональные мотивы.

Такой размах протестов был реакцией большинства населения на ущемленность в правах, обездоленность, долготетнее пребывание на обочине развития, отмечал член-корреспондент РАН, директор Института востоковедения РАН В. Наумкин³. Только ряд государств Персидского залива демонстрировали иммунитет к такого рода развитию событий.

Участники VIII конференции арабистов «Модернизация в арабском мире (современность и история) в свете текущих тенденций мирового переустройства» в ИВ РАН, касаясь истоков нынешних потрясений в регионе, указывали на огромный разрыв между богатыми и бедными в обществе, на то, что нефтяные доходы в основном шли на обогащение верхушки, а острые проблемы в последние десятилетия не решались властями⁴.

По мнению большинства ученых, роль мины замедленного действия сыграла проблема демографии и галолирующий рост населения, который опережал производство новых ресурсов, особенно в обеспечении продовольствием. По статистике, более 50% населения общества в арабском регионе составляют лица в возрасте до 30 лет. В 1959 г. население Египта насчитывало 26 млн, сегодня 84 млн, напомнил ветеран дипломатии, глава Ассоциации российских дипломатов П. Аков.

События в Египте имеют глубинный характер, связанный с хроническим дефицитом земли, перенаселенностью деревни и т.д., отметил старший научный сотрудник ИВ РАН Б. Долгов. В 70-х гг. прошлого века население Сирии едва превышало 5 млн, ныне – 23 млн человек, сообщил Фасих Бадерхан (ИВ РАН). Это породило многие проблемы Сирии, переживающей сейчас глубокий кризис⁵.

Выросло поколение, получившее современное

образование, но оказавшееся во многом невоспитанным в обществе. Ее продвижение вверх по социальной лестнице блокировали бесконтрольное господство правящей иерархии, коррупция, застой, nepотизм и другие пороки. Это поколение, а среди них немало образованных людей, по выражению российских исследователей, составило горючую смесь, ставшую детонатором массовых выступлений⁶.

Мир, делали вывод эксперты и политологи, оказался перед лицом нового типа выступлений, мотором которых выступила молодежь. С самого начала у этого движения не было структур, четкого, единого руководства, программы действия, оно выступало с общим требованием сбросить с тронов правителей и их пособников из ближайшего окружения. Атмосфера и характер событий в разных частях арабского мира варьировались: где не было реформ и послаблений, волнения трансформировались в насилие, вооруженное противостояние, например в Ливии. Там, где процесс либерализации начали гораздо раньше, например в Марокко, властям удалось не допустить массовых протестов.

Другая особенность «арабской весны», отмеченная экспертами, ее спонтанный и стихийный характер, экспансивность, эмоциональный заряд ее участников, которые, как часто бывало в истории арабов, возобладали над рациональным подходом. Большинство аналитиков соглашалось, что такой взлет событий застиг врасплох и политиков, и научное сообщество в России и на Западе. В силу своей одновременности и определенной последовательности они получили название эффекта «домино».

Внешний фактор и роль информационных технологий

В научной среде феномен «арабской весны» при всем влиянии внешнего фактора воспринимался как продукт внутреннего развития. В то же время проходил тезис, что эти события были инспирированы западными, прежде всего американскими, кругами через неправительственные правозащитные организации, пиар-структуры, Интернет, Гугл, фейсбук и в этом смысле являются аналогами цветных революций. За народными революциями в арабском регионе стоит колоссальная подготовительная работа мощных, профессиональных центров политических технологий, утверждал В. Матузов – востоковед, президент Общества дружбы России с арабскими странами⁷.

Доктор военных наук К. Сивков, первый вице-президент Академии геополитических проблем, акцентировал свое внимание на том, что Запад не может выйти из кризиса без установления контроля над мировыми ресурсами и поэтому он повсюду на Ближнем Востоке вносит элементы дезинтеграции и раскола⁸. Большинство авторов все же не разделяло мнение, что произошедшее на Ближнем Востоке – результат происков Запада и США, воздействия конспирологических теорий

«управляемого хаоса» и т.п. По их мнению, не в интересах этих сил было преднамеренно подрывать позиции лидеров, в частности в Египте и в Тунисе, которые на протяжении последних десятилетий считались их верными союзниками в регионе.

Востоковед А. Степанов напомнил, что за все время правления Х. Мубарака Египет получил от США различной помощи на 60 млрд долл. Вашингтон пришел к выводу, что режим Мубарака вырождается. Поэтому дипломатия США вела себя достаточно прагматично, диверсифицировала контакты за счет оппозиции, в том числе с «Братьями-мусульманами»⁹. Ряд политологов выделял такой мотив внешних игроков, как желание взять исторический реванш за неудачи в регионе в прошлом. Это особенно проявилось в действиях Запада против Ливии, который не простил М. Каддафи его политики и шагов, затронувших постколониальные интересы бывших метрополий. Это подчеркивал, в частности, посол О. Пересыпкин. В то же время он отмечал, что глава Ливии зачастую беспричинно обострял отношения с руководством ряда арабских стран, что в конечном счете привело к его изоляции после вспышки внутреннего конфликта и внешнего вмешательства НАТО¹⁰.

В научном сообществе выделяли беспрецедентную роль новых информационных технологий, особенно социальных сетей, которые впервые были внедрены в столь широких масштабах с самого начала «арабской весны». Неслучайно, многие в России и за ее пределами называют эти движения фейсбукской революцией. Новая эра информатики способствовала моментальному растеканию фактов о происходящем, так что власти оказались неспособными скрыть то, что раньше удавалось утаивать. Эти средства обеспечивали налаживание контактов протестантов в режиме онлайн для мобилизации «арабской улицы» против существующих порядков.

Ряд участников круглого стола «О положении в Северной Африке и на Ближнем Востоке» в МГИМО ссылались на суперактивность катарского спутникового канала «Аль-Джазира». Он организовал службу, собиравшую, препариовавшую информацию, а затем распространявшую ее по всему миру. Этот канал манипулировал общественным мнением, подстегивал радикализацию взглядов и действий участников выступлений и тех, кто им симпатизировал¹¹.

Обозреватели выделяли негативную роль ряда других глобальных информационных сетей и телеканалов, которые вбрасывали тенденциозные факты и сообщения, демонизировали лидеров, готовя почву для принятия односторонних резолюций в ООН с целью вмешательства во внутренние дела суверенных государств и т.д. Пример этого, по словам президента ОАО «Редакция газеты «Известия» В. Мамонтова, – Ливия, где, ложные сведения о бомбардировках Бенгази стали поводом к реальным бомбежкам и атакам с воздуха НАТО. М. Каддафи проиграл прежде всего в информационной войне¹².

А. Кочнева, российская журналистка, постоянно работающая в Сирии и ставшая свидетелем всех событий с самого начала кризиса, утверждала, что порядка 60 различных телеканалов целенаправленно искажают события в Сирии, а количество интернетовских и печатных изданий, действующих в этом поле, не поддается учету¹³.

Исламская составляющая «арабской весны»

В фокусе внимания выступавших часто была тема ислама и роли исламистов в «арабской весне». Эксперты пришли к общему выводу, что ее события первоначально разворачивались не под исламскими лозунгами, хотя исламские мотивы в них и звучали. Но плодами выступлений, в которых преобладала молодежь, повсюду воспользовались исламисты, победившие на первых свободных выборах в парламенты Египта и Туниса. Итоги этих выборов для многих российских обозревателей оказались неожиданными. Даже представители арабской диаспоры (журналисты, политологи), проживающие в Москве, предсказывали «Братьям-мусульманам» не более 10-20% голосов и сохранение светского характера власти в Египте¹⁴.

Конечный итог этих выборов научное сообщество объясняло ростом влияния политического ислама в арабском мире за последние десятилетия. В эпоху авторитарных правлений исламисты накопили большой опыт легальной и подпольной работы с населением. Когда людям запрещалось открыто протестовать, единственным выходом для недовольства были религиозные каналы, мечети. Критикуя коррупцию, произвол в эшелонах власти, исламисты набирали очки, особенно в глазах обездоленного населения. Они также наладили систему оказания всесторонней помощи малообеспеченным слоям населения через мечети и другие религиозные учреждения. У «Братьев-мусульман» и аффилированных с ними организаций была создана широкая сеть связей с массами через благотворительные фонды, университеты, профсоюзы и другие учреждения. Их организации обладают значительными ресурсами, в Египте ныне они контролируют не менее 30% экономики¹⁵.

Отмечалось, что после начала волнений исламисты действовали весьма осторожно, демонстрируя умение сплотиться в едином блоке, мимикрировать, и поэтому переиграли своих соперников и в Тунисе, и Египте, в целом действовавших разрозненно. Некоторые исследователи в научной среде видели в протестном движении «тайную руку» подпольных исламских фундаменталистов и напоминали, что «Братьями-мусульманами» в свое время манипулировал Запад, в частности Великобритания. По мнению члена арабской диаспоры в Москве, суданца Ельсира Аббаса, за событиями в ряде стран во многом стоят «Братья-мусульмане». Цель Запада в нынешних условиях – легитимизировать их, нанеся урон исламу и в своих корыстных интересах расправиться с одними мусульманами руками других мусульман¹⁶.

В то же время превалировало мнение, что исламистов нельзя считать некой сложившейся, вечно монолитной и однородной силой. Это, в частности, иллюстрировали выступления ряда российских участников на Международной встрече «Роль общественных движений в переменах на Ближнем Востоке и в Северной Африке» в июне 2012 г. в Москве. По утверждению ведущего научного сотрудника ИВ РАН, посла А. Подцероба, «Братья-мусульмане» хотят приспособить ислам к меняющейся жизни и реалиям. За умеренными исламистами из АБМ стоит исламский капитал и крупные исламские компании. Для исламской буржуазии религия – своего рода оружие в конкурентной борьбе, она в некотором смысле может поставить преграду на пути исламских радикалов.

Политический ислам, заявила ведущий научный сотрудник ИАМП Дипакадемии МИД РФ Г. Прозорова, неоднороден, там есть много подспудных течений. С ними работают самые различные внешние силы. Она призвала Россию активно работать с исламистами. У исламистов свое понимание гражданского общества, отметил первый заместитель председателя ассоциации российских дипломатов, посол А. Аксененко. Некоторые исламистские партии получили международную легитимность. Вопрос в этой сфере стоит следующим образом: какая из моделей возобладает – турецко-эрдогоновская или саудовско-ваххабитская.

Один из важнейших вопросов, заявил известный российский исламовед Л. Сюкияйнен, насколько совместимы исламская концепция и демократия. Эти два феномена могут совмещаться частично, но не полностью¹⁷. Политолог П. Федоров высказал несогласие с теми, кто рассматривает исламистов только как угрозу для стабильности и мира на Ближнем Востоке. В случае их победы на демократических, свободных выборах, отмечал он, выступая на заседании Союза журналистов России, у исламистов есть такое же право встать у руля правления своих стран, как это десятки лет делают христианские демократы в ряде стран Европы, защищать свой путь развития и свое видение будущего¹⁸.

В Арабском регионе возможна демократия лишь по типу иранской, такой вывод сделал президент Института Ближнего Востока Е. Сатановский. Она может установиться благодаря победе на выборах исламистов и через преобладание исламского большинства над меньшинством в выборных органах власти¹⁹.

Хотя массовые выступления в арабских странах сломали стену страха, за которой население жило многие десятилетия, социально-экономические реалии в них не изменились. По словам член-корреспондента РАН, директора Института востоковедения В. Наумкина, этим странам еще предстоит вступить в полосу серьезных общественно-политических трансформаций²⁰.

Вопрос о дальнейшем ходе «арабской весны», ее возможных приливах и отливах в регионе вызвал острые дискуссии. Академик Е. Примаков указывал на то, что в исламском сообществе усиливается

дифференциация, верх могут взять экстремистские элементы. Ставка все-таки будет делаться на армию, реальную силу, на которую опирались предыдущие режимы. Она сильна, чтобы остаться опорой новой политической элиты, которая может проявить авторитарные акценты, хотя и в несколько сглаженном виде²¹.

Нынешняя обстановка, с точки зрения многих экспертов, чревата нестабильностью и смутой, может выродиться в серию затяжных конфликтов. Чрезвычайный и Полномочный посол РФ в Израиле П. Стегний размышлял над тем, как в дальнейшем будут контролироваться выплеснувшиеся недовольство и эмоции неструктурированной толпы. Говоря о цене и ресурсах политических событий, он напомнил, что полтора триллиона долларов были потрачены США в Ираке и Афганистане. Он задался вопросом, кто будет оплачивать ход развития в будущем²².

По оценке востоковеда В. Исаева, для обеспечения выхода из кризисов и чтобы сбить волну социального недовольства в ходе «арабской весны», в ближайшие 7–8 лет нужно обеспечить работой 90 миллионов человек, нуждающихся в ней. Но это весьма проблематично. Он заявил на круглом столе в МГИМО, что арабские нефтепроизводящие монархии вряд ли станут финансировать реформы в интересах новых сил, если те придут к власти²³.

«Арабская весна» и позиции соседних государств

Импульсы от «арабской весны», так или иначе, расходятся в ближайшем геополитическом пространстве, затрагивают интересы соседних окружающих стран. Иран и Турция все больше политически, но не только, вовлекаются во внутренние дела стран, переживающих острые кризисы. По утверждению ряда политологов, в нынешних событиях Иран извлек для себя пользу.

Главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН Г. Мирский полагал, что Тегеран сумел сохранить свои позиции в суннитском большинстве Арабского региона и роль в арабо-палестинском сопротивлении Израилю. Происходит все более активное вовлечение в эти события Анкары. С этим связана ее поддержка Палестины и ХАМАСА, которая нацелена на то, чтобы способствовать росту влияния Турции в странах исламского мира. Аналитики отмечали, что сегодня ряд арабских политических сил и организаций, в том числе исламистские партии, победившие на выборах в Тунисе, Египте, Ливии, часто апеллирует к опыту развития по турецкой модели.

В то же время ряд исследователей были настроены более скептически в отношении выигрыша Ирана и Турции от этих событий. Только на первый, поверхностный взгляд может показаться, что Иран выиграл от выдвижения на первые роли тех, кто, по его утверждению, исповедуют идеи исламской революции, отметил профессор МГИМО С. Дружиловский. Ирану, по его мнению, придется восстановить свое влияние в палестинской среде

в конкурентной борьбе со странами Персидского залива. Могут обостриться его проблемы с национальными меньшинствами: арабами, курдами, белуджами в свете влияния на них лозунгов «арабской весны». Ученый отметил, что у Турции во многом поколеблена система экономических связей, налаженных с рядом арабских стран. Она экономически много потеряла из-за событий в Ливии, сейчас несет большие финансовые расходы по содержанию беженцев из Сирии и т.д.

Ухудшение отношений с режимом президента Б. Асада в Сирии чревато для Турции тем, что может обернуться активизацией повстанческих действий Курдской рабочей партии с территории Сирии и с подачи Дамаска. На фоне событий «арабской весны» Анкара испытывает давление со стороны Израиля, с которым она заинтересована сотрудничать, особенно в военной области²⁴. Президент Института Ближнего Востока Е. Сатановский утверждал, что регион стоит перед перспективой войн, в частности, между арабскими монархиями и шиитским Ираном. Это чревато потрясениями, возможным потоком беженцев из Ближневосточного региона, в том числе в сторону России²⁵.

Такой аспект, как влияние «арабской весны» на арабо-израильский конфликт, не был обойден вниманием российских политологов. В целом отмечалось, что, в отличие от прежних революций и переворотов в регионе, когда тема Израиля и противостояния его с арабами часто была стержнем политической риторики, в ходе последних событий она была приглушена. Т. Носенко (ИВ РАН) не увидела палестинского подтекста в событиях «арабской весны». По ее мнению, палестинцы могут оказаться более уязвимыми перед давлением внутри региона и внешнеполитическим прессингом и должны будут пойти на еще большие уступки или компромиссные решения²⁷.

Профессор А. Вавилов указал в ходе круглого стола «Арабская весна: итоги и перспективы» в МГИМО на то, что, хотя на фоне турбулентных событий вопрос о развязке тугого ближневосточного узла отошел в тень, он обязательно опять выйдет на первый план. По мнению И. Масюковой (ИВ РАН), антиизраильский накал в арабском мире будет расти, при этом одновременно усилятся военное сотрудничество США с Тель-Авивом. Ее поддержала Т. Карасова (заведующая отделом изучения Израиля и еврейских общин ИВ РАН). Переговоры об углублении этого сотрудничества, заявила она, идут, и ставится вопрос поднятия статуса союзнических отношений между двумя странами до уровня Австралии. Израиль, по ее словам, опасается террористических угроз по всему периметру своих границ. Это мнение разделял и востоковед В. Исаев. Если исламисты потерпят неудачу в случае прихода к власти, то для своего оправдания у них может возникнуть соблазн вытащить из колоды антиизраильский козырь, указал он²⁷.

В то же время ряд наблюдателей привлек внимание к тому, что под шумок потрясений на

Ближнем Востоке Израиль продолжает деятельность по строительству еврейских поселений на оккупированных территориях и фактически начал сооружение новых поселений на Голанских высотах, ведя дело к тому, чтобы оставить за собой не менее 70% их территорий²⁸.

Россия и «арабская весна»

Касаясь отношения Москвы к событиям в арабском мире, большинство отечественных ученых, политологов и дипломатов отмечали ее конструктивность и взвешенность. Они указывали на востребованность роли России с учетом близости этого региона к ее южным границам и того, что у нее накоплен большой потенциал присутствия здесь в качестве медиатора. Академик Е. Примаков заявил, что Россия поддерживает демократические процессы в странах, охваченных «весной». Если народ демократическим путем изберет новых лидеров, то Москва признает их²⁹. Ведущий научный сотрудник ИВ РАН, посол А.Подцероб поставил в заслугу России ее приверженность принципам главенства международного права, а не просто поддержку каких-либо режимов, в частности в Сирии.

Е. Супонина (Институт стратегических исследований) позитивно оценивала действия России в рамках ее поддержки миссии Коффи Аннана для мирного урегулирования кризиса в Сирии. Ряд аналитиков с удовлетворением отмечали, что активными дипломатическими усилиями Россией вместе с Китаем в ООН был поставлен барьер на пути вооруженного вмешательства в Сирии извне. В выступлениях участников научных форумов проходил тезис, что международное сообщество должно максимально ответственно подходить к имеющимся у него рычагам и инструментам, в частности в ООН. Высказывалось мнение, что резолюции СБ ООН зачастую принимаются под давлением средств массовой информации, а механизм мониторинга используется неудовлетворительно.

Подчеркивалось, что подход Москвы, в отличие от западного видения происходящего, основывается на том, что какими бы острыми ни были пертурбации или кризисы арабов, решать их можно и нужно мирными способами, путем национального диалога, «без бряцания оружием». Участники круглого стола «Императорское православное палестинское общество отмечает 130-летие» призвали избежать вмешательства внешних сил во внутренние дела арабских стран, которые переживают судьбоносные события³⁰.

Многие аналитики, политологи, дипломаты критиковали действия НАТО в ходе выполнения резолюции СБ ООН №1973 от 17 марта о введении бесполетной зоны над Ливией с целью защиты гражданского населения. Международная коалиция вышла за рамки этой резолюции и своими бомбардировками изменила ход внутреннего противостояния в пользу мятежников, отмечал ряд видных российских юристов-международников на круглом столе «Ливия, Международный уголовный суд и проблемы международного права»³¹.

В экспертной среде звучала и неудовлетворенность в связи с позицией РФ по вышеупомянутой резолюции СБ ООН. Председатель Российского Комитета солидарности с народами Сирии и Ливии С. Бабурин заявил, что и Россия в данном случае допустила ситуацию, которую он назвал расправой над Ливией³².

Ряд политологов высказал недовольство позицией России с другого полюса. По утверждению А. Шумилина (Институт США и Канады РАН), ныне наблюдается тупик ближневосточной политики Москвы, которая противопоставляет себя всему арабскому и западному миру. С ним солидаризировался Ф. Лукьянов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», который в свете нынешних потрясений предсказал утрату позиций и влияния Москвы на Ближнем Востоке. По его мнению, присутствие России на Ближнем Востоке зиждилось на «советском наследии», которое либо ушло, либо постепенно уходит в небытие³³.

Сирийский кризис

События в Сирии стали той темой, которая в определенной степени развела ученых, политологов и экспертов России. Заметную активность в научном и информационном сообществе проявили члены сирийской диаспоры, живущие в РФ, особенно представители ее интеллектуальной части.

Рассматривая истоки кризиса в САР, многие выступавшие делали вывод, что нынешние власти упустили время и возможность развернуть страну к реформам и тем самым перехватить инициативу у оппозиции. В Сирии, трактовала события доктор исторических наук А. Степанова, после прихода к власти нынешнего президента Б. Асада, унаследовавшего культ отца, намечались реформы. Но их затормозила верхушка партии Баас, спецслужбы, госбюрократия, боявшиеся потерять свои привилегии. Ситуация в стране осложнена пестрым этноконфессиональным составом: религиозное меньшинство – алавиты было служилой прослойкой, составило часть сил безопасности, хотя армия в основном была образована суннитским большинством³⁴.

Полемизируя с этой точкой зрения, Али С. Асад, член руководства Движения за национальное единство Сирии, утверждал, что над верхушкой Сирии довлел и продолжает довлеть так называемый «синдром Горбачева». Речь идет о провальной попытке реформировать СССР сверху, которая закончилась утерей рычагов управления страной и развалом СССР³⁵. Его соотечественник Хамза Махмуд, член Сирийского национального совета и Комитета поддержки сирийской революции, резюмировал, что режим президента Б. Асада оказался в тупике, так как силовые методы по удержанию власти не дали результатов³⁶.

Категорическое требование оппозиции и подерживающих ее сил на Западе и ряда арабских стран об уходе президента Б. Асада как предварительном условии начала какого-либо внутреннего диалога вызвало несогласие в российском научном сообществе. С точки зрения публициста Максима

Шевченко, члена Общественной палаты РФ, лишь сирийский президент способен проконтролировать переходный период, во время которого необходимо проводить уже объявленные реформы³⁷.

У оппозиции нет сколько-нибудь четкой программы выхода из кризиса. Пока что она нацелена лишь на борьбу за власть, заметил начальник Управления международных связей аппарата Совета Федерации Федерального собрания РФ А. Бакланов, побывавший в ходе нынешних событий в Сирии³⁸. Лозунг оппозиции о немедленном уходе главы государства сегодня, по мнению многих, не находит массовой поддержки в САР. Ряд участников дискуссий ссылаясь на то, что нынешний режим в силу ряда причин – сильной армии, значительной социальной поддержки, раскола в рядах оппозиции – твердо удерживает власть³⁹.

По их мнению, многие сирийцы опасаются, что утрата властями контроля над ситуацией приведет к хаосу и последующей кровавой междоусобице с многочисленными жертвами, особенно пострададут национальные и религиозные меньшинства в Сирии. После начала «арабской весны», свержения авторитарных правителей, победы фундаменталистов на первых выборах в некоторых странах в Сирии активизировались исламисты, в частности «Братья-мусульмане». Они жаждали взять реванш за годы, когда подвергались репрессиям со стороны официальных властей, теперь претендуют на монополию в вопросах веры, сеют раскол по доктринальным различиям внутри уммы.

О. Фомин, сопредседатель Российского комитета солидарности с народами Ливии и Сирии, с тревогой комментировал положение сирийских христиан. По его словам, ранее они были свидетелями уничтожения и выдавливания христиан из Ирака, а сейчас подвергаются угрозам расправы со стороны боевиков. Эти элементы открыто призывают «алавитов – в могилу, христиан – в Бейрут»⁴⁰.

Ряд авторов фокусировал внимание на опасной милитаризации протестов, начавшихся в Сирии в марте 2011 г., и подстегиваемой руководством ряда стран Запада и арабского мира. Генерал-полковник Леонид Ивашов, президент Академии геополитических проблем, указывал на то, что сирийская оппозиция – далеко не мирная, что это – хорошо вооруженные и обученные отряды⁴¹. А. Кочнева назвала происходящее в САР «дагестанизацией» страны. Под этим термином она имела в виду нападения на военных и мирных жителей, похищения людей с целью выкупа, совершение диверсий против структур управления и власти и т.д.⁴².

Эксперты затрагивали вопрос о вмешательстве извне во внутренние дела САР. Сирия, по мнению старшего научного сотрудника ИВ РАН Б. Долгова, глобальный игрок в регионе, поэтому есть определенные силы в Израиле, в Ливане, Турции, на Западе, которые заинтересованы в том, чтобы сменить ее руководство и курс⁴³.

Ряд российских аналитиков и ученых пришли к выводу, что в нынешних условиях угроза внешней интервенции в Сирии благодаря позиции Москвы и Пекина отодвинута, но полностью не исключена.

При этом они обращали внимание на то, что все большее число их западных коллег скептически относится к иностранной интервенции против Дамаска. К примеру, Николос Нау – американский исследователь, находящийся в Бейруте, Стефан Зюнс – профессор университета Сан-Франциско, автор книг по ближневосточной тематике, британский востоковед Патрик Сил и другие авторы, резко критикующие систему власти Б. Асада, в своих последних выступлениях и статьях признают, что идея внешнего вмешательства в события в САР несостоятельна. Его крайне негативные последствия только усложнят обстановку в региональном масштабе⁴⁴.

Одни исследователи считали возможным эволюцию режима Дамаска в направлении реформ и достижения демократии через диалог сирийских властей с оппозицией, выход на компромиссы, чтобы спасти страну, ибо международное давление будет расти по мере обострения внутреннего кризиса. Они призывали к тому, чтобы в процесс национального диалога был вовлечен максимально широкий спектр сил, в том числе представители нацменьшинств, социальных групп и слоев сирийского общества, включая тех, кто пока пассивен или составляет молчаливое большинство.

Другая часть ученых утверждала, что режим Б. Асада, несмотря на провозглашенный им курс по коренному переустройству общества, исчерпал себя, не способен к реформированию и поэтому лишен перспективы выживания. Члены сирийской диаспоры в РФ, поддерживающие оппозицию, возлагали на режим Б. Асада ответственность за пробуксовку плана урегулирования, предложенного специальным посланником ООН и ЛАГ К. Аннаном. Они полагали, что диалог на основе принципов, продиктованных правительством, невозможен. По мнению члена Политического комитета Демократического форума Сирии Мунзера Халлюма, власти не могут навязать свое решение оппозиции, а та в свою очередь не способна победить режим⁴⁵.

В данном обзоре представлен широкий спектр мнений и оценок ученых и исследователей России в отношении такого феномена как арабские революции или «арабская весна», развернувшиеся в ряде стран ближневосточного региона с конца 2010 г. Очевидно, что для всесторонней и фундаментальной оценки и осмысления этого явления еще понадобится время. Тем не менее мнения, анализ и прогнозы специалистов, экспертов, дипломатов-ветеранов, высказанные в ходе научных форумов, круглых столов и прочих мероприятий, помогают ощутить пульс этих событий, составить о них адекватное представление.

Российскому научному сообществу еще предстоит осмыслить и проанализировать всю широкую гамму факторов, влияющих на современный ход развития и будущую конфигурацию сил в Арабском регионе, чтобы сформулировать адекватные интересам России модели ее поведения в данном, геополитически важном, регионе.

Zinin Y. Arab Spring is on Agenda of Russian Scholars.

Примечания

1. <http://interaffairs.ru/read.php?item=8220>
2. Там же
3. <http://pressria.ru/video/20110412/363951510.html>
4. <http://www.ivran.ru/component/content/article/401>
5. <http://pressria.ru/video/20110321/356525276>.
6. Там же
7. <http://www.rus.ruvr.ru/2011/02/25/46165721.htm>
8. http://veche-info.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=533:-r-r-&catid=1:latest-news&Itemid=1
9. <http://video.yandex.ru/users/doskado11/view/43/?cauthor=doskado&cid=33>
10. http://ria.ru/press_video/20110310/344518893.html
11. <http://www.mgimo.ru/news/university/document182767.phtml>
12. <http://www.lihachev.ru/chten/7782>
13. <http://www.echo.msk.ru/programs/magazine/853044-echo/>
14. <http://pressria.ru/video/20110321/356525276.html>
15. Там же.
16. <http://www.panarmenian.net/rus/news/111158/>
17. Там же.
18. <http://interaffairs.ru/read.php?item=8220>
19. Там же
20. <http://pressria.ru/video/20110412/363951510.html>
21. Презентация книги «Партнерство цивилизаций: нет разумной альтернативы». ИВ РАН 28.11.2011.
22. <http://interaffairs.ru/read.php?item=8220>
23. <http://www.mgimo.ru/news/university/document224140.phtml>
24. Там же.
25. <http://interaffairs.ru/read.php?item=8220>
26. <http://www.mgimo.ru/news/university/document182767.phtml>
27. <http://www.mgimo.ru/news/university/document224140.phtml>
28. <http://www.mgimo.ru/news/faculty/document223276.phtml>
29. Презентация книги «Партнерство цивилизаций: нет разумной альтернативы». 28.11.2011.
30. <http://www.pressria.ru/media/20120518/600316091.html>
31. <http://trueinform.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1082>
32. http://www.ria.ru/press_video/20110831/428072164.html
33. <http://echo.msk.ru/programs/exit/856174-echo/comments.html>
34. <http://www.mgimo.ru/news/university/document182767.phtml>
35. <http://www.panarmenian.net/rus/news/111158/>
36. http://ria.ru/press_video/20111021/469440027.html
37. <http://video.mail.ru/bk/bristol77707/5972/89089.html>
38. <http://www.pressria.ru/media/20120518/600316091.html>
39. <http://trueinform.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1082> .
40. http://ruskline.ru/news_rl/2012/03/28/arabskaya_vesna_god_spustya_itogi_i_perspektivy/
41. <http://echo.msk.ru/programs/exit/856174-echo/comments.html> .
42. http://ruskline.ru/news_rl/2012/03/28/arabskaya_vesna_god_spustya_itogi_i_perspektivy/
43. <http://pressria.ru/video/20110412/363951510.html>
44. <http://www.mgimo.ru/news/university/document224140.phtml> .
45. <http://pressria.ru/media/20120606/600381367.html>

Научные мероприятия в МГИМО (июнь-сентябрь 2012 г.)

Учредительное собрание российско-японской комиссии историков в МГИМО

Д.В. Стрельцов

В МГИМО 14 июня состоялось учредительное собрание комиссии по сложным вопросам истории российско-японских отношений. Председательствовал на собрании ректор Университета академик А.В. Торкунов, который и возглавил российскую часть комиссии.

Проект продлится около трех лет и будет действовать на неправительственной основе. За это время в Японии и России будет проведено несколько двусторонних встреч и подготовлена коллективная монография российских и японских ученых.

С российской стороны в проекте примут участие японоведы и специалисты по истории международных отношений МГИМО, РГГУ, Института востоковедения РАН, Института Дальнего Востока РАН, Института США и Канады РАН, Института мировой экономики и международных отношений РАН, Дальневосточного государственного гуманитарного университета, а также российские эксперты, которые преподают в японских университетах.

Комиссия по сложным вопросам истории российско-японских отношений создана в целях проведения комплексного исследования истории двусторонних отношений в XX – начале XXI в. Взгляд на историю одновременно как с российской, так и с японской стороны позволит выявить различия и точки соприкосновения в интерпретации одних и тех же событий.

Такой подход к проведению исследования уже использовался в ходе работы российско-польской комиссии историков и показал свою плодотворность и эффективность.

Streltsov D. V. Statutory Meeting of Russian-Japanese History Committee.

Стрельцов Дмитрий Викторович – д.и.н., профессор, зав. кафедрой востоковедения МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Экспертная встреча «Транспортное измерение сотрудничества России и Европейского союза»

М.Л. Энтин, И.А. Истомин

В МГИМО 16 мая состоялась экспертная встреча «Транспортное измерение сотрудничества России и Европейского союза», организованная Европейским учебным институтом в сотрудничестве с круглым столом промышленников и предпринимателей России и ЕС. Данная встреча была проведена в контексте осуществления рабочего плана реализации инициативы «Партнерство для модернизации» России и ЕС. В соответствии с ним на ЕУИ возложена задача по организации обмена мнениями представителей экспертных и деловых кругов в форме тематических встреч и семинаров, результаты которых могут быть использованы для подготовки предложений о формах и направлениях углубления практического сотрудничества.

В мероприятии приняли участие представители ключевых российских ведомств, ответственных за сотрудничество с ЕС, в том числе в сфере транспорта, включая Министерство иностранных дел, Министерство экономического развития и Министерство транспорта, высокопоставленные дипломаты Представительства ЕС в России, представители бизнеса, ведущие отечественные и зарубежные специалисты. Мероприятие было организовано в формате мозгового штурма, в ходе которого все участники выступали в личном качестве.

Эксперты пришли к заключению, что ситуация в транспортной сфере отражает общую амбивалентность отношений России и ЕС. На уровне политических заявлений стороны ставят амбициозные задачи. На практическом уровне большинство конкретных, технических проблем достаточно эффективно решается. В то же время процесс формирования заявленного общего транспортного пространства запаздывает, все остается, скорее, на уровне деклараций, а не реальных дел.

Транспортные комплексы России и ЕС по-прежнему функционируют как самостоятельные

системы. Существенного прогресса в этом отношении в ближайшие годы ожидать сложно. Вместе с тем участники встречи высказали ряд предложений организационного и технологического характера, которые позволят облегчить трансграничную перевозку пассажиров и грузов между Россией и ЕС, оптимизировать транзит, перейти к осуществлению больших инфраструктурных проектов.

В частности, в качестве одного из шагов по совершенствованию правовой базы сотрудничества в связи с вступлением России в ВТО и преодолению существующих у России и ЕС трудностей и различий в интерпретации положений международных конвенций было предложено рассмотреть возможность организации работы по подготовке:

- совместного труда «Транспортное право России и ЕС»;
- проекта Конвенции России и ЕС по мультимодальным перевозкам.

Участники дискуссии высказались за более активный поиск решения вопроса о взаимном открытии рынка перевозок для российских компаний в ЕС и европейских структур в Россию при соблюдении определенных условий. В качестве пилотного проекта можно было бы рассмотреть применение такого принципа взаимности по морским перевозкам. Эксперты высоко оценили прошедшее обсуждение. Состоявшаяся дискуссия продемонстрировала наличие больших возможностей для расширения сотрудничества между Россией и ЕС. В этой связи Европейский учебный институт продолжит серию мероприятий, посвященных «Партнерству для модернизации», и уже осенью проведет новые экспертные встречи. Практика их организации доказала востребованность и полезность такого формата обсуждений.

Entin M.L., Istomin I.A. EU-Russia Transport Cooperation.

Энтин Марк Львович – д.ю.н., профессор, директор ЕУИ при МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru
Истомин Игорь Александрович – преподаватель кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Концепция внешней политики России: достоинства и недостатки

Аналитический центр ИМИ МГИМО(У) МИД России

В МГИМО 27 июня состоялся ситуационный анализ «Концепция внешней политики России: достоинства и недостатки». Эксперты обсудили особенности действующей концепции, а также по предложению и под руководством ректора А.В. Торкунова сформировали рабочую группу, в которую вошли ведущие специалисты Университета по внешней политике. Мероприятие было организовано Институтом международных исследований МГИМО. Данный «мозговой штурм» открывает серию мероприятий, общей целью которых является выработка экспертами МГИМО предложений к внешнеполитической концепции России.

Проректор по научной работе А.И. Подберезкин отметил: несмотря на то что действующая Концепция является весьма системной, многие ее положения уже не соответствуют современным реалиям международных отношений – за минувшее десятилетие изменился перечень угроз безопасности страны, возникли новые факторы международно-экономического и политического характера. Так, Концепция не отражает современной приоритетности таких угроз, как возвращение военной силы в качестве практического инструмента внешней политики, провал идеи евразийской интеграции и растущее отставание России в развитии национального человеческого потенциала. Все это делает действующую Концепцию достаточно инертной и неэффективной.

А.И. Подберезкин указал на то, что военно-политические проблемы должны решаться в тесной увязке с проблемами экономико-тех-

нологическими, а все планы и доктрины, разрабатываемые на уровне разных министерств, ведомств и отраслей, должны быть согласованы. Ключевой момент, который он отметил в своем выступлении, состоит в необходимости системного подхода к решению внешнеполитических проблем. МГИМО как ведущий научно-экспертный центр России должен внести свой вклад в решение соответствующей задачи.

Директор ИМИ А.А. Орлов поддержал необходимость системного подхода к разработке внешнеполитических документов. Он поделился с участниками совещания своим опытом участия в разработке нынешней внешнеполитической концепции России. В частности, он отметил необходимость более четко выписать структуру принятия внешнеполитических решений и взаимодействия органов власти (например, на базе Департамента внешнеполитического планирования МИД России).

Выступившие затем заведующая кафедрой политической теории Т.А. Алексеева, заведующая кафедрой мировых политических процессов М.М. Лебедева и директор Центра постсоветских исследований ИМИ С.И. Чернявский предложили сделать экспертную работу по совершенствованию внешнеполитической концепции России в МГИМО постоянной и сформулировали дальнейший план этой работы.

*Analytical Center of MGIMO-University
Institute of International Studies. Russian Foreign
Policy Concept Pros and Cons.*

На пути к Евроатлантическому и Евразийскому сообществу безопасности

А.В. Загорский

В МГИМО 3 июля состоялся научный семинар «На пути к Евроатлантическому и Евразийскому сообществу безопасности». Он завершил серию международных конференций в рамках четырехстороннего проекта по вопросам формирования Евроатлантического и Евразийского сообщества безопасности от Ванкувера до Владивостока. В московском семинаре приняли участие специалисты из Венгрии, Казахстана, Финляндии, Швейцарии, Швеции и других стран.

В целях развития диалога о путях формирования такого сообщества, в 2011 г. министры иностранных дел России, Германии, Польши и Франции обратились к четырем институтам – МГИМО, Гамбургскому институту исследования проблем мира и политики безопасности, Польскому институту международных отношений и Французскому фонду стратегических исследований с просьбой провести семинары по данной

тематике. Проект рассматривается как вклад четырех институтов в формирование сети академических институтов для обсуждения повестки дня ОБСЕ. Открывая встречу, ректор МГИМО академик А.В. Торкунов заметил: «На всех наших семинарах мы старались уделить особое внимание таким важным тематическим блокам, как будущее развивающегося на наших глазах контроля над вооружениями в Европе, урегулирование сохраняющихся в регионе ОБСЕ конфликтных ситуаций, наши общие ответы на транснациональные вызовы и угрозы для безопасности».

По итогам проведенных семинаров рабочая группа подготовит доклад, который будет представлен министрам иностранных дел четырех государств и ОБСЕ. Взаимодействие экспертов МГИМО с коллегами из других стран будет расширяться и продолжаться.

Zagorsky A. V. On the Road to Euro-Atlantic and Eurasian Security Community.

Право ВТО: актуальные вопросы

Е.В. Кубышкина

В конце мая в МГИМО-Университете прошел форум, посвященный обсуждению экономических и юридических вопросов взаимодействия.

Россия с Всемирной торговой организацией. Вступление России в ВТО актуализирует необходимость четкого понимания правил игры в данной организации. Право ВТО является развитой и многоплановой системой, которая постоянно видоизменяется, и России предстоит учиться использовать процедуры Всемирной торговой организации при взаимодействии с другими ее участниками.

Открыл конференцию главный редактор издательской группы «Юрист», заведующий кафедрой гражданского общества В.В. Гриб, также с приветственным словом к участникам мероприятия обратился

проректор по кадровой политике В.П. Воробьев. В ходе открытия конференции «Право ВТО: актуальные вопросы» с докладами выступили эксперт Департамента торговли и транзита секретариата Энергетической хартии Ю.С. Селиванова и доцент МГИМО А.И. Муранов. Юлия Сергеевна рассказала об особенностях регулирования транзита энергоресурсов правилами Всемирной торговой организации и договором к Энергетической хартии, а также проанализировала возможности, которые открываются перед нашей страной с присоединением к Организации. Александр Игоревич в свою очередь поделился с коллегами мнением о тех юридических рисках, с которыми предстоит столкнуться России.

Kubishkina E. V. Law of WTO: Current Issues.

Загорский Андрей Владимирович – к.и.н., профессор кафедры международных отношений и внешней политики России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Кубышкина Екатерина Викторовна – аспирантка кафедры философии МГИМО(У) МИД России.

ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРАМ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА»

Уважаемые авторы!

Редакционная коллегия и редакция журнала «Вестник МГИМО-Университета» рассматривает материалы, присланные по электронной почте или предоставленные в редакцию журнала на бумажном носителе с дублированием его электронным аналогом. Статьи аспирантов, соискателей и студентов принимаются только при наличии рецензии научного руководителя или рекомендации руководителей научного учреждения или ВУЗа с четким указанием должности, ученой степени и ученого звания. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

К рассмотрению принимаются статьи, объем которых не превышает 20 стр. (1 печ. лист или около 40 000 знаков), напечатанные через 1,5 интервала с 14 размером шрифта основного текста, снабженные научным аппаратом и ключевыми словами на русском и английском языках. Материалы должны быть представлены в виде файла в формате Microsoft Word. Содержание электронного носителя должно строго соответствовать его бумажному аналогу. Таблицы, схемы, графики и другие иллюстрации допускаются только при необходимости дополнения системы доказательств автора и поэтому должны быть озаглавлены, пронумерованы и могут быть напечатаны только в черно-белом варианте. К рукописи в обязательном порядке прилагается резюме статьи на русском и английском языках (объем 6-12 строк).

При передаче или пересылке материала автор в обязательном порядке должен указать:

Фамилия Имя Отчество (полностью);

место работы или учебы, (с полным указанием наименования учреждения или ВУЗа), должность, ученую степень или ученое звание (если имеются);

контактную информацию (адрес, телефон, факс, адрес электронной почты)

Рукописи не возвращаются и рецензируются редакцией в установленном порядке. Мнение авторов не обязательно совпадает с точкой зрения редколлегии и редакции. Материалы журнала «Вестник МГИМО-Университета» размещаются на интернет-ресурсах МГИМО (У) МИД России и на сайте журнала www.vestnik.mgimo.ru

Ф.СП-1	АБОНЕМЕНТ на журнал		66009 (индекс издания)										
	Вестник МГИМО-Университета		КОЛИЧЕСТВО КОМПЛЕКТОВ	1									
	На 2013 год по месяцам												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Куда													
		(почтовый индекс)						(адрес)					
Кому		(фамилия, инициалы)											
	ДОСТАВочная КАРТОЧКА		66009 (индекс издания)										
	на журнал												
	ПВ	место	литер										
	Вестник МГИМО-Университета												
Стоимость		подписки		Количество комплектов	1								
переадресовки руб.													
На 2013 год по месяцам													
1		2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Куда													
		(почтовый индекс)						(адрес)					
Кому		(фамилия, инициалы)											

Открыта подписка на второе полугодие 2012 г. Наш подписной индекс в ОАО «Роспечать» - **66099**

© Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России.

Учредитель: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 года.

Адрес редакции: 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14. Тел./факс: 8(495)433-27-74; веб-сайт:

www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: Vestnik@mgimo.ru. ISSN 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

Дизайн - Шанкин К.Г., корректор - Малышева Н.М., верстка - Немченко Ю.А. Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО(У) МИД России. 119218, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 26

Тираж 2000 экз. Объем 36 усл. п. л. Заказ №238